А. М. Бутлеровъ.

СТАТЬИ
по
МЕДІУМИЗМУ

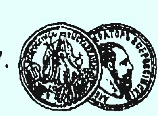
Съ фототипическимъ портретомъ автора
и
Воспоминаньемъ объ А. М. Бутлеровѣ
Н. П. Вагнера.

Издалъ А. Н. Аксаковъ.

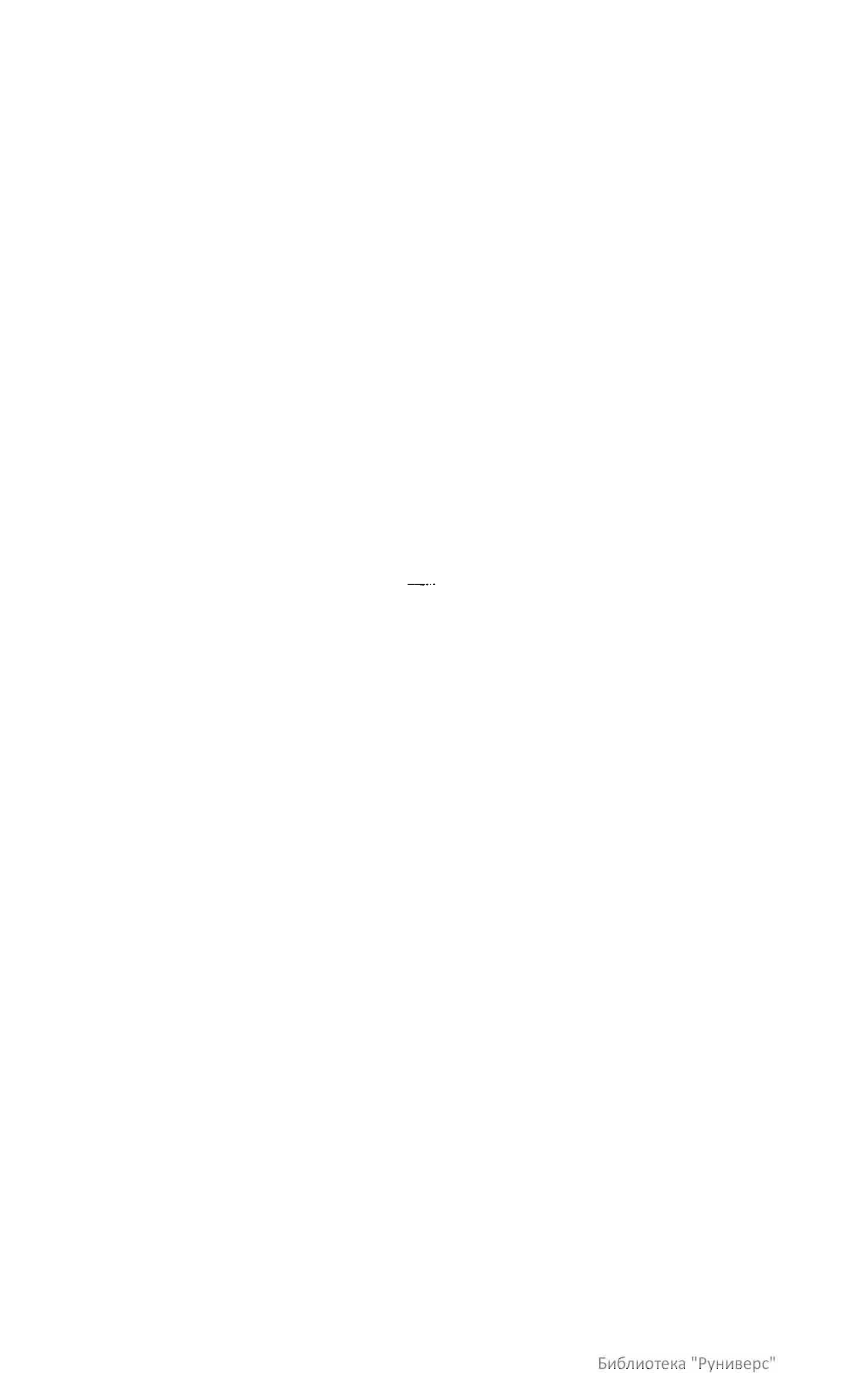
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., 7.
1889.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ. Вас. Остр. Кадетская лин. № 7 2

АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ

БУТЛЕРОВУ,

славному представителю русской науки, смѣлому защитнику реальности медіумическихъ явленій,

дань любви и долга
отъ издателя.

ВОСПОМИНАНЬЕ

об

Александрѣ Михайловичѣ Бутлеровѣ.

I.

Тяжело вспоминать объ умершемъ человѣкѣ, который былъ нашимъ искреннимъ другомъ и съ которымъ судьба связала насъ общей жизнью, продолжавшейся многіе годы. Тяжело вспоминать, если мы разстались съ нимъ на всегда, на вѣки, если эта разлука легла глухой, мертвой преградой между нимъ и нами. Въ этомъ случаѣ мы только растравляемъ незажившую рану и возобновляемъ тотъ ударъ, который судьба нанесла нашему любящему сердцу. Но если съ нашимъ воспоминаніемъ тотчасъ же, какъ бы сама собою, является твердая увѣренность, что страшная разлука минуетъ, что необходимо только терпѣливое ожиданіе и мы снова увидимся, снова обнимемъ другъ друга, тогда воспоминаніе становится легкимъ и даже необходимымъ. Оно спасаетъ отъ забвенія — отъ этого «втораго савана смерти».

Но всякая вѣра есть дѣло субъективное. Она зависитъ отъ настроенія и въ минуту пессимистическаго отчаянія можетъ исчезнуть на время или на всегда. Необходимо что нибудь крѣпкое, реальное, что стояло бы въ нашемъ убѣжденіи, въ нашихъ глазахъ такъ же

твердо, какъ стоитъ матеріальный фактъ или математическая аксіома. И вотъ этотъ реальный фактъ — я имѣю... И странно было бы, если бы я не получилъ его, этого убѣдительнаго доказательства для истинности вѣры моего сердца — не получилъ отъ того человѣка, который меня любилъ, съ которымъ наши неизмѣнныя дружескія отношенія продолжались *болѣе 40 лѣтъ*, отъ человѣка, который уже давно стремился увѣрить людей, что жизнь существуетъ по ту сторону гроба, — вѣчная, никогда неугасающая жизнь человѣческаго духа.

Насъ свела судьба въ нашей юности. Прослушавъ первый курсъ въ естественномъ разрядѣ физико-математическаго факультета Казанскаго Университета, Бутлеровъ отправился весной 1846 г. въ ученую экспедицію, въ киргизскія степи. Ему было тогда 16 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ, мнѣ — только что исполнилось 16 лѣтъ. Экспедиція, подъ начальствомъ отца моего профессора минералогіи и сравнительной анатоміи, состояла изъ приватъ-доцента и лаборанта М. Я. Киттары, изъ нашего товарища, студента 1-го курса Дм П. Пятницкаго, и А. М. Бутлерова. Оба — и Пятницкій и Бутлеровъ были люди состоятельные. Первый вмѣстѣ съ братьями былъ обезпеченъ имѣніемъ, въ 500 душъ (тогда цѣнность имѣній опредѣлялась числомъ душъ) въ Хвалынскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Отецъ же Бутлерова имѣлъ помѣстье въ 100 душъ въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи. Оба — Пятницкій и Бутлеровъ отправились въ путешествіе на собственныя средства.

Доѣхавъ въ концѣ апрѣля до Ставки Хана, въ Букеевской или внутренней киргизской степи, экспедиція раздѣлилась. Отецъ съ Бутлеровымъ и его крѣпост-

нымъ человѣкомъ отправились на востокъ, на Индерскія горы, а Киттары и Пятницкій поѣхали на югъ, на соленыя озера, гору Богдо и берега Каспійскаго моря. Главная цѣль экспедиціи была собираніе растеній и животныхъ. Бутлеровъ въ тѣ годы уже былъ страстнымъ охотникомъ; въ то же время онъ собиралъ насѣкомыхъ, почти исключительно бабочекъ. Что касается до собиранія растеній, то здѣсь его участіе было весьма слабо. Онъ никогда не былъ ботаникомъ, хотя впослѣдствіи сдѣлался страстнымъ цвѣтоводомъ. Онъ былъ всегда нѣсколько близорукъ и въ полѣ, на экскурсіи всегда надѣвалъ очки; но, вѣроятно, эти очки были слабы для него, по крайней мѣрѣ онъ плохо видѣлъ черезъ нихъ вдаль. Вслѣдствіе этого положеніе его во время путешествія, какъ охотника, было довольно комично. Дома онъ ходилъ на охоту съ собакой. Здѣсь же, въ степяхъ онъ принужденъ былъ брать съ собой человѣка, въ качествѣ собаки, который долженъ былъ замѣнять для него глаза и постоянно указывать сидящихъ птицъ или животныхъ.

— Вонъ, вонъ, Александръ Михайлычъ, вонъ за кусточкомъ-то полыни сидитъ. Эвона!

— Гдѣ? Гдѣ?... съ жаромъ охотника накидывается Александръ Михайловичъ.

— Вотъ! Вотъ!... Глядите! Глядите!

— Гдѣ!? Гдѣ!? Гдѣ?

— Вотъ! Вотъ! Вотъ!

Наконецъ птица слетаетъ и Александръ Михайловичъ пускаетъ ей въ догонку пуделя.

Въ концѣ лѣта, въ Гурьевѣ — Бутлеровъ объѣлся очень вкусныхъ, но очень жирныхъ крупныхъ яицъ фламинго (краснаго гуся); къ разстройству желудка присоединилась легкая простуда и болѣзнь разыгралась

брюшнымъ тифомъ. Отецъ съ большимъ трудомъ довезъ больнаго до Симбирска, куда пріѣхалъ вызванный эстафетой отецъ Бутлерова. Сдавъ его съ рукъ на руки, мой отецъ вернулся въ Казань. Здоровье больнаго начало поправляться, опасность миновала, но онъ заразилъ тифомъ своего отца, который не перенесъ болѣзни, и по пріѣздѣ въ деревню вскорѣ скончался. Странно! Александръ Михайловичъ, единственный сынъ отца и матери, былъ причиной смерти обоихъ. Мать его умерла послѣ его родовъ, а отецъ оставилъ его сиротой на 17-мъ году его жизни.

Болѣзнь помѣшала Александру Михайловичу посѣщать лекціи въ началѣ полугодія и онъ рѣшился остаться еще на годъ въ томъ же 1-мъ курсѣ. Такимъ образомъ наша общая студенческая жизнь началась съ этого перваго курса. Онъ, я и Димитрій Пятницкій были трое неразлучныхъ друзей, сидѣвшихъ рядомъ на одной скамейкѣ, до конца курса. И если справедливо, что дружба держится на противуположностяхъ, то именно наша дружба могла оправдать это правило. Бутлеровъ былъ довольно высокаго роста и крѣпко-сложенный, сангвиникъ. Пятницкій былъ еще выше его и также атлетическаго сложенія. Мой ростъ въ первомъ курсѣ студенчества былъ таковъ, что во всѣхъ лавкахъ не могли найти шпаги на столько, короткой, чтобы она не заходила ниже моей щиколки и принуждены были обрѣзать почти на вершокъ самую короткую шпагу, какую только нашли въ гостиномъ дворѣ. Бутлеровъ былъ красивый мужчина, блондинъ, съ голубыми, немного прищуренными глазами, довольно длиннымъ, нѣсколько красноватымъ носомъ, съ выдавшимся подбородкомъ и съ постоянной привѣтливой улыбкой на румяныхъ тонкихъ губахъ. Пятницкій казался ниже его роста —

благодаря непропорціонально большой головѣ, съ небольшимъ, но совершенно прямымъ лбомъ и большими свѣтло-голубыми глазами. У него было круглое, бѣлое, пухлое лицо, ямки на щекахъ, короткій курносый носъ и почти неизмѣнная саркастическая улыбка на полныхъ губахъ. Мой портретъ составлялъ рѣзкій контрастъ съ портретами обоихъ. Въ немъ не было ничего красиваго — это былъ портретъ юноши, почти ребенка, съ довольно большими зелено-сѣрыми глазами, съ непокорными волосами, которые постоянно торчали вихрами то тамъ, то здѣсь—и съ большими выдававшимися, какъ бы оттопыренными губами. Если насъ связывала общая симпатія, то она никакъ не вытекала изъ моей несимпатичной наружности. Я думаю, что главный источникъ этой неизмѣнной симпатіи была искренность, и такъ сказать, дѣтскость, которая была заложена во всѣхъ насъ. Мы легко увлекались каждой новинкой, каждой игрушкой. Бутлеровъ былъ болѣе насъ сдержанъ, а Пятницкій, въ нѣкоторыхъ вещахъ былъ даже скрытенъ, но въ сердцѣ его лежало гораздо болѣе любви, альтрюизма, чѣмъ во мнѣ и въ Бутлеровѣ. Мнѣ кажется, въ немъ было гораздо больше сердечной глубины, чѣмъ въ насъ обоихъ; но жизнь его была совершенно пуста. Ничто серьезное не занимало, не привлекало его. Онъ готовъ былъ постоянно острить, добродушно и искренно смѣяться надъ всѣмъ, не вѣрить ни во что и относиться легко ко всему. Бутлеровъ былъ гораздо серьезнѣе. Въ складѣ его ума уже проглядывало тогда влеченіе къ серьезнымъ занятіямъ. Философіи въ насъ во всѣхъ трехъ не было никакой. Да ее не было и въ университетѣ, хотя и читался и даже былъ изданъ цѣлый курсъ философіи въ 5-ти томахъ архимандрита (!) Гавріила. Насъ удовлетворяло самое

поверхностное теологическое міросозерцаніе, да и оно какъ-то ложилось сверхъ сердца и ума и закутывалось въ церковную обрядность. Насъ болѣе притягивала университеская церковь — полутемная, съ двумя рядами массивныхъ колонъ, подъ мраморъ, отдѣланная просто, изящно и оригинально. Царскія двери были въ громадномъ крестѣ, составленномъ изъ живописныхъ образовъ. Онъ возвышался до самаго потолка или, вѣрнѣе говоря, до свода, въ которомъ было вдѣлано небольшое круглое окно, съ оранжевымъ стекломъ, и на этомъ стеклѣ было нарисовано всевидящее око. Торжественный, покойный полусвѣтъ, обхватывалъ насъ въ этой церкви, всегда, въ праздничные и воскресные дни, и наканунѣ ихъ, наполненной студентами—преимущественно казеннокоштными.

Мы, трое, держались какъ-то особнякомъ отъ нашихъ товарищей, хотя во всѣхъ въ нихъ принимали всегда самое живое, истинно товарищеское участіе. Въ словѣ «студенчество» было тогда что-то соединяющее и священное, что-то обаятельное и обязывающее. Политика не входила въ программу нашей жизни разъединяющимъ элементомъ. Она стояла въ сторонѣ и для студента казалась совершенно излишнею. Мы всѣ были патріоты и безусловные монархисты и никакіе сомнѣнія и вопросы насъ не тревожили. Это отсутствіе идеальныхъ интересовъ отражалось и на интересахъ науки и жизни. Къ наукѣ мы относились совершенно внѣшней, не философской стороной. Насъ занимали лекціи съ ихъ формальной и фактической стороны. Мы всѣ аккуратно и постоянно ихъ записывали и считали грѣхомъ пропустить лекцію, разумѣется, главнаго предмета. Эти записанныя лекціи были почти единственными источниками нашихъ знаній. По нимъ мы готовились къ экзаменамъ;—всегда

вмѣстѣ, всегда втроемъ. Одинъ изъ насъ, преимущественно Бутлеровъ всегда читалъ, двое слушали и затѣмъ разсказывали то, что слышали. Книгъ и руководствъ у насъ почти не было. Въ первомъ курсѣ я началъ было составлять лекціи, даже по спеціальнымъ статьямъ, но вскорѣ убѣдился, что это было невозможно, вслѣдствіе постоянныхъ увлеченій или отвлеченій quasi научныхъ, но чисто формальныхъ. Въ первыхъ двухъ курсахъ мы съ Бутлеровымъ ревностно занимались собираніемъ насѣкомыхъ. Я, будучи гимназистомъ, составилъ уже себѣ небольшую коллекцію, преимущественно жуковъ. Въ первомъ курсѣ эта коллекція была мною опредѣлена, по коллекціи профессора Эверсмана и тогда явился необыкновенный интересъ къ собиранію всего, чего не было въ этой крохотной коллекціи. Все было ново, неизвѣстно; все отыскивалось и собиралось съ жадностью, съ увлеченіемъ. Мы рыскали по всѣмъ окрестностямъ Казани, ѣздили за 5, за 18, даже за 30 верстъ, отыскивая еще невиданныя нами формы. Со втораго курса Бутлеровъ почти вовсе оставилъ жуковъ и занялся исключительно бабочками. Въ теченіи университетскаго курса онъ собралъ довольно большую коллекцію волго-уральскихъ бабочекъ, а въ четвертомъ курсѣ напечаталъ въ ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета статейку, служащую для опредѣленія дневныхъ бабочекъ этой фауны.—Таковы были его отношенія къ зоологіи. Къ ней притягивала его живая природа, а уже никакъ не скучныя университетскія лекціи у сухаго профессора нѣмца, который буквально читалъ ихъ или, правильнѣе, диктовалъ, по систематическому нѣмецкому учебнику 1836 года.

Совсѣмъ другое дѣло было съ химіей. Здѣсь скорѣе привлекъ Бутлерова не предметъ, а профессоръ или два

профессора. И необходимо хотя бѣгло очертить ихъ обоихъ, чтобы понять то вліяніе, которое они оказали на Александра Михайловича.

Карлъ Карловичъ Клаусъ, небольшой, приземистый, коренастый старичекъ, почти 70 лѣтъ, съ добродушнѣйшей, чисто нѣмецкой физіономіей, съ большой лысой головой, длинными, почти совсѣмъ сѣдыми волосами, яркимъ румянцемъ на выдающихся щечкахъ, ясными голубыми глазами, съ постоянной, искренней, улыбкой на полураскрытыхъ губахъ; массивныя золотыя очки держались на самомъ кончикѣ вздернутаго кверху и слегка приплюснутаго носика. Это былъ удивительный оригиналъ и добрѣйшій, симпатичнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ. Въ 70 лѣтъ онъ вполнѣ сохранилъ юношескую свѣжесть и энергію. Онъ весь былъ преданъ химіи и она обязана ему добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ остатковъ отъ обработки русскихъ платиновыхъ рудъ и открытіемъ въ нихъ новаго элемента, новаго металла Рутенія. Каждое утро и цѣлое утро Клаусъ проводилъ въ лабораторіи и возился надъ изслѣдованіемъ свойствъ металловъ, сопровождающихъ платину. При этомъ онъ имѣлъ странную, удивительную привычку—пробовать всѣ растворы металловъ на вкусъ. Мы всегда удивлялись, какъ онъ не сжигаетъ себѣ языка сильными кислотами и не отравляетъ себя. Впрочемъ, языкъ его былъ до нѣкоторой степени застрахованъ. На немъ лежала широкая полоса нюхательнаго табаку, который онъ имѣлъ привычку постоянно и безостановочно нюхать. Очень часто въ его серебряной, сундучкомъ, табакеркѣ табаку не оказывалось, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ инстинктивно запускать въ пустую табакерку пальцы и нюхать ихъ такъ, какъ будто въ нихъ была добрая щепоть табаку. Онъ былъ горячъ, вспыльчивъ и уди-

вительно разсѣянъ. Вслѣдствіе этого съ нимъ случалось очень много наикомичнѣйшихъ анекдотовъ. Онъ иногда являлся въ лабораторію въ туфляхъ; стиралъ съ доски въ аудиторіи мѣлъ носовымъ платкомъ, а на мѣсто его засовывалъ въ карманъ лабораторное полотенце. Въ каждое дѣло онъ вносилъ кипучую юношескую страстность и самое горячее чувство. Онъ любилъ играть въ шахматы съ своимъ пріятелемъ методичнымъ и флегматичнымъ нѣмцемъ аптекаремъ Гельманомъ. Получивъ матъ, онъ выходилъ изъ себя, разбрасывалъ шахматы по полу и убѣгалъ вонъ. Гельманъ не собиралъ шахматъ и хладнокровно говорилъ всѣмъ, кого интересовалъ этотъ шахматный безпорядокъ — что это «разбросалъ Клаусъ и что онъ придетъ и соберетъ шахматы». И дѣйствительно, проходило нѣсколько дней, приходилъ Клаусъ, поднималъ, устанавливалъ шахматы и партія снова начиналась, до новой вспышки. Карлъ Карлычъ любилъ также играть въ карты и партнеры его, зная его кипучую страстность, въ шутку, одинъ разъ, зимой, подтасовали и сдали карты такъ, что онъ долженъ былъ проиграть большую и вѣрнѣйшую игру. Клаусъ проигралъ, вскочилъ, схватилъ себя за волосы и, подбѣжавъ къ стѣнѣ, ни слова не говоря, началъ колотить себя головой въ стѣну. Всѣ, разумѣется, бросились, начали удерживать его, останавливать, говорить, что эта была шутка. «Нѣтъ! Нѣтъ! кричалъ Карлъ Карлычъ... Это позоръ! Я не хочу жить!» Насилу удалось вразумить его. Онъ выскочилъ въ переднюю, въ сѣни, безъ шубы и шапки, бросился по высокой и крутой лѣстницѣ на улицу, оступился, скатился и былъ поднятъ за-мертво.

Такую же страстность онъ вносилъ и въ науку, и въ особенности въ ботанику, которой отдавалъ все свобод-

ное время, остававшееся ему отъ химическихъ изслѣдованій и лекцій. Плодомъ этихъ страстныхъ занятій былъ довольно большой томъ волго-уральской флоры, напечатанный въ ученыхъ Запискахъ университета и вышедшій затѣмъ отдѣльной книгой. Всѣ эти научныя занятія не затрогивали общихъ научныхъ вопросовъ, не шли въ глубину и касались только одной внѣшности. И это самое отразилось и на первыхъ шагахъ въ химіи, на первыхъ занятіяхъ ею Бутлерова. Это были страстныя занятія новичка, диллетанта; это было начало, подготовка къ научной дѣятельности.

Нѣсколько другое и можетъ быть болѣе сильное вліяніе было другаго профессора Николая Николаевича Зинина. Если мы, студенты, любили и уважали Карла Карлыча за его симпатичную юношескую энергію, за простоту и, такъ сказать, любовность его отношеній къ молодежи, то-же самое, но еще въ большей степени должно сказать о Зининѣ. Между молодежью это былъ старый веселый товарищъ, и въ его лабораторію постоянно стекалось студенчество слушать его разсказы и развиваться. Онъ обращался съ студентами какъ товарищъ, за панибрата. Онъ выбранитъ, иногда даже приколотитъ виноватаго, но никогда никому не откажетъ въ посильной помощи и защитѣ. Одинъ разъ одинъ изъ моихъ товарищей, бывшій затѣмъ профессоромъ въ Казанскомъ и Харьковскомъ университетѣ и усердно занимавшійся химіей въ лабораторіи Зинина, обидѣлся на его слишкомъ нецеремонное обращеніе и надулся. Когда замѣтилъ это Зининъ, то разсказалъ всѣмъ намъ нѣчто изъ лабораторныхъ его занятій у Либиха. «У насъ былъ, говорилъ онъ, лаборантъ. Если кто-нибудь изъ насъ разобьетъ что-нибудь или сдѣлаетъ грубую ошибку—то онъ отвернется и нѣсколько дней, иногда цѣлую не-

дѣлю, не говорить съ нимъ. Хотите я буду обращаться такъ съ вами?.. Другъ!—вскричалъ онъ, обращаясь къ обиженному. Да ты отколоти меня просто по шеѣ и будемъ квиты... Только если сладишь!.. Вѣдь я буду барахтаться... Живой не дамся, нѣтъ-съ». И при этомъ онъ жметъ и тискаетъ руку кого-нибудь изъ стоящихъ ближе и тотъ невольно чувствуетъ, что рука Николая Николаевича желѣзная и сила его медвѣжья.

Страстный поклонникъ и почитатель Либиха—Зининъ защищалъ и проповѣдывалъ его теорію «сложныхъ радикаловъ», въ то время когда Гергардъ и Лоранъ въ Парижѣ выставили теорію «замѣщеній», сдѣлавшуюся вскорѣ, хотя не надолго, господствующею въ химіи. Зининъ любилъ и уважалъ науку и эта любовь и уваженіе невольно передавались и его ученикамъ, которые, разумѣется, хотѣли работать. Но кромѣ науки мы были ему обязаны знакомствомъ съ нѣмецкой литературой. Онъ первый открылъ намъ въ восторженныхъ цитатахъ и декламаціяхъ прелести Фауста Гёте и Разбойниковъ Шиллера.

Во время студенчества Бутлеровъ жилъ сначала съ двумя своими тетками, старыми дѣвицами Стрѣлковыми, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ воспитаніемъ и которыя замѣняли ему мать. Вскорѣ онѣ уѣхали въ деревню, а онъ перешелъ жить къ своему родственнику по отцѣ — Н. А. Галкину, къ которому онъ сохранилъ до конца своей жизни глубокое уваженіе и искреннюю привязанность.

Пятницкій, съ третьяго курса, жилъ въ университетѣ, въ квартирѣ помощника инспектора Ивана Ивановича Иванова. Странное совпаденіе трехъ Ивановъ въ имени, отчествѣ и фамиліи этого господина сильно удивило нашего добродушнаго Карла Карлыча Клауса, и когда

сказали ему о такомъ помощникѣ инспектора, то онъ не вѣрилъ и думалъ, что это шутка. «Отинъ Иванъ, говорилъ онъ, должно, два Иванъ мошно, три — никакъ невосмошно»!—Этотъ тройной Иванъ былъ небольшой худощавый человѣчекъ, очень бойкій хохотунъ, весьма живаго и веселаго характера. Въ его квартирѣ мы проводили все свободное время въ университетѣ. Помню, въ одной изъ комнатъ со сводами,—какъ всѣ комнаты нижняго этажа университета,—висѣлъ самодѣльный громадный красный, шаровидный фонарь, работы Пятницкаго.

Иванъ Ивановичъ объяснялъ его присутствіе такой причиной. «Если здѣсь пьютъ красное вино, то съ улицы нельзя этого замѣтить, а если въ стаканъ при этомъ попадетъ собака, то ее даже пьяный замѣтитъ и не проглотитъ!»—Вѣроятно, чтобы оправдать это остроумное объясненіе, красное вино довольно часто являлось, въ образѣ глинтъ-вейна, передъ этимъ фонаремъ, за вечернимъ чайнымъ столомъ. Но одинъ разъ, не помню по какому случаю, этотъ глинтъ-вейнъ явился утромъ, во время лекцій. Зайдя съ Бутлеровымъ, мы встрѣтили обычную компанію, т. е. Ивана Иваныча, Пятницкаго и помощника инспектора Львова. Глинтъ-вейнъ былъ роспитъ, наговорившись и насмѣявшись до-сыта, мы отправились на лекцію къ Клаусу.

Зайдя въ аудиторію, подъ веселымъ вліяніемъ паровъ глинтъ-вейна, мы расположились на одной изъ верхнихъ скамеекъ. Бутлеровъ сѣлъ подлѣ перегородки, отдѣлявшей амфитеатръ скамеекъ отъ остальной аудиторіи. Я помѣстился подлѣ него, такъ что перегородка скрывала отъ меня дверь, черезъ которую долженъ былъ Клаусъ войти въ аудиторію. Бутлеровъ беретъ носовые платки у меня, у сосѣдей, наконецъ свой собственный и изъ каждаго быстро свертываетъ мячикъ; затѣмъ на-

чинаетъ их бросать колесомъ, очень ловко подхватывая на лету и передавая бойко изъ одной руки въ другую; а я начинаю пѣть очень веселый мотивъ какого-то нехитраго галопа. Вдругъ, чувствую, что что-то произошло, что все притихло. Бутлеровъ быстро и ловко спряталъ мячики и сѣлъ на лавку, а я, по закону инерціи и подъ вліяніемъ паровъ глинтъ-вейна, продолжаю съ увлеченіемъ во все горло свое веселое тра-ла-ла! Тра-ла-ла! На меня зашикали товарищи. Я оглянулся: Клаусъ стоитъ передъ столомъ профессора, поднявъ кверху свой носикъ и очки.

— Это фи, Вагнеръ, поете?

— Точно такъ-съ, Карлъ Карлычъ.

— Фи очень прекрасно поете, но еще лючше, когда замолчите.

Послѣ лекціи, хотя я просилъ у него извиненія, но добродушный нѣмецъ былъ сильно скандализованъ моей музыкальной выходкой и никакъ не могъ понять, что она невмѣняема.

Бутлеровъ изъ всѣхъ насъ трехъ отличался необыкновенной способностью къ акробатическимъ кунтштюкамъ и обладалъ довольно большой ловкостью въ рукахъ, хотя вообще былъ тяжелъ, неуклюжъ и неловокъ. Въ то время въ Казань пріѣзжалъ извѣстный гимнастъ и замѣчательный силачъ Рапо. Мы видѣли блестящіе образчики его жонглерства и Бутлеровъ сейчасъ же ихъ скопировалъ.

Подъ вліяніемъ Зинина, отличавшагося необыкновенной силой, и Бутлеровъ, и Пятницкій чувствовали уваженіе къ этой простой физической силѣ и увлекались ею, какъ и многимъ въ тѣ свѣтлые годы увлеченій. Когда Рапо былъ въ Казани, то одинъ разъ Зининъ соблазнилъ всю лабораторію идти въ театръ, вмѣстѣ

съ нимъ, разумѣется, въ раекъ. Мы всѣ отправились, но Зининъ не явился. Бутлеровъ посѣщалъ чуть не каждое представленіе Рапо. Силой и ловкостью этого акробата, и въ особенности его сына, занималось тогда все казанское аристократическое общество. Притомъ то время—было время вообще грубой физической силы. Бутлеровъ и Пятницкій сдѣлали себѣ чугунные, пудовые шары, жонглерскіе металлическіе мячики, палочки и даже Пятницкій устроилъ въ квартирѣ Иванова столбы, кольца и лѣстницы для гимнастики, на которыхъ съ удовольствіемъ упражнялись всѣ приходившіе къ нимъ въ гости. Пятницкій могъ поднимать 10 пудовъ на одномъ мизинцѣ правой руки. Верхъ его искусства было поднятіе съ полу двухъ дюжинъ легкихъ плетеныхъ стульевъ, за двѣ ножки, одной правой рукой. Каждый разъ, какъ пріѣзжалъ ко мнѣ Бутлеровъ, онъ оставлялъ у меня, въ видѣ визитной карточки, свой иниціалъ, букву Б., согнутую изъ кочерги. Одинъ разъ мы пошли съ нимъ въ университетъ, въ инспекторскую канцелярію, которая была въ полутемномъ корридорѣ нижняго этажа. Въ корридоръ вели большія двери и одна половинка ихъ зацѣплялась на толстый, массивный крюкъ, вдѣланный въ стѣну. Въ то время, которое я пробылъ въ канцеляріи, въ какихъ-нибудь четверть часа, Бутлеровъ успѣлъ разогнуть этотъ толстый крюкъ.

Дѣтская рѣзвость, увлеченье шалостями, остроумными шутками — вотъ черты, которыя сопровождали и отличали нашу студенческую юность. Въ душѣ было свѣтло и ясно и ничего, кромѣ смѣшнаго или радостнаго, не представлялось намъ въ жизни. Горе и бѣда скользили по нашимъ сердцамъ и не могли возмутить ихъ тихій миръ. Въ особенности это дѣтски шаловливое время нападало на насъ весной, передъ нашей лѣтней разлукой.

Весной Казань принимала очень красивый видъ. Воды Волги сливаются въ это время съ водами рѣчки Казанки, на которой стоитъ городъ. На высокомъ увалѣ высится городская крѣпость, съ оригинальной, высокой башней царицы Сумбеки внутри. Со стѣнъ крѣпости и съ бульвара вокругъ этихъ стѣнъ открывается величественный и прелестный видъ на разлившіяся вешнія воды. Въ эти весенніе вечера мы почти каждый вечеръ неизмѣнно и аккуратно выходили гулять. И когда смеркалось, то мы возвращались домой по главной, Воскресенской, улицѣ. Я садился на плечи къ брату Пятницкаго — Николаю, который былъ высокаго роста, и накрывался его шинелью. Отъ этой комбинаціи выходила фигура колоссальнаго, фантастическаго роста. Мы всѣ шли поодаль и наблюдали эффектъ ея впечатлѣнія на прохожихъ. Всѣ съ ужасомъ сворачивали съ тротуара и долго, съ изумленіемъ, смотрѣли на нее, а нѣкоторые при этомъ даже крестились.

По окончаніи экзаменовъ каждую весну мы въ тихій ясный вечеръ отправлялись въ лодкѣ на тотъ берегъ Казанки пускать фейерверкъ. Бутлеровъ былъ очень искусный пиротехникъ и все время свободныхъ часовъ отъ приготовленія къ экзаменамъ, и даже нѣсколько дней послѣ ихъ окончанія, посвящалось нами приготовленію фейерверка. Заготовивъ ракеты простыя или съ Швармерами и съ шлагомъ, со звѣздочками и парашютами, приготовивъ нѣсколько колесъ, фонтановъ, дукеровъ и жаворонковъ, мы отправлялись веселой гурьбой, садились въ лодки и плыли на «онъ полъ». Тамъ устанавливали фейерверкъ, сожигали его при крикахъ «браво» и апплодисментахъ и поздно, тихой, ясной ночью, возвращались домой. Яркая заря горѣла на всемъ небѣ. Ярко свѣтились немногія звѣздочки и тонкій серпъ мо-

лодаго мѣсяца, а по тихимъ спящимъ водамъ далеко неслась наша дружная, согласная студенческая пѣсня:

О! родина прямыхъ студентовъ
Гётингенъ, Вильна и Оксфортъ!..

Такъ незамѣтно весело и баззаботно промелькнули наши студенческіе годы!...

По выходѣ изъ университета мы разошлись и видались довольно рѣдко и на короткое время. Такія отношенія продолжались три или четыре года. Причина этого временнаго охлажденія, кажется, скрывалась въ разнородности той среды, въ которой поставила насъ жизнь. Я, по профессіи моего отца, принадлежалъ къ университетской семьѣ. Бутлеровъ былъ помѣщикъ и, какъ всѣ достаточные помѣщики Казанской губерніи, смотрѣлъ, по традиціи и безсознательно, нѣсколько свысока на ученую дѣятельность, хотя въ то же время вполнѣ уважалъ ее. Впрочемъ, въ этомъ онъ никогда не хотѣлъ сознаться даже самому себѣ и весьма энергично стремился къ ученымъ степенямъ и къ профессурѣ. Тетки его, переѣхавъ снова въ городъ, наняли квартиру въ одномъ каменномъ домѣ, владѣтельницей котораго была помѣщица изъ древняго дворянскаго рода Аксаковыхъ, сестра знаменитаго нашего писателя Сергѣя Тимофеевича, родная тетка Константина и Ивана Аксаковыхъ. Одна изъ дочерей хозяйки дома, Надежда Михайловна, вскорѣ сдѣлалась невѣстой Александра Михайловича. Онъ женился двадцати трехъ лѣтъ въ 1851 году, и передъ свадьбой выдержалъ экзаменъ на магистра химіи и защитилъ диссертацію, которая не была напечатана. Въ тѣ времена это было возможно.

XVII

Въ 1853 г. я и Александръ Михайловичъ отправились въ Москву держать экзаменъ на степень доктора. Это было зимой, передъ Рождествомъ; къ намъ присоединился шуринъ Бутлерова, который ѣхалъ въ Москву повидаться съ родными. Причина, заставившая Бутлерова искать докторства въ Москвѣ, были перемѣщенія, которыя случились тогда въ Казанскомъ университетѣ. Клаусъ перешелъ въ Дерптскій университетъ, Зининъ въ медико-хирургическую академію и такимъ образомъ химія въ Казанскомъ университетѣ отсутствовала. Диссертацію Бутлерова факультетъ передалъ молодому профессору физики, который былъ докторъ вмѣстѣ и физики и химіи (тогда эта степень была еще нераздѣльна). Молодой докторъ былъ излишне строгъ къ диссертаціи Бутлерова и напалъ на нѣкоторые его теоретическіе взгляды, которые въ то время выходили уже изъ моды; такъ что Александръ Михайловичъ, не желая ее передѣлывать, рѣшился представить ее въ другой университетъ и въ немъ держать экзаменъ. Пріѣхавъ въ Москву, мы нѣсколько дней не могли найти себѣ пріюта по средствамъ. Ѣздили, рыскали по разнымъ гостинницамъ и, наконецъ, остановились въ гостинницѣ Шевалье, въ Газетномъ переулкѣ. Номеръ, который мы выбрали, былъ помѣстителенъ и за него назначили цѣну 3 рубля. Мы нашли это недорого, — по рублю въ сутки на человѣка. Но когда мы переѣхали, то хозяинъ набавилъ еще 50 к. въ сутки, какъ онъ выражался, «pour un matelas»; когда же за порцію котлеты съ насъ взяли 75 коп. и еще набавили по 50 к. за самоваръ, то мы опрометью бросились вонъ изъ этой обиральной гостинницы и пріютились въ плохенькихъ №№ у Пѣгова, на углу Цвѣтнаго бульвара и Самотёка. Тамъ мы занимали двѣ довольно просторныхъ комнаты, съ маленькой пе-

2

редней и одной большой двухспальной кроватью, на которой мы спали вдвоемъ съ Бутлеровымъ, что было не совсѣмъ удобно.

Устроивъ наше житье бытье, мы, надѣвъ мундирные фраки, отправились представляться ректору Альфонскому. Это былъ человѣкъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, величественный. Я думаю, что онъ даже и спать ложился въ бѣломъ галстукѣ и бѣломъ жилетѣ; а звѣзды вѣроятно никогда не сходили съ его вицмундирнаго фрака. Притомъ онъ и двигался величественно, не кланялся, а съ важностью кивалъ головой, которая вообще отличалась феноменальной неподвижностью. Въ Казани мы привыкли къ нашему такъ-же довольно величавому ректору Симонову, но ему было далеко до московскаго ректора. Принялъ онъ насъ милостиво, хотя не предложилъ сѣсть, благосклонно выслушалъ зачѣмъ мы пріѣхали, и, кивнувъ головой, кончилъ аудіенцію.

Черезъ нѣсколько дней въ первое воскресенье Бутлеровъ повезъ ему, на домъ, диссертацію и прошеніе о допущеніи его къ экзамену. Онъ принялъ его и жестоко распекъ. «Это вы должны подать мнѣ въ правленіи-съ, а не на дому, и вообще къ начальству не прилично являться по дѣламъ, съ прошеніями, въ праздничные и воскресные дни. Какъ это вы были въ университетѣ, а такихъ азбучныхъ вещей не знаете»? Бутлеровъ пріѣхалъ отъ него вполнѣ растерянный и сконфуженный. Въ первый же пріемный день онъ отправился въ правленіе и подалъ Альфонскому диссертацію и прошеніе.

Въ Москвѣ Бутлеровъ прожилъ до начала марта 1854 г. и большую часть времени проводилъ въ игрѣ на билліардѣ, въ театрѣ или у родственниковъ своей жены. Къ билліарду онъ получилъ пристрастіе еще въ Казани и въ особенности въ деревнѣ у своей тещи. Его шуринъ былъ также

страстный игрокъ и оба они съ замѣчательнымъ соревнованіемъ и усердіемъ проигрывали иногда цѣлые вечера въ трактирѣ Пѣгова, на весьма плохенькомъ билліардѣ. Обѣдали мы почти постоянно въ Ново-Троицкомъ трактирѣ, на Варваркѣ, который славился тогда своими гомерическими порціями. Вечера Александръ Михайловичъ проводилъ большею частью въ семьѣ своего дяди Аркадія Тимоф. Аксакова. Семейство другаго дяди—Сергѣя Тимоф. —жило постоянно въ подмосковной деревнѣ, въ сельцѣ Абрамцевѣ, не далеко отъ Хотькова монастыря. Въ эту деревню мы втроемъ ѣздили на Святкахъ и тамъ въ первый разъ я познакомился съ добродушнымъ, патріархальнымъ и гостепріимнымъ семействомъ Сергѣя Тимоф. Аксакова и между прочимъ съ Константиномъ Аксаковымъ, который раза два заѣзжалъ къ намъ въ Москвѣ. Въ театръ насъ съ Бутлеровымъ привлекала Рашель, отъ которой сходили съ ума всѣ московскія барыни — Бутлеровъ также восторгался ей не мало..

Докторскій экзаменъ Александръ Михайловичъ выдержалъ блистательно и, защитивъ диссертацію, отправился въ Казань вмѣстѣ съ шуриномъ, а я остался въ Москвѣ и прожилъ тамъ до лѣта.

Въ теченіи зимъ 1854, 55 и 56 годовъ, я сдѣлался близкимъ человѣкомъ почти для всѣхъ членовъ семьи Александра Михайловича и въ особенности крѣпко полюбилъ его тещу — женщину съ прямымъ, открытымъ характеромъ и глубоко любящимъ, горячимъ сердцемъ. Она была моимъ искреннимъ, добрымъ другомъ. Цѣлые вечера я проводилъ въ этой семьѣ за чтеніемъ выдающихся произведеній текущей литературы. Почти все лѣто 1856 г. я прожилъ въ деревнѣ Александра Михайловича—Бутлеровкѣ, а подъ конецъ лѣта мы отпра-

*

вились вмѣстѣ съ нимъ и его женой въ Оренбургскую губернію въ деревню Яковлевку, принадлежащую его тещѣ.

Бутлеровка лежитъ вблизи Камы, въ самомъ благодатномъ черноземномъ углѣ Казанской губерніи. Въ деревенскомъ, небольшомъ, съ мезониномъ, деревянномъ домѣ Александра Михайловича тогда все еще было полно старинной жизнью Александровскаго времени. Отецъ Бутлерова — Михаилъ Васильевичъ — служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ походѣ 1814 года. Мебель въ домѣ была изъ корельской березы, а зеркала въ гостинной изъ краснаго дерева à l'empire, и на одномъ изъ подзеркальниковъ стояли бронзовые часы классическаго стиля. Передъ каминомъ былъ экранъ тоже изъ корельской березы съ вышитой гарусомъ картиной, изображавшей какого-то восточнаго всадника на бѣшеномъ конѣ. Въ небольшомъ кабинетѣ, съ балкономъ, мебель также была въ томъ же, простомъ, классическомъ стилѣ; было довольно много вещей точеныхъ отцомъ Бутлерова, и несессерчиковъ, пресъ-папье и картинокъ, вышитыхъ гарусомъ и бисеромъ матерью Бутлерова. Въ спальнѣ стоялъ довольно большой шкафъ съ книгами, преимущественно русскими. Тутъ было «Живописное Обозрѣніе» Плюшара, энциклопедическій лексиконъ, было два тома «Ста Русскихъ Литераторовъ» и разные сборники, сельскохозяйственные журналы и руководства. Все въ этомъ домѣ свидѣтельствовало о тихой, семейной деревенской жизни русскаго джентри.

Въ сторонѣ отъ дома, слѣва, былъ небольшой флигелекъ, въ которомъ помѣстили меня, а позади дома разстилался большой дворъ, обведенный службами и амбарами. За деревянной рѣшеткой выглядывалъ тѣнистый садъ, въ которомъ одна часть, ближайшая къ

дому, была очень живописна. Почти прямо отъ воротъ шла довольно большая аллея изъ старыхъ искусственно-искривленныхъ вѣтвистыхъ сосенъ. Эта вся часть кончалась высокимъ и крутымъ глинистымъ спускомъ или обрывомъ, возвышавшимся надъ прудомъ и небольшой рѣчкой, на противоположномъ берегу которой росъ тогда молодой смѣшанный лѣсокъ. Вся часть сада ближайшая къ входу, впослѣдствіи, была занята пчельникомъ.

Въ саду и въ окрестныхъ поляхъ водилось много тарантуловъ и я съ любовью занимался ихъ анатоміей и наблюденіями надъ ихъ жизнью и нравами. Александръ Михайловичъ, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, помогалъ мнѣ въ этомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ меня занимало строеніе и жизнь пчелъ. Я тогда задумалъ обширный трудъ по ихъ анатоміи и по моей просьбѣ Бутлеровъ устроилъ для меня, въ залѣ своего деревенскаго дома, стеклянный улей, по модели, предложенной казанскимъ пчеловодомъ Клыковскимъ, и описанной мною въ Запискахъ Казанскаго Экономическаго Общества. Наблюденіе надъ жизнью пчелъ такъ сильно заинтересовало Бутлерова, что на слѣдующій годъ онъ завелъ нѣсколько ульевъ и съ этихъ поръ началъ постоянно уже заниматься раціональнымъ пчеловодствомъ. Въ виду той значительной и несомнѣнной пользы, которую принесъ Александръ Михайловичъ русскому пчеловодству, я имѣю право гордиться тѣмъ, что я первый привлекъ его къ занятію этимъ предметомъ. Но другъ мой не остался въ этомъ случаѣ у меня въ долгу, и если я что-нибудь сдѣлалъ для русской литературы, то первый толчекъ на этомъ поприщѣ и, такъ сказать, санкція была дана мнѣ Бутлеровымъ.

Разъ какъ-то зимой 1854 года, вечеромъ, онъ заѣхалъ ко мнѣ и спросилъ: «Что я дѣлаю?»

— А вотъ на-дняхъ набросалъ нѣчто, маленькій кусочекъ. Хочешь прочту?

— Сдѣлай милость.

И я прочелъ ему набросанную картинку ночной жизни природы [1]).

Бутлеровъ слушалъ, закрывъ глаза руками и поджавъ подъ себя ноги, и когда я кончилъ, онъ быстро взглянулъ на меня.

— Что жъ дальше?

— Ничего! Только.

— Эхъ, Николай! Надо бы тебѣ прочесть притчу о талантахъ... Какъ это все у тебя даромъ пропадаетъ!...

[1]) Картинка эта составила вступленіе къ моей научно-популярной статьѣ «Летучая мышь», помѣщенной въ «Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ» 1856 года № 14. Я выписываю ее здѣсь, какъ матеріалъ для сужденія о вѣрности литературной оцѣнк которую сдѣлалъ ей Бутлеровъ:

«Днемъ природа дѣйствуетъ рѣзко, осязательно для глаза и слуха. Съ восточной зарей пробуждается ея неугомонная дѣятельность и цѣлый день слышится она, выраженная множествомъ звуковъ, пѣсенъ и криковъ животнаго міра. Но близится къ западу солнце и глохнутъ звуки, замирая постепенно съ послѣднимъ мерцаніемъ сгорѣвшей зари. Замолкло пѣвучее племя. Разсѣлось по вѣткамъ, запряталось въ чащу, листву кустарную и спитъ, завернувъ подъ крыло, утомленную голову. Только немногіе крики и пѣсни, потерянные днемъ въ общемъ нестройномъ хорѣ, выступаютъ теперь ярко среди общаго затишья. Громче слышится теперь бой перепеловъ, жадно бѣгущихъ, летящихъ на отклики самокъ, громче кричитъ дергачъ на раздольѣ и далеко несется его рѣзкій, трескучій крикъ по поемной луговинѣ. Въ темныхъ рощахъ, въ частыхъ кустахъ раздались трели соловьевъ и въ перебой, въ переливъ льются ихъ пѣсни, несутся на встрѣчу проснувшейся ночи, а съ ночью проснулась и новая жизнь. Не дремлетъ природа, но не криками сказывается теперь ея дѣятельность. Безмолвно, тайно творитъ она свое дѣло!»....

Этотъ отрывокъ былъ затѣмъ помѣщенъ въ хрестоматіи г. Перевельскаго.

И это сужденіе заставило меня крѣпко задуматься и серьезно приняться за научную популяризацію, а черезъ два года я началъ писать первый мой литературный разсказъ, который впрочемъ до сихъ поръ остался неоконченнымъ и ненапечатаннымъ.

Въ 1858 году мы опять разлучились съ Бутлеровымъ, почти на два года, но не переставали перебрасываться письмами. Въ этомъ году я уѣхалъ въ Москву, а Бутлеровъ собирался ѣхать за-границу. Я помню, написалъ ему горячее предостереженіе отъ увлеченія матеріалистическими взглядами, которые онъ, навѣрное, встрѣтитъ въ кругу западныхъ химиковъ. Въ тѣ счастливые годы я былъ вполнѣ славянофиломъ. Замѣчательно то, что я разстался вскорѣ съ этими убѣжденіями и перешелъ къ деизму, пантеизму и почти чистому матеріализму, отъ котораго отрезвили меня медіумическіе факты; а Бутлеровъ остался вѣренъ своимъ студенческимъ убѣжденіямъ. Разгадку этого неподвижнаго постоянства, мнѣ кажется, можно найти въ томъ, что Алекс. Михайл. очень рано встрѣтился съ фактами магнетизма, съ теоріей Месмера и даже съ фактами медіумизма. Это было въ семьѣ его родныхъ и въ семьѣ Аксаковыхъ (см. ниже, стр. 17), откуда вышло и его славянофильское воззрѣніе. Эти факты какъ разъ подоспѣли къ той умственно-метафизической работѣ, которая, рано или поздно, такъ или иначе, проходитъ въ головѣ каждаго думающаго человѣка. Къ этимъ фактамъ присоединились и другія вліянія, на которыя я укажу въ своемъ мѣстѣ.

Въ 1855 г. Александръ Михайловичъ былъ избранъ адъюнктомъ на каѳедру органической химіи, а въ 1856 году былъ избранъ уже профессоромъ по этой каѳедрѣ. Если не ошибаюсь, то въ слѣдующемъ году онъ уже

былъ ординарнымъ профессоромъ. Когда мы кончали курсъ, онъ говорилъ мнѣ:

— Тебѣ хорошо! Нашъ старикъ Эверсманъ вѣроятно скоро уже выйдетъ въ отставку и ты займешь его каѳедру, а я вотъ не знаю, когда попаду на прямую дорожку.

Но судьба судила совершенно иначе. Онъ достигъ уже чего искалъ, а я еще долго былъ принужденъ блуждать окольными дорогами.

Въ 1858 г. я оставилъ университетъ, переселился въ Москву и на слѣдующій годъ отправился заграницу. Въ началѣ 1860 г. я женился въ Москвѣ и былъ снова избранъ, въ Казанскомъ университетѣ, адъюнктомъ по каѳедрѣ зоологіи. Это былъ годъ либеральной лихорадки. Въ Казанскомъ университетѣ тогда былъ опредѣленъ попечителемъ П. А. Вяземскій — человѣкъ съ весьма либеральными тенденціями. Я засталъ его въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Бутлеровымъ и въ концѣ января былъ крайне озадаченъ, услыхавъ, что Александръ Михайловичъ сдѣланъ ректоромъ. Тогда ректоръ былъ коронньмъ. На это мѣсто, послѣ величаваго Симонова, былъ назначенъ извѣстный нашъ оріенталистъ О. М. Ковалевскій. При рѣзкой перемѣнѣ направленія, ему пришлось лавировать между старыми порядками и новымъ теченіемъ. Университетская молодежь, недовольная многими изъ старыхъ профессоровъ, открыто возставала противъ нихъ; произошелъ цѣлый рядъ протестовъ болѣе или менѣе скандальнаго характера и ректоръ, наконецъ, принужденъ былъ выйти въ отставку. Но мы, адъюнкты и профессора университета, и въ особенности я, никакъ не могли думать, чтобы на мѣсто ректора былъ назначенъ Бутлеровъ. Ему тогда было 32 года и на службѣ онъ былъ только семь лѣтъ. Впрочемъ, это назначеніе и для него,

кажется, было сюрпризомъ. Онъ весьма смутно догадывался, по нѣкоторымъ соображеніямъ, что онъ представленъ, но никакъ не думалъ, чтобы его утвердили

Когда я узналъ о его назначеніи, то первое чувство было необыкновенно тяжелое. Я думалъ, что я потерялъ въ немъ единственнаго и никогда неизмѣнявшаго мнѣ друга и товарища. На другой же день мнѣ пришлось въ этомъ вполнѣ разубѣдиться. Онъ былъ для меня прежній, дорогой мой «Сашечка», съ которымъ насъ сдружила не одна школьная скамья, не одно время, привычка, но истинное, глубокое сердечное чувство. Во все время его ректорскихъ отношеній ко мнѣ, какъ къ профессору, я постоянно имѣлъ въ немъ старшаго товарища, который былъ благоразумнѣе и практичнѣе меня, не на одинъ годъ (собственно говоря на 11 мѣсяцевъ), но по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ. Одинъ разъ, не помню по какому дѣлу въ совѣтѣ, былъ посланъ летучій протоколъ, на которомъ подписалось уже нѣсколько членовъ, но мнѣ показалось, что дѣло въ этомъ протоколѣ было изложено не совсѣмъ вѣрно и безпристрастно. Когда протоколъ принесли ко мнѣ для подписи, я, прочитавъ его, по обыкновенію, вспылилъ и написалъ на немъ, почему я не подписываю протокола. Черезъ часъ мнѣ принесъ секретарь совѣта другой экземпляръ того же самаго протокола и при немъ прежній экземпляръ, на которомъ рукою Бутлерова было написано: «Посылаю тебѣ, Колечка, въ вѣчное владѣніе испорченный тобою протоколъ и въ другой разъ никогда не протестуй на протоколѣ, а подавай отдѣльное мнѣніе». Секретарь объяснилъ мнѣ ходъ дѣла въ совѣтѣ и доказалъ, что оно произошло именно такъ, какъ написано въ протоколѣ. Мнѣ ничего не оставалось, какъ сознаться въ моей опрометчивости.

Въ этотъ годъ Бутлеровъ благополучно проректорствовалъ до окончанія учебнаго года. Я раньше его окончилъ служебныя занятія и по приглашенію его отправился снова въ Бутлеровку, но на этотъ разъ не одинъ, а вмѣстѣ съ молодой женой. Жена Бутлерова въ этотъ годъ была, съ своей матерью, за границей, на водахъ, а мы, втроемъ съ Александромъ Михайловичемъ, прожили все лѣто въ его деревнѣ и это лѣто останется навсегда самымъ дорогимъ и свѣтлымъ воспоминаніемъ во всей моей жизни. Оно промелькнуло, какъ одинъ, ясный день. Бутлеровъ возился съ пчелами, оранжереей и ружейной охотой. Изрѣдка мы вмѣстѣ читали что-нибудь выдававшееся изъ текущей журнальной литературы—а иногда вмѣстѣ удили изъ его пруда полуторафунтовыхъ окуней или ходили ловить перепеловъ большой сѣтью, на перепелиную дудочку.

По возвращеніи Александра Михайловича въ университетъ, ректорство его встрѣтило оппозицію со стороны студенчества. Если не измѣняетъ мнѣ память, то первымъ поводомъ къ начавшемуся разладу была вступительная лекція химіи одного приватъ-доцента, нѣмца, бывшаго лаборанта и добраго знакомаго Александра Михайловича. Лекція была весьма неудачна и въ концѣ ея раздались свистки. Приватъ-доцентъ былъ сильно раздраженъ этимъ неудачнымъ дебютомъ и требовалъ отъ Бутлерова, какъ отъ ректора, защиты и вмѣшательства. По поводу этого было первое непріятное объясненіе ректора со студентами. Затѣмъ произошла новая исторія, по поводу которой нѣсколько студентовъ было исключено. Вслѣдъ за этимъ Бутлеровъ получилъ письмо, подъ которымъ подписалось, помнится, болѣе ста человѣкъ студентовъ. Они очень рѣзко требовали расширенія правъ студентовъ, порицали образъ дѣйствій

Бутлерова и грозили оставить университетъ. По поводу этого письма Александръ Михайловичъ обратился къ своимъ товарищамъ—молодымъ, либеральнымъ профессорамъ и адъюнктамъ. Онъ думалъ, что эти господа поддержать его и, на основаніи этой поддержки, онъ надѣялся возстановить свое нравственное вліяніе на студентовъ. Но онъ горько ошибся. Я помню это знаменательное собраніе. Оно было въ квартирѣ Бутлерова. Онъ изложилъ передъ собраніемъ всѣ данныя, представилъ свой образъ дѣйствія, прочелъ полученное письмо и спросилъ, какъ ему поступить и на что онъ можетъ разсчитывать. Собраніе отнеслось весьма уклончиво и индеферентно къ поставленному вопросу. Большинство высказало ему почти прямо, что онъ ректоръ. онъ былъ причиной столкновенія и пусть самъ выпутывается изъ него, а ихъ оставитъ въ сторонѣ. Я помню, какой тяжелый ударъ и какое жестокое разочарованіе въ поддержкѣ товарищей, на которую онъ такъ твердо надѣялся—разразились тогда надъ моимъ бѣднымъ другомъ. Очевидно, онъ рѣзко и круто разошелся съ большинствомъ молодыхъ преподавателей. Онъ хотѣлъ тотчасъ же подать въ отставку, но попечитель Вяземскій уговорилъ его этого не дѣлать и онъ рѣшился отправиться за границу. По рекомендаціи его, мѣсто ректора, ad interim занялъ профессоръ финансоваго права Е. Г. Осокинъ [1]). Эта рекомендація была совершенно неудачна. Бутлеровъ разсчитывалъ на разсудительность, безпристрастіе и мягкость рекомендуемаго. Но изъ всѣхъ этихъ свойствъ, впослѣдствіи, оказалось на лицо только послѣднее и, благодаря этому свойству, новый ректоръ сдѣлался вѣрнымъ слугою и рабскимъ исполнителемъ повѣленій попечителя и его приближенныхъ.

[1]) Уже умершій.

Другая его рекомендація была еще болѣе тяжелой ошибкой, которая привела къ весьма горькимъ послѣдствіямъ.. Онъ рекомендовалъ совѣту избрать въ проректоры одного профессора математики, отличавшагося бойкостью, распорядительностью и практичностью. На этого проректора впослѣдствіи обрушилось все раздраженіе студентовъ, на него посыпались обвиненія въ несправедливостяхъ и пристрастіи. Впрочемъ здѣсь, можетъ быть, онъ былъ не такъ виноватъ, какъ это выступало изъ показаній студентовъ. Виноватъ былъ quasi-либеральный духъ времени; виновата была та оппозиція, во что бы то ни стало, которая, начавшись съ столичныхъ университетовъ, быстро разливалась по провинціальнымъ и вызвала гомерическое волненіе 1860 г.

Бутлеровъ въ это время былъ уже за границей.

Нельзя умолчать объ сильномъ вліяніи на него въ это время одного изъ его товарищей, профессора физики, Іосифа Антоновича Больцани [1]), съ которымъ онъ давно уже былъ близокъ и даже сошелся на ты. Это былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Изъ простого, необразованнаго и ничего не знающаго сидѣльца въ нотномъ магазинѣ, въ Берлинѣ, онъ, единственно, благодаря своимъ способностямъ и знаніямъ, пріобрѣлъ всѣ три ученыя степени и достигъ до каѳедры физики въ Казанскомъ университетѣ. Необыкновенно живой, увлекающійся, сутуловатый, почти горбатый, худощавый брюнетъ, съ рѣзкими чертами блѣднаго лица, съ выдавшимся острымъ подбородкомъ, съ большимъ сгорбленнымъ носомъ, съ саркастической улыбкой, почти не сходившей съ тонкихъ губъ, и съ блестящими, быстрыми черными глазами—этотъ человѣкъ представлялъ типическую наружность итальянскаго,—притомъ онѣмечившагося—еврея.

[1]) Уже умершаго.

Начитанность его была изумительна. Онъ читалъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ и рѣзкимъ визгливымъ и отчасти гнусливымъ голосомъ бѣгло говорилъ по русски, по нѣмецки, по французски, по англійски и по итальянски. Кромѣ того онъ зналъ древніе языки. Не было ни одной книги, сколько-нибудь замѣчательной, которой содержаніе было бы ему неизвѣстно. Онъ постоянно слѣдилъ за научной литературой и былъ знакомъ почти съ каждымъ вопросомъ, который являлся на современномъ горизонтѣ всякой науки. По своимъ убѣжденіямъ онъ былъ идеалистъ, немножко католикъ, отчасти приверженецъ Канта и горячій почитатель психологіи Гербарта. По своему направленію онъ держался консерватизма англичанъ, увѣряя что въ немъ благоразуміе и необыкновенная сила. Все это при случаѣ онъ внушалъ или передавалъ Бутлерову. И въ взглядахъ и поступкахъ Александра Михайловича, какъ ректора, невольно сказывался этотъ англійскій консерватизмъ. Впрочемъ, съ своей стороны, Бутлеровъ оказывалъ несомнѣнное нравственное вліяніе на Больцани. Страстная, увлекающаяся, самолюбивая и мстительная натура итальянца постоянно охлаждалась въ столкновеніи съ прямымъ, добрымъ и разсудительнымъ характеромъ Александра Михайловича. Подъ вліяніемъ этого характера Больцани былъ такъ-же прямымъ, открытымъ и честнымъ человѣкомъ. Когда же это вліяніе прекратилось, съ удаленіемъ Бутлерова въ Петербургъ, все въ натурѣ Больцани очень рѣзко измѣнилось, и онъ всталъ на сторону той партіи, которая защищала свои личные интересы въ ущербъ интересамъ науки и университета. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ имѣла также вліяніе и вторичная неудачная женитьба даровитаго казанскаго профессора физики.

Вернувшись изъ-за границы, Бутлеровъ снова вступилъ въ должность ректора, но обстановка университета была уже другая. Бывшій министръ Головнинъ, которому университеты обязаны либеральнымъ уставомъ 1863 года, поступилъ съ Казанскимъ университетомъ не вполнѣ либерально. Вмѣсто слабохарактернаго и непослѣдовательнаго Вяземскаго [1]), онъ прислалъ въ университетъ попечителемъ, бывшаго у него домашнимъ учителемъ, остзейскаго чопорнаго нѣмца Стендера. Такое назначеніе было уже внѣ всякой церемоніи — и походило на древнее ставленіе воеводъ для прокормленія. Присланный нѣмецъ былъ весьма представительной наружности, но обширностью ума вовсе не отличался, хотя и имѣлъ лобъ необыкновенно большой. Съ истинно нѣмецкой наивностью онъ думалъ, что власть и попечительство его надъ университетомъ безграничны. На какія-нибудь представленія профессоровъ, несогласныя съ его очень оригинальными взглядами, онъ отвѣчалъ ломаннымъ языкомъ:

— О! Господинъ профессоръ! Не разбужайте во мнѣ дремлющаго льва!

Этого «дремлющаго льва» тотчасъ же накрыла партія отсталыхъ, престарѣлыхъ и бездарныхъ, которыхъ было весьма довольно въ Казанскомъ университетѣ, въ особенности въ медицинскомъ факультетѣ. Главаремъ ихъ явился профессоръ фармакологіи Соколовскій [2]). Человѣкъ изъ духовнаго званія, весьма ограниченный и очень мало знавшій, но съ бойкимъ семинарскимъ краснорѣчіемъ, онъ желалъ непремѣнно держаться на самой высотѣ современной науки—т. е. онъ желалъ походить на Больцани,

[1]) Уже умершаго.

[2]) Уже умершій.

не имѣя ни его дарованій, ни его начитанности и образованности. Самолюбіе у того и другаго было громадное и ненавидѣли они другъ друга со всей полнотой сердецъ. Не проходилъ ни одинъ совѣтъ, въ которомъ бы не происходило между ними стычки или пикировки. Наконецъ, этотъ Соколовскій, какъ деканъ, подаетъ Стендеру бумагу, въ которой жалуется на членовъ физико-математическаго факультета, постоянно препятствующихъ движенію дѣлъ и постановленій медицинскаго факультета и проситъ дать этому факультету полную автономію и освободить его отъ зависимости совѣта. Понятно, что такую бумагу, какъ совершенно противузаконную, не могъ принять никакой попечитель, но «дремлющій левъ» этого не вѣдалъ и препроводилъ бумагу въ совѣтъ, съ предписаніемъ отвѣтить обвиняемымъ на всѣ обвинительные пункты. Можно себѣ представить какой переполохъ и сумятицу произвела такая бумага въ совѣтѣ. Шесть членовъ физико-математическаго факультета дружно встали на защиту интересовъ не только собственнаго факультета, но и медицинскаго, къ нимъ присоединился одинъ изъ членовъ медицинскаго факультета (Ф. В. Овсянниковъ). Нѣсколько засѣданій факультета было посвящено разбору поданной жалобы. Препирательствамъ и отдѣльнымъ мнѣніямъ не было конца. Все это долженъ былъ вынести на себѣ Бутлеровъ. Какъ ректоръ, онъ долженъ былъ постоянно вести дебаты, сдерживать страсти спорящихъ и глотать, безъ возраженій, разныя желчныя выходки, на которыя была такъ щедра партія сепаратистовъ. Его миролюбивому, тихому характеру, всегда чуждавшемуся всякихъ споровъ было невыносимо тяжела эта роль, но онъ понималъ, что онъ, какъ ректоръ, былъ не въ правѣ удалиться и оставить безъ поддержки ту партію, въ ко-

торой онъ видѣлъ залогъ правильной научной жизни университета. Въ концѣ дебатовъ—семь человѣкъ отказались исполнить предписаніе попечителя и подали очень рѣзкую отповѣдь на притязанія медицинскаго факультета или, правильнѣе говоря, его декана, а Стендеръ послалъ жалобу въ Петербургъ и для разбора дѣла былъ командированъ одинъ высокопоставленный чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія. Тогда Бутлеровъ подалъ въ отставку отъ должности ректора, а чиновникъ произвелъ слѣдствіе, приглашая къ себѣ каждаго члена совѣта и разспрашивая его въ одиночку. Понятно, какой сумбуръ образовался въ головѣ его, когда онъ выслушалъ всѣ перекрестныя справедливыя и несправедливыя жалобы другъ на друга двухъ противуположныхъ партій. Въ концѣ учебнаго года пришла резолюція изъ министерства. Двое членовъ совѣта: Соколовскій и Яновичъ, профессоръ ботаники, были уволены, Стендеръ также былъ уволенъ. Для Бутлерова эта исторія не прошла безъ послѣдствій и, можетъ быть, та болѣзнь сердца, которая не оставляла его до конца жизни, началась именно въ эти дни тревогъ и тяжелыхъ сердечныхъ волненій.

Въ 1862 г. я былъ избранъ совѣтомъ редакторомъ «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго университета по отдѣлу физико-математическихъ наукъ. Я просилъ Александра Михайловича, чтобы онъ далъ мнѣ статью, надѣясь, что эта статья поддержитъ интересъ журнала, такъ какъ имя Бутлерова уже уважалось, какъ имя извѣстнаго химика и профессора. Онъ далъ мнѣ двѣ небольшихъ статейки объ «аминахъ» и о «химическомъ строеніи веществъ». Обѣ эти статейки и въ особенности послѣдняя, по ихъ содержанію, представляли

громадный интересъ для химіи, по новизнѣ изложенныхъ въ нихъ взглядовъ. Всѣ теоріи господствовавшіе въ химіи до Бутлерова указывали на свойства химическихъ соединеній и на ихъ типическія особенности. Бутлеровъ, первый указалъ «на недостаточность типическихъ воззрѣній, на необходимость перевести понятіе о типахъ на болѣе широкое понятіе объ усложненіи частицъ, производимомъ многоатомными элементами вообще» [1]). Независимо отъ своихъ западныхъ коллегъ, онъ высказалъ опредѣленно и ясно «теорію химическаго строенія», господствующую въ настоящее время въ химіи. Онъ указалъ на законъ «цѣпеобразнаго соединенія атомовъ», который считается теперь однимъ изъ важнѣйшихъ законовъ химіи. Настоящій періодъ развитія химіи совершается всецѣло подъ вліяніемъ взглядовъ Бутлерова. На нихъ онъ воспиталъ въ Казани и въ Петербургѣ цѣлую школу химиковъ.

Эти взгляды и его открытія въ области химіи доставили ему громкую извѣстность, такъ что физико-математическій факультетъ Петербургскаго университета уже въ 1868 г. принялъ заботы, какъ бы привлечь къ себѣ этого знаменитаго ученаго. Въ 1869 г. состоялся переходъ Бутлерова въ С.-Петербургскій университетъ. Онъ былъ избранъ совѣтомъ почти единогласно на каѳедру органической химіи, которую онъ занималъ почти до конца своей жизни.

Перейдя въ Петербургскій университетъ, Бутлеровъ отдохнулъ отъ партійной борьбы и разныхъ мелочныхъ дрязгъ, которыя сопровождали ее въ совѣтѣ Казанскаго университета. Онъ встрѣтилъ въ физико-математическомъ факультетѣ и въ совѣтѣ С.-Петербургскаго универси-

[1]) *Меншуткинъ*. Очеркъ развитія химическихъ воззрѣній, стр. 275.

тета истинно-товарищескія отношенія членовъ другъ къ другу, встрѣтилъ глубокое уваженіе къ наукѣ и къ ея вліянію на развитіе молодаго учащагося поколѣнія. Въ химической лабораторіи С.-Петербургскаго университета, точно также, какъ и въ Казани, его окружила толпа молодежи. Студенты уважали въ немъ не только знаменитаго ученаго, съ самостоятельными научными взглядами, но и даровитаго профессора. На каѳедрѣ онъ былъ всегда, какъ дома. Обладая прекраснымъ, звучнымъ органомъ, онъ читалъ лекцію просто, логично, эксплицитно, никогда не затрудняясь ни постройкой фразъ, ни запутанностью содержанія. Это происходило отчасти оттого, что каждую лекцію онъ предварительно строго обдумывалъ и она лежала цѣльная и готовая въ его головѣ. Одинъ разъ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Скажи, Николай, вѣдь теперь твое приготовленіе къ лекціи состоитъ только въ обдумываніи фактовъ или данныхъ? — И когда я отвѣчалъ утвердительно, онъ прибавилъ: Вотъ и у меня точно также.

Я обязанъ ему тѣмъ, что онъ первый нашелъ во мнѣ и оцѣнилъ способность преподавателя. Въ то время, когда я поступилъ въ Казанскій университетъ на каѳедру зоологіи въ 1860 году — наступалъ періодъ самаго сильнаго броженія университетскихъ партій. Странно и невѣроятно, но молодые преподаватели распространяли между студентами пасквили на старыхъ профессоровъ и даже не стыдились, втихомолку, вывѣшивать ихъ на стѣнахъ университета и клиникъ. В одной изъ этихъ публикацій я былъ причисленъ, какъ преподователь, къ сонму «университетскихъ бездарностей». Эту публикацію принесли къ Бутлерову, какъ къ ректору. Онъ почти тотчасъ-же вмѣстѣ съ Больцани пришелъ ко мнѣ, на одну изъ вступительныхъ лекцій, въ

курсъ зоологіи. Я читалъ, какъ и всегда, насколько умѣлъ, просто и ясно. Послѣ лекціи, когда мы вошли въ зоологическій кабинетъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Знаешь-ли что, Николай? Изъ тебя выработается замѣчательный преподаватель. Это я смѣло пророчу. А вотъ что вчера было вывѣшено въ клиникѣ, между прочимъ и о тебѣ, какъ преподавателѣ. И онъ вынулъ пасквиль и подалъ мнѣ. Это я дарю тебѣ на-память, прибавилъ онъ, съ условіемъ, чтобы ты никому объ этомъ не разсказывалъ и никому не показывалъ.

Этотъ документъ хранится у меня и до сихъ поръ, хотя рука, написавшая его, давно уже обратилась въ прахъ

Бутлеровъ нерѣдко читалъ публичныя лекціи. Въ Казани онъ даже читалъ популярный курсъ химіи, по порученію министерства финансовъ. Эти лекціи постоянно привлекали публику, въ особенности первыя лекціи о кислородѣ и водородѣ, которыя сопровождались красивыми или, какъ называлъ ихъ Клаусъ, «блестящими опитами». Профессора также посѣщали эти лекціи и, между прочимъ, одинъ изъ чудаковъ - монстровъ, которыми тогда, около 30 лѣтъ тому назадъ, былъ переполненъ медицинскій факультетъ. Это былъ профессоръ акушерства,—доморощенный философъ, въ родѣ Кифы Мокіевича. Послѣ лекцій о кислородѣ онъ подошелъ къ Бутлерову и сказалъ:

— Знаете ли что-съ, Александръ Михайловичъ. Я теперь знаю, что такое кислородъ? Это — уплотненный свѣтъ. Да-съ, да-съ, не смѣйтесь. Это вѣрно-съ!

Отъ чтенія публичныхъ лекцій Бутлеровъ никогда не отказывался и читалъ ихъ въ пользу различныхъ учрежденій. Но не всегда онъ могъ получить разрѣшеніе на чтеніе этихъ лекцій. Такъ, ему было отказано въ чте-

ніи лекцій о спиритизмѣ, а также въ чтеніи лекцій въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ. Вообще онъ никогда не отклонялся, а напротивъ, искалъ всякой полезной общественной дѣятельности. Въ Казани онъ былъ членомъ земскаго собранія и депутатомъ по Спасскому уѣзду. Въ дѣлѣ учрежденія сельскихъ школъ онъ принесъ много пользы, но я не считаю умѣстнымъ разбирать здѣсь его дѣятельность по этому дѣлу. Онъ много трудился на пользу русскаго пчеловодства и сельскаго хозяйства и подъ конецъ жизни былъ избранъ вице-президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества. Въ Москвѣ, на всероссійской выставкѣ, онъ читалъ общедоступныя лекціи пчеловодства и, во время выставки, въ опредѣленные дни и часы демонстрировалъ публикѣ различные предметы, относящіеся къ раціональному пчеловодству.

По переселеніи въ Петербургъ Бутлеровъ былъ вскорѣ избранъ академикомъ по каѳедрѣ органической химіи.

Въ 1870 г. совѣтъ С.-Петербургскаго университета избралъ меня ординарнымъ сверхштатнымъ профессоромъ на каѳедру зоологіи. Я переѣхалъ въ Петербургъ и такимъ образомъ судьба снова соединила меня съ моимъ другомъ въ одномъ городѣ. Но я долженъ былъ еще почти два года пространствовать за границей и вернулся въ Петербургъ только въ 1871 году. Въ Неаполѣ, гдѣ я провелъ зиму, я довольно часто получалъ письма отъ Бутлерова и въ концѣ моего пребыванія въ Неаполѣ онъ написалъ мнѣ, что въ его квартирѣ поселился Д. В. Юмъ и вкратцѣ описывалъ тѣ необычайныя явленія, которыя совершаются въ его присутствіи. Въ это время Бутлеровъ занималъ, послѣ смерти академика Фрича, очень удобную казенную квартиру, въ 8-й линіи Васильевскаго острова. Юмъ былъ женатъ на се-

стрѣ жены Бутлерова и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, изъ-за границы, поселился въ его квартирѣ. Онъ занялъ съ женою угловую комнату, въ которую былъ одинъ только входъ изъ залы. Противъ этого входа была дверь изъ той-же залы въ кабинетъ Бутлерова. По возвращеніи моемъ изъ за-границы, Бутлеровъ нѣсколько разъ былъ у меня, разсказывалъ разные медіумическіе факты и звалъ къ себѣ посмотрѣть медіумическія явленія, которыя происходятъ въ присутствіи Юма. Онъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, какъ скептически отнеслись ученые къ этимъ явленіямъ.

Юмъ читалъ лекціи въ одномъ частномъ домѣ о спиритизмѣ, и на одной изъ этихъ лекцій Бутлеровъ всталъ и публично заявилъ, что онъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ фактовъ, о которыхъ передавалъ Юмъ своей аудиторіи. Коммисія, составленная изъ профессоровъ университета и академика П. Л. Чебышева, имѣла два засѣданія съ Юмомъ, но оба эти засѣданія потерпѣли фіаско. Мнѣ кажется главной причиной тому была новизна предмета и неопытность Алекс. Михайл. и А. Н. Аксакова въ обращеніи съ медіумическими явленіями. Они слишкомъ много разсчитывали на необыкновенныя медіумическія способности Юма. Они полагали, что въ присутствіи его медіумическія явленія удадутся во что бы-то ни стало при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Между членами коммисіи было три сильныхъ скептика и между ними одинъ профессоръ Ц. — злостный скептикъ, т. е. невѣрящій ничему, кромѣ собственнаго разсудка. Все это фіаско сдѣлалось басней города и съ моей стороны необходимо было слишкомъ много довѣрія къ моему другу и сильнаго желанія, чтобы его слова оправдались, для того, чтобы принять его приглашеніе. Въ одно время я и вѣрилъ и не вѣрилъ его разсказамъ и наконецъ пошелъ

къ нему въ сопровожденіи двухъ моихъ товарищей—профессоровъ Казанскаго университета А. И. Якобій и А. Я. Данилевскаго, которымъ я предложилъ вмѣстѣ со мной присутствовать на сеансѣ Юма.

Придя къ Бутлерову, мы нашли Юма больнымъ; онъ сидѣлъ въ кабинетѣ Бутлерова и игралъ въ карты. Я предложилъ моимъ спутникамъ и Александру Михайловичу заняться намъ однимъ предварительнымъ опытомъ безъ Юма, который, притомъ, по болѣзни не могъ принять участія въ сеансѣ. Я самъ выбралъ круглый, довольно большой столъ на четырехъ ножкахъ; мы перенесли его въ угловую комнату, занимаемую Юмомъ, которая была теперь пуста. Бутлеровъ предложилъ пригласить въ нашъ небольшой кружокъ его тетку, А. С. Ак-ву, которая, какъ онъ говорилъ, отличалась медіумическими способностями. Мы усѣлись впятеромъ. Бутлеровъ и его тетка сѣли къ окну, а мы втроемъ напротивъ ихъ. Данилевскій и Якобій по бокамъ, а я въ серединѣ. Мы сидѣли болѣе 20 минутъ—постоянно разговаривая, но никакихъ медіумическихъ явленій не произошло. Въ это время входитъ къ намъ Юмъ, закутанный плэдомъ.

— А! Вотъ вы гдѣ сидите? — Позвольте и мнѣ присѣсть.

— Нѣтъ! говорю я. Мы сами хотимъ убѣдиться, безъ вашей помощи.

— Я только на одну минутку.

И онъ садится подлѣ меня. Не прошло и пяти минутъ, какъ столъ крякнулъ, затрещалъ и двинулся ко мнѣ. Первое впечатлѣніе мое было таково, что Бутлеровъ и его тетка толкаютъ ко мнѣ столъ.

— Это вы толкаете? обратился я къ нимъ.

— Положите всѣ руки такимъ образомъ, — говоритъ

Юмъ, и кладетъ свои руки вверхъ ладонями. Вслѣдъ за нимъ всѣ точно также кладутъ свои руки ладонями кверху. Тѣмъ не менѣе столъ продолжаетъ медленно ползти.

— А ноги ваши гдѣ? — спрашиваю я Юма.

— Вотъ онѣ! говоритъ онъ, и кладетъ обѣ свои ноги, закутанныя плэдомъ, на мою правую ногу и смотритъ на меня въ упоръ. А столъ продолжаетъ подвигаться ко мнѣ и наконецъ крѣпко притискиваетъ меня къ стулу.

Таково было первое знакомство мое съ медіумическими явленіями.

Вслѣдъ за этимъ я былъ еще на двухъ сеансахъ Юма, въ присутствіи А. М. Бутлерова. На нихъ я былъ свидѣтелемъ еще болѣе необыкновенныхъ и поразительныхъ явленій и описалъ ихъ въ письмѣ, напечатанномъ въ апрѣльской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1875 годъ.

Зимой 1874 года въ Петербургъ пріѣхалъ Бредифъ и Бутлеровъ пригласилъ меня, вмѣстѣ съ А. Я. Данилевскимъ и А. И. Якобій, участвовать въ его сеансахъ. Послѣдній, впрочемъ, могъ участвовать только въ двухъ сеансахъ. Цѣлый рядъ видѣнныхъ сильныхъ явленій убѣдилъ меня окончательно въ существованіи медіумическихъ фактовъ и побудилъ меня напечатать письмо въ «Вѣстникѣ Европы». Бутлеровъ и А. Н. Аксаковъ принимали живѣйшее участіе въ этомъ напечатаніи. Они никакъ не вѣрили, чтобы письмо мое могло убѣдить хотя кого-нибудь въ существованіи медіумическихъ фактовъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Мой научный авторитетъ и мое твердое убѣжденіе взволновали всю интеллигенцію. Со всѣхъ сторонъ я и Бутлеровъ начали получать письма, съ просьбой о допущеніи въ сеансы съ

Бредифомъ. Между тѣмъ партія апріорныхъ скептиковъ не дремала и начала печатать статьи въ опроверженіе тѣхъ фактовъ, которыхъ они не видали. Медіумическія явленія объяснялись просто фокусничествомъ, шарлатанствомъ медіумовъ и довѣрчивостью съ нашей стороны. Въ это же время появилось описаніе одного медіумическаго сеанса съ Бредифомъ, — врача Лихонина. Онъ доказывалъ фактами обманъ Бредифа, хотя въ сущности онъ доказывалъ только собственное неумѣніе постановить медіумическій опытъ. Письмо это появилось вскорѣ послѣ одного сеанса, который устроилъ, теперь уже покойный, профессоръ Московскаго университета, В. О. Ковалевскій у себя на квартирѣ. На этотъ сеансъ былъ приглашенъ Бутлеровъ и я. Кромѣ насъ въ немъ участвовали жена Ковалевскаго, П. А. Брюловъ и его жена, еще одинъ незнакомый мнѣ господинъ и нѣкій г. Цвѣтъ, человѣкъ съ огромнымъ самомнѣніемъ и зычной глоткой. Онъ съ оника ударился съ Бутлеровымъ въ безконечный споръ о шарлатанствѣ медіумовъ и невозможности медіумическихъ явленій.

— Если предо мной явится рука, кричалъ онъ, то я схвачу ее; схвачу зубами, если мнѣ нельзя будетъ схватить ее руками. Я ее укушу. Она опрокидываетъ мой здравый смыслъ! Я не хочу быть сумасшедшимъ. Я хочу знанія, разсудка.

И напрасно Бутлеровъ доказывалъ ему, что есть другой методъ наблюденія, не столь элементарный, и что здравый смыслъ можетъ остаться во всей его неприкосновенности и допустить, что медіумическіе факты существуютъ.

Разгоряченный этими спорами, г. Цвѣтъ ударился въ открытый протестъ. Когда всѣ усѣлись за столикъ, онъ усѣлся въ сторонѣ, подлѣ рояля, настаивая на томъ,

что онъ хочетъ наблюдать, а не быть одураченнымъ. Когда же раздались въ столѣ медіумическіе стуки, то онъ выстукивалъ кулакомъ по крышкѣ рояля. Словомъ, велъ себя совершенно неприлично — и сеансъ, разумѣется, потерпѣлъ полнѣйшее фіаско.

Этотъ прямолинейный господинъ послужилъ для насъ съ Бутлеровымъ живымъ образчикомъ всѣхъ скептиковъ, относящихся къ медіумическимъ фактамъ только съ помощью ихъ «здраваго смысла» — но въ сущности совершенно безсмысленно.

Между тѣмъ статья моя, помѣщенная въ «Вѣстникѣ Европы», вызвала движеніе и въ университетской средѣ. Профессоръ Д. И. Менделѣевъ внесъ въ физико-химическое общество предложеніе о составленіи особой коммисіи для изслѣдованія медіумическихъ явленій. Я не буду здѣсь описывать весь ходъ этого quasi-изслѣдованія. Полагаю, оно достаточно извѣстно нашей публикѣ. Скажу только *ниже* нѣсколько словъ о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ Бутлеровъ находился къ дѣламъ этой ученой коммисіи.

Въ эту весну 1875 г. А. Н. Аксаковъ получилъ изъ Америки, отъ г-жи Блавадской переводъ писемъ полковника Олькота, которыя онъ писалъ, какъ корреспондентъ «New York-Herald»—о медіумическихъ фактахъ, наблюденныхъ имъ на фермѣ братьевъ Эдди. Вскорѣ эти письма вышли отдѣльнымъ томомъ, подъ названіемъ «People from the Other World» *(Народъ съ того свѣта)*. Для насъ троихъ,—меня, Бутлерова и Аксакова, эти письма представляли живѣйшій интересъ и мы собирались два, три раза у Бутлерова, который читалъ намъ по два или по три письма въ вечеръ. Письма эти дали мнѣ массу фактовъ, которые я напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (октябрь, 1875 г.) — вмѣстѣ съ отвѣтомъ на всѣ на-

падки, какія были сдѣланы на меня и на Бутлерова въ нашей журнальной литературѣ. Бутлеровъ и Аксаковъ не были увѣрены, что Катковъ отнесется объективно къ дѣлу медіумизма и напечатаетъ статью. Я самъ отвезъ ее къ Каткову и долго бесѣдовалъ съ нимъ по поводу медіумическихъ явленій. Онъ привелъ мнѣ, между прочимъ, факты изъ лѣтописи Нестора, подтверждающіе явленія лицъ изъ другаго міра. Статья была напечатана и вызвала въ Бутлеровѣ сильнѣйшее желаніе напечатать тамъ-же и свое слово (см. стр. 1).

Въ то время когда печатались обѣ эти статьи, моя и Алекс. Михайл., медіумическая коммисія физико-химическаго общества начала свои дѣйствія. Всѣмъ, полагаю, извѣстно, что главнымъ двигателемъ этихъ дѣйствій былъ профессоръ Д. И. Менделѣевъ. Если первые шаги коммисіи и были безпристрастны или объективны, то эти отношенія быстро и рѣзко измѣнились послѣ напечатанія моей и Бутлерова статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Д. И. Менделѣевъ послѣ первой статьи моей, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы», упрекалъ меня за то, что я избралъ неправильный путь.

— Если медіумическіе факты, говорилъ онъ, дѣйствительно реальны, то они подлежатъ научному изслѣдованію, а потому не слѣдовало идти съ ними въ публику. Это путь ложный. Путь привлеченія темной массы, которая не судья ни въ какомъ научномъ вопросѣ.

Можно себѣ представить его негодованіе, когда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появилась снова моя статья о медіумизмѣ, а вслѣдъ за ней и статья Александра Михайловича. И въ особенности ему показался оскорбительнымъ и вызывающимъ авторитетный тонъ этой статьи и заключительная цитата изъ сочиненій де-Моргана: «Спиритуалисты», говоритъ цитата, «безъ всякаго

сомнѣнія стоятъ на томъ пути, который велъ ко всякому прогрессу въ физическихъ наукахъ; ихъ противники служатъ представителями тѣхъ, которые всегда ратовали противъ прогресса». Такая фраза казалась Д. И. Менделѣеву оскорбленіемъ, брошеннымъ лично ему, и непримиримая борьба загорѣлась. На бѣду тѣ медіумы, мальчики Пети, которые были привезены А. Н. Аксаковымъ изъ Англіи, для опытовъ медіумической коммисіи, оказались весьма слабыми и вовсе непригодными для негармоничнаго кружка такихъ злостныхъ скептиковъ, какими было большинство членовъ медіумической коммисіи. Вооружившись протоколами этой коммисіи, Д. И. Менделѣевъ также выступилъ передъ публикой — т. е. совершилъ то-же самое преступленіе, въ которомъ онъ упрекалъ насъ съ Бутлеровымъ. Публика, всегда жадная до скандаловъ, наполнила аудиторію Солянаго Городка и выслушала три публичныя лекціи о спиритизмѣ, которыми нашъ многоуважаемый товарищъ, знаменитый профессоръ, казнилъ меня и Бутлерова. Понятно, что послѣ этого пассажа вопросъ былъ сдвинутъ съ научной территоріи и всталъ на почву личныхъ страстей и мелочнаго самолюбія. Тѣмъ не менѣе Бутлеровъ и А. Н. Аксаковъ рѣшились продолжать дѣло, твердо вѣря, что истина рано или поздно восторжествуетъ. Аксаковъ выписалъ изъ Лондона очень сильнаго медіума, г-жу Сенъ-Клеръ, которая прежде была профессіональнымъ медіумомъ, но получивъ богатое наслѣдство — давно уже отказалась отъ этой профессіи и согласилась ѣхать въ Петербургъ единственно изъ желанія послужить своими медіумическими способностями коммисіи физико-химическаго общества С.-Петербургскаго университета. Коммисія сразу увидала въ присутствіи Сенъ-Клеръ медіумическія явленія. Вмѣсто того, чтобы добросо-

вѣстно наблюдать и изучать ихъ, она круто повернула вопросъ въ другую сторону и упрямо остановилась на предположеніи, вѣрности котораго едва-ли вѣрила, что г-жа Сенъ-Клеръ — очень ловкая фокусница — и необходимо придумать не менѣе ловкій способъ, чтобы ее изловить и обличить. Нужно-ли говорить, каковы были отношенія Александра Михайловича къ членамъ такой коммисіи. Я помню одно засѣданіе, на которомъ я присутствовалъ вмѣстѣ съ Бутлеровымъ. Почти все оно прошло въ горячихъ спорахъ Менделѣева съ Бутлеровымъ и отчасти съ Аксаковымъ. Съ одной стороны выступало полное презрѣніе къ медіумизму, очевидная боязнь найти въ немъ хоть что-нибудь, на чемъ можно было-бы остановиться, какъ на научномъ предметѣ. Всѣ факты, всѣ авторитеты отвергались, игнорировались и всѣ подвергались автократически осужденію и даже грубой брани. Я вполнѣ понимаю и сужу по себѣ, что необходимо было много самообладанія и вѣры въ правоту защищаемаго дѣла, со стороны Бутлерова, чтобы хладнокровно выдерживать эти рѣзкія, вовсе неджентльменскія нападки и сохранить товарищескія отношенія и уваженіе къ достоинству ученаго. Я могу теперь отдать полную справедливость поведенію моего покойнаго друга. Въ этомъ поведеніи ясно выразились его миролюбивый характеръ и желаніе защитить прямыми, открытыми способами то, что казалось ему и что дѣйствительно было истиной.

На слѣдующемъ засѣданіи, на которомъ участвовала Сенъ-Клеръ, Бутлеровъ не присутствовалъ. Я, къ крайнему сожалѣнію, былъ на этомъ засѣданіи, на которомъ члены коммисіи изощряли свою изобрѣтательность, для того, чтобы изловить медіума въ поддѣлкѣ медіумическихъ явленій. Небольшой столъ, придуманный комми-

сіей, имѣлъ четыре расходящіяся ножки для того, чтобы сдѣлать наклоны его невозможными или по крайней мѣрѣ затруднительными. При этомъ одинъ край стола, снизу, на той сторонѣ, къ которой посадили медіума, былъ намазанъ, сильно пахнущей скипидаромъ, очень липкой мастикой. Нужно было видѣть выраженіе лица англичанки, когда она садилась за столъ и когда одинъ изъ членовъ коммисіи любезно попросилъ ее не касаться колѣнами края стола, такъ какъ онъ намазанъ липкой смолой. Англичанка покраснѣла и испустила какое-то неопредѣленное восклицаніе.

Сеансы съ разными придуманными приборами имѣли еще болѣе острый характеръ. Д. И. Менделѣевъ хотѣлъ доказать, во что-бы то ни стало, что Круксъ, знаменитый лондонскій химикъ, напечатавшій свои наблюденія надъ медіумической (психической) силой, которыя онъ производилъ въ присутствіи Юма—не умѣлъ наблюдать и что инструментъ, придуманный имъ для этой цѣли, былъ придуманъ не раціонально. Для доказательства этого былъ сдѣланъ изъ стеклянной банки барабанъ, на которомъ натянута до невозможности туго тонкая перепонка (растительный пергаментъ), а штифтикъ, который долженъ былъ касаться этой перепонки, укрѣпили на очень длинномъ, тонкомъ и гибкомъ рычажкѣ. Бутлеровъ убѣждалъ членовъ коммисіи, что такая перепонка, туго натянутая, будетъ нечувствительна къ тѣмъ легкимъ колебаніямъ, которыя происходятъ при медіумическихъ явленіяхъ. Она будетъ воспріимчива только къ звуковымъ волнамъ (см. стр. 71). Притомъ и эти воспринятія должны быть парализованы длиннымъ и гибкимъ рычажкомъ, такъ что графическій приборъ, при такомъ устройствѣ, ничего не запишетъ. Но члены коммисіи не слушали этихъ указаній: для нихъ былъ ва-

женъ не положительный, а отрицательный результатъ опыта. Инструментъ, придуманный ими, ничего-бы не далъ и они имѣли-бы возможность утверждать, «что никакихъ медіумическихъ явленій, въ ихъ присутствіи, не произошло». Но это-же самое можно было утверждать и безъ «нарочито» для того придуманныхъ приборовъ. Каждому, кто имѣлъ возможность наблюдать эти явленія, хорошо извѣстно, что они требуютъ для своего обнаруженія очень тонкихъ и сложныхъ условій, что эти условія имѣютъ не физическій, а скорѣе психическій, или нравственный характеръ, а путь, которымъ дѣйствовала коммисія, можно было назвать нравственнымъ только условно — т. е. признавая за безусловно нравственный принципъ, что цѣль оправдываетъ средства и что всѣмъ, даже нравственностью, можно жертвовать ради науки. Физико-химическая коммисія въ своихъ дѣйствіяхъ обнаружила тотъ-же характеръ безусловной прямолинейности, какой обнаружилъ и г. Цвѣтъ. Впрочемъ, г. Цвѣтъ дѣйствовалъ просто, элементарно и нелицемѣрно вслѣдствіе простоты сердца, а коммисія хитро изобрѣтала способы не только изловить медіумовъ, но и надсмѣяться надо мной, Бутлеровымъ и надъ всѣми учеными, занимавшимися медіумизмомъ. На этомъ пути для нея преградъ не существовало и мы вскорѣ узнали, что засѣданія коммисіи переносятся изъ квартиры Д. И. Менделѣева (въ университетѣ) въ квартиру его закадычнаго друга и пріятеля, извѣстнаго педагога-физика. Въ этой квартирѣ, какъ говорили, будетъ произведенъ при случаѣ осмотръ Сенъ-Клеръ, съ цѣлью найти у ней, гдѣ-бы то ни было, машинку, которой она производитъ медіумическіе стуки. Понятно, что эта машинка существовала только въ воображеніи членовъ коммисіи, тѣмъ не менѣе она

могла превратиться и въ дѣйствительность, такъ какъ у нихъ уже было придумано: какимъ образомъ ее можно было устроить? Понятно также, что находка такой машинки доставила-бы полное торжество цѣлямъ и планамъ коммисіи и полное пораженіе (на время) медіумизму и посрамила бы тѣхъ ученыхъ, которые имъ занимаются.

Можетъ быть всѣ эти слухи были преувеличены или даже абсолютно несправедливы, но во всякомъ случаѣ они явственно показывали, что никакихъ серьезно-научныхъ отношеній членовъ коммисіи къ медіумизму быть не могло и мы только безъ всякой пользы и во что-бы то ни стало будемъ добиваться истины тамъ, гдѣ существуетъ одинъ только злой умыселъ. Мы отказались отъ дальнѣйшаго участія въ засѣданіяхъ коммисіи (стр. 67 [1]). Разумѣется, что и ея засѣданія, послѣ нашего отказа, почти тотчасъ-же прекратились.

Вспоминая теперь все пережитое нами въ это тяжелое время борьбы истины съ обскурантизмомъ научной коммисіи,—невольно удивляешься, какъ это могло случится—чтобы у 8 человѣкъ, составлявшихъ коммисію, ни у одного не нашлось настолько любви къ правдѣ, на столько добросовѣстности, и объективности, чтобы посмотрѣть на дѣло не съ узкой точки зрѣнія своихъ личныхъ, предвзятыхъ мнѣній. Но во-первыхъ, такова общая участь столкновеній медіумическихъ явленій съ научными взглядами, которая постигала ихъ чуть ли не во всѣ времена и у всѣхъ націй. Во-вторыхъ здѣсь явилось безсознательное и непреодолимое отвращеніе

---

[1]) Желающіе познакомиться съ бо́льшими подробностями этого конфликта, между защитой медіумическихъ явленій съ одной стороны и нападками quasi-ученой коммисіи — съ другой, могутъ найти ихъ въ «Разоблаченіяхъ» *А. Аксакова*. С.-Петерб. 1883 г.

вообще скептиковъ, къ тѣмъ явленіямъ и взглядамъ, которые допускаютъ существованіе загробнаго міра и вообще явленій сверхъестественныхъ, занимающихъ высшее мѣсто, надъ физическими. Наконецъ въ третьихъ въ данномъ случаѣ, многое зависило отъ характера того лица, которое начало дѣло и вело его, имѣя постоянно въ виду, только свою личную отвѣтственность за результатъ борьбы.

Я коснулся довольно подробнаго разбора этаго непріятнаго дѣла съ цѣлью уяснить отношенія между двумя главными дѣйствовавшими здѣсь лицами: Д. И. Менделѣевымъ и А. М. Бутлеровымъ. Почти вся борьба сосредоточивалась на этихъ двухъ лицахъ, изъ которыхъ одно присвоило себѣ въ этомъ дѣлѣ роль судьи, а другое по неволѣ должно было играть роль подсудимаго. Александръ Михайловичъ во всякомъ дѣлѣ, во всю свою жизнь, шелъ прямымъ путемъ. Его прямая и простая натура была неспособна къ засадамъ. Онъ не могъ притворяться, по крайней мѣрѣ долго и искусно. Дѣло «медіумической коммиссіи» стоило ему многихъ и сильныхъ душевныхъ волненій. Отдохнувъ отъ совѣтской исторіи Казанскаго университета, онъ снова долженъ былъ выдержать крайне непріятную борьбу. Тамъ обвиняли его въ неправильности и чуть-ли недобросовѣстности дѣйствій. Здѣсь его судили за непониманіе дѣла, за его легковѣрное отношеніе къ наукѣ, къ научнымъ наблюденіямъ и опытамъ. То и другое было тяжело для человѣка въ высшей степени добросовѣстнаго и всегда относившагося съ крайней щепетильностью къ своимъ поступкамъ. Здѣсь не была игра простаго самолюбія; здѣсь задѣвались самыя задушевныя симпатіи, высокое уваженіе къ предмету спора и къ истинѣ. И только убѣжденіе, что эта истина, не

смотря на нападки, остается все-таки истиной и восторжествуетъ рано или поздно, утѣшало и укрѣпляло его.

Здѣсь я долженъ коснуться тѣхъ отношеній къ медіумизму, которыя связывали, а отчасти разъединяли меня, Бутлерова и А. Н. Аксакова.

Когда въ 1871 г. я вернулся въ Петербургъ, то я нашелъ А. М. Бутлерова и Аксакова въ очень близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Это сближеніе произошло не столько вслѣдствіе родственной связи (Бутлеровъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Аксакова), сколько вслѣдствіе общихъ занятій медіумизмомъ, при чемъ Аксаковъ, какъ посвятившій уже много лѣтъ изученію животнаго магнетизма и медіумизма, былъ для Бутлерова руководителемъ въ этой темной и крайне интересной области.

Я засталъ того и другаго въ самомъ разгарѣ ихъ пропаганды спиритическихъ явленій, посредствомъ медіумизма Юма. Я былъ въ числѣ неофитовъ. Мнѣ показали эти явленія на двухъ сеансахъ и затѣмъ оставили меня въ покоѣ, до пріѣзда Бредифа. Во время сеансовъ съ этимъ медіумомъ у меня начала слагаться мало-помалу мысль о совсѣмъ другомъ способѣ дѣйствія, чѣмъ тотъ, на которомъ остановились Бутлеровъ и Аксаковъ. Я видѣлъ, что пропаганда здѣсь, посредствомъ демонстрированія этихъ явленій ученымъ и медикамъ — мало помогаетъ; что корень вопроса и успѣхъ дѣла лежитъ вовсе не здѣсь. Я убѣждалъ Бутлерова заняться не пропагандой, не демонстрированіемъ этихъ явленій, а ихъ изслѣдованіемъ. Я доказывалъ ему, что научное объясненіе хоть одного малѣйшаго факта изъ медіумическихъ явленій скорѣе подвинетъ дѣло впередъ, чѣмъ самое упорное и успѣшное пропагандированіе. Взглядъ Бутлерова на этотъ предметъ изложенъ имъ въ статьѣ,

напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (см. стр. 1). Онъ твердо стоялъ на томъ убѣжденіи, что если большинство (?!) ученыхъ убѣдится въ существованіи этихъ явленій, тогда можно будетъ приступить и къ изслѣдованію ихъ. «Притомъ, говорилъ онъ, эти изслѣдованія вещь вообще не легкая. Явленія непостоянны, капризны — нужно долго трудиться, чтобы случайно попадать на факты, могущіе дать хоть какое-нибудь разъясненіе. Здѣсь нельзя ставить опытовъ такъ, какъ мы ставили ихъ въ нашихъ лабораторіяхъ. Здѣсь разъ или два опытъ удастся, а 10 или 20 разъ не удастся, а почему не удался — останется неизвѣстнымъ. Да, наконецъ, на эти опыты необходимы средства, а гдѣ ихъ взять. Другое дѣло, когда за нихъ возьмутся ученыя общества, — тогда можно будетъ нанимать медіумовъ и придумывать и устраивать разные приборы и аппараты».

Я убѣждалъ, чтобы при демонстрированіи явленій на сеансахъ были бы введены графическіе способы, которые наглядно доказывали бы существованіе этихъ явленій даже для тѣхъ, кто не присутствовалъ на сеансахъ. Наконецъ, я настаивалъ, чтобы была употреблена фотографія, какъ одно изъ лучшихъ средствъ для доказательности объективности и реальности наблюдаемыхъ явленій. Но всѣ мои убѣжденія и доводы въ то время весьма плохо дѣйствовали. И только въ послѣднее, сравнительно недавнее время и Бутлеровъ, и Аксаковъ убѣдились въ необходимости фотографій, какъ доказательства для реальности явленій.

Каждый изъ насъ такимъ образомъ оставался при своихъ убѣжденіяхъ, или, правильнѣе говоря — Бутлеровъ и Аксаковъ стояли отдѣльно отъ моего взгляда. Это не помѣшало намъ вмѣстѣ заниматься нашимъ общимъ дѣломъ. Вскорѣ по отъѣздѣ м-съ Сэнъ-Клэръ,

мы устроили сеансы съ однимъ частнымъ, довольно сильнымъ медіумомъ, съ Е. Д. Прибытковой. Послѣ трехъ или четырехъ довольно удачныхъ сеансовъ, мнѣ неожиданно представился случай воспользоваться очень сильными медіумическими способностями С. С. Ешевовой [1]). Въ ея семействѣ уже болѣе двухъ лѣтъ какъ происходили весьма рѣзкія медіумическія явленія. Но семейные сеансы совершались въ совершенно замкнутомъ кружкѣ, и когда я случайно познакомился съ его членами, то эти сеансы давно уже прекратились и всѣ члены, и въ особенности одна дѣвица, закадычный другъ Ешевовой, держались твердаго убѣжденія, что спиритическіе сеансы дѣло грѣховное. Мнѣ большаго труда стоило уговорить кружокъ, чтобы онъ показалъ мнѣ что-либо изъ явленій, совершающихся въ немъ, и члены его показали мнѣ матеріализацію руки. Послѣ смерти этой дѣвицы, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, я снова приступилъ съ просьбой устроить опять медіумическіе сеансы. Они согласились, мы составили небольшой кружокъ и на этихъ сеансахъ получились отпечатки руки и ноги медіума (см. «Psych. Studien» 1879 и «Еженедѣльное Новое Время»). Въ этихъ сеансахъ не участвовалъ Бутлеровъ и даже они происходили втайнѣ отъ него. Я надѣялся, что эти сеансы доставятъ мнѣ возможность изслѣдовать хотя что-нибудь изъ медіумическихъ явленій. Бутлеровъ сталъ бы мѣшать этимъ изслѣдованіямъ. Онъ, первымъ дѣломъ, счелъ бы необходимымъ преслѣдовать свои цѣли, т. е. вести пропаганду медіумизма, и вотъ почему онъ узналъ объ этихъ сеансахъ только тогда, когда они принуждены были прекратиться.

Въ 1878 г. былъ выписанъ Аксаковымъ изъ Лондона

---

[1]) Фамилія вымышленная.

очень сильный американскій медіумъ Слэдъ. Съ нимъ было устроено, между прочимъ, нѣсколько фотографическихъ сеансовъ. На этихъ сеансахъ получились очень рѣзкіе положительные результаты, но неподдѣльность явленій была заподозрѣна Аксаковымъ и это подозрѣніе раздѣлялъ, какъ кажется, и Бутлеровъ, присутствовавшій на сеансахъ.

Послѣ Слэда была выписана изъ Лондона Кэтъ-Фохсъ (м-съ Іенкенъ), точно также съ цѣлью медіумической пропаганды, но и здѣсь эта пропаганда не дала ничего.

Два фотографическихъ сеанса, устроенныхъ съ этимъ медіумомъ въ моей квартирѣ, также не дали никакихъ результатовъ, если не считать за результатъ какой-то слабый свѣтъ, который появился на груди у Бутлерова, во время одной выставки. Бутлеровъ позировалъ, сидя вмѣстѣ, рядомъ съ Кэтъ-Фохсъ. Снимокъ былъ сдѣланъ съ помощью стереоскопической камеры и свѣтовое пятно на груди его получилось на обѣихъ парныхъ пластинкахъ.

Наконецъ, очень сильный лондонскій медіумъ, м-ръ Еглингтонъ, былъ приглашенъ Аксаковымъ изъ Москвы, куда онъ былъ вызванъ изъ Лондона однимъ частнымъ кружкомъ. Приглашеніе это состоялось въ 1886 году. Нѣсколько сеансовъ съ Еглингтономъ были посвящены фотографированію медіумическихъ явленій. Въ это время вышла извѣстная книга Гартмана о спиритизмѣ (переведенная Бутлеровымъ), въ которой онъ отвергаетъ возможность снимания неподдѣльныхъ спиритическихъ фотографій, на которыхъ одновременно были бы сняты медіумъ и матеріализованная фигура. Въ виду необходимости опровергнуть эти сомнѣнія, было устроено нѣсколько фотографическихъ сеансовъ въ небольшомъ, интимномъ кружкѣ. Эти сеансы происходили въ квартирѣ Александра Михайловича, который не могъ выхо-

дить вслѣдствіе болѣзни ноги. Эта болѣзнь и свела его въ могилу.

Вотъ всѣ результаты, которые были получены вмѣстѣ Бутлеровымъ и Аксаковымъ съ цѣлью пропаганды медіумическихъ явленій.

Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ случай столкнулъ меня съ двумя замѣчательными медіумами, въ особенности съ однимъ, обладающимъ значительной медіумической силой. Первый медіумъ была дама, извѣстная пѣвица. Она сама пріѣхала ко мнѣ, заявила о явленіяхъ, которыя происходятъ въ ихъ кружкѣ, и просила меня присутствовать на ихъ сеансахъ. На первомъ же сеансѣ я убѣдился, что кружокъ, довольно гармоничный, обладаетъ значительной силой и просилъ позволенія привести на слѣдующій сеансъ Бутлерова и моего друга и товарища профессора А. Я. Данилевскаго. Позволеніе было дано и на слѣдующій сеансъ я привезъ обоихъ. Но, не смотря на интересныя явленія, Бутлеровъ, очевидно, весьма мало интересовался ими, и, побывавъ на двухъ сеансахъ, пересталъ являться въ кружокъ.

Почти то-же самое случилось и съ другимъ кружкомъ, въ которомъ явленія были необыкновенной силы, и медіумъ, одинъ офицеръ, обладалъ громадными медіумическими способностями. Разъ, зимой 1884 года, ко мнѣ пріѣзжаетъ докторъ Б., разсказываетъ о необыкновенныхъ медіумическихъ явленіяхъ, которыя совершаются въ этомъ кружкѣ, и приглашаетъ меня принять участіе въ ихъ сеансахъ. Я пригласилъ профессора А. Я. Данилевскаго, который былъ товарищъ Б. по университету, и на слѣдующій сеансъ пригласилъ также А. М. Бутлерова. Явленія на этомъ сеансѣ были поразительно сильны. Не смотря на это, Бутлеровъ былъ еще разъ на одномъ сеансѣ и болѣе не являлся. Очевидно, что

сеансы его болѣе не интересовали и если въ вечеръ, назначенный для сеанса, былъ интересный спектакль или какая-нибудь новая опера, или пѣлъ новый теноръ, новая примадонна, то онъ предпочиталъ слушаніе ихъ скучному сидѣнію за спиритическимъ сеансомъ. Но интересъ его къ медіумическимъ новостямъ, къ медіумической пропагандѣ и вообще къ движенію медіумизма нисколько не охладѣлъ, а еще болѣе, если можно только, усилился,—но теперь онъ занимался медіумизмомъ болѣе теоретически, чѣмъ практически.

Я помню маленькіе, случайные сеансы у меня или у него, съ слабыми, только-что начинающими медіумами, и между тѣмъ за этими сеансами онъ готовъ былъ просиживать цѣлые вечера и часть ночи. Онъ относился къ нимъ оживленно и страстно. Это было въ 1876 — 79 годахъ. Въ 1880-хъ годахъ многое стало уже не то. Интересъ не только къ простымъ, элементарнымъ, медіумическимъ явленіямъ, но даже къ сильнымъ значительно охладѣлъ. Такимъ, по крайней мѣрѣ, я его помню на послѣднихъ сеансахъ съ м-ромъ Еглингтономъ; но здѣсь, впрочемъ, замѣшалось и другое обстоятельство,—это несчастное поврежденіе ноги, которое свело его въ преждевременную могилу. Онъ сильно похудѣлъ, былъ раздражителенъ, нервенъ и было отчего. Онъ собирался на Кавказъ, въ благодатный край, въ царство винограда и розъ, и главное, что манило его туда, это—возможность культивировать на Кавказѣ чайное дерево. Онъ привезъ уже съ собой образцы чая изъ листьевъ, собранныхъ имъ самимъ съ кустовъ, разведенныхъ на Кавказѣ. Чай былъ весьма хорошаго сорта и Вольно-Экономическое Общество посылало Александра Михайловича, чтобы тамъ на мѣстѣ обставить это дѣло и указать, какъ и гдѣ завести чайныя плантаціи. Все это

разстроилъ пустой, ничтожный несчастный случай. Но о немъ я сообщу ниже; а теперь, въ дополненіе къ описанію отношеній Бутлерова къ медіумизму и вообще къ партійной борьбѣ, я хочу сказать нѣсколько словъ о борьбѣ его въ стѣнахъ академіи, которая точно также повредила его здоровью.

— — —

Работая въ качествѣ миссіонера медіумизма въ ученой средѣ, онъ, разумѣется, обратилъ прежде всего свое вниманіе на своихъ сочленовъ по академіи наукъ. Но одинъ изъ этихъ сочленовъ, съ которымъ Бутлеровъ жилъ вдвоемъ, въ цѣломъ академическомъ домѣ, его старый учитель, профессоръ и академикъ Зининъ, отнесся и всегда относился къ этимъ явленіямъ совершенно враждебно. Четыре другихъ сочлена, которыхъ Бутлеровъ приглашалъ къ себѣ на сеансы съ разными медіумами и въ разное время, остались неубѣжденными скептиками. Наконецъ, вскорѣ послѣ появленія моей статьи въ «Вѣстникѣ Европы», появилась въ этомъ же журналѣ статья безъимянная, подписанная тремя буквами А. В. Г., которая, несомнѣнно, вышла изъ академической среды. На эту статью Бутлеровъ отвѣчалъ печатно (стр. 111) и доказалъ всю ея несостоятельность.

Послѣ этого прошло нѣсколько лѣтъ и Александръ Михайловичъ долженъ былъ начать съ своими академическими коллегами открытую борьбу по поводу національныхъ и научныхъ стремленій.

Рано или поздно, но эта борьба должна была начаться. По смерти Зинина, открылась въ академіи каѳедра химіи и Бутлеровъ, поддержанный другими русскими сочленами физико-математическаго отдѣленія академіи, представилъ на нее Менделѣева. Полагаю, что всякому

образованному русскому извѣстна статья Бутлерова, помѣщенная въ журналѣ *«Русь»*, а потому не буду говорить здѣсь о столкновенiи его съ нѣмецкой академической партiей. Скажу только, что защита русской партiи и защита его товарища Д. И. Менделѣева была вполнѣ и совершенно правильна. Каждый русскiй, и въ томъ числѣ Бутлеровъ, высоко цѣнилъ научныя заслуги и генiальныя способности нашего русскаго знаменитаго химика. Но нѣмецкiе академики не могли этого ни понимать, ни цѣнить. Для нихъ было дороже «русской» академiи — благосостоянiе нѣмецкихъ ученыхъ посредственностей и они забаллотировали Менделѣева.

Разсматривая теперь всю жизнь Александра Михайловича, мы видимъ, что элементъ борьбы занимаетъ въ ней широкое мѣсто. Началась эта борьба съ ректорства въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ онъ принужденъ былъ бороться съ студентами и съ своими товарищами, наконецъ, съ попечителемъ и профессорами. Затѣмъ, въ Петербургѣ эта борьба перешла на защиту медiумизма и вошла вмѣстѣ съ Бутлеровымъ, также какъ она входитъ со всякимъ истинно-русскимъ, въ стѣны академiи. Эта постоянная борьба была съ одной стороны слѣдствiе энергической, цѣльной натуры Александра Михайловича. Съ другой—она была слѣдствiе его прямаго характера, который не могъ остаться хладнокровнымъ и не защитить отъ нападокъ то, что казалось ему истиннымъ, рацiональнымъ и плодотворнымъ. Борьба не составляла необходимости ни въ его жизни, ни въ его характерѣ. Она могла и не быть, если бы обстоятельства его жизни сложились иначе. По натурѣ онъ былъ квiетистъ. Его интересы сосредоточивались въ мирной, семейной, прибавлю — деревенской жизни. Его любимое развлеченiе была охота, его

любимыя занятія, кромѣ лабораторныхъ работъ, были пчеловодство и цвѣтоводство. Онъ страстно любилъ музыку, въ особенности вокальную. Въ дни студенческой жизни онъ увлекался пѣснями нѣмецкихъ студентовъ и даже подбиралъ аккомпанименты къ нимъ на фортепіано. Въ зрѣломъ возрастѣ и до конца жизни онъ любилъ оперу и отдавалъ ей почти всѣ свободные вечера. Его натуру нельзя было назвать увлекающеюся, и ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать непостоянною. Напротивъ, въ ней много было солиднаго, степеннаго, разсудительнаго; но сквозь все это до конца жизни просвѣчивала какая-то дѣтскость—ясная простота души, возвышенной, честной и благородной. И вотъ, вѣроятно, эта дѣтскость была источникомъ его минутныхъ и также чисто дѣтскихъ увлеченій разными необыкновенными вещами, рѣдкостями и курьезами. Также, какъ во времена молодости, онъ увлекался энтомологіей, собираніемъ насѣкомыхъ, составленіемъ коллекцій химическихъ препаратовъ, увлекался блестящими опытами, горѣніемъ калія и натрія и т. под. вещами. Мы слушали нѣкоторые предметы въ 1-мъ курсѣ вмѣстѣ съ 1-мъ курсомъ медиковъ, и во всѣ 4 курса Бутлеровъ встрѣчался съ этими товарищами медиками и узнавалъ отъ нихъ, когда будетъ какая нибудь замѣчательная операція, на которой можно бы было присутствовать. Я полагаю, что во всемъ этомъ высказывались не одно увлеченіе необыкновенными вещами, но нѣкотораго рода любознательность.

Онъ любилъ также путешествія. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ по Европѣ, но въ 1868 г., бывши въ Ниццѣ, онъ пожелалъ проѣхать въ Марсель съ тѣмъ, чтобы проѣхать въ Алжиръ. Я остановлюсь на переѣздѣ его черезъ Средиземное море. Въ описаніи этого переѣзда,

сдѣланномъ имъ самимъ, лучше всего обрисовываются нѣкоторыя черты характера моего покойнаго друга.

Я думалъ, — говоритъ онъ, — сначала отправиться туда съ семьей, но это не состоялось *къ счастію*. Сколько разъ потомъ я радовался, что *одному мнѣ безъ семьи пришлось испытать невзгоды плаванія*. Говорятъ, путешествуя вдвоемъ, видишь вдвое болѣе. Въ этомъ не мало правды—и, между многочисленными наѣзжими гостями Ниццы, я постарался отыскать себѣ спутника. Выборъ оказался далекъ отъ удачнаго, и мнѣ пришлось узнать потомъ, что путешествуя вдвоемъ, терпишь вдвое — *за себя и за другихъ*".

Спутникъ, котораго избралъ Бутлеровъ себѣ въ товарищи, былъ одинъ казанскій помѣщикъ N. Во время бури, которую выдержалъ пароходъ *Алжиръ*, Александру Михайловичу пришлось не мало претерпѣть и вынести не только вслѣдствіе тяжелаго, отчаяннаго положенія парохода, но и вслѣдствіе того, что онъ принужденъ былъ почти постоянно ухаживать за товарищемъ, который потерялъ все присутствіе духа и порывался убить себя.

У него,—говоритъ Бутлеровъ,—должны были отнять и спрятать револьверъ и присматривать за нимъ. Въ одинъ вечеръ шлюпка, висѣвшая надъ окномъ его койки, вдругъ оборвалась однимъ концомъ. На призывъ капитана всѣ бросились на ютъ спасать шлюпку. N былъ испуганъ шумомъ до того, что обезумѣлъ совсѣмъ, дрожалъ, глядя во всѣ глаза, сидѣлъ въ корридорѣ, ведущемъ въ каюту, безумно смотрѣлъ на плески воды на палубѣ и увѣрялъ, что видитъ въ нихъ умершихъ—то свою мать, то сестру, которыя зовутъ его. Меня кликнули къ нему, но не скоро удалось успокоить первый припадокъ. Я далъ ему коньяку, теръ горло, въ которомъ, повидимому, происходили судорожныя сжатія, и намочилъ голову водой. Насилу удалось его уложить; онъ рыдалъ и дрожалъ; руки были холодны какъ ледъ,—взглядъ дикій,—полное отчаяніе и постоянное намѣреніе, по крайней мѣрѣ на словахъ,

лишить себя жизни. Не дай Богъ быть въ опасности, а еще хуже быть въ ней съ людьми безъ капли мужества и характера: ихъ вопли отнимаютъ присутствіе духа и у тѣхъ, кто еще сохранилъ его.

Вотъ какъ описываетъ Бутлеровъ страшную картину бури на морѣ и аваріи парохода:

Перемѣна, происшедшая на палубѣ, меня поразила: всѣ ряды бочекъ и коробокъ, которыми вчера были завалены ея бока, теперь исчезли; сорвавшіяся съ петель двери отъ кухни и разныя вещи валялись въ безпорядкѣ; *стеклянная крышка надъ машиннымъ люкомъ не существовала болье*; вездѣ по палубѣ текла вода, хлеставшая чрезъ борта и свободно попадавшая въ машинное отдѣленіе. Взглядъ на море заставилъ меня забыть палубу. Не видавъ, не представишь себѣ ничего подобнаго:—борта парохода, прежде высоко стоявшіе надъ водою, теперь, казалось, были наравнѣ съ ней, а немножко подальше, и справа, и слѣва, поднимались водяныя черно-синія горы, всѣ испещренныя бѣлыми пѣнистыми гребнями. Пароходъ, казалось, былъ ими сжатъ. Еще мгновеніе—и одна изъ нихъ обрушилась чрезъ лѣвый бортъ; цѣлый водопадъ пролился въ машинный люкъ. Почти безсознательно вскочилъ я на веревочную лѣстницу правой стороны, поближе къ шлюпкѣ, висѣвшей на ‧рострахъ и уже разбитой ударами волнъ. Не замѣчая этого, я видѣлъ въ ней надежду на спасенье. Но потоки воды на минуту перестали литься чрезъ бортъ; я сошелъ на палубу, и съ нея, оборотясь къ кормѣ, опять увидѣлъ воду черезъ ютъ. Ютъ аршина на три возвышался надъ палубою, и надъ нимъ, за кормою парохода, вдругъ поднялась водяная гора, вершина которой виднѣлась на высотѣ вдвое большей высоты юта. На мгновеніе я закрылъ глаза, ожидая потопленія; пароходъ прыгалъ, страшно качался, но не каждый разъ черпалъ воду бортами. Немного ободрившись, я бросился съ вопросами къ морякамъ. Одинъ изъ кочегаровъ, весь блѣдный, мокрый и дрожащій, на мои вопросы отвѣчалъ словами: „Моя жена, мои дѣти!“—Второй капитанъ стоялъ у юта. „Боже мой, что это такое?“ говорилъ я. „То, что бываетъ на морѣ“ — отвѣчалъ онъ—„ударъ волнъ“ (coup de mer).—„Мы погибли?“—„Нѣтъ“. Люди хлопотали между тѣмъ, чтобы затянуть парусами ма-

шинный люкъ и не пускать въ него заливавшуюся безпрестанно чрезъ бортъ воду. Я бросился помогать имъ; N—тоже. Волны хлестали, мѣшая нашей работѣ? „Держитесь, держитесь крѣпче“—закричалъ я своему спутнику и самъ успѣлъ схватиться за веревки у мачты, когда чрезъ правый бортъ хлынула, чрезъ всю ширину парохода, новая масса воды и обдала насъ съ головы до ногъ. Судорожно цѣплялся я за веревку и, къ счастію, удержался. Секунды съ двѣ я былъ совершенно въ водѣ; невольно-открытыми глазами видѣлъ синеву водяной массы; ротъ былъ полонъ воды. Весь мокрый, остался я на своемъ мѣстѣ у мачты, уплыла только безвозвратно новая шляпа, купленная въ Ниццѣ, предъ отъѣздомъ. Совсѣмъ озадаченный, я еще разъ вспрыгнулъ на веревочную лѣстницу къ шлюпкѣ; нашъ сотоварищъ по классу, пассажиръ-французъ, сдѣлалъ тоже, но отсюда легко было быть снесеннымъ волнами и я опять примкнулъ къ людямъ, удвоившимъ усилія, чтобы закрыть машинный люкъ. Это удалось наконецъ: на отверстіе положили весла, на нихъ—парусъ, и все заколотили гвоздями После еще надежнѣе утвердили эту покрышку, спасшую насъ отъ потопленія. Водяныя горы поднимались и рушились между тѣмъ по прежнему. Спустя нѣсколько мгновеній одна изъ нихъ ударила на ютъ, гдѣ находился капитанъ и двое рулевыхъ. Капитанъ поднялъ руки и вскрикнулъ, колесо руля и поперечина оказались изломанными, раздробленными, но люди уцѣлѣли. За минуту предъ тѣмъ капитанъ привязалъ веревками себя и ихъ. Руль поспѣшили какъ-то прикрѣпить и, повернувъ пароходъ на вѣтеръ, предоставили его волѣ бури и волнъ. Я, N. и пассажиръ-французъ взобрались на ютъ. „Погибли мы?“—спрашивалъ меня N. и увѣрялъ, что застрѣлится прежде чѣмъ успѣетъ утонуть. „Еще нѣтъ,—не теряйте надежды“, отвѣчалъ я. „Бѣдная моя жена, мои бѣдныя дѣти!“ шепталъ французъ, сконфуженный, но не потерявшійся. „И моя,—и мои тоже!“—думалось мнѣ. Говорю чистосердечно: умирать одному, никого не оставляя, мнѣ какъ-то не было страшно въ эту минуту, на умѣ вертѣлась мысль *о необходимости моей жизни для другихъ*.

Въ этихъ словахъ невольно и безсознательно обрисовалась благородная, самоотверженная душа Александра Михайловича. Тотъ, кто въ минуту смертельной опасности,

забывая о себѣ, думаетъ о необходимости своей жизни для другихъ; кто заботливо охраняетъ жизнь и спокойствіе своего случайнаго товарища по путешествію—тому человѣку чужды эгоистическія побужденія. Въ немъ живетъ высокій духъ и истинное человѣчное чувство.

Несчастный переѣздъ въ Алжиръ совершался цѣлыхъ 10 дней, отъ 23 января до 2 февраля. Нѣсколько разъ въ теченіи этихъ дней весь экипажъ судна переходилъ отъ надежды на спасеніе къ полному отчаянію. Бутлеровъ и всѣ пассажиры принуждены были работать какъ простые матросы. Восемь человѣкъ матросовъ погибло. Ихъ сбросило волнами и унесло въ море. Добравшись до Алжира, всѣ путники отправились благодарить Бога въ церковь Африканской Богоматери, выстроенной на горѣ, надъ моремъ, вблизи Алжира. Тамъ совершена была панихида по восьми погибшимъ путникамъ. Алжирскій архіепископъ сказалъ нѣсколько теплыхъ прочувствованныхъ словъ.

Съ высоты горы было дано послѣднее благословеніе погибшимъ. Большинство присутствовавшихъ было растрогано до глубины души. Давно ли многіе изъ нихъ находились между страхомъ и надеждой, не зная, увидятъ ли они африканскій берегъ или имъ назначена водная могила? А солнце яркимъ свѣтомъ обливало въ этотъ день и горы съ едва пробившейся сочной зеленью молодой травой, и лазурное тихое, едва колышащееся море. Оно ярко блистало теперь переливчатымъ свѣтомъ; тамъ и сямъ виднѣлись бѣлые паруса рыбачьихъ лодокъ, и нелегко было узнать въ этомъ красивомъ спокойствіи тѣ водяныя горы, которыя грозили поглотить насъ.

Смертельная опасность, которую испыталъ Бутлеровъ при переѣздѣ въ Алжиръ, не перемѣнили его отношенія къ путешествіямъ.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ — говоритъ онъ, — недавняго прошлаго, мнѣ трудно было тогда не поддаваться опасеніямъ

но прошли года — и я опять по прежнему отношусь къ морю и морскимъ путешествiямъ. Море всегда имѣло для меня особенную прелесть. Я понимаю, что можно любить его просторъ, его безконечное разнообразiе".

Величiе, просторъ и безконечность—вотъ что притягивало его къ широкому морю. Не это ли же самое тянуло его въ ту даль неизвѣданной вѣчной жизни, въ которую онъ такъ несокрушимо вѣрилъ и въ существованiи которой такъ страстно желалъ убѣдить своихъ товарищей ученыхъ скептиковъ. Занимаясь такъ долго медiумизмомъ, онъ какъ бы освоился съ тѣмъ загадочнымъ, невѣдомымъ мiромъ и не боялся перейти въ него. Когда онъ лежалъ больной въ постели, съ ногой, уложенной въ гипсовую повязку — то одна дама, его знакомая, прiѣхавшая навѣстить его, говорила ему, что такъ нельзя рисковать жизнiю, что отъ этого могутъ быть весьма серьезныя послѣдствiя. «Какiя же?»—спросилъ онъ. «Можете и умереть»—сказала дама. «Такъ что же?.. Я не желаю смерти, но и не боюсь ее!» И дѣйствительно смерть была не страшна ему. Онъ былъ убѣжденъ, что за дверями гроба откроется для него лучшая другая вѣчная жизнь.

Случай, уложившiй его въ постель, былъ пустой, ничтожный случай. Одинъ разъ вечеромъ, великимъ постомъ, онъ съ свойственной ему живостью быстро поднялся на одной правой ногѣ на небольшой стульчикъ-скамеечку, чтобы достать книгу съ верхней полки шкафа. При этомъ быстромъ движенiи часть какой-то мышцы около колѣннаго сустава не выдержала всей тяжести тѣла и разорвалась. Бутлеровъ почувствовалъ сильную, но минутную боль и только черезъ нѣсколько недѣль онъ замѣтилъ какую-то неловкость, боль и небольшую опухоль въ поврежденной ногѣ. Онъ обратился

къ хирургу, который сказалъ, что случай можетъ кончиться серьезно и что ему необходимо лечь въ постель, что больной и исполнилъ. Вскорѣ явилась опухоль икры, а черезъ нѣсколько дней больному рѣшились сдѣлать операцію: проколъ для выпуска жидкости. Ногу уложили въ гипсовую повязку, а затѣмъ въ лубочный желобъ. Болѣе мѣсяца Бутлеровъ пролежалъ въ постели, что для его подвижной, энергичной натуры было страшно тяжело. Притомъ этотъ случай, какъ я сказалъ уже выше, лишилъ его возможности осуществить его желанную поѣздку на Кавказъ, о которой онъ такъ горячо мечталъ.

Лежа, больной, онъ не покидалъ занятій и держалъ корректуру Пчеловоднаго Журнала, который онъ основалъ въ этомъ самомъ году при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Когда опасность миновала и онъ могъ уже встать съ постели—начались фотографическіе сеансы съ Еглингтономъ. Сеансы эти, разумѣется, были у него на квартирѣ, на нихъ онъ распоряжался магнезіальнымъ освѣщеніемъ. Лампа, которая существовала въ химической лабораторіи, для этого освѣщенія оказалась вовсе непригодною и мы могли воспользоваться только ея рефлекторомъ. Я, какъ теперь, вижу его фигуру, озабоченную и захлопотанную, въ халатѣ, лежащую на кушеткѣ, на которой пододвигали его въ кружокъ, передъ маленькій, круглый столикъ. На этомъ столикѣ стаяла лампа и онъ зажигалъ, когда было нужно, магнезіальныя полоски, вставленныя въ стеклянныя трубочки. Наканунѣ его отъѣзда въ деревню былъ послѣдній, матеріализаціонный сеансъ Еглингтона. Бутлеровъ уже болѣе недѣли какъ былъ на ногахъ, выходилъ, опираясь на трость. Сеансъ былъ въ квартирѣ Аксакова. Это былъ такъ сказать семейный сеансъ. Онъ состоялъ изъ тѣхъ же членовъ кружка, которые участвовали въ фотогра-

фическихъ сеансахъ. Мы всѣ, члены этого кружка, разсчитывали, что сеансъ будетъ необыкновенно силенъ и при полной гармоничности кружка мы увидимъ самыя блестящія явленія медіумизма Еглингтона, — но этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Одинъ изъ членовъ этого кружка, дама, очень давно уже занимающаяся спиритизмомъ, воспользовалась любезностью Бутлерова и Аксакова и засѣла вдвоемъ съ Еглингтономъ за свой частный сеансъ. Этотъ сеансъ продолжался около часа и медіумическая сила медіума была имъ сильно истощена.

По окончаніи сеанса я возвратился въ 1 ч. ночи на квартиру къ Бутлерову и ночевалъ у него, такъ какъ всѣ мои домашніе были на дачѣ. На другой день онъ всталъ бодрый, веселый и дѣятельно принялся за укладку вещей. Я простился съ нимъ, не подозрѣвая и не предчувствуя, что это было наше послѣднее прощаніе.

Затѣмъ я уѣхалъ на дачу, въ Павловскъ, и 5 августа, раскрывъ «Новое Время», увидалъ телеграмму, извѣщавшую объ его скоропостижной кончинѣ....

Онъ умеръ въ Бутлеровкѣ неожиданно для себя и для семьи. Въ деревнѣ онъ совершенно оправился, былъ такъ же дѣятеленъ, энергиченъ, бодръ и веселъ, какъ и всегда. Ни одинъ изъ пользовавшихъ его хирурговъ и терапевтовъ не предупредилъ его жену и родныхъ или близкихъ, что положеніе его требуетъ извѣстной осторожности, безъ соблюденія которой ему грозитъ смертельная опасность. Послѣ разрыва мышцы и вслѣдствіе его, у него сдѣлалось внутреннее кровоизліяніе, эксудатъ и образовался сгустокъ крови или тромбъ. Этотъ сгустокъ могъ, при извѣстномъ режимѣ, медленно всосаться; безъ этого режима онъ постоянно угрожалъ вступить въ оборотъ крови и закупорить какія-нибудь суще-

ственно важныя артеріи. Бутлеровъ ощущалъ этотъ сгустокъ въ томъ мѣстѣ, подъ колѣномъ, гдѣ былъ разрывъ. Онъ постоянно чувствовалъ здѣсь какую-то неловкость, въ особенности во время ходьбы. При этомъ онъ страдалъ какимъ-то незначительнымъ порокомъ сердца. Наканунѣ своей смерти онъ былъ на охотѣ, много ходилъ и вечеромъ почувствовалъ, что неловкое ощущеніе въ ногѣ исчезло. — «Я теперь совсѣмъ здоровъ! Одна нога стала, какъ другая», сказалъ онъ женѣ, «и даже неловкость въ ногѣ исчезла».

На другой день онъ, бодрый и здоровый, цѣлое утро хлопоталъ по хозяйству, ѣздилъ въ поле уставлять борону Рандаля и, послѣ обѣда, попросивъ жену пойти посмотрѣть на стройку, легъ отдохнуть. Когда она ушла, съ нимъ сдѣлалось головокруженіе, рвота, онѣмѣніе и страшная боль въ рукахъ. Жена вернулась и начала ухаживать за больнымъ. Она давала ему эфиръ, согрѣвала ему грудь и руки. Этотъ припадокъ продолжался часа три и всѣ старанія остановить его были напрасны. Онъ жаловался на постоянную, сильную боль въ рукахъ и въ груди. Вдругъ глаза его остановились неподвижно, какъ-будто въ изумленіи. Дыханіе прекратилось, сердце перестало биться

Тѣло его не было вскрыто и ближайшая причина смерти осталась не разъясненною. Похоронили его въ его родовомъ сельцѣ Бутлеровкѣ.

Проходя теперь, въ моемъ воспоминаніи, всю жизнь моего дорогаго друга, я представляю себѣ эту жизнь въ видѣ постояннаго, почти непрерывнаго стремленія къ добру и правдѣ. Онъ увлекался многимъ, что доставляло ему личное удовольствіе, но онъ умѣлъ быть твердымъ тамъ, гдѣ польза другихъ, польза обществен-

ная, заставляла его идти на перекоръ личному спокойствію и бороться за добро и свѣтъ истины. Постоянно ровный, добродушный и разсудительный, онъ очень рѣдко раздражался и никогда не терялъ самообладанія. Въ этомъ, можетъ быть, заключался секретъ общей привязанности къ нему тѣхъ лицъ, съ которыми онъ сталкивался въ жизни. Всѣ, знавшіе его, находили его прямой, честной и симпатичной личностью.

Болѣе полжизни онъ отдалъ борьбѣ за ту истину, которая составляла одно изъ его кровныхъ убѣжденій и постоянно отвлекала его отъ земныхъ привязанностей и привычекъ, напоминая о недоступныхъ для человѣка высшихъ, таинственныхъ сферахъ. Область науки для него не кончалась видимымъ міромъ; нѣтъ, онъ хорошо зналъ, что развитіе человѣческаго духа безконечно и что каждый, стремящійся узнать истину — узнаетъ ее тамъ, гдѣ свѣтъ ея горитъ, не затемнѣнный земной физической натурой человѣка. Возвышенный духъ его, любившій безконечное, открытое, широкое море — не могъ удовлетвориться узкими рамками земнаго знанія и твердо вѣрилъ въ высшія, сверхчувственныя сферы этого знанія. Между извѣстными учеными нашего вѣка онъ принадлежалъ къ весьма немногимъ, избраннымъ и болѣе объективнымъ, которые убѣдились въ реальности медіумическихъ явленій и твердо защищали непреложность ихъ существованія. Онъ очень хорошо понималъ, что ученые прежнихъ временъ, древнихъ и среднихъ вѣковъ не могли такъ грубо и поголовно ошибаться. Онъ смѣло защищалъ преданіе, преемственность развитія — защищалъ то общее убѣжденіе о существованіи нематеріальнаго міра, которое проходитъ красной нитью черезъ исторію всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. И если судьба не дозволила ему дожить до полнаго тор

жества его убѣжденій, то онъ уже видѣлъ разсвѣтъ. Онъ уже видѣлъ, какъ общество, придавленное низкими сводами матеріалистическихъ воззрѣній, начало иначе относиться къ болѣе широкимъ, идеальнымъ стремленіямъ и искать убѣжденій даже въ медіумическихъ фактахъ. Онъ видѣлъ, какъ явленія гипнотизма были признаны наукой и какъ у ея порога уже встали явленія магнетизма и сомнамбулизма, ведя за собою месмеризмъ и признаніе медіумическихъ явленій. Общество уже ищетъ ихъ. Оно полно смутной вѣры и надежды найти въ нихъ то, что оно потеряло въ слишкомъ одностороннемъ увлеченіи матеріальной наукой. Рано или поздно оно дойдетъ до истины и вспомнитъ добромъ того дѣятеля, который смѣло боролся за свѣтъ ея въ тяжелое, темное время общественной жизни.

20 іюля 1888 г.

Н. Вагнеръ.

ОТЗЫВЫ РУССКИХЪ ХИМИКОВЪ ОБЪ ОТНОШЕНІИ А. М. БУТЛЕРОВА КЪ МЕДІУМИЗМУ.

I.

Изъ рѣчи читанной профессоромъ Московскаго университета В. В. Марковниковымъ на общемъ собраніи русскаго физико-химическаго общества для чествованія памяти Александра Михайловича Бутлерова, 11 января 1887 г. (Журналъ русс. физико-хим. Общ. 1887 г., т. XIX, стр. 93—95).

Въ теченіе всей своей жизни Александръ Михайловичъ держался въ сторонѣ отъ вопросовъ, волновавшихъ тогда наше общество, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ по своимъ спеціальнымъ познаніямъ могъ-бы сказать вѣское слово. Въ то время когда у многихъ изъ русскаго общества догматомъ считался стихъ Некрасова: «Ученымъ можешь ты не быть, а гражданиномъ быть обязанъ», Бутлеровъ полагалъ, что свои гражданскія обязанности онъ исполняетъ честно и добросовѣстно, отдавшись главнымъ образомъ наукѣ и преподаванію. Было-бы однако совершенно ошибочно думать, что эта нѣкотораго рода замкнутость являлась послѣдствіемъ индифферентизма. Будучи искреннимъ и глубокимъ патріотомъ, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ

крупнымъ явленіямъ послѣдняго тридцатилѣтія русской жизни. Это было бы даже совершенно несогласно съ его живой, впечатлительной натурой. Но интересуясь окружающимъ, иногда возмущаясь нѣкоторыми его явленіями, онъ чаще всего умѣлъ найти въ себѣ основы, если не для примиренія съ тѣмъ, что онъ находилъ ненормальнымъ, нехорошимъ, то по крайней мѣрѣ для объективнаго къ нему отношенія. Но своими коренными, принципіальными убѣжденіями онъ никогда не поступался. Тутъ онъ оставался твердымъ и непоколебимымъ и готовъ былъ выступить одинъ противъ всѣхъ. Иногда казалось, что онъ даже бравировалъ общественнымъ мнѣніемъ. Тамъ, гдѣ другіе, расходясь съ мнѣніемъ большинства, обыкновенно или уступаютъ, или спѣшатъ стушеваться, чтобы скорѣе заставить забыть о себѣ. Бутлеровъ напротивъ выставлялся на показъ. Такіе случаи были конечно рѣдки, но они тѣмъ болѣе существенны, потому что обрисовываютъ вполнѣ его честную и цѣльную личность; безъ нихъ она получила-бы въ нашихъ глазахъ совершенно другой обликъ, такъ какъ для многихъ они казались противуестественными, совершенно несходными съ его характеромъ. Даже людямъ, близко его знавшимъ, казалось иногда страннымъ и непонятнымъ, что этотъ человѣкъ, столь мягкій, деликатный, уважающій чужое мнѣніе, внушавшій симпатію всѣмъ, кто съ нимъ соприкасался, выставляетъ себя иной разъ умышленно рельефно, чтобы принять на себя всѣ стрѣлы нападающихъ. Не долго думая, это называли просто страннымъ. Но если прослѣдить всѣ подобные случаи въ жизни Александра Михайловича, то не трудно замѣтить, не только совершенную послѣдовательность, но даже полную соотвѣтственность съ тѣми чертами его характера, которыя такъ пріятно поражали

каждаго при первой съ нимъ встрѣчѣ. Я умышленно употребилъ выраженіе «рельефно», потому что нельзя сказать «рѣзко», такъ какъ рѣзкость и Бутлеровъ — это два понятія несовмѣстимыя, а также и потому, что всегда въ подобныхъ случаяхъ Александръ Михайловичъ не былъ нападающимъ.

Мы не можемъ пройти молчаніемъ еще одной характерной стороны его убѣжденій и дѣятельности, имѣвшихъ выдающееся значеніе въ его жизни. Умолчать объ этомъ значило-бы поступиться существенной долей нашего къ нему уваженія. Мы можемъ не раздѣлять иныхъ убѣжденій человѣка, но не имѣемъ права ихъ игнорировать при характеристикѣ его личности. Я хочу сказать объ отношеніяхъ Александра Михайловича къ медіумизму.

Нужно имѣть много силы воли, чтобы рѣшиться выступить публично съ мнѣніемъ, идущимъ въ совершенный разрѣзъ съ убѣжденіями всего общества, убѣжденіями, которыя слагались и утверждались традиціонно въ теченіи вѣковъ. Серьезные люди на это рѣшаются, только всесторонне и зрѣло обдумавъ какъ то, что они хотятъ проповѣдывать, такъ и то, что ихъ проповѣдь должна разрушать. Такимъ является намъ Александръ Михайловичъ, какъ представитель въ Россіи медіумическаго ученія.

Кто не помнитъ, какъ въ семидесятыхъ годахъ опрокинулась на него почти вся русская печать, и онъ сталъ посмѣшищемъ всей мелкой прессы, уже не стѣснявшейся въ словахъ, чтобы выразить свое пренебреженіе къ человѣку, имя котораго такъ высоко стояло въ наукѣ. Чтобы объяснить такое, по ихъ мнѣнію, противорѣчіе, какъ совмѣщеніе въ одномъ лицѣ и знаменитаго натуралиста, и спирита, готовы были признать у него даже

нѣкоторое умственное разстройство. Можно себѣ представить, что долженъ былъ чувствовать тотъ, на кого устремлялись эти нападенія? Бутлеровъ съ полнымъ самообладаніемъ выслушивалъ всѣ эти насмѣшки и инсинуаціи; онъ ожидалъ ихъ заранѣе и столь-же спокойно, со свойственнымъ ему благородствомъ тона истиннаго джентльмена, отвѣчалъ на задорныя нападенія своихъ болѣе серьезныхъ противниковъ. Противъ ихъ возраженій онъ выставлялъ факты, ссылался въ оправданіе себя на имена крупныхъ научныхъ авторитетовъ. Въ цѣломъ рядѣ статей онъ указывалъ, что въ исторіи наукъ можно найти не мало данныхъ, которыя не даютъ права ея адептамъ относиться съ такимъ скептицизмомъ, а еще менѣе съ презрѣніемъ къ указываемымъ имъ явленіямъ. Для насъ, не принадлежащихъ ни къ приверженцамъ спиритизма, ни къ его предвзятымъ противникамъ, наблюдавшихъ за этой неровной борьбой со стороны, ясно, что споръ остался нерѣшеннымъ, да онъ и не могъ быть рѣшенъ этимъ путемъ. Но логика на сторонѣ Александра Михайловича точно также, какъ и симпатіи всѣхъ, кто въ серьезномъ спорѣ привыкъ видѣть турниръ уважающихъ другъ друга противниковъ. Можно не вѣрить въ медіумизмъ, но нельзя отказать въ строгой чисто научной послѣдовательности идей и логичности заключеній у его проповѣдника. Существенно характерной чертой въ отношеніяхъ Александра Михайловича къ медіумизму нужно отмѣтить слѣдующее. Между тѣмъ какъ въ его химическихъ роботахъ мы видимъ полное отсутствіе эмпиризма,—всегда онъ руководился въ нихъ какимъ либо теоретическимъ соображеніемъ—въ медіумизмѣ напротивъ онъ считаетъ всякія теоріи преждевременными, а совѣтуетъ заняться пока собираніемъ фактическаго матеріала. И здѣсь,

какъ въ его химическихъ теоріяхъ, мы видимъ тотъ же ясный, строгій взглядъ. Онъ вѣрилъ въ наблюдавшіяся имъ явленія и открыто исповѣдывалъ свою вѣру, не навязывая ея другимъ безъ разбора средствъ. Намъ неоднократно случалось .бесѣдовать съ Александромъ Михайловичемъ объ этомъ предметѣ и мы можемъ засвидѣтельствовать, что его рѣшимость отдаться на судъ толпы, уважающей обыкновенно святость чужаго мнѣнія только въ принципѣ, поддерживалась исключительно сознаніемъ важности самого предмета. Если хотя часть того, что свидѣтельствуютъ медіумисты, окажется дѣйствительно существующимъ, то, сдѣлавшись достояніемъ большинства, оно должно привести къ такимъ послѣдствіямъ для человѣчества, которыя трудно теперь опредѣлить даже приблизительно. Таково было отношеніе Александра Михайловича къ медіумизму, вотъ стимулъ, заставившій его выступить проповѣдникомъ. Въ этой рѣшимости подвергнуться всевозможнымъ оскорбленіямъ, въ готовности жертвовать своей популярностью и славой ученаго изъ-за своихъ убѣжденій нельзя также не признать высоко благородной черты покойнаго.

II.

Изъ рѣчи читанной на годичномъ актѣ Императорскаго Харьковскаго университета, 17 января 1887 г., профессоромъ Г. И. Лагермаркомъ. (Харьковъ. 1887. стр. 22—25).

Въ числѣ предметовъ привлекавшихъ на себя вниманіе Бутлерова были и т. наз. спиритическія или, какъ ихъ принято называть въ послѣднее время, *медіумическія явленія*. Съ этой стороны, быть можетъ,

Александръ Михайловичъ извѣстенъ публикѣ даже болѣе чѣмъ съ научной стороны. Изъ-за этихъ занятій о немъ въ обществѣ образовались два совершенно противуположныхъ мнѣнія. Одни, и нужно сказать большинство, видѣли въ немъ человѣка нѣсколько ненормальнаго, мономана, другіе же пламеннаго борца и великаго адепта новыхъ идей съ мистическимъ, фантастическимъ характеромъ, обращающихъ, какъ извѣстно, легче всего на себя вниманіе извѣстной части общества. По моему мнѣнію и то и другое мнѣніе одинаково ошибочны. Я нарочно затрогиваю этотъ вопросъ, желая высказать свой взглядъ на эту сторону дѣятельности Александра Михайловича. Я имѣю на это право тѣмъ болѣе, что стою совершенно внѣ партій въ этомъ отношеніи и только изъ книгъ, и то случайно, и по наслышкѣ знакомъ съ подобными явленіями. Прошу васъ, мм. гг., при этомъ замѣтить, что я вовсе не имѣю въ виду высказать мнѣніе о явленіяхъ, мнѣ мало извѣстныхъ; я желаю только выставить дѣятельность Александра Михайловича Бутлерова въ этой области въ правильномъ, по моему мнѣнію, свѣтѣ. Александръ Михайловичъ Бутлеровъ извѣстенъ нѣкоторыми своими статьями по вопросу о медіумическихъ явленіяхъ. Извѣстно также, что эта его дѣятельность заслужила ему не мало упрековъ отъ большинства, не мало насмѣшекъ и инсинуацій. Поэтому меня самого интересовало ознакомиться съ тѣмъ, что было имъ высказано по этому поводу. Все имъ написанное объ этомъ предметѣ мною читано и перечитано не одинъ разъ и я составилъ себѣ совершенно опредѣленное понятіе о его дѣятельности въ этомъ отношеніи. Результатъ, который я вынесъ изъ изученія его сочиненій по вопросу о медіумическихъ явленіяхъ, однако, не соотвѣтствовалъ тому предполо-

женію, которое я заранѣе составилъ, находясь подъ вліяніемъ нѣкотораго предубѣжденія. Чтó бы ни сказали, но и въ этомъ отношеніи я долженъ считать дѣятельность Александра Михайловича Бутлерова далеко не заслуживающей того порицанія, которое по большей части было его удѣломъ. Его статьи по вопросу о медіумическихъ явленіяхъ дышутъ твердымъ и глубокимъ убѣжденіемъ въ объективной реальности явленій, о которыхъ идетъ рѣчь; въ статьяхъ его мы встрѣчаемся съ тѣмъ-же яснымъ и строго-логическимъ языкомъ, который характеризуетъ его химическія сочиненія; въ нихъ замѣчается полное отсутствіе мистицизма, да и самъ онъ говорилъ, что мистическое и сверхъестественное кончается тамъ, гдѣ воцаряется знаніе. Къ изученію медіумическихъ явленій манила его не таинственность, его влекла къ нимъ жажда знанія. Онъ не предлагалъ для этихъ явленій никакого объясненія, но признавая въ нихъ проявленіе новой неизвѣстной еще силы, настаивалъ на изслѣдованіи, ожидая отъ изученія медіумическихъ явленій важныхъ результатовъ, какъ для психо-физіологіи, которой явленія эти ближе всего касаются, такъ и для всего естествознанія въ самыхъ основахъ его, въ нашихъ понятіяхъ о веществѣ, о силѣ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. У него на первомъ планѣ стояло требованіе изслѣдованія и это, я думаю, есть единственная правильная почва, на которой долженъ стоять естествоиспытатель. При этомъ не мало требуется честности и гражданскаго мужества, чтобы высказаться о вопросѣ до такой степени трудномъ и дискредитированномъ обманами шарлатановъ въ глазахъ общества, въ которомъ каждый считаетъ себя въ правѣ быть судьей и высказать приговоръ. Поэтому мнѣ кажется, что даже тотъ, кто не раздѣ-

ляетъ воззрѣній Бутлерова по вопросу о медіумическихъ явленіяхъ, не можетъ не отдать ему дань справедливаго уваженія за его честное, открытое и вполнѣ достойное отношеніе къ дѣлу.

III.

Изъ рѣчи произнесенной профессоромъ И. И. Канонниковымъ на торжественномъ публичномъ засѣданіи совѣта Императорскаго Казанскаго университета, посвященномъ памяти его покойнаго почетнаго члена, академика А. М. Бутлерова, 5 февраля 1887 г. („Рѣчи произнесенныя на торжественномъ собраніи“ и пр. Казань, 1887 г., стр. 59—61).

Долгіе годы употребилъ нашъ незабвенный учитель на свое дѣло, на разработку и утвержденіе своей теоріи химическаго строенія, и на долю его выпало завидное счастье видѣть всеобщее признаніе своихъ воззрѣній. Другому было бы съ избыткомъ достаточно. Но могучему уму Александра Михайловича было мало. Познакомивъ насъ съ расположеніемъ атомовъ элементовъ въ частицѣ химическаго соединенія, онъ обратился къ изученію самихъ атомовъ. Здѣсь мы знакомимся съ еще болѣе глубокими воззрѣніями его на природу вещей, но — только знакомимся; неумолимая смерть прервала его жизнь въ тотъ моментъ, когда онъ готовился раскрыть намъ одну изъ самыхъ сокровенныхъ тайнъ природы и намъ остались только одни его идеи и гипотезы, оправдать которыя предстоитъ другимъ.

Размышляя надъ тѣмъ: что такое атомъ, что такое матерія? Александръ Михайловичъ приходилъ къ такому рѣшенію: всякое химическое соединеніе не представ-

ляетъ изъ себя чего-нибудь мертваго, неподвижнаго. Напротивъ, оно одарено постояннымъ движеніемъ, совершающимся въ его самыхъ мельчайшихъ частичкахъ, которыя постоянно мѣняются въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, суммируясь при этомъ въ нѣкоторый постоянный средній результатъ. Словомъ, мы всегда имѣемъ въ химическомъ соединеніи состояніе извѣстнаго неподвижнаго равновѣсія, оно представляетъ опредѣленную зависимость, результатъ движенія его составныхъ частей, которыя мы называемъ атомами. Тогда вѣсъ атома будетъ ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ того количества матеріи, которое является носителемъ извѣстнаго количества движенія — химической энергіи. Но извѣстно, что количество энергіи опредѣляется не одной массой вещества, масса послѣдняго можетъ оставаться безъ измѣненія, а количество энергіи будетъ мѣняться, напр. вслѣдствіе измѣненія скорости. Если это такъ, то непремѣннымъ выводомъ отсюда является то, что атомы разныхъ элементовъ не представляютъ какихъ-нибудь постоянныхъ величинъ, а способны къ извѣстнымъ измѣненіямъ, напр. въ своемъ вѣсѣ. Подтвержденіе такому взгляду Александръ Михайловичъ видѣлъ въ наблюденіяхъ Шютценбергера, до сихъ поръ никѣмъ не объясненныхъ и состоящихъ въ томъ, что при анализахъ нѣкоторыхъ соединеній элементовъ углерода и водорода получаются процентныя количества углерода и водорода, составляющія въ суммѣ болѣе 100. Для объясненія этого явленія нѣтъ другаго пути, какъ тотъ, который указалъ Александръ Михайловичъ. Однако онъ не довольствовался однимъ объясненіемъ, онъ желалъ поставить его внѣ спора, на прочную почву факта, и приступилъ къ приготовленію необходимыхъ для того опытовъ — но ему не суждено было совершить ихъ.

Взглядъ на атомные вѣса элементовъ, какъ только на выраженіе количества энергіи, присущей извѣстнымъ состояніямъ матеріи, былъ однако лишь приложеніемъ къ частному случаю общихъ воззрѣній Александра Михайловича на матерію и силу. До сихъ поръ принимается всѣми за непреложное, въ мірѣ существуютъ два рѣзко отличные другъ отъ друга фактора: матерія и сила. Вѣрно-ли это? задаетъ себѣ вопросъ Александръ Михайловичъ, и отвѣчаетъ: нѣтъ. Мы не знаемъ вещества помимо энергіи, помимо силы. Вещество безъ силы не подлежало бы нашему познаванію, потому что мы не воспринимали бы отъ него впечатлѣній говорящихъ намъ о его существованіи и свойствахъ. Такимъ образомъ вещество и сила сливаются въ одно или, лучше, понятіе о веществѣ растворяется въ болѣе обширномъ понятіи о силѣ, ибо мы не знаемъ вещества безъ силы, но должны допустить существованіе силы безъ того, что обычно считаемъ веществомъ. Гдѣ есть вещество— тамъ всегда есть сила, но гдѣ есть сила, тамъ не всегда непремѣнно есть то, что мы называемъ веществомъ, какъ напр. въ явленіи всемірнаго тяготѣнія. Съ этой точки зрѣнія, вещество есть не болѣе, какъ только нѣкоторая форма проявленія силы, представляющей единую и дѣйствительную сущность всей неодушевленной природы.

Здѣсь Александръ Михайловичъ останавливается и спрашиваетъ себя: что же, здѣсь ли предѣлъ нашему знанію? И отвѣчаетъ снова — нѣтъ. Теоретически ясная, строго научная возможность существованія силы, безъ обычнаго понятія о матеріи, привела его къ признанію существованія человѣческаго духа, какъ особой сущности, не зависящей отъ грубой матеріи—нашего тѣла. Подобно тому какъ сила можетъ существовать безъ матеріи, такъ и духъ человѣческій можетъ существовать

безъ своей бренной оболочки, и со смертью тѣла, душа не погибаетъ, но продолжаетъ жить и развиваться въ новой сферѣ своей дѣятельности. Но гдѣ бы она ни была: здѣсь ли на землѣ, въ надзвѣздныхъ ли пространствахъ, вездѣ она, думалъ Александръ Михайловичъ, будетъ жить и дѣйствовать

По вѣчнымъ, желѣзнымъ,
Неизмѣннымъ законамъ,

по которымъ

Обязаны всѣ мы
Кругъ жизни совершать.

I.

МЕДІУМИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ [1]).

(„Русскій Вѣстникъ", ноябрь, 1875 г.).

Печатая не разъ по-нѣмецки о моихъ наблюденіяхъ надъ явленіями медіумизма [2]), я считалъ до сихъ поръ несвоевременнымъ говорить о нихъ въ русской печати. То рѣзкое предубѣжденіе, съ которымъ относилось и относится къ этому вопросу большинство, то, можно сказать, отвращеніе, съ которымъ почти всѣ редакціи газетъ и журналовъ изрѣдка и нехотя рѣшались давать ему мѣсто на страницахъ своихъ изданій, все это не призывало меня къ изложенію моихъ наблюденій въ нашихъ органахъ гласности. При такихъ условіяхъ, отъ нихъ трудно было ожидать пользы для кого-бы то ни было и нельзя было не ожидать непріят-

[1]) Имя автора этой статьи, пользующагося столь почетною извѣстностью и авторитетомъ въ ученомъ мірѣ, профессора химіи при С.-Петербургскомъ университетѣ, А. М. Бутлерова, невольно обращаетъ на нее особое вниманіе и во всякомъ случаѣ оправдываетъ ея появленіе въ журналѣ. *Ред.*

[2]) Въ журналѣ *Psychische Studien*, издаваемомъ съ 1874 года въ Лейпцигѣ А. Н. Аксаковымъ (см. 1874 годъ № I, стр. 20, № VI, стр. 300 и 1875 годъ № III, стр. 139 и № IX, стр. 385).

ностей для пишущаго. Что такой взглядъ былъ основателенъ вполнѣ доказывается тѣмъ, что̀ пришлось недавно испытать моему уважаемому другу, профессору Н. П. Вагнеру, а отчасти и самому мнѣ по поводу его статьи [1]). Тонъ, въ которомъ отнеслось къ ней большинство, нельзя считать ни умѣреннымъ, ни приличнымъ; и еще менѣе можно назвать разборчивыми тѣ пріемы, какіе были употреблены нѣкоторыми изъ писавшихъ противъ лица, виноватаго въ томъ только, что оно открыто въ русской печати осмѣлилось заявить о существованіи фактовъ, добросовѣстно считаемыхъ имъ реальными и неподложными. Не оставлены въ покоѣ, наконецъ, даже и тѣ, которые рѣшились обратить серіозное вниманіе на дѣло, хотя бы и съ той собственно точки зрѣнія, что здѣсь кроется уклоненіе отъ здраваго смысла, заслуживающее ближайшаго изслѣдованія. А между тѣмъ несомнѣнно, большинство самыхъ рѣзкихъ оппонентовъ профессора Вагнера—люди готовые проповѣдывать и защищать необходимость свободы мнѣній, тѣмъ болѣе свободу науки, свободу мнѣній, относящихся къ изученію и объясненію явленій природы. Эти лица преслѣдуютъ здѣсь уже и не одну свободу мнѣнія, а даже свободу изслѣдованія и описанія фактовъ. Ничего подобнаго не могло быть и не было въ западной Европѣ. Къ сочиненіямъ Перти, къ статьямъ Уаллеса, Крукса и пр. относится тамъ большинство съ тѣмъ же насмѣшливымъ недовѣріемъ, съ какимъ встрѣчена у насъ была статья Вагнера, но свободу изслѣдованія и личнаго мнѣнія тамъ умѣютъ цѣнить и беречь, и названнымъ ученымъ едва ли приходилось выслушивать что-либо подобное тому, что съ полною раз-

[1]) *Вѣстникъ Европы.* Апрѣль, 1875 годъ.

вязностью говорится у насъ любымъ безъапелляціоннымъ и обыкновенно безъименнымъ фельетоннымъ рѣшителемъ вопросовъ. Нашлись у насъ и такіе пишущіе, которые съ напраснымъ глубокомысліемъ ухищрялись разыскивать въ состояніи нашей общественной атмосферы причины распространенія спиритизма. Подобная догадка, быть можетъ, обнаруживаетъ нѣкоторое остроуміе, но этимъ излишне глубокимъ мыслителямъ, или ихъ послѣдователямъ, придется увѣриться рано или поздно, что главная причина распространенія спиритизма лежитъ просто въ реальности фактической стороны дѣла, и болѣе или менѣе странныя толкованія примѣшиваются сюда потому, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ факты подпадаютъ обсужденію лицъ неподготовленныхъ къ тому, чтобы мыслить строго.

Писавши по-нѣмецки, я не подвергался бросанію грязью, а тотъ спеціальный органъ, въ которомъ появлялось мое имя въ связи съ медіумизмомъ, но за то и рядомъ съ именами, справедливо пользующимися въ Европѣ почетомъ и извѣстностью, обратилъ серьезное вниманіе нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ. Стоитъ указать, напримѣръ, хоть на то, какъ отнеслась къ нему берлинская *Фоссова Газета*, посвятившая нѣсколько своихъ нумеровъ далеко не насмѣшливой статьѣ о медіумизмѣ, принадлежащей перу извѣстнаго Фрауэнштедта. Содержаніе первой моей статьи, напечатанной въ Лейпцигѣ, было передано въ главныхъ чертахъ, вскорѣ послѣ ея появленія, въ фельетонѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* [1]) и... прошло незамѣченнымъ.

[1]) См. также *Очерки* и пр. Незнакомца (А. Суворина), книжка 2-я. Я, конечно, отказываюсь понимать, почему, по мнѣнію г. Суворина, «*не упоминая о нѣкоторыхъ явленіяхъ, я тѣмъ самымъ признаю ихъ шарлатанствомъ*», тогда какъ я заранѣе ска-

Это, вѣроятно, избавило меня отъ лишнихъ комковъ грязи, но теперь я готовъ сожалѣть объ этомъ. Еслибы высказанное мною не прошло безслѣдно, быть можетъ, тѣ лица, которыя недавно взяли на себя трудъ серьезно и въ приличномъ тонѣ заговорить о медіумизмѣ, подписавъ свои имена, прочли бы мои нѣмецкія статьи, и читая ихъ, они нашли бы въ томъ же журналѣ не мало свѣдѣній, идущихъ и съ другихъ, заслуживающихъ довѣрія, сторонъ. Это чтеніе позволило бы имъ нынѣ говорить съ болѣе серіознымъ знаніемъ того, о чемъ они ведутъ рѣчь, избавило-бы ихъ отъ необходимости признаваться, что они рѣшаются произносить приговоры въ дѣлѣ имъ мало извѣстномъ [1]). Чтеніе это,

залъ, что сообщу лишь о нѣкоторыхъ наиболѣе рѣзкихъ случаяхъ.

[1]) «Литература этого предмета мнѣ мало извѣстна» говоритъ г. Рачинскій (*Русскій Вѣстникъ*, маіі 1885 г., стр. 381), и полная справедливость этого признанія ясно видна изъ того, что онъ «въ статьѣ г. Вагнера въ первый разъ встрѣтилъ о подобныхъ явленіяхъ свидѣтельство, исходящее отъ людей науки» (стр. 382). А между тѣмъ, имена ученыхъ: Гера, де-Моргана, Уаллеса, Варлея, Крукса и пр., столько разъ повторялись рядомъ со свидѣтельствами ими данными, что даже странно не замѣтить ихъ тому, кто рѣшается печатно судить о медіумическихъ явленіяхъ. Я позволяю себѣ думать, что самъ г. Рачинскій сочтетъ компетентными, въ вопросахъ естествознанія, приговоры тѣхъ только лицъ, которыя изучали эти вопросы обширно и всесторонне, не по однимъ отрывочнымъ личнымъ наблюденіямъ.

Что касается г. Шкляревскаго, то хотя онъ, какъ видно, и познакомился нѣсколько съ литературой предмета, но это знакомство сдѣлано мимоходомъ и осталось крайне недостаточнымъ. Иначе, разбирая то, что разказано профессоромъ Вагнеромъ, г. Шкляревскій вѣроятно счелъ бы нужнымъ обратить вниманіе и на то, что печатно заявлено Круксомъ, Уаллесомъ, мной и пр. и что достаточно устраняетъ многое изъ мнѣній г. Шкляревскаго. А говоря о Фолькманнѣ, поймавшемъ фигуру Кети Кингъ, г.

вѣроятно, помѣшало бы имъ также давать объясненія, немедленно падающія при серіозномъ, болѣе подробномъ сопоставленіи ихъ съ фактами и не могущія поэтому имѣть ни малѣйшаго вѣса во мнѣніи людей, наблюдавшихъ явленія не въ одномъ ихъ зародышѣ. Я принадлежу къ числу этихъ людей и принужденъ сознаться, что счелъ бы крайне неблагодарной задачей опроверженіе того, что не можетъ держаться само собой въ прикосновеніи съ дѣйствительностію. Пусть только захотятъ познакомиться съ нею!

Вотъ почему, находя при настоящихъ обстоятельствахъ необходимымъ высказаться, я вовсе не намѣренъ вступать въ подробную полемику съ противниками профессора Вагнера, а хочу говорить о моихъ личныхъ наблюденіяхъ. Я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, вредны или нѣтъ медіумическіе опыты; я не приглашаю къ нимъ людей нервныхъ, суевѣрныхъ или склонныхъ къ мистицизму, охотно допускаю, что подъ руками шарлатановъ они могутъ быть поддѣльными и служить орудіемъ эксплуатаціи легковѣрныхъ. Для меня довольно того, что видѣнное и описываемое мной представляетъ, по крайнему искренному убѣжденію моему, реальныя, неподдѣльныя явленія природы, а факты все побѣждаютъ; они не боятся голословнаго отрицанія, и ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ утаиванію, но требуютъ наблюденія, изученія. Пусть принадлежатъ эти факты къ числу такихъ, ко-

---

Шкляревскій не умолчалъ бы о томъ, что Круксомъ *позже этого констатировано* существованіе Кети какъ дѣйствительно-отдѣльное отъ медіума, миссъ Кукъ (*Вѣстникъ Европы*, іюль, стр. 417 и 418). Въ сущности именно свидѣтельство Крукса лишаетъ г. Шкляревскаго права, которое онъ себѣ присвоилъ, оставить явленія матеріализаціи внѣ разсмотрѣнія.

торые болѣе или менѣе извѣстны были уже въ древности, пусть было темное время, когда на нихъ опиралось значеніе египетскихъ жрецовъ или римскихъ авгуровъ, пусть и нынѣ держится ими шаманство, пусть будутъ они вредны для тѣхъ, кто не въ мѣру увлекается ими, но если они реальны, то намъ нѣтъ дѣла до всего этого. Все дѣйствительно существующее подлежитъ знанію. а увеличеніе массы знанія можетъ только обогащать, а не упразднять науку. Если человѣчество когда-либо признавало фактъ, а потомъ въ ослѣпленіи самомнѣнія, стало отрицать его, то возвратъ къ признанію реально-существующаго будетъ шагомъ впередъ, а не назадъ. Но именно нужно, чтобъ это признаніе совершилось въ силу строгаго наблюденія, изученія, провѣрки опытомъ, чтобы пришли къ нему, руководясь *положительнымъ научнымъ методомъ*, также какъ приходятъ къ признанію каждаго явленія природы. Заявляя о дѣйствительности существованія медіумическихъ фактовъ, мы желаемъ приложенія этого метода, зовемъ не къ слѣпому вѣрованію, по примѣру давнопрошедшихъ лѣтъ, а къ знанію,—не къ отреченію отъ науки, а къ расширенію ея области; мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе, что точное, научное разсмотрѣніе всего лучше приведетъ къ тому, чтобы «явленія эти утратили печать таинственности» [1]) и видимъ блестящее будущее завоеваніе науки въ томъ, что она будетъ воявь изслѣдовать, изучать то, что до сихъ поръ впадало въ область таинственности и темныхъ вѣрованій.

Прежде всего, я считаю обязанностью положительно

[1]) См. предложеніе, сдѣланное профессоромъ Д. И. Менделѣевымъ въ засѣданіи Физическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ, 6 мая 1875 г.

заявить, что, наравнѣ съ самимъ профессоромъ Вагнеромъ, принимаю на себя ручательство въ реальности и объективности фактовъ, которые имъ описаны и которые пришлось намъ наблюдать вмѣстѣ съ нимъ. Я убѣжденъ даже, что всякій серьозный наблюдатель, который имѣлъ бы желаніе, случай и терпѣніе, въ теченіи достаточно продолжительнаго времени, подобно намъ, познакомиться съ цѣлымъ рядомъ этихъ явленій, раздѣлилъ бы, въ главныхъ чертахъ, наши заключенія. Я готовъ еще разъ повторить здѣсь достопамятныя слова Уаллеса [1]), уже приведенныя мной въ моей первой нѣмецкой статьѣ [2]): «я такъ увѣренъ въ истинѣ и объективной реальности фактовъ, мной здѣсь разсказанныхъ, что я готовъ весь этотъ вопросъ отдать на судъ любаго человѣка науки, желающаго дойти до истины и согласнаго, до произнесенія своего сужденія, посвятить изслѣдованію этихъ явленій два или три часа въ недѣлю въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, потому что—повторяю опять—я не знаю ни одного человѣка, который, сдѣлавъ это, не убѣдился-бы въ дѣйствительности этихъ явленій».

Описывать буду я лишь то, что происходило въ моемъ личномъ присутствіи. Знаю по собственному продолжительному опыту, что вѣрить даже и самымъ достовѣрнымъ свидѣтелямъ, когда дѣло идетъ о фактахъ, подобныхъ медіумическимъ, трудно, и тѣмъ труднѣе вѣрить тому, что разсказывающій слышалъ отъ другихъ, хотя бы и такихъ свидѣтелей, которые для него, разсказывающаго, вполнѣ достовѣрны. «Я не смѣю от-

[1]) См. также книгу *Спиритуализмъ и Наука*, А. Аксакова, 1872, стр. 10.

[2]) См. *Psych. Studien*, 1874. I, стр. 28.

рицать того, что слышу», говорится или думается обыкновенно въ этихъ случаяхъ, «но повѣрю тогда только, когда увижу и убѣждусь собственными чувствами». Невольно, помимо строгаго сужденія, нерѣдко принимается изъ разсказаннаго одно, болѣе согласное съ предвзятыми идеями, и отрицается другое, противорѣчащее имъ, хотя и то и это свидѣтельствуется одинаково опредѣленно, и заслуживаетъ одной и той же степени довѣрія. Примѣры близки. Такъ видѣли мы, какъ покойный лейпцигскій профессоръ Чермакъ принималъ свидѣтельство Крукса относительно показанія пружинныхъ вѣсовъ, колебавшихся подъ медіумическимъ вліяніемъ Юма, и рядомъ съ этимъ игнорировалъ другіе факты, установленные и сообщенные Круксомъ и относящіеся также къ сдѣланнымъ имъ надъ медіумическими явленіями опытамъ [1]). Допускалось то, въ чемъ удобно можно было предположить ошибку, а игнорировалось то, что трудно опровергнуть. Подобнымъ образомъ нынѣ и г. Рачинскій готовъ допустить наше (Н. П. Вагнера и мое) свидѣтельство о явленіяхъ за занавѣской въ сеансѣ Бредифа, но только рядомъ съ своимъ предположеніемъ о «существованіи, безъ вѣдома хозяина дома, другаго ключа отъ двери, находящейся за занавѣской» [2]). А г. Шкляревскій, кромѣ втораго ключа, ухитряется еще допустить присутствіе, тоже незамѣтное для насъ, особой женщины въ складкахъ занавѣски [3]). Отчего же, принимая болѣе или менѣе наше свидѣтельство относительно реальности самихъ явленій, при наблюденіи которыхъ еще сравнительно-легко можно

---

[1]) См. мою статью въ *Psychische Studien* 1874, I, стр. 22.

[2]) *Русскій Вѣстникъ*, май, 1875, стр. 936.

[3]) *Вѣстникъ Европы* 1875, іюль, стр. 413.

предположить ошибку, не считать насъ компетентными въ рѣшеніи вопроса о ключѣ, о двери и отсутствіи подставнаго лица, то есть о томъ, что не было поддѣлки по меньшей мѣрѣ собственно съ этихъ нехитрыхъ сторонъ. «Такое предположеніе (о второмъ ключѣ) для насъ, присутствовавшихъ на сеансѣ», говоритъ Н. П. Вагнеръ и повторяю теперь я, «лишено всякаго человѣческаго смысла». Неужели нуженъ планъ квартиры, рисунокъ двери и т. п.? Что же касается до присутствія незамѣченной нами женщины въ складкахъ той занавѣски, которую каждый изъ насъ могъ постоянно трогать, ощупывать, осматривать, то признаюсь, это предположеніе для меня чуднѣе самихъ медіумическихъ фактовъ. Смѣю увѣрить гг. Рачинскаго и Шкляревскаго, что и они, и всякій другой, самый упорный отрицатель медіумизма, съ перваго взгляда на мѣстѣ, согласился бы съ нами относительно ключа, дверей и отсутствія подставнаго лица. Г. Рачинскій удивляется, что Н. П. Вагнеръ не ожидаетъ того, чтобъ ему повѣрили, я же позволю себѣ замѣтить, что я ничуть не удивился бы, еслибы г. Рачинскій, осмотрѣвъ дверь и комнаты и убѣдившись въ несостоятельности своего предположенія о второмъ ключѣ, отказался вѣрить тому самому нашему свидѣтельству, которое теперь онъ такъ охотно принимаетъ.

Я далекъ отъ того, чтобъ ожидать полнаго довѣрія къ моимъ словамъ. Я уже нѣсколько привыкъ къ тому любопытному способу сужденія, который обыкновенно прилагается строгими судьями къ разсказамъ о медіумическихъ явленіяхъ. Слишкомъ уже годъ тому назадъ я указалъ [1]) на этотъ способъ сужденія какъ на безвы-

---

[1]) *Psychische Studien* 1874, I, стр. 20.

ходный кругъ, и приблизительно выразилъ его въ слѣдующихъ словахъ: «Заслуживаютъ довѣрія только свидѣтельства здравомыслящихъ естествоиспытателей; но естествоиспытатель, каковы бы ни были его заслуги, перестаетъ быть здравомыслящимъ, какъ скоро онъ пускается въ область медіумизма, и его свидѣтельство перестаетъ заслуживать довѣрія; или: Круксъ, Уаллесъ и др. наблюдаютъ постоянно ошибочно, какъ скоро они касаются медіумическихъ явленій, до этого же, какъ и послѣ этого, они продолжаютъ быть точными наблюдателями». Не приходится ли послѣ этого воскликнуть вмѣстѣ съ Круксомъ: «тѣмъ хуже для фактовъ»!?

Я испыталъ, впрочемъ, на самомъ себѣ, какъ трудно вѣрится реальности медіумическихъ явленій, не смотря на довѣріе къ наблюдавшимъ и разсказывающимъ о нихъ, часто даже не смотря на свидѣтельство собственныхъ чувствѣ. Вполнѣ сознаю, какъ справедливо высказанное Круксу въ частномъ письмѣ однимъ изъ его знакомыхъ [1]): «Я не умѣю найти разумнаго отвѣта на ваши факты. А между тѣмъ — странная вещь! — при всемъ моемъ желаніи и стремленіи мыслить спиритуалистически и при всемъ довѣріи къ вашему дару наблюдать и совершенной правдивости, я чувствую, что во мнѣ проявляется желаніе видѣть все это самому. Мнѣ даже тяжело сознавать, какъ много доказательствъ мнѣ еще надобно. Я говорю *тяжело* потому, что вижу здѣсь, что не разумъ убѣждаетъ человѣка, но убѣжденіе приходитъ лишь тогда, когда фактъ повторяется такъ часто, что впечатлѣніе становится привычнымъ,

---

[1]) См. *Psychische Studien* 1874, № II, стр. 54. Круксъ замѣчаетъ про это лицо, что «высокое положеніе, занимаемое имъ въ ученомъ мірѣ, дѣлаетъ его мнѣніе о тенденціяхъ ученыхъ умовъ вдвойнѣ заслуживающимъ вниманія».

старымъ знакомымъ, дѣломъ, извѣстнымъ уже такъ давно, что въ немъ нельзя болѣе сомнѣваться. Это странная сторона человѣческаго разума, и она замѣчательно сильно выражена въ ученыхъ; въ нихъ, мнѣ кажется, болѣе чѣмъ въ другихъ».

Сошлюсь и на то, что сказано было мною около года тому назадъ въ моей замѣткѣ, напечатанной въ *Psychische Studien* [1]): «Сначала стоишь совершенно пораженный предъ свидѣтельствомъ собственныхъ чувствъ, доказывающихъ реальность такихъ вещей, которыя привыкъ считать противорѣчащими здравому разсудку. Надо немало времени и внутренней работы, чтобы помириться съ неоспоримою дѣйствительностью, и когда наконецъ дошелъ до необходимости признать эту дѣйствительность, то все еще тяжело спокойно считать невѣроятное существующимъ на дѣлѣ: время отъ времени поднимаются новыя сомнѣнія; прежнее направленіе мыслей опять возникаетъ, и сомнѣнія устраняются лишь полнѣйшею невозможностью счесть испытанное чѣмъ-либо другимъ, кромѣ фактической истины. Предъ нимъ стоишь въ полномъ сознаніи ограниченности человѣческихъ свѣдѣній, и уступаешь только потому, что *съ фактами не спорятъ*». То же самое я готовъ повторить и теперь. Послѣ всего этого понятно, что не безусловнаго довѣрія къ моимъ словамъ ожидаю я; я желалъ бы только не встрѣтить предвзятыхъ мнѣній и доводовъ въ родѣ того, который гласитъ, что *этого не могло быть, потому что это невозможно* [2]), между

---

[1]) 1874, VII, стр. 306, въ статьѣ: *Der russische Mathematiker Ostrogradsky als Spiritualist.*

[2]) Мнѣ кажется, что именно въ подобную аргументацію впадаетъ г. Шкляревскій, говоря о томъ, какъ долженъ бы отнестись профессоръ Вагнеръ къ факту появленія руки. Г. Шкля-

тѣмъ какъ, при сколько нибудь серьезномъ мышленіи, ясно, что, внѣ области чисто спекулятивной, вопросъ о невозможности какого-либо явленія природы не рѣшается окончательно апріорнымъ путемъ. Я желалъ бы не имѣть основанія повторить нынѣ то, что было прежде сказано мной: «Когда въ наукѣ предлагается гипотеза, то всякій имѣетъ полное право принять или отвергнуть ее, но и тутъ обыкновенно гипотеза, имѣющая нѣкоторую силу, отвергается лишь тогда, когда на мѣсто ея можно поставить другую, лучшую. Когда же сообщаются фактическія данныя, то естествоиспытатель, отрицающій ихъ, обязанъ показать наблюденіями, что это не суть факты, или правильнѣе, что это факты, дурно наблюденные. Такъ и поступаютъ обыкновенно, но только *не тогда*, когда дѣло идетъ о фактахъ въ родѣ наблюдавшихся Круксомъ» [1]).

Для самого меня прошли годы прежде чѣмъ я мало по малу *принужденъ* былъ уступить силѣ фактовъ, сдаться непреложному свидѣтельству собственныхъ чувствъ. Факты набирались сначала случайно, съ долгими промежутками времени, и заставили меня прежде всего быть осмотрительнымъ въ отрицаніи. Скажутъ, можетъ быть, что они, напротивъ, подготовили во мнѣ нѣкоторую легковѣрность. Но я хорошо знаю, что не смотря на нихъ, во мнѣ внутренно брало долго верхъ отрицаніе, и что факты эти только вызывали меня постоянно на осторожность, когда приходилось стать на точку зрѣ-

---

ревскій предполагаетъ доказаннымъ то, что опровергается фактомъ, не признаваемымъ имъ, г. Шкляревскимъ, но констатируемымъ другими. Не будетъ ли это circulus vitiosus? См. *Вѣстникъ Европы*, іюль, стр. 415.

[1]) *Psych. Stud.* 1874, I, стр. 21.

нія положительнаго знанія: *не идя дальше*, я говорилъ лишь о томъ, что *знаю* и чего *не знаю*.

Несомнѣнно, что въ отрицаніе, какъ и въ допущеніе легко вкрадывается предвзятость и можно сказать суевѣріе. Привычка, на значеніе которой такъ справедливо указалъ знакомый Крукса, можетъ играть роль одинаково тутъ и тамъ, и отрицающіе нерѣдко становятся въ сущности легковѣрными и суевѣрными, потому что идутъ далѣе, чѣмъ даетъ имъ на то право положительное знаніе [1]). Подозрѣвать и упрекать взаимно другъ друга могутъ здѣсь обѣ стороны, и уже конечно, при господствующемъ направленіи философскаго познаванія, легче впасть въ суевѣріе отрицающее, чѣмъ наоборотъ.

Какъ бы то ни было, я хочу показать читателю весь путь пройденный мной и начну съ моихъ первыхъ случайныхъ наблюденій.

I.

Я былъ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, когда мнѣ впервые пришлось увидѣть случай, относившійся не къ области медіумизма, но къ родственной съ нимъ категоріи явленій животнаго магнетизма.

Одна моя родственница страдала нервными припадками, которые возвращались довольно часто и состояли изъ конвульсій и безпамятства. Каждый припадокъ со своими послѣдствіями продолжался обыкновенно нѣсколько часовъ. Больную лечили разные доктора и различными способами, но вообще безуспѣшно; а одно время ее посѣщалъ уѣздный врачъ, нашъ хорошій знакомый,

---

[1]) Ссылаюсь на мою замѣтку въ *Psychische Stud.* 1875, кн. III, стр. 139.

пользовавшійся репутаціей искуснаго медика, но про котораго прежде я никогда не слыхалъ, какъ про магнетизера. Разъ, когда наступилъ обычный припадокъ, послано было за этимъ врачемъ. Въ то время, какъ онъ явился, больная лежала на диванѣ, а недалеко отъ нея, въ сторонѣ, сидѣлъ я; болѣе никого въ комнатѣ не было. Врачъ, предлагавшій до того нашей больной въ подобныхъ случаяхъ обыкновенную помощь аптечныхъ средствъ, на этотъ разъ неожиданно поступилъ по другому. Онъ вдругъ сдѣлалъ мнѣ знакъ сохранять тишину, а самъ началъ дѣлать руками магнетическіе пассы надъ больной. Я былъ удивленъ, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ понятія о животномъ магнетизмѣ, и съ любопытствомъ наблюдалъ за происходившимъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, вопреки обычному своему теченію, нервный припадокъ ослабѣлъ, конвульсіи прекратились, больная заснула. Врачъ велѣлъ ее оставить спать и уѣхалъ. Позже онъ опять магнетизировалъ больную, причемъ она всегда засыпала; случалось также давать больной магнетизированной этимъ врачемъ воды, и больная всегда узнавала и отличала ее отъ обыкновенной. Съ характеризовавшими меня пылкостью и рвеніемъ, я немедленно захотѣлъ ближе и обстоятельнѣе познакомиться съ предметомъ. Это было не легко въ уѣздномъ городѣ, но у одного изъ знакомыхъ нашлась французская книжка Deleuze'а о животномъ магнетизмѣ, и я съ жадностью взялся за чтеніе. Усвоивъ нѣсколько наружную сторону дѣла, принялся я самъ за магнетическіе опыты. Моя способность быть магнетизеромъ оказалась слабою, но та же нервно-больная родственница моя обыкновенно засыпала подъ моими пассами и почти всегда безошибочно отличала магнетизированную мной воду, когда ей подавали два одинаковые стакана, одинъ

съ магнетизированною, другой съ простою водой. Случалось мнѣ, въ видѣ опыта, магнетизировать и другихъ лицъ, причемъ иногда наступало усыпленіе. Все это не были, правда, явленія рѣзкія, но они были настолько опредѣленны и многочисленны, повторялись такъ постоянно, что *отвергать существованіе месмерическаго вліянія сдѣлалось для меня невозможнымъ*. Разумѣется, я не буду утверждать, чтобы строго критически относился въ то время къ наблюдаемымъ явленіямъ, однакоже и послѣ, и теперь, обдумывая то, что тогда совершалось предъ моими глазами, я прихожу къ убѣжденію, что мой общій выводъ былъ правиленъ. Допуская магнетическое вліяніе, я однакожь и тогда, и долгое время послѣ, оставлялъ въ сторонѣ явленія ясновидѣнія, и на вопросъ о нихъ, не отвергая ихъ возможности, я умѣлъ бы отвѣтить только: «не знаю, я не видалъ ихъ».

Было-бы излишне разсказывать о другихъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ мнѣ, впослѣдствіи, еще приводилось наблюдать и самому испытывать месмерическое вліяніе. Случаи эти прибавили очень мало къ моему прежнему взгляду. Но важно то, что первые факты, мнѣ представившіеся, стали наперекоръ встрѣченному мной вскорѣ отрицанію, и эта коллизія, естественно, была для меня важнымъ предостереженіемъ.

Нынѣ реальность магнетическихъ явленій признается, кажется, несравненно болѣе, чѣмъ она признавалась тогда. Въ Англіи, во Франціи едва-ли кто изъ серьезныхъ людей станетъ рѣшительно отрицать ее. У насъ и теперь, въ большинствѣ случаевъ, смотрятъ на месмерическія явленія, какъ на продуктъ шарлатанства и фантазіи и, не смотря на довольно значительное число лицъ, даже врачей, познакомившихся съ ними на дѣ-

лѣ, обыкновенно считаютъ возможнымъ игнорировать ихъ [1]).

Поступивъ въ университетъ, учась изучать природу и серьезно мыслить о ней, я не могъ не вспоминать часто видѣнное мною, но, при разсказахъ о томъ, я тотчасъ встрѣтилъ рѣшительное отрицаніе, шутку или насмѣшку, даже со стороны лицъ, которыхъ мнѣнія высоко и очень авторитетно стояли въ моихъ глазахъ. Никакой однакожъ авторитетъ не могъ встать для меня выше авторитета фактовъ, засвидѣтельствованныхъ моими собственными чувствами, и тѣмъ менѣе сдѣлался я довѣрчивъ къ апріорическому «ученому» отрицанію. Признаюсь, я и теперь затрудняюсь понять, на какія раціональныя основанія можетъ опираться отрицаніе реальности месмерическихъ явленій, если даже отрицающій становится на самую наиматеріалистическую точку зрѣнія. Что вліяніе силъ, проявляющихся въ матеріи, можетъ имѣть мѣсто на разстояніи — это всѣми признается: тяготѣніе, дѣйствіе магнитовъ, взаимное вліяніе токовъ, дѣйствіе токовъ на магниты и на желѣзо и пр. и пр., все это незыблемо установленные факты. Въ чемъ же затрудненіе, если дѣло идетъ о томъ, чтобы допустить вліяніе силъ, присущихъ одному организму на дѣйствіе силъ въ другомъ организмѣ, особенно если оба они поставлены въ извѣстныя опредѣленныя отношенія одинъ къ другому? Почему же нерв-

[1]) По отношенію къ месмеризму мы находимся, повидимому, въ томъ положеніи, которое въ Англіи уже принадлежитъ прошлому. Вотъ слова Уаллеса: «Такіе (месмерическіе) факты въ то время обыкновенно приписывались притворству паціентовъ. Нынѣ большинство нашихъ (англійскихъ) физіологовъ признаетъ ихъ за настоящіе душевные феномены». (См. Wallace, нѣмецкій переводъ, *Vertheidigung d. modernen Spiritualismus*, стр. 136).

ные токи двухъ организмовъ не могутъ взаимодѣйствовать, подобно тому, какъ взаимодѣйствуютъ электрическіе токи въ проводникахъ, причемъ одинъ токъ можетъ возбуждать или угнетать другой, или давать опредѣленное положеніе проводнику, когда онъ подвиженъ? Мнѣ кажется тотъ, въ чьемъ понятіи вся духовная жизнь человѣка сводится къ разнообразнымъ движеніямъ болѣе или менѣе мелкихъ частицъ нервной системы, долженъ тѣмъ скорѣе понять и допустить, по аналогіи, возможность проявляющагося въ месмеризмѣ взаимодѣйствія организмовъ. Ясновидѣніе и тому подобныя болѣе или менѣе странныя и загадочныя явленія, хотя и соединены съ месмеризмомъ, но не составляютъ его необходимой принадлежности. Объяснить ихъ всѣ быть-можетъ и нельзя на основаніи тѣхъ соображеній, которыя только-что высказаны, но вѣдь также мало умѣютъ объяснить, а тѣмъ не менѣе вполнѣ признаютъ загадочныя нервно-болѣзненныя состоянія и явленія, связанныя съ каталепсіей, естественнымъ сомнамбулизмомъ и пр.

II.

Послѣ знакомства моего съ месмерическими явленіями прошло около десяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ мнѣ не встрѣчалось ничего, что могло-бы дополнить или измѣнить мои прежнія впечатлѣнія. Въ продолженіе этого времени дошло до Европы американское столоверченіе. Я слыхалъ о немъ вскользь, видалъ попытки дойти до него на дѣлѣ, но не обратилъ на него особеннаго вниманія. О соединенныхъ съ нимъ мистическихъ понятіяхъ я не зналъ тогда вовсе. Въ 1854 году (мнѣ было тогда 25 лѣтъ, и я былъ уже адъюнктъ-профессоромъ Казанскаго университета) мнѣ

случилось быть подъ Москвой, въ одномъ извѣстномъ и уважаемомъ семействѣ (С. Т. А—ва), и здѣсь встрѣтился я съ однимъ изъ болѣе сложныхъ медіумическихъ явленій,—съ явленіемъ принадлежащимъ (если употребить выраженіе гг. Вагнера и Рачинскаго) къ категоріи стологоворенія, хотя при этомъ собственно и не было двигающагося стола: подъ руками двухъ дѣвицъ, взрослыхъ дочерей хозяина дома, двигалась и быстро писала, совершенно ясно и четко, тарелка, въ просверленный край которой былъ вставленъ карандашъ. Этимъ способомъ получались подходящіе отвѣты на различные вопросы. Насколько мнѣ извѣстно, никакихъ толкованій этого явленія въ упомянутомъ семействѣ не было въ ходу; на него смотрѣли просто какъ на курьезный фактъ, не зная о какихъ бы то ни было спиритическихъ возрѣніяхъ. По крайней мѣрѣ я тогда не слышалъ никакихъ объясненій или толкованій того, что мнѣ было показано. Странность явленія меня поразила, и въ высшей степени возбудила мое любопытство. Движеніе тарелки не представлялось мнѣ необъяснимымъ, я не задумываясь приписывалъ его безсознательнымъ, незамѣтнымъ мышечнымъ сокращеніямъ, которыхъ вліяніе, суммируясь изъ отдѣльныхъ мелкихъ толчковъ, производило наконецъ видимое и довольно значительное движеніе массы. Словомъ, предположеніе, на которомъ основалъ свое извѣстное объясненіе Фарадей, вполнѣ удовлетворяло меня Гораздо болѣе затрудненій представляла разумѣется другая, такъ сказать, осмысленная сторона дѣла. Я ни минуты не могъ остановиться на предположеніи, что тутъ есть намѣренная поддѣлка, желаніе ввести меня въ заблужденіе. Тотъ способъ, какимъ всѣ присутствующіе, и въ особенности дѣвицы, производившія опытъ, относились къ явленію, мои соб-

ственныя отношенія къ ихъ семейству и всѣ подробности моихъ впечатлѣній, наконецъ, заслуженная, всѣми признанная репутація безупречной честности, принадлежавшая этой семьѣ, все это дѣлало подобное предположеніе немыслимымъ. Мнѣ оставалось, *признавая фактъ*, принять, что *пишущая тарелка, помимо намѣренной и сознательной воли положившихъ на нее руки, передастъ мысли имъ принадлежащія, но самими ими несознаваемыя.* Какъ мало могло участвовать здѣсь сознаніе, по крайней мѣрѣ одного изъ двухъ лицъ державшихъ тарелку, показалъ мнѣ особенно ясно слѣдующій случай. Я предложилъ вопросъ о томъ, какъ окончится одно занимавшее меня дѣло? Тарелка немедленно принялась писать: «Очень у....» Лишь только буквы эти были выведены, одна изъ дѣвицъ, слѣдя за писавшимся, немедленно вслухъ докончила фразу предположительно: «удачно». Но тарелка продолжала двигаться, и вышло: «очень успѣшно».

Какъ бы то ни было, я остановился на выраженномъ выше предположеніи. Фактъ передачи, появленіе, въ видѣ буквъ, несознанныхъ мыслей чрезъ несознаваемое движеніе рукъ, передающееся тарелкѣ, я не имѣлъ возможности отвергнуть, а самый механизмъ всего процесса представлялся мнѣ тонкимъ и труднымъ, неразрѣшимымъ вопросомъ нервной физіологіи. Я успокоился на этомъ, и находился слѣдовательно вполнѣ на той же точкѣ зрѣнія, на которой стоитъ нынѣ г. Рачинскій, какъ это видно изъ его статьи.

Около пятнадцати лѣтъ прошло послѣ этого, прежде чѣмъ мнѣ представился случай снова наблюдать медіумическія явленія и вслѣдствіе того по необходимости идти далѣе. Думаю, что и другой на моемъ мѣстѣ подвергся бы *той же необходимости.*

*

Въ теченіе упомянутаго значительнаго промежутка времени, я хотя и не интересовался спеціально спиритизмомъ, но кое-что узналъ о его явленіяхъ, большею частью по наслышкѣ, изъ разговоровъ. Читать что-нибудь по этой части я не чувствовалъ ни малѣйшаго побужденія, а слышимое проходило почти незамѣченнымъ, такъ какъ вѣрить здѣсь могъ я только собственнымъ чувствамъ. Я былъ въ томъ положеніи, которое охарактеризовано мною въ моей первой нѣмецкой статьѣ. Указывая на различныя категоріи натуралистовъ по ихъ отношенію къ медіумическимъ явленіямъ, которыя они обязаны изслѣдовать, я говорю тамъ слѣдующее [1]: «Третья и, какъ я думаю, самая многочисленная категорія остается твердо на научной почвѣ, хотя и не хочетъ приняться за наблюденія медіумическихъ явленій. Лица, сюда относящіяся, до сихъ поръ не встрѣчали случаевъ, которые навязали бы имъ знакомство съ этими явленіями; различныя мимоходомъ слышанныя извѣстія и противорѣчащія сужденія объ этомъ предметѣ, разумѣется, не могли ободрить ихъ къ тому, чтобъ они сами отыскивали такіе случаи и употребили для того свое дорогое время, жертвуя своими работами, въ которыхъ они сознаютъ себя стоящими на вполнѣ положительной почвѣ». Такимъ образомъ, свѣдѣнія о медіумизмѣ, пріобрѣтенныя мною, какъ это обыкновенно бываетъ при началѣ, случайно, отрывочно, помимо исканія ихъ съ моей стороны, оставались у меня полуигнорируемыми, вспоминаемыми лишь изрѣдка. Вспомнить и серьезнѣе подумать объ этомъ родѣ явленій заставила меня встрѣча съ братьями Девенпортъ и ихъ спутникомъ Фай.

---

[1]) *Psychische Stud.* 1874 № I, стр. 27.

Это было въ началѣ 1868 года, когда я находился въ Ниццѣ. Девенпорты и Фай пріѣхали туда для своихъ обычныхъ сеансовъ. Предъ началомъ каждаго сеанса, они чрезъ особаго спутника-переводчика предупреждали публику, что не проповѣдуютъ никакихъ теорій, не даютъ никакихъ объясненій и приглашаютъ только видѣть факты. Но въ разнородной наѣзжей публикѣ, разумѣется, не обошлось безъ толкованій, и мнѣ пришлось слышать ихъ съ разныхъ сторонъ. Одни лица въ публикѣ оказались убѣжденными спиритами, другіе допускающими неподложность фактовъ безо всякихъ толкованій ихъ природы; въ глазахъ третьихъ и, разумѣется, большинства, Девенпорты и Фай были ловкіе фокусники, шарлатаны. Признаюсь откровенно, я не могъ a priori остановиться положительно ни на одномъ изъ мнѣній, хотя и считалъ послѣднее наиболѣе вѣроятнымъ. Побывавъ на сеансѣ, я дѣйствительно былъ пораженъ необычайностью явленій. Описывать ихъ подробно считаю излишнимъ, такъ какъ они были уже описаны многими и много разъ, но чтобы напомнить читателю о ихъ характерѣ приведу слѣдующее: Руки, совершенно живыя на видъ и на ощупь, появляются въ отверстіе шкафа, въ которомъ сидятъ двое Девенпорты, связанные по рукамъ и ногамъ лицами, избранными публикой изъ своей среды; въ шкафѣ происходитъ возня, играютъ гитара и бубенъ, предметы выбрасываются вонъ изъ шкафа. Лишь только произошло что-нибудь, шкафъ немедленно отворяютъ, и Девенпорты оказываются сидящими неподвижно, попрежнему связанными. Все это трудно объяснить однимъ умѣніемъ вынимать кисти рукъ изъ какихъ бы то ни было петель и обратно вставлять ихъ. Дѣло въ томъ, что связаннымъ Девенпортамъ насыпаютъ въ обѣ руки муки, ко-

торую они должны не просыпать, держа крѣпко сжатою, пока упомянутыя явленія происходятъ. Явленія происходятъ дѣйствительно попрежнему, а на черныхъ фракахъ Девенпортовъ не оказывается ни малѣйшаго бѣлаго пятна. Далѣе, въ такъ называемомъ темномъ сеансѣ, летаютъ по воздуху разные предметы; со связаннаго и привязаннаго за руки и за ноги къ столу Фая скидается и отбрасывается далеко къ зрителямъ сюртукъ, между тѣмъ какъ завязки оказываются нетронутыми, а потомъ пальто кого-нибудь изъ зрителей является, опять-таки при нетронутыхъ завязкахъ, надѣтымъ на Фая. При видѣ подобныхъ фактовъ нерѣдко разсуждаютъ такъ: «Мало-ли фокусники показываютъ вещей, которыхъ я не понимаю и не знаю, какъ онѣ дѣлаются; неужели мнѣ стоитъ заботиться объ объясненіи каждаго фокуса?» Я не могъ остановиться на такомъ способѣ успокоенія своей пытливости. Видѣнное было далеко отъ обыкновенныхъ фокусовъ и показывалось при такой нехитрой обстановкѣ, что желаніе хоть приблизиться къ вѣроятному объясненію было во мнѣ очень сильно. Раза три я посѣщалъ сеансы, усердно наблюдая за всѣми мелочами, передумывая ихъ, разсуждая съ тѣми, кто давали себѣ трудъ думать о видѣнномъ. Мои старанія остались безуспѣшны: я не объяснилъ ничего. Мнѣ удалось однако подмѣтить мелочныя обстоятельства, которыя, казалось мнѣ, не должны бы имѣть мѣста, еслибы феномены были натуральны и которыя отвѣчали до нѣкоторой степени предположенію, что явленія поддѣльны. Такъ я спрашивалъ себя, почему явленія начинаются вообще не мгновенно послѣ того, какъ затворятъ шкафъ, а чрезъ нѣсколько секундъ? Почему летающія гитары обыкновенно не удаляются значительно отъ связанныхъ и си-

дящихъ на эстрадѣ Девенпорта младшаго и Фая? Зачѣмъ нужно присутствіе этого Девенпорта на эстрадѣ, когда сюртукъ слетаетъ съ одного Фая? и пр. Естественнымъ отвѣтомъ на это представлялось то, что Девенпортамъ нуженъ нѣкоторый промежутокъ времени для освобожденія рукъ, что летающія гитары находятся просто въ рукахъ фокусниковъ, что Девенпортъ умѣетъ какъ-то помочь Фаю снять сюртукъ и пр., и какъ ни далеки были эти догадки отъ дѣйствительнаго пониманія того предполагаемаго мною способа, которымъ явленія производились и отъ объясненія ихъ, я, въ концѣ концовъ, склонялся ко мнѣнію, что все видѣнное есть ловкое шарлатанство. Я и теперь, конечно, не буду ручаться за неподдѣльность всего тогда видѣннаго, но я убѣдился въ томъ, что *подобныя явленія могутъ имѣть мѣсто, не будучи поддѣльными*, и я знаю теперь что серьезныя, заслуживающія довѣрія личности, имѣвшія возможность, гораздо лучше и ближе чѣмъ я, наблюдать явленія Девенпортовъ, свидѣтельствуютъ о неподдѣльности этихъ явленій. Все это дѣлаетъ теперь въ моихъ глазахъ предположеніе, что Девенпорты шарлатаны и явленія ихъ поддѣльны, натянутымъ и во всякомъ случаѣ очень плохо объясняющимъ происходящее; предположеніе же, что явленія, происходившія при посредствѣ Девенпортовъ, суть феномены медіумическіе, принадлежащіе къ одной категоріи съ тѣми, въ которыхъ я послѣ вполнѣ убѣдился, становится для меня весьма вѣроятнымъ. Я затрудняюсь думать, чтобы выдающіяся, заслуживающія уваженія личности, каковы, напримѣръ, Dr. Секстонъ[1]) и Камиллъ Фламма-

[1]) *Psychische Stud.* 1874, № III, стр. 119. Рѣчь Секстона (бывшаго ревностнаго матеріалиста школы Брадло), въ которой

ріонъ [1]), взяли на себя защиту тѣхъ, кто не были бы въ ихъ глазахъ совершенно чисты отъ подозрѣній въ шарлатанствѣ. Я хорошо знаю, что вездѣ въ печати приписывали и приписываютъ Девенпортамъ репутацію шарлатанства и даже упоминается, что они были будто бы пойманы въ Парижѣ. Этотъ послѣдній случай изложенъ въ брошюрѣ Фламмаріона въ его настоящемъ свѣтѣ; а въ томъ, какъ огромно бываетъ количество самыхъ безцеремонныхъ извращеній распускаемыхъ газетами въ подобныхъ случаяхъ, и какъ тутъ много лжи печается рядомъ съ очень небольшимъ количествомъ правды, во всемъ этомъ я принужденъ былъ убѣдиться твердо съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ случай узнать Юма, наблюдать медіумическія явленія въ его присутствіи и видѣть, какъ относилась къ нему наша ежедневная печать, въ большинствѣ своихъ представителей. Правда, въ этой печати, по поводу рѣчи о Юмѣ, когда-то заявлено было однимъ лицомъ, что ему удалось наложить на Девенпортовъ повязки, при которыхъ всѣ явленія прекратились, но послѣ всѣхъ разностороннихъ имѣющихся теперь въ виду данныхъ, я, кажется, смѣло могу принять, что и въ этомъ кроется одно изъ обычныхъ извращеній.

Итакъ, въ то время, мнѣніе, что Девенпорты шарла-

онъ излагаетъ путь, приведшій его отъ упорнаго скептицизма къ убѣжденію въ реальности медіумическихъ явленій

[1]) Фламмаріонъ, извѣстный французскій астрономъ и талантливый популяризаторъ своей науки, написалъ, правда, подъ псевдонимомъ, брошюрку въ защиту Девенпортовъ отъ нападокъ парижской печати (*Des forces naturelles inconnues*, par Hermes). Что Фламмаріонъ признаетъ вообще реальность медіумическихъ явленій, это заявлено имъ письменно предъ Комитетомъ Лондонскаго Діалектическаго Общества, какъ это видно изъ печатнаго отчета Комитета (см. въ нѣмецкомъ переводѣ *Bericht etc.* часть 3, стр. 198).

таны, казалось мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ. Оно было, при моихъ тогдашнихъ возрѣніяхъ, значительно подтверждено однимъ обстоятельствомъ. Заинтересованные, интригуемые видѣннымъ, мы, я и одна моя родственница рѣшились пригласить Девенпортовъ къ себѣ на сеансъ, обѣщая имъ сравнительно значительное вознагражденіе (500 франковъ), и требуя въ то же время, чтобы мы сдѣланы были свидѣтелями чего-либо «убѣдительнаго». Девенпорты согласились было сначала, но потомъ, незадолго до назначеннаго времени, отказались отъ сеанса.

Теперь, зная такъ-сказать капризность медіумическихъ явленій, я склоненъ думать, что отказъ этотъ былъ вполнѣ основательнымъ поступкомъ. Если они настоящіе медіумы, то, отказавшись, они поступили благоразумно; они навѣрно не могли ручаться, что явленія непремѣнно будутъ имѣть мѣсто во всей своей силѣ, а тѣмъ менѣе что произойдетъ что-нибудь вполнѣ убѣдительное, согласно условію нами поставленному. Ихъ побудило къ отказу, быть можетъ, и то, что они могли узнать о предстоящей имъ встрѣчѣ не съ простыми любопытными, а съ людьми желающими серьезнаго выясненія. Что вопросъ о реальности или поддѣльности явленій не былъ вполнѣ и безапелляціонно предрѣшенъ мной, они не знали, и конечно, опираясь на свою долгую опытность относительно подобныхъ встрѣчъ съ учеными, имѣли, напротивъ, основаніе думать, что должны встрѣтить такое предрѣшеніе. Давно ли, напримѣръ, ученая редакція одного нашего популярно-медицинскаго повременнаго изданія, съ наивностью и простодушіемъ, способными возбуждать удивленіе, объявила печатно, что приглашала медіума Бредифа на сеансъ, собственно для того, чтобы составить актъ, по которому предполагалось возбудить законнымъ порядкомъ пре-

слѣдованіе въ мошенничествѣ! Ничего не видавшая редакція не стѣснилась считать вопросъ рѣшеннымъ, вопреки мнѣнію лицъ видѣвшихъ подобныя же явленія, каковы, напримѣръ: Де-Морганъ, Уаллесъ, Круксъ, Вагнеръ и пр. и пр. Несмотря на свой ученый титулъ, редакція, повидимому, и не замѣтила, какъ мало имѣетъ общаго съ требованіями серьезной науки избранный ею пріемъ рѣшать подобные вопросы апріорнымъ путемъ. Мудрено ли, что Девенпорты, конечно испытавшіе на себѣ десятки подобныхъ случаевъ, оказались мало расположенными отдавать себя на изслѣдованіе перваго встрѣчнаго ученаго. Какъ бы то ни было, но встрѣча съ Девенпортами сильно возбудила мое вниманіе. Я отрицалъ, лично для себя, неподдѣльность видѣнныхъ явленій, но въ то же время чувствовалъ, какъ слабы тѣ основанія, опираясь на которыя я рѣшилъ вопросъ въ сторону поддѣльности; я чувствовалъ, что мое отрицаніе далеко отъ такой опоры, которую я самъ, и всякій строгій изслѣдователь, могъ бы счесть достаточно твердою для серьезнаго рѣшенія какого-либо научнаго вопроса. Дѣлать такъ, какъ дѣлается нерѣдко—мѣрить одною мѣрой для рѣшенія вопросовъ своей обычной науки, а другою для рѣшенія вопроса о явленіяхъ непривычныхъ, выходящихъ изъ обыкновенной, признанной рамки, и вполнѣ успокоиться на такомъ обмѣриваніи истины—я не умѣлъ. Понятно такимъ образомъ, что я воспользовался первымъ случаемъ для разрѣшенія моихъ сомнѣній.

III.

Такой случай представился мнѣ вскорѣ. Въ началѣ 1869 г. я переѣхалъ въ Петербургъ, и здѣсь увидѣлся снова и сблизился съ родственникомъ моимъ по женѣ,

А. Н. Аксаковымъ, котораго зналъ уже давно лично, но видалъ до этого лишь рѣдко и на короткое время. Я зналъ его какъ человѣка вполнѣ серьезнаго, съ большимъ образованіемъ, знакомаго съ естествознаніемъ, живо интересующагося философскими вопросами и съ давнихъ поръ занимающагося основательнымъ изученіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Я давно уже слышалъ отъ другихъ, что А. Н. Аксаковъ — какъ выражались эти другіе — спиритъ, и удивлялся этому, затрудняясь соединить въ моихъ понятіяхъ спиритизмъ съ тѣмъ, что я зналъ объ А. Н. Аксаковѣ.

Въ одно изъ свиданій нашихъ, разговоръ коснулся этого предмета. Рѣчь шла, между прочимъ, и о Девенпортахъ, которыхъ г. Аксакову случалось также видѣть. На мои вопросы онъ тотчасъ же сказалъ, что не ручаясь вполнѣ за неподдѣльность всѣхъ явленій у Девенпортовъ, онъ склоненъ признать ихъ настоящими медіумами; но что касается медіумическихъ явленій вообще, то убѣжденъ въ дѣйствительномъ ихъ существованіи; объясненіе этихъ явленій спиритуалистическою гипотезой онъ находитъ наиболѣе вѣроятнымъ, вовсе не принимая однакоже различныхъ мистическихъ вѣрованій, соединенныхъ съ французскимъ спиритизмомъ, а единственнымъ правильнымъ путемъ для разъясненія медіумическихъ явленій считаетъ путь строгаго опытнаго научнаго изслѣдованія и желаетъ приложенія здѣсь того же метода, которымъ вообще руководятся при изученіи явленій природы.

Убѣжденный въ хладнокровной трезвости взглядовъ А. Н. Аксакова, я могъ, послѣ этого разговора, допустить лишь одно изъ двухъ: или медіумическія явленія дѣйствительно существуютъ, или г. Аксаковъ впалъ въ заблужденіе при полной добросовѣстности, ничуть не

замѣчая окружающей его лжи. Первое изъ этихъ предположеній противорѣчило моимъ привычнымъ понятіямъ, основывающимся, какъ мнѣ тогда казалось, на данныхъ положительнаго знанія, а второе я затруднялся допустить, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось отвергнуть положительное свидѣтельство человѣка, въ здравомысліи и добросовѣстности котораго я до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, я не могъ и не умѣлъ приложить тотъ способъ сужденія, на который указано мной выше и которымъ многіе такъ легко отдѣлываются отъ наблюденій даже такихъ людей, какъ Уаллесъ, Круксъ и пр. Я могъ остановиться лишь на своемъ: «не знаю, не признаю, но и не отвергаю». Между тѣмъ, г. Аксаковъ предложилъ мнѣ, собственнымъ опытомъ, въ домашнемъ кругу, провѣрить справедливость его словъ. Къ этому времени относятся слѣдующія мои слова, уже находящіяся въ печати [1]): «Такъ какъ я не могъ по совѣсти утверждать, что все представляющееся мнѣ невозможнымъ дѣйствительно невозможно, то я счелъ не только позволительнымъ, но и необходимымъ воспользоваться представившимся мнѣ случаемъ къ наблюденію: здѣсь, какъ и вездѣ въ естествознаніи, окончательное рѣшеніе, по моему мнѣнію, могло принадлежать только фактамъ». И тогда и теперь для меня непонятно, чтобы признаніе факта, каковъ бы онъ ни былъ, лишь бы былъ твердо констатированъ, могло быть когда либо переходомъ въ «область суевѣрія» [2]).

Наши опыты начались съ ноября 1870 года. Еженедѣльно посвящали мы имъ одинъ вечеръ, собираясь то

[1]) *Psychische Stud.* 1874, *I*, стр. 23.

[2]) См. статью Шкляревскаго, *Вѣстн. Европы*, іюнь, стр. 112.

тутъ, то тамъ. Постоянными, всегдашними участниками кружка были только А. Н. Аксаковъ, его жена С. А. Аксакова, я и одна дѣвица, моя родственница. Иногда принимали въ сеансѣ участіе два, три человѣка изъ числа то однихъ, то другихъ родныхъ или знакомыхъ; никакихъ лицъ, намъ неизвѣстныхъ или уже слывущихъ за медіумовъ съ нами не было. Собранія наши продолжались въ этомъ видѣ около $3^1/_2$ мѣсяцевъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ Дунгласъ Юмъ. Аксаковъ тотчасъ познакомился съ нимъ и познакомилъ насъ, и это доставило намъ возможность быть на нѣсколькихъ сеансахъ при его участіи. Рядомъ съ этимъ собирались мы иногда и своимъ частнымъ кружкомъ по прежнему. Въ слѣдующую зиму 1871—1872 г. Юмъ провелъ въ Петербургѣ нѣсколько мѣсяцевъ и жилъ въ моей квартирѣ. При этомъ я, разумѣется, имѣлъ случай присутствовать много разъ на его сеансахъ.

Всего того, что удалось мнѣ видѣть за все это время, было вполнѣ достаточно, чтобъ убѣдить меня въ объективномъ и реальномъ существованіи медіумическихъ явленій и въ отсутствіи какого бы то ни было шарлатанства со стороны Юма. Но все это, разумѣется, нисколько не исключаетъ возможности поддѣлки и подражанія, а равно и того, что могутъ находиться личности, которыя дѣлаютъ изъ подлинныхъ или поддѣльныхъ подобныхъ явленій орудіе эксплуатаціи и шарлатанства. Сдѣланное мной заключеніе о реальности медіумическихъ явленій я не разъ имѣлъ случай провѣрить позднѣе новыми опытами, изъ которыхъ иные происходили съ новыми лицами, вполнѣ мнѣ извѣстными, и не только не слывшими за медіумовъ, но даже и знакомыми съ медіумическими явленіями только по наслышкѣ и не вѣрившими въ ихъ дѣйствительность. Въ зимы 1872—73

и 1873—74 гг. мы, время отъ времени, повторяли наши засѣданія, участвуя въ нихъ въ большинствѣ случаевъ только втроемъ: А. Н. Аксаковъ, С. А. Аксакова и я, а весной 1874 г. я въ первый разъ имѣлъ случай быть на двухъ сеансахъ Бредифа. Видѣнное мной тогда дѣлало въ глазахъ моихъ *вѣроятнымъ*, что явленія и тутъ неподдѣльны. Описаніе того, что происходитъ въ присутствіи Бредифа и что мы имѣли случай видѣть въ 1874—75 г., уже сообщено Н. П. Вагнеромъ, и мнѣ остается только сказать, что въ теченіе этого времени я вполнѣ убѣдился въ медіумичности Бредифа, то есть въ томъ, что *въ его присутствіи могутъ имѣть мѣсто подлинныя медіумическія явленія*. Такія именно явленія описалъ Н. П. Вагнеръ, ихъ существованіе подтверждаю и я, но изъ этого конечно нельзя заключить съ достовѣрностью, чтобы въ сеансахъ Бредифа всѣ явленія и всегда были подлинны.

Разъ убѣдившись собственнымъ опытомъ въ дѣйствительномъ существованіи медіумическихъ явленій, я не могъ не интересоваться наблюденіями другихъ заслуживающихъ довѣрія лицъ, и не счелъ излишнимъ нѣсколько ознакомиться съ литературою, касающеюся *фактической* стороны предмета. Было бы нелѣпо замкнуться въ тѣсный кругъ собственнаго личнаго опыта, игнорируя наблюденія другихъ, когда въ реальномъ существованіи самихъ явленій, подлежащихъ наблюденію, я уже не могъ сомнѣваться. Чтеніе скоро привело меня къ заключенію, что во многихъ случаяхъ гораздо труднѣе подозрѣвать ложь или ошибку, чѣмъ допустить, что описываемое произошло на дѣлѣ. Масса согласныхъ свидѣтельствъ, имена свидѣтельствующихъ [1]), обстоятель-

[1]) Хотя имена лицъ, извѣстныхъ въ наукѣ или литературѣ

ства, при которыхъ наблюденія были сдѣланы, все это нерѣдко таково, что во всѣхъ другихъ случаяхъ свидѣтельствуемое было-бы несомнѣнно принято и признано всѣми. И если оказывается, что здѣсь поступаютъ наоборотъ, то это можно объяснить преимущественно тою странною привилегіей, которая принадлежитъ медіумическимъ явленіямъ, привилегіей нарушать спокойный, обычный логическій ходъ сужденія тѣхъ, которые ихъ отрицаютъ, не наблюдая. Я вполнѣ согласенъ съ Чаллисомъ, кембриджскимъ профессоромъ астрономіи, который не дѣлалъ лично никакихъ наблюденій, но высказалъ слѣдующее: «свидѣтельства такъ многочисленны и настолько согласны между собой, что надо или допу-

и заявившихъ, что они наблюдали медіумическія явленія и признаютъ ихъ неподдѣльность и дѣйствительность, не разъ упоминались то тутъ, то тамъ въ русской печати, но я считаю все-таки не лишнимъ, изъ числа многихъ десятковъ именъ, назвать нѣкоторыя, болѣе выдающіяся: *Геръ,* профессоръ химіи при Филадельфійскомъ университетѣ; *Де-Морганъ*, извѣстный математикъ, профессоръ Лондонскаго университета; *Грегори*, профессоръ химіи въ Глазго; *Гёгенсъ*, знаменитый лондонскій астрономъ, членъ Королевскаго Общества; *Уаллесъ*, знаменитый натуралистъ, раздѣляющій съ Дарвиномъ славу установленія ученія о естественномъ подборѣ; *Круксъ*, лондонскій ученый химикъ, членъ Королевскаго Общества; *Варлей*, физикъ, членъ Королевскаго Общества; *М. В. Остроградскій*, нашъ извѣстный математикъ, академикъ и профессоръ; *Камиллъ Фламмаріонъ*, извѣстный парижскій астрономъ; *Гёферъ*, ученый авторъ исторіи химіи на французскомъ языкѣ; *Перти*, профессоръ Бернскаго университета; *Эдмондсъ*, верховный судья штата Нью-Іоркъ; *Коксъ*, ученый лондонскій юристъ; *Неесъ фонъ-Эзенбекъ,* извѣстный ботаникъ, бывшій профессоръ въ Бреславлѣ; *Тюри*, профессоръ въ Женевѣ; *Майо*, членъ Лондонскаго Королевскаго Общества, профессоръ анатоміи и физіологіи; *Менсъ*, профессоръ земледѣльческой химіи въ Соединенныхъ Штатахъ; *Троллопъ* и *Таккерей*, извѣстные англійскіе писатели.

стить существованіе фактовъ въ томъ видѣ, какъ о нихъ говорятъ, или вообще отказаться отъ возможности устанавливать факты на основаніи человѣческихъ свидѣтельствъ» [1]). Изъ всего сказаннаго видно, что отъ отрицанія и сомнѣнія до признанія реальности медіумическихъ явленій пройденъ мной не короткій путь. Совершенно согласно со словами Уаллеса, приведенными мной выше, путь этотъ совершенъ мной не быстро: я посвятилъ «для изслѣдованія этихъ явленій два или три часа въ недѣлю, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ», и надо мной оправдалось сказанное Уаллесомъ, утверждающимъ, что онъ не знаетъ «ни одного человѣка, который, сдѣлавъ это, т. е. посвятивъ столько времени наблюденіямъ, не убѣдился бы въ дѣйствительности явленій».

Ближайшее знакомство мое съ медіумическими явленіями шло постепенно. При нашихъ частныхъ засѣданіяхъ, движенія стола начались съ перваго сеанса, а потомъ вскорѣ, въ слѣдующіе вечера, явились и стуки въ столѣ, безъ движенія его. Съ этими явленіями соединилось и стологовореніе (діалогическія явленія), причемъ буквы азбуки, то произносимыя, то указываемыя, отмѣчались или движеніемъ стола, или стуками въ столѣ. Ничего не принимая, но и не отвергая, я предоставлялъ А. Н. Аксакову, какъ лицу болѣе опытному, распоряжаться ходомъ сеансовъ.

Мнѣ не разъ случалось потомъ видѣть, что хотятъ предписывать условія для происхожденія тѣхъ или другихъ медіумическихъ явленій и находятъ даже возможнымъ назначать такія условія, подъ которыми эти явленія *обыкновенно не происходятъ* [2]).

[1]) См. въ нѣмецкомъ переводѣ: Wallace «*Die wissenschaftliche Ansicht des Uebernatürlichen*», стр. 60.

[2]) Почти то же самое указываетъ Уаллесъ: «Люди науки

Я считаю и тогда считалъ такой пріемъ крайне страннымъ со стороны здравомыслящаго наблюдателя; по моему мнѣнію, онъ можетъ и обязанъ вводить новыя условія, исключающія или уменьшающія для него шансы ошибки, но долженъ сохранить тѣ условія, которыя до сихъ поръ оказывались существенно нужными для того, чтобы явленія имѣли мѣсто. Почти странно было-бы повторять это элементарное правило, еслибы не приходилось видѣть, что на дѣлѣ часто уклоняются отъ него.

Моя задача была хладнокровно наблюдать и придти или къ заключенію о подлинности явленій, или къ убѣжденію въ ихъ поддѣльности и къ открытію источника заблужденій. Для меня дѣло шло здѣсь, прежде всего, о томъ, чтобы получить опредѣленное убѣжденіе для себя самого. Имѣя въ виду эту собственно цѣль, я конечно не искалъ такой обстановки, при которой видѣнное мной, для всякаго, кому я буду сообщать о немъ, явилось бы убѣдительнымъ, помимо степени довѣрія, которое слушающій будетъ чувствовать ко мнѣ и къ моему дару наблюденія. Я вообще не экспериментиро-

почти всегда полагаютъ, что при этихъ изслѣдованіяхъ они уже съ самаго начала могутъ предписывать условія, и если подъ этими условіями ничего не происходитъ, то они видятъ тутъ обманъ или заблужденіе. Но они хорошо знаютъ, что при всѣхъ другихъ изслѣдованіяхъ явленій природы не они налагаютъ тѣ существенныя условія, безъ соблюденія которыхъ никакой опытъ не удается. Условія эти узнаются терпѣливымъ вопрошаніемъ природы... Требовать, чтобы съ этими неизвѣстными явленіями можно было обходиться такъ же, какъ обходились до сихъ поръ съ явленіями извѣстными, значитъ, собственно, считать вопросъ рѣшеннымъ; это значитъ принять, что какъ тѣ, такъ и другія явленія подчиняются одинаковымъ законамъ». См. въ нѣмецкомъ изданіи: Wallace, *Vertheidigung des modernen Spiritualismus*, стр. 9.

валъ подобно Круксу, а только наблюдалъ, и при этомъ наблюденіи имѣли, разумѣется лично для меня, вѣсъ и значеніе сотни мелочныхъ обстоятельствъ, которыя трудно поддаются описанію или разсказу. Взявъ однако же всю массу явленій, видѣнныхъ мной по настоящее время, я надѣюсь имѣть возможность сообщить достаточно случаевъ, гдѣ явленія происходили при такой обстановкѣ, которая въ глазахъ безпристрастнаго судьи, свободнаго отъ предвзятыхъ мнѣній, будетъ достаточна для того, чтобы показать несостоятельность объясненій, сводящяхся къ обману чувствъ, галлюцинаціи и т. п. и устранить всегдашнія подозрѣнія въ поддѣлкѣ и одурачени одниxъ изъ присутствующихъ другими и пр.

Часто говорятъ, что настоящими экспертами въ вопросѣ о неподдѣльности медіумическихъ явленій должны быть фокусники. Въ виду этого будетъ нелишнимъ привести слова извѣстнаго англійскаго писателя Троллопа: «Боско, одинъ изъ величайшихъ профессоровъ фокусничества, въ разговорѣ со мной (Троллопомъ) объ этомъ предметѣ (медіумическихъ явленіяхъ), совершенно отвергъ ту мысль, чтобы явленія, какія наблюдаются при Юмѣ, могли быть вызваны средствами, относящимися къ фокусничеству» [1]).

Видѣнное нами въ первыя засѣданія наши для меня не было ново: движенія стола, складывавшія фразы, ничѣмъ не были удивительнѣе движеній и писаній тарелки, и могли сводиться къ тому же самому объясненію. При этомъ, какъ ни мало подлежали подозрѣнію тѣ три лица, съ которыми начаты были мной опыты въ 1870 году, но, признаюсь, я не могъ не пріостановиться на пред-

[1]) См. нѣмецк. изд. Wallace, *Vertheidigung des modernen Spiritualismus*, стр. 27

положенiи, что лица эти, хотя и не желаютъ намѣренно вводить меня въ заблужденiе, могутъ, однако, увлекакаясь, впадать въ самообманыванье. Я зорко наблюдалъ, но не могъ открыть ничего подходящаго къ этому предположенiю. Вслѣдъ затѣмъ, многочисленныя повторенныя наблюденiя надъ движенiями стола, при различныхъ условiяхъ, заставили меня усумниться въ справедливости объясненiя, сводящагося къ безсознательному дѣйствiю мускуловъ. Повѣряя положенiе и состоянiе рукъ присутствующихъ, мнѣ не удавалось подстеречь какихъ бы ни было намековъ на сокращенiя мускуловъ, могшихъ возбудить подозрѣнiя. То видѣлъ я движенiя, происходившiя именно такъ, что ихъ всего труднѣе было приписать игрѣ мускуловъ того или другаго лица, къ которому я преимущественно склоненъ былъ ихъ относить до этихъ поръ; то движенiя не происходили вовсе, когда повидимому условiя для нихъ были вполнѣ благопрiятны и одинаковы съ прежними, такими, при которыхъ они были сильны; то самая сила движенiй была такъ значительна, что дѣлалось трудно приписывать ихъ незамѣтнымъ сокращенiямъ мускуловъ.

Когда появились стуки въ столѣ, причемъ столъ оставался вполнѣ неподвижнымъ, то сдѣлалось уже невозможнымъ приписывать явленiя какому-либо *безсознательному* содѣйствiю присутствующихъ. Но еслибы даже я предположилъ и сознательную поддѣлку, то такое предположенiе не могло устоять при значительныхъ измѣненiяхъ въ силѣ и характерѣ звуковъ, при разнообразiи мѣстъ, въ которыхъ они происходили, при несомнѣнномъ отсутствiи видимыхъ движенiй участниковъ засѣданiй и отсутствiи какихъ бы то ни было приспособленiй. Далѣе я познакомился съ явленiями, которыхъ

*

поддѣлка, при данныхъ условіяхъ, и объясненіе которыхъ посредствомъ безсознательныхъ мускульныхъ движеній, являлись совсѣмъ невозможными. Таковы были измѣненія въ сопротивленіи, оказываемомъ столомъ, когда его приподнимали, измѣненія часто значительныя, констатированныя не однимъ ощущеніемъ, но и показаніемъ инструмента; между тѣмъ какъ руки, лежавшія на столѣ, и ноги участниковъ сеанса, не были или даже и не могли быть причиной подобныхъ измѣненій. Потомъ шли полныя, какъ бы самопроизвольныя, поднятія стола на воздухъ, и все это безъ присутствія какого-либо признаннаго медіума. Въ сеансахъ Юма, я встрѣтился со многими явленіями, которыя, очевидно, принадлежали къ тѣмъ же самымъ, мнѣ уже знакомымъ, категоріямъ, но достигали тутъ несравненно бо́льшихъ энергіи и развитія. Сверхъ того, въ присутствіи Юма, имѣли мѣсто и явленія еще невидѣнныя мной до того: движенія предметовъ безо всякаго прикосновенія къ нимъ, игра аккордеона (ручной гармоники), ощущенія присутствующихъ, представлявшіяся ихъ осязанію прикосновеніями рукъ, которыя однако, видимо, не принадлежали никому изъ присутствовавшихъ. Эти ясно осязаемыя руки приводили въ движеніе предметы, брали ихъ и переносили, между тѣмъ какъ неподвижность и полная безучастность Юма, въ смыслѣ механическомъ, несомнѣнно была констатируема въ то же самое время. Позже, наконецъ, въ присутствіи Бредифа, я наблюдалъ подобныя же явленія въ томъ видѣ, какъ описалъ ихъ Н. П. Вагнеръ. Что всѣ эти явленія не разъ происходили подъ условіями, устранявшими всякое подозрѣніе въ поддѣлкѣ ихъ, это было уже не разъ сказано. Предположеніе, что присутствующіе дѣлались жертвами галлюцинацій, я никогда не

могъ считать состоятельнымъ. Я, какъ и другіе присутствующіе, вполнѣ сознавалъ во время явленій нормальное состояніе моихъ внѣшнихъ чувствъ, свидѣтельствовавшихъ о реальности происходящаго: но и помимо довѣрія къ такому субъективному ощущенію, я не могъ остановиться на упомянутомъ предположеніи. Допустить одинаковую и общую, коллективную галлюцинацію восьми, десяти человѣкъ разомъ, едва-ли рѣшится сколько нибудь серьезный изслѣдователь... Но и этого допущенія было-бы недостаточно: галлюцинація не могла быть причиной реальнаго движенія массъ, а между тѣмъ положеніе разныхъ предметовъ, медіумически двигавшихся или перенесенныхъ во время сеанса, ясно свидѣтельствовало по его окончаніи, что передвиженіе дѣйствительно совершилось.

Съ большинствомъ всѣхъ явленій соединялась осмысленность ихъ. Напримѣръ движенія, стуки, поднятія и прикосновенія часто происходили по желанію присутствовавшихъ какимъ-либо опредѣленнымъ образомъ, напримѣръ, повторяясь извѣстное число разъ; посредствомъ ихъ складывались фразы по азбукѣ и т. п. Эта осмысленность, — интеллектуальная сторона медіумическихъ «діалогическихъ» явленій—есть фактъ, и я принужденъ былъ принять его какъ таковой, устраняя для начала всякія гипотезы и толкованія. Въ однихъ случаяхъ эта осмысленность принимала такой видъ, что мое прежнее объясненіе ея отраженіемъ впечатлѣній и мыслей, хотя бы и не сознаваемыхъ присутствующими, но принадлежащихъ имъ, казалось вѣроятнымъ, въ другихъ же случаяхъ это объясненіе являлось натянутымъ, мало подходящимъ. Къ этой собственно сторонѣ явленій, дѣйствительно, большею частью можно прилагать теорію «безсознательной церебраціи» Карпентера.

Но несостоятельность ея становится очевидною, лишь только наблюдатель будетъ признавать факты добросовѣстно, а не на выборъ, принимая одно и отвергая или игнорируя другое. А между тѣмъ такъ именно поступаетъ Карпентеръ [1]). Онъ хорошо понимаетъ, что его «безсознательная церебрація» безсильна въ поднятіи столовъ на воздухъ или въ передвиженіи предметовъ безъ прикосновенія; а поэтому и отвергаетъ просто и прямо факты этихъ категорій, игнорируя чужія наблюденія и, не стѣсняясь, думаетъ, что лишь одному ему, Карпентеру, принадлежитъ умѣніе наблюдать безошибочно. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что тамъ, гдѣ дѣло касается медіумизма, такое странное самомнѣніе есть явленіе весьма распространенное.

Изо всего сказаннаго видно, что я, волей-неволей, постепенно и медленно, но неотразимо, приведенъ былъ къ признанію реальности медіумическихъ явленій. Причина этого признанія заключалась для меня единственно въ томъ, что *съ фактами не спорятъ.*

IV.

Не описывая цѣльныхъ сеансовъ, въ которыхъ вообще явленія различныхъ категорій идутъ усиливаясь постепенно и перемѣшиваясь между собой, я сообщу здѣсь случаи, въ которыхъ наблюдалъ то или другое опредѣленное явленіе, при условіяхъ, ручающихся за его дѣйствительность и неподдѣльность. Подобно тому какъ поступилъ Круксъ въ своей краткой замѣткѣ [2]) о всемъ имъ видѣнномъ, я начну съ явленій менѣе сложныхъ.

---

[1]) См. *Знаніе*, 1875, іюнь.

[2]) См. *Psychische Studien*. 1874, стр. 53, 104, 155 и 208.

Такъ какъ при простыхъ движеніяхъ стола я не употреблялъ измѣряющихъ инструментовъ, то я не буду вовсе здѣсь говорить о нихъ. За движеніями идутъ стуки или, правильнѣе, различные звуки, происходящіе въ столѣ или въ другихъ мѣстахъ. Я услышалъ ихъ въ первый разъ во второмъ изъ частныхъ засѣданій нашихъ, причемъ за столомъ сидѣли: я, С. А. Аксакова и моя родственница, между тѣмъ какъ А. Н. Аксаковъ оставался въ сторонѣ. Стуки были на этотъ разъ слабы. Въ слѣдующемъ, третьемъ сеансѣ нашемъ, они явились уже съ большею силой, а въ четвертомъ, въ присутствіи тѣхъ же лицъ, совершенно явственные стуки слышались въ полу, и притомъ они происходили, между прочимъ, и тогда, когда мы всѣ трое встали со стульевъ и, стоя, по возможности, дальше отъ стола, только прикасались къ нему руками. Вскорѣ послѣ, я слышалъ стуки въ столикѣ, сидя за нимъ вдвоемъ съ С. А. Аксаковой, а позже, въ нашихъ частныхъ опытахъ—втроемъ: при мнѣ, А. Н. Аксаковѣ и С. А. Аксаковой, бывали не разъ звуки разнообразные и нерѣдко очень сильные: иногда какъ бы легкое щелканье по дереву чѣмъ-нибудь твердымъ, тонкимъ и упругимъ, иногда звуки, похожіе на легкіе удары концами пальцевъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильные удары, подражать которымъ можно было бы лишь ударяя всей кистью руки. Во время этихъ явленій, свѣта въ комнатѣ было обыкновенно достаточно для того, чтобы движенія присутствующихъ не могли остаться незамѣченными, если-бы кто-нибудь изъ нихъ производилъ столь сильные звуки намѣренно или ненамѣренно. Подобные же, но еще болѣе сильные звуки, я слыхалъ много разъ въ сеансахъ Юма въ то время, когда двѣ свѣчи горѣли на столѣ, за которымъ происходило за-

сѣданіе. Въ началѣ сеансовъ Юма, звуки обыкновенно слабы и походятъ на трескъ дерева и на какое-то щелканье въ столѣ, а потомъ усиливаются, доходя до весьма сильныхъ ударовъ, какъ бы кулакомъ или ногой. Такіе разнообразные удары раздаются то въ столѣ, то въ стульяхъ, въ полу комнаты или въ стѣнахъ, и мнѣ случалось видѣть, что такими ударами, разнаго характера, происходящими въ разныхъ мѣстахъ, отмѣчались буквы произносимой азбуки. Мнѣ случалось также оставаться нѣсколько времени подъ столомъ, держа въ рукахъ горящую свѣчу, между тѣмъ какъ стуки явственно раздавались въ доскѣ стола, надъ моею головой, причемъ я видѣлъ неподвижные ноги Юма. Вообще, полная неподвижность Юма во время этихъ явленій хорошо была видима всѣмъ участникамъ сеанса. его руки лежали на столѣ, а положеніе ногъ повѣрялось или зрѣніемъ, или тѣмъ, что ноги его касались ногъ присутствующихъ. Стуки, слышанные мной въ сеансахъ Бредифа, вообще, не были очень сильны, но за то звукоподражанія (которыя слыхалъ я на сеансахъ Юма) у Бредифа нерѣдко были чрезвычайно явственны и опредѣленны, какъ это и разсказано Н. П. Вагнеромъ. Что касается объясненія *всѣхъ* этихъ звуковъ чревовѣщаніемъ или щелканьемъ сухожилій или разрывомъ «древесныхъ фибръ» и «тонкихъ прослоекъ клея» [1]), то серьезно говорить это можетъ конечно только тотъ, кто вовсе не слыхалъ медіумическихъ звуковъ или слышалъ разъ-другой лишь тѣ слабыя щелканья, которыя обыкновенно бываютъ при началѣ явленій. На предположеніи, что «въ интерференціи звуковыхъ и аналогичныхъ съ ними движеній слѣдуетъ

[1]) См. статью г. Рачинскаго, стр. 383.

искать разгадку спиритическихъ явленій вообще» [1]), а слѣдовательно и звуковъ, я конечно не остановлюсь, потому что нахожу смыслъ приведенныхъ словъ, несмотря на сильно-ученый колоритъ ихъ, довольно мало опредѣленнымъ, и затрудняюсь понять, какъ бы можно было объяснить интерференціей звукоподражанія, рѣзкіе стуки и т. п., а тѣмъ менѣе медіумическія явленія вообще. Нетерпѣливо буду ждать поэтому обѣщанное г. Шкляревскимъ «физическое объясненіе основныхъ спиритическихъ явленій», при которомъ почтенный авторъ, конечно, возьметъ въ разсчетъ не отрывочныя данныя, а всѣ серьезно-установленные факты, и не будетъ вдаваться въ голословное отрицаніе [2]).

Такъ-называемыя *измѣненія вѣса* я наблюдалъ много разъ. Считаю необходимымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, оговориться, что, употребляя это привычное выраженіе, я, разумѣется, не придаю ему прямаго значенія. Здѣсь измѣняется, конечно, не величина притяженій данной массы землею, а величина сопротивленія, которое масса оказываетъ при ея подъемѣ, и это измѣненіе, очевидно, вызывается, какъ это уже было сказано мной въ моей прежней замѣткѣ [3]), «особою силою», дѣйствующею рядомъ съ земнымъ притяженіемъ. Эта сила то дѣйствуетъ по тому же направленію какъ и

[1]) См. статью проф. Шкляревскаго въ *Вѣстникѣ Европы*, іюнь, 1875, стр. 914.

[2]) Не странно ли, что г. Шкляревскій, не наблюдавшій самъ ничего, просто отвергаетъ многое изъ того, что̀, по его собственнымъ словамъ, «засвидѣтельствовано письменными удостовѣреніями и подписями множества въ высшей степени респектабельныхъ и отчасти ученыхъ людей?» (*Вѣстникъ Европы*, іюль стр. 411).

[3]) *Psych. Stud.* 1874. 1. стр. 24.

сила тяжести и присоединяется къ этой послѣдней, то — въ направленіи противоположномъ, уменьшая сопротивленіе подъему. Что касается источника этой силы, то я считаю возможнымъ принять, вмѣстѣ съ Круксомъ, что онъ находится въ вѣсовомъ веществѣ тѣла медіума. «Здѣсь, какъ и вездѣ, нѣтъ надобности принимать проявленіе силы безъ траты энергіи, принимать, что изъ ничего возникаетъ нѣчто, здѣсь совершается только переносъ живыхъ силъ съ одного тѣла на другое». Я считаю весьма вѣроятнымъ, что со временемъ эта трата энергіи тѣломъ медіумовъ будетъ обнаружена прямыми опытами, которые вѣроятно покажутъ, что когда совершаются медіумическія явленія механической натуры, то организмъ медіума испытываетъ потери энергіи, отвѣчающія произведенной «работѣ». Я далекъ, впрочемъ, отъ того, чтобы считать возможнымъ нынѣ же назвать, за одно съ профессоромъ Шкляревскимъ, самыя вещества организма, на счетъ которыхъ медіумическія явленія происходятъ, и опредѣлять насколько дорога организму медіумическая «работа» или указывать, съ рискованною опредѣленностью, самыя мѣста «освобожденія живыхъ силъ», которыя непремѣнно лежатъ будто бы «въ нервныхъ центрахъ участвующихъ» [1]. Я вообще полагаю, что самыя звонкія и пышныя выраженія, если они не опираются твердо на наблюденія и опыты и не заключаютъ въ себѣ совершенно опредѣленнаго, точнаго понятія, очень мало могутъ помочь уясненію дѣла. Не разъ случалось, что люди успокоивались на какомъ-нибудь хитромъ названіи и начинали воображать, что, придумавъ новый звонкій терминъ, они уже объяснили явленіе. Натура-

[1] См. *Вѣстникъ Европы*. 1875, іюнь, стр. 909.

листу не мѣшаетъ быть насторожѣ, чтобы не впасть въ эту ошибку!

Въ первый разъ я познакомился съ «измѣненіемъ вѣса» въ сеансѣ Юма, въ февралѣ 1871 года, въ квартирѣ А. Н. Аксакова, причемъ явленіе было очень рѣзко и опредѣленно. Общество изъ десяти человѣкъ помѣщалось за тяжелымъ четырехугольнымъ обѣденнымъ столомъ, съ четырьмя ножками, пудовъ въ 5—6 вѣсомъ. Когда въ столѣ обнаружились движенія, то Юмъ предложилъ испытать измѣненія его вѣса по желанію сидящихъ. Почти всѣ пробовали, и у всѣхъ результатъ былъ одинаковъ: когда желали, чтобы столъ былъ легокъ, то приподнимающему его край казалось, что посторонній толчекъ помогаетъ поднятію, и въ это время приподнятый и удерживаемый на вѣсу столъ сильно качался внизъ и вверхъ; когда хотѣли, чтобы тяжесть увеличилась, то требовалось очень большое усиліе, чтобъ оторвать край стола отъ пола. Пробовали желать также, чтобы столъ, легко поддаваясь приподниманію края, дѣлался тяжелымъ въ то время, когда онъ приподнятъ. Въ этихъ случаяхъ было легко приподнять край стола, но онъ потомъ тотчасъ же почти вырывался изъ рукъ, какъ бы притягиваемый къ полу. Юмъ все время пассивно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, на продольной сторонѣ стола, положивъ слегка руки на его поверхность; рядомъ съ Юмомъ, съ обѣихъ сторонъ, помѣщались А. Н. Аксаковъ и моя жена, такъ что Юмъ былъ изолированъ отъ ножекъ стола. Допустить поддѣлку, когда исключалась возможность всякаго механическаго, сдѣланнаго заранѣе, приспособленія, было невозможно. Что Юмъ не приподнималъ стола колѣнами и не увеличивалъ его тяжести нажимомъ руками, въ этомъ не было для сидѣвшихъ ни

малѣйшаго сомнѣнія; его ноги оставались неподвижными, а въ то время когда тяжесть должна была увеличиться, Юмъ обыкновенно приподнималъ немного руки, и касался поверхности стола лишь концами пальцевъ. Предполагать, по примѣру г. Рачинскаго, какія-нибудь желѣзныя браслеты съ крючками и т. п., значило бы не вѣрить своимъ глазамъ; со стороны присутствовавшихъ это было бы чистымъ ребячествомъ. Притомъ же столъ пробовали мы поднимать не съ той стороны, на которой сидѣлъ Юмъ, а съ другихъ сторонъ. Оставалось допустить или дѣйствительность явленія, или принять, что измѣняется не сопротивленіе стола поднятію, а только наше субъективное ощущеніе. Во избѣжаніе заблужденія, вытекающаго изъ послѣдняго источника, я, на слѣдующій сеансъ Юма, происходившій также у А. Н. Аксакова, въ кругу самыхъ близкихъ намъ лицъ, явился съ динамометромъ, а въ послѣдствіи, много разъ, и при Юмѣ, и безъ него, повторялъ опытъ съ инструментомъ въ рукахъ. Приведу лишь наиболѣе рѣзкіе случаи, замѣтивъ напередъ, что при всѣхъ подобныхъ опытахъ съ Юмомъ и Бредифомъ, комната была освѣщена. Въ упомянутомъ слѣдующемъ сеансѣ Юма, явленія вообще были довольно незначительны, но «измѣненія вѣса» произошли очень рѣзкія. Динамометръ прикрѣпленъ былъ къ срединѣ одной изъ короткихъ сторонъ стола, и посредствомъ динамометра я медленно приподнималъ столъ, причемъ показатель динамометра устроенъ былъ такъ, что, передвинувшись, оставался на томъ мѣстѣ, куда передвинулся, и отмѣчалъ сопротивленіе стола поднятію. До сеанса, нормальное сопротивленіе равнялось 100 фунтамъ; во время сеанса, когда я желалъ увеличенія тяжести, динамометръ показалъ сначала 120 ф., а по-

томъ 150 ф.; когда же я желалъ уменьшенія вѣса, то показаніе инструмента дошло до 50 ф., до 35 ф. и наконецъ до 30 ф., а тотчасъ потомъ возросло, согласно выраженному желанію, до 145 ф., чтобы понизиться вслѣдъ затѣмъ опять до 50 ф. Однажды, при удерживаніи стола на вѣсу, инструментъ показывалъ 75 ф., а когда я, не опуская стола на полъ, пожелалъ увеличенія тяжести, то стрѣлка динамометра немедленно передвинулась на 125 ф. Такимъ образомъ, вообще, измѣненія въ сопротивленіи стола приподнятію одной его стороны колебались въ предѣлахъ 120 ф., отъ минимума 30 ф. до максимума 150 ф. Юмъ при этомъ сидѣлъ, также какъ и въ прошлый разъ, на срединѣ одной изъ длинныхъ сторонъ стола, и присутствующіе не могли не убѣдиться, что Юмъ также мало какъ и тогда, могъ вызвать явленія искусственно. Если даже и допустить для Юма возможность дѣйствовать руками, то все-таки онъ, очевидно, могъ вызывать только увеличеніе, но не уменьшеніе тяжести. Спустя нѣсколько времени, подобный опытъ былъ сдѣланъ безъ признаннаго медіума. Общество изъ шести знакомыхъ между собой и хорошо извѣстныхъ другъ другу лицъ сидѣло вшестеромъ, въ освѣщенной комнатѣ, въ квартирѣ г Аксакова, за небольшимъ столомъ, къ которому, за одну изъ его сторонъ, прицѣплены были пружинные вѣсы. Дѣлаясь легкимъ столикъ тянулъ 5 ф., а потомъ его тяжесть возрастала до 12 ф., между тѣмъ какъ при уменьшеніи вѣса, всѣ руки присутствующихъ лежали на столѣ, а при отяжелѣніи находились, напротивъ, подъ краемъ стола, касаясь его снизу. Въ январѣ 1874 г., я видѣлъ какъ столикъ, оказывавшій при поднятіи его края нормальное сопротивленіе въ 2 килограмма, вытянулъ, при увеличеніи тяжести, 8 кило-

граммовъ. Присутствующихъ было только трое: А. Н. Аксаковъ, С. А. Аксакова и я. Въ сеансахъ Бредифа мы также видѣли и констатировали небольшимъ динамометромъ совершенно опредѣленныя измѣненія вѣса стола. Однажды край стола вытянулъ 7 килограммовъ, потомъ — только 3 килограмма, а когда пожелали увеличенія тяжести, то показаніе возросло до 20 и, наконецъ, до 24 килограммовъ, между тѣмъ какъ руки Бредифа лежали на столѣ, на рукахъ Н. П. Вагнера, въ доказательство того, что медіумъ не нажималъ стола. Въ другой сеансъ Бредифа, мы пробовали взвѣшивать приподнятый край стола въ тотъ моментъ, когда, по данному знаку, всѣ руки были со стола приподнимаемы и, слѣдовательно, въ моментъ взвѣшиванія столъ *находился внѣ прямаго прикосновенія присутствующихъ.* При этомъ условіи, приподнятый край стола вытянулъ 27, а потомъ 28 килограммовъ, между тѣмъ какъ нормальное его сопротивленіе поднятію, повѣренное до засѣданія, было 13 килограммовъ. Все это происходило въ освѣщенной комнатѣ.

Само собой разумѣется, что различная быстрота подниманія могла имѣть, въ этихъ опытахъ, нѣкоторое вліяніе на показаніе инструмента, но нѣтъ возможности допустить, чтобъ это вліяніе выражалось десятками фунтовъ, въ то время какъ приподниманіе нарочно всегда производилось постепенно, безъ толчковъ. Мы пробовали, впрочемъ, повторенно приподнимать столъ до засѣданія, и убѣдились, что инструментъ давалъ каждый разъ одинаковое, или почти одинаковое показаніе.

На извѣстномъ, совершенно неудавшемся сеансѣ Юма въ Университетѣ, весной 1871 года, предполагалось употребить поднятіе динамометра винтомъ, для того чтобы достичь большей постепенности. Теперь, послѣ продол-

жительнаго знакомства съ медіумическими явленіями, я думаю что такой способъ, устраняя возможность ошибки въ 1—2 фунта, уменьшилъ бы самыя «измѣненія вѣса» на десятки фунтовъ, такъ какъ всякое значительное движеніе нарушаетъ развитіе медіумическихъ явленій, а ворочанье винта было бы такимъ движеніемъ. Замѣчу кстати, что если-бы Юмъ и былъ здоровъ во время этого засѣданія, то, вѣроятно, употребленной стеклянной верхней доски стола было бы достаточно, чтобы значительно ослабить явленія. Всякое новое условіе почти всегда вызываетъ сначала ихъ ослабленіе и только мало-по-малу, при постоянствѣ этого условія, напряженность явленій достигаетъ опять значительной степени. Я думаю, что успѣшныхъ опытовъ, при стеклянной doскѣ стола, можно было бы ожидать только послѣ цѣлаго ряда сеансовъ съ нею, и удивляюсь не тому, что сеансъ въ Университетѣ не удался, а скорѣе тому, что Юмъ согласился на него, хотя и долженъ былъ заранѣе предвидѣть полное фіаско. Ему слѣдовало бы предложить ученымъ присутствовать не на трехъ сеансахъ, а согласоваться съ приведенными выше словами Уаллеса, требующаго: «два или три часа въ недѣлю, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ».

Полныя поднятія стола на воздухъ, подъ руками присутствующихъ, я много разъ наблюдалъ при условіяхъ, исключающихъ всякую возможность сомнѣнія въ дѣйствительности этого явленія. Явленіе это можетъ быть причислено къ одной категоріи съ измѣненіемъ вѣса. Здѣсь, какъ и тамъ, является сила, дѣйствующая въ направленіи противоположномъ тяготѣнію, но она достигаетъ тутъ временно такого напряженія, которое превышаетъ дѣйствіе тяготѣнія. Въ первый разъ произошло при мнѣ поднятіе въ одинъ изъ нашихъ част-

ныхъ сеансовъ, когда никакого признаннаго медіума не было. Поднятіе, вообще, представляетъ одно изъ болѣе обыкновенныхъ явленій, и я затрудняюсь понять, на чемъ основывается г. Рачинскій, говоря, что «оно происходитъ лишь при участіи профессіональныхъ медіумовъ и въ присутствіи адептовъ, искусившихся въ стологовореніи (исключенія допускаются лишь для лицъ весьма высокопоставленныхъ), притомъ въ темнотѣ и вообще весьма рѣдко» [1]. Изъ всего описаннаго ниже, читатель, надѣюсь, увидитъ ясно, что поднятія бываютъ и безъ профессіональныхъ медіумовъ, и безъ «высокопоставленныхъ лицъ», и при освѣщеніи.

Прежде настоящихъ поднятій, видѣнныхъ мной позже десятки разъ, я видѣлъ явленіе родственное съ ними, которое, вообще, повторяется часто и которое можно, пожалуй, назвать неполнымъ поднятіемъ. Въ декабрѣ 1870 года, сидѣли за столикомъ, въ слабо освѣщенной комнатѣ, я, С. А. Аксакова, родственница моя, о которой я упоминалъ выше, и Р., молодой человѣкъ, нашъ родственникъ. Послѣ разныхъ движеній, столикъ приподнялся одною стороной, наклонившись на другую, и остался въ этомъ положеніи. Р—, сильно налегая на столъ, давя книзу, не могъ заставить его опуститься, но столъ всталъ тотчасъ горизонтально, какъ только руки были съ него сняты. Въ смыслѣ настоящаго опыта, этотъ случай, правда, не можетъ имѣть большаго вѣса, и я упоминаю о немъ только потому, что это было для меня, такъ-сказать, первымъ намекомъ на поднятіе.

Нѣсколько недѣль позже я увидѣлъ поднятіе стола уже при условіяхъ достаточно гарантировавшихъ не-

---

[1]) *Русскій Вѣстникъ*. Май. 1875. Стр. 397.

подделльность явленія. Это было въ тотъ сеансъ, когда мы находились вшестеромъ, въ кругу знакомыхъ, въ квартирѣ А. Н. Аксакова, и о которомъ было упомянуто по поводу измѣненій вѣса. Кромѣ меня, С. А. Аксаковой и моей родственницы, постоянно принимавшей участіе въ нашихъ засѣданіяхъ, присутствовали еще двое знакомыхъ мужчинъ и г-жа П., пожилая дама, пользующаяся общимъ и заслуженнымъ уваженіемъ всѣхъ знающихъ ее. Свѣча была погашена, но поверхность стола и руки, на немъ лежащія, были довольно явственно освѣщены стклянкой, содержавшею растворъ фосфора въ маслѣ. Для устраненія всякаго подозрѣнія, руки и ноги сидѣвшихъ рядомъ приведены были въ соприкосновеніе, такъ что правыя рука и нога каждаго лежали на лѣвой рукѣ и ногѣ сосѣда. При этомъ условіи, обезпечивавшемъ неподвижность участниковъ, и при освѣщеніи, позволявшемъ убѣдиться, что ни одной руки и ни одного пальца не было подъ столомъ, что всѣ руки и пальцы лежали сверху, столъ ровно поднялся кверху настолько, что его полное удаленіе отъ пола всѣми точками опоры не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Въ январѣ 1872 года, въ сеансѣ Юма, происходившемъ въ моемъ кабинетѣ, гдѣ кромѣ Юма, меня и А. Н. Аксакова, присутствовали еще только двое знакомыхъ мужчинъ, ломберный столъ много разъ приподнимался горизонтально, вершковъ на 6 или на 8 отъ пола, между тѣмъ какъ двѣ свѣчи горѣли на немъ, а руки всѣхъ присутствующихъ, кромѣ Юма, были сняты со стола вовсе и Юмъ касался поверхности стола только кончиками пальцевъ. Изъ многихъ мной видѣнныхъ случаевъ, приведу далѣе еще тотъ, который произошелъ въ присутствіи лишь троихъ лицъ, меня, одного моего хорошаго знакомаго Л. и сем-

надцатилѣтняго юноши, моего родственника М. А. Оба участника эти были новичками въ дѣлѣ медіумизма, хотя, повидимому, оба обладали медіумическими способностями, которыхъ почти вовсе нѣтъ у меня, между тѣмъ какъ явленія были довольно рѣзки. Это было въ деревнѣ, въ лѣтній вечеръ 1874 года. Мы сидѣли за маленькимъ столикомъ; въ комнатѣ было достаточно свѣта, чтобы видѣть ясно не только руки, но и черты лица. Когда обнаружилось поднятіе, то мы соединили всѣ руки на столѣ, и всѣ ноги подъ столомъ, взаимно повѣряя другъ друга, и при этихъ условіяхъ столикъ не разъ приподнимался на воздухъ на четверть аршина или болѣе отъ пола.

Что касается поднятій стола, происходившихъ въ сеансахъ Бредифа, то Н. П. Вагнеръ уже разсказалъ о нихъ, и я приведу только одинъ довольно рѣзкій случай Въ квартирѣ А. Н. Аксакова, по окончаніи обычнаго засѣданія, мы попробовали сѣсть вчетверомъ за маленькій квадратный столикъ о четырехъ ножкахъ,— Бредифъ, С. А. Аксакова, я и еще одна дама, не участвовавшая въ прежде бывшемъ засѣданіи. На столикѣ горѣла свѣча. Только что остальное общество вышло изъ комнаты, какъ столикъ быстро и повторенно началъ подниматься въ воздухъ, подъ нашими руками. Во время одного изъ этихъ поднятій, Н. П. Вагнеръ, услыхавшій о нихъ и подошедшій къ дверямъ комнаты, успѣлъ, считая быстро, насчитать до 54. Столикъ оставался въ воздухѣ конечно не менѣе 15 секундъ. При этомъ Бредифъ, пока столъ былъ на вѣсу, попеременно отнималъ отъ него то одну, то другую руку, и С. А. Аксакова видѣла, что ноги Бредифа были подъ его стуломъ. Я долженъ указать здѣсь далѣе на явленіе болѣе высокаго порядка, такъ-сказать на остановку на воздухѣ поднявшагося стола, происхо-

дящую въ то время, когда руки присутствующихъ не лежатъ на немъ. Въ апрѣлѣ 1874 года, за столомъ находились трое, — я и А. Н. Аксаковъ съ женой. Огня въ комнатѣ не было, но она настолько была освѣщена свѣтомъ съ улицы, что наши руки видимы были явственно. Столикъ поднимался повторенно на воздухъ и, вообще, явленія были въ хорошемъ развитіи. Во время одного изъ поднятій, мы приподняли руки отъ стола на вершокъ, и столъ не упалъ тотчасъ, а колыхался нѣсколько секундъ въ воздухѣ и потомъ опустился плавно внизъ. Опытъ этотъ былъ повторенъ нѣсколько разъ, причемъ иногда мы держали всѣ руки въ центрѣ стола, соединивъ наши пальцы, и приподнимая руки со стола плавно, по данному знаку, когда столъ находился въ воздухѣ, вершкахъ 5—6 отъ пола. При этомъ столъ, иногда, слѣдовалъ за нашими руками, немного приподнимаясь еще выше. Такой же случай я видѣлъ весной, въ 1875 году, въ присутствіи совсѣмъ другихъ участниковъ, но также безъ признаннаго медіума, въ квартирѣ Н. П. Вагнера. За столомъ находились Н. П. Вагнеръ съ женой, докторъ А., я и еще двое знакомыхъ. Поднявшійся, довольно тяжелый, столъ весьма опредѣленно оставался на воздухѣ въ теченіе 2—3 секундъ, въ то время какъ мы приподняли съ него руки. Думаю, что всѣ приведенные случаи, взаимно такъ сказать контролируясь и дополняясь, могутъ достаточно ручаться за дѣйствительность явленія, если только читатель рѣшится не опровергать буквальнаго смысла моего разсказа. Думаю также, что разсказанное исключаетъ всякіе «желѣзные браслеты, крючки въ прорѣзахъ рукавовъ» и «помощниковъ», сидящихъ противъ медіумовъ [1]).

---

[1]) См. статью г. Рачинскаго, стр. 397. Не могу не замѣтить

Остановка стола на воздухѣ, когда руки съ него приподняты, представляетъ явленіе уже близкое къ движенію предметовъ безо всякаго прикосновенія къ нимъ. Я видѣлъ довольно случаевъ такого движенія въ присутствіи Юма или Бредифа, при условіяхъ, вполнѣ гарантировавшихъ неподдѣльность явленія. Такъ какъ явленіе это принадлежитъ къ числу требующихъ, сравнительно, большаго медіумизма, то движенія безъ прикосновенія, въ отсутствіи признаннаго медіума, я встрѣчалъ рѣдко. Тѣмъ не менѣе, могу указать случай, хотя и не проконтролированный съ полною строгостью, но свободный отъ подозрѣнія въ поддѣльности. За столикомъ находились только я и А. Н. Аксаковъ съ женой. Это было въ маѣ 1874 года, причемъ комната была достаточно освѣщена. Такъ какъ явленія были довольно сильны, то мы приподняли руки, примѣрно, на вершокъ отъ поверхности стола и стали держать ихъ въ этомъ положеніи; въ это время столикъ, плавно скользя по полу, двинулся вершка на четыре, сначала въ одну, потомъ въ другую сторону.

Въ первый разъ мнѣ пришлось увидѣть движеніе безъ прикосновенія въ сеансѣ Юма. Общество сидѣло въ квартирѣ А. Н. Аксакова, за большимъ обѣденнымъ столомъ, въ комнатѣ хорошо освѣщенной двумя горѣвшими на этомъ столѣ свѣчами. Вдругъ пришло въ движеніе шелковое платье дамы, которая сидѣла между Юмомъ и мною. Движенія эти происходили со стороны обращенной ко мнѣ: юбка платья двигалась и шелестѣла, какъ бы раздуваемая вѣтромъ. Чтобы наблюдать движенія вблизи, я присѣлъ на полу и видѣлъ

при этомъ, что «желѣзные браслеты съ крючками» съ одной стороны и «искреннее увлеченіе» съ другой, приписываемое г. Рачинскимъ Юму, представляютъ несогласимое противорѣчіе.

ихъ происходившими предъ самымъ лицомъ моимъ, между тѣмъ какъ всѣ могли наблюдать вполнѣ спокойное положеніе Юма. Если легкость двигавшагося предмета способна здѣсь возбуждать подозрѣніе, то въ послѣдствіи я видѣлъ, также въ сеансахъ Юма, и движенія тяжелыхъ предметовъ. Два такихъ случая описаны мной въ моей первой нѣмецкой замѣткѣ [1]), и я приведу здѣсь это описаніе. «Засѣданіе происходило у меня на квартирѣ, въ моемъ кабинетѣ, и потому я имѣлъ возможность быть совершенно увѣреннымъ, что никакихъ механическихъ или другихъ подготовленій не могло быть сдѣлано. Всѣ присутствующіе были мнѣ знакомы. Маленькое общество сидѣло за четырехугольнымъ (раскрытымъ ломбернымъ) столомъ, который накрытъ былъ короткою шерстяною скатертью. На столѣ, во время тѣхъ явленій о которыхъ идетъ рѣчь, горѣли двѣ свѣчи, такъ что комната была хорошо освѣщена. Кромѣ лицъ сидѣвшихъ у стола, въ комнатѣ не было никого болѣе. Послѣ различныхъ мелкихъ явленій, которыхъ я не стану описывать, вдругъ само собою пришло въ движеніе большое и довольно тяжелое кресло на четырехъ ножкахъ, снабженныхъ катками. Кресло это стояло у моего большаго письменнаго стола, въ разстояніи 3—4 аршинъ отъ того меньшаго стола, за которымъ сидѣло наше общество. Обѣ переднія ножки приподнялись нѣсколько кверху, хотя до него никто не касался и никто не могъ касаться, и въ этомъ наклоненномъ назадъ положеніи кресло толчками подкатилось со своего мѣста къ нашему столу. Совсѣмъ придвинувшись къ нему, оно еще сдѣлало нѣсколько неправильныхъ движеній и остановилось, занявъ свободное мѣсто, почти на углу стола между Юмомъ

[1]) *Psychische Studien*, 1874, I, стр. 25.

и другимъ лицомъ Немного спустя, Юмъ взялъ колокольчикъ, стоявшій на нашемъ столѣ, и сталъ держать его у края стола, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи и немного пониже верхней плоскости стола. И колокольчикъ, и руки Юма были хорошо освѣщены. Чрезъ нѣсколько секундъ Юмъ выпустилъ колокольчикъ изъ руки, и онъ остался свободно державшимся на воздухѣ, не касаясь ни стола, ни его покрышки, ни стульевъ, ни чего-либо другаго. Лицо, между которымъ и Юмомъ остановилось кресло, могло вблизи наблюдать колокольчикъ, плавашій въ воздухѣ. Замѣчу, что упомянутымъ сосѣдомъ Юма былъ одинъ престарѣлый извѣстный русскій писатель. Съ Юмомъ онъ познакомился незадолго предъ этимъ у меня въ домѣ и желалъ воспользоваться случаемъ, чтобы видѣть странныя явленія. Я сидѣлъ на противоположной Юму сторонѣ стола. Въ то время, какъ колокольчикъ находился въ воздухѣ, я всталъ и могъ, чрезъ столъ, хорошо видѣть его верхнюю часть. Скоро колокольчикъ опустился па колѣно Юма, остался здѣсь на минутку въ покоѣ, потомъ опять, самъ собою, поднялся на воздухъ и наконецъ опустился на ручку придвинувшагося кресла и остался на ней лежать. Во все время колокольчикъ не удалялся изъ ярко освѣщеннаго пространства. Руки Юма и другихъ присутствовавшихъ, какъ и всѣ другіе предметы, не прикасались къ колокольчику въ то время, какъ онъ держался въ воздухѣ». Я спрашивалъ упомянутое лицо (М. П. П.), имѣвшее возможность наблюдать колокольчикъ вблизи, не прикасался ли колокольчикъ, по крайней мѣрѣ, къ висѣвшему краю скатерти? — и получилъ на этотъ вопросъ опредѣленный отрицательный отвѣтъ [1]).

[1]) Лицо, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь — Михаилъ Петровичъ

Въ другой разъ мнѣ случилось быть вечеромъ, вмѣстѣ съ Юмомъ, А. Н. Аксаковымъ и однимъ знакомымъ у одной дамы, нашей общей родственницы. Никакого сеанса предположено не было. Мы сидѣли и пили чай, причемъ самоваръ стоялъ на особомъ маленькомъ столикѣ. Вдругъ, среди нашихъ разговоровъ, послышались стуки въ столѣ, а потомъ въ самоварѣ. Послѣдніе ясно отличались металлическимъ оттѣнкомъ звука. Такое неожиданное появленіе звуковъ всегда обѣщаетъ, по замѣчанію Юма, удачный сеансъ, и мы рѣшились сѣсть за него. Чай былъ убранъ, и маленькій столикъ, бывшій подъ самоваромъ, поставленъ въ уголъ. Онъ находился теперь въ сторонѣ противоположной Юму, такъ что Юмъ отдѣленъ былъ отъ него большимъ столомъ. Освѣщеніе комнаты уменьшено не было. Едва мы усѣлись, начались разнообразныя сильныя явленія, и вскорѣ маленькій столикъ, самъ собою, внезапно подвинулся изъ угла четверти на двѣ, по направленію къ нашему столу.

О движеніяхъ безъ прикосновенія въ сеансахъ Бредифа писалъ довольно подробно Н. П. Вагнеръ. Я приведу здѣсь одинъ случай, имъ не описанный. Засѣданіе въ квартирѣ А. Н. Аксакова, въ ноябрѣ 1874 года. Присутствуютъ: Аксаковъ съ женой, Вагнеръ, докторъ А., я и Бредифъ. Комната освѣщена свѣчей. Общество сидитъ за маленькимъ квадратнымъ столикомъ на четырехъ ножкахъ. Всѣ ноги сидящихъ взаимно прикасаются и контролируются, а ноги Бредифа отдѣлены отъ стола ногой доктора А., которая постав-

---

Погодинъ. Сеансъ этотъ описанъ мною подробно въ его сочиненіи: «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ», изданіе второе, Москва, 1874, отдѣлъ второй, стр. 116—120.—*А. Аксаковъ.*

лена на ногу Аксакова. По данному знаку, всѣ руки приподняты со стола, и столъ совершаетъ вслѣдъ затѣмъ медленное горизонтальное движеніе. Опытъ этотъ повторенъ три раза.

Затѣмъ приходится перейти къ разряду медіумическихъ явленій, не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго съ только-что описанными. Я разумѣю появленіе рукъ и т. п. Странность и необычайность этихъ явленій такъ велика, что допустить ихъ дѣйствительность рѣшаешься лишь когда чувствуешь себя подавленнымъ массой многочисленныхъ и разнообразныхъ личныхъ наблюденій, исключающихъ всякую возможность сомнѣнія.

Тѣ ощущенія, о которыхъ я упоминалъ выше и которыя осязанію участниковъ сеанса представляются прикосновеніями рукъ — явленіе сравнительно рѣдкое, требующее, повидимому, значительнаго развитія медіумической силы. При полномъ освѣщеніи, — но и тутъ только въ сравнительно темномъ пространствѣ, подъ столомъ, — мнѣ случалось испытывать прикосновенія только въ присутствіи Юма. Въ сеансахъ Бредифа явленіе это имѣетъ мѣсто, какъ разсказано Н. П. Вагнеромъ, лишь при условіяхъ особенно благопріятствующихъ, напримѣръ, при уединеніи медіума въ темнотѣ, за занавѣской, и при полусвѣтѣ въ комнатѣ. Но за то при этихъ условіяхъ, явленіе становится доступнымъ не одному осязанію, а также зрѣнію. Круксъ и многіе другіе не только ощущали, но и видѣли руки при свѣтѣ, въ сеансахъ Юма, но я одинъ только разъ въ его сеансѣ, наклонившись подъ столъ, имѣлъ случай замѣтить темный силуэтъ руки на клавіатурѣ гармоники, которую Юмъ держалъ за противоположный конецъ въ то время, какъ его другая рука лежала на столѣ. Ощу-

щать прикосновенія совершенно явственно мнѣ случалось много разъ, и нерѣдко вслѣдъ затѣмъ изъ моей руки, опущенной подъ столъ, брались и переносились разные предметы, напримѣръ, колокольчикъ, карандашъ, платокъ. Руки всѣхъ присутствующихъ, въ томъ числѣ разумѣется и Юма, были въ это время на столѣ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи; Юмъ сохранялъ совершенную неподвижность; отсутствіе у него какихъ бы то ни было инструментовъ и приспособленій ни малѣйшему сомнѣнію не подлежало; его ноги, обутыя въ ботинки, контролировались и не шевелились. Я совершенно убѣжденъ, что каждый, имѣвшій случай не разъ наблюдать эти явленія въ сеансахъ Юма, не можетъ серьезно отнестись къ предположеніямъ въ родѣ того, что здѣсь дѣйствуютъ какія-нибудь машины, искусственныя руки или наконецъ голыя ноги. Руки, о которыхъ идетъ рѣчь, часто приподнимали висящія со стола края скатерти, трогая присутствующихъ сквозь ткань, и я видѣлъ, напримѣръ, какъ край скатерти былъ приподнятъ вершка на 3 — 4 выше поверхности стола, а Юмъ оставался вполнѣ безучастнымъ физически. Особенно опредѣленно случилось мнѣ испытать прикосновеніе въ январѣ 1872 года, въ сеансѣ съ Юмомъ, происходившемъ въ моемъ кабинетѣ въ присутствіи нѣсколькихъ знакомыхъ. Я опустилъ колокольчикъ подъ столъ и ясно чувствовалъ, какъ мою руку трогали и ощупывали нѣжные маленькіе, какъ бы дѣтскіе, теплые пальцы, осторожно взявшіе наконецъ колокольчикъ. Когда колокольчикъ былъ мной изъ руки выпущенъ, то онъ не упалъ, но началъ звонить, двигаясь въ пространствѣ подъ столомъ. Такое передвиженіе, передачу отъ одного присутствующаго другому различныхъ предметовъ, гармоники, колокольчика, плат-

ка и пр., сниманіе съ руки кого-либо изъ участниковъ кольца и обратное его надѣваніе на палецъ и т. п. я видѣлъ въ сеансахъ Юма много разъ, и неподдѣльность этихъ явленій не подлежитъ для меня ни малѣйшему сомнѣнію.

Явленія въ сеансахъ Бредифа, за занавѣской, очевидно, принадлежатъ къ той же категоріи. Послѣ описанія ихъ Н. П. Вагнеромъ, было бы излишне съ моей стороны распространяться о нихъ, но не могу не напомнить, что мы имѣли случай видѣть, *въ одно и то же время*, и связаннаго Бредифа, и небольшую руку близъ головы его въ то время, какъ занавѣска приподнялась съ краю какъ бы сама собой. Въ другомъ же сеансѣ одинъ изъ присутствовавшихъ, В. И. Я., видѣлъ одновременно и руку, и руки Бредифа въ тюлевыхъ мѣшечкахъ (они были надѣты ему на руки и пришиты къ рукавамъ), и ту бѣлую тесьму на рукавѣ сюртука, которою Бредифъ былъ связанъ. Случалось, что движенія предметовъ происходили за спиной связаннаго Бредифа, въ такомъ мѣстѣ и разстояніи отъ него, что непосредственное участіе рукъ медіума являлось положительно невозможнымъ. Для того же, чтобъ удостовѣриться въ отсутствіи какихъ-либо инструментовъ, медіумъ послѣ одного изъ удачныхъ сеансовъ былъ раздѣтъ и разутъ совершенно и осмотрѣнъ, также какъ и его платье, и ничего подозрительнаго найдено не было. Такимъ образомъ, въ неподдѣльности этихъ явленій я не могу усомниться, но вмѣстѣ съ тѣмъ напомню сказанное мною выше: «Изъ этого, конечно, нельзя заключить съ достовѣрностью, чтобы въ сеансахъ Бредифа всѣ явленія и всегда были подлинны» [1].

---

[1]) Подробное мое описаніе нашихъ опытовъ съ Бредифомъ, до-

Мнѣ остается упомянуть еще о «стологовореніи» или лучше о «явленіяхъ діалогическихъ», причисляя сюда вообще всѣ тѣ явленія, въ которыхъ есть осмысленность. Съ этой точки зрѣнія, область стологоворенія является весьма обширною: осмысленность выражается не только въ рѣчахъ, складываемыхъ по азбукѣ движеніями или стуками, но и въ исполненіи мелодій на музыкальномъ инструментѣ, и въ томъ, что движенія или стуки происходятъ опредѣленнымъ образомъ, въ опредѣленномъ числѣ и т. п. Совершенно справедливо, что передаваемыя рѣчи часто представляютъ «безалаберные разговоры» [2]), что характеръ ихъ, обыкновенно, «соотвѣтствуетъ кругу понятій, интересамъ, привычкамъ» [3]) медіума. Еслибъ имѣлись въ виду только подобные случаи, то стологовореніе, конечно, представляло бы явленіе «вполнѣ объяснимое безъ помощи интеллектуальной силы, посторонней людямъ соприкасающимся со столомъ» [4]). Какъ было сказано выше, и я прежде всего предположилъ, что здѣсь безсознательно отражаются мысли медіума, самимъ имъ несознаваемыя. Теперь я знаю однакоже, что если это такъ и бываетъ, то далеко не всегда: я видѣлъ не мало примѣровъ даже въ нашихъ частныхъ сеансахъ, гдѣ сообщаемое совсѣмъ не было безалаберно, а напротивъ, болѣе или менѣе замѣчательно по содержанію, которое часто было вполнѣ неожиданно. Не разъ діалогическія явленія происходили такъ, что прямое вліяніе сидящихъ за столомъ на смыслъ складываемаго положительно устраня-

---

полняющее письмо напечатанное Н. П. Вагнеромъ въ *Вѣстникѣ Европы*, читатель найдетъ въ *Psych. Studien*. 1875, IX, стр. 385.

[2]) См. письмо Н. П. Вагнера.

[3]) См. статью Рачинскаго, стр. 390.

[4]) См. тамъ же, стр. 387.

лось. Однажды, напримѣръ, за столикомъ находились С. А. Аксакова, моя родственница и я, а А. Н. Аксаковъ сидѣлъ отдѣльно за своимъ письменнымъ столомъ. Столъ отмѣчалъ движеніями своими буквы, которыя указывалъ я молча по печатной азбукѣ, наклеенной на листъ картона. На половинѣ одной фразы мы съ А. Н. перемѣнились мѣстами, и я, сидя вдали, за другимъ столомъ, молча продолжалъ водить карандашомъ по буквамъ азбуки, а столикъ, при этихъ условіяхъ, докончилъ начатое слово и сложилъ еще два слова, заключившія фразу. Послѣ мнѣ случалось, также въ частныхъ сеансахъ нашихъ, сидя за столикомъ и держа азбуку такъ, что другіе не видѣли ея, показывать буквы не по порядку, а произвольно, въ разбивку. Слова тѣмъ не менѣе складывались правильно. Въ томъ самомъ частномъ сеансѣ, съ шестью знакомыми участниками и безъ признаннаго медіума, гдѣ были описанныя выше измѣненія вѣса и поднятіе стола, при освѣщеніи рукъ фосфорнымъ масломъ и при взаимномъ контролѣ ногъ, я видѣлъ также довольно интересный діалогическій случай. Въ то время какъ присутствующіе желали поднятія стола и комната была освѣщена, столъ условными движеніями потребовалъ азбуку. Началось складываніе фразы, которую записывалъ А. Н. Аксаковъ, сидя за особымъ столомъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ присутствовавшихъ произносилъ азбуку. Сложилась, повидимому, безсмыслица, которую не понялъ сначала никто изъ бывшихъ, но потомъ догадались, что движенія стола часто не поспѣвали за произносимыми буквами, и что поэтому многія буквы слѣдуетъ замѣнить предшествующими. Послѣ этой поправки, фраза оказалась осмысленною и правильною: «для стуковъ и поднятія много свѣта». Подобнымъ же обра-

зомъ и въ томъ другомъ частномъ сеансѣ, описанномъ выше, гдѣ происходило поднятіе стола вслѣдъ за приподнимаемыми съ него руками, мы наведены были на этотъ опытъ стологовореніемъ: «когда столъ будетъ на воздухѣ, приподнимите руки нѣсколько,—попробуемъ». Никому изъ насъ троихъ не могла придти въ голову эта мысль, и подобное указаніе на способъ опыта самимъ предметомъ опыта, представляетъ одно изъ самыхъ разительныхъ діалогическихъ явленій. Складываніе цѣлыхъ фразъ навыворотъ, начиная съ послѣдней буквы послѣдняго слова, тоже плохо соотвѣтствуетъ объясненію «безсознательною церебраціей». При этомъ, обыкновенно, сами участники сеанса рѣшительно не въ состояніи слѣдить за ходомъ складыванія или догадываться, что именно выйдетъ. Такъ однажды, въ сеансѣ безъ признаннаго медіума, происходившемъ у А. Н. Аксакова,—когда за столомъ сидѣли только Н. П. Вагнеръ, С. А. Аксакова, докторъ А. и одинъ нашъ близкій знакомый, профессоръ одного изъ провинціальныхъ университетовъ (А. И. Я.), а я и А. Н. Аксаковъ находились въ сторонѣ, — была сложена *навыворотъ*, начиная съ *ъ* и кончая буквой *п*, фраза «потребно менѣе силъ», служившая отвѣтомъ на вопросъ, почему круглый столикъ (потребованный «діалогически») облегчитъ явленія? Считаю необходимымъ прибавить, съ другой стороны, что если и бываютъ діалогическія явленія, повидимому независимыя отъ сознательнаго или безсознательнаго мышленія присутствующихъ, то и это часто не мѣшаетъ рѣчамъ здѣсь являющимся быть «безалаберными» и нерѣдко даже представлять совершенный вздоръ или ложь.

Музыку гармоники я слышалъ только въ сеансахъ Юма. Я слышалъ отчетливое исполненіе законченныхъ,

довольно длинныхъ мелодій, со всѣми оттѣнками звука, въ то время, когда Юмъ держалъ гармонику подъ столомъ, одною рукой, за конецъ противоположный клавіатурѣ, между тѣмъ какъ другая рука его оставалась на столѣ. Юмъ сохранялъ при этомъ полнѣйшую неподвижность. Вотъ какъ описалъ это явленіе одинъ изъ свидѣтелей, участвовавшій въ сеансѣ вмѣстѣ со мной: «отдѣльныя ноты перешли въ правильный мотивъ, простенькій и веселый... Мотивъ былъ прерванъ, точно какъ будто гармоника перешла въ другія руки, раздался правильный аккордъ, за которымъ полилась весьма пріятная прелюдія въ стилѣ духовной музыки... къ концу темпъ замедлился, звуки становились слабѣе и слабѣе; мы слѣдили за ними, притаивъ дыханіе, но они замерли, какъ бы удаляясь». Предположить, что все это поддѣлка и производится искусственно одною рукой, не можетъ тотъ, кто самъ много разъ видѣлъ и слышалъ происходившее, но еслибы такое объясненіе и было возможно въ описанномъ случаѣ, то оно неприложимо въ другихъ, напримѣръ тогда, когда гармоника находится не въ рукахъ самого Юма, а въ рукахъ кого либо изъ присутствующихъ; между тѣмъ какъ Юмъ остается неподвижнымъ, держа руки на освѣщенномъ свѣчами столѣ и не имѣя возможности пошевелить ногами безъ того, чтобъ это тотчасъ же не было замѣчено сидящими съ нимъ рядомъ. Именно подъ такими условіями я слышалъ правильные аккорды гармоники, находившейся подъ столомъ, въ рукахъ того самаго лица, которому принадлежитъ только-что приведенное мной описаніе явленія.

V.

Послѣ всего мной видѣннаго въ области медіумизма, я не могу ни игнорировать, ни отвергать свидѣтель-

ства другихъ серіозныхъ наблюдателей. А принимая ихъ, хотя и съ величайшею осторожностью, я нахожу описанія такихъ явленій, которыя дополняютъ и расширяютъ видѣнное мной, ясно свидѣтельствуя, напримѣръ, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, «безсознательная церебрація» присутствующихъ не можетъ быть достаточною для объясненія осмысленной стороны происходящаго. Разъ не отвергая свидѣтельства этихъ наблюдателей, каковы напримѣръ Круксъ, Варлей и др., я долженъ принять, что при извѣстныхъ условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, гдѣ я видѣлъ образованіе рукъ, могутъ появляться (какъ это констатировано названными учеными) и цѣлыя человѣческія фигуры. Наконецъ, познакомившись собственнымъ и чужимъ опытомъ съ трудностями, которыми является обставленнымъ, для каждаго добросовѣстнаго наблюдателя, рѣшеніе вопроса о дѣйствительномъ существованіи медіумическихъ явленій, я не могу придавать большаго вѣса приговорамъ людей, слегка и свысока берущихся произносить свой судъ, хотя бы этимъ людямъ и принадлежало, напримѣръ, знаменитое имя Тиндаля. Я помню при этомъ, что знаменитость, ученость и несомнѣнное остроуміе еще не могутъ служить гарантіей въ томъ, что человѣкъ, обладающій этими качествами, добросовѣстно отнесется къ извѣстному дѣлу [1]).

[1]) Вотъ рѣзкій примѣръ: извѣстный англійскій ученый сэръ Девидъ Брустеръ, побывавъ на сеансѣ Юма, вмѣстѣ съ лордомъ Брумомъ, заявилъ печатно о видѣнныхъ явленіяхъ: «столъ дѣйствительно поднимался отъ пола, когда на немъ не лежало ни одной руки»; «колокольчикъ въ самомъ дѣлѣ звонилъ, когда ничто не могло трогать его». Спустя полгода, тотъ же сэръ Девидъ Брустеръ писалъ въ редакцію одного изъ журналовъ: «я видѣлъ довольно, чтобъ убѣдиться, что всѣ они (явленія) могли

Нерѣдко приходилось мнѣ выслушивать упреки въ томъ, что убѣдившись лично для себя въ дѣйствительномъ существованіи медіумическихъ явленій, я не принялся вслѣдъ затѣмъ за ихъ строгое и точное изслѣдованіе. Независимо отъ самой трудности предмета, изслѣдованіе котораго едва ли можетъ поддаться силамъ одиночнаго естествоиспытателя спеціалиста по какой-либо отдѣльной части, мнѣ казалось всегда и кажется теперь, что прежде всего нужно стремиться къ общему признанію дѣйствительнаго существованія того предмета, который подлежитъ изслѣдованію. Нельзя требовать, чтобы люди посвящали себя изученію явленій, существованіе которыхъ отвергается, и работали, слѣдовательно, будучи заранѣе увѣрены, что результаты ими добытые останутся игнорируемыми или, что хуже, подвергнутся осмѣянію. При такихъ условіяхъ, изслѣдованія и не могутъ быть плодотворны: отрасли человѣческаго знанія развиваются не изолированными трудами одиночныхъ лицъ, и время серьезнаго изученія медіумическихъ явленій начнется тогда, когда здѣсь поступятъ такъ же, какъ поступаютъ при изслѣдованіи другихъ явленій природы, т. е. перестанутъ замыкаться въ тѣсную рамку собственныхъ наблюденій и будутъ общими силами, при помощи трезвой строгой критики и взаимной провѣрки, созидать новую обширную отрасль знанія.

Содѣйствовать признанію существованія явленій, которыя, несмотря на несомнѣнную свою подлинность, игнорируются и отвергаются большинствомъ, это цѣль моей настоящей статьи. Я хорошо знаю, что меня ожи-

быть произведены человѣческими ногами и руками». (См. нѣмецкое изданіе: Wallace, *Vertheidigung des modernen Spiritualismus*, стр. 24).

даютъ недовѣріе, насмѣшки, нападенія съ разныхъ сторонъ, но я заранѣе отвѣчу на все это словами А. Н. Аксакова [1]): «никакое осмѣяніе, никакая брань, ни опасеніе показаться слабоумнымъ не могутъ заставить меня отступиться отъ свидѣтельства моихъ чувствъ и моего разсудка». Притомъ мнѣ легко перенести всѣ нападенія, такъ какъ я дѣлю ихъ тяжесть съ тѣми людьми науки, имена которыхъ были названы выше.

Заявляя о моихъ наблюденіяхъ, я предоставляю себѣ право обращать вниманіе лишь на тѣ возраженія, которыя появятся съ именемъ авторовъ и отнесутся къ предмету объективно и серьезно, въ обычномъ тонѣ научныхъ споровъ, ведущихся между людьми взаимно уважающими другъ друга. На всѣ замѣчанія и возраженія другаго рода я могу отвѣчать только молчаніемъ. Но пусть и серьезные противники мои выступаютъ вооруженные фактическими данными, а не голословнымъ апріорнымъ отрицаніемъ, прикрытымъ напраснымъ звономъ научныхъ терминовъ. За этимъ отрицаніемъ я не признаю права заслуживать возраженія [2]).

---

[1]) *Спиритуализмъ и Наука*, стр. 7.

[2]) Здѣсь будетъ кстати привести слова Уаллеса: «Они (противники спиритуализма) высказывали только пошлыя и не подходящія догадки, но не могли объяснить или опровергнуть ни одного вѣскаго факта. Я утверждаю поэтому, что феномены спиритуализма, взятые въ ихъ общности, не требуютъ дальнѣйшаго подтвержденія: они доказаны такъ же хорошо, какъ любые факты въ той или другой наукѣ, и никакое отрицаніе или осмѣяніе не опровергнетъ ихъ; это могли бы сдѣлать только новые факты и точные выводы изъ этихъ фактовъ. Если противники спиритуализма могутъ представить отчеты о своихъ изслѣдованіяхъ, настолько же полныхъ и продолжительныхъ, какъ изслѣдованія его защитниковъ, если они откроютъ и покажутъ въ подробности, или то, какъ производятся явленія, или то, почему многочислен-

На вопросъ о гипотезѣ, которая объясняла бы медіумическія явленія, я не имѣю сказать ничего опредѣленнаго, и лишь приведу въ заключеніе слова де-Моргана [1]), съ которыми соглашаюсь вполнѣ: «физическія объясненія, которыя мнѣ приходилось слышать, легки, но до жалости недостаточны: духовная гипотеза достаточна, но представляетъ громадныя трудности.... Спиритуалисты, безъ всякаго сомнѣнія, стоятъ на томъ пути, который велъ ко всякому прогрессу въ физическихъ наукахъ; ихъ противники служатъ представителями тѣхъ, которые всегда ратовали противъ прогресса ..»

Августъ 1875 г.
Бутлеровка.

ные разумные и дѣльные люди (здѣсь упомянутые) всѣ могли впасть въ общее заблужденіе, думая, что они дѣйствительно были свидѣтелями явленій, и если наконецъ, они, противники, докажутъ справедливость своей теоріи тѣмъ, что съумѣютъ вызвать такія же заблужденія въ средѣ невѣрящихъ людей, столь же разумныхъ и дѣльныхъ, какъ вѣрящіе, тогда только, но не прежде, спиритуалисты должны будутъ дать новыя подтвержденія фактовъ. Факты эти подлинны и неоспоримы, и всегда были таковы въ степени достаточной для того, чтобъ убѣдить всякаго честнаго и упорнаго изслѣдователя» (Съ нѣмецк. изд. Wallace *Vertheidigung des modern. Spiritual.* стр. 76).

Прибавлю къ этому, что лучшій, удобнѣйшій и легчайшій путь для изслѣдованія заключается въ производствѣ опытовъ въ своемъ частномъ домашнемъ кружкѣ. Тотъ, кто не сдѣлалъ даже и этого, не долженъ считать себя въ правѣ говорить о томъ, чего не знаетъ.

[1]) Изъ его предисловія къ книгѣ: *From Matter to Spirit, etc.* См. *Спиритуализмъ и Наука*, стр. 7.

II.

ЗАЯВЛЕНІЕ, ПОДАННОЕ 4-ГО МАРТА 1876 Г. ВЪ КОММИСІЮ ФИЗИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ УЧРЕЖДЕННУЮ ДЛЯ РАЗСМОТРѢНІЯ МЕДІУМИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ [1]).

Находя дальнѣйшее мое участіе въ засѣданіяхъ коммисіи безполезнымъ и доводя объ этомъ до ея свѣдѣнія, я считаю необходимымъ вполнѣ высказать тѣ основанія, которыя меня къ этому приводятъ.

7-го мая прошлаго 1875 г., въ письмѣ, хранящемся при дѣлахъ коммисіи и адресованномъ къ одному изъ ея членовъ, я указалъ на важность того, чтобы «физическое общество не высказалось уже заранѣе въ смыслѣ предрѣшающемъ вопросъ»;—я прибавилъ далѣе: «Если бы коммисія теперь же опредѣленно назвала явленія производимыми искусственно, путемъ фокусовъ, то изслѣдованіе едва ли могло бы встрѣтить содѣйствіе со стороны медіумовъ и спиритуалистовъ». Это, выра-

---

[1]) Заявленіе это, вслѣдъ за подачей въ коммисію, было предано гласности и напечатано въ «Новомъ Времени» 8 марта, 1876 г.– См. также «Разоблаченія. Исторія медіумической коммисіи физическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ», стр. 147. *А. Аксаковъ.*

*

женное мной, опасеніе могло казаться излишнимъ: ученые, безпристрастные наблюдатели не предрѣшаютъ вопросовъ ими разсматриваемыхъ. Послѣдствія показали однакоже, что опасеніе мое не было, къ сожалѣнію, напрасно. Въ то время я дѣйствительно не имѣлъ ни основанія, ни права прилагать къ гг. членамъ коммисіи названіе «противниковъ» медіумизма и относить къ нимъ приговоръ де-Моргана, заключающійся въ слѣдующихъ, приведенныхъ мною въ концѣ моей статьи («Медіумическія явленія»—«Русск. Вѣстникъ». Ноябрь 1875 г.) словахъ: «Спиритуалисты, безъ всякаго сомнѣнія, стоятъ на томъ пути, который велъ ко всякому прогрессу въ физическихъ наукахъ; ихъ противники служатъ представителями тѣхъ, которые всегда ратовали противъ прогресса».... Названіемъ «спиритуалистъ» де-Морганъ очевидно обозначаетъ здѣсь вообще лицъ, признающихъ существованіе медіумическихъ явленій съ ихъ физической стороны, помимо какихъ бы то ни было гипотезъ, предлагаемыхъ для ихъ объясненій. «Противниками» спиритуалистовъ являются въ этомъ смыслѣ тѣ, которые игнорируютъ или отрицаютъ явленія, не давая себѣ труда достаточно познакомиться съ ними собственнымъ опытомъ или наблюденіемъ. Въ этомъ смыслѣ поняты и переданы были мною слова де-Моргана, и очевидно, что писавши статью мою еще лѣтомъ, ранѣе начала опытовъ въ коммисіи, я не могъ считать «противниками», въ объясненномъ мною смыслѣ этого слова, лицъ, изъявившихъ, какъ казалось, готовность обстоятельно разсмотрѣть прежде, чѣмъ произнести приговоръ. Я считаю нужнымъ опредѣленно высказать здѣсь это потому, что приведенныя мной слова де-Моргана были нѣкоторыми относимы ошибочно, вслѣдъ за появленіемъ моей статьи, и къ гг. членамъ коммисіи.

Повторяю, что въ то время такое толкованіе ихъ было вполнѣ напрасно, но не могу не сознаться, что нынѣ я признаю его совершенно вѣрнымъ, такъ какъ примѣры произнесенія приговоровъ безъ достаточнаго разсмотрѣнія — имѣются на лицо. Таково именно, напримѣръ, публичное чтеніе одного изъ вліятельныхъ членовъ коммисіи, состоявшееся 15-го декабря, послѣ опытовъ съ Петти, давшихъ одни отрицательные результаты. На основаніи того, что въ данныхъ случаяхъ «медіумическихъ явленій не произошло», было сочтено возможнымъ отвергать ихъ существованіе; ничего не видѣвшіе нашли позволительнымъ отрицать положительныя—и не одиночныя, а многочисленныя свидѣтельства людей много видѣвшихъ и увѣренныхъ въ томъ, что видѣли хорошо.

Какъ ни мало правиленъ такой пріемъ сужденія, — особенно со стороны лицъ, точныя научныя изслѣдованія которыхъ пользуются заслуженной славой и которыя, въ этихъ изслѣдованіяхъ, конечно никогда не допустили бы такой свободы заключеній,—но произнесеннаго приговора было достаточно для предубѣжденнаго большинства, едва-ли способнаго поставить безпристрастное исканіе истины выше своихъ рутинныхъ, предвзятыхъ убѣжденій. Въ глазахъ этого большинства, благодаря произнесенному приговору, лица, свидѣтельствующія о реальности и неподдѣльности медіумическихъ явленій, оказались жалкими жертвами грубаго заблужденія и обмана, а ученые, отвергающіе существованіе этихъ явленій, поборниками истинной науки. Напрасно было бы утверждать, что упомянутое публичное чтеніе состояло главнымъ образомъ изъ объективнаго изложенія того, что сообщается поборниками медіумизма, и изъ чтенія протоколовъ коммисіи. Эти изслѣдованія и чте-

нія были достаточно освѣщены, чтобы никто не могъ ошибиться относительно намѣреній лектора. Способъ отношенія коммисіи къ вопросу, ею разсматриваемому, опредѣлился. Не хотѣлось однако думать, чтобы и въ томъ случаѣ, если бы вмѣсто отрицательныхъ результатовъ обнаружились въ засѣданіяхъ коммисіи результаты положительные, она не съумѣла бы отрѣшиться отъ своего — хотя и не высказаннаго прямо, но столь ясно существовавшаго въ ея средѣ—предрѣшенія вопроса. Никто не думалъ конечно, что-бы коммисія могла въ скоромъ времени признать существованіе медіумическихъ явленій, но не ожидалось и того, чтобы, при первомъ шагѣ къ дѣйствительному знакомству съ этими явленіями, отъ отдѣльныхъ членовъ коммисіи посыпались бездоказательныя, основывающіяся на единоличномъ впечатлѣніи, но тѣмъ не менѣе рѣшительныя, обвиненія въ обманѣ и шарлатанствѣ. Отъ коммисіи ожидалось терпѣливое и хладнокровное наблюденіе; ей предоставлялось полнѣйшее право признать явленія только тогда, когда всѣ поводы къ сомнѣнію были бы устранены, но за то и составлять обвинительные приговоры она должна бы не иначе, какъ на достаточныхъ данныхъ, къ которымъ конечно не могутъ быть причислены догадки отдѣльныхъ лицъ, послужившія въ данномъ случаѣ основаніемъ къ обвиненію. Вмѣсто того, чтобы наблюдать и ждать, коммисія поспѣшила сдѣлать такія постановленія, заявить такія требованія, которыя явно клонились къ затрудненію дѣла, и при которыхъ, наконецъ, содѣйствіе поборниковъ медіумизма сдѣлалось невозможнымъ. Все это достаточно подробно и ясно изложено въ заявленіи А. Н. Аксакова, поданномъ въ коммисію.

Почти съ перваго шага, коммисія категорически по-

требовала приложенія приборовъ. Вмѣстѣ съ приборами вносились новыя условія, и медіумическія явленія, всегда крайне прихотливыя и чувствительныя къ такимъ условіямъ, могли и не произойдти при нихъ. Произойдя, они могли остаться тѣмъ не менѣе не констатированными, если бы приборы оказались не удовлетворительны. А отношеніе коммисіи къ вопросу выяснилось уже на столько, что въ результатѣ нельзя было сомнѣваться: если бы явленіе, произойдя, осталось не констатированнымъ посредствомъ прибора, то его реальность была бы коммисіей отвергнута, а если бы явленія не произошли вовсе, то коммисія повторила бы приговоръ, извѣстный изъ публичнаго чтенія. Допустить такую постановку дѣла—значило бы, со стороны поборниковъ медіумизма, добровольно отдать его въ руки противниковъ для уничтоженія, обрекая себя посмѣянію, относительно котораго—какъ уже показалъ примѣръ—стѣсняться бы не стали.

Мы, правда, знаемъ теперь по частнымъ опытамъ, произведеннымъ у А. Н. Аксакова, что одинъ изъ приборовъ коммисіи, манометрическій столъ, можетъ давать удовлетворительныя показанія, подтверждающія существованіе медіумическихъ движеній, когда этимъ послѣднимъ даютъ возможность развиться. За то другой приборъ коммисіи, состоящій изъ туго натянутой на стеклянной банкѣ пергаментной перепонки, къ которой приспособленъ гальванометръ—приборъ крайне-чувствительный къ тонамъ, оказался нечувствительнымъ къ стукамъ. Въ одномъ изъ частныхъ засѣданій у А. Н. Аксакова, медіумическіе стуки раздавались не только въ стѣнкахъ банки прибора, но—судя по звуку—также и въ перепонкѣ, а гальванометръ не двигался. *Онъ точно также притомъ не двигался и тогда, когда по*

перепонкѣ прибора производимы были искусственно и нарочно стуки, приблизительно подражавшіе медіумическимъ по интенсивности и характеру.

Во время моего присутствованія въ засѣданіяхъ коммисіи въ послѣднее время, я, лично, вообще получилъ то впечатлѣніе, что ея ближайшей задачей сдѣлалось не рѣшеніе вопроса о томъ, *существуютъ медіумическія явленія или нѣтъ, а отыскиваніе во что бы ни стало того обмана, существованіе котораго было коммисіей заранѣе и рѣшительно предположено.* Такая постановка вопроса идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что было высказано мной въ письмѣ, упомянутомъ въ началѣ настоящаго заявленія, и вотъ почему я считаю безполезнымъ какое либо дальнѣйшее мое участіе въ засѣданіяхъ коммисіи.

Въ заключеніе не могу не замѣтить, что коммисія могла бы продолжать свои засѣданія и безъ иностранныхъ медіумовъ;—медіумы конечно найдутся и у насъ, и даже, быть можетъ, въ средѣ членовъ самой коммисіи. Притомъ, при своемъ учрежденіи, коммисія, вѣроятно имѣла въ виду, между прочимъ, и такой способъ ознакомленія съ медіумическими явленіями, такъ какъ со стороны А. Н. Аксакова ей не было дано предварительнаго обѣщанія о содѣйствіи. Наблюденія со своими, хотя бы и слабыми, медіумами могутъ имѣть даже то преимущество, что коммисія освободится отъ своихъ предположеній объ обманѣ и шарлатанствѣ. Если бы коммисія оказалась—хотя и поздно—способной терпѣливо объективно и достаточно долго заняться предметомъ, то ей—я не сомнѣваюсь—пришлось бы въ концѣ концовъ подтвердить существованіе медіумическихъ явленій; если же коммисія—что, повидимому, вѣроятнѣе—закончитъ свои занятія нынѣшнимъ отрицатель-

нымъ отношеніемъ къ дѣлу, то факты останутся фактами, хотя бы то и вопреки мнѣнію всякихъ коммисій, а люди, лично убѣдившіеся въ существованіи этихъ фактовъ, останутся убѣжденными.—Вмѣсто того, чтобы встать во главѣ и руководить публику, предостерегая ее отъ ложныхъ путей, на которые такъ часто попадаютъ и на которые такъ легко ступить *здѣсь* — коммисія лишь увеличитъ собой и безъ того не малое число примѣровъ, которые позволили Уаллэсу утверждать, что «во всѣ времена, когда люди науки, опираясь на апріорическія основанія, отвергали заявленные наблюдателями факты — они ошибались каждый разъ».

Общество, знакомясь съ фактами собственнымъ опытомъ, пойдетъ впередъ, оставивъ позади ученыхъ отрицателей, и имъ, волей-неволей, придется наконецъ двинуться также, но уже не встать впереди, а слѣдовать за другими.

Я желалъ бы искренно, чтобы этого не случилось и чтобы наука, въ лицѣ большинства своихъ представителей, заняла съ самаго начала подобающее ей мѣсто.

А. Бутлеровъ.

III.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМѢРЕНІЕ ПРОСТРАНСТВА И МЕДІУМИЗМЪ.

(„Русскій Вѣстникъ", февраль, 1878 г.).

Wissenschaftliche Abhandlungen von Joh. Carl Friedrich Zöllner, Professor der Astrophysik an der Universität zu Leipzig, 1-й томъ 1878.

Книга, заглавіе которой стоитъ въ началѣ этой статьи, появилась недавно въ Лейпцигѣ. Авторъ, извѣстный астрономъ и физикъ, профессоръ Лейпцигскаго Университета, обнародовалъ въ ней свои труды философско-критическаго содержанія и нѣкоторыя свои физическія изслѣдованія. Въ одной изъ статей первой категоріи, носящей названіе «О дѣйствіяхъ на разстояніи» (Ueber Wirkungen in die Ferne), есть много такого что́ не можетъ не заинтересовать каждаго серьезно мыслящаго читателя, а въ концѣ книги сообщаются наблюденія крайне страннаго и разительнаго характера. Я рѣшился взять на себя трудъ познакомить съ общеинтересными выдающимися сторонами книги Цёлльнера ту часть русской публики, которая старается слѣдить за успѣхомъ человѣческой мысли и знанія. Между этою публикой найдутся, надѣюсь, люди, которые умѣютъ безъ предубѣжденій и съ уваженіемъ относиться ко вся-

кому исканію истины, хотя бы оно могло повести и къ результатамъ, несогласнымъ съ ихъ привычными воззрѣніями.

Читателямъ этой статьи извѣстно мое отношеніе къ вопросу о такъ-называемыхъ медіумическихъ явленіяхъ. Они поймутъ поэтому, съ какимъ живымъ интересомъ встрѣтился я въ книгѣ Цöлльнера съ первою попыткой связать нѣкоторыя изъ этихъ явленій съ научною теоріей. Особенно выдается здѣсь то обстоятельство, что Цöлльнеръ сначала спекулятивнымъ путемъ дошелъ до необходимости допустить возможность нѣкоторыхъ фактовъ, а затѣмъ уже позже имѣлъ случай убѣдиться, что такіе факты дѣйствительно существуютъ. Факты эти оказались лежащими въ области медіумизма, и Цöльнеръ не отвернулся отъ нея съ высокомѣріемъ, какъ это еще дѣлается большинствомъ ученыхъ нашего времени.

Я самъ не математикъ и не считаю себя философомъ настолько, чтобы принять на себя отвѣтственность въ правильности положеній, защищаемыхъ и приводимыхъ Цöлльнеромъ, но громкія имена людей, проложившихъ путь, по которому идетъ этотъ ученый, заставляютъ меня съ уваженіемъ отнестись къ его идеямъ. Это же самое обстоятельство, думается мнѣ, обязываетъ каждаго по меньшей мѣрѣ къ величайшей осторожности въ сужденіи объ этихъ идеяхъ. Совпаденіе же апріорныхъ выводовъ съ реальными фактами во всякомъ случаѣ не можетъ не обратить на себя вниманія и его-то въ особенности желаю я констатировать.

I.

Прошло около сорока лѣтъ съ того времени какъ я увидѣлъ впервые, въ Казани, нашего знаменитаго математика, Николая Ивановича Лобачевскаго. Онъ былъ

тогда профессоромъ и ректоромъ Казанскаго Университета. Впослѣдствіи я имѣлъ удовольствіе ближе узнать его. Я научился тогда уважать его глубокія, разносторонния знанія, его любовь къ наукѣ, и могъ оцѣнить ту сердечную теплоту, съ которою онъ относился къ любознательной молодежи, всегда умѣя дѣятельно поощрять ея первые шаги на научномъ пути. Я знаю, что многіе подтвердятъ мои слова. Всѣ близко знавшіе Лобачевскаго, какъ человѣка, любили и уважали его искренно. Но для людей мало знакомыхъ съ нимъ онъ являлся задумчивымъ ученымъ оригиналомъ, витавшимъ въ самой математикѣ въ какихъ-то наиотвлеченнѣйшихъ сферахъ. О его «воображаемой геометріи» говорилось съ улыбкой снисходительнаго сожалѣнія къ чудаку-ученому. Установленію такого взгляда содѣйствовали повидимому воззрѣнія нѣкоторыхъ математиковъ, сотоварищей Лобачевскаго. Между тѣмъ, другіе труды Лобачевскаго отошли нынѣ на второй планъ, а «воображаемая геометрія» заняла прочное и почетное мѣсто въ исторіи науки. Въ 1846 году, знаменитый германскій математикъ, гёттингенскій профессоръ Гауссъ, писалъ своему другу Шумахеру: «Недавно мнѣ случилось просмотрѣть снова книжку Лобачевскаго (Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien [1]). Она заключаетъ въ себѣ основанія той геометріи, которая *должна* существовать, если Эвклидова геометрія *не* есть истинная. Швейггардъ назвалъ такую геометрію *астральною*, а Лобачевскій *воображаемою*. Вы знаете, что я уже пятьдесятъ четыре года имѣю подобныя же убѣжденія. Дѣйствительно, новаго въ книжкѣ Лобачевскаго для меня поэтому нѣтъ, но онъ проложилъ къ

[1]) Издано на нѣмецкомъ языкѣ въ Берлинѣ, въ 1840 году.

своимъ выводамъ путь отличный отъ указаннаго мной и сдѣлалъ это мастерски, въ духѣ истиннаго геометра. Я считаю долгомъ обратить ваше вниманіе на эту книжку, которая доставитъ вамъ истинное наслажденіе» (стр. 228 [1]).

Ясно, что Лобачевскому вполнѣ принадлежитъ честь самостоятельнаго входа въ новую область, и мы, русскіе, во всякомъ случаѣ въ правѣ гордиться именемъ этого глубокаго мыслителя.

Основы *воображаемой* геометріи, правда, не были новостью для Гаусса, но уже и прежде Гаусса понятіе объ *«абсолютномъ пространствѣ»* существовало для геніальнаго Эммануила Канта; а Кантъ въ свою очередь, если не въ этомъ именно понятіи, то вообще въ своемъ міровоззрѣніи, сошелся съ Беркелеемъ, умершимъ въ 1753 году, когда Канту было только двадцать девять лѣтъ отъ роду. Такъ вообще основныя идеи передаются какъ духовное наслѣдіе отъ поколѣнія къ поколѣнію, развиваясь и выростая при этомъ постепенно.

II.

То, что̀ матеріально существуетъ внѣ насъ, познается нами лишь по впечатлѣніямъ, которыя оно производитъ на наши чувства, т.-е. по извѣстнымъ измѣненіямъ, происходящимъ въ насъ самихъ. Мы сознаемъ въ сущности собственно только эти измѣненія, и лишь опытъ, наглядность, научаютъ насъ относить ихъ къ опредѣленнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Безъ данныхъ опытныхъ нѣтъ и представленія о предметахъ. Въ отвлеченіи существуетъ, напримѣръ, общее понятіе о треугольникѣ,

[1]) Здѣсь и ниже мы даемъ указанія на страницы книги Цёлльнера.

какъ плоскостной формѣ, ограниченной тремя линіями, но въ представленіи нашемъ, если мы мыслимъ треугольникъ, нарисуется непремѣнно въ каждый данный моментъ треугольникъ той или другой опредѣленной величины и формы, и представленіе это будетъ необходимо основано на данныхъ предшествовавшихъ наблюденій. Но совершенно независимо отъ всякихъ данныхъ наблюденія и опыта присуще человѣческому разуму сознаніе о причинности: *законъ причинности апріориченъ*. Это признано одинаково и Кантомъ, и Шопенгауэромъ, и пятидесятью годами позже, хотя вполнѣ независимо отъ предшественниковъ, Гельмгольцемъ (стр. 218). Шопенгауэръ въ 1816 году говоритъ: «умъ, вслѣдствіе своей природы, *a priori* понимаетъ, т.-е. *прежде* воспринятія всѣхъ опытныхъ данныхъ (которыя безъ того и невозможны), каждое ощущеніе тѣла какъ *воздѣйствіе* (слово понятное лишь самому уму), которое, какъ таковое, необходимо *должно* имѣть *причину*». (Стр. 236), Гельмгольцъ въ своей *Физіологической Оптикѣ*, въ 1867 году, высказываетъ ту же мысль: «*Законъ причинности*, вслѣдствіе котораго мы заключаемъ по дѣйствію о причинѣ, долженъ быть признанъ за предшествующій всякому опытному свѣдѣнію. Вообще, мы не можемъ придти къ какимъ-либо опытнымъ свѣдѣніямъ о предметахъ природы, не принявъ, что законъ причинности уже дѣйствуетъ въ насъ. *Слѣдовательно онъ вытекаетъ не изъ данныхъ опыта*... Мы приходимъ такимъ образомъ къ признанію существованія *независимой* отъ нашего хотѣнія и представленія, и слѣдовательно *внѣшней*, причины нашихъ ощущеній» (стр. 237). Эта внѣшняя независимая причина ощущенія, истинная сущность которой всегда остается недоступною, и есть «вещь о себѣ» (Ding an sich) Канта говорящаго: «я признаю,

что внѣ насъ есть тѣла, т.-е. *вещи*, относительно которыхъ мы совершенно не знаемъ, что такое онѣ *сами о себѣ*, хотя и знаемъ ихъ по нашимъ *представленіямъ*, т.-е. по вліянію ими производимому на наши чувства. Этимъ представленіямъ мы и даемъ названіе *тѣлъ*, слово, обозначающее лишь *проявленіе* намъ неизвѣстнаго, но тѣмъ не менѣе *дѣйствительно существующаго* предмета» (стр. 218).

Въ приложеніи къ понятію *о пространствѣ*, это «дѣйствительно существующее», «по сущности намъ неизвѣстное, составляющее независимую внѣшнюю причину» нашего обычнаго представленія о пространствѣ, и есть «абсолютное пространство», между тѣмъ какъ его частное содержаніе, т.-е. извѣстное и доступное чувствамъ человѣка пространство съ его тремя измѣреніями [1]), есть продуктъ наблюденія и опыта. По словамъ Цёлльнера обыкновенное понятіе о пространствѣ «могло составиться, при помощи *апріорнаго закона причинности*, только изъ тѣхъ впечатлѣній и ощущеній, которыя порождаются совокупностью существующихъ въ мірѣ причинъ (вещей о себѣ) и могутъ быть восприняты нашею тѣлесною, ограниченною во времени и пространствѣ, организаціей. Но мы не принимаемъ за совокупность всѣхъ тѣлесныхъ формъ міра, предметы представляющіеся нашему вниманію въ теченіе короткаго промежутка времени, напримѣръ одной минуты; столь же мало въ правѣ мы это сдѣлать относительно тѣхъ впечатлѣній, которыя, въ теченіе всей нашей жизни, или даже въ теченіе жизни всего человѣческаго рода, даютъ намъ опытный матеріалъ для нашихъ *представленій* о мірѣ

---

[1]) У плоскости—два измѣренія, длина и ширина, у тѣла, т.-е. того, что занимаетъ часть пространства — три измѣренія, длина, ширина и высота (или глубина, или толщина).

и о *законахъ* его измѣненій» [1]) (стр. 218) По словамъ Цёлльнера, «присутствіе *эмпирическихъ* элементовъ въ понятіи о пространствѣ, свойственномъ въ частности *намъ*, людямъ, сознано было Кантомъ съ полною ясностью еще въ 1747 году, когда ему было 23 года отъ роду. и это нисколько не противорѣчитъ тому положенію Канта, что самая способность къ пространственнымъ представленіямъ—понятіе о пространствѣ въ общности и отвлеченіи—условливлется особымъ *апріорнымъ* воззрѣніемъ нашего ума» (стр. 221, также стр. 218 и 226).

Но если представленіе о пространствѣ, свойственное и доступное намъ, людямъ, заключаетъ въ себѣ не одни *апріорные*, но и *опытные* элементы, то отсюда слѣдуетъ заключить, что не всѣ выводы геометріи могутъ считаться *абсолютно* вѣрными или, что все равно, нѣкоторыя положенія геометріи не могутъ быть доказаны одними умозаключеніями. Это сознали, какъ было указано выше, и Лобачевскій, и Гауссъ Оба они нашли недоказаннымъ въ Эвклидовой геометріи то положеніе ученія о параллельныхъ линіяхъ, по которому сумма обоихъ внутреннихъ угловъ, образуемыхъ двумя параллельными прямыми линіями, пересѣченными третьею прямою, абсолютно равна 180°, т.-е. двумъ прямымъ угламъ. Но такъ какъ обѣ параллельныя прямыя, вмѣстѣ съ заключеннымъ между ними отрѣзкомъ пересѣкающей ихъ прямой, могутъ быть разсматриваемы какъ стороны треугольника, изъ которыхъ двѣ безконечно длинны, и въ такой треугольникъ постепенно, чрезъ непрерывный рядъ измѣненій, можетъ перейти всякій треугольникъ, если удалять вершинную точку одного изъ

[1]) Считаю не лишнимъ пояснить, что здѣсь, какъ и во всѣхъ цитатахъ, подчеркнутыя слова подчеркнуты самимъ Цёлльнеромъ а не мною.

его угловъ отъ противолежащей стороны, то подлежать сомнѣнію будетъ и то основное положеніе обыкновенной геометріи, что сумма всѣхъ угловъ въ плоскостномъ треугольникѣ равна двумъ прямымъ угламъ. «Если же сумма эта *можетъ* быть больше или меньше 180°, и если на этомъ, очевидно *болѣе общемъ*, предположеніи можно построить особую геометрію, не заключающую противорѣчій въ самой себѣ, то придется спросить, *какую* именно величину имѣетъ въ дѣйствительности сумма угловъ треугольника и какъ можемъ мы вымѣрить и окончательно установить эту величину? Такъ какъ она не можетъ быть выведена a priori, одними умозаключеніями, то ее приходится опредѣлить эмпирически, при помощи явленій, доступныхъ нашимъ чувствамъ» (стр. 229). Эта «особая», «абсолютная» геометрія, — *не Эвклидова* геометрія Гаусса, *воображаемая* геометрія Лобачевскаго — имѣетъ дѣло съ пространствомъ «анти-Эвклидовскимъ», «абсолютнымъ». Она серьезно занимала различныхъ изслѣдователей и, по мнѣнію Цёлльнера, можетъ имѣть практическое значеніе При нѣкоторыхъ предположеніяхъ, «способъ воззрѣнія на то пространство, въ которомъ мы принуждены наблюдать всѣ доступныя нашимъ чувствамъ явленія міра, т. е. видѣть міръ какъ *представленіе*, находился бы въ *необходимой* связи съ основными свойствами тѣлъ, а именно со свойствами атомныхъ центровъ, соединенныхъ между собой дѣйствіемъ на разстояніи. И если *абсолютному* пространству принадлежитъ,—какъ то думаютъ Кантъ, Гауссъ, Боліай, Лобачевскій и Риманнъ — *самостоятельная* реальность, то всѣ законы *абсолютной* геометріи выражали бы опредѣленныя истины физической природы» (стр. 232).

«Уже пять лѣтъ тому назадъ въ моей (Цёлльнера)

книгѣ «О натурѣ кометъ» (стр. 340), и въ прошломъ году, въ моихъ «Основаніяхъ электродинамической теоріи вещества» я указалъ на значеніе и связь не-Эвклидовой геометріи съ физическими фактами, опираясь при этомъ на авторитетъ Римана» стр. 234).

III.

Если понятія о пространствѣ, свойственныя собственно *намъ*, заключаютъ въ себѣ эмпирическіе элементы, основываются не на одномъ чистомъ умозрѣніи, но также на результатахъ наблюденія и опыта, т. е. на данныхъ, доставляемыхъ уму чувствами, то *мыслимо*, что въ предѣлахъ нашихъ пространственныхъ представленій могутъ существовать *факты*, обнаруживаемые наблюденіемъ, реальные, но тѣмъ не менѣе такіе, необходимость которыхъ не вытекаетъ изъ общихъ основаній мышленія какъ непремѣнное логическое слѣдствіе, не выводится изъ нашего понятія о пространствѣ трехъ измѣреній. По мнѣнію Канта, такой фактъ представляетъ симметрія тѣхъ тѣлъ, которыя не симметричны въ своихъ частяхъ. Факты этого рода окружаютъ насъ постоянно и не удивляютъ насъ только вслѣдствіе своей обыкновенности; а между тѣмъ въ нихъ лежитъ противорѣчіе между наблюдаемымъ, очевиднымъ, и законами логическаго мышленія, *если* только при этомъ послѣднемъ мы *руководимся обычнымъ понятіемъ о пространствѣ*.

Вотъ слова Канта (стр. 225): «Если два предмета во *всѣхъ* частяхъ *вполнѣ* одинаковы (и по размѣрамъ, и по качеству), причемъ эти части на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности могутъ быть распознаны, то изъ этого должно-бы необходимо слѣдовать, что одинъ изъ этихъ двухъ предметовъ всегда можетъ быть помѣ-

щенъ на мѣсто другаго, такъ что обмѣнъ не вызоветъ ни малѣйшаго замѣтнаго измѣненія... Что́ можетъ быть сходнѣе во всѣхъ отношеніяхъ съ моей рукой или моимъ ухомъ, какъ не отраженіе ихъ въ зеркалѣ? А между тѣмъ такая рука, какъ видимая въ зеркалѣ, не можетъ быть помѣщена на мѣсто моей руки, давшей изображеніе; если эта рука правая, то та въ зеркалѣ — будетъ лѣвою рукой; отраженное изображеніе праваго уха является также лѣвымъ, и одно никакъ не можетъ быть помѣщено на мѣсто другаго. Здѣсь нѣтъ внутренняго различія *мыслимаго умомъ*, а между тѣмъ *чувства* говорятъ намъ, что внутреннее различіе существуетъ: мы знаемъ, что лѣвая рука не можетъ быть заключена въ тѣ границы въ которыхъ находится правая; не смотря на всю одинаковость, все сходство обѣихъ, онѣ не могутъ совпасть; перчатка одной руки не можетъ быть надѣта на другую». Различіе между такими симметричными предметами можетъ быть опредѣлено только опытнымъ путемъ, противоположеніемъ ихъ одного другому. Это различіе составляетъ для насъ логическое противорѣчіе, такъ какъ оно несомнѣнно существуетъ, но не можетъ быть мыслимо какъ слѣдствіе существующаго понятія о пространствѣ.

«Въ чемъ-же заключается разрѣшеніе вопроса?» спрашиваетъ Кантъ, и даетъ слѣдующій отвѣтъ: «Предметы эти не представляютъ вещей такими, каковы онѣ *сами по себѣ*, и какими ихъ распозналъ-бы *чистый* разумъ; эти предметы суть только результаты ощущеній, *проявленія*, которыхъ возможность условливается отношеніемъ къ нашимъ чувствамъ вещей, остающихся намъ неизвѣстными по своей сущности».

Объясненіе подобныхъ вопросовъ, говоритъ Риманнъ, вообще можетъ быть достигнуто только при помощи

измѣненія «прежняго способа пониманія и объясненія явленій», причемъ, исходя изъ прежнихъ воззрѣній «*мы перерабатываемъ* постепенно этотъ способъ пониманія. на основаніи тѣхъ *фактовъ*, которые прежними воззрѣніями не могли быть объяснены» (стр. 235). Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ объ объясненіи явленія симметріи тѣлъ. Объясненіе это можетъ быть основано на допущеніи извѣстныхъ *пространственныхъ* отношеній между двумя, симметричными между собой, реальными предметами и тѣми «вещами о себѣ», которыя остаются недоступными нашимъ чувствамъ.

IV.

«Прежде всего», говоритъ Цёлльнеръ (стр. 244), «надо разрѣшить вопросъ о томъ, въ состояніи-ли мы указать такія *извѣстныя намъ* отношенія между *предметомъ* и его *дѣйствіями*, при которыхъ форма и порядокъ дѣйствій зависѣли-бы существенно отъ отношенія», существующаго между предметомъ и мѣстомъ проявленія его дѣйствій. Если-бы ничего подобнаго указать было нельзя, то очевидно пришлось-бы отречься отъ всякой попытки объясненія за неимѣніемъ *представленій*, которыя мы, при помощи *аналогіи* и *индукціи*, могли-бы приложить къ отношенію, намъ *пока еще неизвѣстному*.

«На дѣлѣ однако-же аналогичныя явленія есть, и они окружаютъ насъ каждодневно, подобно тѣмъ чудесамъ симметріи тѣлъ, которыя должны быть объяснены обобщеніями существующихъ аналогій.

«...Стоитъ только взглянуть на тѣнь своей руки отброшенную на стѣну или гладкую ширму. Тѣневое изображеніе на плоскости можетъ быть непосредственно превращено поворотомъ дающей тѣнь руки изъ пра-

ваго въ лѣвое и наоборотъ, причемъ сама рука не претерпѣваетъ никакого измѣненія, а измѣнится лишь одно пространственное отношеніе между ею и плоскостью принимающею ея проекцію. Мы видимъ здѣсь наглядный примѣръ существованія вещи трехъ измѣреній, руки (которая сама по себѣ остается неизмѣнною), и причинно связаннаго съ нею измѣняющагося явленія (плоскостной тѣни).

«Мы можемъ стало-быть производить на плоскости по произволу симметрическія изображенія, единственно посредствомъ измѣненія пространственныхъ отношеній между рукой и плоскостью проекціи, на которую тѣнь падаетъ. При этомъ нѣтъ надобности въ томъ, чтобы въ трехмѣрномъ [1]) пространствѣ, въ которомъ предметъ (рука) находится, присутствовали симметрическія *тѣла*. Совершенно также *нѣтъ* надобности въ существованіи симметрическихъ объектовъ въ пространствѣ *четырехъ* измѣреній *(четырехмѣрномъ)*, если симметрію предметовъ существующихъ въ извѣстномъ намъ наглядно трехмѣрномъ пространствѣ мы объяснимъ тѣмъ что предметы эти суть только произведенія процесса проекціи, совершающагося надъ неизвѣстными намъ четырехмѣрными предметами»...

«Если принять во вниманіе, что *представленіе* всего *видимаго* міра (съ его *тремя* измѣреніями) слагается въ нашемъ умѣ единственно по тѣмъ *изображеніямъ* различной формы и яркости, которыя представляютъ реальныя измѣненія на *плоскости* сѣтчатой оболочки нашего глаза, т. е. въ области двумѣрной, то надобно заключить, что *представленіе* о существованіи въ мірѣ *третьяго* измѣренія есть результатъ работы нашего ума.

[1]) Будемъ употреблять выраженіе *двухмѣрный*, *трехмѣрный*, вмѣсто «двухъ измѣреній», «трехъ измѣреній» и проч.

Онъ приводится къ этому представленію тѣми противорѣчіями, которыя являются если принять только два измѣренія: въ этихъ двухъ измѣреніяхъ наблюдаются перспективныя измѣненія, взаимныя покрыванія предметовъ, а въ то-же время *другими* способами мы познаемъ, что на дѣлѣ предметы при этомъ не измѣняются» (стр. 246).

Подобнымъ-же образомъ и противорѣчіе, представляемое явленіемъ симметріи, существующимъ въ трехмѣрномъ пространствѣ, устраняется допущеніемъ новаго понятія о *четвертомъ измѣреніи* пространства или лучше сказать, о *множественности* измѣреній пространства, такъ какъ, допустивъ «четвертое» измѣреніе нѣтъ никакого основанія видѣть въ немъ границу мыслимаго. Явленіе симметріи тѣлесныхъ предметовъ, безъ этого не понятное уму, получаетъ такимъ образомъ объясненіе, согласно словамъ Риманна (241 стр.). «Дополненіе и улучшеніе системы нашихъ понятій составляетъ *объясненіе* неожиданныхъ наблюденій. Исторія объясняющаго естествознанія, насколько можно прослѣдить ее въ прошломъ, показываетъ, что таковъ дѣйствительно путь, по которому идетъ развитіе познаванія природы. Системы понятій, лежащія нынѣ въ его основаніи, произошли постепеннымъ измѣненіемъ прежнихъ, и поводы къ новымъ объясненіямъ сводятся всегда къ противорѣчіямъ или невѣроятностямъ, обнаружившимся въ прежнихъ объясненіяхъ. Составленіе новыхъ понятій, насколько то возможно по результатамъ наблюденій, совершается именно посредствомъ такого процесса»!

Мнѣніе о *необходимости* указаннаго расширенія въ понятіи о пространствѣ выражено было Цёльнеромъ также около года тому назадъ, въ его «Основаніяхъ электро-динамической теоріи матеріи» и въ статьѣ «О физическихъ отношеніяхъ между гидро-динамическими

и электро динамическими явленіями». Онъ приводитъ теперь свои слова (стр. 247).

«Предметы, дѣйствуя на нашъ организмъ, производятъ измѣненія въ ощущеніяхъ. Какъ протяженность этихъ измѣненій, такъ и ихъ напряженіе, могутъ быть объяснены двумя причинами, совершенно различными одна отъ другой, а именно, *во-первыхъ*, измѣненіемъ напряженности дѣйствія и протяженій самого предмета, или *во-вторыхъ*, измѣненіемъ отношеній предмета къ наблюдателю, безъ измѣненія свойства самого предмета. Третье измѣреніе пространства и есть не что иное, какъ выраженіе этого измѣненія отношеній объекта къ нашему воспринимающему ощущенія субъекту, т. е. выраженіе возможности объяснить различія въ дѣйствіи внѣшнихъ предметовъ на нашъ организмъ, не принимая измѣненій въ свойствахъ самихъ предметовъ». «Геометрическія фигуры, не представляющія въ самихъ себѣ различія мыслимаго умомъ (различія въ положеніи, формѣ или величинѣ частей), не должны различаться и наглядно: фигуры сами по себѣ тождественныя въ умозрительномъ смыслѣ должны давать возможность приведенія ихъ въ такое отношеніе къ нашему воспринимающему ощущенія тѣлу, что дѣйствія, ими на насъ производимыя, будутъ вполнѣ тождественны».

«Фигуры двумѣрныя удовлетворяютъ этому условію: тѣ изъ нихъ, которыя сами по себѣ тождественны для ума, всегда могутъ быть приведены къ совпаденію, т. е. могутъ покрываться взаимно. Возможность этого покрытія условливается однако *на дѣлѣ* возможностью вращенія плоскостной фигуры, т. е. процессомъ, возможность котораго условливается третьимъ измѣреніемъ пространства. Такимъ образомъ, возможность объяснить всѣ явленія, имѣющія мѣсто въ мірѣ двумѣрномъ, пред-

ставляется лишь для трехмѣрныхъ существъ; пользуясь третьимъ измѣреніемъ, существа эти всегда могутъ производить такія измѣненія въ положеніи двумѣрныхъ фигуръ, тождественныхъ *въ мышленіи*, что онѣ становятся тождественными и *наглядно*. А для существъ, которыя обладали-бы представленіемъ о двухъ только измѣреніяхъ, явленіе симметріи плоскостныхъ фигуръ оказалось бы *недоступнымъ пониманію*»... Подобнымъ же образомъ и «въ пространствѣ трехъ измѣреній существуютъ явленія для насъ *необъяснимыя* умозрѣніемъ, т. е. такія, которыя не могутъ быть сведены къ опредѣленному отношенію между причиной и дѣйствіемъ. Итакъ, если окружающій насъ міръ явленій долженъ быть объясненъ... то надобно допустить *четыре измѣренія пространства*».

Ко всему этому, сказанному имъ прежде, Цёлльнеръ прибавляетъ теперь: «Въ самомъ дѣлѣ, пространство, въ которомъ можно было-бы объяснить *безъ противорѣчія* видимый міръ, *должно* имѣть по меньшей мѣрѣ *четыре* измѣренія. Безъ этого допущенія фактъ существованія симметрическихъ тѣлъ никакъ не можетъ быть сведенъ къ законности». Цёлльнеръ ссылается при этомъ на слова Гельмгольца (стр. 248): «Если мы не имѣемъ возможности свести явленія природы къ опредѣленному закону... то исчезаетъ всякая *возможность* пониманія такихъ явленій. Но мы должны пытаться понять ихъ; у насъ нѣтъ другаго средства покорить ихъ господству нашего разсудка; мы, стало-быть, *должны* приступать къ изслѣдованію явленій въ томъ *предположеніи*, что они могутъ быть поняты» [1]).

[1]) Тутъ (стр. 249) Цёлльнеръ пускается въ рѣзкую полемику съ однимъ изъ своихъ критиковъ Dr. Бенно Эрдманномъ (въ Берлинѣ), не видящимъ противорѣчій въ явленіи симметріи. «Я

Явленіе, подобное нынѣшнему развитію понятія о четвертомъ измѣреніи пространства, встрѣчаемъ мы въ исторіи астрономіи. Тамъ постепенно пришли къ сознанію значенія третьяго измѣренія, при помощи котораго сдѣлалось возможнымъ объясненіе явленій, видимыхъ на небесномъ сводѣ, между тѣмъ какъ ранѣе ихъ представляли себѣ происходящими на плоскости, то есть въ двухъ измѣреніяхъ. По словамъ Цölльнера, сознаніе человѣчества, по отношенію ко всѣмъ явленіямъ, воспринимаемымъ чувствами, находится нынѣ въ стадіи развитія подобной той, въ которой 340 лѣтъ тому назадъ находился умъ Коперника по отношенію къ астрономическимъ явленіямъ. «Третье измѣреніе небеснаго пространства, кажущагося намъ поверхностью, дало тогда ключъ къ объясненію небесныхъ движеній;

уже указалъ выше, говоритъ Цölльнеръ, что одно изъ характеристическихъ отличій заурядной головы—не признавать противорѣчій тамъ, гдѣ они обнаруживаются для богаче развитыхъ умственныхъ силъ тѣхъ людей, которые вдумываются глубже. Быть можетъ и мой критикъ не посмѣетъ не согласиться съ тѣмъ, что Кантъ и Гауссъ были люди, давшіе блестящія доказательства своего высокаго ума. Откуда же берется надмѣнность собственнаго мышленія критика, и прежде всего, гдѣ тѣ доказательства его ума, которыя могли бы дать ему право отвергать... противорѣчія тамъ, гдѣ Кантъ и Гауссъ, независимо одинъ отъ другаго, сдѣлали яснымъ ихъ существованіе для каждаго мыслящаго человѣка? Эта юношеская заносчивость была-бы для меня столь же непонятна, какъ «непонятны» выше изложенныя соображенія для моего критика, если бы подобное явленіе не было весьма обыкновеннымъ у *такъ называемыхъ* философовъ... Быть можетъ объясненіе упомянутаго разногласія найдется въ слѣдующемъ вопросѣ, сдѣланномъ профессоромъ Лихтенбергомъ 97 лѣтъ тому назадъ [Lichtenberg's *Gedanken und Maximen*. Изд. Гризенбаха. 1871, стр. 156]: «Mein Gott! wenn ein Kopf und ein Buch zusammenstossen und es klingt hohl, ist denn das allemal im Buche?»

точно также допущеніе *четвертаго* измѣренія дастъ въ будущемъ ключъ къ объясненію всѣхъ явленій, *имѣющихъ* мѣсто въ *трехмѣрномъ* пространствѣ».

«*Пространство* есть только наглядное выраженіе того *эмпирически* найденнаго факта, что дѣйствія тѣла на насъ и на другія тѣла могутъ измѣняться безъ того, чтобы то тѣло само подверглось измѣненію» (стр. 254).

Въ подкрѣпленіе высказываемыхъ мнѣній приводитъ Цёлльнеръ (стр. 256) цитаты изъ недавно появившагося въ свѣтъ маленькаго сочиненія Руделя (*Von den Elementen und Grundgebilden der synthetischen Geometrie*, Bamberg, 1877). Первая часть этого сочиненія разсматриваетъ пространство съ обыкновенной, а вторая — съ *высшей* точки зрѣнія. Первая часть начинается слѣдующими словами:

«Элементы синтетической геометріи суть точки, линіи, поверхности и пространство... Если бы мы существовали какъ части *поверхности*, вмѣсто того, чтобы занимать собой части *пространства*, то у насъ не было бы и никакого представленія о пространствѣ, — мы знали бы только *одну* поверхность, а именно только ту, на которой существуемъ».

Въ началѣ второй части говорится: «Наше *понятіе о пространствѣ* представляетъ опредѣленную форму воззрѣнія, основанную единственно на томъ, что мы сами существуемъ какъ тѣла, т. е. составляемъ части пространства. Отъ такого существованія вполнѣ зависитъ форма воззрѣнія: съ нимъ вмѣстѣ она измѣняется, имъ поддерживается и съ нимъ падаетъ. Попробуемъ, исходя изъ такого положенія опредѣлить какія понятія о пространствѣ должны бы имѣть тѣ существа, которыя не были бы, подобно намъ, ограничены тремя измѣреніями, не были бы формами *третьяго* порядка,

а представляли бы формы *четвертаго* порядка... (Существа, которыя были-бы частями плоскости, явились бы тогда существами *втораго* порядка)... ...Существо четвертаго порядка будетъ, по отношенію къ нашему тѣлесному міру, занимать мѣсто подобное тому, какое мы занимаемъ по отношенію къ плоскостнымъ формамъ. Для такого «четырехмѣрнаго» существа нашъ міръ явится крайне ограниченною частью всего міра явленій — частью, существующею только въ трехмѣрномъ пространствѣ—плоскою, безъ четвертаго измѣренія. Въ какомъ отношеніи стоимъ *мы* къ тѣламъ четырехъ измѣреній? Но прежде спросимъ, какъ бы отнеслось существо *двумѣрное* къ нашему тѣлесному міру, еслибъ оно додумалось до понятія о *возможности* его существованія?» Такъ какъ о представленіи формы трехмѣрной—тѣла, у такого существа не можетъ быть и рѣчи, то оно будетъ себѣ представлять образъ тѣла какъ-бы проектированнымъ на плоскость, для того чтобъ имѣть возможность воспринять его какъ плоскостную фигуру. Точно также и для насъ, четырехмѣрное тѣло потеряетъ свое четвертое измѣреніе чрезъ проекцію въ наше трехмѣрное пространство, въ которомъ это тѣло само по себѣ, въ своей сущности, помѣщаться не можетъ,—изъ котораго оно выдается во множествѣ направленій, имѣя съ нимъ общею только *фигуру сѣченія*...

...«Если мнѣ удалось показать въ предъидущихъ строкахъ, что *наши* воззрѣнія и способъ пониманія не единственные, не высшіе и не послѣдніе, что возможность формъ воззрѣнія неограниченна, и міръ явленій, по всей вѣроятности, заходитъ далеко за предѣлы круга нашихъ воззрѣній, то цѣль моя достигнута».

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что расширеніе понятій о пространствѣ и взглядъ на трехмѣр-

ныя тѣла нашего пространства, какъ на проекціи изъ пространства высшихъ измѣреній, налагаетъ обязанность объяснить какимъ-нибудь образомъ самый, такъ сказать, механизмъ образованія этихъ проекцій. При ближайшемъ разсмотрѣніи такое требованіе не представляется однакожъ основательнымъ: въ самомъ дѣлѣ, еслибъ о предметахъ внѣшняго міра мы имѣли понятіе только по ихъ проекціямъ на плоскость, напримѣръ наблюдая ихъ изображенія въ камеръ-обскурѣ, то и додумавшись до возможности существованія этихъ предметовъ въ пространствѣ трехъ измѣреній, мы никакъ не могли бы вообразить себѣ наглядно механизмъ превращенія трехмѣрнаго образа предметовъ въ двухмѣрный. Для этого у насъ не достало бы знакомыхъ намъ представленій, а между тѣмъ объяснить или описать ближе, значитъ выразить въ *знакомыхъ* представленіяхъ.

Итакъ, согласно словамъ Риманна, противорѣчія результатовъ мышленія съ наблюдаемыми фактами приводятъ насъ и здѣсь къ расширенію понятій. Только благодаря встрѣчаемымъ противорѣчіямъ, мы дѣлаемъ успѣхи въ познаніи міра, и чѣмъ больше и сильнѣе поражаютъ насъ эти противорѣчія, тѣмъ сильнѣе потребность и стремленіе къ расширенію познанія. «Если потребность эта остается неудовлетворимою вслѣдствіе *недостаточной* силы разсудка, то изъ этого возникаетъ *пессимистическое* міровоззрѣніе, принимающее границы существующихъ въ данное время понятій за *окончательныя*. Но умъ болѣе сильный гармонически разъясняетъ и устраняетъ противорѣчія, освобождая нашъ духъ отъ угнетающаго безпокойства, всегда сопровождающаго сознаніе безсилія предъ задачей, которою мы не въ состояніи овладѣть» (стр. 272).

V.

Допущеніе множественности измѣреній пространства ведетъ къ извѣстнымъ заключеніямъ, основаннымъ на аналогіяхъ, на сравненіи извѣстныхъ намъ отношеній между трехмѣрными предметами и ихъ двумѣрными плоскостными проекціями, съ тѣми отношеніями, которыя должны имѣть мѣсто между предметами допускаемаго нами четырехмѣрнаго міра и ихъ трехмѣрными проекціями, т. е. предметами нашего пространства.

Представимъ себѣ изображніе треугольника, вырѣзаннаго напримѣръ изъ тонкой бумаги, видимое въ камеръ-обскурѣ. Площадь этого изображенія будетъ достигать своего максимума тогда, когда плоскость треугольника и плоскость, принимающая проекцію, будутъ параллельны. При нарушеніи этой параллельности, т. е. при поворачиваніи треугольника, площадь его изображенія будетъ уменьшаться все болѣе и болѣе; она почти исчезнетъ когда треугольникъ станетъ перпендикулярно къ плоскости проекціи и постепенно будетъ увеличиваться при дальнѣйшемъ вращеніи треугольника, причемъ вновь полученное изображеніе его будетъ симметричнымъ и противоположнымъ съ первоначальнымъ изображеніемъ, т. е. представитъ какъ бы отраженіе этого послѣдняго въ зеркалѣ. Существо, имѣющее представленія *лишь* о двухъ измѣреніяхъ, необходимо увидѣло бы въ описанныхъ измѣненіяхъ изображенія противорѣчіе съ аксіомой неисчезаемости матеріи: оно видѣло бы уменьшеніе и увеличеніе площади треугольника, не наблюдая въ то же время появленія на плоскости, въ новомъ мѣстѣ, какого-либо изображенія, по величинѣ своей соотвѣтствующаго той части площади, которая исчезла. Такія же точно измѣненія должны бы мы были видѣть въ

членахъ собственнаго нашего тѣла и въ другихъ симметрическихъ трехмѣрныхъ предметахъ, если бы мы могли по произволу превращать ихъ изъ праваго въ лѣвый и наоборотъ. Видимый процессъ такого превращенія состоялъ бы въ уменьшеніи предмета, исчезновеніи его на мгновеніе и появленіи опять въ новомъ видѣ (стр. 264). «Всѣ подобные процессы, прибавляетъ Цолльнеръ, казались бы съ точки зрѣнія нашихъ *теперешнихъ* понятій *чудесами*.... но при высшемъ воззрѣніи на пространство противорѣчія исчезаютъ» (стр. 265). Сдѣлавшись для насъ обычными, подобные процессы «развили бы въ насъ современемъ наглядное понятіе о четвертомъ измѣреніи пространства, подобно тому какъ это совершилось, при помощи такихъ же процессовъ, съ третьимъ измѣреніемъ».

«Для правильнаго пониманія этихъ аналогій нужно только всегда помнить, что познаніе *всѣхъ* другихъ свойствъ тѣлъ, напримѣръ ихъ осязаемости и тяжести, основано столько же на получаемыхъ *ощущеніяхъ*, какъ познаваніе видимыхъ свойствъ—на свидѣтельствѣ зрѣнія. Поэтому перенесеніе понятія о проектированіи на свойства тяжести и осязаемости не заключаетъ въ себѣ *новаго* принципа». (Тамъ же).

Временное исчезновеніе предмета изъ видимаго пространства мыслимо и въ другихъ случаяхъ. Представимъ себѣ точку, помѣщенную на плоскости, внутри замкнутой линіи, напримѣръ въ кругѣ. Двигая эту точку *только* въ означенной плоскости, то-есть по двумъ измѣреніямъ, нельзя ее вынести за предѣлы круга безъ нарушенія его цѣлости. Для существа двумѣрнаго, находящагося въ той же плоскости, разрѣшеніе задачи представлялось бы невозможнымъ и осуществленіе переноса точки за кругъ—было бы чудомъ. Но, пользуясь треть-

имъ измѣреніемъ—имѣя возможность перемѣщать точку не по двумъ только, а по тремъ измѣреніямъ—мы разрѣшаемъ задачу очень просто: приподнимаемъ точку съ плоскости (то-есть перемѣщаемъ ее по *третьему* измѣренію) и переносимъ за кругъ *черезъ* линію его очерчивающую, опуская тамъ ее снова на прежнюю плоскость. Для существа двумѣрнаго моментъ поднятія точки съ плоскости являлся бы моментомъ ея исчезновенія, а при опусканіи точки, ея прикосновеніе съ плоскостью представилось бы мгновеннымъ появленіемъ ея за предѣлами круга. Существо двумѣрное никогда не могло бы составить себѣ нагляднаго представленія о такомъ процессѣ переноса точки. Такимъ же образомъ мыслимо для насъ, хотя и не можетъ быть наглядно себѣ представлено, перенесеніе точки за предѣлы замкнутаго трехмѣрнаго пространства, напримѣръ шара, въ которомъ эта точка помѣщена. Мыслимо же осуществленіе этого переноса при помощи *четвертаго* измѣренія, по которому движеніе точки не встрѣтитъ препятствій, такъ же какъ оно не встрѣчаетъ его когда точка, находившаяся въ кругу, на плоскости, перемѣщается по третьему измѣренію (стр. 276). «Намъ показалось бы, прибавляетъ Цёлльнеръ, что законъ такъ-называемой непроницаемости матеріи въ трехмѣрномъ пространствѣ можетъ быть нарушаемъ».

Представимъ себѣ, далѣе, гибкую линію, прямую, занимающую слѣдовательно одно измѣреніе. Сгибая линію, мы произведемъ движеніе по второму измѣренію и можемъ дать этой линіи, напримѣръ ниткѣ, видъ ______, причемъ, такъ какъ она безконечно тонка, всѣ ея части будутъ лежать въ одной плоскости. Привести такую согнутую нитку, не разрывая ея,

въ прежнее прямое состояніе и притомъ такъ, чтобы *во время распрямленія* всѣ ея части постоянно оставались въ первоначальной плоскости — можно только такимъ образомъ, что одинъ конецъ будетъ обращенъ по цѣлой окружности круга на 360°» (стр. 272 и 273).

Для существъ двумѣрныхъ такія дѣйствія надъ ниткой соотвѣтствовали бы тому, что̀ мы, существа трехмѣрныя, называемъ завязываньемъ и развязываньемъ узла. Пользуясь нашимъ третьимъ измѣреніемъ, мы можемъ развязать двумѣрный узелъ, т.-е. разогнуть упомянутый круговой сгибъ, гораздо проще того, чѣмъ сказано выше, не заставляя конецъ нитки описывать полный кругъ; для этого намъ сто̀итъ только отъ двумѣрнаго узла перейти къ перегибу Обратными дѣйствіями въ *трехмѣрномъ* пространствѣ, двумѣрный узелъ можетъ быть также и завязанъ безъ описыванія концомъ нитки полной окружности. При завязываніи двумѣрнаго узла, при помощи движенія нитки по третьему измѣренію, ея части очевидно также должны были бы на время исчезать изъ вида у существъ двумѣрныхъ.

«Перенося по аналогіи эти соображенія на *трехмѣрный*, т.-е. настоящій узелъ, легко видѣть, что какъ завязыванье, такъ и развязыванье подобнаго узла возможно только посредствомъ такого дѣйствія, при которомъ части нитки опишутъ линію *двойной* кривизны, какъ это видно изъ фигуры [1]).

«Для насъ, какъ существъ трехмѣрныхъ, завязыванье и развязыванье такого узла возможно только при пол-

[1]) Въ ней концы нитки *продѣты* въ образовавшіяся петли.

номъ круговомъ повороте (на 360°) одного конца нитки, въ плоскости *наклонной* къ той, въ которой находится двумѣрная часть узла; но если бы между нами были существа, могущія по произволу производить движенія матеріальныхъ тѣлъ въ четырехъ измѣреніяхъ, то они были бы въ состояніи завязывать и развязывать трехмѣрные узлы гораздо быстрѣе, способомъ совершенно аналогичнымъ съ описаннымъ выше по отношенію къ завязыванію двумѣрнаго узла при помощи третьяго измѣренія». (Стр. 274). Свобода концовъ нитки при этомъ нужна не была бы, нитка могла бы быть безконечною. «Такимъ образомъ, если оба конца нитки связаны вмѣстѣ и запечатаны, то разумное существо, способное предпринять произвольно четырехмѣрныя сгибанія и движенія нитки должно быть въ состояніи завязать на *простой* ниткѣ [1]) одинъ или нѣсколько узловъ, не нарушая цѣлости печати». (Стр. 726).

VI.

«Этотъ-то опытъ», говоритъ Цöлльнеръ (стр. 726) «и удался мнѣ въ теченіе немногихъ минутъ, при помощи американскаго медіума, г. Генри Следа, въ Лейпцигѣ 17-го декабря (н. ст.) 1877 года, въ 11 часовъ утра».

При распространенномъ нынѣ предубѣжденіи противъ подлинности медіумическихъ явленій, для многихъ изъ моихъ читателей можетъ показаться страннымъ, что Цöлльнеру пришла мысль искать въ медіумизмѣ провѣрки и подтвержденія своихъ научно-философскихъ воззрѣній. Но въ томъ-то и дѣло, что Цöлльнеръ не былъ ослѣпленъ ни самомнѣніемъ, ни тою излишнею вѣрой въ непогрѣшимость *существующихъ нынѣ* науч-

[1]) Т.-е. на ниткѣ одинакой, взятой *не* вдвое.

ныхъ воззрѣній, которая можетъ быть удачно охарактеризована именемъ «научнаго суевѣрія». Онъ, поэтому, тотчасъ же замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ его апріорныхъ замѣчаній, основанныхъ на допущеніи многомѣрности пространства, совпадаютъ съ такъ-называемыми медіумическими феноменами. Хотя Цёлльнеру, до его опытовъ со Следомъ, не случалось лично наблюдать медіумическихъ явленій (стр. 277), но торжествомъ знанія онъ считалъ не высокомѣрное отрицаніе, а изслѣдованіе и объясненіе. Онъ соглашается вполнѣ (стр. 240) съ Риманномъ, говорящимъ слѣдующее:

«Если наступаетъ то, что по существующимъ понятіямъ представляется необходимымъ или возможнымъ, то эти понятія подтверждаются и на такомъ подтвержденіи основывается наше довѣріе къ нимъ. Если же происходитъ то, что по существующимъ понятіямъ не ожидается и представляется *невозможнымъ* или невѣроятнымъ, то возникаетъ необходимость дополнить эти понятія, или, если нужно, переработать ихъ такъ, чтобы на дѣлѣ наблюдаемое перестало быть *невозможнымъ* или невѣроятнымъ. Дополненіе и улучшеніе системы понятій составляетъ *объясненіе* неожиданнаго наблюденія. Вслѣдствіе такого процесса, наши воззрѣнія на природу становятся все полнѣе и правильнѣе, и въ то же время мы все далѣе проникаемъ въ глубь явленій» (стр. 235).

Цёлльнеръ къ этому прибавляетъ (стр. 236): «Въ приведенныхъ словахъ Риманнъ не только допускаетъ *возможность* явленій нынѣ для насъ необъяснимыхъ или такъ-называемыхъ *чудесъ* [1]), но онъ указываетъ также, что когда подобныя явленія доказаны *надежными* на-

[1]) По такому опредѣленію, замѣчаетъ Цёлльнеръ, и симметрія тѣлъ, на необъяснимость которой указано Кантомъ, принадлежитъ къ числу чудесъ-(стр. 240).

блюденіями и опытами, и сдѣлались такимъ образомъ *фактами*, то для нашего ума возникаетъ задача переработать и расширить существующую систему понятій, такъ чтобъ эта *расширенная* и *обобщенная* система сдѣлала упомянутыя явленія доступными разсудку и объяснимыми, т.-е. дала бы возможность при помощи закона причинности свести ихъ къ опредѣленному отношенію между причиной и дѣйствіемъ.

Что же касается собственно до медіумическихъ явленій, то Цöлльнеръ приводитъ (стр. 187) сказанное о нихъ кембриджскимъ профессоромъ математики Чаллисомъ: «Существующія доказательства настолько полны и согласны между собою, что надо или признать факты въ томъ видѣ, какъ о нихъ сообщается, или окончательно отказаться отъ возможности подтвержденія фактовъ человѣческимъ свидѣтельствомъ». Но Цöлльнеръ считаетъ необходимымъ строго установить опредѣленіе *объективно-реальнаго* съ точки зрѣнія идеализма (стр. 276). «Если *все* ощущаемое даетъ намъ только представленія, производимыя неизвѣстными причинами, то отличительнаго признака *объективно*-реальнаго (тѣла) отъ *субъективно*-реальнаго (фантазмы) надобно искать не въ *сущности*, а въ различныхъ аттрибутахъ процесса производящаго представленія. Если причины намъ неизвѣстныя производятъ въ насъ такое представленіе, что оно *одновременно* наблюдается въ одинаковомъ видѣ разными людьми, съ тѣми только отличіями, которыя зависятъ отъ различнаго *положенія* наблюдателей въ пространствѣ, то мы относимъ такое представленіе къ реальному объекту, существующему *внѣ насъ;* если же этого условія нѣтъ, то представленіе относится нами къ причинамъ, *въ насъ самихъ* находящимся, и получаетъ названіе галлюцинаціи. Принадлежатъ ли медіуми-

скія явленія къ первой или второй категоріи представленій — этого я рѣшить не смѣю, такъ какъ до сихъ поръ никогда не былъ свидѣтелемъ подобныхъ явленій [1]). Съ другой стороны, предъ такими людьми какъ Гёггинсъ, Круксъ, Уаллесъ и др., я не имѣю столь высокаго мнѣнія о *моемъ умѣ,* чтобы думать, что я не подвергнусь, при сходныхъ условіяхъ, тѣмъ же впечатлѣніямъ, какимъ подверглись они».

Философское направленіе Цёлльнера, и въ особенности изученіе имъ Канта, заставляетъ его далеко расходиться съ большинствомъ въ способѣ отношеній къ медіумизму. Цёлльнеръ позволяетъ себѣ думать (стр. 200), что «отношеніе къ медіумизму современныхъ естествоиспытателей и философовъ, столь надменныхъ въ своихъ заблужденіяхъ», заставляетъ ихъ играть «смѣшную и наивную (einfältig) роль», и что причина эта кроется въ «совершенномъ незнакомствѣ съ литературными сокровищами прошлаго, т. е. въ недостаткѣ *истиннаго* образованія». То, что сказалъ Кантъ 111 лѣтъ тому назадъ, прилагается зачастую и нынѣ: «нѣкоторые *новѣйшіе мудрецы* (neuere Weltweisen)—какъ они себя любятъ называть—проходятъ очень легко эти вопросы», и это обстоятельство Кантъ сопоставляетъ съ тѣмъ, что «слова *я не знаю* не очень-то благосклонно выслушиваются академіями». Въ цитатахъ, приведенныхъ Цёлльнеромъ изъ Канта, встрѣчаются между прочимъ слѣдующія мѣста: «Признаюсь, я очень склоненъ допускать бытіе нематеріальныхъ существъ и причислять собственную мою душу къ классу этихъ существъ» (стр. 201)... «Почти доказано, или не трудно доказать, если говорить про-

---

[1]) Цёлльнеръ поясняетъ, что это было писано имъ въ августѣ 1877. (См. стр. 727).

странно, или, вѣрнѣе, будетъ доказано въ будущемъ— гдѣ и когда, не знаю, — что человѣческая душа и въ этой жизни находится въ неразрывной связи и общеніи со всѣми нематеріальными существами міра духовнаго. Она взаимодѣйствуетъ съ ними, и получаетъ отъ нихъ впечатлѣнія, но человѣкъ не сознаетъ ихъ, пока все обстоитъ благополучно» (стр. 202 и 203).

Свое собственное мнѣніе о Кантѣ Цёлльнеръ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Ни одинъ философъ, ни *до*, ни *послѣ* Канта, не даетъ столькихъ доказательствъ умственнаго превосходства».

VII.

Описывая свой опытъ со Слэдомъ [1]), Цёлльнеръ напоминаетъ приведенное выше опредѣленіе реально-существующаго и галлюцинаціи, и говоритъ, что во время опытовъ онъ не-забывалъ постоянно имѣть въ виду критерій, отличающій *субъективную* фантазму отъ *объективнаго* предмета.

Описаніе опыта съ узлами пояснено особо приложеннымъ рисункомъ, изображающимъ двѣ руки, лежащія на столѣ, и оттискъ печати Цёлльнера, подъ которою скрыты связанные концы бичевки. Подъ соединенными большими пальцами рукъ лежитъ двойная бичевка, опускающаяся въ видѣ цѣльной петли ниже стола. Тутъ же изображена эта бичевка отдѣльно, въ болѣе крупномъ масштабѣ, чтобы яснѣе показать завязанные на ней узлы. Они сдѣланы, разумѣется, на одинаковой бичевкѣ (то есть не вдвое взятой для каждаго узла). Для того, чтобы сдѣлать такой узелъ обыкновеннымъ доступнымъ человѣку способомъ, нужно, согнувъ бичевку

---

[1]) Въ статьѣ *Thomson's Dämonen und die Schatten Plato's.*

петлей, *продѣть* сквозь эту послѣднюю *конецъ* бичевки. Бичевка взята была прочная, поболѣе одного миллиметра толщиной.

«Рисунокъ, говоритъ Цёлльнеръ, изображаетъ положеніе моихъ рукъ, съ которыми была соединена лѣвая рука Слэда и рука еще одного лица... Печать постоянно оставалась лежащею на столѣ, предъ глазами насъ всѣхъ, а находившаяся на столѣ, какъ показано на рисункѣ, часть бичевки была крѣпко прижата къ поверхности стола большими пальцами обѣихъ моихъ рукъ; остальная часть бичевки [1]) висѣла, спускаясь на мои колѣни. Я желалъ получить *одинъ* узелъ, а между тѣмъ, въ теченіе немногихъ минутъ, завязаны были на бичевкѣ *четыре* узла, совершенно вѣрно изображенные на рисункѣ» (который выше описанъ). Нѣсколько далѣе Цёлльнеръ прибавляетъ: «Четыре узла на упомянутой выше бичевкѣ съ *неповрежденною* печатью еще и теперь лежатъ предо мною; я могу представить эту бичевку на разсмотрѣніе каждому, я могъ бы послѣдовательно отправить ее ко всѣмъ ученымъ корпораціямъ всего свѣта для того, чтобъ убѣдить ихъ, что дѣло идетъ здѣсь не о *субъективной* фантазмѣ, а о такомъ *объективномъ* дѣйствіи съ остающимися послѣдствіями, которое совершено въ мірѣ *реальномъ*, тѣлесномъ, и которое ни одинъ человѣческій умъ не въ состояніи объяснить при помощи нашихъ *нынѣшнихъ* понятій о пространствѣ и силѣ». (Стр. 727).

«Если, несмотря на все это, захотятъ отвергнуть вѣрность сообщаемаго факта, возможность котораго выведена мною на основаніи *расширеннаго* понятія о пространствѣ, то остается еще одинъ только способъ объ-

[1]) То есть сгибъ ея или образованная ею длинная петля.

ясненія. Способъ этотъ, правда, вытекаетъ изъ формы *нравственныхъ* понятій весьма *нынѣ* распространенной и заключается въ допущеніи, что мы, то есть я и тѣ почтенные люди, лейпцигскіе граждане, въ присутствіи которыхъ совершалось наложеніе печатей на *многія* подобныя бичевки, или сами *низкіе обманщики*, или не находились въ здравомъ умѣ и не могли увидать, какъ Слэдъ, прежде наложенія печатей, завязалъ узлы на всѣхъ упомянутыхъ бичевкахъ, такъ что мы этого совсѣмъ не замѣтили. Обсужденіе такой гипотезы принадлежало-бы уже не къ области *науки*, а къ области *общественныхъ приличій*. Маленькую лекцію по этому предмету, съ демонстраціями на живыхъ субъектахъ [1]), читатели найдутъ въ моей первой статьѣ *О дѣйствіи на разстояніи*.

«Если впрочемъ мои коллеги Гельмгольцъ и Пфаундлеръ будутъ склонны причислить меня и упомянутыхъ

---

[1]) Цölльнеръ подразумѣваетъ здѣсь рѣзкія замѣчанія о профессорѣ Пфаундлерѣ, который, впрочемъ, вызвалъ ихъ своими, болѣе чѣмъ рѣзкими, можно сказать грубыми, выраженіями. Тиндалль, какъ извѣстно, описалъ въ статьѣ «Науки и духи» свое участіе въ одномъ спиритическомъ сеансѣ, происходившемъ близъ Лондона, въ частномъ домѣ, хозяйку котораго Тиндалль характеризуетъ названіемъ «интеллигентной женщины». Пфаундлеръ позволилъ себѣ по этому поводу выразить сожалѣніе, что Тиндалль сдѣлался жертвой англійскаго строгаго этикета, не дозволившаго ему тутъ же на мѣстѣ «обнаружить и заклеймить безчестность» лицъ, участвовавшихъ въ сеансѣ. Лицъ этихъ Пфаундлеръ не стѣсняется называть «благородною сволочью» (das noble Gesindel). Ср. стр. 172 книги Цölльнера.

Безпристрастному читателю будетъ очевидно, что это все та же всегдашняя исторія *заранѣе составленнаго* твердаго убѣжденія (то есть *предубѣжденія*) въ непремѣнномъ существованіи обмана и обыкновенно соединеннаго съ такимъ убѣжденіемъ страстнаго (а потому и пристрастнаго) отношенія къ вопросу!

почтенныхъ людей (между ними есть одинъ, имя котораго вписано неизгладимыми чертами и золотыми буквами въ лѣтописи естествознанія) къ классу «чудотворцевъ» (Wunderthäter) и «вѣрующихъ безъ критики» (kritiklos Gläubige) [1]) или даже къ «благородной сволочи», то я позволю себѣ замѣтить, что я, пока не сдѣлался *самъ* свидѣтелемъ этихъ явленій, находился на той же точкѣ зрѣнія, какъ и ихъ кліентъ Тиндалль. Этотъ послѣдній именно говоритъ: «Я вовсе не былъ абсолютно невѣрящимъ и считалъ, напротивъ, вѣроятнымъ, что въ основаніи этихъ явленій лежитъ какой-либо физическій принципъ, неизвѣстный самимъ спиритуалистамъ».

«Различіе между Тиндаллемъ и мною заключалось въ томъ только, что первый считалъ свой умъ развитымъ до такой необычайной высоты, что одной *четверти часа*, проведенной подъ столомъ, ему достаточно для того чтобы открыть этотъ *физическій принципъ*. («*Я залѣзъ подъ столъ. Я оставался подъ столомъ по меньшей мѣрѣ четверть часа*»—слова Тиндалля). Я же, напротивъ, считалъ мои умственныя силы настолько недостаточными для объясненія этихъ замѣчательныхъ феноменовъ, что при началѣ моихъ опытовъ со Следомъ имѣлъ лишь слабую надежду быть осчастливленнымъ

[1]) Названія «чудотворцевъ» и «вѣрующихъ безъ критики» принадлежатъ Гельмгольцу. Они употреблены имъ (см. стр. 175 176 кн. Цёлльнера) по поводу все той же статьи Тиндалля и нападокъ на него Цёлльнера въ извѣстной книгѣ *О натурѣ кометъ*.

Интересно, что Гельмгольцъ и Пфаундлеръ въ особенности старались защитить Тиндалля отъ предположенія, которое, вслѣдствіе сказаннаго Цёлльнеромъ въ упомянутой книгѣ, можетъ родиться у людей, незнакомыхъ съ самою статьей Тиндалля, а именно, будто Тиндалль вѣритъ въ существованіе медіумическихъ явленій.

при концѣ постояннаго восьмидневнаго старательнаго опытнаго изслѣдованія полученіемъ *фактическихъ* доказательствъ въ пользу вѣрности моей теоріи, къ которой я пришелъ посредствомъ «синтетическихъ апріорныхъ заключеній»[1]).

[1]) Къ этому Цёлльнеръ прибавляетъ въ особой сноскѣ: „Мнѣ удались еще и другіе болѣе удивительные опыты, придуманные мною съ точки зрѣнія моей теоріи пространства, такіе, которыхъ удачу самъ Следъ не считалъ возможною. Разумный и сочувствующій читатель оцѣнитъ мою живѣйшую радость по этому случаю и найдетъ понятнымъ, что я передалъ Следу на память о времени проведенномъ въ Лейпцигѣ (Zur freundlichen Erinnerung an die in Leipzig verlebten Stunden) 1-й томъ моихъ «Основаній электродинамической теоріи матеріи», въ которыхъ я обсуждалъ въ прошломъ году расширенную теорію воззрѣній на пространство въ приложеніи къ физическому тѣлесному міру. Такъ какъ на меня и моихъ друзей г. Следъ произвелъ впечатлѣніе *джентльмена*, то осужденіе его въ Лондонѣ за обманъ должно было возбудить и *нравственное* участіе наше. Въ самомъ дѣлѣ, по тѣмъ наблюденіямъ, которыя *мы* имѣли случай сдѣлать въ его присутствіи надъ чрезвычайно-разнообразными явленіями физическаго характера, нѣтъ ни малѣйшаго *разумнаго* основанія допустить, чтобы Следъ хотя бы въ *одномъ только* случаѣ прибѣгнулъ къ сознательному обману. Такимъ образомъ, въ нашихъ глазахъ Следъ былъ *невинно* осужденнымъ, жертвой ограниченнаго ума его обвинителя, его судьи.

«Когда г. Следъ узналъ, что его юный обвинитель, лондонскій профессоръ Рей-Ланкастеръ, приготовленъ въ «люди науки» и подвергся выучкѣ (eingeschult worden) здѣсь, въ Лейпцигѣ, то онъ съ особенною радостью нѣсколько разъ заявлялъ мнѣ и моимъ друзьямъ, что сочтетъ себя счастливымъ, убѣдивъ въ своей невинности учителя и наставника своего обвинителя, и что готовъ для этой цѣли съ удовольствіемъ отдать себя безплатно въ его распоряженіе. Не г. Следъ виноватъ въ томъ, что этого не случилось. До сихъ поръ въ Германіи было въ обычаѣ принимать участіе въ невинно-осужденныхъ. Но если нынѣ такъ-называемая «образованная печать» ожидаетъ отъ германской публики, что

VIII.

Итакъ, къ числу свидѣтельствъ въ пользу фактическаго существованія медіумическихъ явленій, свидѣтельствъ, данныхъ людьми науки и уже не малочисленныхъ, прибавилось еще одно вѣское свидѣтельство. Вѣско оно не потому только что принадлежитъ человѣку занимающему весьма видное мѣсто между германскими учеными, но потому, что самый фактъ, констатируемый имъ, простъ и разителенъ до крайности, и это первый изъ медіумическихъ фактовъ, поставленный въ прямую связь съ научною, независимою отъ медіумизма, теоріей. Честь перваго шага на этомъ пути безспорно принадлежитъ Цöлльнеру. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что завязка узла на *безконечной* бичевкѣ дѣло невозможное по нашимъ *обыкновеннымъ* понятіямъ; а допустить поддѣлку явленія при условіяхъ, подъ которыми экспериментировалъ Цöлльнеръ, конечно труднѣе, чѣмъ принять его взглядъ на многомѣрность пространства и его выводы. Для надменныхъ отрицателей остается одинъ выходъ, на который Цöлльнеръ и указываетъ. Къ этому выходу, судя по опытамъ прежняго времени, вѣроятно

она сдѣлаетъ честь человѣка зависящею отъ ума и сужденія двухъ *женщинъ* (Цöлльнеръ намекаетъ здѣсь на случай въ Берлинѣ: журналистъ Эльхо при помощи двухъ дамъ, бывшихъ на сеансѣ Следа, рѣшилъ сразу, что всѣ происходившія явленія представляютъ грубый обманъ, о чемъ и напечаталъ въ *Gartenlaube*), въ *противность* сужденію независимыхъ и заслуженныхъ натуралистовъ, то это доказываетъ вѣрность моего мнѣнія. А именно, я утверждаю, что нашъ вѣкъ не имѣетъ права, ни по развитію умовъ, ни по своему нравственному значенію, величаться предъ тѣми временами, когда были сожигаемы колдуны и вѣдьмы, а Коперникъ писалъ свой безсмертный трудъ De revolutionibus orbium coelestium (1474—1543) въ тишинѣ монастырской кельи»

и прибѣгнетъ большинство, проникнутое «научнымъ суевѣріемъ», вѣрующее непоколебимо въ свою непогрѣшимость, а потому и считающее позволеннымъ каждый разъ останавливаться во что бы то ни стало на извѣстномъ приговорѣ: *этого не могло быть, потому что это невозможно.*

Что касается самого меня, то повторю, что, не будучи ни математикомъ, ни философомъ по профессіи, я не берусь оцѣнивать вѣрность идей Цолльнера и его предшественниковъ, но, принимая его свидѣтельство о фактѣ, не могу не признать крайне замѣчательнымъ совпаденіе факта съ теоріей.

Тѣ, кто найдутъ возможнымъ прямо отвергнуть свидѣтельство Цолльнера, обвинятъ конечно меня (и уже не въ первый разъ) въ содѣйствіи распространенію предразсудковъ въ публикѣ. На это пусть будутъ отвѣтомъ слова Канта, приводимыя Цолльнеромъ (стр. 284):

«Служеніе обществу силами своего разума должно быть всегда свободно; одно оно можетъ распространять просвѣщеніе въ человѣчествѣ. Подъ именемъ же свободнаго служенія разумомъ со стороны ученаго я понимаю то, которое совершается предъ всѣмъ читающимъ міромъ». «Впрочемъ, публика и сама можетъ просвѣщать себя, и это даже почти неизбѣжно, если только ей предоставятъ свободу. Въ этомъ случаѣ всегда найдутся нѣсколько самостоятельно-мыслящихъ лицъ, даже между самими опекунами толпы, и они, сбросивъ съ себя самихъ иго несовершеннолѣтія, будутъ распространять вокругъ духъ разумной оцѣнки призванія и собственнаго значенія каждаго человѣка».

Я не сомнѣваюсь, что и въ нашей публикѣ найдется не мало лицъ, которыя отнесутся къ занимающему насъ вопросу, «сбросивъ себя иго несовершеннолѣтія». Въ

опытахъ Цöлльвера эти лица увидятъ, конечно, новое доказательство справедливости извѣстныхъ словъ профессора де-Моргана: «Спиритуалисты, безо всякаго сомнѣнія, стоятъ на томъ пути, который велъ ко всякому прогрессу въ физическихъ наукахъ»....

IV.

ЭМПИРИЗМЪ И ДОГМАТИЗМЪ

ВЪ ОБЛАСТИ МЕДІУМИЗМА.

(„Русскій Вѣстникъ“ 1879 г.).

Твердо и вполнѣ убѣжденный въ объективной реальности медіумическихъ явленій, я счелъ правильнымъ указать въ печати на первую попытку связать нѣкоторыя изъ нихъ съ научною теоріей. Попыткой этою мы обязаны Цёлльнеру. Мой рефератъ нѣкоторыхъ статей Цёлльнера изъ I тома его *Wissenschaftliche Abhandlungen* назначался для «той части русской публики, которая старается слѣдить за успѣхами человѣческой мысли и знанія»,—для «людей, которые умѣютъ безъ предубѣжденій съ уваженіемъ относиться ко всякому исканію истины, хотя бы оно могло повести и къ результатамъ, несогласнымъ съ ихъ привычными воззрѣніями». (*Русскій Вѣстникъ* 1878 года, февраль, стр. 949). Разъ указавъ этой части публики на замѣчательную фазу развитія «мысли и знанія», я считалъ свою задачу исполненною и не намѣревался вскорѣ писать о томъ же, разчитывая что интересующіеся непредубѣжденные съумѣютъ и безъ моей помощи слѣдить

за вопросомъ, если пожелаютъ. А съ предубѣжденными говорить не приходится: они, какъ извѣстно, смотрятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ, читаютъ и не хотятъ понимать. Огромная часть того, что писалось о медіумизмѣ въ нашей періодической печати и характеризовалось въ большей части случаевъ бьющимъ въ глаза незнаніемъ дѣла и полнѣйшимъ недостаткомъ безпристрастія и хладнокровія—можетъ служить образцомъ такого отношенія предубѣжденныхъ.

Было время когда была нѣкоторая надежда, что мы, русскіе, пойдемъ впереди многихъ другихъ въ признаніи и серьезномъ изученіи медіумическихъ явленій, но эта надежда не была продолжительна. Подъ вліяніемъ предубѣжденія серьезные ученые превратились въ «отцовъ правовѣрной науки», въ глазахъ которыхъ открыто выражаемая увѣренность въ реальности извѣстнаго рода фактовъ сдѣлалась «ересью». Между тѣмъ въ Германіи вопросъ о медіумизмѣ нашелъ, хотя еще и не обширную, но прочную почву. Имена ученыхъ — Цолльнера, Фихте, Вильгельма Вебера, Перти, Шейбнера, Гофмана составляютъ для него уже надежный фундаментъ. Предубѣжденіе сильно и тамъ. Гордое игнорированіе со стороны ученыхъ отрицателей, насмѣшки и бросаніе грязью со стороны нѣкоторыхъ газетъ и тамъ въ ходу; но тамъ найдется далеко больше чѣмъ у насъ и такихъ людей, которые печатно осмѣливаются возвысить голосъ въ пользу вопроса, или, оставаясь скептиками, умѣютъ тѣмъ не менѣе съ достаточною обстоятельностью и уваженіемъ относиться къ чужимъ свидѣтельствамъ и мнѣніямъ. Теперь уже не трудно видѣть, что не нашей наукѣ быть впереди въ этомъ вопросѣ. Что же дѣлать, намъ не привыкать ходить слѣдомъ за нашими западными сосѣдями!.. И время это придетъ,—волей-неволей

мы двинемся тогда, а пока станемъ воображать, что, выбравъ отрицаніе своимъ девизомъ, заняли самое передовое изъ передовыхъ мѣстъ.

I.

Мой рефератъ изъ «Научныхъ статей» Цöлльнера: *Четвертое измѣреніе пространства и медіумизмъ* вызвалъ, кромѣ разныхъ мелкихъ замѣтокъ ежедневной печати, довольно обстоятельную замѣтку г. Е. Маркова въ фельетонѣ *Голоса* (1878 года, № 96), безыменно изданную недавно въ Ревелѣ брошюру *Новые реформаторы о четырехъ измѣреніяхъ* и двѣ довольно обширныя статьи: *Замѣтку читателя* профессора Н. А. Головкинскаго *въ Русскомъ Вѣстникѣ* (1878 года, іюль) и статью г. А. Г. В. *Четвертое измѣреніе и спиритизмъ* въ *Вѣстникѣ Европы* (1879 года, январь).

Г. Марковъ основывается на такъ-называемомъ «простомъ здравомъ смыслѣ», который приводитъ его къ заключенію, что «ничего этого нѣтъ и не можетъ быть». Это—тотъ-же «простой здравый смыслъ», который въ прежнее время приводилъ людей къ отрицанію возможности паденія аэролитовъ, возможности движенія по желѣзнымъ дорогамъ и пр. и пр. Къ счастью, не факты природы пріурочиваются къ нашему здравому смыслу, а наоборотъ—разъ фактъ установленъ, здравому смыслу приходится съ нимъ считаться, придумывать объясненіе, развивать теоріи. Какимъ образомъ теорія, отвѣчающая реальнымъ фактамъ, составляющая слѣдовательно расширеніе области человѣческаго знанія и пониманія,—можетъ, по увѣренію г. Е. Маркова, быть «гибелью человѣческаго просвѣщенія», — это остается для меня совершенно непонятнымъ. Вообще въ его замѣткѣ я не нашелъ ничего способнаго быть доказательнымъ для

людей непредубѣжденныхъ и говорю здѣсь о ней потому только, что пришлось кстати. Замѣтка г. Е. Маркова, какъ и вообще его враждебное отношеніе къ медіумизму, полны горячей искренности,—въ этомъ нельзя не отдать ему справедливости, но все высказываемое имъ сводится къ его личному убѣжденію, къ голословному отрицанію—и только!

Упомянутая выше брошюра безыменнаго автора проникнута уже не горячностію, но настоящимъ — даже мало приличнымъ по тону ожесточеніемъ. Раздраженіе автора, когда дѣло идетъ о медіумизмѣ, становится такъ велико, что доводитъ его до степени невмѣняемости. Притомъ онъ замѣтно страдаетъ тѣмъ разстройствомъ, которое называется въ психіатріи *manie de grandeur*. О себѣ самомъ, о глубинѣ своихъ познаній, о неопровержимости своихъ взглядовъ онъ самаго высокаго мнѣнія. Онъ пропитанъ сознаніемъ своей авторитетности, и остается только удивляться, что авторъ не захотѣлъ обезсмертить свое имя, оповѣстивъ его свѣту. Къ фактамъ онъ относится подобно г. Е. Маркову, но при этомъ крайне легко приходитъ въ гнѣвное изступленіе. Что касается неправящихся ему идей, то съ ними онъ не церемонится. Вооружившись огромнымъ арсеналомъ научныхъ «жалкихъ словъ» и напустивъ ими туманъ до степени самоодурѣнія, онъ объясняетъ, что Лобачевскій за свою воображаемую геометрію наказанъ былъ слабоуміемъ, а профессоръ Вагнеръ не имѣетъ самостоятельнаго взгляда.

Дэль Оуэнъ, Перти и Цолльнеръ—явно сумашедшіе, А. Н. Аксаковъ и я чуть ли не намѣренные обманщики. Смѣлости въ заключеніяхъ у автора, какъ видно, не мало; не достало ея только, чтобы подписать свое имя.

Брошюра эта принадлежитъ тому же перу, какъ и

другое подобное безыменное произведеніе *Спиритизмъ и спириты*, появившееся въ 1876 году. Средства, рекомендуемыя авторомъ въ обѣихъ брошюрахъ къ искорененію ненавистнаго ему спиритизма, относятся къ одной и той же категоріи «насильственныхъ». Теперь онъ сталъ, правда, нѣсколько снисходительнѣе и предлагаетъ только полицейское вмѣшательство, а прежде совѣтовалъ ратовать «за достоинство образованія, науки, здраваго человѣческаго смысла... ножомъ, щипцами, ляписомъ или сѣрной кислотой». (*Спиритизмъ и спириты*, стр. 34). Жаль, что прошли времена костровъ и пытокъ и безыменному инквизитору некуда приложить своихъ «прогрессивныхъ» стремленій. Разъ обнаруживъ ихъ, напрасно старается онъ придать своимъ разглагольствованіямъ колоритъ послѣднихъ словъ науки. Вполнѣ ясно, что это произведеніе довольно неприличнаго цвѣта. Не видя ни возможности, ни повода толковать съ этимъ авторомъ о фактахъ, я не нахожу, разумѣется, нужнымъ и защищать противъ него воззрѣнія Цöлльнера или чьи бы то ни было. Слишкомъ много было бы чести для безыменныхъ брошюръ этого тона, еслибы высказываемое въ нихъ удостоивалось серьезнаго вниманія и возраженій.

Замѣтка многоуважаемаго сотоварища моего Н. А. Головкинскаго представляется отраднымъ исключеніемъ въ нашей литературѣ. Она можетъ служить примѣромъ трезваго, вполнѣ научнаго отношенія къ дѣлу, свойственнаго истинному ученому, который одинаково далекъ и отъ скораго, неосмотрительнаго допущенія новыхъ гипотезъ, и отъ научнаго суевѣрія, желающаго охранять господствующія воззрѣнія во что бы то ни стало. Н. А. Головкинскій совершенно несогласенъ съ Цöлльнеромъ, и думаетъ, что его воззрѣнія, изложенныя въ моей статьѣ,

«представляютъ неудовлетворительную попытку объяснить явленія медіумизма». Это однакоже не закрываетъ ему глазъ на фактическую сторону вопроса. Вотъ какъ характеризуетъ самъ г. Головкинскій свое отношеніе къ дѣлу: «Позволяю себѣ засвидѣтельствовать, насколько свидѣтельство о себѣ вообще возможно, что не имѣю никакой склонности всячески охранять существующія воззрѣнія на свойства матеріи какъ на нѣчто неизмѣнное, о чемъ сказано послѣднее слово, не чувствуя никакой боязни скомпрометтировать себя серьезнымъ и внимательнымъ разсмотрѣніемъ чего бы то ни было и, съ другой стороны, не имѣя предрасположенія въ пользу признанія медіумизма за особую, новую сферу явленій». (*Русскій Вѣстникъ*, стр. 449). Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи повторить здѣсь также и слѣдующія слова: «Отвергая объясненіе, я не претендую отвергать самые факты. Мнѣ лично не случалось наблюдать медіумическихъ явленій, по крайней мѣрѣ въ ихъ характерныхъ проявленіяхъ, но я не нахожу, чтобъ это давало мнѣ право, по употребительному выраженію, имъ *не вѣрить*. Въ виду многочисленныхъ свидѣтельствъ, выходящихъ между прочимъ отъ лицъ, которыхъ ни добросовѣстность, ни компетентность, какъ наблюдателей, не могутъ быть заподозрѣны, по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ тѣ же качества у массы авторовъ по всѣмъ отраслямъ знанія, я считаю неумѣстнымъ сомнѣваться, что если не все, то конечно бо̀льшая часть описаннаго была бы и мною, и всякимъ другимъ, обладающимъ органами чувствъ, наблюдаема въ томъ видѣ, въ какомъ она описана. Считать все описанное просто *обманомъ* и только обманомъ, добиваться разъясненія котораго даже не интересно и чуть ли не постыдно, это значило бы поступить еще легкомысленнѣе, чѣмъ поступаютъ

вѣрящіе въ сверхъестественное вмѣшательство такъназываемой нечистой силы». (*Русскій Вѣстникъ*, стр. 468). При этомъ невольно вспоминается сказанное г. Цёлльнеромъ по тому же поводу: «Предъ такими людьми, какъ Гёггинсъ, Круксъ, Уоллесъ и другіе, я не имѣю столь высокаго мнѣнія о *моемъ* умѣ, чтобы думать, что я не подвергнусь при сходныхъ условіяхъ тѣмъ же впечатлѣніямъ, какимъ подверглись они». (*Русскій Вѣстникъ* 1878 года, стр. 965). Интересно это совпаденіе взглядовъ истинныхъ людей науки, умъ которыхъ не затемненъ высокомѣрнымъ самомнѣніемъ и предвзятыми идеями. Въ концѣ своей статьи Н. А. Головкинскій говоритъ между прочимъ: «Вооружаясь противъ вреда суевѣрій и представленій о сверхъестественномъ, мы постоянно забываемъ, что дѣло не въ этой, такъ сказать, наглядной формѣ, а въ отрицательной сущности понятія, которое подъ ней скрывается,—что не рѣзкимъ порицаніемъ и насмѣшкой можно противодѣйствовать злу, а единственно наполненіемъ пустоты незнанія положительнымъ содержаніемъ; требуется не преслѣдованіе спиритовъ и отпугиваніе публики отъ медіумическихъ сеансовъ, а приглашеніе тѣхъ и другихъ къ возможно частымъ и разнообразнымъ опытамъ и доставленію всѣхъ къ тому удобствъ».

Совершенно напрасно однакоже мой почтенный сотоварищъ ставитъ мое имя на первомъ планѣ, говоря: «статья А. М. Бутлерова представляетъ попытку» и пр., или: «третье положеніе А. М. Бутлерова». И *попытка*, и *положеніе* всецѣло принадлежатъ г. Цёлльнеру, я былъ только референтомъ. Полное убѣжденіе въ объективной реальности фактовъ той категоріи, къ которой г. Цёлльнеръ примѣняетъ свои объясненія, разумѣется, заставило меня крайне заинтересоваться

этою первою попыткой приложенія научной теоріи къ явленіямъ медіумузма, но факты стоятъ для меня на первомъ планѣ; существованіе ихъ я считаю установленнымъ незыблемо, и строго разграничиваю ихъ отъ теорій, могущихъ измѣняться. Такъ поступилъ бы я и во всякой другой отрасли знанія [1]).

[1]) Не сомнѣваюсь, что меня ждетъ за это упрекъ въ легковѣріи и т. п. Позволяю себѣ повторить кое-что изъ сказаннаго мною прежде. «Я испыталъ на самомъ себѣ, какъ трудно вѣрится реальности медіумическихъ явленій, несмотря на довѣріе къ наблюдавшимъ и разсказывающимъ о нихъ, часто даже несмотря на свидѣтельство собственныхъ чувствъ... Сначала стоишь совершенно пораженный предъ свидѣтельствомъ собственныхъ чувствъ, доказывающихъ реальность такихъ вещей, которыя привыкъ считать противорѣчащими здравому разсудку. Надо не мало времени и внутренней работы, чтобы помириться съ неоспоримою дѣйствительностью и когда, наконецъ, дошелъ до необходимости признать эту дѣйствительность, то все еще тяжело спокойно считать невѣроятное существующимъ на дѣлѣ: время отъ времени поднимаются новыя сомнѣнія; прежнее направленіе мыслей опять возникаетъ, и сомнѣнія устраняются лишь полнѣйшею невозможностью счесть испытанное чѣмъ-либо другимъ кромѣ фактической истины. Предъ нимъ стоишь въ полномъ сознаніи ограниченности человѣческихъ свѣдѣній и уступаешь только потому, что *съ фактами не спорятъ*... Для самого меня прошли годы прежде чѣмъ я мало-по-малу *принужденъ былъ* уступить силѣ фактовъ, сдаться неотразимому свидѣтельству собственныхъ чувствъ... Факты эти только вызывали меня постоянно на осторожность, когда приходилось стать на точку зрѣнія *положительнаго* знанія: *не идя дальше*, я говорилъ лишь о томъ, что *знаю* и чего *не знаю*». (*Русскій Вѣстникъ* 1876 года, статья: *Медіумическія явленія*. Стр. 306, 307 и 308).

Подобнымъ путемъ проходятъ вообще серьезные люди, убѣдившіеся въ реальности медіумическихъ явленій. Вотъ, напримѣръ, слова г. Уоллеса: «До знакомства моего съ явленіями спиритуализма, я былъ закоснѣлымъ скептикомъ, матеріалистомъ, горячимъ приверженцемъ ученій Штрауса, Фохта и Спенсера.

Въ моемъ рефератѣ изъ г. Цöлльнера я заявилъ, что «не берусь оцѣнивать вѣрность идей г. Цöлльнера и его предшественниковъ и не принимаю на себя отвѣтственности въ правильности положеній, защищаемыхъ и проводимыхъ Цöлльнеромъ»; поэтому, хотя я не согласенъ во многомъ съ Н. А. Головкинскимъ, я совсѣмъ не считалъ и не считаю себя призваннымъ и обязаннымъ защищать предъ нимъ переданныя мною воззрѣнія Цöлльнера.

II.

Совершенно иначе нежели Н. А. Головкинскій отнесся къ моей статьѣ другой ученый, авторъ статьи *Вѣстника Европы*. Онъ, очевидно, по праву можетъ причисляться къ «отцамъ правовѣрной науки», считающимъ обязанностью вооружаться противъ «еретиковъ». Хотя самъ я говорилъ объ идеяхъ Цöлльнера только какъ о попыткѣ связать нѣкоторыя медіумическія явленія съ научною теоріей, но ему уже мерещется что «явленіе относимое къ разряду такъ-называемыхъ медіумическихъ или спиритическихъ отнынѣ можно считать не только фактически доказаннымъ, но даже и вполнѣ объясненнымъ съ научной стороны». И это его «крайне безпокоитъ». Интересно сравнить этотъ взглядъ съ тѣмъ что сказано Н. А. Головкинскимъ и было приведено выше. Тамъ—ученый требующій изслѣдованія, а здѣсь—ученый безпокоющійся попыткой объясненія явленія при-

---

Но факты непреклонны. Сперва возбудилось мое любопытство, а потомъ жажда знанія и любовь къ истинѣ заставили меня заняться ими. Факты становились все надежнѣе, все разнообразнѣе, все болѣе далекими отъ того, чему учитъ современная наука. Факты побѣдили меня и принудили признать ихъ за факты». (*Русскій Вѣстникъ* 1876 года, январь, стр. 466).

роды и тѣмъ что люди осмѣливаются имѣть не тѣ идеи, которыя проводятся *его* наукою. Г. А. В. Г. очевидно не замѣчаетъ что это—роль жреца, а не ученаго!

Г. А. В. Г. увѣренъ что поднялъ свое перо «въ защиту истины». Сказать это тамъ гдѣ дѣло сводится на отрицаніе въ области фактическаго, опытнаго знанія можетъ только человѣкъ считающій себя если не *непогрѣшимымъ* вообще, то по меньшей мѣрѣ *навѣрно-непогрѣшающимъ* въ данномъ случаѣ, а вѣдь это сводится ни къ чему другому какъ къ фразѣ: «этого не могло быть потому что это невозможно», то-есть къ тому же самому чисто-догматическому принципу, на которомъ основали свои возраженія г. Е Марковъ и авторъ безыменныхъ брошюръ. Между тѣмъ, едва ли кто станетъ оспаривать правильность сказаннаго мною прежде въ статьѣ *Медіумическія явленія* (стр. 308): «При сколько-нибудь серьезномъ мышленіи ясно что внѣ области чисто спекулятивной вопросъ о невозможности какого-нибудь явленія природы не рѣшается окончательно апріорнымъ путемъ».—«Celui qui en dehors des mathématiques pures prononce le mot impossible manque de prudence», сказалъ знаменитый астрономъ Араго. (*Oeuvres*. Paris., 1854. т. II. стр. 313). Г. А. В Г. не мѣшало бы потверже помнить это нравоученіе. Не научнѣе ли то что говоримъ мы: «это возможно потому что это реальные факты». Относительно же медіумическихъ фактовъ не мѣшаетъ еще разъ повторить слова Уоллеса, съ которымъ я не могу не согласиться вполнѣ: «Феномены спиритуализма, взятые въ ихъ общности, не требуютъ дальнѣйшаго подтвержденія. Они доказаны такъ же хорошо, какъ любой фактъ въ той или другой наукѣ, и никакое отрицаніе или осмѣяніе не опровергнетъ ихъ. Это могли бы сдѣлать только новые факты

и точные выводы изъ этихъ фактовъ. Если противники спиритуализма могутъ представить отчеты о своихъ изслѣдованіяхъ настолько же полныхъ и продолжительныхъ, какъ и изслѣдованія его защитниковъ,—если они откроютъ и покажутъ въ подробности или то какъ производятся явленія, или то почему многочисленные разумные и дѣльные люди (Уоллесомъ упомянутые) всѣ могли впасть въ общее заблужденіе, думая что они дѣйствительно были свидѣтелями явленій, и если, наконецъ, они, противники, докажутъ справедливость своей теоріи тѣмъ что сумѣютъ вызвать такое же заблужденіе въ средѣ невѣрящихъ людей столь же разумныхъ и дѣльныхъ какъ вѣрящіе—тогда только, но не прежде, спиритуалисты должны будутъ дать новыя подтвержденія фактовъ. Факты эти подлинны и неоспоримы и всегда были такими въ степени достаточной для того чтобъ убѣдить всякаго честнаго и упорнаго изслѣдователя» (*Медіумическія явленія*, стр. 347).

Какъ ни близко по своей точкѣ отправленія мнѣніе г. А. В. Г. о медіумическихъ фактахъ съ мнѣніемъ г. Е. Маркова и автора безыменныхъ брошюръ, но въ формѣ и способѣ выраженія огромная разница. Г. А. В. Г вездѣ сохраняетъ хладнокровіе и старается не быть голословнымъ. Неопытный читатель легко можетъ принять это стараніе за чистую монету и не замѣтить что подъ серьезно-научною прикрышкой скрывается просто малое знакомство съ тѣмъ о чемъ пишетъ авторъ. Такой ничтожный, презираемый «учеными» предметъ, какъ медіумическія явленія, стоитъ ли того чтобъ ученый г. А. В. Г. добросовѣстно познакомился съ его фактическою стороной? Достаточно взглянуть на него вскользь, прочитать кое-что съ перваго на десятое и самоувѣренно высказать свое отрицательное мнѣніе, — для большин-

ства публики довольно. Но я осмѣливаюсь утверждать предъ этимъ большинствомъ что г. А. В. Г. лишь обнаружилъ свое незнаніе и оказывается наказаннымъ за свою самонадѣянность: онъ заявляетъ къ г. Цёлльнеру, относительно обстановки опытовъ, требованія которымъ г. Цёлльнеръ удовлетворилъ вполнѣ, но которыя остались неизвѣстными г. А. В. Г.

Г. А. В. Г. не прочь немножко порисоватся. Онъ говоритъ: «книгу г. Цёлльнера, думали мы, врядъ ли будутъ читать многіе, кромѣ философовъ по профессіи и тѣ пускай уже судятъ какъ знаютъ; но затѣмъ явилась статья г Бутлерова, написанная какъ разъ для круга неспеціалистовъ и въ ней идеи Цёлльнера рекомендуются русской публикѣ, какъ нѣчто авторитетное». Выходитъ какъ будто г. А. В. Г. прочиталъ первый томъ *Научныхъ статей* Цёлльнера прежде моей статьи и независимо отъ нея. Въ этомъ однакоже позволительно сомнѣваться. Но тогда почему бы не прочесть ему и втораго тома *Wissenschaftliche Abhandlungen*, появившагося прошлымъ лѣтомъ? Сдѣлать это для г. А. В. Г. было тѣмъ обязательнѣе что онъ взялся уже тогда выступить публично въ качествѣ противника г. Цёлльнера. Далѣе, г. А. В. Г. извѣстна лишь фельетонная статья г. Е. Маркова, о которой онъ упоминаетъ, но ни статья г. Головкинскаго, ни краткая безпристрастная библіографическая замѣтка о первой части втораго тома *Wissenschaftliche Abhandlungen*, помѣщенная въ августовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, не дошли до его свѣдѣнія. Если даже допустить что статья г. А. В. Г. написана была ранѣе, то все-таки развѣ это освобождало его отъ обязанности хотя бы во время печатанія статьи въ *Вѣстникѣ Европы* навести справки о томъ—не упразднены ли его возраженія опи-

саніемъ подробностей опытовъ г. Цöлльнера? Въ вопросахъ знанія ученые авторы, печатая статьи, стараются обыкновенно ознакомиться вполнѣ съ литературою предмета. Такъ ли поступилъ г. А. В. Г.? Да и сочтетъ ли себя въ правѣ ученый, серьезно относящійся къ дѣлу, упрекать противника въ несоблюденіи предосторожностей, когда подробности опытовъ еще не были описаны? Скажите это самому противнику своему или людямъ компетентнымъ, и они отвѣтятъ что вы заблуждаетесь, что предосторожности были приняты, но только остались вамъ неизвѣстны. Если же вы появляетесь передъ публикою съ упреками основанными единственно на собственномъ вашемъ незнаніи, то это не многимъ лучше того, какъ еслибы вы намѣренно вводили ее въ заблужденіе. Вотъ какъ поднимаются ваши перья «въ защиту истины», гг. отрицатели медіумическихъ явленій!

III.

Появленіе статьи г. А. В. Г. въ такомъ распространенномъ журналѣ, какъ *Вѣстникъ Европы*, и псевдонаучные пріемы, которыми авторъ не безъ успѣха прикрываетъ внутреннюю несостоятельность своего отрицательнаго отношенія къ фактической сторонѣ медіумизма, заставили меня взяться за перо тоже «въ защиту истины», но только истина эта воплощается для меня не въ теоретически выведенныхъ убѣжденіяхъ, какъ у г. А. В. Г. и consortes, а въ реальныхъ, объективныхъ фактахъ, отъ признанія которыхъ я не могу отказаться, не отступившись отъ свидѣтельства «моихъ чувствъ и моего разсудка [1])».

---

[1]) Считая правильнымъ чтобы мои замѣчанія явились предъ тѣмъ же кругомъ читателей, который познакомился со статьей

Г. А. В. Г. говоритъ о фактической сторонѣ дѣла въ концѣ своей статьи, а сначала принимается за разборъ воззрѣній г. Цёлльнера на пространство. Защищать эти воззрѣнія, повторяю, я не считаю себя призваннымъ. Пусть та «часть русской публики, которая старается, слѣдить за успѣхомъ человѣческой мысли и знанія» сама разсудитъ Цёлльнера съ г. А В. Г. Мы ограничимся здѣсь констатированіемъ похвальной скромности съ которою г. А. В. Г. сознаетъ свою недостаточную компетентность въ философскихъ вопросахъ, говоря: «при чтеніи многихъ мѣстъ книги г. Цёлльнера мы были не въ состояніи слѣдить за глубокомысленными разсужденіями автора»... «Мы не могли понять, какимъ образомъ заключенія его истекаютъ изъ приведенныхъ имъ доводовъ» или: «сознаюсь откровенно, не понялъ я того что перевелъ». (*Вѣстникъ Европы*, 1879 годъ, январь, стр. 256 и 257). Искренности этого изліянія можно повѣрить, такъ какъ г. А. В. Г. не понялъ и болѣе простыхъ вещей. Онъ говоритъ, напримѣръ, что Слэдъ самъ вызвался пріѣхать къ г. Цёлльнеру (стр. 267), тогда какъ въ подлинникѣ рѣчь идетъ не о самомъ г. Цёлльнерѣ. а о другомъ профессорѣ (вѣроятно о физіологѣ Лудвигѣ), что ясно изъ послѣдующаго поясненія г. Цёлльнера: «не Слэдъ виноватъ въ томъ, что этого не случилось». Далѣе г. А. В. Г. толкуетъ о завязкѣ узловъ на *многихъ ниткахъ*, между тѣмъ какъ г. Цёлльнеръ говоритъ объ *одной*. Все это, правда, несущественно само по себѣ, но интересно какъ доказательство что г. А. В. Г., не знаю почему, недостаточно понималъ читаемое.

г. А. В. Г., я обратился къ *Вѣстнику Европы* съ вопросомъ, могу ли я разчитывать на помѣщеніе въ немъ моей статьи, и получилъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ.

Не предубѣжденному читателю книги г. Цёлльнера совершенно ясно также, что къ мысли о завязкѣ узловъ на безконечной нити г. Цёлльнеръ пришелъ апріорнымъ сужденіемъ, и что вообще понятіе г. Цёлльнера о четырехмѣрномъ пространствѣ развилось совершенно независимо отъ медіумизма. Но г. А. В. Г. утверждаетъ: «Когда г. Цёлльнеръ написалъ первую свою статью, явленія съ завязываніемъ медіумическихъ узловъ онъ еще самъ не видалъ, *однако о немъ уже въ то время слышалъ или читалъ*, и никакого нѣтъ сомнѣнія что теорія, изложенная въ этой первой статьѣ, подобрана какъ разъ для объясненія именно этого явленія». Это утвержденіе, діаметрально противоположное тому, что говоритъ самъ г. Цёлльнеръ, вполнѣ ошибочно. Вотъ что пишитъ г. Цёлльнеръ (*Wissenschaftl. Abh*. II, стр. 904): «Чтобы показать, что эти выводы сначала развились у меня совершенно независимо отъ спиритическихъ феноменовъ и въ то время когда я еще далеко стоялъ отъ этихъ фактовъ, я позволю себѣ привести слѣдующія слова профессора Фехнера изъ его *Мелкихъ сочиненій*, изъ статьи подъ заглавіемъ *Пространство имѣетъ четыре измѣренія* (*Kleine Schriften von Dr. Mises. Leipzig*, 1875, стр. 277). «Уже Кантъ говорилъ о возможности болѣе чѣмъ трехъ измѣреній пространства, но это мнѣ было неизвѣстно въ то время, когда я писалъ свою статью (1846 года). Новѣйшіе извѣстные математики, Риманнъ, Гельмгольцъ, Клейнъ также разсуждали объ этомъ предметѣ... Наконецъ, изъ разговоровъ съ профессоромъ Цёлльнеромъ я познакомился съ весьма остроумнымъ способомъ объясненія чудесъ; они кажутся чудесами только въ пространствѣ трехъ измѣреній, происходя отъ проявленія въ немъ силъ изъ четвертаго измѣренія. Если бы фактичность

этихъ чудесъ была доказана, то въ этомъ могло бы быть найдено фактическое доказательство существованія четвертаго измѣренія.. Вѣроятно г. Цолльнеръ самъ когда-нибудь выскажется относительно этихъ воззрѣній». Такъ какъ эти указанія опубликованы моимъ другомъ Фехнеромъ въ 1875 году, то ясно изъ этого, что мои понятія о реальности четвертаго измѣренія пространства и о вытекающей изъ того возможности особыхъ явленій въ нашемъ трехмѣрномъ мірѣ восходятъ ко времени еще болѣе раннему.

Не смѣю думать, чтобы г. А. В. Г. сознательно взводилъ на г. Цолльнера напраслину съ желаніемъ набросить тѣнь на его слова и мнѣнія. Вѣроятно и здѣсь мы встрѣчаемся съ результатомъ неполнаго пониманія прочитаннаго. Но я, съ своей стороны, какъ человѣкъ, интересующійся развитіемъ медіумическихъ явленій и слѣдящій за нимъ, утверждаю положительно, что до опытовъ г. Цолльнера съ Слэдомъ не было въ области медіумизма даже и рѣчи о завязкѣ узловъ на безконечной веревкѣ.

Одинъ изъ дальнѣйшихъ полемическихъ пріемовъ г. А. В. Г. нѣсколько напоминаетъ пріемъ автора безъименныхъ брошюръ. Тотъ провозглашаетъ г. Цолльнера совсѣмъ сумашедшимъ, а г. А. В. Г. обвиняетъ его въ незнаніи истинъ, которыхъ «вѣрное и вполнѣ авторитетное изложеніе можно найти въ каждомъ порядочномъ курсѣ теоретической механики». Г. А. В. Г. увѣряетъ далѣе, что «онъ (Цолльнеръ) имѣетъ лишь весьма смутное понятіе о самыхъ элементарныхъ вопросахъ математики и сродной съ нею теоретической механики» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 256), и что въ цитатахъ, приведенныхъ г. Цолльнеромъ изъ Гаусса и Римана, «нѣтъ и тѣни того что г. Цолльнеръ силится вывести изъ нихъ

о пространствѣ съ четырьмя измѣреніями» (стр. 259). Разница между г. А. В. Г. и авторомъ безыменныхъ брошюръ та, что послѣдній въ вопросѣ о сумашествіи г. Цолльнера легко уличается во лжи какъ своимъ собственнымъ ожесточеніемъ, такъ и книгою г. Цолльнера; обвиненію же г. Цолльнера въ незнаніи математики и въ недостаточномъ знакомствѣ съ цитуемыми сочиненіями некомпетентный читатель можетъ пожалуй и повѣрить. Причисляя и себя къ числу некомпетентныхъ, я не могъ однакоже отнестись индифферентно къ увѣреніямъ г. А. В. Г., очевидно обладающаго большимъ или меньшимъ математическимъ образованіемъ. Прямо отвергнуть приговоръ г. А. В. Г. я не считалъ себя въ правѣ, но въ то же время не находилъ и повода вѣрить въ компетентность нашего критика, скрывшаго свое имя подъ начальными буквами, болѣе чѣмъ въ компетентность г. Цолльнера, отдающаго себя прямо и открыто на общій судъ. При такомъ положеніи дѣла я счелъ за лучшее обратить вниманіе самого Цолльнера на мнѣніе о немъ г. А. В. Г. Съ этою цѣлью, тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ книжки *Вѣстника Европы*, я перевелъ на нѣмецкій языкъ то мѣсто статьи, гдѣ г. А. В. Г., приступивъ къ разбору вопроса «объ отношеніи Цолльнера къ приведеннымъ имъ же авторитетамъ», выводитъ изъ этого разбора заключеніе, что г. Цолльнеръ «очевидно не математикъ» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 255 и 256). Далѣе я перевелъ также стр. 261 и начало 262 стр., на которыхъ г. А. В. Г. увѣряетъ, что г. Цолльнеръ не понялъ, что́ именно разумѣетъ Риманнъ подъ именемъ пространства съ четырьмя измѣреніями. Переводъ мой я сообщилъ г. Цолльнеру и результатомъ было полученіе мною отъ него *Открытаго письма* (*Offenes Schreiben*) отъ 20 января 1873 года. Главная часть

этого письма, присланнаго мнѣ печатнымъ, въ видѣ корректурныхъ листовъ, и назначаемаго г. Цолльнеромъ для третьяго тома его *Wissenschaftliche Abhandlungen*, помѣщается здѣсь въ переводѣ возможно близкомъ къ подлиннику.

IV.

Вотъ что говоритъ г. Цолльнеръ: «Критикъ мой нападаетъ на меня не только въ области спиритизма, но и въ области математики и механики... Хотя и не согласно съ моимъ не разъ высказаннымъ мною правиломъ защищать *научныя* мнѣнія передъ *ненаучнымъ* журналомъ, но я готовъ сдѣлать здѣсь исключеніе, потому что мнѣ представляется благопріятный случай дать дальнѣйшія цитаты изъ сочиненій Риманна, которыя покажутъ какъ далеко этотъ великій математикъ опередилъ свое время и какъ мало мой безыменный критикъ знакомъ съ его сочиненіями.

«Мой критикъ говоритъ между прочимъ[1]): отъ автора, излагающаго взгляды Гаусса на геометрію и идущаго далѣе по пути имъ проложенному, можно ожидать хоть сколько-нибудь солиднаго математическаго образованія. Между тѣмъ изъ нѣкоторыхъ словъ г. Цолльнера видно что онъ имѣетъ лишь весьма смутное понятіе о самыхъ элементарныхъ вопросахъ математики и сродной съ нею теоретической механики. Такъ напр. на стр. 79 (*Wissenschaftliche Abhandlungen*) онъ говоритъ, что *центробѣжная сила есть равнодѣйствующая центральной силы съ силою касательною, происходящею отъ инерціи*». Объ этихъ моихъ словахъ критикъ пишетъ: «подумаешь что это опечатка или описка, но нѣтъ, въ дру-

[1]) *Вѣстникъ Европы*, стр. 255 и 256.

томъ мѣстѣ, на стр. 123, г. Цöлльнеръ вновь приводитъ эти слова въ томъ же самомъ видѣ».

«Чтобы доказать моему критику что его упрекъ въ смутности понятій «о самыхъ элементарныхъ вопросахъ математики и сродной съ нею теоретической механики» обращается вполнѣ на него самого, позволяю себѣ, прежде всего, замѣтить что въ Ньютоновскихъ *Definitiones* въ первой книгѣ *Принциповъ*, слово *центробѣжная сила* вовсе не употребляется, а идетъ рѣчь только объ инерціи и центростремительной силѣ. Въ самомъ началѣ *Принциповъ* (Lib. I), въ объясненіи къ *Definitio* III, Ньютонъ замѣчаетъ: «инерція вещества условливаетъ то что тѣла лишь съ трудомъ выводятся изъ ихъ состоянія, будетъ ли то состояніе покоя или состояніе движенія; такое свойство присуще матеріи и означается поэтому весьма удачно именемъ *силы* инерціи». Ньютонъ приводитъ затѣмъ примѣры различнаго проявленія инерціи въ матеріи и указываетъ между прочимъ на натяженіе нити которую стремится разорвать прикрѣпленный къ ней камень, получившій круговое движеніе.

«Чтобы доказать далѣе моему критику, что справедливость моего мнѣнія, по которому «центробѣжная сила есть только равнодѣйствующая силъ центральной и касательной, происходящей отъ инерціи»—признается и нынѣ представителями *раціональной* физики, я позволю себѣ привести слѣдующія слова изъ одного распространеннаго нѣмецкаго учебника физики профессора А. Вюлльнера (2 изд. 1870 г., т. I, стр. 14): «Центробѣжная сила есть стало-быть не что иное какъ сопротивленіе, которое тѣло, по своей инерціи, противопоставляетъ измѣненію направленія своего движенія. Если прекращается вліяніе центростремительной силы,

то прекращается и сила центробѣжная и тѣло начинаетъ тогда удаляться отъ оси своего вращенія по направленію своего движенія».

«Хотя сказаннаго до сихъ поръ должно быть достаточно чтобъ обнаружить и предъ нематематическою публикой недостаточную развитость механическихъ понятій у моего критика, однако, чтобы сдѣлать доказательство болѣе полнымъ, выскажусь еще подробнѣе. Ссылаясь на стр. 254 первой части моихъ *Научныхъ статей*, мой критикъ замѣчаетъ: «Не менѣе поразительны слѣдующія два уравненія:

«*Сила=отношенію измѣненія скорости къ единицѣ времени.*

«*Масса=отношенію силы къ измѣненію скорости.*

«Невѣрность этихъ уравненій можно сдѣлать очевидною для всякаго не имѣющаго даже никакого понятія о механическихъ началахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если перемножить между собою оба уравненія и сдѣлать надлежащія приведенія, то получимъ изъ нихъ алгебраическимъ путемъ такой выводъ что произведеніе изъ массы на единицу времени равняется отвлеченной единицѣ! Нелѣпость такого вывода бросается всякому въ глаза».

«Уже въ элементарныхъ школахъ обыкновенно объясняютъ *дѣтямъ*, что было бы нелѣпостью *именованныя* величины, напр. талеры или рубли, помножать на яблоки или орѣхи; поэтому и ребенокъ не придетъ къ мысли *помножать* «массу» на «единицу времени», напр. фунтъ на секунду. Если математикъ *символически* вводитъ въ свои формулы произведеніе двухъ прямыхъ линій какъ выраженіе площади, а произведеніе трехъ прямыхъ линій какъ тѣлесное пространство, и такимъ образомъ измѣряетъ величины площади и пространства условно принятыми единицами, то *мыслящій* математикъ по-

стоянно сознаетъ при этомъ, что употребляемый здѣсь символъ алгебраическаго умноженія только до тѣхъ поръ сохраняетъ смыслъ, пока при этой чисто *формальной* операціи принимается во вниманіе измѣненіе натуры единицы. Въ математикѣ напоминается при случаѣ объ этихъ элементарныхъ вещахъ въ ученіи о такъ называемой *однородности уравненій.*

«Чтобы доказать моему критику что и въ настоящемъ случаѣ уравненія мною приведенныя и имъ оспариваемыя основываются не на опечаткѣ, я позволю себѣ замѣтить, что они приведены уже три года тому назадъ во введеніи къ моимъ *Началамъ электродинамической теоріи матеріи*, а именно:

«*Скорость = отношенію протяженія къ единицѣ времени* [1]).

«*Сила=отношенію измѣненія скорости къ единицѣ времени.*

«*Масса=отношенію силы къ ускоренію.*

«Что приведенное здѣсь опредѣленіе массы находится въ полномъ согласіи со взглядами Риманна, Вильгельма Вебера и всякаго физика, способнаго понимать механическіе принципы Галилея и Ньютона, это можетъ быть доказано моему критику цитатой изъ Риманна который замѣчаетъ (см. *Gesammelte Mathem. Werke und Wissenschaftlicher Nachlass*, стр. 497): «Сила раздѣленная на измѣненіе движенія (Bewegungsänderung) даетъ, поэтому, для одной и той же матеріальной точки всегда

[1]) «Какой нибудь неразумный критикъ, пожалуй, и это отношеніе пространства къ величинѣ времени могъ бы назвать «нелѣпостью», еслибы математикъ не сознавалъ постоянно, что одинаковость мѣры достигается здѣсь тѣмъ о чемъ не говорится, а именно: подразумѣваніемъ двухъ длинъ пути, изъ которыхъ одна проходится въ единицу времени». *Цёлльнеръ.*

одно и то-же частное. Это частное, различное для различныхъ матеріальныхъ точекъ, и *называется ихъ массою*.

«Далѣе я въ различныхъ мѣстахъ моихъ *Научныхъ статей* (напримѣръ т. I, стр. 432) цитировалъ слѣдующія слова Вильгельма Вебера: «Величина атомовъ при атомистическомъ воззрѣніи должна измѣряться никакъ не по ихъ протяженію въ пространствѣ, а по ихъ массѣ, т. е. по тому *постоянному* для каждаго атома *отношенію* въ которомъ находится для него *силы* къ *ускоренію*».

«Итакъ, еслибы мой критикъ имѣлъ болѣе знаній въ области элементарной механики, и еслибъ онъ, главное, старательнѣе читалъ цитированное выше сочиненіе Риманна и мои собственныя *Научныя статьи* въ I томѣ, то онъ не обнаружилъ бы себя промахами подобными тѣмъ какіе находятся въ его слѣдующихъ словахъ: «Спрашивается: если г. Цёлльнеръ въ такомъ искаженномъ видѣ излагаетъ истины которыхъ вѣрное и вполнѣ авторитетное изложеніе можно найти въ каждомъ порядочномъ курсѣ теоретической механики, чего-же можно ожидать отъ него въ примѣненіи истинъ высшихъ и самыхъ трудныхъ частей математики? Очевидно, что г. Цёлльнеръ не математикъ [1])... Статьи Риманна крайне трудно читаются и доступны лишь для лицъ хорошо знакомыхъ съ высшимъ математическимъ анализомъ, но послѣ приведеннаго выше о математическихъ познаніяхъ Цёлльнера, мы убѣждены въ томъ что онъ ихъ не читалъ, а если и читалъ, то не понялъ. Въ одномъ можно положительно упрекнуть г. Цёлльнера,—въ крайней неосторожности, съ какою къ объясненію явленія прилагаетъ начало сущность котораго ему не понятна»... [2]).

[1]) *Вѣстн. Евр.*, стр. 256.

[2]) Стр. 262.

«Для доказательства, что мой критикъ самъ читалъ цитируемое мною сочиненіе Риманна лишь поверхностно, а тѣ статьи его, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, во всякомъ случаѣ *не читалъ вовсе*, я позволю себѣ привести слѣдующее мѣсто изъ *Новыхъ математическихъ началъ натур-философіи* Риманна...

«На стр. 503 онъ говоритъ: «Основываясь на этомъ фактѣ, я дѣлаю предположеніе, что міровое пространство наполнено веществомъ которое постоянно течетъ *въ вѣсомые атомы и тамъ изчезаетъ изъ міра явленій* (міръ тѣлеснаго)...

«Въ каждый атомъ поступаетъ въ каждое данное мгновеніе опредѣленное количество вещества и тамъ исчезаетъ...

«*Вещественныя тѣла суть поэтому то мѣсто гдѣ міръ умственный вступаетъ въ міръ тѣлесный*».

«Что главная и существенная часть этой гипотезы заключается въ расширеніи нашего трехмѣрнаго воззрѣнія на пространство и въ переходѣ къ воззрѣнію четырехмѣрному было ясно сознано Риманномъ. Я обязанъ одному ученику Риманна, нынѣ уважаемому математику въ одномъ изъ знаменитыхъ нѣмецкихъ университетовъ, сообщеніемъ что «Риманнъ разсматривалъ каждый матеріальный атомъ какъ вступленіе четвертаго измѣренія въ трехмѣрное пространство». Полную вѣрность этого сообщенія бывшаго мнѣ тогда еще не вполнѣ понятнымъ, но теперь подтвержденнаго и объясняемаго вышеприведенною гипотезою Риманна, подтвердилъ мнѣ впослѣдствіи еще одинъ математикъ въ Геттингенѣ. во время праздника въ честь Гаусса.

«Приведенныя слова достаточны чтобы доказать каждому мыслящему, не предубѣжденному и честному человѣку, какъ тѣсно связана гипотеза Риманна съ фак-

тами *исчезновенія* извѣстнаго количества вещества при спиритическихъ сеансахъ,—фактами констатированными мною и многими другими физиками. Въ то же самое время слова эти показываютъ, насколько опередилъ меня мой знаменитый землякъ сотоварищъ Риманнъ въ свободѣ и смѣлости мысли. Благодарный міръ современемъ примѣнитъ къ нему прекрасныя слова Кеплера о Коперникѣ: *Vir fuit maximo ingenio et, quod in hoc exercitio magni momenti est, animo liber*. Хотя Риманну и не приходилось наблюдать исчезновенія извѣстнаго количества вещества изъ нашего трехмѣрнаго міра явленій, подобно тому какъ это не·разъ удавалось мнѣ при моихъ опытахъ со Слэдомъ, но онъ тѣмъ не менѣе имѣлъ достаточно мужества, чтобы *возможность* такого случая положить въ основу своего новаго міросозерцанія... Способность человѣческаго ума къ такимъ глубокимъ воззрѣніямъ на принципы природы не имѣетъ ничего общаго съ ловкостью въ формальныхъ математическихъ операціяхъ. Это, полагаю, вполнѣ доказывается словами одного изъ величайшихъ физиковъ, произведенныхъ до сихъ поръ Англіею». Г. Цёлльнеръ разумѣетъ здѣсь слова Фарэдэя, приведенныя имъ прежде: «я не понимаю, какимъ образомъ математическій умъ, взятый самъ по себѣ, могъ бы стать въ пониманіи сущности и значенія какого-либо изъ дѣйствующихъ началъ природы выше другаго, столь же проницательнаго, но не математическаго ума. Изъ самого себя умъ не можетъ вывести знанія какого бы то ни было принципа».

Не берусь рѣшать споръ математическаго характера, но не могу не замѣтить, что г. А. В. Г. упрекая г. Цёлльнера въ ошибочномъ взглядѣ на сущность центробѣжной силы, въ незнаніи того, что пишется въ каждомъ порядочномъ курсѣ, въ непониманіи цитуе-

мыхъ сочиненій Риманна и проч., не подкрѣпилъ своихъ упрековъ ни одною цитатою; г. Цёлльнеръ же, обращая эти упреки противъ самого г. А. В. Г., доказываетъ свои слова ссылками и на Ньютона, и на учебникъ Вюлльнера, и на сочиненія Риманна [1]).

V.

Не позволяя себѣ рѣшать что-либо въ области математики, я считаю себя однакоже въ правѣ возвысить голосъ въ области опытнаго естествознанія, и долженъ сказать, что тутъ взгляды г. А. В. Г. представляются

[1]) Статья моя была написана, когда я прочелъ въ «*Московскихъ Вѣдомостяхъ*» *Нѣсколько словъ* г. К. Гёрца (въ Варшавѣ), по поводу статьи г. А. В. Г. Я очень радъ, что и у насъ нашелся голосъ въ защиту г. Цёлльнера, какъ ученаго.

То, что говоритъ г. Гёрцъ, близко согласуется съ высказаннымъ самимъ г. Цёлльнеромъ. Гёрцъ также указываетъ г. А. В. Г. на учебники, и думаетъ, что не г. Цёлльнеръ, а А. В. Г. не читалъ или не понялъ статей Риманна. Вотъ его слова: «По меньшей мѣрѣ странно, что г. А. В. Г рекомендуетъ русской публикѣ одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ астрономовъ и физиковъ, какъ совершеннаго неуча...» «Г. А. В. Г. легко можетъ убѣдиться (въ справедливости сказаннаго г. Цёлльнеромъ), раскрывъ любой учебникъ механики или физики...» «Трудно повѣрить, что на основаніи такихъ данныхъ, какой-то г. А. В. Г. отрицаетъ всякія математическія познанія у Цёлльнера, изобрѣтателя горизонтальнаго маятника, обогатившаго къ тому же науку очень важными изслѣдованіями въ области астрофизики...» «Не менѣе несправедливъ упрекъ, сдѣланный г. Цёлльнеру, будто бы онъ или вовсе не читалъ статей Риманна, или же не понялъ ихъ сущности. Мнѣ кажется, что этотъ упрекъ можетъ съ большею справедливостью быть сдѣланъ автору статьи *Вѣстника Европы*, чѣмъ г. Цёлльнеру».

Не думаю, чтобы г. А. В. Г. могла быть пріятна приданная ему г. Гёрцемъ квалификаціи «какой-то»; но это прямое и законное слѣдствіе скрыванія своего имени.

мнѣ страдающими значительно неясностью и смѣшеніемъ понятій.

Для того, напримѣръ, чтобы *считать* явленіе доказаннымъ на основаніи *опыта*, то-есть дѣйствительно имѣющимъ мѣсто, г. А. В. Г. понадобилось почему-то, главное, узнать побочныя обстоятельства. «Даже нѣтъ указанія на то», говоритъ онъ, «всегда ли опытъ удавался при одинаковыхъ повидимому обстоятельствахъ, видоизмѣнялись ли эти обстоятельства и добивался ли г. Цёлльнеръ узнать, въ какихъ случаяхъ опытъ не удается, всякій ли медіумъ умѣетъ завязывать узлы, или это искусство есть спеціальность только нѣкоторыхъ изъ нихъ, и какъ пріобрѣтается такое искусство: вдохновеніемъ или обученіемъ? и т. д. Такимъ образомъ остается много вопросовъ, требующихъ разъясненія, а безъ того никакъ нельзя считать явленіе доказаннымъ на основаніи опыта» [1]). *(В. Евр.*, стр. 268). Тутъ, оче-

---

[1]) Еслибы г. А. В. Г. взялся за предметъ правильнѣе, то-есть поближе ознакомился съ тѣмъ, что о немъ извѣстно, то онъ зналъ бы, что по согласному свидѣтельству и наблюдателей и медіумовъ не можетъ быть и рѣчи объ умѣньи, искусствѣ и обученіи. Г. Цёлльнеръ говоритъ, между прочимъ: «почему же именно здѣсь, въ Лейпцигѣ, опыты Слэда были увѣнчаны такимъ блестящимъ успѣхомъ, а между тѣмъ, напр., опытъ съ узлами, несмотря на желаніе, ни разу не удался въ Россіи. Если принять въ соображеніе, какъ важно должно было быть для самого Слэда, чтобъ этотъ простой и удивительный опытъ увѣнчивался успѣхомъ вездѣ и всегда, то каждый, судящій правильно и безъ предубѣжденія, увидитъ въ этомъ именно обстоятельствѣ убѣдительнѣйшее доказательство того, что Слэдъ не фокусникъ, который искусными манипуляціями *дѣлаетъ* узлы *самъ*. Такой фокусникъ очевидно постарался бы, повторяя опытъ, дойти до такого искусства, чтобы постоянно и навѣрняка обманывать своими пріемами людей науки» Впрочемъ, г. Цёлльнеръ вполнѣ

видно, смѣшивается понятіе о простомъ констатированіи существованія явленія съ понятіемъ объ изученіи его отношеній; изученіе это нужно для объясненія, а не для доказательства, что явленіе существуетъ.

Требованія моего ученаго противника напоминаютъ мнѣ, какъ относятся иные неученые къ тѣмъ же медіумическимъ явленіямъ. Правда, наружность въ послѣднемъ случаѣ бываетъ груба, но сущность почти та же. Говорится, напримѣръ, о вполнѣ констатированномъ движеніи стола безо всякаго къ нему прикосновенія, а ненаучный скептикъ возражаетъ: «нѣтъ, это что! Пусть-ка вотъ двинется кресло, тогда я повѣрю». Еслибъ ему говорили о креслѣ, онъ указалъ бы на столъ, на диванъ и т. п.

Сбивчивость понятій и недостаточное знакомство съ предметомъ своей критики обнаруживаетъ г. А. В Г. также и въ другихъ мѣстахъ. Г. Цёлльнеру и мнѣ онъ приписываетъ мысль, совершенно намъ не принадлежащую, будто бы мы считаемъ данное г. Цёлльнеромъ *объясненіе* явленія *полнымъ*. Съ ничѣмъ неоправдываемою безцеремонностью онъ увѣряетъ, будто бы я имѣлъ въ виду «доказать въ какой степени совершенна, опредѣлительна и полна теорія г. Цёлльнера; она дескать не только объясняетъ извѣстныя явленія, но даже даетъ возможность предсказать, что въ данномъ случаѣ должно произойти такое-то явленіе, прежде никому неизвѣстное». (*Вѣстникъ Европы*, стр. 269). Это значило бы, что я приписываю гипотезѣ г. Цёлльнера значеніе хорошо установленной, развитой теоріи. Ясно, что не

сознаетъ справедливость въ приложеніи и къ нашему времени словъ Гёте, тутъ же имъ цитуемыхъ: *невѣріе, превратившееся въ суевѣріе, стало умственною болѣзнью нашего времени. (Wiss Abh.* т. 2, стр. 931).

такова была моя мысль. Не могу не пожалѣть, что г. А. В. Г. въ жару полемики позволилъ себѣ произвольно толковать чужія слова, расширяя ихъ смыслъ по своему усмотрѣнію. Не происходитъ ли это вслѣдствіе его необычайной боязни, что статья моя «должна была произвести большое впечатлѣніе на читателей, вынесшихъ изъ нея представленіе, что спиритическое явленіе завязыванія узловъ вполнѣ *объяснено?*» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 263). Въ этихъ словахъ заключается весьма пріятная для меня новость. Мой противникъ констатируетъ, что статья моя *должна* была произвести впечатлѣніе, и что читатели уже *вынесли* изъ нея опредѣленное представленіе... И вотъ г. А. В. Г. спѣшитъ выступить въ качествѣ опекуна этихъ читателей, миссіонера для возвращенія бѣдныхъ заблудившихся на путь правовѣрія. Напрасный трудъ! Я скажу и самъ, что о *полномъ* объясненіи тутъ нѣтъ и рѣчи, но *первая научная серьезная попытка объясненія*, дѣйствительно, не безъ успѣха сдѣлана г. Цолльнеромъ, и въ глазахъ людей непредубѣжденныхъ и безпристрастныхъ г. А. В. Г. едва ли удастся умалить ея значеніе своими опрометчивыми, голословными и неособенно ясными доводами.

Критику почему-то представляется, что между простымъ констатированіемъ факта и полнымъ объясненіемъ нѣтъ ничего средняго, а потому онъ и аналогіямъ не приписываетъ никакого значенія по отношенію къ объясненіямъ. Неужели онъ забылъ, что до полнаго развитія теоретическихъ представленій доходятъ длиннымъ путемъ разныхъ объясненій, начиная отъ первоначальной гипотезы, охватывающей обыкновенно только одну извѣстную сторону и небольшое число явленій? Можно знать причину явленія и не умѣть объяснить,

какъ именно эта причина въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ. Удары молніи производятъ, напримѣръ, различныя явленія, которыя далеко не всѣ объяснены; но это не мѣшаетъ знать, что ихъ причина—электричество. Наоборотъ, иногда можно составить понятіе о способѣ дѣйствія причины, которой сущность остается неизвѣстною. Можно утверждать даже, что послѣдняя всегда неизвѣстна, такъ какъ всегда есть возможность поставить вопросъ *почему*, остающійся безъ отвѣта. Возьмемъ, напримѣръ, астрономію, науку, стоящую въ теоретическомъ отношеніи въ высшей степени совершенства. Мы знаемъ законы, по которымъ дѣйствуетъ тяготѣніе, знаемъ результаты, проистекающіе отъ его дѣйствія и первоначальнаго импульса, полученнаго небесными тѣлами, но развѣ извѣстна намъ причина этого импульса и развѣ есть отвѣтъ на вопросъ: почему именно тяготѣніе дѣйствуетъ обратно пропорціонально квадратамъ разстояній, а не другимъ образомъ? Разрѣшите *эти* вопросы и явятся другіе, дальнѣйшіе. *Дѣйствительно полное* объясненіе значило бы постиженіе *причины причинъ*. Не на него разсчитывалъ, конечно, г. А. В. Г., а мы съ г. Цёлльнеромъ и того менѣе. Для объясненій же неполныхъ, съ какими мы всегда имѣемъ дѣло и тѣмъ болѣе при первыхъ попыткахъ объясненія, нѣтъ никакого основанія требовать вмѣстѣ съ г. А. В. Г. указанія, «при какихъ именно условіяхъ явленіе это происходитъ такъ, чтобы мы могли сказать, что при существованіи именно такихъ-то условій, явленіе непремѣнно произойдетъ въ извѣстномъ видѣ и что при отсутствіи хотя одного изъ этихъ условій, явленія этого не будетъ». (*Вѣстникъ Европы*, стр. 269). Достаточно знать лишь *нѣкоторыя* условія, чтобы до извѣстной степени объяснить явленіе. Нѣтъ также причины утвер-

ждать, что безъ полнаго знанія условій «никакое объясненіе этихъ явленій невозможно» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 269), или что «прежде чѣмъ объяснить какое-нибудь явленіе, необходимо вполнѣ точно выяснить тѣ условія, при которыхъ явленіе это происходитъ» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 271). Въ особенности странны такія требованія въ области явленій, связанныхъ съ органическимъ процессомъ и преимущественно съ нервною дѣятельностью. Здѣсь опять можно указать г. А. В. Г. на Араго, который, сказавъ слова приведенныя выше (*«Celui qui en dehors des mathématiques pures prononce le mot impossible, manque de prudence»*), прибавилъ къ нимъ: *«La resèrve est surtout un devoir, quand il s'agit de l'organisation animale»*.

Обнаруживаются, напримѣръ, въ человѣкѣ такія болѣзненныя явленія, которыя вообще происходятъ не иначе какъ вслѣдствіе опредѣленнаго зараженія. Появленіе ихъ и объясняютъ зараженіемъ. переходомъ особаго специфическаго яда въ организмъ зараженнаго. Самые симптомы *объясняются* особою натурой *этого* яда; но развѣ врачъ можетъ всегда опредѣлить въ точности всѣ тѣ условія, при которыхъ зараженіе *непремѣнно* произойдетъ, и тѣ, при которыхъ его *навѣрное* не будетъ, и развѣ это мѣшаетъ ему объяснять до извѣстной степени происхожденіе болѣзненныхъ явленій?

Критикъ ставитъ, повидимому, въ упрекъ «спиритамъ» то, что «до сихъ поръ не вполнѣ извѣстны тѣ условія, при которыхъ явленіе непремѣнно должно происходить» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 270); нашъ критикъ склоненъ разсматривать это обстоятельство какъ дѣлающее самыя явленія сомнительными. Но это опять не болѣе какъ очевидное смѣшеніе понятій о констатированіи факта, объ его изученіи и его объясненіи Первое со-

ставляетъ шагъ ко второму, второе—къ третьему и постепенность тутъ необходима, но г. А. В. Г., въ другихъ случаяхъ едва-ли забывающій научный методическій ходъ изслѣдованій, не стѣсняется требовать по отношенію къ медіумическимъ явленіямъ, чтобы лица, ими интересующіяся, ухитрялись начинать съ середины. Никто изъ защитниковъ медіумизма, конечно, не думаетъ, чтобъ условія медіумическихъ явленій были «*вполнѣ*» извѣстны; но развѣ право на мѣсто въ области человѣческихъ знаній предоставляется только тѣмъ явленіямъ, условія происхожденія которыхъ извѣстны вполнѣ? Слѣдовать подобному правилу значило бы отказаться отъ обогащенія науки наблюденіями и попасть въ безысходный кругъ (circulus vitiosus). Явленія, условія происхожденія которыхъ не вполнѣ извѣстны, пришлось бы тогда устранить изъ области знанія, игнорировать, а условія игнорируемыхъ явленій, разумѣется, продолжали бы оставаться неизвѣстными. Скептики, подобные г. А В. Г., такъ впрочемъ и поступаютъ тамъ, гдѣ дѣло касается медіумическихъ фактовъ.

Въ объясненіи всего новаго важная роль принадлежитъ открытію аналогій, на которыя опирается индукція. Это — азбучная истина. Тамъ гдѣ аналогій не замѣчено, наблюдателю нѣтъ возможности сдѣлать перваго шага, состоящаго въ пріуроченіи новаго къ прежнему, извѣстному; при недостаткѣ аналогій отрѣзанъ путь ко всякому объясненію и, наоборотъ, открытіе аналогіи составляетъ несомнѣнный шагъ къ объясненію явленія. А г. А. В. Г. утверждаетъ, будто бы въ аналогіи «нѣтъ и тѣни того, что разумѣютъ подъ объясненіемъ» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 263), и будто бы г. Цölльнеръ, «сознаваясь самъ, что данное имъ объясненіе не есть что-либо другое какъ аналогія, не за-

мѣчаетъ, что этимъ самымъ сознаніемъ онъ отвергаетъ всякое притязаніе на дѣйствительное объясненіе» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 270). Относительно послѣдней фразы необходимо замѣтить, что г. Цёлльнеръ совсѣмъ не смѣшивалъ объясненія съ аналогіей. Его объясненіе даже не касается вопроса, *почему* завязаны были узлы на безконечной веревкѣ; но, основываясь на аналогіяхъ и сдѣлавъ извѣстныя допущенія, онъ далъ возможность до нѣкоторой степени понять, *какимъ образомъ* могли бы быть завязаны такіе узлы.

Впрочемъ, г. А. В. Г. не признаетъ даже и аналогій, указываемыхъ г. Цёлльнеромъ, потому что отвергаетъ мысль о реальности четырехмѣрнаго пространства (*В. Евр.*, стр. 264). Вопреки увѣреніямъ г. А. В. Г., реальность эта допускалась однакоже Риманномъ, какъ то показалъ г. Цёлльнеръ цитатами, приведенными выше. Изъ цитатъ этихъ видно съ достаточною ясностью, что для Риманна четырехмѣрное пространство совсѣмъ не представляло «ни больше ни меньше, какъ особый пріемъ разсужденія», какъ то увѣряетъ г. А. В. Г. (*В. Евр.*, стр. 261).

При такихъ діаметрально-противоположныхъ взглядахъ, соглашеніе между г. А. В. Г., съ одной стороны, Риманномъ и Цёлльнеромъ, съ другой,—разумѣется невозможно, но это не должно бы мѣшать г. А. В. Г. понимать, что съ точки зрѣнія Цёлльнера и Риманна аналогія вполнѣ допустима, и что для этого совсѣмъ не нужно умѣть *наглядно* представлять четырехмѣрное пространство. Г. Цёлльнеръ именно и говоритъ о невозможности такого *нагляднаго* (anschauliche) представленія (см. *Wiss. Abh.*, т. I, стр. 221); а г. А. В. Г. отбросивъ характерное понятіе о *наглядности*, исказилъ истинный смыслъ словъ г. Цёлльнера и этимъ

искаженіемъ доставилъ себѣ средство придать дѣлу такой видъ, какъ будто г. Цёлльнеръ отвергаетъ *возможность мыслить* реальное существованіе четырехмѣрнаго пространства и въ то же время пользуется допущеніемъ его въ своихъ объясненіяхъ. На дѣлѣ же г. Цёлльнеръ именно говоритъ, что мы по аналогіи можемъ составить понятіе о *возможности* реальнаго существованія тѣхъ пространственныхъ отношеній, какія свойственны четырехмѣрному пространству; о *дѣйствительномъ* же ихъ существованіи заключеніе можетъ быть сдѣлано только на основаніи *фактовъ*, добываемыхъ *наблюденіемъ*.

Вся путаница, въ которую погрузился нашъ критикъ, приводитъ его къ очень странному, чтобы не сказать больше, заключенію. Ему кажется, что г. Цёлльнеръ «присвоиваетъ себѣ, существу трехмѣрному, право умомъ четырехмѣрныхъ существъ» опредѣлить ограниченность понятій трехмѣрныхъ существъ, и что «аналогія была бы только тогда полна, еслибы г. Цёлльнеръ самъ былъ существомъ съ четырьмя измѣреніями». По мнѣнію г. А. В. Г. выраженному тутъ же, «мы, какъ трехмѣрныя существа, можемъ разсуждать объ ограниченности понятій двухмѣрныхъ существъ; о недостаточности же нашихъ понятій могутъ разсуждать одни четырехмѣрныя существа» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 264). Другими словами: г. А. В. Г. думаетъ, что люди лишены возможности сознавать ограниченность своихъ понятій; а такъ какъ сознаніе этой ограниченности необходимо должно предшествовать замѣнѣ прежняго понятія новымъ, болѣе широкимъ, то г. А. В. Г. тѣмъ самымъ отрицаетъ всякое расширеніе области человѣческаго пониманія.

Явленіе крайне интересное: ученый вѣрящій въ застой вмѣсто прогресса! Впрочемъ ясно что у г. А. В. Г.

вышло здѣсь что-то такое, чего и самъ онъ, конечно, не могъ хотѣть сказать.

Расходясь съ гг. Цöлльнеромъ и Риманномъ, г. А. В. Г. расходится и съ Кантомъ, «сужденія котораго кажутся» нашему критику «не довольно ясными» и «вовсе непримѣнимыми къ объясненію явленій дѣйствительно происходящихъ», потому что будто бы Кантъ «говоритъ о томъ, что могло бы быть *если-бы міръ былъ иной.* Естественныя же науки занимаются тѣмъ міромъ, который дѣйствительно существуетъ» *(Вѣстникъ Европы,* стр. 259). Но изъ прямаго смысла словъ Канта («если возможно что существуютъ протяженія съ другими измѣреніями, то очень вѣроятно что Богъ ихъ гдѣ-нибудь устроилъ»), цитируемыхъ самимъ г. А. В. Г., несомнѣнно явствуетъ, что Кантъ говорилъ не про *иной* міръ, а про расширеніе понятія объ *этомъ* мірѣ. Вмѣстѣ съ этимъ расширеніемъ расширяется, конечно, и задача естествознанія. Но въ томъ-то и бѣда что г. А. В. Г., какъ и многіе другіе, хочетъ чтобы наука не смѣла узнавать ничего лежащаго за ограниченнымъ предѣломъ обычныхъ грубоматеріальныхъ явленій. Въ результатѣ и выходитъ опять кругъ, гдѣ представители *такой* науки, замкнутые въ своемъ матеріальномъ міровоззрѣніи, осуждены изображать бѣлку въ колесѣ: расширеніе знакомства съ мірозданіемъ становится для нихъ невозможнымъ, потому что они отворачиваются ото всего находящагося за предѣлами ихъ привычнаго горизонта. Они хорошо сдѣлали бы, не забывая на дѣлѣ того, чему учатъ на словахъ. Вотъ что высказалъ одинъ изъ ультраскептиковъ въ разсматриваемой нами области, извѣстный профессоръ Вирховъ, въ своей рѣчи *О чудесахъ* (см. у г. Цöлльнера, *W. Abh.* II, стр. 309): «то, что мы называемъ законами природы, измѣн-

чиво, потому что открытіе ихъ есть дѣло человѣческое, и ихъ признаніе зависитъ отъ крайняго разумѣнія людей. *Новыхъ наблюденій вполнѣ бываетъ достаточно для того, чтобы совершенно опрокидывать эти законы и производить въ естествознаніи тѣ великія измѣненія, которыми такъ богато новое время»*.

Я позволю себѣ привести здѣсь также сказанное мною пять лѣтъ тому назадъ въ моей замѣткѣ о М. В. Остроградскомъ, какъ спиритуалистѣ (*Psychische Studien*, 1874 года, стр. 301): «апріорическое отрицаніе существованія чего-либо въ природѣ представляется намъ, выражаясь мягко, мало отвѣчающимъ строго научному методу. Намъ кажется, что здѣсь привычка имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ это думаютъ. Хотятъ найти границы тамъ, гдѣ не предубѣжденный мыслитель скорѣе предположитъ противоположное. Усовершенствованіе микроскопа позволяетъ намъ видѣть предметы, существованія которыхъ прежде и не подозрѣвали; телескопы открываютъ намъ постоянно все новые, болѣе удаленные міры; матерію и движеніе узнаемъ мы въ новыхъ формахъ, начиная отъ твердаго, грубаго, до тонкаго, эфирнаго. Нигдѣ нѣтъ границы, и понятіе объ ограниченности по меньшей мѣрѣ столь же недоступно для нашего ума, какъ и понятіе о безконечности. Еслибы мы и поставили границу, то все-таки приходится спросить: что же находится за нею далѣе? Допущеніе абсолютнаго ничто въ мірозданіи не имѣетъ для насъ смысла. Всѣ эти соображенія становятся на пути, когда мы хотимъ назначить границы явленіямъ природы. Кто могъ бы, не грѣша противъ разума, сказать: за этою или тою границей въ природѣ нечего искать болѣе, потому что тамъ ничего нѣтъ?

«Къ сожалѣнію, человѣкъ замкнутый въ тѣсномъ кругѣ

грубоматеріальныхъ явленій оказывается склоннымъ, хотя бы онъ былъ и ученый, считать природу ограниченною единственно потому, что самъ онъ ограниченъ условіями своего существованія. Громко говорящее самодовольство всегда производитъ впечатлѣніе, а ненаучные люди едва ли могутъ обсудить достаточно критически, возможно ли и научно ли въ самомъ дѣлѣ отрицать теоретически то, что лежитъ внѣ области чисто спекулятивной и что, подобно всѣмъ другимъ явленіямъ природы, можетъ быть узнано и изслѣдовано только посредствомъ наблюденія и опытовъ.

«У отрицанія есть однако своя роковая логика. Сначала отрицаютъ, объявляя наблюденія недостаточными и наблюдателей незаслуживающими довѣрія, а когда являются новые наблюдатели, имѣющіе большій вѣсъ, то начинаютъ отрицать ихъ значеніе, которое прежде признавалось и т. д. Если же путь отрицанія оказывается труднымъ, то поступаютъ еще проще,—игнорируютъ»...

VI.

По словамъ г. А. В. Г., Риманнъ цитуется г. Цёлльнеромъ «вездѣ только для того, чтобы подтвердить ту истину, что для науки особенно интересны именно тѣ явленія, которыя не объясняются установленными воззрѣніями, потому что знакомство именно съ такими явленіями заставляетъ насъ измѣнять наши воззрѣнія, чѣмъ и вызывается развитіе науки. Истина эта столь очевидна, что развѣ только особенное удовольствіе часто цитовать такую знаменитость, какъ Риманнъ, могло заставить г. Цёлльнера употреблять столько труда для того, чтобы внушать его читателямъ о

справедливости такого мнѣнія» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 260).

Нельзя не замѣтить на это, что самъ г. А. В. Г. служитъ отличнымъ доказательствомъ непризнаванія этой «столь очевидной», по его собственнымъ словамъ, истины. Ему говорятъ о явленіяхъ, необъясняемыхъ «установленными воззрѣніями» и, слѣдовательно, открывающихъ новый горизонтъ человѣческому знанію, а онъ отворачивается отъ этихъ явленій для того, чтобы сохранить «установленныя воззрѣнія» во что бы то ни стало. Доказательства на лицо.

Критикъ приводитъ самъ сказанное г. Цёлльнеромъ о «точныхъ изслѣдованіяхъ» Крукса и повторяетъ цитируемыя Цёлльнеромъ слова профессора Чаллиса: «доказательства настолько полны и согласны между собою, что надо или признать факты въ томъ видѣ, какъ о нихъ сообщается, или окончательно отказаться отъ возможности подтвержденія фактовъ человѣческимъ свидѣтельствомъ». Послѣ этого, казалось бы, г. А. В. Г. слѣдовало (еслибъ онъ былъ безпристрастенъ) или держаться въ сторонѣ и не браться судить о томъ, что видѣли другіе и чего не видѣлъ онъ самъ, или познакомиться съ явленіями на дѣлѣ, чтобы пріобрѣсти серьезное право судить о нихъ въ томъ или другомъ направленіи по собственному опыту, или, наконецъ, высказать предъ читателями тѣ причины, по которымъ онъ считаетъ наблюденія Крукса незаслуживающими довѣрія, а слова Чаллиса недостойными вниманія. Ничего этого критикъ самъ не сдѣлалъ; онъ не потрудился даже посредствомъ чтенія познакомиться ближе съ предметомъ, о которомъ берется судить такъ авторитетно и такъ голословно. Притомъ, не объ однихъ Круксѣ и Чаллисѣ идетъ тутъ рѣчь: г. А. В. Г. самъ

называетъ еще Геггингса, Уоллеса, какъ людей убѣдившихся въ реальности медіумическихъ явленій [1]); но

[1]) Критикъ называетъ Геггингса и Крукса, наравнѣ съ Уоллесомъ, «извѣстными спиритами». Отнесшись къ предмету менѣе свысока и заглянувъ немного въ книги, г. А. В. Г. узналъ бы, что все участіе Геггингса въ этомъ вопросѣ ограничивается письмомъ къ Круксу, въ которомъ онъ только подтверждаетъ правильность сдѣланнаго Круксомъ описанія и прибавляетъ: «Опыты эти показываютъ, сколько я понимаю, важность дальнѣйшаго изслѣдованія. Но я считаю здѣсь долгомъ оговориться, что не высказываю никакого мнѣнія относительно причинъ вызвавшихъ помянутыя явленія» (см. А. Аксакова, *Спиритуализмъ и Наука*, стр. 97). Но и Круксъ, вполнѣ убѣжденный въ дѣйствительности самыхъ рѣзкихъ медіумическихъ явленій, «матеріализацій» и т. п., все-таки *не* «спиритъ». Онъ говоритъ въ письмѣ къ одному лицу: «Я самъ серьезно желалъ получить то доказательство, котораго вы ищете, что усопшіе возвращаются и могутъ вступать въ сношенія съ нами, но еще ни разу я не получилъ достаточнаго подтвержденія чтобъ это дѣйствительно было такъ. (*Psychische Studien* 1875, стр. 219. Ср. статью Н. П. Вагнера: *Медіумизмъ. Русскій Вѣстникъ* 1875, октябрь, стр. 874).

Познакомившись съ предметомъ серьезно, г. А. В. Г увидѣлъ бы также, что ему приходится игнорировать или отвергать свидѣтельства не однихъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ онъ назвалъ, но еще и многихъ другихъ людей науки. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я поименовалъ въ своей статьѣ *Медіумическія явленія*; но съ тѣхъ поръ къ этимъ именамъ присоединилось еще не мало новыхъ вѣскихъ именъ. Я назову здѣсь еще разъ наиболѣе выдающихся математиковъ, натуралистовъ и врачей, убѣдившихся въ реальности медіумическихъ явленій и засвидѣтельствовавшихъ о томъ печатно или письменно: химикъ Геръ, математикъ де-Морганъ, химикъ Мэпсъ, химикъ Грегори, физикъ Варлей, нашъ математикъ М. В. Остроградскій, астрономъ Фламмаріонъ, физіологъ Майо, астрономъ лордъ Линдсей, ботаникъ Тюри, ботаникъ Неесъ-фонъ-Эзенбекъ, зоологъ Перти, астрофизикъ Цёлльнеръ, физикъ Веберъ, математикъ Шейбнеръ, физикъ Фехнеръ, физикъ Барретъ, астрономъ лордъ Рэйли, врачи: Вилькинсонъ, Ашбёрнеръ, Гёлли, Коллайеръ, Локгартъ-Робертсонъ, Никольсъ,

все это для него не имѣетъ значенія. Ни однимъ словомъ не высказавъ своего мнѣнія о Чаллисѣ, Геггингсѣ, Круксѣ и Уоллесѣ, г. А. В. Г. ухитряется, на основа-

---

Бьюкананъ, Декстеръ, Галлокъ, Гитчманъ, Грей, Бриттанъ, Картеръ Блэкъ, Уайльдъ, Спиръ, Секстонъ, Пюэль, нашъ извѣстный писатель и врачъ В. И. Даль. Списокъ еще не исчерпанъ. но я надѣюсь, что для непредубѣжденныхъ и безпристрастныхъ читателей вполнѣ достаточно и названныхъ лицъ. Неужели же можно въ самомъ дѣлѣ допустить серьезно, что всѣ они видѣли то, чего не было, и о чемъ они однакоже говорятъ съ полною увѣренностью, не признавая возможности ошибки въ наблюденіи съ своей стороны. Удивляться легковѣрію слѣдуетъ дѣйствительно, но только не легковѣрію тѣхъ, которые вѣрятъ такимъ свидѣтелямъ и своимъ собственнымъ чувствамъ, а легковѣрію тѣхъ, которые отвергаютъ подобныя свидѣтельства. Еслибы заблуждались мы, защитники медіумизма, а не отрицатели его, то почему, спрашивается, люди, занявшіеся медіумическими явленіями подробно въ теченіе достаточнаго промежутка времени, *всѣ безъ исключенія* убѣждались въ ихъ дѣйствительномъ существованіи и *ни одинъ* изъ убѣдившихся еще никогда не разубѣждался. Неужели не нашлось бы человѣка предпочитающаго истину личному самолюбію и, слѣдовательно, способнаго сознаться въ ошибкѣ? Говорю я здѣсь, конечно, не о тѣхъ, которые подходятъ къ медіумическимъ явленіямъ не съ научнымъ намѣреніемъ узнать истину, а съ мнѣніемъ предвзятымъ и намѣреніемъ полицейскимъ открыть обманъ, въ существованіи котораго они не сомнѣваются.

Но если всѣ перечисленныя имена неизвѣстны г. А. В. Г. въ ихъ связи съ медіумизмомъ, то мое имя и имя профессора Н. П. Вагнера должны быть ему хорошо извѣстны. Отчего же онъ не назвалъ насъ? Чего добраго г. А. В. Г. хотѣлъ съ своей точки зрѣнія оказать намъ снисхожденіе! Но я смѣю его увѣрить, что намъ, отвѣчающимъ за свои убѣжденія полною подписью своего имени и не чувствующимъ ни малѣйшаго желанія прятаться за псевдонимы или начальныя буквы, умолчаніе нашихъ именъ совсѣмъ не доставляетъ удовольствія, и мы очень хорошо чувствуемъ себя въ почтенномъ обществѣ лицъ подобныхъ перечисленнымъ выше.

*

нія ихъ же свидѣтельствъ, придти къ заключенію, что г. Цёлльнеръ хлопочетъ о подготовленіи читателя къ вѣрѣ въ медіумизмъ. А по поводу словъ Цёлльнера: «я не имѣю столь высокаго мнѣнія о *своемъ* умѣ, чтобы думать что я не подвергнусь, при сходныхъ условіяхъ, тѣмъ же впечатлѣніямъ, какимъ подвергались они»,— нашъ критикъ замѣчаетъ: «очевидно, въ то время г. Цёлльнеръ самъ былъ уже хорошо подготовленъ; но онъ еще не видѣлъ, а вотъ какъ только увидитъ, то»... (*Вѣстникъ Европы*, стр. 265).

Такъ ли поступилъ бы ученый ищущій истины, а не насильственнаго сохраненія «установленныхъ воззрѣній»? Невольно вспоминаются слова Н. А. Головкинскаго, приведенныя мною выше: «въ виду многочисленныхъ свидѣтельствъ выходящихъ, между прочимъ, отъ лицъ которыхъ ни добросовѣстность, ни компетентность, какъ наблюдателей, не могутъ быть заподозрѣны,—по крайней мѣрѣ, болѣе чѣмъ тѣ-же качества у массы авторовъ по всѣмъ отраслямъ знанія,—*я* считаю неумѣст-

По отношенію къ Круксу г. А. В. Г. замѣчаетъ еще: «какое несчастіе, въ самомъ дѣлѣ, для химика, если онъ вдругъ сдѣлается медіумомъ. Всѣ его навѣски будутъ невѣрны. Неужели г. Круксъ не боится, чтобы съ нимъ не случился такой казусъ?» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 265 въ примѣчаніи). Поставивъ и въ этой замѣткѣ мое имя вмѣсто имени Крукса, г. А. В. Г. поступилъ бы прямѣе и чистосердечнѣе. Его слова представляютъ впрочемъ лишь плохую остроту и новое доказательство незнанія. Дѣлать нечего, приходится пояснить ему что и въ присутствіи медіумовъ медіумическія явленія происходятъ не ежеминутно, а происходя, подчиняются разумной волѣ. Значитъ, бояться за «всѣ свои навѣски» химику тутъ такъ же мало причинъ, какъ мало было бы повода работая, напримѣръ, въ лабораторіи рядомъ съ самимъ г. А. В. Г., опасаться что ему вдругъ ни съ того, ни съ сего вздумается перепортить всю работу своего сосѣда.

нымъ сомнѣваться, что если не все, то конечно, большая часть описаннаго была бы и мною, и всякимъ другимъ, обладающимъ органами чувствъ, наблюдаема въ томъ видѣ, въ какомъ она описана». Г. А. В. Г. очевидно далеко опередилъ г. Цёлльнера относительно «мнѣнія *о своемъ* умѣ», и мало похожъ на г. Головкинскаго въ томъ, что касается заподозриванія чужой добросовѣстности и компетентности.

Изъ всего нами видѣннаго явствуетъ съ достаточною убѣдительностью, что г. А. В. Г., выступившій предъ публикою въ качествѣ судьи г. Цёлльнера и моего и въ роли непрошеннаго спасителя самой публики, оказывается судьею весьма мало знающимъ то, о чемъ судитъ и сильно предубѣжденнымъ, а слѣдовательно и лицепріятнымъ.

Особенно рѣзко выражается его незнаніе—и даже нежеланіе знать—тамъ, гдѣ дѣло доходитъ до фактовъ. Тутъ его аргументы дѣйствительно сводятся въ сущности къ «не могло быть, потому что невозможно». Но критикъ нашъ не хочетъ откровенно заявить эту формулу и желаетъ сохранить научный декорумъ. Въ то же время онъ чувствуетъ слабость своей позиціи предъ напоромъ фактовъ и отдѣлывается отъ нихъ тѣмъ, что просто игнорируетъ все то, что написано другими лицами, кромѣ Цёлльнера. По отношенію же къ Цёлльнеровскому факту завязки узловъ, г. А. В. Г. безпрестанно повторяетъ на всѣ лады, что г. Цёлльнеръ будто бы не окружилъ своего опыта достаточными предосторожностями. Въ этомъ онъ видимо старается увѣрить читателей, безпрестанно твердя имъ одно и то же. Такъ и чувствуется его опасеніе: а что, если вдругъ предосторожности окажутся принятыми и условія опыта достаточно строгими? Они дѣйствительно и ока-

зываются таковыми; но г. А. В. Г., разумѣется, будетъ теперь къ этому слѣпъ и глухъ. Такъ поступаютъ всегда желающіе *отрицать во что бы то ни стало.*

Если бы г. Цёлльнеръ описалъ подробности опытовъ въ первомъ томѣ своихъ *Wissenschaftliche Abhandlungen* и если бы такимъ образомъ г. А. В. Г нельзя было придраться (весьма неудачно, какъ оказывается теперь), то онъ, конечно, предпочелъ бы молчать, игнорировать фактъ Цёлльнера наравнѣ съ другими прежними фактами, тоже достаточно убѣдительными для тѣхъ, кто вообще доступенъ убѣжденію. Но какъ же, спрашивается, поступитъ г. А. В. Г. теперь, ознакомившись волей-неволей съ условіями опыта,—условіями, которыя оказываются вполнѣ удовлетворяющими самымъ строгимъ требованіямъ *добросовѣстной* критики? Отвѣтить на это не трудно, перефразируя собственныя слова нашего критика: «онъ еще не видѣлъ» того, что сообщилъ Цёлльнеръ во второмъ томѣ своего изданія, «а вотъ какъ только увидитъ, то...» и возвратиться къ общему стереотипному завѣренію, что «этого не могло быть, потому что это невозможно».

Чтобы не быть голословнымъ, я цитирую здѣсь повторенныя увѣренія г. А. В. Г.

«Гдѣ была въ то время другая рука Слэда и упомянутаго третьяго лица, объ этомъ не говорится ничего» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 266).

(Неправда: говорится во второмъ томѣ *Wissenschaftliche Abhandlungen;* читатель увидитъ это ниже).

«Для установленія достовѣрности такого явленія не слѣдуетъ пренебрегать никакими средствами, которыя могутъ служить для этой цѣли, а между тѣмъ г. Цёлльнеръ совершенно упустилъ изъ виду дать своей статьѣ ту обстановку, которой нынѣшняя наука считаетъ себя

въ правѣ требовать отъ всякой порядочной статьи, устанавливающей дѣйствительность какого-нибудь новаго явленія» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 267).

«Требуется, чтобы были указаны всѣ возможные источники погрѣшностей, а также объяснено, какія именно были приняты противъ нихъ мѣры. Объ этомъ у г. Цёлльнера и помину нѣтъ (ibidem).

«Чтобъ убѣдить читателей въ дѣйствительности наблюденнаго явленія, надобно было бы стать на точку зрѣнія человѣка до крайности скептическаго и съ мельчайшею подробностью описать всѣ мѣры предосторожности, принятыя для удостовѣренія каждаго въ томъ, что не могло случиться ничего незамѣченнаго наблюдателемъ и могущаго вліять на результатъ. Ничего подобнаго мы не находимъ въ статьѣ г. Цёлльнера (ibid).

«Г. Цёлльнеръ не говоритъ, что обманъ не могъ бы вліять на результатъ опыта, еслибъ онъ и былъ, такъ какъ для этого приняты моль были надлежащія мѣры; но никакія мѣры такого рода не указаны въ его статьяхъ (*Вѣстникъ Европы*, стр. 268).

«Спрашивается, отчего г. Цёлльнеръ, пока дѣло было у него въ рукахъ, не обставилъ опытъ такимъ образомъ, чтобъ устранить всякую возможность обмана? (ibid).

«Въ своихъ статьяхъ онъ (Цёлльнеръ) даже не упоминаетъ о какихъ-либо мѣрахъ, принятыхъ имъ въ этомъ отношеніи» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 271).

Напрасно однакоже г. А. В. Г., говоря о «необходимости устранить возможность обмана», прибавляетъ: «онъ могъ бы тогда убѣдить и тѣхъ лицъ, которыя до сихъ поръ не вѣруютъ» (*Вѣстникъ Европы*, стр. 268). Напрасно думаетъ онъ также, что у г. Цёлльнера мелькнула мысль, что г. Слэдъ могъ его какъ-нибудь ввести въ обманъ (*Вѣстникъ Европы*, стр. 266). Бояться

обмана г. Цёлльнеру было уже потому нечего, что сущность и обстановка его опыта устраняли всякую возможность обмана. Въ этомъ читатель сейчасъ убѣдится самъ. Но г. Цёлльнеръ не безъ основанія заговорилъ объ обманѣ. Онъ зналъ что это тотъ конекъ, на которомъ гг. скептики ѣздятъ постоянно, даже и тамъ, гдѣ дорога ихъ расходится со здравою логикой. Съ другой стороны, г. А. В. Г. не знаетъ повидимому того, что его фраза «онъ (Цёлльнеръ) могъ бы тогда убѣдить» и проч. совершенно не прилагается къ только-что упомянутымъ скептикамъ. Я не рискую ошибиться, предсказывая, что теперешнее изложеніе подробностей, доказывающее, что «всякая возможность обмана» была устранена, ни на шагъ не подвинетъ этихъ скептиковъ къ признанію реальной истины; я не буду даже удивленъ, если самъ критикъ нашъ окажется въ ихъ числѣ.

VII.

Вотъ что пишетъ г. Цёлльнеръ (*Wissenschaftliche Abhandlungen*, т. II, стр. 213 и слѣд.): «Я позволилъ себѣ сообщить въ концѣ перваго тома моихъ *Научныхъ статей* физическій *фактъ*, который *необъяснимъ* съ точки зрѣнія *существующихъ* воззрѣній, подтверждавшихся до сихъ поръ опытомъ. Въ то же время я старался, идя по пути Канта, Гаусса и Риманна переработать и *дополнитъ* наши теперешнія понятія, такъ чтобы по этимъ *дополненнымъ* улучшеннымъ понятіямъ *наблюдаемое* на дѣлѣ перестало казаться *невозможнымъ* и *невѣроятнымъ*. Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ объ устраненіи *ограниченности въ понятіяхъ* моихъ современниковъ товарищей по наукѣ, и о томъ чтобъ успѣхи знанія и мысли не были стѣсняемы *унаслѣдованными*

предразсудками, то я позволяю себѣ для легчайшаго достиженія этой цѣли сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній, относящихся къ условіямъ, подъ которыми произошли описанные мною четыре узла на простой (не двойной) нити съ припечатанными концами.

«Толщина новой и крѣпкой, купленной мною самимъ, пеньковой бичевки была около одного миллиметра; длина прежде завязки на ней узловъ—148 сант.; слѣдовательно взятая вдвое со связанными вмѣстѣ концами бичевка была длиною 74 сантиметра. Концы ея до наложенія печати были связаны вмѣстѣ обыкновеннымъ узломъ и выходящіе за узелъ кончики, длиною около $1^1/_2$ сантиметра, положены на кусокъ бумаги и припечатаны на немъ крѣпко обыкновеннымъ сургучомъ, такъ что узелъ оставался видимымъ близъ края печати, имѣвшей почти круглую форму. Потомъ, бумага около сургуча была обрѣзана...

«Описанное запечатываніе *моею* собственною печатью *двухъ* такихъ бичевокъ происходило вечеромъ 16-го декабря 1877 года въ 9 часовъ, въ *моей* квартирѣ, на глазахъ у нѣсколькихъ друзей и товарищей. Печатаніе произведено *мною самимъ* и притомъ *въ отсутствіи* г. Слэда. Двѣ другія подобныя бичевки такихъ же размѣровъ были запечатаны утромъ 17-го декабря въ $10^1/_2$ часовъ Вильгельмомъ Веберомъ въ *его* квартирѣ и *его* печатью» [1]). Съ этими четырьмя запечатанными бичевками я пошелъ въ недалеко отстоящую квартиру одного изъ моихъ друзей, который былъ настолько любезенъ, что принялъ въ свой домъ Слэда, какъ гостя, на

[1]) Знаменитый физикъ Вильгельмъ Веберъ есть то лицо, о которомъ г. Цёлльнеръ въ первомъ томѣ своего изданія сказалъ, что «имя его внесено неизгладимыми чертами и золотыми буквами въ лѣтописи естествознанія».

восемь дней, для того чтобы, не допуская до него публики, предоставить его въ интересѣ науки въ распоряженіе мое и моихъ товарищей.

«Засѣданіе произошло *немедленно* по моемъ прибытіи въ квартиру упомянутаго моего друга. Изъ четырехъ запечатанныхъ бичевокъ я выбралъ одну самъ и чтобы не терять ея изъ глазъ покамѣстъ мы не сѣли за столъ, повѣсилъ ее себѣ на шею, такъ что печать находилась спереди у меня на груди и была мнѣ постоянно видна; въ продолженіи засѣданія, въ которомъ Слэдъ сидѣлъ у меня съ лѣвой стороны, я во все время видѣлъ печать *безъ измѣненія* предъ собой; руки Слэда были *постоянно* хорошо видимы; лѣвою рукой (лежавшей, какъ видно изъ прежняго описанія, на рукахъ г. Цёлльнера) онъ часто хватался за лобъ, жалуясь на боль, а правою держалъ подъ краемъ стола маленькую случайно находившуюся въ комнатѣ деревянную дощечку. Хотя свѣсившаяся подъ столъ часть бечевки, лежавшая на моихъ колѣнахъ, и не была мнѣ видна, но руку Слэда, державшую дощечку, я видѣлъ постоянно *во все время*.

«Исчезновенія или измѣненія вида рукъ Слэда я не замѣчалъ. Самъ онъ производилъ совершенно *пассивное* впечатлѣніе, такъ что мы не можемъ думать, чтобы Слэдъ завязалъ узлы при участіи своей собственной *сознательной* воли, но должны принять что, въ *его присутствіи*, при указанныхъ условіяхъ, въ комнатѣ, освѣщенной *полнымъ дневнымъ свѣтомъ* и безъ *видимаго* прикосновенія Слэда къ бичевкѣ, на ней *произошли* узлы. Судя по опубликованнымъ по настоящее время извѣстіямъ, такой опытъ въ присутствіи Слэда удался и въ Вѣнѣ, хотя подъ условіями менѣе строгими. Тѣмъ изъ читателей, которые желали бы знать и о другихъ, про-

исходившихъ въ присутствіи Слэда физическихъ явленіяхъ, я позволю себѣ указать на слѣдующія двѣ брошюры: *Mr. Slade's Aufenthalt in Wien* (Wien. J. C. Fischer u. Comp. 1878). *Der Individualismus im Lichte der Biologie und Philosophie der Gegenwart*, von Lazar B. Hellenbach (Wien. Braumüller, 1878). Описаніе дальнѣйшихъ опытовъ, которые удались мнѣ со Слэдомъ въ продолженіи *двѣнадцати* засѣданій, будетъ сообщено мною ниже. Опыты эти происходили въ присутствіи моихъ коллегъ и друзей Фехнера, Вильгельма Вебера и Шейбнера, и я уполномоченъ положительно заявить объ этомъ.

«Да позволено мнѣ будетъ сдѣлать теперь нѣсколько замѣчаній относительно тѣхъ, которые безуспѣшно стараются уничтожить одними *разсужденіями* и *теоретическими доводами* физическій *фактъ*, котораго они не наблюдали ни во время его *совершенія*, ни въ *завершенномъ видѣ*. Такихъ людей не мало, особенно между натуралистами хоть бы и такими, которые по справедливости смотрятъ свысока на діалектику Гегеля. Извѣстно, что въ тотъ самый годъ, когда Пьяцци открылъ *первую* изъ малыхъ планетъ, Гегель, основываясь на *философскихъ* началахъ, старался доказать a priori *невозможность* существованія планетъ между Юпитеромъ и Марсомъ. Упомянутые естествоиспытатели не замѣчаютъ, что они по отношенію къ вполнѣ доказанному факту, каковъ приведенный выше, играютъ ту же самую роль, какую Гегель занималъ по отношенію къ малымъ планетамъ, которыхъ нынѣ, по прошествіи 77 лѣтъ, мы знаемъ не менѣе 178.

«Еслибы *послѣ* сдѣланнаго Пьяцци перваго января 1801 г. открытія, твердо установившаго *фактъ*, вдругъ были уничтожены всѣ зрительныя трубы, еслибы всѣ

оптики въ мірѣ разучились дѣлать зрительныя трубы такой силы, какая нужна для наблюденія малыхъ планетъ, то *фактъ*, установленный Пьяцци, не былъ бы этимъ устраненъ. *Вѣрили* или *не вѣрили* бы астрономы факту, это было бы важно не для природы, а развѣ только для Гегеля, пристыженнаго тѣмъ, что *точнымъ* наблюденіемъ констатированъ фактъ, считавшійся имъ a priori невозможнымъ. Совершенно такъ же и фактъ, наблюденный мною и подтвержденный перворазрядными изслѣдователями, будетъ стоять твердо, независимо отъ того, повторится *ли* онъ и будетъ ли подтвержденъ снова; онъ останется, хотя бы даже г. Слэдъ въ будущемъ превратился въ фокусника и обманщика. Подлежать спору можетъ *только* степень довѣрія, котораго заслуживаютъ наблюдатели, и ихъ способность производить точныя наблюденія. Наблюдатели эти полнымъ вѣсомъ своего имени ручаются за условія, при которыхъ упомянутые четыре узла произошли на безконечной нити. Тѣ, которые оспариваютъ этотъ фактъ, видѣнный мною и моими друзьями, ссылаются на простой или такъ-называемый *здравый* человѣческій разсудокъ, значитъ приписываютъ этотъ драгоцѣнный даръ въ гораздо большей степени себѣ, чѣмъ мнѣ и моимъ друзьямъ, ибо позволяютъ себѣ судить о явленіяхъ ими *вовсе не наблюдавшихся*, о существованіи которыхъ они узнали только путемъ *историческимъ* по моимъ заявленіямъ въ печати. О такихъ «людяхъ науки» уже 95 лѣтъ тому назадъ высказано мнѣніе Э. Кантомъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Они изобрѣли удобное средство отрицать безъ наблюденій, а именно ссылку на здравый разсудокъ»... «Это одно изъ ловкихъ изобрѣтеній новаго времени, при которомъ пустѣйшій болтунъ можетъ помѣряться съ

самою основательною головой»... «Говоря по правдѣ такая аппелляція (къ здравому разсудку) есть въ сущности не что иное какъ ссылка на приговоръ *массы*,— на одобреніе отъ котораго *философъ краснѣетъ*»...

Въ упоминаемыхъ г. Цолльнеромъ людяхъ, судящихъ на основаніи такъ называемаго «здраваго разсудка» о томъ, чего «сами они не видѣли», разумѣется, нѣтъ никогда недостатка. Но дѣло въ томъ, что такіе люди вводятъ въ заблужденіе другихъ; они ставятъ иногда въ ложное положеніе и тѣхъ, которые искренно и серьезно относятся къ вопросу. Таковъ у насъ примѣръ г. Ливчака, а въ Германіи гг. ученыхъ Христіани и Прейера.

Г. Ливчакъ, прочитавъ мою статью «*четвертое измѣреніе*» и проч., «предположилъ, что кажущійся фактъ завязыванія есть не что иное, какъ результатъ остроумной технической операціи» (*Новое Время* 1869 г. января 25, № 1045). Предположеніе это породило способъ, въ которомъ,—надо сознаться,—я не вижу ничего остроумнаго. Остроумно въ немъ развѣ то, что г. Ливчакъ, окруживъ свое quasi-открытіе нѣкоторою таинственностью и научною напыщенностью, заставилъ говорить о себѣ. Онъ отозвался, что «*этотъ опытъ требуетъ довольно значительныхъ умственныхъ усилій*» (см. письмо Н. П. Вагнера въ *Новомъ Времени* 1879 г. февраля 7, № 1058) и обѣщалъ со временемъ, чрезъ нѣсколько недѣль, объяснить свой методъ. Время это быть можетъ и до сихъ поръ еще не настало бы, но я, прождавъ нѣсколько мѣсяцевъ, счелъ нелишнимъ пригласить г. Ливчака къ обѣщанному разъясненію. Мы, интересующіеся медіумическими явленіями, догадывались и прежде, что г. Ливчакъ просто разрываетъ на время веревку, разсучивая ея волокна и дѣлая ее такимъ образомъ на время изъ безконечной простою двухконеч-

ною, а потомъ, завязавъ узлы, снова сращиваетъ разорванное мѣсто; А. Н. Аксаковъ даже самъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ съ успѣхомъ произвелъ эту операцію. Мы узнали теперь изъ письма г. Ливчака, что наша догадка была вѣрна: хотя увѣреніе въ необходимости усиленной умственной работы для произведенія опыта и очень мало гармонируетъ съ нею. Если бы г. Ливчакъ, прочитавъ мою статью, тотчасъ пояснилъ съ самаго начала какимъ способомъ по его мнѣнію дѣлаетъ узлы Слэдъ, то это было бы вполнѣ естественно; но г. Ливчакъ предпочелъ устроить мистификацію, оставшуюся не безъ успѣха. М. Ѳ. Достоевскій заявилъ объ узлахъ г. Ливчака (*Новое Время* 1878 г. марта 27 дня, № 746), думая, что онъ, Ливчакъ, «разрѣшилъ задачу г. Цолльнера и Слэда» и что этимъ «кое-что разъясняется». Н. А. Головкинскій въ своей статьѣ счелъ нужнымъ серьезно упомянуть (въ примѣчаніи) о томъ, что «Ливчакъ нашелъ способъ фактически завязывать узлы на безконечномъ снуркѣ». Наконецъ одинъ глубокоученый математикъ лично говорилъ мнѣ, что нельзя оспаривать возможности открытія г. Ливчакомъ серьезнаго метода завязки узловъ, такъ какъ «геометрія положеній» разработана еще крайне мало. Едва ли всѣ они останутся теперь довольны г. Ливчакомъ, въ лицѣ котораго, наконецъ, «гора разрѣшилась мышью».

Г. Ливчакъ, правда, заявилъ, Н. П. Вагнеру, что онъ не берется завязать узлы при такихъ условіяхъ, при которыхъ наблюдалъ ихъ появленіе г. Цолльнеръ. Но помимо того, мы теперь знаемъ, что у г. Цолльнера въ присутствіи Слэда происходили узлы и на такихъ «нитяхъ», которыя нельзя разрывать на время и сращивать снова—и при такихъ условіяхъ гдѣ возможность обмана также была вполнѣ устранена (*Wissenschaftl.*

Abh. II, стр. 912). Вотъ въ чемъ состоялъ этотъ опытъ г. Цöлльнера:

«Двѣ полосы, вырѣзанныя изъ мягкой кожи, длиною въ 44 сант. и въ 5—10 милл. ширины, были мною (Цöлльнеромъ) связаны и запечатаны такъ же, какъ это описано выше для бечевки. Эти двѣ замкнутыя полосы кожи положены были по одиночкѣ на столъ, за которымъ мы сидѣли. Потомъ я сложилъ ихъ вмѣстѣ и прикрылъ моими обѣими руками, какъ это изображено на фотографическомъ снимкѣ (рисунокъ этотъ приложенъ къ книгѣ г. Цöлльнера). Слэдъ, сидѣвшій у меня слѣва, по временамъ клалъ свою правую руку тихонько на мои руки, между тѣмъ какъ я во все время ощущалъ присутствіе обѣихъ кожаныхъ полосъ подъ моими руками. Слэдъ утверждалъ, что онъ видитъ свѣтъ надъ моими руками и чувствуетъ прохладный вѣтеръ. Вѣтеръ этотъ чувствовалъ и я, но свѣта не видѣлъ. Въ то время какъ я снова почувствовалъ на моихъ рукахъ прохладное вѣяніе въ довольно сильной степени и въ то время какъ руки Слэда, не касаясь моихъ рукъ, были удалены отъ нихъ на 2 или 3 дециметра, я почувствовалъ явственно движеніе обѣихъ кожаныхъ полосъ подъ моими руками. Вслѣдъ затѣмъ въ столѣ раздались три удара, и когда я отнялъ свои руки, то обѣ кожаныя полосы, бывшія прежде отдѣльными одна отъ другой, оказались связанными такъ какъ это изображено на снимкѣ... Время, въ теченіе котораго кожаныя полосы оставались подъ моими руками, составляло не болѣе трехъ минутъ».

На рисункѣ видно ясно, что на каждой изъ двухъ кожаныхъ полосъ завязано по два узла и узлы одной полосы пропущены сквозь узлы на другой...

Неизвѣстно что́ скажутъ теперь гг. Прейеръ и Хри-

стіани. Вѣроятно, по обычаю скептиковъ, доходящихъ до ослѣпленія, они или станутъ игнорировать сообщенное г. Цöлльнеромъ, или провозгласятъ его самого незаслуживающимъ довѣрія и безнадежнымъ. Прежде, когда появился только еще первый томъ *Научныхъ статей* г. Цöлльнера, они, подобно нашему критику г. А. В. Г., приняли на себя роль спасителей человѣчества отъ заблужденій и предразсудковъ, причемъ на долю Христіани выпало преимущественно спасеніе ученаго міра.

Г. Христіани, ассистентъ по части физики при Берлинскомъ физіологическомъ институтѣ, издавна съ любовью занимался фокусничествомъ. Принявшись за подражаніе нѣкоторымъ явленіямъ, происходившимъ въ присутствіи Слэда, онъ явился въ Лейпцигъ со своимъ коллегой, другимъ ассистентомъ того же института по части вивисекцій, г. Кронеккеромъ. Объ ихъ подвигахъ, совершенныхъ въ Лейпцигѣ, разсказываются г. Цöлльнеромъ интересныя вещи.

Нельзя не сознаться, что въ этомъ случаѣ огромное преимущество оказывается на сторонѣ нашего техника г. Ливчака. Г. Ливчакъ чистосердечно думалъ, что завязываетъ узлы по способу Слэда и не менѣе чистосердечно сознался, что не можетъ завязать ихъ при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ произошли опыты г. Цöлльнера. Христіани же отнесся къ дѣлу не такъ прямо и просто. Онъ, очевидно, понималъ, что грубымъ подражаніемъ не опровергнетъ наблюденій г. Цöлльнера. Онъ не былъ проникнутъ искреннимъ, чистосердечнымъ желаніемъ разъяснить то что считалъ заблужденіемъ; иначе онъ поспѣшилъ бы явиться къ гг. Цöлльнеру, Веберу, Фехнеру, Шейбнеру, чтобы доказать имъ на дѣлѣ ошибочность ихъ наблюденій. Но ничего не бывало. О присут-

ствіи въ Лейпцигѣ гг. берлинскихъ ассистентовъ, «фокусника и вивисектора» (prestidigitateur и vivisecteur,—такъ квалифицируетъ ихъ г. Цёлльнеръ), сдѣлалось извѣстнымъ г. Цёлльнеру лишь случайно, въ то время когда гг. Христіани и Кронеккеръ уже собирались уѣхать, отличившись въ фокусахъ предъ нѣкоторыми лейпцигскими профессорами. Дѣло въ томъ, что гг. ассистенты хлопотали не объ истинѣ: «Умыселъ другой тутъ былъ». Имъ надо было скомпрометтировать г. Цёлльнера и заставить нѣкоторыхъ другихъ повѣрить, что г. Цёлльнеръ и его товарищи по наблюденіямъ грубо ошиблись. Невольно вспоминаешь нашу коммисію отъ Физическаго Общества, у которой вся задача также явно сводилась не къ серьезному исканію правды, а къ уличенію медіумовъ и еретиковъ-собратовъ.

Хотя Христіани и Кронеккеръ ничего не сдѣлали для того, чтобы разубѣдить гг. Цёлльнера, Вебера, Фехнера и Шейбнера и ничѣмъ не доказали, чтобъ ихъ фокусы походили на явленія, наблюдавшіяся этими учеными въ присутствіи Слэда, но это не помѣшало гг. ассистентамъ протрубить полную побѣду такъ громко, что отголоски ея дошли и до Петербурга и нашли здѣсь, разумѣется въ извѣстныхъ кругахъ, почву достаточно благопріятную для того, чтобы пустить корни и разростись.

Вотъ что разсказываетъ г. Цёлльнеръ (*Wissenschaftliche Abhandlungen*, т. 2, стр. 1091 и слѣд.): «9 марта 1878 года, зайдя предъ обѣдомъ къ Вильгельму Веберу для того чтобы вмѣстѣ съ нимъ идти гулять, я узналъ новость, а именно: три дня тому назадъ оба ассистента новаго Берлинскаго физіологическаго института—д-ръ Христіани, ассистентъ по физикѣ, и профессоръ д-ръ Кронеккеръ, ассистентъ по части вивисекцій,—находятся

въ Лейпцигѣ и съ изяществомъ показываютъ всѣ опыты, сдѣланные Слэдомъ. Профессоръ Брауне также сообщилъ мнѣ объ этомъ, прибавивъ, что онъ, какъ «другъ», считаетъ своимъ долгомъ обратить на это мое вниманіе, такъ какъ мнѣ скоро будетъ доказано, что Слэдъ просто обманулъ насъ. Вильгельма Вебера приглашали присутствовать при фокусахъ Христіани и Кронеккера, но онъ съ глубокимъ негодованіемъ прямо отказался отъ этого приглашенія. Далѣе, мнѣ было сообщено, что уже на слѣдующій день, въ воскресенье 10 марта, оба названные господина собираются оставить Лейпцигъ, и я долженъ, поэтому, торопиться, если хочу самъ быть свидѣтелемъ опытовъ гг. Христіани и Кронеккера.

«Сильно удивленный этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, я спросилъ моего коллегу Брауне: можетъ ли д-ръ Христіани сдѣлать также и опытъ съ завязываніемъ узловъ на безконечной бечевкѣ? «Разумѣется», отвѣчалъ тотъ; а нѣсколько времени спустя, дочь одного изъ моихъ товарищей утверждала, что она выучилась опыту съ узлами и легко умѣетъ завязать четыре узла на бечевкѣ съ запечатанными концами. Я отвѣчалъ моему коллегѣ на его увѣреніе, что въ такомъ случаѣ д-ръ Христіани *медіумъ* и въ то же время *обманщикъ*, потому что онъ выдаетъ себя предъ публикой за фокусника, будто бы умѣющаго производить опыты Слэда по произволу и *сознательно*. Я прибавилъ что, впрочемъ, не пойду *безъ* приглашенія и зова къ г. Христіани, потому что и общественное приличіе и его намѣреніе освободить меня отъ заблужденія, въ которое я впалъ, непремѣнно требуютъ, если только намѣреніе это честное, чтобы г. Христіани *первый* пришелъ *ко мнѣ*».

Далѣе г. Цёлльнеръ разсказываетъ, что переговоривъ съ Вильгельмомъ Веберомъ, онъ тѣмъ не менѣе рѣшился

видѣть Христіани для того чтобы не предположили, что онъ избѣгалъ свиданія. Г. Цёлльнеръ обратился къ профессору гражданскаго и уголовнаго права—Ваху, и попросилъ его идти вмѣстѣ на свиданіе съ Христіани, послѣ того какъ Вахъ предварительно самъ приготовилъ бечевку съ припечатанными концами. Вмѣстѣ съ Вахомъ г. Цёлльнеръ отправился потомъ къ извѣстному хирургу, профессору Тиршу, и пригласилъ его также присутствовать при опытѣ. Г. Тиршъ охотно согласился и тотчасъ же написалъ дружеское письмо д-ру Христіани, въ которомъ просилъ его назначить часъ, въ который можно быть свидѣтелями его удивительныхъ опытовъ. Гг. Цёлльнеръ и Вахъ остались ждать отвѣта у г. Тирша. Оказалось, что посланный не засталъ гг. Христіани и Кронеккера, но узналъ, что въ 8 часовъ вечера они непремѣнно будутъ въ ресторанѣ, находящемся рядомъ съ квартирою г. Тирша. «Мы порѣшили тогда», говоритъ далѣе г. Цёлльнеръ, «отдать письмо туда съ прибавкою нѣсколькихъ строкъ отъ профессора Тирша, которыми пояснялось, что въ 8 часовъ я буду ждать д-ра Христіани у г. Тирша или могу, пожалуй, самъ придти въ ресторанъ. Въ ресторанѣ *мною лично* велѣно было отдать письмо д-ру Христіани, какъ только онъ явится туда. Сверхъ того, г. Тиршъ написалъ еще особо другое письмо къ одному изъ друзей г. Христіани, въ домѣ котораго жилъ Христіани въ Лейпцигѣ; въ этомъ письмѣ онъ просилъ сообщить, будетъ ли г. Христіани согласенъ на наше предложеніе». Когда г. Цёлльнеръ вечеромъ ровно въ 8 часовъ снова явился къ коллегѣ Тиршу, тотъ съ улыбкою подалъ ему письмо. Въ немъ говорилось о разныхъ причинахъ, по которымъ на письмо г. Тирша нельзя было дать отвѣта ранѣе, и о томъ, что г. Христіани уже обѣщалъ провести

этотъ вечеръ съ нѣкоторыми друзьями Кронеккера, а завтра утромъ рано долженъ уѣхать въ Берлинъ.

«Несмотря на это уклончивое письмо», замѣчаетъ г. Цöлльнеръ, «я оставался въ ожиданіи у коллеги Тирша до 10 часовъ вечера, но оба фокусника г. Дюбуа-Реймона, профессоръ Гуго-Кронеккеръ и д-ръ Христіани, не появлялись. Они очевидно нашли благодарную публику для своихъ фокусовъ у тайнаго совѣтника Людвига и его учениковъ, и сочли излишнимъ къ своимъ лаврамъ, собраннымъ предъ столь «избранною» публикой, прибавлять еще новые».

И не мудрено, что гг. ученые фокусники поступили такъ. Оказалось, что узлы находились у нихъ на бечевкѣ подготовленными еще до припечатанія ея концовъ, и потомъ только передвигались на новое мѣсто (*Wissenschaftliche Abhandlungen*, т. 2, стр. 905). Къ этому поясненію г. Цöлльнеръ прибавляетъ: «что такая грубая манипуляція была навязана г. Христіани лейпцигской публикѣ, при помощи профессоровъ Лейпцигскаго университета, и названа «объясненіемъ», это доказываетъ только легковѣріе «образованной» публики въ области физическихъ явленій».

Провозглашеніе побѣды г. Христіани предъ публикой не научною взялъ на себя г. Прейеръ, профессоръ физіологіи Іенскаго университета. Онъ напечаталъ въ журналѣ *Deutsche Rundschau* (1878 года, октябрь, № 1-й, стр. 75) статью о магнетизмѣ и медіумизмѣ, въ которой проводится обычный взглядъ гг. отрицателей: магнетизмъ — шарлатанство и заблужденіе; наблюденія Рейхенбаха надъ одомъ [1])—самообманъ; медіумизмъ—

---

[1]) Такъ названа Рейхенбахомъ тончайшая все проникающая среда, носительница особой силы.

вздоръ и пустяки. Въ честности Рейхенбаха (химика, открывшаго, между прочимъ, общеизвѣстные парафинъ и креозотъ), въ благородствѣ его характера Прейеръ не находитъ возможнымъ сомнѣваться и думаетъ, что Рейхенбахъ не могъ сознательно распространять заблужденіе, но «самъ подвергся заблужденію». Прейеръ указываетъ на брошюрку Фехнера объ одѣ, появившуюся въ Лейпцигѣ въ 1878 году, въ которой Фехнеръ разсказываетъ, между прочимъ, какъ Рейхенбахъ сдѣлалъ его, Фехнера, и тогдашняго лейпцигскаго профессора химіи, извѣстнаго Эрдманна, свидѣтелями несомнѣннаго дѣйствія человѣческаго организма на магнитную стрѣлку [1]).

Прейеръ думаетъ, что это наблюденіе, стоящее особнякомъ, можно пока оставить въ покоѣ и ждать, когда оно повторится, слѣдуя при этомъ отличному правилу самого Фехнера, сказавшаго, что «въ невѣріи надобно быть столь же осторожнымъ, какъ и въ вѣрѣ».

Интересно знать какъ отнесутся теперь г. Прейеръ и ему подобные къ подтвержденію наблюденія Рейхенбаха, Фехнера и Эрдманна новыми наблюденіями г. Цёлльнера, сдѣланными вмѣстѣ съ тѣмъ же Фехнеромъ и знаменитымъ Вильгельмомъ Веберомъ надъ вліяніемъ организма Слэда на магнитную стрѣлку (*Wiss. Abhandl.* т. II, стр. 330). По всей вѣроятности, это «повторенное наблюденіе» будетъ игнорироваться или отвергаться, подобно тому какъ отвергаются *безпрестанно повторяющіяся* наблюденія надъ различными другими медіумическими явленіями. Вѣдь они подтверждаются не двумя и тремя, но множествомъ свидѣтелей, заслужи-

---

[1]) Дѣйствіе это, принадлежащее, по Рейхенбаху, извѣстнымъ организмамъ, «сенситивамъ» (повидимому нынѣшнимъ медіумамъ), было наблюдаемо въ этомъ случаѣ надъ одной дамой, г-жой Руфъ.

вающихъ довѣріе; но это не мѣшаетъ гг. Прейеру, А. В. Г, Шкляревскому, Христіани и множеству другихъ отвергать ихъ.

Бернскій профессоръ Максимиліанъ Перти (авторъ книги *Die Mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur* [1]), добавленія къ этому сочиненію подъ названіемъ *Der jetzige Spiritualismus* [2]) и другихъ научныхъ сочиненій) помѣстилъ замѣтку о статьѣ Прейера въ журналѣ *Psychische Studien* (1879 года, № 1, стр. 28). Въ замѣткѣ этой онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Прейеру хотѣлось бы объявить спиритуализмъ легкомысленнымъ заблужденіемъ. Онъ считаетъ, что гг. Уоллесъ, Круксъ, Бутлеровъ, Цёлльнеръ не распознали обмана, а между тѣмъ сейчасъ видно, что онъ самъ ровно ничего не знаетъ [3]) объ ихъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ, сдѣланныхъ со всею тщательностію, исключающею всякій обманъ. Человѣкъ науки, какимъ мы считаемъ г. Прейера, несмотря на его заблужденіе въ этомъ дѣлѣ, не могъ бы судить столь превратно, еслибъ онъ сколько-нибудь ознакомился съ тѣмъ, что происходитъ въ области спиритуализма».

Прейеръ отвергаетъ впрочемъ даже и явленія животнаго магнетизма, про который уже Шопенгауеръ, склонный вообще скорѣе къ отрицанію чѣмъ къ допу-

---

[1]) Второе изданіе этой книги вышло (у книгопродавца Винтера въ Лейпцигѣ и Гейдельбергѣ) въ 1872 году. Эпиграфъ книги — слова св. Іеронима—даетъ понятіе объ ея направленіи: «Multa memorabilia reperies et non verosimilia, nihilominus tamen vera».

[2]) Издано въ 1877 году.

[3]) Рекомендую г. А. В. Г. познакомиться съ названными сочиненіями Перти, если только г. А. В. Г. хочетъ сколько-нибудь серіозно отнестись къ предмету, о которомъ взялся говорить печатно.

щеніямъ безъ критики, сказалъ: «Тотъ кто отрицаетъ нѣкоторые факты животнаго магнетизма и ясновидѣнія, долженъ считаться не *невѣрующимъ*, а *незнающимъ*». (См. брошюру Genzel'я *Spiritische Geständnisse eines evangelischen Geistlichen*, стр. 10). «Придетъ время», сказалъ тотъ же философъ, «когда философія и животный магнетизмъ (теперь надо прибавить: въ особенности же медіумизмъ) и безпримѣрно преуспѣвшія во всѣхъ отрасляхъ своихъ естественныя науки такимъ яркимъ свѣтомъ освѣтятъ другъ друга, что откроются истины, о которыхъ и мыслить не дерзали (*Русскій Вѣстникъ*, 1876 года, январь, стр. 465).

Съ какимъ легкомысліемъ и самомнѣніемъ отнесся Прейеръ къ вопросу, видно изъ окончанія его статьи. Прейеръ сообщаетъ письмо, полученное имъ отъ г. Христіани, гдѣ тотъ увѣряетъ, что «знающій (фокусы) всегда будетъ въ состояніи, во-первыхъ, повторить подобныя вещи (медіумическія явленія) съ тѣмъ же успѣхомъ... во-вторыхъ, не допустить, чтобъ онѣ могли быть показаны въ его присутствіи и сдѣлать чтобъ иллюзія, ими производимая, превратилась въ смѣшное ничтожество, если бы вздумали принять ее за что-нибудь нешуточное» [1]) (*Deutsche Rundschau* 1878, № 1-й, стр. 92). Мы видѣли выше, какъ мало добросовѣстности по отношенію къ медіумизму выказалъ г. Христіани и какъ онъ поспѣшилъ уклониться, когда представился ему случай подтвердить на дѣлѣ высказываемыя имъ

---

[1]) Кстати замѣтить, что настоящій профессіональный фокусникъ Беллакини совсѣмъ не того мнѣнія, какъ г. Христіани. Онъ выдалъ Слэду *нотаріальное* свидѣтельство, въ которомъ говорится, между прочимъ, что «объясненіе фокусничествомъ опытовъ происходившихъ при данныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ абсолютно невозможно» (*Wiss. Abh.* т. 2, стр. 218).

теперь убѣжденія, но это не помѣшало г. Прейеру обратиться къ поборникамъ медіумизма со слѣдующею аллокуціей: «что̀ скажутъ теперь спириты послѣ этихъ разъясненій? Если они не будутъ обращены, а лучшаго средства, по моему мнѣнію, и быть не можетъ, то они скажутъ: г. Христіани дѣлаетъ все прекрасно, и это удивительно, но ему возможно это только потому, что онъ самъ медіумъ и находится въ прямыхъ сношеніяхъ съ духами. Еще болѣе странный отвѣтъ былъ бы таковъ: хотя берлинцы и показываютъ намъ тѣ же самыя непонятныя вещи, какъ медіумы, хотя ихъ опыты идутъ такъ же гладко и изящно, какъ у заклинателей духовъ, но огромная разница заключается въ томъ, что физіологи получаютъ эти результаты другимъ путемъ, а именно: безъ помощи духовъ, и слѣдовательно существованіе послѣднихъ этимъ не опровергается».

«Кто разсуждаетъ такъ, тому ужъ, конечно, не поможешь».

Эта выходка г. Прейера, побудила меня напечатать въ *Psychische Studien* (1879 года, № 1-й, стр. 22) письмо къ издателю, которое я приведу здѣсь почти цѣликомъ:

«Только недавно случилось мнѣ узнать о статьѣ г. В. Прейера: *Der thierische Magnetismus und der Mediumismus einst und jetzt*. Въ концѣ ея авторъ ставитъ спиритамъ вопросъ, и такъ какъ мое имя тоже упомянуто тамъ, то я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ».

«Вопросъ г. Прейера гласитъ: «что̀ скажутъ спириты на эти разъясненія», то-есть на разъясненія, заключающіяся въ письмѣ доктора Христіани. Г. Прейеръ пытается тутъ же на поставленный имъ самимъ вопросъ дать два отвѣта, которые, по его мнѣнію, могутъ быть

ожидаемы отъ спиритовъ. Еслибъ эти отвѣты были правильны, то спириты избавились бы отъ труда отвѣчать, но тогда необходимо измѣнился бы и взглядъ г. Прейера на значеніе «разъясненій» г. Христіани».

«Тѣ отвѣты, которые г. Прейеръ позволяетъ себѣ приписать спиритамъ, приводятъ меня прежде всего *къ вопросу:* неужели г. Прейеръ думаетъ, что имѣетъ дѣло съ дѣтьми? Неужели въ данномъ случаѣ онъ настолько потерялъ чувство мѣры и здравомысліе, что можетъ серьезно предполагать *подобные* отвѣты? Вѣдь правильный отвѣтъ стоитъ въ письмѣ самого г. Христіани. Тамъ говорится: «производитель магическихъ чудесъ никогда не допуститъ своихъ зрителей до совершенно свободнаго распоряженія условіями и до знакомства со всѣми подробностями опыта; онъ всегда остается господиномъ положенія и произвольно распоряжается всѣми присутствующими». Разумный наблюдатель медіумическихъ явленій считаетъ, напротивъ, только то серьезнымъ и убѣдительнымъ, что̀ видитъ подъ условіями, при которыхъ онъ вполнѣ сознаетъ, что «господиномъ положенія» состоитъ *онъ самъ*, а не кто-либо другой.

«Если г. Христіани способенъ всегда оставаться «господиномъ положенія», то пусть идетъ онъ къ серьезнымъ наблюдателямъ и повторитъ предъ ними свои опыты. Тѣ, которые, подобно г. Прейеру и самому г. Христіани, уже заранѣе имѣютъ готовый приговоръ, конечно, не могутъ считаться серьезными наблюдателями. А когда дѣло дошло до того, чтобы появиться предъ наблюдателями дѣйствительно серьезными, профессорами Веберомъ, Цёлльнеромъ, Фехнеромъ и проч., то г. Христіани предпочелъ отступить. Что готовый приговоръ у гг. Прейера и Христіани былъ дѣйствительно въ

запасѣ, это ясно видно изъ словъ ихъ самихъ. Прейеръ говоритъ: «когда я услышалъ объ этихъ *заблужденіяхъ*, достойныхъ сожалѣнія, то *не сомнѣвался*, что здѣсь дѣло идетъ о весьма искусно производимыхъ фокусахъ». Д-ръ Христіани со своей стороны распространяется «объ уловкахъ фокусниковъ высшей школы, уловкахъ, *къ которымъ несомнѣнно принадлежатъ спиритическія явленія*». А далѣе тотъ же господинъ утверждаетъ, что «наукѣ даже нечего и бояться, чтобъ когда-либо, при разъясненіи спиритическихъ феноменовъ, ей пришлось обогатиться новыми силами природы». Онъ считаетъ себя стало-быть уже напередъ знающимъ предѣлы науки и желаетъ запретить природѣ обнаруживать намъ новыя силы. *Его* наука можетъ даже *чувствовать страхъ* предъ открытіемъ въ природѣ новыхъ силъ. Такая наука не нужна намъ. «Къ счастью», скажемъ мы за одно съ г. Прейеромъ, «тѣ свѣточи, которые зажигаются *истиннымъ* естествознаніемъ, разливаютъ свѣтъ неугасимый».

«По отношенію же ко всѣмъ заранѣе подготовленнымъ въ области естествознанія приговорамъ о новыхъ неизвѣстныхъ вещахъ мы тоже можемъ повторить слова г. Прейера: *кто такъ разсуждаетъ, тому ужъ не поможешь*»!

Г. Прейеръ найдетъ, разумѣется, тѣмъ не менѣе читателей и почитателей, потому что приводимыя г. Цёлльнеромъ слова Лихтенберга прилагаются и къ нашему времени: «Wir leben in einer Welt, wo ein Narr viele Narren, aber ein weiser Mann nur wenig Weise macht» (мы живемъ въ такомъ мірѣ, гдѣ дуракъ дѣлаетъ многихъ дураками, а умный лишь немногихъ умными) (*Wiss. Abhandlungen*, т. 2, стр. 932.)

VIII.

Кромѣ описанныхъ опытовъ надъ завязываніемъ узловъ на безконечной нити, г. Цöлльнеромъ сдѣланы и другіе интересные опыты и наблюденія. Приводимъ здѣсь сообщаемое г. Цöлльнеромъ описаніе наиболѣе рѣзкихъ изъ нихъ.

«9-го мая 1878 года, въ 7 часовъ вечера, я былъ со Слэдомъ одинъ въ той комнатѣ, гдѣ обыкновенно происходили наши засѣданія. Въ теченіе послѣобѣденнаго времени небо сдѣлалось чрезвычайно яснымъ подъ вліяніемъ вѣтра, такъ что комната, обращенная на западъ, была ярко освѣщена лучами заходящаго солнца. Два деревянныя кольца и кольцеобразный отрѣзокъ отъ кишки были надѣты на струну въ 1,05 м. длины и 1 милл. толщины. Концы струны завязаны были двойнымъ узломъ и припечатаны мною сургучомъ точно такъ же какъ это было сдѣлано и описано выше съ веревкой... Сѣвъ за столъ, какъ обыкновенно, со Слэдомъ, я крѣпко положилъ обѣ руки на верхнюю часть запечатанной струны. Маленькій круглый столикъ [1]), стоялъ около большаго стола, за которымъ мы сидѣли». (Все это пояснено въ книгѣ г. Цöлльнера рисунками и фотографическими снимками.) «Вскорѣ мы услышали у маленькаго круглаго столика, къ которому я былъ обращенъ лицомъ, звуки похожіе на удары кусковъ дерева одного о другой. Когда я спросилъ, должны ли мы прекратить сеансъ, то въ отвѣтъ послышались три такіе же звука. Мы встали, чтобы посмотрѣть причину этихъ звуковъ и, къ величайшему нашему удивленію, нашли,

[1]) Это былъ столикъ на круглой тумбочкѣ съ тремя ножками внизу. Вышина 77 сантиметровъ, ширина столешницы 46 сант., матеріалъ—березовое дерево и вѣсъ всего стола $4^1/_2$ килогр.

что оба деревянныя кольца, которыя еще минутъ шесть тому назадъ были надѣты на струну, находились теперь въ совершенно цѣльномъ состояніи надѣтыми на тумбу кругленькаго столика. На струнѣ оказались завязанными два трехмѣрные узла, въ которые продѣтъ былъ кольцеобразный отрѣзокъ отъ кишки, упомянутый выше» (*Wissenschaftliche Abhandlungen*, т. 2, стр. 927 и слѣд.).

Другое крайне странное явленіе произошло еще раньше этого съ тѣмъ же самымъ кругленькимъ столикомъ. Надобно замѣтить, что и прежде во время сеансовъ со Слэдомъ наблюдаемы были изчезновеніе и появленіе снова нѣкоторыхъ предметовъ, напр. книгъ. Такой случай виденъ былъ барономъ Гелленбахомъ въ Вѣнѣ и о немъ Гелленбахъ сообщилъ г. Цёлльнеру; потомъ и г. Цёлльнеръ вмѣстѣ съ другими лицами имѣлъ случай видѣть подобныя же явленія, но «6 мая, въ $11^{1}/_{4}$ часовъ утра, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, я былъ», говоритъ г. Цёлльнеръ, «совершенно внезапно и неожиданно свидѣтелемъ гораздо болѣе крупнаго явленія этой категоріи. Мы сѣли со Слэдомъ за столъ, по обыкновенію. Противъ меня стоялъ, какъ это было нерѣдко и въ другихъ случаяхъ, кругленькій столикъ [1])... Прошло около минуты съ того времени какъ мы сѣли и соединили наши руки, какъ вдругъ кругленькій столикъ началъ совершать медленныя качанія, что было ясно видно по движеніямъ его верхней доски, находившейся выше доски того стола, за которымъ мы сидѣли. Нижняя часть столика не была мнѣ видна. Движенія скоро сдѣлались сильнѣе, столикъ приблизился къ столу занятому нами, легъ на полъ, обратившись ко мнѣ нож-

---

[1]) Описанный выше (см. сноску).

ками, и задвинулся подъ столъ. Я не зналъ,—а повидимому также не зналъ и Слэдъ,—что изъ этого выйдетъ дальше, такъ какъ послѣ этого въ теченіе около минуты никакихъ дальнѣйшихъ явленій не происходило. Слэдъ собирался взяться за помощь аспидной доски, чтобы спросить своихъ «spirits» (духовъ), должны ли мы еще ожидать чего-нибудь, а я вздумалъ заглянуть подъ нашъ столъ, чтобъ увидѣть ближе положеніе кругленькаго столика, который я ожидалъ найти тамъ. Къ большому удивленію моему и самого Слэда, оказалось, что подъ столомъ ничего не было и нигдѣ въ комнатѣ не могли мы отыскать столика, котораго присутствіе тутъ еще за минуту предъ тѣмъ констатировалось нашими чувствами. Ожидая обратнаго появленія столика, сѣли мы снова къ прежнему столу, причемъ Слэдъ помѣстился рядомъ со мною... Такъ оставались мы въ теченіе 5—6 минутъ въ напряженномъ ожиданіи того, что произойдетъ, какъ вдругъ Слэдъ началъ увѣрять, что видитъ свѣтъ въ воздухѣ. Хотя я, по обыкновенію, ничего подобнаго не могъ замѣтить, однакоже невольно послѣдовалъ своимъ взоромъ въ томъ направленіи, въ которомъ смотрѣлъ Слэдъ, причемъ наши руки во все время оставались соединенными и лежащими на столѣ. Мое лѣвое колѣно прикасалось подъ столомъ почти по всей своей длинѣ къ правому колѣну Слэда, что необходимо обусловливалось близостью нашихъ мѣстъ, такъ какъ мы помѣщались на одной и той же сторонѣ стола. Глядя въ воздухъ по различнымъ направленіямъ все съ большимъ и большимъ удивленіемъ и какъ будто большею боязнью, Слэдъ спросилъ меня: неужели я не замѣчаю тамъ большаго свѣта? Я отвѣчалъ рѣшительнымъ отрицаніемъ, но въ то же время, слѣдя за взоромъ Слэда, повернулъ голову и бросилъ взглядъ на часть

потолка комнаты, находившуюся за моею спиной. Вдругъ въ это время, на высотѣ около 5 футовъ, я увидѣлъ въ воздухѣ столикъ, обращенный кверху ножками и быстро спускающійся къ намъ на столъ. Чтобы не быть задѣтыми падающимъ столикомъ мы невольно уклонились головами въ противоположныя стороны, Слэдъ налѣво, а я направо; но несмотря на это столикъ, прежде чѣмъ коснуться нашего стола, такъ больно ударилъ меня сбоку по головѣ, что боль на лѣвой сторонѣ головы чувствовалась мною еще четыре часа спустя послѣ этого происшествія».

«Только-что описанные *факты*, добытые наблюденіемъ, опровергаютъ, очевидно, *эмпирическій* догматъ неизмѣнности количества вещества въ *нашемъ трехмѣрномъ* мірѣ, доступномъ нашимъ чувствамъ. Но такъ какъ догматъ о сохраняемости вещества почерпаетъ свой *догматическій* характеръ не изъ опыта, а единственно только изъ началъ нашего сужденія, то нашему разуму является задача *освободиться* отъ противорѣчія, оказывающагося между результатами наблюденія и принципами мышленія. Въ первомъ томѣ этихъ статей я показалъ подробно, какъ просто разрѣшается эта задача допущеніемъ четвертаго измѣренія пространства. Вышеупомянутый столикъ, который исчезалъ на шесть минутъ, долженъ былъ *гдѣ-либо* находиться и количество вещества, изъ котораго онъ состоитъ, должно было, согласно упомянутому принципу, оставаться *абсолютно-постояннымъ*. Такъ какъ мы на вопросъ «гдѣ» можемъ отвѣчать только указаніемъ на *мѣсто* и такъ какъ въ то же время эмпирически доказано, что это мѣсто не находилось въ трехмѣрномъ пространствѣ доступномъ нашимъ чувствамъ, то отсюда необходимо вытекаетъ заключеніе, что тотъ привычный отвѣтъ на вопросъ «гдѣ», кото-

рый мы *до сихъ поръ* умѣли давать, оказывается *недостаточнымъ*, а слѣдовательно *требуетъ* расширенія и *способенъ* къ расширенію (*Wiss. Abh.*, т. 2, стр. 917 и слѣд.).

Первое возраженіе, которое сдѣлаютъ отрицатели противъ этихъ наблюденій, будетъ основываться, вѣроятно, на томъ, что въ сеансахъ присутствовалъ только одинъ г. Цёлльнеръ, и слѣдовательно исчезновеніе столика могло быть не реальнымъ фактомъ, а галлюцинаціей. Что же касается колецъ и струны, то они скажутъ, быть-можетъ, что г. Цёлльнеръ *могъ и не замѣтить*, какъ Слэдъ подмѣнилъ струну съ кольцами, какъ онъ разобралъ столикъ, надѣлъ кольца и снова собралъ и склеилъ рознятыя части Что же касается шестиминутнаго промежутка времени, въ который, по словамъ г. Цёлльнера, явленіе произошло, то это только показалось такъ г. Цёлльнеру, на дѣлѣ же прошло времени быть-можетъ вдесятеро болѣе и т. д. Допущеніе вѣрности наблюденія надъ исчезновеніемъ столика, дѣйствительно, зависитъ отъ степени довѣрія къ г. Цёлльнеру и слѣдовательно отъ личныхъ воззрѣній на него, но нельзя будетъ удивляться и тому, еслибы сдѣланы были относительно колецъ и струны возраженія въ родѣ приведенныхъ мною. Поборники медіумизма привыкли встрѣчать у своихъ противниковъ самыя фантастическія гипотезы. Нѣтъ такого нелѣпаго предположенія, которое не было бы ими допущено для того, чтобы дать объясненіе, называемое ими «естественнымъ». Они не замѣчаютъ, что и то, что для нихъ *сверхъестественно*, сдѣлается *естественнымъ*, какъ скоро, убѣдившись въ реальности медіумическихъ фактовъ, мы признаемъ ихъ входящими въ законную цѣпь явленій природы и подвергнемъ изученію.

Укажу здѣсь какъ г. Цёлльнеръ самъ относится къ своему свидѣтельству. Онъ говоритъ: «Что касается опытовъ со Слэдомъ, то я описываю ихъ прежде всего для *физиковъ*, то-есть для людей науки, которые въ состояніи понять мои другія физическія изслѣдованія и опыты, опубликованные мною въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ. Только такіе люди могутъ, основываясь на моей научной дѣятельности, судить самостоятельно, насколько слѣдуетъ довѣрять мнѣ какъ производителю физическихъ опытовъ. Хотя теоретическія воззрѣнія, которыя связываются *съ фактами мною наблюденными* въ теченіе упомянутаго времени, и до сихъ поръ нерѣдко расходятся съ моими воззрѣніями, но самые факты добытые моимъ наблюденіемъ, всегда *подтверждались*. Для тѣхъ людей, которые по работамъ, произведеннымъ мною до настоящаго времени, составили *собственное, самостоятельное* сужденіе о моей надежности и о степени довѣрія мною заслуживаемаго, безполезно описывать условія, подъ которыми я наблюдалъ явленія, подробнѣе того, чѣмъ это вообще дѣлается для разумныхъ научныхъ читателей. Предположимъ, напримѣръ, что я при физическомъ изслѣдованіи наблюдалъ бы отклоненіе магнитной стрѣлки подъ какими-нибудь новыми необыкновенными условіями; неужели физикъ заподозрилъ бы мои наблюденія на основаніи предположенія, что у меня, быть можетъ, случайно находился въ карманѣ намагниченный ножикъ или что я не принялъ въ разсчетъ какъ слѣдуетъ ежедневнаго измѣненія земнаго магнетизма? Такія возраженія можно было бы дѣлать противу наблюденій *начинающаго и учащагося*, но самъ я *въ настоящее время* сочту ихъ, еслибъ они были сдѣланы мнѣ сотоварищемъ по наукѣ, ни чѣмъ инымъ какъ оскорбленіемъ и въ качествѣ физика буду считать ниже

моего достоинства возражать на нихъ» (*Wiss. Abh.*, т. 2, стр. 909 и слѣд.).

Интересны также и явленія другаго рода, видѣнныя г. Цёлльнеромъ и его учеными сотоварищами. Въ одномъ изъ засѣданій, гдѣ присутствовали Вильгельмъ Веберъ и профессоръ Шейбнеръ, произошло явленіе, требовавшее весьма значительнаго механическаго усилія. Г. Цёлльнеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ этотъ случай. «Раздался вдругъ сильный звукъ, похожій на разрядъ большой лейденской банки. Взглянувъ по тому направленію, въ которомъ этотъ звукъ слышался, мы увидѣли, что ширма закрывавшая кровать распалась на двѣ части. Ея деревянныя перекладины въ полдюйма толщиною были вверху и внизу разорваны, и это произошло помимо какого-либо видимаго прикосновенія Слэда къ ширмѣ. Разорванное мѣсто ширмы находилось, по крайней мѣрѣ, въ пяти футахъ разстоянія отъ Слэда, который сидѣлъ къ ширмѣ спиною. Но еслибъ онъ и въ самомъ дѣлѣ пожелалъ разорвать ширму растягиваніемъ, дѣйствуя на одну изъ ея сторонъ, то для этого слѣдовало бы прикрѣпить сначала противоположную сторону ширмы. Такъ какъ ширма стояла совершенно свободно и торчащія въ мѣстѣ разрыва деревянныя волокна остались совершенно параллельными съ продольною осью цилиндрическихъ разорванныхъ перекладинъ, то разрывъ могъ быть произведенъ только силою, дѣйствовавшею на эти перекладины продольно. Всѣ мы были удивлены столь неожиданнымъ и сильнымъ механическимъ явленіемъ. Мы спросили Слэда: что̀ это значитъ? Но онъ, пожавъ плечами, отвѣтилъ, что подобные феномены, хотя и рѣдко, происходятъ иногда въ его присутствіи. Говоря это и стоя у стола, онъ бросилъ кусочекъ грифеля на полированную поверхность

столешницы и накрылъ его аспидною доской, которая была куплена мною и предъ этимъ вычищена. Пятью пальцами правой руки Слэдъ прижалъ доску къ столу, между тѣмъ какъ лѣвая его рука лежала по срединѣ стола. Вдругъ началось писанье на внутренней сторонѣ аспидной доски, и когда Слэдъ перевернулъ доску, то на ней была написана по-англійски фраза, имѣвшая слѣдующее значеніе: «мы не имѣли намѣренія сдѣлать вамъ непріятное; извините за происшедшее». Условія. при которыхъ это написалось на доскѣ, удивили насъ потому въ особенности, что обѣ руки Слэда *во время* писанья лежали совершенно неподвижно на столѣ» (*W Abh.*, II, стр. 332).

Позже (на стр. 935 и слѣд.) г. Цёлльнеръ возвращается къ значенію и объясненію этого явленія въ слѣдующихъ словахъ:

«Оставляя подробное описаніе различныхъ другихъ не менѣе замѣчательныхъ явленій, случавшихся въ присутствіи Слэда, до третьяго тома моихъ *Научныхъ статей*, я позволю себѣ добавить нѣсколько замѣчаній относительно случая, происшедшаго 10 ноября 1877 года, въ моей квартирѣ въ присутствіи моихъ друзей и товарищей, Вильгельма Вебера и Шейбнера.

«Въ спорахъ о явленіяхъ, происходящихъ въ присутствіи спиритическихъ медіумовъ, дѣло сводится почти исключительно на способъ дѣйствія (modus operandi) и къ объясненію этого способа съ точки зрѣнія нашихъ настоящихъ знаній. Аргументація обыкновенно сопровождается замѣчаніемъ, что и въ присутствіи фокусниковъ происходятъ явленія, способъ происхожденія которыхъ остается скрытымъ и что, благодаря перерыву въ причинной связи между мышечными движеніями фокусника и производимымъ дѣйствіемъ, происшедшее

представляется зрителю необъяснимымъ, а потому и чудеснымъ. Такая аргументація опирается на посылку, которая подразумѣвается сама собою и поэтому проходится обыкновенно молчаніемъ, а именно: предполагается, что для производства фокусовъ нужна фокуснику мускульная сила, не выходящая за предѣлы той, какую по опытнымъ даннымъ можно вообще приписывать человѣческому организму. Если бы, напримѣръ, человѣкъ произвелъ предъ нами фокусъ, для котораго необходима сила двухъ лошадей, то выше приведенная аргументація къ такому фокусу не была бы уже болѣе приложима, потому что явленіе осталось бы необъяснимымъ, какой бы *способъ дѣйствія* ни былъ придуманъ.

«Къ счастію, я имѣю возможность именно указать на подобный случай, на то что произошло съ ширмой у кровати. Матеріаломъ ширмы было ольховое дерево; ширма была новая и куплена мною приблизительно за годъ до того. Поперечный разрѣзъ каждой изъ перекладинъ, которыя были разорваны одновременно и продольно, имѣлъ площадь въ 3,142 квадр. сантиметра. По опытамъ Эйтельвейна, растяженіе необходимое для продольнаго разрыва такого куска ольховаго дерева составляетъ около 4,957 килогр. или 99 центнеровъ, а такъ какъ двѣ деревянныя перекладины разорваны были заразъ, то для этого разрыва нужна была растягивающая сила въ 198 центнеровъ»...

Приведя затѣмъ данныя, относящіяся къ тому, какая возможно наибольшая сила можетъ быть приписана человѣческому тѣлу, г. Цолльнеръ продолжаетъ: «такъ какъ для разрыва моей ширмы нужно было растяженіе силою въ 198 центнеровъ, то понадобилось бы, слѣдовательно, десять такихъ силачей для того, чтобы при *благопріятномъ* положеніи тѣла произвести то механи-

*

ческое дѣйствіе, которое обнаружилось въ присутствіи Слэда *безъ* его прикосновенія.

«Такъ какъ при переноскѣ тяжестей по плоскости лошадиная сила оказывается среднимъ числомъ впятеро болѣе человѣческой, то для произведенія механическаго эффекта, о которомъ идетъ рѣчь, надобно было бы приблизительно двѣ лошади. Если и считать Слэда великаномъ и приписать ему способность двигаться въ пространствѣ съ такою быстротой, что ни друзья мои, Вильгельмъ Веберъ и Шейбнеръ, ни самъ я не могли видѣть его движеній и замѣтить какъ Слэдъ самъ разорвалъ упомянутую ширму, то все-таки послѣ всего изложеннаго *разумный* скептикъ предпочтетъ отказаться отъ подобнаго «объясненія».

«Для того чтобъ избѣжать упрека въ томъ, что въ приведенномъ случаѣ я уже слишкомъ нападаю на такъ-называемый «раціональный» способъ объясненія, я позволю себѣ замѣтить, что одинъ изъ моихъ почтенныхъ сотоварищей, имѣвшій самъ въ тотъ же день сеансъ у Слэда вмѣстѣ съ двумя другими коллегами, совершенно серіозно старался успокоить свою научную совѣсть предположеніемъ, что Слэдъ для вызыванія такихъ сильныхъ механическихъ явленій носитъ съ собою *динамитъ*, который искусно вкладываетъ въ мебель и столь же искусно зажигаетъ и заставляетъ взрываться. Объясненіе это живо напомнило мнѣ то, которымъ крестьяне одного захолустья Помераніи старались объяснить движеніе локомотива. Чтобы сколько-нибудь умѣрить тотъ страхъ, который необходимо долженъ былъ вызывать въ грубыхъ и невѣжественныхъ людяхъ локомотивъ, двигающійся самъ собою, пасторъ той деревни старался объяснить крестьянамъ устройство и дѣйствіе паровой машины. Просвѣтивъ своихъ прихо-

жанъ такою «популярною лекціей», пасторъ повелъ ихъ къ желѣзной дорогѣ, гдѣ долженъ былъ пройти первый поѣздъ. Увидѣвъ его, крестьяне недовѣрчиво покачали головами и возразили пастору: *нѣтъ, г. пасторъ, тутъ все-таки не безъ лошадей* («Nein Herr Pastor, da stecken *doch* Pferde drin»).

«Въ первомъ томѣ своихъ *Научныхъ статей* (стр. 459) я упомянулъ объ электрическихъ силахъ, находящихся въ *потенціальномъ* состояніи во *всѣхъ* тѣлахъ и которыя, освобождаясь внезапно, могли бы превзойти по своимъ дѣйствіямъ самыя сильныя дѣйствія динамитныхъ зарядовъ. Я сказалъ такъ: «оказывается, что въ одномъ миллиграммѣ воды находится электрической энергіи столько, что, освободившись вдругъ, она произвела бы движеніе одинаковое съ тѣмъ, какое получилъ бы снарядъ, вѣсящій 520 килограммовъ, выброшенный изъ огромнаго орудія воспламененіемъ заряда въ 16,7 килограммовъ пороха». Значитъ въ присутствіи спиритическихъ медіумовъ могутъ дѣйствовать до сихъ поръ еще скрытыя для насъ, такъ-называемыя каталитическія силы, способныя освобождать и превращать въ живую силу нѣкоторую часть той *потенціальной* энергіи, запасъ которой находится во всѣхъ тѣлахъ».

Отрицаніе въ силу принципа «не могло быть, потому что невозможно» слѣдуетъ предвидѣть и здѣсь. Но мы, вмѣстѣ съ г. Цёлльнеромъ можемъ найти утѣшеніе въ слѣдующемъ цитируемомъ г. Цёлльнеромъ отрывкѣ изъ переписки Галилея съ Кеплеромъ (*W. Abh.*, II, стр. 941). Галилей писалъ Кеплеру: «Что скажешь ты о первостепенныхъ учителяхъ гимназіи въ Падуѣ, которые, несмотря на мои предложенія, не хотѣли видѣть ни планетъ, ни луны, ни самой зрительной трубы? Этотъ родъ людей считаетъ философію книгою подоб-

ною Энеидѣ или Одиссеѣ, и думаетъ, что истину слѣдуетъ искать не въ *мірѣ или природѣ*, а въ *сравненіи текстовъ*. Какъ бы ты сталъ смѣяться, когда первый учитель гимназіи въ Пизѣ, въ присутствіи великаго герцога, старался свергнуть планеты съ неба *логическими* доводами точно магическими заклинаніями». Кеплеръ отвѣчалъ на это Галилею: «Имѣй, Галилей, довѣріе къ будущему; иди впередъ. Если я не ошибаюсь, то въ Европѣ найдется мало значительныхъ математиковъ, которые бы разошлись съ нами. *Таково могущество истины!*»

IX.

Въ сеансахъ со Слэдомъ Цöлльнеръ видѣлъ не разъ и появленіе рукъ,—феноменъ, который наблюдали и о которомъ писали весьма многіе, между прочимъ и Круксъ, и Вагнеръ, *и я (Медіумическія явленія*, стр. 340).

Цöлльнеръ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее (*W. Abh.* II, стр. 340): «Почти при всѣхъ сеансахъ, въ то время, когда руки Слэда и присутствующихъ лежали на столѣ и были видимы, а ноги Слэда были направлены въ сторону и также могли быть наблюдаемы, мы чувствовали подъ столомъ прикосновеніе рукъ, а иногда при тѣхъ же условіяхъ руки эти были, хотя и кратковременно, видимы нами. Я желалъ поэтому сдѣлать опытъ, который бы представилъ еще болѣе убѣдительное доказательство существованія подобныхъ рукъ. Съ этою цѣлью я предложилъ Слэду поставить подъ столъ фарфоровый сосудъ наполненный до краевъ пшеничною мукой, и выразить его «духамъ» желаніе, чтобъ они, прежде прикосновенія къ намъ, погрузили свои руки въ муку. При этихъ условіяхъ видимые слѣды прикосновенія должны были остаться на нашемъ платьѣ, а

вмѣстѣ съ тѣмъ руки и ноги Слэда могли быть подвергнуты осмотру, чтобы видѣть, не пристала ли къ нимъ мука. Слэдъ тотчасъ же согласился на мое предложеніе. Я взялъ большую фарфоровую чашку, около одного фута въ поперечникѣ и дюйма въ два глубины, наполнилъ ее равномѣрно до краевъ мукою и поставилъ подъ столъ, не обращая на первый случай вниманія на то, что изъ этого выйдетъ. Мы около пяти минутъ продолжали наши магнетическіе опыты и руки Слэда во все время оставались у насъ на виду на столѣ, какъ вдругъ я почувствовалъ, что мое правое колѣно подъ столомъ сильно охватила и сжала большая рука; это прикосновеніе продолжалось около секунды, и въ ту минуту, какъ я сообщилъ объ этомъ присутствующимъ и хотѣлъ встать, чашка съ мукой, безъ всякаго видимаго къ ней прикосновенія, была выдвинута изъ-подъ стола по полу фута на четыре. На моемъ платьѣ оказался мучной отпечатокъ большой сильной руки, а на поверхности муки находился углубленный оттискъ пяти пальцевъ, въ которомъ видны были всѣ тончайшія складочки кожи. Руки и ноги Слэда были тотчасъ осмотрѣны и на нихъ не оказалось *ни малѣйшаго* слѣда муки, и сравненіе его собственной руки съ оттискомъ на мукѣ показало, что послѣдній значительно больше».

Это навело Цолльнера на мысль для полученія болѣе прочныхъ отпечатковъ употребить закопченую бумагу, наклеенную на доску. Такая бумага была положена подъ столъ и на ней получился отпечатокъ, но уже не руки, а голой лѣвой ноги. Немедленный осмотръ ногъ Слэда показалъ, что сажи на чулкахъ его не было и чулки не имѣли разрѣза снизу («какъ это предполагали», замѣчаетъ Цолльнеръ, «нѣкоторые изъ лейпцигскихъ людей науки. Лица эти съ довѣріемъ принимали

наши наблюденія въ незначительныхъ вещахъ, а въ этомъ случаѣ, въ дѣлѣ точнаго наблюденія, не стѣснялись поучать насъ относительно соблюденія самыхъ грубыхъ элементарныхъ правилъ»).

«Чтобы предупредить, пишетъ Цёлльнеръ далѣе (стр 347), всѣ подобныя сомнѣнія, а также и тѣ попытки объясненія, которыя почти столь же чудесны, какъ сами факты, я предложилъ Слэду опытъ долженствовавшій легко удаться съ точки зрѣнія гипотезы четырехмѣрности пространства. Если наблюдаемыя нами дѣйствія производятся разумными существами, присутствующими въ *абсолютномъ* пространствѣ на мѣстахъ находящихся по направленію четвертаго измѣренія близъ мѣстъ занимаемыхъ Слэдомъ и нами въ трехмѣрномъ пространствѣ (существами, которыя по этому самому должны оставаться для насъ невидимыми), то для нихъ внутренность закрытой со всѣхъ сторонъ *трехмѣрной* фигуры, должна быть доступна такъ же легко, какъ доступна для насъ внутренность площади ограниченной замкнутою линіей...

«Чтобы констатировать наблюденіемъ такой фактъ, я взялъ мною самимъ купленную двойную складную аспидную доску (book-slate), т. е. двѣ доски соединенныя вмѣстѣ съ одного ребра шарниромъ и открывающіяся подобно книгѣ. Въ отсутствіи Слэда я наклеилъ на обѣ доски со внутренней стороны по полулисту моей собственной писчей бумаги и покрылъ ее, непосредственно предъ засѣданіемъ, копотью. Я сложилъ затѣмъ доску и замѣтилъ Слэду, что если моя теорія существованія въ природѣ разумныхъ четырехмѣрныхъ существъ имѣетъ основаніе, то эти существа легко могутъ и въ закрытой внутренности доски произвести тѣ отпечатки, которые до сихъ поръ получались на откры-

тыхъ поверхностяхъ. Слэдъ усмѣхнулся и отвѣтилъ, что это окажется совершенно невозможнымъ. Сами его «духи», которыхъ онъ спросилъ, были сначала повидимому поражены моимъ предложеніемъ, но потомъ отвѣчали обычною осторожною фразой, написавъ ее на аспидной доскѣ: «Мы это попробуемъ» («We will try it»). Къ большому моему удивленію Слэдъ согласился, чтобъ я положилъ закрытую сложенную двойную доску на время засѣданія къ себѣ на колѣни. Такимъ образомъ, во время сеанса я ее могъ видѣть на половину, а до этого со времени покрытія бумаги копотью я не выпускалъ ее изъ своихъ рукъ. Мы сидѣли у стола въ ярко освѣщенной комнатѣ минутъ съ пять, соединивъ по обыкновенію свои руки съ руками Слэда на поверхности стола, какъ вдругъ я почувствовалъ два раза, одинъ вслѣдъ за другимъ, какъ доска на моихъ колѣняхъ была нажата; при этомъ я ничего однакоже не видалъ. Три стука въ столѣ увѣдомили, что все кончено, и когда я открылъ доску, то внутри на одной изъ сторонъ находился отпечатокъ правой, а на другой сторонѣ оттискъ лѣвой ноги, той-же самой, которая отпечаталась и въ предыдущіе два вечера».

«Предоставляю судить самимъ моимъ читателямъ насколько возможно для насъ послѣ подобныхъ фактовъ считать Слэда обманщикомъ или фокусникомъ» (стр. 347 и слѣд.).

Къ этому я имѣю возможность прибавить, что недавно моему другу профессору Н. П. Вагнеру, удалось получить здѣсь аналогичный феноменъ въ одномъ кружкѣ, гдѣ не присутствовало никакого *профессіональнаго* медіума и не было ни малѣйшаго разумнаго основанія заподозрить подлинность явленій. Отпечатокъ произошелъ въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и у Цолльнера

на закопченой бумагѣ, наклеенной на внутреннихъ сторонахъ складной аспидной доски, причемъ обѣ сложенныя вмѣстѣ половинки этой доски были скрѣплены между собою печатями. На одной изъ сторонъ отпечаталась не вполнѣ отчетливо нога, а на другой рука. Оттискъ послѣдней на столько ясенъ, что мѣстами видны всѣ подробности строенія кожи. Но всего замѣчательнѣе то, что отпечатавшаяся рука представляетъ *вполнѣ характерныя особенности* строенія, которыя свойственны были рукѣ одной дѣвицы, умершей за нѣкоторое время предъ тѣмъ: лица, знавшія эту дѣвицу, *немедленно признали отпечатавшуюся руку какъ принадлежащую ей*. Между этими лицами были притомъ и такія, которыя вовсе не знали о способѣ происхожденія отпечатковъ и считали ихъ сдѣланными еще при жизни упомянутой дѣвицы [1]).

Возражая противъ реальности медіумическихъ явленій, часто ссылаются на условія, при которыхъ эти явленія происходятъ. Условія эти находятъ неблагопріятными для наблюденія и упрекаютъ наблюдателей въ томъ, что они не изучали явленій при совершенно другихъ условіяхъ, поставленныхъ ими самими.

Уаллесъ сказалъ по этому поводу: «Люди науки почти всегда полагаютъ, что при этихъ изслѣдованіяхъ они уже съ самаго начала могутъ предписывать условія, и если подъ этими условіями ничего не происходитъ, то они видятъ тутъ обманъ или заблужденіе. Но они хорошо знаютъ, что при всѣхъ другихъ изслѣдованіяхъ явленій природы, не сами они налагаютъ тѣ существенныя условія, безъ соблюденія которыхъ

---

[1]) Подробный разсказъ объ этомъ наблюденіи печатается въ майской книжкѣ журнала *Psychische Studien* за текущій годъ.

никакой опытъ не удается. Условія эти указываются терпѣливымъ вопрошаніемъ природы» *(Медіумическія явленія. «Русскій Вѣстникъ»* 1875, ноябрь, стр. 323). Цöлльнеръ естественно держится такого же мнѣнія. Отвѣчая на вопросъ: насколько мы вправѣ и насколько рузумно при новыхъ явленіяхъ ставить условія, при которыхъ эти явленія должны произойти, онъ говоритъ (*W. A.* II, 350) слѣдующее: «Для развитія на поверхности тѣлъ электричества отъ тренія необходима сухость воздуха. То обстоятельство, что эти опыты не удаются во влажномъ воздухѣ, опредѣляетъ условія опыта, и это очевидно не могло быть установлено a priori, а выведено изъ тщательнаго наблюденія тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ природа представляетъ намъ въ извѣстныхъ случаяхъ упомянутое явленіе. Въ томъ-то и заключается искусство и остроуміе наблюдателя, что онъ, не мѣшая своимъ произволомъ ходу явленія, дѣлаетъ наблюденія такъ, чтобы выведенныя изъ нихъ заключенія исключали возможность ошибки и заблужденія. Развѣ тѣмъ лицамъ, которыя первыя утверждали реальность паденія метеорныхъ камней можно было бы предписать условія, при которыхъ они должны были наблюдать эти паденія? Вступая въ новую область, надобно постоянно имѣть въ виду слова Вирхова, сказанныя имъ на собраніи естествоиспытателей въ Мюнхенѣ въ его рѣчи: *О свободѣ науки въ современномъ государствѣ*: «Если что̀ отличаетъ меня, то это именно сознаніе моего незнанія. Такъ какъ я, мнѣ кажется, довольно ясно сознаю, чего я именно не знаю, то каждый разъ когда мнѣ приходится вступать въ область для меня новую, я говорю себѣ: *тебѣ приходится теперь учиться снова*».

Съ этимъ не можетъ не согласиться каждый разум-

ный изслѣдователь; но Цöлльнеръ тутъ же поясняетъ далѣе, что самъ Вирховъ совсѣмъ однако же не послѣдовалъ своему правилу, когда дѣло коснулось опытовъ со Слэдомъ, и предложилъ ему условія, о которыхъ А. Н. Аксаковъ высказалъ въ журналѣ *Psychische Studien* (1878 стр. 11) между прочимъ слѣдующія цитуемыя Цöлльнеромъ (W. A. II, стр. 351) слова:

«Вотъ ученый, который, не зная еще азбуки явлений дѣлающихся предметомъ его изсѣдованія. уже налагаетъ на нихъ свои собственныя условія! Развѣ такой способъ можетъ быть одобренъ и даже терпимъ при разработкѣ какой-либо отрасли естествознанія?!!... Это—первый ложный шагъ! И при томъ каковы были эти условія? Слэдъ долженъ былъ позволить профессору Вирхову связать свои ноги и руки и посадить наблюдателя футахъ въ двухъ отъ стола. Это—условія требуемыя нѣмецкимъ ученымъ, имѣющимъ большую извѣстность, а между тѣмъ какъ они не логичны и не доказательны! Допустимъ въ самомъ дѣлѣ, что Слэдъ согласился бы на нихъ и сеансъ тѣмъ не менѣе удался бы. Г. Вирховъ первый, а за нимъ и всѣ, пришли бы къ заключенію, что Слэдъ былъ *плохо связанъ*, а наблюдатель *плохо наблюдалъ* и что искусство фокусника превзошло остроуміе ученаго».

Но въ томъ-то и дѣло, что при терпѣливомъ и добросовѣстномъ отношеніи наблюдателя къ вопросу, подобныя условія становятся ненужными или такъ-сказать удовлетворяются сами собою. Такъ случилось напримѣръ у Цöлльнера и его друзей относительно положенія наблюдателя не у стола, а въ сторонѣ, какъ того желалъ Вирховъ и требуютъ нерѣдко многіе другіе. Цöлльнеръ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее «Слэдъ предложилъ намъ самъ наблюдать *прямо* зрѣ-

ніемъ движеніе стекляннаго колокола, поставленнаго подъ столомъ, и убѣдиться въ томъ, что движеніе это происходитъ безъ его прикосновенія. Для этой цѣли мы сѣли (надобно замѣтить, что опыты надъ движеніемъ стекляннаго колокола подъ столомъ дѣлались у Цöлльнера и прежде, но въ то время когда присутствующіе всѣ сидѣли у стола) въ разстояніи футовъ четырехъ отъ стола. Свѣчами, соотвѣтственно поставленными, пространство подъ столомъ было такъ освѣщено, что мы могли удобно наблюдать, чтó тамъ происходило. Стеклянный колоколъ поставили подъ столомъ и притомъ ближе къ сторонѣ обращенной къ намъ, приблизительно на линіи, проведенной чрезъ обѣ ближайшія къ намъ ножки стола. Слэдъ сидѣлъ на противоположной сторонѣ, помѣстивъ ноги подъ свой стулъ, чтó намъ было хорошо видно. Такимъ образомъ ноги его находились футахъ въ трехъ разстоянія отъ колокола. Чрезъ нѣкоторое время колоколъ вдругъ началъ двигаться безъ всякаго прикосновенія со стороны Слэда. Принявъ косвенное положеніе, онъ началъ кататься на своемъ нижнемъ краѣ, описывая кругъ. Стальной шарикъ (подвѣшенный внутри колокола) ударялъ при этомъ по колоколу, скользя по внутренней поверхности его стеклянныхъ стѣнокъ» (*W. Abh.* II, стр. 338).

X.

Окончивъ изложеніе наиболѣе выдающихся наблюденій, сдѣланныхъ и описанныхъ Цöлльнеромъ, я воспользуюсь случаемъ, чтобы сообщить кое-что изъ видѣннаго мною по части медіумизма въ сентябрѣ 1875 года въ Лондонѣ и Брюсселѣ. Вскорѣ послѣ возвращенія я написалъ тогда статью, которая и была напе-

чатана въ журналѣ *Psychische Studien* (1876, стр. 6 и 64), но не появлялась до сихъ поръ въ русской печати. Передаю мой разсказъ въ сокращенномъ видѣ.

Пріѣхавъ въ сентябрѣ въ Лондонъ, я уже нашелъ тамъ моего друга, А. Н. Аксакова, и во все время мы были почти неразлучны. Мы видѣли тамъ, между прочимъ, г-жу Кетти Іенкенъ, прежнюю миссъ Фоксъ, въ присутствіи которой, какъ извѣстно, произошло появленіе первыхъ медіумическихъ стуковъ въ Рочестерѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Г-жа Іенкенъ не профессіональный медіумъ. Она совершенно поглощена домашнею жизнью и воспитаніемъ двухъ маленькихъ сыновей.

Въ своей частной жизни она окружена медіумическими явленіями и когда съ нею разговариваешь, безъ всякаго сеанса, при полномъ дневномъ свѣтѣ, нерѣдко появляются весьма опредѣленные стуки принимающіе участіе въ разговорѣ. Эти стуки, происходящіе въ присутствіи г-жи Іенкенъ, замѣчательно громки и имѣютъ большею частью особый характеръ: они бываютъ обыкновенно двойные. Мы услышали эти звуки при первомъ посѣщеніи г-жи Іенкенъ въ утреннее время. Стуки раздавались въ полу; но когда г-жа Іенкенъ положила руку на полурастворенную дверь, сдѣланную изъ тонкой доски, и пожелала чтобы произошли стуки, то они раздались тотчасъ же въ двери и даже согласно съ выраженнымъ желаніемъ непосредственно подъ моимъ ухомъ, когда я приложилъ его къ поверхности двери... Въ другой разъ мы сидѣли за столомъ, на которомъ горѣла лампа; настоящаго сеанса не было и г-жа Іенкенъ была занята разливаніемъ чая, какъ вдругъ снова раздались стуки. Они слышались и въ полу, и въ столѣ, и были въ этотъ разъ до такой сте-

пени сильны, что столъ положительно каждый разъ содрогался, и удары въ немъ, еслибъ ихъ и не слышать, легко можно было бы ощущать по его содроганіямъ. Въ то время какъ мы продолжали еще пить чай, я почувствовалъ, какъ нѣжные пальцы касаются моихъ колѣнъ подъ столомъ, между тѣмъ какъ г-жа Іенкенъ оставалась совершенно пассивною, точно такъ же какъ это было и во время стуковъ. Немного погодя, мы услышали шорохъ раздираемаго листа газетной бумаги, который случайно лежалъ подъ столомъ, и я почувствовалъ, что мою руку трогаютъ этою бумагой... Подъ столъ положенъ былъ теперь листъ писчей бумаги и цвѣтной карандашъ, съ одного конца синій, съ другаго красный. Хотя я и не выражалъ какихъ-либо подозрѣній, но г-жа Іенкенъ показала мнѣ предварительно свои ноги, сбросивъ на минуту туфли. На ней были обыкновенные бѣлые чулки. Во все время она оставалась настолько неподвижною и сидѣла настолько отодвинувшись отъ стола, что нельзя было подозрѣвать ея прямого участія въ происходившемъ. Лампа во все время продолжала горѣть на нашемъ столѣ. При этихъ условіяхъ послышался чрезъ нѣсколько мгновеній шорохъ писанія, на одной половинѣ бумаги оказались написанными красными, а на другой синими буквами слова: God bless you.

Позже я имѣлъ случай снова слышать замѣчательные стуки происходящіе въ присутствіи г-жи Іенкенъ. Это было на вечерѣ «Британскаго Общества Спиритуалистовъ.» Въ ярко освѣщенной комнатѣ, наполненной гостями, раздались стуки, какъ скоро г-жа Іенкенъ этого пожелала. Между прочимъ, эти стуки раздавались въ тонкихъ досчатыхъ стѣнкахъ шкапа... Изъ всего того, что я видѣлъ въ присутствіи г-жи Іен-

кенъ, я долженъ вывести заключенiе, что явленiя ее окружающiя чрезвычайно объективны и убѣдительны. Для самаго закоренѣлаго, но добросовѣстнаго скептика было бы достаточно слышать упомянутые стуки, чтобъ оставить въ сторонѣ всѣ ухищренiя объяснить ихъ чревовѣщанiемъ, движенiемъ сухожилiй и т. п.

Другой медiумъ, замѣчательные сеансы котораго мы имѣли случай видѣть,—это извѣстный Уилльямсъ. Мои наблюденiя сдѣланныя въ его присутствiи показываютъ, какъ легко можно придти къ слишкомъ поспѣшнымъ заключенiямъ, если берешься судить не имѣя достаточнаго запаса опытности...

Вечеромъ былъ у Уилльямса обыкновенный публичный сеансъ, къ которому допускается всякiй заплатившiй полкроны. Я пошелъ туда одинъ и нашелъ залу почти пустою. Немножко позже явилось еще пять личностей, которыя очевидно были всѣ знакомы съ Уилльямсомъ. Сеансъ происходилъ въ темной комнатѣ и явленiя были очень сильны и разнообразны, но всѣ они показались мнѣ чрезвычайно подозрительными; въ неизвѣстномъ мнѣ помѣщенiи, окруженный чужими, я, разумѣется, не чувствовалъ себя въ увѣренности и не могъ не сомнѣваться... Я пришелъ отъ Уилльямса домой подъ самымъ непрiятнымъ впечатлѣнiемъ, полный подозрѣнiя, что въ теченiе цѣлаго вечера я былъ игрушкой компанiи людей хорошо знакомыхъ между собою, но неизвѣстныхъ мнѣ. Чтобъ отвѣтить на вопросъ, происходятъ ли настоящiя медiумическiя явленiя у Уилльямса (хотя бы тѣ, которыя я видѣлъ у него на дому, и были поддѣльны), мы, Аксаковъ и я, пригласили Уилльямса къ себѣ и устроили съ нимъ пять сеансовъ въ нашей гостиницѣ. Только при одномъ изъ этихъ сеансовъ (и притомъ неудачномъ) присутствовалъ одинъ

нашъ знакомый русскій; во всѣхъ четырехъ сеансахъ мы были только втроемъ: Уилльямсъ, Аксаковъ и я. Изъ этихъ четырехъ засѣданій два были таковы, что они не оставили болѣе мѣста сомнѣнію. Сеансы происходили въ комнатѣ, гдѣ жилъ Аксаковъ. Три сеанса— и между ними два наиболѣе удачныхъ—были днемъ, причемъ единственное находившееся въ комнатѣ окно завѣшивалось такъ, что въ комнатѣ было совершенно темно. Камната была маленькая, съ одною только дверью, ведущею въ свѣтлый корридоръ; въ комнатѣ находилась лишь обыкновенная мебель, всегда помѣщаемая въ комнатахъ отелей. Между этою мебелью даже не было шкапа. Стѣны были покрыты обоями, и мы хорошо видѣли, что онѣ не представляютъ ничего подозрительнаго. Съ обѣихъ сторонъ комната прилегала къ двумъ другимъ жилымъ комнатамъ, изъ которыхъ одну занималъ я самъ. Начало каждаго сеанса происходило за маленькимъ столикомъ, причемъ мы оба держали Уилльямса крѣпко за обѣ руки и соединяли также наши руки вмѣстѣ. Въ послѣднихъ трехъ засѣданіяхъ Уилльямсъ сидѣлъ сначала у столика, а потомъ въ такъ-называемомъ «кабинетѣ», который былъ образованъ просто изъ моего пледа, развѣшаннаго наискось въ углу конаты.

Я не буду здѣсь описывать подробно каждое засѣданіе, я разскажу только о наиболѣе рѣзкихъ явленіяхъ. Въ то время какъ мы сидѣли у стола, крѣпко держа Уилльямса, различные предметы были перенесены къ намъ съ комода. Комодъ этотъ стоялъ за спиною Уилльямса въ разстояніи футовъ четырехъ отъ него. Уилльямсъ оставался при этомъ совершенно неподвижнымъ. Еслибъ онъ былъ даже настолько свободенъ, чтобы могъ сидя дѣйствовать руками, то упомянутые

предметы все-таки были-бы для него недостижимы. Въ первомъ засѣданіи лицо Аксакова вдругъ подверглось прикосновенію чего-то мягкаго. Это былъ, какъ мы узнали послѣ, его шелковый шарфъ, лежавшій на комодѣ въ шляпѣ и явившійся къ намъ вмѣстѣ съ нею. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ послѣ, шляпа надѣлась на голову Аксакова, а потомъ, согласно выраженному мною желанію, немедленно перешла на мою голову. Въ другое засѣданіе, при томъ же самомъ положеніи сидящихъ, поднялся на воздухъ музыкальный ящикъ, который стоялъ на нашемъ столѣ и игралъ. Ящикъ этотъ, продолжая играть, нѣсколько времени оставался въ воздухѣ, какъ это было слышно по звукамъ; потомъ онъ на нѣкоторое время опустился на мое правое плечо, обращенное къ Уилльямсу, между тѣмъ какъ я продолжалъ держать Уилльямса вполнѣ крѣпко. Въ другой разъ съ упомянутаго выше комода, и при томъ же положеніи сидящихъ, явились къ намъ на столъ, и частью были даны намъ въ руки, различные предметы: спичечница, которая оказалась при этомъ открытою, платяная щетка и дорожные ремни.

Въ то время какъ Уилльямсъ находился въ кабинетѣ, т.-е. сидѣлъ за моимъ развѣшаннымъ пледомъ, крѣпко связанный, явленія были еще гораздо страннѣе и преимущественно въ двухъ послѣднихъ сеансахъ. Въ то время какъ мы сидѣли еще за столомъ, мы услышали голоса «Питера» и «Джона Кинга». Эти личности, какъ извѣстно, обыкновенно появляются въ сеансахъ Уилльямса, и послѣднюю изъ нихъ обыкновенно не только можно слышать, но и видѣть. Голосъ «Джона Кинга» представляетъ почти противоположность голосу «Питера»: «Джонъ» говоритъ басомъ и весьма скоро. Голосъ этотъ пригласилъ насъ начать сеансъ при по-

мощи кабинета. Тогда мы зажгли на нѣкоторое время свѣчу. Уилльямсъ сѣлъ на низенькій стулъ за занавѣской и былъ привязанъ за шею и за руки, связанныя вмѣстѣ, къ гвоздямъ, нарочно вбитымъ для этой цѣли въ стѣну; для завязки служила бѣлая тесемка. Въ послѣднемъ засѣданіи предосторожности были еще строже: мы ввинтили въ стѣну нѣсколько металлическихъ колецъ, обвязали шею медіума тесемкой, обвязали также кускомъ тесемки его руки около суставовъ выше кисти, причемъ тесьма гладко была обвита три раза вокругъ каждой руки и затѣмъ руки были связаны вмѣстѣ. Идущіе отъ нихъ и отъ шеи концы мы продѣли въ упомянутыя кольца и провели тесемки къ нашему столу, гдѣ я во все время засѣданія держалъ ихъ въ моей лѣвой рукѣ. Каждый разъ завязки были находимы по окончаніи сеанса совершенно невредимыми. Въ послѣднемъ засѣданіи три оборота вокругъ суставовъ рукъ остались плоскими и чистыми, а я, держа тесемки, могъ чувствовать всѣ движенія медіума. Только при началѣ Уилльямсъ потянулъ нѣсколько туго натянутую тесемку къ себѣ. Это было, вѣроятно, въ то время, когда онъ впадалъ въ медіумическій сонъ и сдѣлалъ при этомъ какое-либо движеніе. Позже и вообще во все время когда происходили явленія, медіумъ оставался совершенно покойнымъ на своемъ мѣстѣ. Мы двое продолжали сидѣть за своимъ столикомъ, обратившись лицомъ къ «кабинету». Столикъ стоялъ въ разстояніи футовъ трехъ отъ висящаго пледа.

Изъ того, что произошло въ предпослѣднемъ сеансѣ, упомяну о слѣдующихъ характерныхъ моментахъ. Послѣ того какъ свѣча была погашена, мы опять услышали чрезъ нѣкоторое время голоса «Питера» и «Джона». Голоса эти, какъ вообще было при засѣданіяхъ, дохо-

дили до насъ, какъ намъ казалось, изъ различныхъ мѣстъ комнаты: они раздавались то непосредственно вблизи насъ, то издали и очень часто совсѣмъ не съ той стороны гдѣ сидѣлъ медіумъ, а совершенно въ другомъ направленіи. Затѣмъ мы увидѣли нѣсколько свѣтящихся точекъ въ воздухѣ и вслѣдъ за этимъ появилась фигура «Джона Кинга». При этомъ явленіи замѣчается сначала небольшой фосфорическій зеленоватый свѣтъ, который быстро становится ярче и ярче, освѣщая при этомъ бюстъ «Джона» все болѣе и болѣе. Тогда замѣтно, что свѣтъ этотъ выходитъ изъ какого-то свѣтящагося предмета, который фигура держитъ въ рукѣ. Довольно явственно видно при этомъ мужское лицо съ густою черною бородой; голова фигуры обвита бѣлымъ тюрбаномъ и видимая верхняя часть тѣла облечена въ бѣлую одежду. Фигура эта появлялась внѣ «кабинета», ближе къ намъ. Каждый разъ мы видѣли ее въ теченіе только нѣсколькихъ мгновеній; потомъ свѣтъ быстро погасалъ, фигура исчезала въ темнотѣ, а чрезъ нѣсколько мгновеній появлялась снова. Голосъ «Джона» слышенъ при этомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ видна фигура, большею частью однакоже, хотя не всегда, въ тѣ моменты, когда фигура невидима. «Джонъ» спросилъ насъ: что онъ долженъ сдѣлать? и Аксаковъ сказалъ ему, чтобъ онъ поднялся до потолка комнаты и сказалъ намъ оттуда нѣсколько словъ. Вполнѣ согласно съ этимъ желаніемъ, фигура появилась вдругъ немного выше нашего стола и потомъ плавно поднялась кверху до потолка, который довольно ярко освѣтился свѣтомъ, исходившимъ изъ предмета, помѣщеннаго въ рукѣ фигуры. Въ тотъ моментъ, когда «Джонъ» былъ совсѣмъ наверху, раздались его слова, обращенныя къ намъ: «ладно-ли?» (Will that do?).

«Питеръ», со своей стороны, хотя и оставался невидимымъ, но говорилъ и дѣйствовалъ въ темнотѣ постоянно. Онъ переносилъ различные предметы, трогалъ насъ и т. п. Однажды, вдругъ, чужая рука взяла меня за пальцы руки и начала поднимать мою руку кверху. Слѣдуя этому движенію, я принужденъ былъ встать, вытянуться во весь ростъ и поднять мою руку вертикально. Въ этотъ моментъ пальцы моей поднятой руки подверглись прикосновенію, состоявшему въ томъ, что чужая рука нѣсколько разъ *сверху* ударила слегка по концамъ моихъ поднятыхъ пальцевъ. Не лишнее замѣтить, что медіумъ значительно ниже меня ростомъ и, даже будучи свободнымъ, не привязаннымъ, могъ бы сдѣлать со мной то, что я описываю, лишь взмостившись на стулъ или столъ.

Какъ уже сказано, мы сидѣли у столика напротивъ развѣшаннаго пледа. За нашими спинами, въ разстояніи около четырехъ футовъ, стоялъ умывальный столикъ, а на немъ находились, между прочимъ, графинъ съ водой и стаканъ. Вдругъ въ темнотѣ услышали мы надъ нашими головами звонъ стекла, происходившій, очевидно, отъ столкновенія двухъ стеклянныхъ предметовъ. Вслѣдъ затѣмъ громко раздалось быстрое наливаніе воды въ стаканъ и стаканъ былъ поданъ Аксакову, а графинъ мнѣ. Въ то время какъ я держалъ графинъ въ своей рукѣ, я чувствовалъ какъ верхнюю часть его тронули нѣсколько разъ. Въ этотъ моментъ мы вдругъ услышали, что медіумъ въ своемъ углу шевелится и стонетъ, и тотчасъ же раздался голосъ «Питера», заявившій, что ему надо дать напиться «своему медіуму». Графинъ тотчасъ удалился изъ моей руки. Мы услышали движеніе и нѣсколько неясныхъ звуковъ голоса пробуждающагося медіума и въ то же самое время голосъ

«Питера». Затѣмъ послышался громкій глотокъ воды и графинъ тотчасъ же опять возвратился ко мнѣ въ руку. Во время всего описаннаго, точно такъ же какъ и въ теченіе всего засѣданія, мы могли, независимо отъ завязокъ, не разъ констатировать слухомъ (насколько то возможно), что Уилльямсъ постоянно находился въ своемъ углу, между тѣмъ какъ голоса «Джона» и «Питера» говорили около насъ, внѣ кабинета. Иной разъ движенія медіума, или звуки имъ издаваемые, слышались почти одновременно съ голосомъ «Джона» или «Питера».

Въ послѣднемъ нашемъ засѣданіи мы также видѣли «Джона». Его видъ былъ таковъ же, какъ въ предыдущій день, но появился онъ на этотъ разъ не предъ нами, а въ сторонѣ. Фигура была обращена лицомъ почти къ Уилльямсу и находилась отъ него въ разстояніи пяти или шести футовъ. Если предположить, что Уилльямсъ могъ встать до извѣстной степени, насколько это позволяли ему завязки, то все-таки между нимъ и «Джономъ» осталось бы нѣсколько футовъ разстоянія. Одинъ разъ Уилльямсъ закашлялъ въ своемъ углу и голосъ «Джона» раздавшійся гораздо ближе къ намъ тотчасъ же замѣтилъ: «мой медіумъ кашляетъ». Я просилъ «Джона» показаться мнѣ какъ можно ближе, и вслѣдъ затѣмъ фигура появилась непосредственно предо мною въ разстояніи не болѣе 1 или $1^1/_2$ фута отъ меня, почти совсѣмъ надъ нашимъ столомъ. Я видѣлъ ясно живые, блестящіе глаза «Джона». Онъ нѣсколько разъ слегка кивнулъ головой и тотчасъ же исчезъ въ темнотѣ. Что касается «Питера», то и на этотъ разъ, какъ и прежде, онъ не оставался безъ дѣла, между прочимъ онъ звонилъ колокольчикомъ въ воздухѣ, и этотъ звонъ раздавался нѣсколько разъ позади насъ. Когда «Питеръ» спросилъ, что надо сдѣлать,

то Аксаковъ выразилъ желаніе, чтобъ онъ взялъ съ комода бумагу и карандашъ и что-нибудь написалъ. Комодъ былъ опять болѣе чѣмъ на четыре фута разстоянія отъ Уилльямса и оставался недосягаемъ для него даже и въ томъ случаѣ, еслибъ Уилльямсъ могъ высвободить свои руки. Вскорѣ мы услышали шорохъ писанія, происходившаго, повидимому, въ воздухѣ, почти у самаго уха Аксакова. «Питеръ» спросилъ наши фамиліи, написалъ ихъ и потомъ, продолжая разговоръ, обращался къ намъ уже не иначе какъ называя насъ по фамиліямъ. По окончаніи писанія бумага была отдана Аксакову, а карандашъ мнѣ. Аксаковъ положилъ бумагу на стулъ, стоявшій близь нашего столика. Когда голосъ «Питера» еще разъ спросилъ, что дѣлать, то Аксаковъ отвѣчалъ чтобъ онъ («Питеръ») дѣлалъ, что ему вздумается. Вслѣдъ за тѣмъ мы услышали паденіе чего то на полъ, между тѣмъ какъ голосъ «Питера» высказалъ замѣчаніе, что стулъ безполезно стоитъ у стола. Въ самомъ дѣлѣ, ощупывая рукой, Аксаковъ убѣдился тотчасъ же, что стула около стола болѣе не было. Вскорѣ послѣ этого сеансъ былъ оконченъ, и когда мы зажгли свѣчу, то нашли, что стулъ этотъ *стоялъ* на постели, въ самомъ дальнемъ углу комнаты, противоположномъ «кабинету», въ которомъ сидѣлъ Уилльямсъ. Въ этомъ положеніи онъ находился въ разстояніи футовъ 15 отъ насъ и футахъ въ 20 отъ Уилльямса. Стулъ былъ перенесенъ чрезъ это разстояніе безъ всякаго шума, ни за что не задѣвъ. На листѣ бумаги мы нашли четко написанными твердымъ почеркомъ наши имена и кромѣ нихъ слѣдующія слова: «Мы сдѣлали для васъ что съумѣли; ступайте и будьте благодарны. Питеръ» (We have done our best for you; go and be thankful. Peter).

Въ Лондонѣ мы познакомились съ однимъ господиномъ, которому я обязанъ рекомендаціей въ Брюссель къ одному капитану бельгійской службы, г. Бувье, 13-лѣтній сынъ котораго одаренъ замѣчательными медіумическими способностями. При проѣздѣ на обратномъ пути черезъ Брюссель я воспользовался этою рекомендаціей и посѣтилъ семейство Бувье. Хотя это и не былъ день въ который у Бувье еженедѣльно происходили медіумическіе сеансы, но Бувье были настолько любезны, что устроили сеансъ нарочно для меня. Г-жа Бувье разсказала мнѣ, что у нея было три сына, изъ которыхъ старшій и есть теперешній медіумъ. Два остальные сына были близнецы и одинъ изъ нихъ умеръ за нѣсколько времени предъ этимъ. Г-жа Бувье ровно ничего не знала о спиритизмѣ, но случившееся несчастіе заставило ее обратиться къ одной ея родственницѣ, пишущему медіуму. Чрезъ этого медіума она была извѣщена, что ея старшій сынъ медіумъ. Тогда въ семействѣ начались сеансы, и въ самомъ дѣлѣ, частью во время сеансовъ, частью же совершенно независимо отъ нихъ, стали происходить въ присутствіи молодаго Бувье различныя странныя явленія. Вскорѣ послѣ того извѣстному медіуму, г-жѣ Фай, случилось пріѣхать въ Брюссель и дать сеансъ въ домѣ Бувье. Послѣ этого сеанса медіумическимъ путемъ было сообщено, что явленія подобныя происходящимъ въ присутствіи г-жи Фай могутъ быть и въ присутствіи молодаго Бувье. Въ семействѣ Бувье начали тогда устроивать весьма удачные сеансы въ томъ родѣ какъ пришлось видѣть мнѣ. Различныя лица имѣли случай присутствовать на этихъ сеансахъ и, какъ бываетъ обыкновенно, пытались давать явленіямъ объясненія исключающія необходимость допущенія медіумизма. Парраллельно развитію этихъ объясненій совер-

шенствовались въ семействѣ Бувье способы ставить молодаго медіума въ такое положеніе, въ которомъ для него не было бы возможности производить явленія искусственно.

Въ моемъ присутствіи мальчикъ былъ «обезврежень» (я употребляю это выраженіе какъ отвѣчающее удачному англійскому выраженію «secured») слѣдующимъ образомъ: кисти его рукъ были обвиты полотняною тесемкой и тесемки завязаны; узлы ея были прошиты и пришиты къ рукавамъ платья. Затѣмъ обѣ руки были связаны вмѣстѣ позади тѣла и одинъ рукавъ пришитъ къ другому. Курточка медіума спереди также была зашита и слѣдовательно не могла быть скинута. Медіумъ сѣлъ на низенькій стулъ у стѣны, обратясь спиной къ стѣнѣ, въ которую было ввернуто нѣсколько металлическихъ колецъ. Руки медіума связанныя назади были привязаны къ одному изъ колецъ; къ другому кольцу мальчика привязали тесьмой за шею; обѣ ноги были также связаны вмѣстѣ въ двухъ мѣстахъ, — непосредственно надъ ступнями и немножко повыше колѣнъ, и привязаны къ стулу. Стѣна у которой стоялъ стулъ, уголъ комнаты гдѣ медіумъ сидѣлъ и прилегающая къ этому углу часть сосѣдней комнаты были мною внимательно осмотрѣны и не найдено ничего подозрительнаго. Сидящій медіумъ былъ отдѣленъ отъ насъ ширмами Ширмы эти состояли просто изъ четырехъ или пяти деревянныхъ рамъ оклееныхъ обоями Посреди одной изъ ширмъ на высотѣ около $1^1/_2$ футовъ находилось маленькое отверстіе такой величины чтобы чрезъ него удобно было просунуть руку. Отверстіе это закрывалось занавѣсочкой. Высота ширмъ была около шести футовъ и пространство надъ ними оставалось совершенно открытымъ. Во все время въ комнатѣ горѣла висячая

керосиновая лампа и стеариновая свѣча, такъ что комната была освѣщена довольно ярко. Послѣ каждаго явленія ширмы тотчасъ быстро открывались, такъ что я, глядя туда со свѣчей, каждый разъ могъ видѣть положеніе медіума, постоянно оказывавшееся неизмѣннымъ: всѣ узлы и тесемки остались въ цѣлости. Во время явленій медіумъ этотъ не впадаетъ въ трансъ, какъ это бываетъ со многими другими медіумами: онъ сохраняетъ свое нормальное состояніе и увѣряетъ, что видитъ движеніе предметовъ, но не замѣчаетъ ничего приводящаго ихъ въ движеніе. Каждое явленіе начинается немедленно какъ только ширма закрыта.

Не принимая на себя отвѣтственности въ томъ, что сохраняю дѣйствительно тотъ порядокъ въ которомъ явленія происходили, я опишу видѣнное въ тотъ вечеръ. Колокольчикъ поставленный на колѣни медіума тотчасъ пришелъ въ движеніе. Новый кусокъ доски, два проволочные гвоздя и молотокъ были также положены къ нему на колѣни и вскорѣ раздались удары молотка, но вбить гвоздь въ доску однако же не удалось. Мнѣ было пояснено присутствующими, что до сихъ поръ для этого опыта употребляли другую дощечку, постоянно одну и ту же, и что причина неудачи кроется вѣроятно въ новой доскѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только взяли прежнюю доску, удары молотка сдѣлались несравненно сильнѣе и чрезъ нѣсколько мгновеній одинъ изъ проволочныхъ гвоздей былъ вбитъ въ дощечку, такъ что прошелъ насквозь. Дощечка была толщиной около $^3/_4$ дюйма На колѣни медіума положили листъ бумаги и карандашъ. Для того чтобы листъ не могъ быть подмѣненъ, я написалъ на немъ по-русски свое имя. Когда ширмы были закрыты, то послышался тотчасъ шорохъ писанія и на бумагѣ, между прочимъ, оказалась написанною

по-французски фраза: «мы не русскіе». Тогда я написалъ свое имя по-французски на этомъ же листѣ, и за ширмами опять было написано на немъ же нѣсколько словъ. По окончаніи писанія въ первый разъ карандашъ оказался продѣтымъ въ петлю курточки медіума; во второй разъ онъ находился у него во рту. Стаканъ наполненный водой былъ поставленъ къ медіуму на колѣни на дощечкѣ; рядомъ со стаканомъ положили пряникъ, и тотчасъ половина воды оказалась выпитою, а пряникъ былъ во рту у медіума. На ту же дощечку положили спичку и сигару; спичка тотчасъ же была зажжена и юноша держалъ во рту закуренную сигару; затѣмъ поставили на дощечку колокольчикъ, онъ тотчасъ зазвонилъ и былъ высунутъ въ отверстіе сдѣланное на ширмѣ и упомянутое выше. При этомъ можно было видѣть на мгновеніе руку, которая держала и двигала колокольчикъ. Когда я просунулъ мою руку чрезъ это отверстіе, то немедленно ощупалъ теплую живую дѣтскую руку, которая ощупывала мою. Ручка эта допустила меня взять ея мизинецъ между моими пальцами и продержать нѣсколько мгновеній. Я выразилъ желаніе чтобы палецъ исчезъ въ моей рукѣ, но онъ былъ потихоньку вытянутъ изъ моихъ пальцевъ. Основываясь на этомъ, можно было бы думать, что я имѣлъ дѣло не съ матеріализованною, а съ матеріальною рукой, но когда немедленно вслѣдъ затѣмъ отворили ширму, то медіумъ оказался сидящимъ, попрежнему крѣпко связаннымъ и въ прежнемъ положеніи. При этомъ надобно замѣтить, что А. Н. Аксаковъ, который былъ въ Брюсселѣ у Бувье нѣсколькими недѣлями позже и также присутствовалъ на сеансѣ, ощупалъ за ширмами, при подобныхъ же условіяхъ, какъ я, не маленькую ручку, похожую на руку медіума, а большую руку.

Г. и г-жа Бувье, не имѣя повидимому никакихъ матеріальныхъ выгодъ отъ сеансовъ, чистосердечно интереруются медіумическими явленіями, а по своему общественному положенію они стоятъ выше подозрѣній.

Замѣчу, что издатель *Psychische Studien*, А. Н. Аксаковъ, прибавилъ отъ себя къ моей только-что приведенной статьѣ слѣдующее замѣчаніе: «Я чувствую себя обязаннымъ присоединить и мое свидѣтельство къ свидѣтельству моего друга, профессора Бутлерова. Я подтверждаю всѣ явленія происходившія въ присутствіи Уилльямса и молодаго Бувье, котораго я имѣлъ удовольствіе видѣть также во время моего проѣзда чрезъ Брюссель. Кромѣ того, я могу прибавить, что появленіе «Джона Кинга» было констатировано въ домѣ г. Крукса самимъ г. Круксомъ, въ то время когда г-жа Круксъ держала свою руку на плечѣ Уилльямса спавшаго за занавѣской» (*Psychische Studien*, 1876 г., стр. 73).

Не такъ давно въ посвященныхъ медіумизму повременныхъ изданіяхъ разказывалось о томъ какъ Уилльямсъ вмѣстѣ съ другимъ медіумомъ были будто бы уличены въ Голландіи въ подделкѣ явленій. На сеансѣ, въ которомъ это произошло, медіумы, какъ оказывается были оставлены въ темнотѣ совершенно свободными. Была ли тутъ дѣйствительная поддѣлка или нѣтъ, но нельзя не удивляться тѣмъ лицамъ, которыя вздумали устраивать сеансъ съ предоставленіемъ медіумамъ полной свободы дурачить, если захотятъ, присутствующихъ. Что касается меня, то я могу повторить только то, что сказано Цölльнеромъ и уже было приведено выше: «Факты, которые были наблюдаемы мною и подтверждены другими точными наблюдателями, будутъ стоять твердо, хотя бы они не повторялись болѣе и

хотя бы Слэдъ (въ моемъ случаѣ—Уилльямсъ) превратился потомъ въ обманщика и фокусника».

Интересно сопоставить видѣнное мною съ тѣмъ, что изложено въ протоколѣ составленномъ шестью русскими, имѣвшими сеансъ тоже съ Уилльямсомъ и другимъ медіумомъ, г-жой Оливъ, въ Лондонѣ, въ томъ отелѣ, гдѣ жилъ одинъ изъ путешественниковъ присутствовавшихъ на сеансѣ. Протоколъ этого сеанса напечатанъ въ книгѣ профессора Д. И. Менделѣева: *Матеріалы для сужденія о спиритизмѣ*, въ отдѣлѣ публичныхъ чтеній, на страницѣ 367-й и слѣдующихъ. Аналогія описанныхъ тамъ явленій съ видѣнными мною очевидна. Безполезно приводить здѣсь упомянутый протоколъ, но интересно указать на отношеніе къ нему моего почтеннаго противника-сотоварища. Я уже замѣтилъ выше, что ученые отрицатели обыкновенно игнорируютъ то, что стоитъ внѣ возраженій и придирокъ съ ихъ стороны, но въ то же время они готовы съ особеннымъ усердіемъ публично и печатно подтверждать тѣ факты, подлинность которыхъ можетъ быть заподозрѣна,—гдѣ есть, такъ сказать, возможность свалить вину на защитниковъ реальности медіумическихъ явленій. Мы имѣемъ здѣсь блестящій примѣръ подобнаго рода. Мой почтенный противникъ восклицаетъ: «Тѣмъ лучше, еслибы побольше такихъ документовъ!» А потомъ онъ рѣшается на весьма неосторожное замѣчаніе: „*Впечатлѣніе протоколъ производитъ ясное, отчетливое; не вѣрить просто смѣшно,—дѣло было ведено серьезно*". Все это, разумѣется, говорится въ виду найденной имъ возможности объяснить явленіе обманомъ, поддѣлкой,—тѣмъ, что во время сеанса была будто бы отворена дверь, ведущая въ сосѣднюю комнату, и чрезъ нее вошли помощники медіумовъ надѣлавшіе проказъ. Каминъ оказывается тоже

въ подозрѣніи, а также быть-можетъ и платяной шкапъ. Въ комнатѣ, гдѣ происходили наши сеансы съ Уилльямсомъ, не было ни другой двери, ни камина, ни платянаго шкапа. Единственная дверь вела, какъ уже сказано, въ свѣтлый корридоръ и была нами заперта и завѣшана. Еслибы, не смотря на замокъ, съумѣли отворить ее во время сеанса, то падающій въ нее свѣтъ немедленно выдалъ бы входящаго. Окно, также единственное, обращенное на улицу, тоже было завѣшано. Впрочемъ и комната находилась высоко,—помнится, въ четвертомъ этажѣ. Пусть почтенный противникъ нашъ попробуетъ приложить и къ нашимъ наблюденіямъ свой методъ объясненія. Впрочемъ, онъ найдетъ, быть-можетъ, что намъ было бы *смѣшно вѣрить*, что у насъ *дѣло было ведено не серьезно.* Наконецъ, вѣдь можно предположить просто, безъ дальнихъ толкованій, что помощникъ Уилльямса *какъ-нибудь, такъ что ни я, ни Аксаковъ того не замѣтили*, пробрался къ намъ въ комнату. Могу сказать одно: и такому объясненію я не удивился бы. Въ недавнемъ своемъ письмѣ по поводу узловъ г. Ливчака, профессоръ Вагнеръ пишетъ: «Когда я разсказывалъ одному спиритофобу, что руки и ноги медіума были связаны, а медіумическое явленіе все-таки произошло,—*ну что-жъ?* не затрудняясь отвѣтилъ бойкій спиритофобъ, *медіумъ могъ его произвести съ помощію спины*. Таковъ общій законный путь объясненія медіумическихъ явленій. Сперва руки, затѣмъ нижнія конечности тѣла, а наконецъ и спина». Притомъ, самъ почтенный сотоварищъ-противникъ нашъ сказалъ въ своемъ публичномъ чтеніи (стр. 373), что «спиритизмъ помрачаетъ здравый смыслъ людей, сбиваетъ ихъ съ толку». И я вполнѣ соглашусь съ этимъ, прибавивъ только, что это относится одинаково какъ къ тѣмъ, ко-

торые вѣрятъ безъ критики, такъ и къ тѣмъ, которые отрицаютъ, хотя бы даже имъ приходилось доходить до *спины*.

Нашъ новѣйшій критикъ, г. А. В. Г., вѣроятно также не минуетъ необходимости подобныхъ объясненій, если захочетъ сохранять во что бы то ни стало свои «установленныя воззрѣнія» и если будетъ продолжать обсуждать наблюденія, сдѣланныя надъ медіумическими фактами не на основаніи добросовѣстнаго ознакомленія съ этими наблюденіями, а на основаніи мимолетнаго взгляда, свысока брошеннаго на одну изъ книгъ и одну изъ статей.

Еслибы г. А. В. Г. рѣшился серьезно познакомиться съ предметомъ, то его убѣжденія едва ли сохранились бы, потому что и къ нему можно приложить слова Перти, извѣнивъ только имя: «человѣкъ науки, какимъ мы считаемъ г. А. В. Г., не смотря на его заблужденіе въ этомъ дѣлѣ, рѣшительно не могъ бы судить столь превратно, еслибъ онъ сколько-нибудь ознакомился съ тѣмъ, что происходитъ въ области спиритуализма». Вѣрнѣе всего, что предвидя упомянутую выше необходимость, г. А. В. Г., по обычаю отрицателей, примется усердно игнорировать медіумизмъ и всѣ извѣстія о немъ. Во всякомъ случаѣ ему отрѣзана теперь возможность прикрываться научными пріемами и приходится сознаться откровенно, хотя бы то своимъ молчаніемъ, что не ограничиваясь однимъ Цолльнеромъ, онъ отрицаетъ всѣ наблюденія касающіяся медіумическихъ фактовъ, какъ бы они ни были обставлены и кѣмъ бы ни были сообщены.

На прощанье нѣсколько словъ лично г. А. В. Г. Наши съ вами шансы совсѣмъ неравны: за все то что я сообщаю, за свои убѣжденія, я отвѣчаю полною подписью своего имени. Такъ поступаетъ и большинство

другихъ сторонниковъ медіумизма, такъ поступаютъ обыкновенно и наши *научные* противники. Для чего-же вы, г. А. В. Г., прячетесь за безличныя начальныя буквы?.... Если вамъ захотѣлось говорить, то имѣйте достаточно прямоты и такта чтобы скрѣпить вами сказанное своею подписью такъ же какъ дѣлаемъ это мы. Сдѣлать это вамъ тѣмъ легче что вы стоите на сторонѣ мнѣнія, которому пока еще рукоплещетъ и большинство научное, и большинство ненаучное. Не изъ скромности же въ самомъ дѣлѣ вы не дали своей подписи! Приглашая васъ расписаться, я, правда, совсѣмъ не имѣю въ виду возвеличить ваше имя. За вашу статью оно сохранится въ исторіи медіумизма въ сонмѣ тѣхъ адептовъ естествознанія, которые въ видахъ «истины» не хотятъ замѣчать явленій природы, какъ скоро эти явленія не подходятъ подъ шаблонъ ихъ «установленныхъ воззрѣній».

Впрочемъ, кто знаетъ? Быть-можетъ вы, г. А. В. Г., серьозно обратившись къ изученію вопроса, увеличите собою нынѣ уже не малое число ученыхъ, которые, убѣдившись въ реальномъ существованіи медіумическихъ явленій и не останавливаясь предъ непопулярностью своего убѣжденія, прямо высказываютъ его, потому что проникнуты искреннимъ желаніемъ провозгласить истину на общую пользу. Они, эти ученые, всѣми силами своего разсудка убѣждены въ томъ что вовсе не ошибаются и стоятъ на сторонѣ дѣйствительнаго прогресса и знанія. Къ ихъ счастью, есть не мало лицъ, которыя, даже и отвергая медіумическія явленія, находятъ тѣмъ не менѣе, что служить истинѣ сообразно собственному (хотя бы даже и ошибочному) убѣжденію всегда почтенно.

XI.

Весьма поучительно обратиться къ прошлому времени и посмотрѣть съ какимъ затрудненіемъ водворились между учеными и развитою частью публики теоріи и мнѣнія сдѣлавшіяся нынѣ ходячею истиной. Я уже не стану указывать на общеизвѣстные примѣры Коперника, Галилея и множество другихъ, приводимыхъ напримѣръ Уаллесомъ въ его книгѣ: *Научный видъ сверхъестественнаго.* Но вотъ что сообщаетъ Цолльнеръ относительно Ньютона (*Wissenschaftliche Abhandlungen*, т. II, стр. 908): «Позволю себѣ указать на слѣдующія слова профессора Карла Неймана (въ его *Началахъ теоріи Ньютона и Галилея*): «Мысль Ньютона о взаимномъ притяженіи небесныхъ тѣлъ такъ укоренилась съ теченіемъ времени что *мы* едва ли способны найти въ ней что-либо странное; но бросимъ взглядъ на письмо Гюйгенса, человѣка стоявшаго на высотѣ своего времени и сдѣлавшаго важныя самостоятельныя изслѣдованія, а слѣдовательно и умѣвшаго цѣнить мысли и открытія другихъ. Мы увидимъ тогда какъ глубоко мысль Ньютона расходилась съ представленіемъ его *современниковъ. Мысль Ньютона о взаимномъ притяженіи*, говорится въ письмѣ Гюйгенса къ Лейбницу, *считаю я нелѣпою и удивляюсь какъ человѣкъ подобный Ньютону могъ сдѣлать столько трудныхъ изслѣдованій и вычисленій не имѣющихъ въ основаніи ничего лучшаго какъ подобную мысль*».

Крайнѣ рельефный примѣръ представляетъ также постепенное развитіе убѣжденія въ томъ что на землю могутъ падать метеорные камни. Исторія этого развитія приводится Цолльнеромъ подробно (*Wiss. Abh.* т. II, стр. 226 и слѣд.) изъ книги извѣстнаго физика

Хладни *Объ огненныхъ метеорахъ* и проч., изданной въ Вѣнѣ въ 1819 году. Въ книгѣ этой находится, между прочимъ, исторія первыхъ изслѣдованій надъ паденіемъ метеорныхъ камней. Заглавія нѣкоторыхъ отдѣловъ этой исторіи очень характерны и говорятъ сами за себя, напримѣръ: *Древніе уже знали этотъ родъ явленій природы. Позднѣйшее невѣріе доходившее за немногими исключеніями до ожесточенія. Продолжающееся невѣріе и нападки которыя пришлось перенести автору* (Хладни,—когда онъ первый вооружился противъ отрицанія).

Разсказываютъ (Цёлльнеръ, стр. 235), что знаменитый Лапласъ, будучи президентомъ Французской Академіи Наукъ, заявилъ однажды что обсужденіе вопроса о *дѣйствительности* паденія метеоритовъ *неприлично* и *недостойно* собранія столь знаменитыхъ ученыхъ.

Изъ упомянутой исторіи написанной Хладни мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста.

«Уже въ древнія времена не сомнѣвались, что при появленіи огненныхъ метеоровъ каменистыя и желѣзныя массы падаютъ иногда съ неба».... «Но пришло время, когда естествознаніе сдѣлало значительные успѣхи, и тутъ именно вдругъ вздумали бросить и счесть глупостью все то, что не подошло подъ самодѣльный масштабъ. Трудно понять какимъ образомъ многочисленныя старыя и новыя извѣстія о камняхъ съ громомъ въ видѣ огненныхъ метеоровъ падавшихъ съ неба не обратили на себя ранѣе вниманія физиковъ, не заставили ихъ точнѣе изслѣдовать предметъ и сравнить между собою имѣющіяся извѣстія. Еслибъ они это сдѣлали безъ предубѣжденія, то очень скоро, и совершенно независимо отъ объясненій этого явленія, принуждены были бы считать паденіе такихъ массъ за фактъ дока-

занный исторически. Нѣкоторые изъ физиковъ оказались однако же настолько любящими истину, что передавали факты не стѣсняясь, хотя и не умѣли ихъ объяснить»…. «Обыкновенно же легко отдѣлывались отъ вопроса тѣмъ, что въ случаяхъ, когда появлялось извѣстіе о происшествіяхъ подобнаго рода, предпочитали извращать факты (примѣровъ этого было достаточно) или просто отрицать ихъ, лишь бы не взять на себя труда произвести точныя изслѣдованія. Невѣріе заходило такъ далеко, что даже большинство метеорныхъ массъ хранившихся въ публичныхъ музеяхъ было выброшено изъ опасенія показаться вслѣдствіе допущенія возможности такихъ случаевъ смѣшными или быть сочтенными за непросвѣщенныхъ».

Хладни говорилъ объ этомъ предметѣ съ Лихтенбергомъ, которому «все дѣло показалось весьма страннымъ и онъ заявилъ профессору Гардингу и другимъ, что ему при чтеніи моего (Хладни) сочиненія сначала было такъ неловко, какъ будто бы камень попалъ ему самому въ голову; онъ подумалъ тогда, что лучше было бы еслибъ я вовсе не писалъ этой книги. Позже однакоже онъ убѣдился»…. «Самому мнѣ—продолжаетъ Хладни—сначала все казалось до того страннымъ и до того несогласнымъ съ господствующими воззрѣніями, что я даже затруднялся издать свою статью, но сдѣлалъ это тѣмъ не менѣе, не убоявшись, что мой поступокъ сначала будетъ сочтенъ смѣшнымъ и пошлымъ»…. «Когда статья моя появилась, то многіе называли ея содержаніе глупостью, какъ я того и ожидалъ. Въ *Новой Общей Нѣмецкой Библіотекѣ* было сказано, что мои увѣренія вовсе не заслуживаютъ опроверженія»… «Все-таки, однакожъ, не всѣ естествоиспытатели были проникнуты непоколебимымъ убѣжденіемъ въ томъ, что

*

на землю отнюдь ничто не можетъ упасть извнѣ. Изъ числа тѣхъ, которые въ сущности были согласны со мною, я могу назвать теперь весьма почтенныхъ людей: фонъ-Цаха, Ольберга и Вернера. Но съ самаго начала я не называлъ ничьего имени и не говорилъ никому даже о Лихтенбергѣ, потому что предпочиталъ нести на одномъ себѣ упрекъ въ погрѣшеніи противу физики, просвѣщенія и научнаго правовѣрія и не хотѣлъ подвергать ему другихъ. Притомъ я былъ твердо убѣжденъ, что истина во всякомъ случаѣ пробьется сквозь всѣ противорѣчія»....

«За границей предметъ этотъ обратилъ на себя вниманіе прежде всего въ Англіи».... «Прошло довольно много времени прежде чѣмъ во Франціи стали вѣрить, что нѣчто можетъ падать къ намъ съ неба, и Пикте старался сначала тщетно убѣдить другихъ въ дѣйствительности такого явленія». «Онъ сообщаетъ, что заговорилъ объ этомъ предметѣ съ нѣкоторою робостью»... «Подобная робость обнаруживалась тогда у многихъ писателей потому что, допуская паденіе чего-либо съ неба, они боялись показаться смѣшными».... «Вскорѣ потомъ небо подтвердило истину особенно крупнымъ происшествіемъ этого рода: 26 апрѣля 1803 года, близъ L'Aigle, въ Нормандіи, былъ замѣченъ огненный метеоръ и съ грохотомъ упало отъ 2 до 3 тысячъ метеорныхъ камней. Мэръ мѣстечка донесъ объ этомъ оффиціально, но большинство не хотѣло этому вѣрить. Въ одной парижской газетѣ было высказано даже сожалѣніе объ общинѣ, имѣющей мэра настолько непросвѣщеннаго, что онъ можетъ вѣрить подобнымъ нелѣпостямъ».... «Наконецъ по справедливому выраженію Бенценберга,—«*просвѣщеніе, отрицавшее паденіе метеоритовъ, уступило мѣсто большему просвѣщенію, допускавшему это аденіе*»....*и*

«Читатели мои—прибавляетъ Цёлльнеръ—изъ этихъ словъ, сказанныхъ знаменитымъ физикомъ Хладни 59 лѣтъ тому назадъ, могутъ видѣть справедливость того, что было написано «разумными четырехмѣрными существами» г. Слэда на аспидной доскѣ въ декабрѣ 1877 года: «*людскія сомнѣнія не могутъ измѣнить факта, но фактъ измѣнитъ эти сомнѣнія*» («Men's doubts cannot change a fact, a fact will change men's doubts»).

Аналогія между судьбой метеоритовъ и судьбой медіумическихъ явленій очевидна, и я считаю себя въ правѣ, не особенно рискуя, поручиться, что и признанію послѣднихъ придется пройти въ будущемъ тѣ самыя фазы, которыя для метеоритовъ уже принадлежатъ теперь къ области прошедшаго. Послѣдняя изъ нихъ обозначена у Хладни заглавіемъ: *Окончательное общее признаніе* (дѣйствительности явленій). Тутъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: «Съ тѣхъ поръ какъ многими изслѣдованіями и новыми случаями этого рода паденіе метеоритовъ доказано, едва ли кому изъ настоящихъ физиковъ, или просто людей, имѣющихъ понятіе объ исторической критикѣ, можетъ еще придти на умъ сомнѣваться».

Примѣръ метеорныхъ камней только одинъ изъ многихъ уроковъ прошедшаго. Не даромъ Уаллесъ рѣшился сказать: «Я утверждаю, не опасаясь противорѣчія, что люди науки всѣхъ временъ *ошибались каждый разъ*, когда, руководясь *апріорическими* основаніями, отвергали заявленные наблюдателями факты (*On miracles and modern spiriatualism.* By Alfred Russel Wallace, author of *The Malay Archipelago*, *Contributions to the theory of natural selection* etc. etc. London 1875, стр. 16).» Относясь къ дѣлу безъ предубѣжденія, приходится удивляться не тому, что многочисленныя и согласныя

свидѣтельства компетентныхъ лицъ о медіумическихъ явленіяхъ находятъ довѣріе, а тому, что уроки прошедшаго такъ мало пошли въ прокъ образованному міру. Уроковъ этихъ достаточно, чтобъ ясно показать неослѣпленнымъ всю опрометчивость апріорическаго отрицанія.

XII.

До сихъ поръ въ русской печати весьма мало говорилось о значеніи медіумическихъ явленій по отношенію къ тѣмъ выводамъ, которые изъ нихъ вытекають болѣе или менѣе прямо и на которыхъ главнымъ образомъ сосредоточиваются ихъ интересъ и сила. Значеніе это, разумѣется, сознавалось ясно въ большинствѣ случаевъ, но оно было, такъ-сказать, оставляемо про себя. Профессоръ Вагнеръ, впрочемъ, опредѣленно, хотя и кратко, указалъ на него въ своей статьѣ *Медіумизмъ*. Вотъ его слова: «Подъ этимъ названіемъ (психизма) я разумѣю вообще стремленіе человѣка опредѣлить и разобрать существованіе собственной души. Это инстинктивное стремленіе было, какъ извѣстно, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ»... «Существуетъ или нѣтъ другой міръ или все ограничивается міромъ чувствъ, безсмертна ли душа или она только продуктъ матеріи и разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ послѣ смерти?»... «Медіумическія явленія заключаютъ въ себѣ разрѣшеніе этого вопроса. Они даютъ категорическій отвѣтъ на него». (*Русскій Вѣстникъ* 1875 года, октябрь, стр. 868—870). Вторая статья, обѣщанная профессоромъ Вагнеромъ, въ

которой онъ, повидимому, намѣревался разсмотрѣть медіумизмъ именно съ этой точки зрѣнія, къ сожалѣнію, не появлялась.

Изъ числа нашихъ ученыхъ ненатуралистовъ серьезно и такъ же ясно относился къ этой сторонѣ вопроса покойный московскій профессоръ философіи П. Д. Юркевичъ. Въ статьѣ объ его философскихъ трудахъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1874 года) высказано В. С. Соловьевымъ слѣдующее: «Если основныя метафизическія воззрѣнія его находили себѣ твердую почву въ исторической дѣйствительности религіи и, разумѣется, преимущественно христіанства, то болѣе частныя его воззрѣнія на природу и назначеніе человѣческаго духа, вполнѣ согласныя въ существѣ съ христіанскимъ ученіемъ, получали, по его мнѣнію, ближайшее фактическое подтвержденіе въ нѣкоторыхъ особенныхъ явленіяхъ, возникшихъ въ послѣднее время. Я разумѣю явленія, такъ-называемаго, спиритизма, въ достовѣрности которыхъ Юркевичъ былъ убѣжденъ и отъ которыхъ много ожидалъ въ будущемъ».

Я считаю совершенно правильнымъ высказанное о Юркевичѣ и досказанное А. Н. Аксаковымъ въ его статьѣ *Медіумизмъ и философія* (*Русскій Вѣстникъ* 1876 года, январь, стр. 469): «Юркевичъ, какъ философъ, въ отношеніи своемъ къ спиритизму не стоялъ особнякомъ, не поддался какимъ-либо личнымъ умозрѣніямъ и увлеченіямъ, но, признавая его факты и ихъ значеніе, остался вѣренъ той наукѣ, которая не измѣняетъ высшимъ требованіямъ человѣческой природы».

Но если у насъ, надо сознаться, только съ нѣкоторою робостью касались въ печати этой стороны медіумизма, то въ Германіи сравнительно быстро обратила на себя вниманіе и она, хотя вообще вопросъ о медіумическихъ

явленіяхъ занялъ тамъ видное мѣсто только въ послѣднее время.

Выше, въ началѣ этой статьи, я сказалъ про Германію, что бросаніе грязью со стороны нѣкоторыхъ газетъ въ ходу и тамъ, но тамъ вообще далеко больше, чѣмъ у насъ, оказывается и такихъ людей, которые печатно выступили въ защиту вопроса, и такихъ, которые при всемъ своемъ скептицизмѣ, умѣютъ относиться къ другимъ довольно безпристрастно. Между такими защитниками вопроса, учеными ненатуралистами, особенно видное мѣсто занимаютъ два профессора философіи: Францъ Гофманъ и Эммануилъ Германъ фонъ-Фихте, особенно послѣдній, посвятившій медіумизму довольно объемистую брошюру подъ названіемъ: *Der neuere Spiritualismus, sein Werth und seine Täuschungen. Leipzig*, F. A. Brockhaus. 1878. Ниже мы возвратимся къ ней, теперь же замѣтимъ, что вопросъ нашелъ въ Германіи и другихъ защитниковъ въ разныхъ лагеряхъ. Я упоминалъ уже, напримѣръ, о брошюрахъ барона Гелленбаха, а теперь напомню еще о брошюрѣ пастора Гентцеля: *Spiritistische Geständnisse eines evangelischen Geistlichen.* Leipzig, 1877, и о появившейся недавно тоже въ видѣ особой брошюры лекціи Морица Вирта, студента философіи, читанной въ академическо-философскомъ обществѣ въ Лейпцигѣ [1]).

---

[1]) Очень недавно, когда эта статья моя была уже написана, появилась еще въ Лейпцигѣ брошюра Д-ра Эдуарда Вегенера *(Der Zusammenhang von Sein und Denken)*, въ которомъ авторъ не безъ остроумія пытается связать законъ сохраненія энергіи съ возникновеніемъ сознанія и приходитъ, на основаніи своихъ механическихъ соображеній, къ заключенію о самостоятельномъ существованіи человѣческаго духа отдѣльно отъ тѣла и о реальности четвертаго измѣренія пространства. Допуская

Не мѣшало бы нашимъ гг. журналистамъ и другимъ различнымъ просвѣтителямъ публики кое-чему поучиться у этого нѣмецкаго студента философіи. Содержаніе чтенія Вирта заключается главнымъ образомъ въ изложеніи гипотезы Цёлльнера и его опытовъ. Но интересно въ особенности видѣть, какъ отнесся авторъ къ журналистамъ, старающимся держать публику въ опекѣ, сообщая ей изъ области знанія исключительно то, *что* имъ нравится и такъ, *какъ* имъ нравится. Въ предисловіи авторъ обращается къ нѣмецкимъ студентамъ и вотъ что говоритъ онъ между прочимъ: «Наука существуетъ въ концѣ-концовъ для общества, а общество составляетъ широкое жизненное основаніе, дающее наукѣ матеріальныя условія существованія, и тѣ головы, которыя ее разрабатываютъ. Въ интересѣ общества знакомиться съ успѣхами науки, но этому стремленію лишь немногіе могутъ удовлетворять самостоятельно...» «Такимъ образомъ между дѣйствительными представителями науки и между массой публики является разрядъ посредниковъ...» «Между этими послѣдними во всѣ времена не было недостатка и въ такихъ, которые превращали свое высокое назначеніе въ нѣчто совершенно противоположное...» «Во-первыхъ, злоупотребляютъ довѣріемъ, съ которымъ публика разсчитываетъ на правдивость и знаніе тѣхъ, которые являются предъ нею, чтобы знакомить ее съ состояніемъ науки и съ ея новостями. Во-вторыхъ, надобно указать и на ту опасность, что дурные посредники своими невѣжествомъ и безсовѣстностью могутъ значительно повредить той

медіумическіе факты, Вегенеръ заключаетъ свою брошюру слѣдующими словами: «Мы стоимъ предъ величайшимъ открытіемъ не только нашего столѣтія, но и всѣхъ временъ; новый открывающійся намъ міръ есть четырехмѣрный міръ духа».

связи между наукой и публикой, которая составляетъ жизненное условіе для обѣихъ сторонъ»... «Вездѣ, гдѣ бы ни представился такой случай (злоупотребленія), постараемся открывать публикѣ глаза и показывать ей въ настоящемъ свѣтѣ тѣхъ, которые хотятъ быть ея вожаками, на дѣлѣ же ведутъ ее къ заблужденію» (стр. IV и V).

Симпатіи автора не на сторонѣ научныхъ догматиковъ, у которыхъ «горе несчастному факту, вломившемуся вдругъ въ законченную область нашихъ свѣдѣній о мірозданіи, правильнѣе, о вполнѣ извѣстномъ намъ мірозданіи. Если этотъ фактъ является предъ нами и воочію, мы его не видимъ, мы отрицаемъ его; мы знаемъ вѣдь какъ устроенъ міръ, а слѣдовательно знаемъ и то, что фактъ этотъ не можетъ существовать» [1]. Авторъ, очевидно, съ достаточною трезвостью смотритъ на дѣло, чтобы симпатизировать не догматикамъ, а эмпирикамъ, для которыхъ *фактъ представляетъ самое высшее изъ того, что вообще достигается человѣческимъ познаваніемъ*. «Эмпирикъ, правда, не ожидаетъ съ математическою необходимостью наступленія вычисленнаго имъ явленія; онъ подождетъ прежде, чтобъ убѣдиться, явится оно или нѣтъ; онъ останется доволенъ даже и въ томъ случаѣ, если вмѣсто ожидаемаго явленія произойдетъ другое новое или даже не будетъ вовсе никакого. И на столько соприкасаются противоположности, что скептическій эмпирикъ будетъ первый способенъ и готовъ признать новое явленіе, если оно дѣйствительно совершится. Чье же міровоззрѣніе (спрашиваетъ авторъ) научнѣе: догматическое ли, видящее факты и отрицающее

---

[1]) Нельзя не вспомнить восклицанія Крукса: «тѣмъ хуже для фактовъ!» См. мою статью: *Медіумическія Явленія*, стр. 306.

ихъ, или эмпирическое, ихъ наблюдающее и признающее»... «Конечно и эмпирикъ не обратитъ вниманія на шумъ изъ пустяковъ и онъ слѣдуетъ правилу не увеличивать числа гипотезъ сверхъ необходимости; но если эта необходимость представляется, то вопросъ: дѣйствительно ли существуетъ она или нѣтъ, и будетъ для эмпирика главнымъ, а не вопросъ о томъ, сколько прежнихъ «законовъ» придется выбросить за бортъ...»

Студентъ оказывается здѣсь весьма согласнымъ съ профессоромъ. Вотъ что говоритъ Гофманъ (*Psychische Studien*. 1878, стр. 78): «Позволительно надѣяться, что нѣмецкіе ученые, и преимущественно натуралисты, антропологи и психологи, наконецъ приступятъ къ серьезному изученію, такъ-называемыхъ, медіумическихъ явленій и къ оцѣнкѣ ихъ объясненій, появлявшихся до сихъ поръ. Это такъ же точно не можетъ быть сдѣлано безъ собственныхъ наблюденій и опытовъ, какъ и любое физическое или химическое изслѣдованіе. Полная, ничѣмъ не стѣсняемая свобода изслѣдованія, какою ученые располагаютъ въ другихъ областяхъ, должна быть предоставлена имъ и здѣсь. Имъ нельзя будетъ поставить въ упрекъ, какъ бы скептичны и предусмотрительны они ни были, входя въ кругъ этихъ совершенно особенныхъ изслѣдованій. Не должно быть допускаемо одно: апріорическое отрицаніе, стремленіе все понять и обсудить съ перваго взгляда. Именно такое отношеніе ученыхъ давало поводъ къ самому рѣзкому порицанію со стороны убѣдившихся въ реальности медіумическихъ явленій, тѣмъ болѣе, что у этихъ послѣднихъ апріорность вообще не имѣетъ большаго кредита и впереди стоитъ наблюденіе». Другой профессоръ не менѣе студента порицаетъ отношеніе къ вопросу извѣстной части печати. Вотъ слова Фихте о нѣмецкой жур-

налистикѣ, прилагающіяся съ такимъ же или бо́льшимъ еще правомъ и почти ко всей нашей повременной печати: «Нѣмецкая журналистика играла до сихъ поръ въ этомъ вопросѣ роль достойную сожалѣнія. За немногими исключеніями у нея нашлись противъ него въ запасѣ только злостное поруганіе и клевета; несмотря на свое полное незнаніе предмета, она еще хочетъ при этомъ играть роль защитницы научности и просвѣщенія» (стр. 53). «Когда у людей не хватаетъ доказательствъ,—замѣчаетъ Гелленбахъ—они начинаютъ браниться; не умѣя сладить сами, они кличутъ полицію» (*Mr. Slade's Aufenthalt in Wien*, стр. 38). За подоб ными примѣрами и у насъ вѣдь дѣло не станетъ!

Но возвратимся къ опытно-психологической, если можно такъ выразиться, сторонѣ вопроса. Вполнѣ ясною и опредѣленною является она въ упомянутой брошюрѣ Фихте, содержаніе которой уже предчувствуется по эпиграфу, заимствованному имъ изъ Гаусса: «Поневолѣ приходишь къ убѣжденію, въ пользу котораго и безъ научныхъ доказательствъ говоритъ многое, а именно: что рядомъ съ этимъ матеріальнымъ мірозданіемъ существуетъ еще другое, духовное, одаренное такимъ же разнообразіемъ какъ и міръ, въ которомъ мы живемъ. *Намъ предстоитъ быть причастными тому міру*». «Къ аксіомамъ нынѣшней науки—говоритъ Фихте (стр. 10)—относится то, что сознаніе, а слѣдовательно и существованіе сознательной личности, возможно *единственно только* при условіи существованія для этой цѣли особыхъ органовъ—мозга и нервной системы. Съ уничтоженіемъ или угнетеніемъ этихъ органовъ уничтожается тотчасъ и сознаніе. Поэтому мысль о продолженіи сознательнаго существованія (по смерти) встрѣчаетъ именно нынѣ самыя рѣзкія сомнѣнія, хотя, строго говоря, осно-

ванія этихъ сомнѣній лежатъ совсѣмъ не въ природѣ вопроса, а лишь въ твердо укоренившихся, почти непреоборимыхъ апріорныхъ допущеніяхъ, которыя принимаются за строго доказанныя истины лишь потому, что одинъ повторяетъ ихъ за другимъ».... «Нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ допущеніи, что сознаніе и процессъ его могутъ существовать въ другихъ формахъ и подъ другими условіями, кромѣ тѣхъ, которыя представляетъ намъ наша чувственная организація».... «Вѣсь вопросъ долженъ напротивъ считаться открытымъ и разрѣшимымъ только путемъ опытныхъ изслѣдованій, произведенныхъ безъ предубѣжденія».

Вотъ какъ стоитъ вопросъ о фактахъ для самого Фихте (стр. 29): «Хотя для самого меня установлено прочно далеко не все изъ того, что̀ утверждаетъ спиритуализмъ, и хотя изъ этого послѣдняго придется многое отложить въ сторону, но все-таки я долженъ сознаться, что главныя истины — самые важные и рѣшительные выводы этого ученія — я считаю, согласно съ логическими законами индукціи и аналогіи, вполнѣ доказанными на опытномъ основаніи». Фихте замѣчаетъ также (стр. 21), что «нынѣшній спиритуализмъ утверждаетъ главнымъ образомъ возможность того, что̀ въ просторѣчіи весьма неопредѣленно и неудачно называется *явленіемъ духовъ*. Если допустить реальность этихъ явленій, то они будутъ неотразимымъ фактическимъ доказательствомъ продолженія нашего личнаго *самосознательнаго* существованія. А такое фактическое вполнѣ осязательное доказательство не можетъ конечно не имѣть большой цѣны для того времени, которое именно впало въ отрицаніе безсмертія и въ гордой самоувѣренности *сильнаго ума* думаетъ, что уже счастливо оставило позади себя подобныя суевѣрія»... «Съ этой точки зрѣнія

вопросъ получаетъ рѣшительный интересъ и даже культурно-историческое значенiе».

По мнѣнiю Фихте (стр. 31, 32), «всѣ априорные доводы въ пользу продолженiя существованiя нашей личности по смерти не могутъ идти въ сущности далѣе того, что показываютъ мыслимость, даже вѣроятность этого существованiя, и ослабляютъ противополагаемыя этимъ доводамъ сомнѣнiя. Само по себѣ это важно и имѣетъ значенiе, но недостаточно. Здѣсь, какъ и вообще во всякомъ фактическомъ вопросѣ, нужны доказательства, основанныя на *фактахъ*, на твердо установленной, неоспоримой *реальности*. Только такимъ образомъ упомянутая возможность восходитъ на степень несомнѣнной *дѣйствительности*. Если бы такiя фактическiя доказательства были найдены и упомянутая дѣйствительность вполнѣ доказана сообразно съ логическими началами опытнаго естествознанiя, то это было бы, утверждаю я (Фихте), такимъ результатомъ, съ которымъ *по внутренней силѣ и значенiю не сравнился бы ни одинъ изъ встрѣчающихся во всей исторiи цивилизацiи*. Старинный вопросъ о назначенiи человѣка былъ бы такимъ образомъ положительно рѣшенъ, и все сознанiе человѣчества стало бы ступенью выше. Человѣкъ *зналъ бы* то, что открывалось ему до сихъ поръ лишь въ области вѣрованiя, предчувствiй и теплыхъ надеждъ, онъ зналъ бы, что онъ членъ вѣчнаго духовнаго мiра, въ которомъ будетъ продолжаться его жизнь, что временное существованiе его на землѣ составляетъ лишь дробную часть будущей вѣчной жизни, что ему только тамъ сдѣлается доступно пониманiе его назначенiя. Прiобрѣтя это глубокое убѣжденiе, человѣчество проникло бы совершенно новымъ воодушевляющимъ пониманiемъ своей жизни, *идеализмомъ сильнымъ фактами*.

Это равнялось бы полной переработкѣ человѣка по отношенію къ его сущности и дѣятельности, было бы такъ-сказать *«возрожденіемъ»*... «Тотъ, кто потерялъ—замѣчаетъ также Фихте (стр. 5)—полную увѣренность въ вѣчности и въ сверхчувственномъ назначеніи человѣка, кто считаетъ то и другое мечтой, тотъ потерялъ путеводную звѣзду своей дѣятельности на землѣ».

Въ статьѣ *Spiritualistische Memorabilien*, помѣщаемой въ *Psychische Studien* 1879 года (см. стр. 10), Фихте говоритъ, что хорошо понималъ рискованность обнародованія своей брошюры. «Весьма серьезныя соображенія заставили меня (поясняетъ онъ на стр. 30-й этой брошюры) выступить публично съ результатами моего изслѣдованія столь противными современному направленію. Я тѣмъ менѣе намѣренъ скрывать ихъ, что дѣло идетъ здѣсь объ обнаруженіи угрожающихъ симптомовъ нашего времени. Говоря это, я высказываю то, что именно нынѣ нѣкоторые, и даже ученые, стремятся предать забвенію»... «*Кто потерялъ внутреннюю увѣренность въ своемъ вѣчномъ назначеніи, вѣру въ вѣчную жизнь*, будетъ ли то отдѣльная личность, цѣлый народъ или извѣстная эпоха, *у того вырванъ съ корнемъ источникъ всякой воодушевляющей силы, способности къ самопожертвованію, къ цивилизаціи.* Онъ дѣлается тѣмъ, чѣмъ и долженъ тогда быть,—эгоистическимъ, чувственнымъ существомъ, погруженнымъ единственно въ заботы самосохраненія. Его культура, его просвѣщеніе имѣетъ тогда цѣлью лишь служить на помощь и украшеніе этой чувственной жизни или по крайней мѣрѣ устранять то, что можетъ вредить ей».

Говоря о теоретической допустимости существованія духовнаго міра и его воздѣйствіи на нашъ вещественный міръ, Фихте напоминаетъ «пророческія» слова

Канта и соглашается съ ними вполнѣ (стр 4): «*Со временемъ будетъ еще доказано*, что душа человѣческая и въ этой жизни находится въ постоянной связи съ нематеріальными существами міра духовъ и что она дѣйствуетъ на нихъ и получаетъ отъ нихъ впечатлѣнія, но не сознаетъ ихъ, пока все идетъ хорошо»... «Кантъ соглашается и съ тѣмъ,—замѣчаетъ Фихте—что этотъ міръ и тотъ міръ представляютъ два состоянія, переходящія одно въ другое *постепенно безъ перерыва*». Какъ на доводъ въ пользу защищаемыхъ имъ мнѣній, Фихте указываетъ еще (стр. 36, 37 и 38) и на значительное внутреннее сходство, проявляющееся у различныхъ народовъ въ понятіяхъ о томъ мірѣ и объ этомъ, и въ отношеніяхъ къ усопшимъ, несмотря на то, что эти народы далеко отдѣлены и пространствомъ, и временемъ, и нравами и религіей. «Это не абстрактное блѣдное «вѣрованіе» въ неопредѣленное безсмертіе, которое трудно себѣ представить... тутъ вездѣ вѣра въ будущую жизнь тѣсно связана и, можно сказать, питается убѣжденіемъ въ продолжающемся взаимодѣйствіи между нами и міромъ духовнымъ... Этотъ замѣчательный историческій фактъ съ его внутреннимъ значеніемъ не укрылся отъ Шопенгауера, и онъ видитъ въ немъ подтвержденіе правильности вѣрованія въ существованіе духовъ. Китайскіе разсказы о духахъ, замѣчаетъ онъ (Шопенгауеръ), совершенно похожи на наши. Нерѣдкіе разсказы греческихъ и римскихъ писателей о томъ же предметѣ имѣютъ совершенно тотъ же основной характеръ, какъ и позднѣйшіе разсказы христіанскаго времени. Если вспомнить, кромѣ того, что римскій народъ допускалъ существованіе домашнихъ духовъ (manes), между которыми онъ различалъ даже, подобно христіанскому ученію, добрыхъ и злыхъ, то мы

должны сознаться, что у римскаго народа, вообще довольно бѣднаго фантазіей, склоннаго къ реализму, вѣра въ духовъ носила совершенно тотъ же отпечатокъ, какъ и въ средніе вѣка. Трудно, такимъ образомъ, сомнѣваться въ общихъ источникахъ и причинахъ происхожденія этихъ вѣрованій. Было бы, конечно, опрометчиво считать положительнымъ подтвержденіемъ реальности предмета то обстоятельство, что представленія и разсказы объ этихъ вещахъ обнаруживаютъ извѣстное согласіе, но точно также было бы опрометчиво и противоположное увѣреніе, что это согласіе *случайное* и изъ него ничего нельзя вывести. Напротивъ, надобно спросить себя, какая причина могла вызвать столь постоянное, а потому навѣрное и *не случайное* явленіе? Антропологія показываетъ намъ, что для объясненія здѣсь и нельзя въ самомъ дѣлѣ найти другой причины, кромѣ той, которая всегда принималась простою вѣрой и простымъ разсудкомъ: причина эта *объективная*, она заключается въ постоянныхъ фактическихъ подтвержденіяхъ связи, существующей между тѣмъ и этимъ міромъ».

Въ самомъ дѣлѣ, есть ли возможность утверждать добросовѣстно и серьезно, что всѣ эти, вездѣ и всюду распространенныя, всегда сохранявшіяся сходныя убѣжденія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ представляютъ не болѣе какъ плодъ заблужденія и суевѣрій? Множество разсказовъ, достаточно засвидѣтельствованныхъ, обставленныхъ историческою достовѣрностью, говорящихъ въ пользу существованія за гробомъ и о возможности взаимодѣйствія между тѣмъ и этимъ міромъ, — неужели всѣ они сводятся къ обману чувствъ и только? А факты напрашивающіеся такъ-сказать сами собою, помимо присутствія всякихъ медіумовъ, и ведущіе къ

тѣмъ же заключеніямъ, — развѣ не найдутся они въ памяти каждаго? У однихъ добыты они собственнымъ личнымъ наблюденіемъ, другимъ переданы близкими, вполнѣ надежными людьми. И все это проходящее чрезъ всю исторію человѣческаго рода должны мы не вѣдать, признать несуществовавшимъ и несуществующимъ. Но рѣшитесь признать факты съ ихъ выводами, какъ дѣлаютъ это Фихте и другіе поборники тѣхъ же идей, и все явится въ другомъ, новомъ освѣщеніи: факты, оставляемые до сихъ поръ безъ вниманія, окажутся опредѣленною законною частью стройнаго цѣлаго, долею великаго цикла явленій.

Справедливо указываютъ, что невѣріе и отрицаніе явились естественными, полезными подготовителями почвы для возникновенія твердой опирающейся на факты увѣренности въ существованіе духовнаго міра. Невѣріе и отрицаніе оканчиваютъ теперь свою роль и должны уступить мѣсто трезвому знанію. Безъ нихъ, слѣпо вѣря, люди бѣжали отъ явленій какъ чего-то страшнаго, враждебнаго, демонскаго, или преклонялись предъ ними какъ предъ божественнымъ, неисповѣдимымъ. Теперь пришло время наблюдать и изучать. Не отрицаніемъ побѣдимъ мы суевѣрія, а силой знанія, силой фактической истины.

Судя о медіумизмѣ по различнымъ краткимъ извѣстіямъ, Фихте сначала составилъ себѣ о немъ неблагопріятное мнѣніе и не былъ склоненъ знакомиться съ нимъ ближе; но обстоятельства доставили ему случай къ такому знакомству, и онъ счелъ себя тогда *обязаннымъ* не отвернуться отъ случая. Онъ «увидѣлъ тогда (см. стр. 41), что не смотря на значительное число и внутреннее разнообразіе явленій, несомнѣнно существуетъ между ними въ этой области тѣсная связь,

опредѣленная аналогія, постепенность отъ низшаго, менѣе развитаго, до высшаго, полнаго дѣйствительнаго значенія. То, что сначала казалось само по себѣ страннымъ или отталкивающимъ, представилось въ связи съ другимъ, сходнымъ но болѣе допустимымъ, какъ имѣющее извѣстную степень вѣроятности». Таково болѣе или менѣе бываетъ дѣйствительно впечатлѣніе каждаго проходящаго эту школу. Непрерывность, аналогія и постепенность медіумическихъ явленій, отъ мельчайшихъ до наиболѣе развитыхъ, не ускользнутъ отъ каждаго серьезнаго наблюдателя; онѣ заставляютъ его, такъ сказать, мириться съ характеромъ явленій и въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ характеръ (что встрѣчается нерѣдко) бываетъ какъ бы несоотвѣтствующимъ важности и серьезности вытекающаго изъ явленій главнаго вывода. Но дѣло въ томъ, что этотъ главный выводъ всегда одинъ и тотъ же: *существованіе духовнаго міра и принадлежность къ нему нашего собственнаго духа*, выводъ совершенно независимый отъ того, отвѣчаетъ или нѣтъ характеръ явленій наблюдаемыхъ нами въ данномъ случаѣ тѣмъ готовымъ представленіямъ о мірѣ духовномъ, которыя у насъ всегда найдутся въ запасѣ, какъ скоро мы допустимъ существованіе этого міра. Ожидать *тамъ* разнообразія еще бóльшаго, чѣмъ въ нашемъ чувственномъ мірѣ, мы, конечно, въ правѣ; мы должны допустить тамъ и градацію отъ низшаго до высшаго. Если бы намъ и удавалось констатировать прямымъ наблюденіемъ только существованіе низшаго, то это тѣмъ не менѣе достаточно разрѣшаетъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о самомъ существованіи духовнаго міра. Множество фактовъ говорятъ, однакоже, вопреки довольно распространенному мнѣнію и обычному возраженію, въ пользу того, что совсѣмъ нерѣдко

не одно низшее приходитъ въ соприкосновеніе съ человѣкомъ [1]).

Постепенно восходя по лѣстницѣ медіумическихъ фактовъ, наблюдатель констатируетъ на первой ступени движенія неодушевленныхъ предметовъ и звуки (преимущественно стуки), то и другое происходящее помимо сознательной воли и активнаго участія присутствующихъ (движенія нерѣдко и помимо прикосновенія). На второй ступени замѣчаютъ, что явленія вообще управляются опредѣленными самостоятельными волею и разумностью, независимыми отъ воли присутствующихъ. Такъ, напримѣръ, условными движеніями и стуками обозначаются буквы, складываются фразы, въ которыхъ даже идетъ иногда рѣчь о фактахъ, бывшихъ до того совершенно неизвѣстными присутствующимъ. Далѣе приходится наблюдать временное возникновеніе органовъ человѣческаго тѣла, преимущественно рукъ, осязаемыхъ, а часто и видимыхъ участниками опытовъ. Сюда же должно причислить и разныя свѣтовыя явле-

[1]) При этомъ я позволяю себѣ напомнить сказанное мною лѣтъ пять тому назадъ (въ статьѣ *Медіумическія Явленія*, стр. 303): «Все дѣйствительно существующее подлежитъ знанію, а увеличеніе массы знанія можетъ только обогащать, а не упразднять науку. Если человѣчество когда-либо признавало факты, а потомъ въ ослѣпленіи самомнѣнія стало отрицать ихъ, то возвратъ къ признанію реально-существующаго будетъ шагомъ впередъ, а не назадъ. Но именно нужно, чтобъ это признаніе совершилось въ силу строгаго наблюденія, изученія, провѣрки опытомъ, чтобы пришли къ нему, руководясь *положительнымъ научнымъ методомъ*, такъ же какъ приходятъ къ признанію каждаго явленія природы. Заявляя о дѣйствительности существованія медіумическихъ фактовъ, мы желаемъ приложенія этого метода, зовемъ не къ слѣпому вѣрованію, по примѣру давно прошедшихъ лѣтъ, а къ знанію,—не къ отреченію отъ науки, а къ расширенію ея области».

нія. Появляющіяся руки тоже явно подчиняются разумности и самостоятельной волѣ. Онѣ совершаютъ опредѣленныя цѣлесообразныя движенія, берутъ и передаютъ предметы, пишутъ и т. п. Наконецъ, слѣдуетъ появленіе человѣческихъ лицъ и даже цѣлыхъ фигуръ, матеріализованныхъ призракокъ, иногда постепенно исчезающихъ на глазахъ наблюдателей [1]).

Я хорошо понимаю, что все это звучитъ для неподготовленнаго человѣка какъ страница изъ *Тысячи и одной ночи* или пожалуй даже какъ бредъ сумашедшаго, но тѣмъ не менѣе это реальные факты, въ которыхъ дана возможность убѣдиться каждому *терпѣливому и добросовѣстному* наблюдателю. Задача науки переработать эти новыя данныя или, правильнѣе, переработать ее, по совѣту Риманна, сообразно съ ними. Плохую услугу оказываютъ истинному знанію тѣ, кого характеризуетъ Фихте, говоря, что они, считая себя «знающими; а потому и непогрѣшимыми, отрицаютъ право на существованіе у всего того, что загадочно, не объяснено, а потому и не удобно для нихъ».

Мы видѣли какой выводъ вообще вытекаетъ изъ данныхъ наблюденія и опыта. Выводъ этотъ вполнѣ законенъ. Существованіе самостоятельныхъ разумныхъ индивидуумовъ, одаренныхъ всѣми тѣми аттрибутами, которые свойственны духовной сторонѣ человѣческой жизни,—индивидуумовъ не облеченныхъ въ грубую, вѣсомую плоть и кровь—для насъ это фактъ. Были ли такіе индивидуумы дѣйствительно людьми, какъ увѣряютъ они сами, это [2])

---

[1]) Болѣе подробную классификацію медіумическихъ явленій см. у Крукса: *Researches in the phenomena of spiritualism*, by William Crookes F. R. S. London, 1874 года, стр. 86 и также въ *Psychische Studien* 1874 года.

[2]) Это вѣроятно въ виду фактовъ подобныхъ, напримѣръ,

можетъ пожалуй и подлежать сомнѣнію. Такое сомнѣніе выражено, напримѣръ, Круксомъ, какъ было объ этомъ уже упомянуто выше въ одномъ изъ примѣчаній. Это сомнѣніе ничуть, однакоже, не мѣшаетъ Круксу вполнѣ признавать не разъ видѣнный имъ фактъ матеріализаціи полной человѣческой фигуры. Конечно, весьма мало подготовленъ мой читатель къ извѣстію, что къ числу лицъ, выражавшихъ подобное сомнѣніе, идущее даже еще дальше, принадлежитъ и нашъ главный поборникъ медіумизма, А. Н. Аксаковъ. Вотъ его собственныя слова: «Одно для меня вѣрно, это—реальность медіумическихъ фактовъ и то, что если человѣку дано узнать когда-либо тайну своего существованія, то онъ придетъ къ удовлетворительному разрѣшенію этого вопроса именно путемъ изученія медіумическихъ явленій во всей ихъ полнотѣ. Такъ какъ эти явленія лежатъ въ природѣ вещей, то ихъ нельзя ни задержать, ни подавить, ни уничтожить. Они могутъ, напротивъ, лишь развиваться, идти обычнымъ путемъ прогресса. То, что уже совершилось, обѣщаетъ превысить въ будущемъ всякія ожиданія.... Самый замѣчательный фактъ въ ряду объективныхъ медіумическихъ явленій есть временное образованіе человѣческихъ фигуръ. Фактъ этотъ для насъ доказанъ, но было бы преждевременно дѣлать изъ него тотъ выводъ, который съ перваго взгляда кажется наиболѣе простымъ и вѣрнымъ, а именно,—что предъ нами совершается появленіе отшедшей души и что въ этомъ мы имѣемъ неопровержимое доказательство личнаго безсмертія. Выводъ этотъ еще *не* оправдывается глубокимъ и критическимъ изученіемъ фактовъ» (*Psychische Studien*, 1878, стр. 7).

полученію отпечатковъ руки, со всѣми признаками руки лица извѣстнаго, но уже умершаго. (См. выше).

Я со своей стороны скажу, однакоже, согласно съ мнѣніемъ Фихте и большинства другихъ, что убѣдившись посредствомъ фактовъ въ возможности существованія всѣхъ аттрибутовъ нашего духовнаго «*я*» безъ облеченія этого *я* въ грубую тѣлесную оболочку и помимо того допущенія, что матеріализованныя фигуры были дѣйствительно людьми, мы тѣмъ не менѣе должны заключать съ *высокою степенью* вѣроятности, что наше сознательное духовное существованіе продолжается и по разрушеніи грубой тѣлесной оболочки.

«Такимъ образомъ, — говоритъ Фихте (стр. 101) — старинное изреченіе, давно сдѣлавшееся тривіальнымъ, «memento *mori*», превращается въ новое болѣе серіезное — «memento *vivere*», то-есть: помни, что ты навѣрное будешь жить, но твое будущее состояніе прямо опредѣляется общимъ результатомъ здѣшней жизни, каковъ бы онъ ни былъ — радостенъ для тебя или нѣтъ. Этотъ выводъ спиритуализма не маловаженъ, особенно въ такое время, которое издавна привыкло вычеркивать заботу о будущемъ мірѣ изъ списка своихъ повседневныхъ интересовъ».... «Тотъ, кто свободно *научнымъ* путемъ дошелъ до положительныхъ убѣжденій относительно этой высшей проблемы жизни, не имѣетъ права молчать въ такомъ важномъ вопросѣ и въ виду настоятельной потребности его разрѣшенія. Сознаніе этой обязанности заставило и меня выйдти изъ привычнаго круга тихихъ научныхъ занятій и высказать мое непредубѣжденное мнѣніе въ вопросѣ, имѣющемъ важное значеніе для современной цивилизаціи» (стр. 102).

И въ нашей литературѣ раздаются подчасъ голоса, высказывающіе подобныя мысли. Вотъ глубоко прочувствованныя слова одного изъ даровитѣйшихъ писателей нашихъ:

«Статья моя *Приговоръ* касается основной и самой высшей идеи человѣческаго бытія,—необходимости и неизбѣжности убѣжденія въ безсмертіи души человѣческой».... «Безъ вѣры въ свою душу и ея безсмертіе бытіе человѣка неестественно и невыносимо.... На мой взглядъ, въ весьма уже, въ слишкомъ уже большой части интеллигентнаго слоя русскаго.... все болѣе и болѣе и съ чрезвычайною прогрессивною быстротой укореняется совершенное невѣріе въ свою душу и ея безсмертіе».... «Безъ высшей идеи не можетъ существовать ни человѣкъ, ни нація. А высшая идея на землѣ *лишь одна* и именно — идея о безсмертіи души человѣческой, ибо всѣ остальныя *высшія* идеи жизни, которыми можетъ быть живъ человѣкъ, *лишь изъ нея вытекаютъ*».—Говоря объ изображенномъ имъ убійцѣ, авторъ нашъ поясняетъ: «Передъ нимъ неотразимо стоятъ самые высшіе, самые первые вопросы: для чего жить, когда уже онъ сознаЛъ, что по-животному жить отвратительно, ненормально и недостаточно для человѣка? И что̀ можетъ въ такомъ случаѣ удержать его на землѣ? На вопросы эти разрѣшенія онъ получить не можетъ и знаетъ это, ибо хотя и сознаЛъ, что есть, какъ онъ выражается, *гармонія цѣлаго*, но я-то, говоритъ онъ, ея не понимаю, понять никогда не въ силахъ, а что не буду въ ней самъ участвовать, то это ужь необходимо и само собой выходитъ. Вотъ эта-то ясность и доконЧила его. Въ чемъ же бѣда, въ чемъ онъ ошибся? Бѣда единственно лишь въ потерѣ вѣры въ безсмертіе»....

«Любовь къ человѣчеству даже совсѣмъ немыслима, непонятна и *совсѣмъ невозможна безъ совмѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣческой*... Самоубійство при потерѣ идеи о безсмертіи становится совершенною и неизбѣжною даже необходимостью для всякаго человѣка

чуть-чуть поднявшагося въ своемъ развитіи надъ скотами. Напротивъ, безсмертіе, обѣщая вѣчную жизнь, тѣмъ крѣпче связываетъ человѣка съ землей. Тутъ казалось бы даже противорѣчіе: если жизни такъ много, т. е. кромѣ земной, и безсмертная, то для чего бы такъ дорожить земною-то жизнью? А выходитъ именно напротивъ: ибо только съ вѣрою въ свое безсмертіе человѣкъ постигаетъ всю разумную цѣль свою на землѣ... Словомъ, идея о безсмертіи, это — сама жизнь, живая жизнь, ея окончательная формула и главный источникъ истины и правильнаго сознанія для человѣчества» (Достоевскій. *Дневникъ Писателя*. 1876. стр. 319 и д.).

Почти то же, что говорится здѣсь про нашъ русскій интеллигентный слой, находимъ мы сказаннымъ у Фихте про большинство «образованныхъ» вообще, т. е., которые довольствуются господствующимъ среднимъ уровнемъ образованія. «Если у нихъ есть болѣе или менѣе глубокая потребность вѣрить, то они встрѣчаютъ безпрестанныя противорѣчія между выводами разсудка и вѣрою; они *колеблются* постоянно между желаніемъ и невозможностью для нихъ вѣрить, ибо все то, что они считаютъ положительно дознаннымъ, *прямо противорѣчитъ допущенію безсмертія или по меньшей мѣрѣ не представляетъ никакихъ основаній, благопріятствующихъ этому допущенію*. И едва ли я (продолжаетъ Фихте) заблуждаюсь, утверждая, что большинство нашихъ, такъ называемыхъ, образованныхъ или *мыслящихъ* людей находится, болѣе или менѣе сознательно, именно въ состояніи упомянутаго колебанія и безъизвѣстности по отношенію къ важнѣйшему изъ всѣхъ вопросовъ культуры» (стр. 5).

«Среди такого шатанія—продолжаетъ Фихте (стр. 52)—весьма поучительно выслушать мнѣніе о сущности спири-

туализма и его *истинномъ* значеніи отъ лица, которое составило свое убѣжденіе на основаніи двадцатилѣтняго серьезнаго занятія предметомъ». Дѣло идетъ здѣсь о докторѣ Георгѣ Блöде, личности весьма извѣстной и заслуженной между нѣмецкими жителями Соединенныхъ Штатовъ, бывшемъ главномъ редакторѣ одной ньюйоркской нѣмецкой газеты, и о его статьѣ, напечатанной въ 1877 году въ берлинскомъ журналѣ *Die Gegenwart*».

Привожу здѣсь выдающіяся мѣста этой статьи, перепечатанной въ *Psychische Studien* 1877 года (стр. 559 и слѣд.): «Новѣйшій спиритуализмъ, если называть вещь ея употребительнымъ именемъ, представляетъ, по убѣжденію моему, *величайшее движеніе текущаго столѣтія*. Движеніе это назначено служить исходною точкой и основаніемъ новаго, истиннаго и во всѣхъ отношеніяхъ плодотворнаго преуспѣянія человѣчества. Я высказываю это убѣжденіе какъ результатъ почти двадцатилѣтняго серьезнаго занятія предметомъ и вполнѣ сознаю, что вызову у однихъ сострадательную усмѣшку, у другихъ недовѣрчивое покачиваніе головою. Одни сочтутъ меня за честнаго мечтателя, а другіе, быть можетъ, даже за американскаго изобрѣтателя humbug'овъ.... Спиритуализмъ представляетъ естественную и необходимую реакцію противъ матеріализма, сдѣлавшагося общимъ достояніемъ современнаго цивилизованнаго міра и основаніемъ всѣхъ его стремленій.... Спиритуализмъ сражается тѣмъ же оружіемъ какъ и матеріализмъ: онъ не теорія, не апріорное заключеніе, не мечта метафизики; основаніемъ ему служатъ факты и опытъ. Опираясь на нихъ, новѣйшій спиритуализмъ разсчитываетъ, что новая наука «о духѣ» сдѣлается нераздѣльною частью естествознанія. Эта новая наука представляетъ не опроверженіе, а пополненіе существующей науки...

«Великая задача новѣйшаго спиритуализма, способная подвинуть весь свѣтъ, заключается въ возстановленіи того сознанія связи и единства человѣка съ духовнымъ міромъ, которое утрачено образованнымъ человѣчествомъ. Этотъ духовный міръ относится къ матеріальному міру какъ причина къ дѣйствію, какъ сущность къ явленію. Утративъ сознаніе упомянутой связи, цивилизованный міръ остался, правда, способнымъ къ изумительному развитію матеріальныхъ условій благосостоянія, но въ то же время онъ впалъ въ тѣ заблужденія, къ которымъ неизбѣжно приводитъ отрицаніе духовнаго назначенія всего живущаго. Послѣдствіями этихъ заблужденій видимо болѣетъ все современное человѣчество во всѣхъ формахъ своей общественной и индивидуальной жизни. Исцѣлить его можетъ лишь нарожденіе вновь того сознанія, что назначеніе человѣчества идеально и простирается за предѣлы грубой матеріи. Условіе же возникновенія этого сознанія заключается не въ слѣпомъ вѣрованіи, а въ знаніи, основанномъ на фактахъ, въ научномъ убѣжденіи, что индивидуальная личность человѣка продолжаетъ существовать духовно за предѣлами мимолетной земной жизни. Доказать это, сдѣлать упомянутое знаніе общимъ достояніемъ человѣчества, — вотъ въ чемъ заключается ближайшая и великая задача новѣйшаго спиритуализма.

«Инстинктивное сознаніе этой задачи и необходимости ея разрѣшенія составляетъ тайну неслыханно быстраго всемірнаго распространенія духовнаго движенія, о которомъ идетъ рѣчь. Это послѣднее обстоятельство является неопровержимымъ доказательствомъ благовременности и жизненности новѣйшаго спиритуализма... Онъ всемíренъ по той простой причинѣ, что удовлетворяетъ человѣческой потребности столь же древней, какъ

само человѣчество. Онъ не только оживляетъ вѣрованіе въ міръ духовный и въ существующую для людей возможность сноситься съ нимъ, но дѣлаетъ ихъ достояніемъ знанія, возводя возможность на степень достовѣрности. Вѣрованіе это никогда не изсякало вовсе и сохранялось у всѣхъ народовъ, но теперь, когда новѣйшая наука возвеличила значеніе матеріи до всемогущества и дошла такимъ образомъ до крайняго *нигилизма*, явилась въ лицѣ новѣйшаго спиритуализма необходимая реакція противъ отрицанія... Хотя уже сотни разъ спиритуализмъ считали уничтоженнымъ и внутри, и снаружи, но изо всѣхъ битвъ онъ выходилъ съ новыми силами и представилъ этимъ самое лучшее доказательство заключающейся въ немъ самомъ способности самоочищенія и возрожденія. А способность эта свойственна истинѣ, и только ей одной.

«Отъ своихъ противниковъ спиритуализмъ требуетъ одной только справедливости. Само по себѣ это, конечно, не много, но и это немногое считается излишнимъ его научными врагами. Между тѣмъ имъ слѣдуетъ возразить прежде всего, что спиритуализмъ стоитъ не на шаткой почвѣ теоріи и умствованій, а на твердомъ основаніи факта и опыта. Всѣ тѣ изъ его научныхъ изслѣдователей, которые руководились великимъ и мудрымъ изреченіемъ Фарадея, сказавшаго, что всякій добросовѣстный естествоиспытатель долженъ выкинуть изъ своего словаря слово *невозможно*, всѣ они безъ исключенія сдѣлались убѣжденными послѣдователями и защитниками спиритуализма» [1]).

---

[1]) Что же касается людей, отрицающихъ a priori, и глумящейся безсмысленной толпы, то имъ, говоритъ Блöде, «мы просто укажемъ на древнюю легенду, передающую одно изреченіе оракула: Es traten einst zu gleicher Zeit ein Weiser und ein Narr in den

То значеніе медіумизма, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, не обойдено и Цölльнеромъ. Предлагая свою теорію для объясненія того, *какъ* могутъ происходить нѣкоторыя медіумическія явленія, онъ съ самаго начала для отвѣта на вопросъ *почему*, долженъ былъ допустить существованіе «*разумныхъ четырехмѣрныхъ существъ*». Теперь, во второй части *Научныхъ Статей* Цölльнеръ выразилъ свой взглядъ сначала косвенно, въ цитируемой имъ статьѣ изъ газеты *Байретскіе Листки*, съ которою онъ очевидно согласенъ, а потомъ и прямо, посвятивъ этой сторонѣ вопроса нѣсколько словъ, достаточно обрисовывающихъ его убѣжденія.

Въ *Байретскихъ Листкахъ* находимъ, между прочимъ, слѣдующее (*Wissenschaftliche Abhandlungen* т. 2, стр. 403 и слѣд.): «Религія, если дать ей самое общее опредѣленіе, представляетъ не что иное какъ живое убѣжденіе въ *реальности идеала*, убѣжденіе, равномѣрно проникающее умъ и чувство и связующее ихъ воедино... На вопросъ, существуетъ ли нынѣ у большинства какая-нибудь религія, проникнуты ли сколько-нибудь его дѣла и поступки божественнымъ духомъ, трудно отвѣтить утвердительно.... Должно ли однако человѣчество для пробужденія ослабѣвшей религіозной жизни отказаться отъ источника своего главнаго могущества, отъ *разума* и *науки?* Мы далеки отъ такого требованія». Выходъ представляется здѣсь, по мнѣнію автора статьи, въ сліяніи *вѣры* и *знанія*, и въ этомъ признаетъ онъ «всемірно-историческую истинную задачу нашего вѣка».

Tempel. Der Weise untersuchte erst und urtheilte dann, der Narr urtheilte sofort und untersuchte gar nicht».

Отъ своего лица Цёлльнеръ высказывается въ концѣ втораго тома *Научныхъ Статей* (стр. 1185 и 1187). Онъ ожидаетъ, что «разумъ откроетъ людямъ путь къ дѣйствительной религіозности и къ истинному духу христіанства», что «путь этотъ будетъ очищенъ отъ плевелъ крайнихъ ученій и отъ доктринарныхъ фразъ», что требовавшееся прежде для вѣры «принесеніе въ жертву разума сдѣлается болѣе не нужнымъ».

«Сознаніе нашей ограниченности—замѣчаетъ Цёлльнеръ—представляетъ непоколебимый аргументъ въ пользу оправданія *вѣры въ возможность существованія другаго міра*, который всегда останется недоступнымъ для нашихъ тѣлесныхъ чувствъ», а въ силу «устраненія понятія о «чудѣ», какъ о явленіи, расходящемся съ законами природы, *нравственная* высота христіанства заблеститъ во всемъ ея величіи, проливая утѣшеніе въ сокрушенныя сердца».

Напоминая о пыткахъ и кострахъ, съ которыми встрѣчалось распространеніе *новыхъ* истинъ, Цёлльнеръ говоритъ (стр. 1186): «Эти печальныя явленія не имѣютъ ничего общаго съ религіей, моралью или съ содержаніемъ новыхъ ученій, если взять ихъ самихъ по себѣ. Эти явленія условливаются единственно склонностью человѣчества ко злу, проявляющеюся въ видѣ стремленія къ господству, тираніи, угнетенію слабаго, для того чтобъ удовлетворить собственному эгоизму и тщеславію. Доказывается это и политическимъ «правовѣріемъ либерализма» и «правовѣріемъ науки». Научнымъ «правовѣрнымъ», такъ же какъ и всякимъ другимъ имъ подобнымъ, нѣтъ дѣла до *истины*. Они хлопочутъ только о сохраненіи своего любимаго міра идей и своего развившагося съ теченіемъ времени комфорта».

«А въ томъ нѣтъ—по мнѣнію Цёлльнера (стр. 1184—85)—ни малѣйшаго сомнѣнія, что нынѣшніе «либералы», «прогрессисты» и «матеріалисты» съ радостью сдѣлали бы то же самое, что когда-то дѣлалъ католицизмъ. Триста лѣтъ тому назадъ это совершалось «во славу Божію» *(in majorem Dei gloriam)*, а нынѣ «во славу науки». Актеры тѣ же; измѣнились только декораціи».

Не во славу истинной науки, ставящей впереди всего фактъ, прибавлю я отъ себя, а во славу «догматизма», погрязшаго въ апріорическомъ отрицаніи.

Я кончилъ. Многимъ статья моя вѣроятно доставитъ лишній случай поглумиться, а между моими учеными собратами быть-можетъ опять кто-нибудь «подниметъ перо въ защиту истины», непогрѣшимо открываемой спекулятивнымъ путемъ, при помощи игнорированія данныхъ наблюденія и опыта. Но что бы тамъ ни было, я могу оставаться совершенно покойнымъ и съ полнымъ довѣріемъ ждать будущаго, зная, что на моей сторонѣ союзники вполнѣ непобѣдимые — факты. Мнѣ остается развѣ только пожалѣть о тѣхъ, чьи сужденія рано или поздно будутъ признаны опрометчивыми и ненаучными, потому что не отвѣчаютъ *фактической* (а *догматической*) истинѣ.

V.

АНТИМАТЕРІАЛИЗМЪ ВЪ НАУКѢ,

НЕЙРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗЪ ІЕГЕРА И ГОМЕОПАТІЯ [1]).

(„Новое Время“, 1881 г., 24 и 25 ноября)

Преобладаніе силы надъ матеріей. Признаніе прежде отвергавшихся явленій. Научныя аналогіи въ пользу допущенія месмерическихъ вліяній и возможности дѣйствія гомеопатически-малыхъ дозъ. Аллопатія и гомеопатія; средній путь. Нейрализъ. Хроноскопъ и нервное время. Нейралитическія кривыя; геусограммы и осмограммы. Опыты Іегера надъ гомеопатическими разжиженіями и его выводы.

I.

Не безъ основанія жалуются на паденіе идеаловъ, на преобладаніе грубаго матеріализма, но совершенно неосновательно винятъ въ этомъ положительное знаніе. Оно учитъ строго отличать фактъ отъ вывода; оно указываетъ лишь то, что есть, ограничиваясь областью наблюденія и опыта; оно вовсе не говоритъ о несуществованіи или невозможности существованія чего-либо. Не его вина, если нѣкоторые слишкомъ рьяные и недостаточно строгіе его адепты хватаютъ черезъ край.

---

[1]) Эта статья составляетъ одно цѣлое со статьей «Точки соприкосновенія гомеопатіи и медіумизма. Открытое письмо Іегеру», напечатанной въ «Psychische Studien» и переводъ которой будетъ помѣщенъ въ отдѣлѣ нѣмецкихъ статей автора.

Издатель.

Лучшимъ, вѣрнымъ лекарствомъ отъ ихъ заблужденій можетъ служить то же самое положительное знаніе: всякое отрицаніе падаетъ предъ реальностью и здравомысліемъ, если только заблуждающійся дѣйствительно человѣкъ знанія, а не фанатикъ недоступный и говору фактовъ. Что фанатизмъ и въ отрицаніи не рѣдкость — это внѣ всякаго сомнѣнія. Факты, думается намъ, начинаютъ говорить все громче и громче противъ отрицанія. Теперь очередь за матеріализмомъ: ему приходится, склоняясь передъ дѣйствительностью, поступаться своимъ идеаломъ—если можно назвать «идеаломъ» стремленіе свести все существующее, безъ исключенія, къ чему-нибудь такому, что люди могутъ видѣть, ощупать, обнюхать, вымѣрить, взвѣсить и запереть въ банку. Наблюдая безпристрастно, со стороны, замѣчаешь ясно, какъ понемногу, шагъ за шагомъ, накопляются научные факты, понижающіе пьедесталъ, на который возвели *матерію*, и выдвигается впередъ преобладающее значеніе *силы*. Мы разумѣемъ здѣсь не тѣ странныя, трудно наблюдаемыя явленія, которыя описываются Уаллэсомъ, Круксомъ, Цёлльнеромъ и нѣкоторыми другими, а въ русскомъ ученомъ мірѣ имѣютъ также своихъ защитниковъ въ лицѣ профессора Вагнера и моемъ. Дѣло идетъ о фактахъ болѣе или менѣе прочно констатированныхъ, провѣрить которые наблюденіемъ и опытомъ доступно для всякаго.

Къ такимъ фактамъ принадлежатъ, напримѣръ, явленія гипнотизма, надѣлавшія столько шума, и сродныя съ нимъ явленія, наблюдавшіяся и вызываемыя знаменитымъ Шарко надъ истерическими больными; сюда же относится такъ называемая *металлоскопія*, породившая даже *ксилоскопію*. Подъ первымъ названіемъ разумѣютъ факты, нынѣ уже прочно установленные, констатирую-

щіе характерное вліяніе, при простомъ прикосновеніи къ кожѣ, разныхъ металловъ и магнита на животный организмъ. При этомъ, различные металлы оказываются имѣющими различное дѣйствіе. Ксилоскопіей называютъ подобное же вліяніе, принадлежащее, говорятъ, нѣкоторымъ древеснымъ породамъ, и въ особенности—хинной коркѣ. Изъ металлоскопіи уже возникла *металлотерапія*—умѣнье пользоваться упомянутымъ вліяніемъ для врачебныхъ цѣлей. Эта отрасль медицины, весьма уважавшаяся въ древности и потомъ заброшенная, отрицавшаяся, какъ что-то мистическое и невозможное, — теперь опять начинаетъ пріобрѣтать право гражданства въ наукѣ [1]). Подобная же участь ожидаетъ, конечно, и нѣкоторыя другія категоріи знанія, остающіяся пока непризнанными. Если вѣрить наблюденіямъ Циглера (въ Женевѣ), то вліянія металловъ, хины и также живыхъ организмовъ или ихъ частей, могутъ дѣйствовать и на растенія—дрозеру *(росянку)*, которой волоски одарены нѣкоторою способностью движенія и которая занимаетъ, какъ извѣстно, видное мѣсто въ наблюденіяхъ Дарвина надъ насѣкомоядными растеніями. Вліянія эти могутъ даже, будто-бы, передаваться на разстояніи по нѣкоторымъ проводникамъ.

Въ сущности и про гипнотическія явленія, и про факты Шарко можно сказать то же, что и про вліянія металловъ. Они далеко не новость, и не болѣе какъ извѣстныя, теперь вновь подогрѣтыя и пока еще на половину только признанныя явленія животнаго магнетизма, выступающія подъ новымъ и быть можетъ бо-

[1]) См. «Календарь для врачей» на 1882 г., стр. 161 и 180. Факты металлоскопіи и металлотерапіи охарактеризованы тамъ названіемъ «почти чудовищныхъ».

лѣе подходящимъ названіемъ. Впрочемъ, вмѣсто него, пожалуй, справедливѣе было бы, руководясь старшинствомъ, употреблять названіе *месмеризмъ*. Въ самомъ дѣлѣ, только тотъ, кто намѣренно игнорируетъ все относящееся до месмеризма, можетъ видѣть въ гипнотизмѣ новость. Да и месмеризмъ въ свое время новостью не былъ: явленія изъ его области были извѣстны древнимъ, какъ и явленія металлоскопіи. Правда, гг. врачи— и особенно у насъ — допускаютъ изъ числа гипнотическихъ явленій только тѣ, которыя такъ или иначе еще можно согласовать съ ихъ излюбленными воззрѣніями; они отрицаютъ все то, что имъ кажется неудобнымъ, какъ намекъ на существованіе и дѣйствіе чего-то самостоятельнаго не порождаемаго матеріею. Не трудно однако же предвидѣть, что ихъ усилія не могутъ быть успѣшны въ виду напора фактовъ, и нашимъ гг. комисіонерамъ Солянаго Городка, обнаружившимъ какъ-то, по поводу пріѣзда Ганзена, столь много напрасной ревности къ опеканію публики отъ антиматеріалистическихъ выводовъ,—придется сознаться рано или поздно, что они напрасно теряли трудъ и время.

Сказать правду, мы никогда хорошенько не могли понять, почему затрудняются допустить, напримѣръ, вліяніе волевыхъ импульсовъ одного организма на дѣйствія другаго, безъ прямой передачи ихъ словами или знаками. Самыя явленія воли, ихъ постоянное дѣйствіе на собственный организмъ—загадка, но загадка, существованіе которой никѣмъ не можетъ быть оспариваемо. Нельзя не признать, что дѣйствіе воли сопровождается нѣкоторыми измѣненіями въ состояніи вещественнаго организма, а вліяніе состоянія веществъ на разстояніяхъ—фактъ: желѣзо, намагничиваясь, начинаетъ дѣйствовать на разстояніи; проволоки, начавши проводить

электрическіе токи, взаимнодѣйствуютъ на разстояніи; всѣ тѣла, нагрѣвшись, сдѣлавшись свѣтящимися, начинаютъ посылать видимые и невидимые намъ лучи на огромныя разстоянія и т. д. Почему же не дѣйствовать на разстояніи и волѣ? Измѣненіе въ состоніи одного организма, конечно, можетъ вызывать опредѣленныя измѣненія въ другомъ организмѣ.—Право, кажется, недомысліе и отрицаніе находятся подъ часъ въ близкомъ родствѣ!

Можно, пожалуй, идти дальше. Сила, какъ извѣстно, способна скопляться въ тѣлахъ, образовать запасъ (*потенціальная энергія*); напр., тепло и свѣтъ, обнаруживающіеся при горѣніи дерева, каменнаго угля и т. п., представляютъ выдѣленія энергіи приносимой на землю лучами солнца и поглощенной, запасенной растеніемъ во время его развитія; любой газъ представляетъ резервуаръ энергіи, обнаруживающейся въ видѣ тепла при сжатіи и, въ особенности, при переходѣ газа въ жидкое состояніе; такъ называемый *кантоновъ фосфоръ* [1]) способенъ поглощать свѣтъ и потомъ выдѣлять его, свѣтить въ темнотѣ, и проч. и проч. Месмеристы увѣряютъ, что волевые импульсы могутъ быть фиксированы на веществѣ и могутъ, такъ сказать, сохраняться въ немъ въ запасѣ. Допустить возможность этого конечно не легко, но разумный скептицизмъ, далекій отъ апріорнаго отрицанія, требуетъ величайшей осторожности и всесторонней провѣрки. Попробуйте однакожъ заговорить объ этомъ съ высокоученымъ отрицателемъ, и вы навѣрно не встрѣтите ничего кромѣ глумленія или снисходительнаго сожалѣнія о тѣхъ, которые мо-

---

¹) Его приложенію обязаны своимъ происхожденіемъ свѣтящіяся въ темнотѣ вещи, находящіяся нынѣ въ такомъ ходу.

гутъ находить подобныя «глупости» заслуживающими какого-нибудь вниманія.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ есть впрочемъ обстоятельства, значительно затрудняющія дѣло: явленія происходятъ въ сложнѣйшемъ и запутаннѣйшемъ изъ объектовъ, могущихъ подлежать наблюденію и опыту—въ животномъ и, по преимуществу, въ человѣческомъ организмѣ; а чѣмъ сложнѣе наблюденія, тѣмъ легче ошибка. Съ другой стороны, приложеніе точныхъ, мѣрительныхъ методовъ является здѣсь вообще невозможнымъ или, по меньшей мѣрѣ, крайне труднымъ.

Но есть явленія и болѣе простыя, способныя поколебать престолъ, на который возведена нынѣ матерія. Таковы, напр., извѣстныя наблюденія Гитторфа и Крукса надъ тепловыми эффектами, которые можетъ произвести электричество, лучисто распространяясь отъ отрицательнаго полюса въ пространствѣ, содержащемъ чрезвычайно разрѣженный газъ. Концентрируя эти электрическіе «лучи», Круксъ плавилъ платину. Энергія тока передается здѣсь веществу чрезъ пространство почти пустое и производитъ страшное возвышеніе температуры. Чѣмъ же переносится энергія? Много-ли, оказывается, нужно вещества для того, чтобы оно явилось носителемъ огромнаго количества силы? Передача силы здѣсь, напротивъ, тогда именно и становится возможной, когда количество вещества доведено до минимума. Механика учитъ, что количество энергіи опредѣляется вѣсовой массой двигающагося вещества и скоростью движенія; если масса уменьшается, то скорость должна значительно увеличиться для того, чтобы эффектъ остался тотъ же. Съ этой точки зрѣнія, при безконечно малой массѣ разрѣженнаго газа, мы должны, для объясненія значительности эффекта, принять скорости, переходящія

за всякій предѣлъ нашего представленія.— Въ маленькомъ снарядѣ мы встрѣчаемся съ безконечностію также точно, какъ и въ глубинахъ мірозданія. Здѣсь — безконечность скорости; тамъ—безконечность пространства.

Гомеопаты давно увѣряютъ, что, для произведенія весьма значительныхъ дѣйствій на животный организмъ, нужны чрезвычайно малыя дозы вещества; они увѣряютъ даже, что съ уменьшеніемъ дозы возрастаетъ эффектъ. Только-что упомянутые несомнѣнные факты, легко констатируемые и, притомъ, констатируемые не на сложномъ объектѣ, каковъ животный организмъ, а на мертвомъ веществѣ, могутъ служить хорошей, твердой опорой для гомеопатіи. Но и помимо этихъ фактовъ, безпристрастный мыслитель едва ли найдетъ возможность отрицать безъ опыта дѣйствіе гомеопатическихъ лекарствъ, — тѣмъ болѣе, что въ возможности этого дѣйствія убѣждались всѣ тѣ наблюдатели, которые дали себѣ трудъ отнестись къ предмету терпѣливо и безъ особеннаго предубѣжденія. Ходячій доводъ отрицателей сводится и въ этомъ случаѣ обыкновенно къ «не понимаю, а потому и не могу допустить». Какъ будто мѣркой нашего ограниченнаго пониманія исчерпываются безконечныя возможности природы! Оставимъ въ сторонѣ нашу гордую претензію понимать; вспомнимъ, что при здравомъ изученіи природы впереди всего идетъ констатированіе факта наблюденіемъ, потомъ — изученіе, при помощи того же наблюденія и при помощи опыта, разныхъ условій появленія факта. Только лишь послѣ всего этого наступаетъ — и то не скоро, и далеко не всегда — возможность пониманія.

Въ этомъ стремленіи понять — первенствующая роль принадлежитъ аналогіямъ; приравненіе явленія къ явленіямъ болѣе или менѣе изученнымъ, понятнымъ, есть

первый, необходимый шагъ къ пониманію. Что же говорятъ намъ аналогіи въ данномъ случаѣ? Онѣ совсѣмъ не на сторонѣ отрицанія. Въ самомъ дѣлѣ, мы наблюдаемъ въ большинствѣ случаевъ, что приведеніе вещества въ состояніе менѣе сложное, болѣе тонкое, сопровождается накопленіемъ въ немъ энергіи, т. е. въ этомъ именно состояніи вещество является болѣе дѣятельнымъ. Образованіе воды изъ льда, — пара изъ воды — сопровождаются поглощеніемъ тепла; паръ является, такъ сказать, резервуаромъ энергіи; выдѣляя ее при обратномъ переходѣ въ воду, онъ оказывается способнымъ производить, напр., движеніе массъ, механическую работу. Химикъ скажетъ вамъ, что для разложенія вещества онъ долженъ въ большинствѣ случаевъ затрачивать силу, придавая веществу энергію. Такъ, напр., отъ водянаго пара можно перейдти къ его составнымъ частямъ, къ водороду и кислороду, только на условіи еще несравненно большей затраты энергіи, чѣмъ при переходѣ отъ воды къ водяному пару: водородъ и кислородъ являются сравнительно огромными резервуарами силъ. Этотъ запасъ обнаруживается при обратномъ переходѣ въ воду, при соединеніи водорода съ кислородомъ, или въ видѣ громаднаго тепловаго эффекта или въ видѣ взрыва, т. е. движенія массъ. Если обратиться къ веществамъ химически однороднымъ, къ элементамъ, то и тутъ вообще оказывается, что наиболѣе энергичная химическая дѣятельность принадлежитъ именно такимъ элементамъ, которыхъ надобно, по вѣсу, сравнительно меньше, чѣмъ другихъ, для того, чтобы произвести опредѣленное химическое дѣйствіе. И такъ, если вообще, во множествѣ случаевъ, приходится наблюдать возрастаніе силъ при переходѣ вещества въ болѣе простое и тонкое состояніе, то отчего же, спрашивается, со-

чтемъ мы себя вправѣ отвергать подобное явленіе тамъ, гдѣ массы вещества по своей незначительности ускользаютъ отъ нашего прямаго наблюденія и непосредственнаго измѣренія? Развѣ можно забывать, что *большое* и *малое* — понятія относительныя, а безконечность одинаково существуетъ и одинаково недоступна для насъ, какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ.

Но если и оставить въ сторонѣ всѣ эти соображенія, то прямыхъ наблюденій, каждому доступныхъ и почти каждымъ сдѣланныхъ, достаточно для того, чтобы быть въ высшей степени осторожнымъ въ отрицаніи возможности дѣйствія гомеопатическихъ дозъ. Наблюденія эти не принимаются въ соображеніе, кажется, именно потому только, что они слишкомъ обыкновенны. Всякому извѣстно, какъ мало надо нѣкоторыхъ пахучихъ веществъ для того, чтобы обонять ихъ; напримѣръ, большое пространство оказывается наполненнымъ запахомъ, т. е. въ атмосферѣ этого пространства всюду находятся частички пахучаго вещества, а между тѣмъ количество его не убыло вовсе, или, лучше сказать, происшедшая убыль такъ ничтожна, что констатировать ее на дѣлѣ мы не имѣемъ средствъ. Извѣстно также какія сильныя дѣйствія можетъ произвести запахъ на организмъ достаточно-чувствительный: рвота, конвульсіи, обморокъ и т. п. могутъ быть имъ вызваны. Но если возможность вліянія безконечно-малыхъ количествъ вещества на обонятельные нервы не подлежитъ сомнѣнію, то какое основаніе отвергать возможность подобныхъ вліяній на нервы наши вообще? Въ одномъ случаѣ впечатлѣніе, получаемое нервами, можетъ достигать сознанія, въ другомъ — нѣтъ; но фактъ вліянія можетъ все-таки существовать въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ первомъ. Не доходя до сознанія, онъ тѣмъ не

менѣе можетъ выразиться извѣстными перемѣнами въ отправленіяхъ организма. Каждый чувствуетъ и сознаетъ напр. біеніе своего сердца, а червеобразное движеніе собственныхъ кишекъ никѣмъ не чувствуется, но тѣмъ не менѣе происходитъ и обладаетъ огромнымъ значеніемъ для жизни организма.

Вліяніе малыхъ гомеопатическихъ пріемовъ представляется такимъ образомъ совсѣмъ не столь невозможнымъ и непонятнымъ, какъ это обыкновенно думаютъ. Возвышеніе дѣятельности вслѣдствіе разрѣженія тоже не лишено аналогій, и факты, защищаемые гомеопатами, должны бы давно обратить на себя серьезное вниманіе непредубѣжденныхъ здравомыслящихъ врачей. Но въ томъ-то и дѣло, что людей способныхъ отбросить предубѣжденія между адептами науки меньше, чѣмъ гдѣ-либо. Не даромъ сказалъ одинъ — тоже ученый, что «привычка къ мнѣнію порождаетъ убѣжденіе въ его непогрѣшимости».

Хладнокровному наблюдателю дѣло представляется ясно: увлекаются обѣ стороны. Гомеопаты грѣшатъ тѣмъ, что обыкновенно вовсе отказываются отъ аллопатіи, а противники ихъ, закрывая глаза на факты, впадаютъ въ апріорное отрицаніе ничѣмъ неоправдываемое. Соединеніе обоихъ методовъ несомнѣнно будетъ со временемъ преобладать въ медицинѣ. Въ живомъ организмѣ происходятъ физическіе и химическіе процессы, но процессы эти управляются дѣятельностью нервной системы, которой принадлежитъ первостепенное значеніе. Прямое, грубое, механическое или химическое вліяніе вещества является тогда, когда оно введено въ организмъ въ количествѣ болѣе или менѣе значительномъ; оно дѣйствуетъ тогда быстро и непосредственно, принимая участіе въ томъ или другомъ

процессѣ, — дѣйствуетъ такъ, какъ дѣйствовало бы въ лабораторной стклянкѣ, или почти такъ, какъ дѣйствуетъ ножъ въ рукѣ хирурга. Такое дѣйствіе вліяетъ на нервную систему по преимуществу только косвенно. При неосторожности, аллопатическій пріемъ, упорядочивая ходъ одного процесса, нерѣдко производитъ безпорядокъ въ другомъ. Но есть другой способъ вліять на ходъ процессовъ, вліять не прямо, но тѣмъ не менѣе могущественно. Способъ этотъ заключается въ непосредственномъ, исключительномъ дѣйствіи на то, что управляетъ процессомъ — на нервы. Это — гомеопатическій методъ. Сами аллопаты, кажется, нерѣдко лечатъ въ сущности на основаніи этого гомеопатическаго метода. Тогда то именно и приходится имъ сознаваться, что они дѣйствуютъ чисто-эмпирически. Такъ, напр., дѣйствіе хинина въ перемежающейся, болотной лихорадкѣ не будетъ гомеопатическимъ: вещества надобно дать тутъ столько, чтобы оно, такъ сказать, отравило кровь до степени достаточной для умерщвленія маларійныхъ микроорганизмовъ, вызывающихъ своимъ присутствіемъ лихорадочныя явленія. Но если дѣло идетъ о тоническомъ, укрѣпляющемъ дѣйствіи хинина, то его, повидимому, приходится скорѣе причислить къ вліяніямъ гомеопатическимъ. Аллопаты въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ обыкновенно къ своимъ малымъ пріемамъ, и пріемы эти конечно нерѣдко могли бы быть превращены въ настоящіе гомеопатическіе.

Возьмемъ еще примѣръ. Малокровіе лечится, какъ извѣстно, желѣзомъ. Аллопатическіе пріемы желѣза могутъ нѣсколько измѣнить составъ крови, обогащая ее тѣми именно частями, которыя содержатъ въ себѣ желѣзо, и которыхъ недостатокъ обнаруживается у малокровныхъ. Измѣненіе состава ведетъ къ улучшенію пи-

танія, кровотворенія, а чрезъ это и къ улучшенію хода нервной жизни. Прямо на нервы желѣзо въ этомъ случаѣ едва ли дѣйствуетъ въ смыслѣ обогащенія крови; а его грубое, химическое вліяніе на кровь возможно, разумѣется, тогда только, когда организмъ способенъ усвоять большую или меньшую часть вводимаго въ него желѣза. Если такого усвоенія нѣтъ, — если, напримѣръ, питаніе организма значительно ослаблено, — то желѣзо сполна пройдетъ чрезъ него не усвояясь, и ожидаемаго дѣйствія не будетъ. Но значитъ ли это, что въ такомъ случаѣ вовсе нѣтъ пути къ обогащенію крови желѣзомъ? Путь этотъ существуетъ, и будетъ путемъ гомеопатическимъ (въ томъ смыслѣ слова, какой мы придали ему выше), хотя бы самые пріемы лекарства и были аллопатическіе: можно дѣйствовать на нервы и чрезъ это сдѣлать питаніе, усвоеніе веществъ болѣе дѣятельнымъ. Источникомъ желѣза послужитъ тогда обыкновенная пища, въ которой оно всегда присутствуетъ; то желѣзо пищи, которое безъ возбужденія нервовъ врачебнымъ веществомъ организмъ не могъ бы воспринять, будетъ теперь имъ задерживаться и скопляться въ кровяномъ потокѣ.

Разсуждая такимъ образомъ, мы конечно совсѣмъ не претендуемъ на полную безошибочность сказаннаго; но мы издавна думали, что такое толкованіе возможно и вѣроятно, — что апріорическое столь распространенное отрицаніе дѣйствія гомеопатически-малыхъ пріемовъ опирается вовсе не на строгія данныя науки, а скорѣе указываетъ на недостаточно-строгое обсужденіе данныхъ съ ихъ аналогіями.

Блестящее фактическое подтвержденіе основательности гомеопатическаго ученія дано въ новѣйшее время интересными опытами извѣстнаго штутгартскаго зоолога

и физiолога профессора Густава Iегера (Iaeger). По мнѣнiю Iегера, результаты имъ полученные, способные къ точному выраженiю цифрами, «сразу дѣлаютъ *гомеопатiю* отраслью врачеванiя *точно-физiологически обоснованной*, *ничѣмъ не уступающей аллопатiи*». Методъ свой Iегеръ назвалъ *нейральнымъ анализомъ* (Neuralanalyse). Для удобства насъ, русскихъ, не привыкшихъ къ длиннымъ составнымъ словамъ въ нѣмецкомъ духѣ, мы рѣшаемся сократить это названiе по возможности и превратить его въ «*нейрализъ*». Методъ и результаты нейралическихъ опытовъ Iегера изложены имъ въ особой брошюрѣ [1]) съ эпиграфомъ: «*Числа доказываютъ!*» (Zahlen beweisen.)

II.

«Нейрализъ» (Neuralanalyse) Iегера основывается на приложенiи снаряда, извѣстнаго подъ именемъ *хроноскопа*. Назначенiе хроноскопа—опредѣлять весьма малые промежутки времени. Одна стрѣлка въ этомъ снарядѣ дѣлаетъ 5 или 10 оборотовъ въ секунду. Для нейралическихъ опытовъ достаточно пяти оборотовъ. Стрѣлка эта можетъ быть мгновенно пущена въ ходъ замыканiемъ гальваническаго тока и также мгновенно остановлена его размыканiемъ. Чувствительность инструмента такова, что хроноскопомъ съ 10-ю оборотами стрѣлки можно измѣрить время, употребленное летящей пулей для того, чтобы пройти разстоянiе въ одинъ футъ. Для этого располагаютъ опытъ такъ, что пуля, пролетая,

[1]) Die Neuralanalyse, insbesondere in ihrer Anwendung auf die homöopatischen Vardünnungen, von Prof. Dr. Gustav Iaeger. Leipzig. Ernst Günther's Verlag. 1881 г. Съ 6-ю таблицами.

дѣйствуетъ на проволоку и замыкаетъ токъ, а черезъ футъ разстоянія разрываетъ другую проволоку, и токъ прекращается. Стрѣлка снаряда успѣваетъ въ это время двинуться и пройти нѣкоторую часть оборота.

Нейрализъ заключается въ измѣреніи того, что у астрономовъ обозначается названіемъ *личнаго уравненія*, и что Іегеръ называетъ *нервнымъ временемъ* (Nervenzeit).

Если кто-либо наблюдаетъ моментъ появленія какого-нибудь сигнала и долженъ отмѣтить этотъ моментъ опредѣленнымъ знакомъ, напр. движеніемъ пальца, то между появленіемъ сигнала и движеніемъ пальца протекаетъ нѣкоторый промежутокъ времени, идущій на то, чтобы впечатлѣніе, полученное нервной сѣткой глаза, прошло чрезъ зрительный нервъ до мозга и отсюда распространилось по двигательнымъ нервамъ до мускуловъ пальца. Это и будетъ *нервное время*. Чтобы измѣрять его посредствомъ хроноскопа, замѣчаютъ положеніе стрѣлки, и, внимательно глядя на нее, медленнымъ движеніемъ руки замыкаютъ токъ, и тѣмъ пускаютъ стрѣлку въ ходъ. Какъ только наблюдатель замѣтилъ начавшееся движеніе стрѣлки, онъ быстро его прекращаетъ размыканіемъ тока, и снова замѣчаетъ положеніе стрѣлки. Разность обоихъ положеній стрѣлки выразитъ «нервное время» въ извѣстныхъ доляхъ секунды. Продолжительность «нервнаго времени» будетъ зависѣть, во-первыхъ, отъ состоянія, въ которомъ находится проводимость нервнаго и мышечнаго аппарата. Состояніе это совершенно независимо отъ воли. Во-вторыхъ, оно зависитъ отъ степени напряженности вниманія и силы волеваго импульса въ наблюдателѣ: чѣмъ энергичнѣе желаніе, чѣмъ больше вниманія, тѣмъ короче «нервное время». Чтобы второе условіе легче было соблюсти—необходимо упражненіе, въ силу котораго—

по такъ называемому физіологами закону сообразованія (координаціи) движеній—достаточнымъ становится одинъ волевой импульсъ для того, чтобы совершить два движенія (замыканіе и размыканіе тока). Эти движенія сначала являются произвольными оба, но при достаточной привычкѣ второе изъ нихъ становится невольнымъ и всегда непосредственно слѣдуетъ за первымъ. Когда эта привычка пріобрѣтена, то «нервное время», опредѣляемое посредствомъ хроноскопа, становится мало зависимымъ отъ воли и указываетъ главнымъ образомъ только на быстроту распространенія возбужденія по нервамъ и мышцамъ.

До сихъ поръ обыкновенно обращали вниманіе на среднюю величину «нервнаго времени»; но Іегеръ замѣтилъ, что оно подлежитъ замѣчательнымъ колебаніямъ, которыя быстро слѣдуютъ одно за другимъ. Если, напр., сдѣлать сто хроноскопическихъ измѣреній «нервнаго времени» одно за другимъ чрезъ малые промежутки, напр. чрезъ каждыя 10 или 20 секундъ, то получится рядъ цифръ, значительно различныхъ между собою, причемъ измѣненія въ величинѣ этихъ цифръ, т. е. колебанія величины нервнаго времени—оказываются весьма характерными. Ихъ можно выразить по извѣстному способу графически, посредствомъ кривой линіи. Кривую, представляющую результаты всѣхъ сдѣланныхъ одно за другимъ измѣреній, Іегеръ называетъ *подробною* (Detailkurve). Кромѣ нея онъ строитъ другую кривую, обозначающую тѣ цифры, которыя получаются, если соединить послѣдовательныя наблюденія по десяти вмѣстѣ и вывести средній результатъ изъ каждаго десятка. Такой общій результатъ 10 наблюденій названъ Іегеромъ *декадной* цифрой (Decadenmittel или Decadenziffer). *Нейралитическія* кривыя (Neura-

lanalytische Kurven) представляютъ наглядно, въ числахъ, состоянiе нашего нервнаго аппарата, по отношенiю къ проводимости возбужденiя, и характерныя колебанiя этой проводимости. Изучая этимъ путемъ состоянiе нервной системы, можно судить о томъ, какъ именно дѣйствуютъ на нее опредѣленныя внѣшнiя и внутреннiя влiянiя; а такъ какъ дѣйствiе ихъ, при одинаковыхъ условiяхъ, постоянно, то, наоборотъ, по характерному состоянiю проводимости нервной системы, можно дѣлать вѣрныя заключенiя о натурѣ тѣхъ влiянiй, подъ которыми находились нервы во время сдѣланнаго измѣренiя.

По опытамъ Iегера и его учениковъ, видъ нейралитическихъ кривыхъ, которыя онъ называетъ также «психограммами», измѣняется съ одной стороны, отъ всего приходящаго въ организмъ извнѣ, а съ другой — отъ всякихъ внутреннихъ аффектовъ, каковы, напримѣръ, удовольствiе, гнѣвъ, боязнь, голодъ, жажда и проч. и проч. При этомъ, каждому влiянiю или аффекту отвѣчаютъ особыя характерныя кривыя. Съ другой стороны, одно и то же лицо, предпринимая опытъ при одинаковыхъ условiяхъ, получаетъ каждый разъ сходную психограмму подъ влiянiемъ опредѣленнаго введеннаго въ организмъ вещества. Особенно интересно и важно для нейрализа то, что способъ введенiя веществъ въ организмъ не имѣетъ значенiя: летучее вещество, при прiемѣ внутрь, даетъ тотъ же результатъ, какъ и при вдыханiи, причемъ совершенно безразлично, имѣетъ вещество запахъ или нѣтъ.

Такъ какъ для полученiя результатовъ, допускающихъ сравненiе, условiя во время опыта должны быть каждый разъ по возможности одинаковы, то необходимо обращать строгое вниманiе и на пищу съ питъ-

емъ, и на чистоту атмосферы въ комнатѣ, гдѣ производятся опыты, и на состояніе здоровья или духа. Нѣсколько хроноскопическихъ измѣреній «нервнаго времени» могутъ тотчасъ показать опытному наблюдателю, находится ли онъ въ томъ же «нейралитическомъ расположеніи» (Neuralanalytische Disposition) по отношенію ко всѣмъ условіямъ, какъ и при опытахъ предыдущихъ. При этомъ обнаруживается огромная чувствительность организма: такъ, напримѣръ, достаточно, по увѣренію Іегера, капли виннаго спирта, пролитой на столъ покрытый лакомъ, чтобы запахъ лака, распространившись въ комнатѣ, измѣнилъ психограмму и нарушилъ ходъ опыта.

При производствѣ нейралитическихъ опытовъ надъ дѣйствіемъ разныхъ веществъ, можно ихъ принимать внутрь или нюхать. Это, какъ упомянуто, не измѣняетъ результата: въ томъ и другомъ случаѣ характерныя для вещества кривыя получаются одинаково; Іегеръ называетъ *геуограммой* психограмму вкусовую и *осмограммой* психограмму обонятельную. Осмограммы несравненно удобнѣе, потому что приложеніе ихъ гораздо шире: даже металлы — говоритъ Іегеръ — достаточно летучи, чтобы получать съ ними отличнѣйшія осмограммы. Притомъ дѣйствіе вещества, принятаго внутрь, нельзя прекращать по произволу, между тѣмъ какъ съ веществомъ вдыхаемымъ это сдѣлать не трудно. Для полученія осмограммъ достаточны ничтожныя количества вещества, и если оставить въ сторонѣ огромныя гомеопатическія разжиженія, то величина пріема оказывается не имѣющею большаго значенія. Такъ, напримѣръ, при вдыханіи алкоголя, результатъ одинаковъ, будетъ ли взята его поверхность размѣромъ въ одинъ квадратный центиметръ или будетъ алкоголь налитъ на тарелку.

Нейрализъ сначала разрабатывался Іегеромъ независимо отъ гомеопатіи, и будучи ранѣе противникомъ гомеопатическаго ученія о разжиженіяхъ, Іегеръ былъ весьма удивленъ, когда одинъ изъ его учениковъ случайно нашелъ значительное различіе въ дѣйствіи чистаго алкоголя и одного гомеопатическаго средства, взятаго въ сороковомъ разведеніи. Іегеръ не скрывалъ этого страннаго результата, и слѣдствіемъ было то, что одинъ изъ гомеопатовъ обратился къ нему съ просьбой подвергнуть гомеопатическія разжиженія систематически нейралитическому испытанію. Для этого изслѣдованія взяты были четыре гомеопатическихъ средства: *аконитъ*, *туйя*, *поваренная соль* (хлористый натрій) и *золото*. Аконитъ выбранъ былъ потому, что представляетъ одно изъ употребительнѣйшихъ гомеопатическихъ средствъ; соль— потому, что ея дѣйствіе, описываемое гомеопатами, представляется особенно непонятнымъ въ виду постояннаго присутствія въ нашемъ организмѣ немалыхъ количествъ соли. Притомъ она также почти постоянно присутствуетъ и въ воздухѣ, а съ пищей мы ежедневно глотаемъ ее въ пріемахъ далеко не гомеопатическихъ. *Туйя* взята была какъ средство, которому гомеопаты приписываютъ способность дѣйствовать въ особенности въ наивысшихъ разведеніяхъ, а золото — какъ вещество, считающееся нерастворимымъ въ алкоголѣ.

Кромѣ самого Іегера, наблюденія производились еще тремя его учениками. Всѣ средства испытывались обыкновенно такимъ образомъ, что сначала каждый разъ дѣлалось, одно за другимъ, 10 наблюденій при нормальномъ состояніи наблюдателя, потомъ — 90 наблюденій съ тѣмъ алкоголемъ, который служилъ для приготовленія разведенія даннаго средства, и затѣмъ уже—100 наблюденій надъ самимъ средствомъ. Соединяя всѣ эти

наблюденія въ декады, выводя для каждой декады средній результатъ, и строя кривыя, получаютъ двойную (изъ 200 опытовъ) декадную осмограмму, въ которой первая декада будетъ отвѣчать нормальному состоянію, девять послѣдующихъ — алкоголю, и десять остальныхъ — взятому гомеопатическому средству. Для того, чтобы знать, какъ и насколько опыты съ чистымъ алкоголемъ могутъ вліять на результатъ тѣхъ опытовъ со средствами, которые идутъ непосредственно за ними — получаемы еще были осмограммы, при которыхъ, послѣ 90 опытовъ съ чистымъ алкоголемъ, дѣлалось еще 100 опытовъ съ нимъ же самимъ. Сравненіе всѣхъ осмограммъ позволяетъ судить о томъ, можно ли нейралитически отличить данное гомеопатическое средство отъ алкоголя, употребленнаго для его приготовленія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ получился утвердительный.

Результаты оказались совершенно положительными и, вообще, характерными и постоянными для одного и того же наблюдателя и одного и того же средства. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ результаты сходились и у разныхъ наблюдателей. Гомеопатическія средства покупались въ готовомъ видѣ; но такъ какъ нѣкоторыми защитниками аллопатіи было высказано подозрѣніе, что разжиженіе лекарствъ въ гомеопатическихъ аптекахъ быть можетъ не всегда производится добросовѣстно, то Іегеръ заставлялъ иногда приготовлять лекарства у себя на дому, подъ собственнымъ наблюденіемъ. Результаты получались при этомъ тѣ же самые, какъ и съ лекарствами взятыми изъ гомеопатическихъ аптекъ въ готовомъ видѣ. Что касается алкоголя, употребляемаго для приготовленія лекарствъ въ разныхъ аптекахъ, то онъ найденъ не совсѣмъ одинаковымъ по своему нейралитическому значенію, и Іегеръ

призываетъ вниманіе врачей-гомеопатовъ на это обстоятельство.

По опытамъ Іегера, не только оказалось, что гомеопатическія средства дѣйствуютъ опредѣленно даже и въ высшихъ (*сотыхъ и тысячныхъ*) разжиженіяхъ, но подтвердилось также и общепринятое у гомеопатовъ мнѣніе, что дѣйствіе усиливается чрезъ разжиженіе. Аконитъ въ первоначальной тинктурѣ уменьшалъ возбуждаемость, а въ разжиженіяхъ вообще увеличивалъ ее; причемъ максимумъ дѣйствія оказался у 15-го разжиженія. Въ дальнѣйшихъ разжиженіяхъ дѣятельность аконита уменьшается до нѣкоторой степени, но потомъ снова начинаетъ увеличиваться, и, при 150-мъ разжиженіи, достигаетъ новаго максимума, но не столь высокаго, какъ первый. Характерныя черты дѣйствія оказались однѣ и тѣ же въ аконитѣ 100-го разжиженія, взятомъ изъ разныхъ аптекъ. Замѣчательно, что и для туйи, соли и золота также оказалось возрастаніе дѣятельности до 15-го разведенія. Этотъ фактъ констатированъ одинаково разными наблюдателями. Но еще замѣчательнѣе тотъ изумительный результатъ, что обыкновенная (поваренная) соль обнаруживаетъ главный максимумъ дѣйствія въ *двухтысячномъ разжиженіи*, хотя первый максимумъ и у нея, какъ у другихъ средствъ, наступаетъ въ 15-мъ разжиженіи.

Извѣстно, что при приготовленіи гомеопатическихъ разведеній, жидкости подвергаются сильному взбалтыванію, и гомеопаты приписываютъ этой манипуляціи существенное значеніе. Для уясненія этого обстоятельства, Іегеръ нарочно велѣлъ приготовить разжиженія аконита безъ взбалтыванія, простымъ смѣшиваніемъ, и подвергъ ихъ нейралитическому испытанію. Характеръ дѣйствія найденъ былъ все тотъ же, но сила дѣйствія

была здѣсь сначала меньше, чѣмъ у лекарствъ, приготовленныхъ обычнымъ путемъ. Разница эта, однако же, черезъ нѣкоторое время сглаживается. Взбалтываніе придаетъ, повидимому, разжиженіямъ аконита то состояніе, которое безъ взбалтыванія достигается ими лишь постепенно, черезъ нѣсколько дней. Въ виду такого результата можно было предположить, что само лекарственное вещество играетъ меньшую роль, чѣмъ многочисленныя взбалтыванія, которымъ подвергается алкоголь, во время приготовленія разжиженій. Іегеръ велѣлъ поэтому продѣлать надъ чистымъ алкоголемъ весь тотъ рядъ манипуляцій, которому онъ подвергается при полученіи разжиженій, до сотаго. Нейралитическое испытаніе такихъ разжиженій изъ чистаго алкоголя привело Іегера къ заключенію, что взбалтываніе само по себѣ почти вовсе не измѣняетъ дѣйствія алкоголя.

Опредѣленность и характерность полученныхъ результатовъ вообще такова, что Іегеръ разсчитываетъ на возможность узнавать нейралитическимъ путемъ не только натуру гомеопатическаго средства, но также—хотя бы только и приблизительно — степень его разжиженія. Кромѣ того, по увѣренію Іегера, согласному съ общимъ мнѣніемъ гомеопатовъ, вліяніе веществъ въ гомеопатическихъ разведеніяхъ замѣтно не по одному нейрализу: оно прямо производитъ на организмъ извѣстное, болѣе или менѣе ощущаемое дѣйствіе. Нерѣдко присутствіе веществъ можетъ быть констатировано даже обоняніемъ. Во время опытовъ наблюдатели постоянно замѣчали надъ собою опредѣленныя характерныя явленія, которыя выступали особенно рѣзко, если не было предпринимаемо, по окончаніи опыта, никакихъ мѣръ для уничтоженія вліянія вдохнутаго гомеопатическаго

средства. Что касается дѣйствій гомеопатическихъ разведеній на органъ обонянія, то сообщаемое объ этомъ Іегеромъ переходитъ за предѣлы всякаго ожиданія. Самъ Іегеръ ясно различалъ по запаху 10-е разжиженіе аконита отъ чистаго алкоголя, а одинъ изъ его помощниковъ, одаренный обоняніемъ особенно тонкимъ, положительно утверждаетъ, что чувствовалъ особый запахъ, какъ у туйи, такъ и у поваренной соли, во всѣхъ разведеніяхъ; у туйи — до *тысячнаго*, а у соли — до *двухтысячнаго разжиженія*. Другой наблюдатель находилъ различіе между запахомъ чистаго алкоголя и запахомъ золота въ *пятисотомъ* разжиженіи. Что явленіе это не было субъективнымъ — доказывается тѣмъ, что и многія другія лица, надъ которыми этотъ наблюдатель и самъ Іегеръ произвели опыты, также постоянно ощущали различіе запаха, хотя и не были предупреждены и даже вовсе не знали о чемъ идетъ дѣло. Однажды посѣтилъ Іегера одинъ штутгартскій врачъ-*аллопатъ*, д-ръ Ренцъ, увѣрявшій, что обладаетъ очень тонкимъ обоняніемъ. Іегеръ далъ ему нюхать и сравнивать золото въ пятисотомъ разведеніи, повареную соль въ двухтысячномъ разведеніи и чистый алкоголь, послужившій для приготовленія этихъ средствъ. Ренцъ нашелъ опредѣленное различіе въ запахѣ каждой изъ трехъ жидкостей, и притомъ характеръ ощущеній имъ испытанныхъ оказался сходнымъ съ тѣмъ, что чувствовали и другіе наблюдатели, нюхая тѣ же средства.

Несомнѣнная дѣйствительность гомеопатически-разведенныхъ средствъ объясняетъ, по мнѣнію Іегера, дѣйствіе такихъ минеральныхъ водъ, въ которыхъ химическій анализъ не указываетъ присутствія какихъ-либо особыхъ веществъ. Это просто—гомеопатическія воды въ высокихъ разжиженіяхъ.

Хотя всѣ знаютъ, что гомеопатическія лекарства употребляются часто въ большихъ разжиженіяхъ, но далеко не всѣ имѣютъ ясное представленіе о какихъ именно величинахъ идетъ здѣсь рѣчь. Іегеръ считаетъ по этому не лишнимъ представить разсчетъ, который, уясняя величину разжиженія, въ то же время указываетъ необычайно-огромную чувствительность нейральнаго анализа. Спектральный анализъ, также отличающійся чувствительностью, и въ особенности чуткій по отношенію къ поваренной соли, способенъ обнаруживать это вещество въ десятимилліонныхъ доляхъ миллиграмма (миллиграммъ представляетъ около *одной сорокатрехтысячной золотника*); но такія количества отвѣчаютъ приблизительно только *седьмому* гомеопатическому разжиженію, а между тѣмъ нейрализъ, какъ показано выше, открываетъ поваренную соль въ *двухтысячномъ разжиженіи*, въ которомъ она еще притомъ обнаруживаетъ максимумъ дѣйствія. Чтобы показать величины, представляемыя дѣятельной частью гомеопатическихъ средствъ, Іегеръ не беретъ двухтысячнаго разжиженія, такъ какъ его величина лежитъ выше всякаго нашего представленія, — онъ ограничивается *сотымъ* разжиженіемъ.

При каждомъ разжиженіи количество вещества дѣлится на *десять*. Поэтому, въ *сотомъ* разжиженіи, на одинъ миллиграммъ или, что все равно, на одинъ кубическій миллиметръ первоначальной лекарственной тинктуры приходится такое количество алкоголя, которое, представивши его въ миллиграммахъ (или кубическихъ миллиметрахъ), выражается цифрою, имѣющею послѣ единицы *сто* нулей. Если представить себѣ всю эту массу жидкости въ формѣ куба, то, для полученія длины ребра этого куба, надо будетъ упомянутую цифру раз-

дѣлить на *три*. Длина ребра выразится стало быть круглой цифрой, имѣющей послѣ единицы *тридцать три* нуля. Чтобы перевести *миллиметры* въ *метры*, надо раздѣлить эту цифру на *тысячу*, т. е. уменьшить ее на *три* нуля. Получится такимъ образомъ цифра, состоящая изъ *единицы и тридцати нулей*, что представляетъ *одинъ квинтиліонъ*. Это и будетъ, выраженная въ метрахъ, величина ребра куба, изображающаго то количество алкоголя, которое, въ сотомъ разжиженіи, приходится на одинъ кубическій миллиметръ первоначальной тинктуры. Чтобы дать нѣкоторое ближайшее понятіе о протяженіи въ квинтиліонъ метровъ, Іегеръ указываетъ на его отношеніе къ разстоянію земли отъ солнца (приблизительно 150 милліардовъ метровъ) и, наконецъ,—къ разстоянію земли отъ Сиріуса. Послѣднее, круглымъ счетомъ, въ милліонъ разъ болѣе солнечнаго, и представляетъ наибольшую мѣру, употребляемую въ астрономіи. Простой разсчетъ показываетъ что въ *квинтиліонъ метровъ* содержится около *десяти трилліоновъ солнечныхъ разстояній* и около *семи билліоновъ разстояній отъ земли до Сиріуса*. Величины эти подавляюще велики; если же взять *двухтысячное разжиженіе*, то, выражая величину ребра куба жидкости *въ разстояніяхъ Сиріуса*, мы имѣли бы цифру, заключающую не менѣе 646 знаковъ.

Іегеръ думаетъ, что разжиженія производятъ надъ растворимымъ веществомъ измѣненія подобныя тѣмъ, какія показаны Круксомъ для газовъ въ такъ называемомъ «лучистомъ состояніи». По мнѣнію Іегера, запасъ энергіи, быть можетъ, увеличивается отъ разжиженія, напр., на счетъ поглощенія теплоты, и этотъ-то родъ движенія именно ощущается нашими органами вкуса и обонянія.

Уже многіе врачи обратились къ Іегеру для того, чтобы ознакомиться съ пріемами нейрализа. Одинъ изъ нихъ—аллопатъ, остальные—гомеопаты; но Іегеръ выражаетъ надежду, что аллопаты не дадутъ гомеопатамъ опередить себя. Онъ напоминаетъ имъ что,—

Die durch den Irrthum zur Wahrheit reisen,
Das sind die Weisen;
Die auf den Irrthum beharren,
Das sind die Narren.

Чрезъ заблужденья къ правдѣ
Идутъ мудрецы;
За заблужденіе крѣпко
Держатся глупцы.

Увеличеніе, вслѣдствіе разжиженія, вліянія вещества на организмъ, доказанное теперь численными данными, дѣлаетъ, по мнѣнію Іегера, невозможнымъ прежнее систематическое, принципіальное отрицаніе гомеопатическаго ученія со стороны медицинскихъ факультетовъ. Мало того,—субъективныя ощущенія, наступающія въ организмѣ подъ дѣйствіемъ высшихъ разжиженій, въ такой степени рѣзки и опредѣленны, что Іегеръ считаетъ позволительнымъ сдѣлать предположеніе довольно нелестное для противниковъ гомеопатіи: «изъ числа всѣхъ тѣхъ ученыхъ и врачей, которые столь рѣшительно отрицали всякое дѣйствіе гомеопатическихъ разжиженій, едва-ли хоть одинъ сдѣлалъ *одну* честную попытку серьезно изслѣдовать дѣло; иначе, по меньшей мѣрѣ, онъ былъ бы озадаченъ».

Іегеръ разсчитываетъ на то, что опыты его будутъ провѣрены, и совершенно справедливо считаетъ эту провѣрку непремѣнной обязанностью людей, оффиціально носящихъ званіе ученыхъ. И для науки, и для прак-

тики, говоритъ онъ, важно знать на сколько тутъ правды; въ интересѣ многихъ жизней совсѣмъ не все равно, будетъ ли истина обнаружена годомъ раньше или годомъ позже. На сообщенія, сдѣланныя объ этомъ Іегеромъ еще прежде, слышалось не разъ въ отвѣтъ, что все это *вздоръ* (Schwindel). Теперь Іегеръ выступилъ съ *цифровыми доказательствами* и считаетъ себя въ правѣ требовать отъ своихъ противниковъ тоже *цифръ*. Онъ не разсчитываетъ на слѣпое довѣріе къ своимъ сообщеніямъ, но ждетъ, чтобы ихъ подвергли испытанію, потому что «тотъ, кто отвергаетъ не испытывая, не только не заслуживаетъ имени ученаго, но даже и названія честнаго человѣка».

Указывая на то, что множество открытій точно также сначала встрѣчались недовѣріемъ и отрицаніемъ, а ихъ авторы подвергались осмѣянію, Іегеръ считаетъ себя вынужденнымъ утверждать, что и «въ нашъ просвѣщенный вѣкъ дѣлается то же самое». Ему, Іегеру, приходится теперь испытывать такія же глумленія и нападки, какія выпали когда-то на долю Гарвея, открывшаго кровообращеніе (circulatio) и прозваннаго «циркуляторомъ». Особенно ожесточенныхъ противниковъ Іегеръ видитъ «по преимуществу въ тѣхъ самыхъ евреяхъ, которые, расточая черезъ своихъ друзей звонкія фразы въ прусскомъ парламентѣ, возстаютъ противъ антиеврейскаго движенія и разыгрываютъ роль невинности незамутившей воды». «Я бы могъ»—говоритъ Іегеръ — «написать весьма поучительную книжечку о той травлѣ со стороны евреевъ («Judenhetze»), которая идетъ противъ меня за послѣдніе полтора года; но не дѣлаю этого потому, что не хочу подливать масла въ огонь, который и безъ того горитъ ярче, чѣмъ это было бы желательно».

По истинѣ замѣчательно, что тамъ, гдѣ дѣло грозитъ опасностью матеріализму, въ числѣ его первыхъ и наиболѣе ярыхъ защитниковъ являются евреи: далеко не послѣднее мѣсто принадлежитъ имъ, напримѣръ, какъ извѣстно, въ войнѣ противъ знаменитаго Цёлльнера. Подобно Іегеру, Цёлльнеръ между евреями встрѣтилъ наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ.

Вѣрны или нѣтъ факты, сообщаемые Іегеромъ—покажетъ время. Безъ сомнѣнія крайне желательно, чтобы они возможно скорѣе были подвергнуты провѣркѣ, но мы, къ сожалѣнію, едва-ли ошибемся, думая, что провѣрка эта заставитъ еще ждать себя, и что прежде всего — у насъ, по крайней мѣрѣ, — сдѣланы будутъ пробы отрицать не испытывая, въ видахъ-де предохраненія публики отъ увлеченій таинственностью и шарлатанствомъ. Бѣдная публика! У нея въ подобныхъ случаяхъ является болѣе «семи нянекъ» и притомъ самозванныхъ. Примѣръ нашей велемудрой коммисіи Соляного городка—еще свѣжъ въ памяти. Вмѣстѣ съ другими примѣрами, онъ съ достаточной убѣдительностью доказываетъ, что гг. высокоученые мужи, или считающіе себя таковыми и претендующіе на свѣжѣйшую современность своихъ убѣжденій, въ такихъ случаяхъ обыкновенно берутся за дѣло совсѣмъ не для того, чтобы познать истину путемъ терпѣливаго изслѣдованія, а для того, чтобы выставить свою непогрѣшимость и, во чтобы то ни стало, доставить торжество своимъ излюбленнымъ воззрѣніямъ.

Впрочемъ, и у насъ публика становится, кажется, все менѣе и менѣе склонной признавать за этими опекунами тѣ права, на которыя они претендуютъ. Въ добрый часъ! Пусть опекуны взаимно ублажаютъ другъ друга; факты накопляются и помимо ихъ, а подъ давленіемъ

фактовъ противники превращаются въ союзниковъ. Не справляясь съ человѣческими симпатіями, антипатіями и самолюбьицами, истинное знаніе идетъ впередъ своимъ чередомъ, и тотъ, кто не послѣдуетъ за нимъ, скоро окажется въ числѣ отсталыхъ.

Въ настоящее время я считаю не лишнимъ прибавить, что и само основное правило гомеопатіи, *similia similibus*, не лишено аналогій. Давно извѣстно, что нѣкоторыя болѣзни почти никогда не повторяются у одного и того же субъекта; прививная оспа давно употребляется какъ средство, противодѣйствующее натуральной. А нынѣ, послѣ знаменитыхъ изслѣдованій Пастера надъ сибирской язвой, надъ «куриной холерой» и проч., этотъ принципъ предохраненія организма отъ настоящей болѣзни прививкою болѣзнетворнаго начала, взятаго въ ослабленномъ состояніи,—пріобрѣлъ весьма общее значеніе. Не прилагается ли въ извѣстной степени и здѣсь, какъ въ гомеопатіи, «законъ подобія»?

VI.

ПРОГРАММА ПРЕДПОЛАГАВШИХСЯ ПУБЛИЧНЫХЪ ЛЕКЦІЙ О МЕДІУМИЗМѢ [1]).

Лекція 1-я. Побудительныя причины къ чтеніямъ:— существующее увлеченіе механическимъ міросозерцаніемъ и безсиліе этого міросозерцанія по отношенію къ нѣкоторымъ областямъ явленій; неосновательность ходячаго обвиненія,—что естествознаніе ведетъ къ матеріализму; обязанность науки изслѣдовать реальное во всей полнотѣ, и ея способность, при такомъ условіи, показать шаткость матеріалистическихъ воззрѣній; устраненіе необходимости обычной тяжкой борьбы между зна-

[1]) Эта программа была напечатана въ «Новомъ Времени» отъ 14 февраля 1883 г. при слѣдующей замѣткѣ редактора: «Извѣстіе о намѣреніи академика Бутлерова прочитать нѣсколько публичныхъ лекцій о медіумизмѣ заинтересовало многихъ. Намъ удалось познакомиться съ программой предполагаемыхъ чтеній, изъ которой съ достаточной ясностью видны точка зрѣнія и направленіе автора, весьма далеко отстоящія отъ тѣхъ, какія мы привыкли встрѣчать у большинства представителей естествознанія. Академикъ Бутлеровъ занимаетъ въ ученомъ мірѣ на столько видное мѣсто, что къ его выражающимся въ программѣ воззрѣніямъ трудно отнестись безразлично и знакомство съ ними будетъ, вѣроятно, для многихъ поучительно. Позволяемъ себѣ поэтому напечатать эту программу цѣликомъ».—Лекціи эти по независящимъ отъ лектора обстоятельствамъ не состоялись.

Прим. издателя.

ніями дѣтства и знаніями зрѣлаго возраста, — возможность согласованія основныхъ положеній того и другаго. Почему названіе «медіумизмъ» правильнѣе другихъ обозначеній? Неясность ходячихъ понятій объ этомъ предметѣ; неосновательность смѣшенія медіумизма съ ученіемъ Кардека. Личное отношеніе лектора къ медіумизму. Отвѣтъ на упрекъ въ томъ, что съ рѣчью о медіумизмѣ его сторонники обращаются къ публикѣ, а не къ однимъ ученымъ. Вытекающая изъ аналогіи вѣроятность бытія за предѣлами чувственнаго познаванія: сравнительная узкость этихъ предѣловъ и безконечность внѣ ихъ. Недостаточность грубой матеріи для объясненія повседневныхъ явленій природы: эфиръ, притяженіе. Матерія и сила; апріоричность понятія о неуничтожаемости матеріи; законъ сохраненія энергіи; отношенія между количествами силы и матеріи, — динамизмъ, металлоскопія, месмеризмъ, гомеопатія.

Лекція 2-я. Попытки показать, исходя изъ данныхъ естествознанія, помимо медіумическихъ явленій, вѣроятность существованія самостоятельнаго духовнаго начала. Условность понятія о сверхъестественномъ и мистичномъ. Повсемѣстность медіумическихъ явленій и ихъ существованіе во всѣ времена; свидѣтельства исторіи. Законность сомнѣнія, какъ реакціи противъ легковѣрія и польза отрицанія по отношенію къ медіумическимъ явленіямъ. Медіумизмъ въ его новѣйшемъ періодѣ: его появленіе въ Америкѣ и постепенное распространеніе въ Европѣ. Оцѣнка значенія свидѣтельствъ. Противники медіумизма; непозволительность апріорнаго отрицанія. Примѣръ развитія свѣденій о паденіи аэролитовъ. Вопросъ о реальности медіумическихъ явленій отдѣльно отъ ипотезъ касающихся ихъ причинъ; свидѣтельства спеціалистовъ и не спеціалистовъ; ближай-

шая задача первыхъ. Внѣшность медіумическихъ явленій: ихъ разнообразные виды; постепенность ихъ развитія. Круксовское перечисленіе медіумическихъ явленій. Условія способствующія и препятствующія ихъ развитію. Замѣчанія по поводу ходячихъ возраженій. Частные примѣры изъ практики западно-европейскихъ наблюдателей.

Лекція 3-я. Наблюденія надъ медіумическими явленіями у насъ, въ Россіи; явленія случайныя и явленія въ засѣданіяхъ, засвидѣтельствованныя различными лицами. Собственныя наблюденія лектора надъ медіумическими явленіями различныхъ категорій: явленія физическія, діалогическія и медіумопластическія. Обязанность серьезнаго наблюдателя строжайше отличать явленія объективныя отъ такъ называемыхъ «сообщеній»; необходимость строго-скептическаго и критическаго отношенія къ послѣднимъ. Попытки отыскать причину медіумическихъ явленій: безсознательное дѣйствіе мышцъ; «безсознательная церебрація» Карпентера; «магическая» и «психическая» сила человѣческаго организма; спиритуалистическая гипотеза. Попытки объяснить какъ происходятъ медіумическія явленія: ипотеза многомѣрнаго пространства; ипотеза предсуществованія организующаго индивидуальнаго начала. Безосновательность мнѣнія о разладѣ между христіанскимъ ученіемъ и медіумизмомъ, какъ отраслью положительнаго знанія; согласіе между вѣроятными выводами медіумизма и важнѣйшими положеніями религіозной философіи; возможность согласованія религіозной философіи съ положительнымъ знаніемъ; значеніе такого согласованія для жизни практической. Необходимость осторожности по отношенію къ медіумическимъ явленіямъ; обязанность людей науки противодѣйствовать увлеченіямъ и крайностямъ. Заключеніе.

VII.

МЕДІУМИЧЕСКІЕ СТУКИ

въ присутствіи г-жи Іенкенъ (Кэтъ-Фоксъ).

(„Ребусъ", 1883 г., стр. 72).

Мнѣ удалось присутствовать на медіумическомъ сеансѣ съ г-жей Іенкенъ (Кэтъ Фоксъ), пріѣхавшей сюда на дняхъ. Нельзя было ожидать, чтобы явленія были сильны, такъ какъ г-жа Іенкенъ еще не успѣла хорошенько отдохнуть отъ далекаго путешествія и была окружена, за исключеніемъ А. Н. Аксакова и меня, все новыми для нея лицами. Кромѣ насъ присутствовали: моя жена и сынъ и проф. Вагнеръ съ сестрою — всего 7 лицъ, считая въ томъ числѣ и медіума. Опытъ нашъ дѣйствительно не былъ особенно удаченъ, но тѣмъ не менѣе одно изъ лучшихъ, сопровождающихъ г-жу Іенкенъ, явленій — медіумическіе стуки были вполнѣ удовлетворительны.

Кромѣ стуковъ и нѣкоторыхъ мелкихъ явленій, которыя описывать не стоитъ, было и такъ называемое «прямое писаніе»: карандашемъ, положеннымъ подъ столъ вмѣстѣ съ бумагой, написано было нѣсколько словъ. Условія при этомъ, впрочемъ, не были удовлетворительны: писаніе происходило въ то время, когда лампа

была потушена, и отсутствіе непосредственнаго участія медіума въ совершавшемся оставалось извѣстнымъ лишь мнѣ и г. Аксакову, такъ какъ мы сидѣли рядомъ съ г-жей Іенкенъ. Напомню однако же, что это самое явленіе я видѣлъ при г-жѣ Іенкенъ въ Лондонѣ, въ освѣщенной комнатѣ (см. мою статью *«Эмпиризмъ и догматизмъ въ области медіумизма»* въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1879-го года).

Гораздо объективнѣе были стуки; они происходили въ комнатѣ освѣщенной. Стуки раздавались и въ полу, и въ столѣ и, наконецъ—въ дверцѣ деревяннаго шкафа. Послѣдніе всего менѣе могли подлежать скептической критикѣ. Какъ только г-жа Іенкенъ приложила руку къ шкафу, стуки тотчасъ же стали раздаваться снутри шкафа, то выше, то ниже, *по желанію*, иногда—подъ самымъ приложеннымъ къ шкафу ухомъ или рукой наблюдателя; стуки эти были настолько сильны, что явственно осязались содраганія дерева, ими причиняемыя. Въ упомянутой статьѣ моей мнѣ также пришлось остановиться въ особенности на подобныхъ стукахъ, и я могу повторить то, что сказалъ тогда: «Для самаго закоренѣлаго, но добросовѣстнаго скептика было-бы достаточно слышать упомянутые стуки, чтобы оставить въ сторонѣ всѣ ухищренія объяснить ихъ чревовѣщаніемъ, движеніемъ сухожилій и т. п.», а также сдать въ архивъ (прибавлю я теперь) и знаменитую, вышедшую изъ нѣдръ нашей извѣстной коммисіи, гипотезу о хитрой стучащей машинкѣ, искуссно спрятанной гдѣ-то подъ платьемъ медіума. Замѣчу еще, что г-жа Іенкенъ въ первый разъ въ жизни вошла въ ту комнату, гдѣ происходилъ нашъ сеансъ.

VIII.

КОЕ ЧТО О МЕДІУМИЗМѢ.

(Рядъ статеекъ изъ журнала «Ребусъ» за 1883 годъ.)

Медіумизмъ или спиритизмъ? Когда медіумическіе опыты должны быть допускаемы? Куда и какъ ведутъ они? Каково должно быть благоразумное отношеніе къ медіумизму? Возможное и невозможное въ реальной природѣ. Основныя понятія о явленіяхъ природы. Механическое объясненіе этихъ явленій. Вещество и сила. Сила какъ единая и дѣйствительная сущность неодушевленной природы. Несостоятельность такъ называемаго закона вѣчности матеріи. Матеріализація и дематеріализація. Сверхчувственное бытіе.

I.

Въ послѣднее время вопросъ о медіумизмѣ опять занялъ видное мѣсто между интересами дня. Ближайшими причинами этого можно, пожалуй, считать непродолжительное пребываніе въ Петербургѣ г-жи Кэтъ Фоксъ-Іенкенъ, появленіе въ свѣтъ нѣкоторыхъ изданій и, вызываемыя тѣмъ и другимъ, различныя замѣтки нашей ежедневной прессы. Но въ сущности есть однако гораздо болѣе глубокая и важная причина такого періодическаго возвращенія мыслящаго и пишущаго общества къ «ребусу изъ ребусовъ». Причина эта — очевидная для всѣхъ непредубѣжденныхъ, не закрывающихъ во что-бы-то ни-стало глазъ и ушей на происходящее — заключается въ томъ, что въ основѣ дѣла лежитъ несомнѣнная реальность, подлежащая положительному знанію, изученію и затрогивающая самые дорогіе, интим-

ные и насущные вопросы человѣчества, — вопросы о насъ самихъ, о нашей внутренней природѣ съ ея сущностью, о нашемъ назначеніи, нашей участи. Положительнымъ знаніемъ мыслящее человѣчество думало отдѣлаться отъ этихъ вопросовъ разъ навсегда; но это знаніе само теперь приводитъ его къ нимъ же, подготовляя однако вмѣстѣ съ тѣмъ, если не полное ихъ рѣшеніе, то, по меньшей мѣрѣ, значительное уясненіе. Слѣдующее за нами — и, много-много, послѣ-слѣдующее — поколѣніе займется серьезно этой отраслью знанія, и навѣрно помянетъ тогда справедливыя слова де-Моргана (извѣстнаго англійскаго ученаго математика), когда-то приведенныя мной печатно [1]): «Спиритуалисты [2]), безъ всякаго сомнѣнія, стоятъ на томъ пути, который велъ ко всякому прогрессу въ физическихъ наукахъ; ихъ противники служатъ представителями тѣхъ, которые всегда ратовали противъ прогресса».

Не у насъ однихъ вопросъ о медіумизмѣ все болѣе и болѣе напрашивается на серьезное обсужденіе. Въ Германіи, какъ извѣстно, онъ тоже долго находился въ застоѣ, но послѣ написаннаго о немъ покойнымъ Цöлльнеромъ, и подъ эгидою такихъ громкихъ именъ какъ Веберъ, Фехнеръ (профессоръ физики), Шейбнеръ (профессоръ математики), Перти (профессоръ зоологіи), Фихте, Ульрици, Гофманъ (профессоры философіи), Гелленбахъ (остроумный писатель по философіи) и др. — медіумизмъ начинаетъ завоевывать себѣ прочное положеніе. Вотъ что пишутъ объ этомъ въ еженедѣльномъ журналѣ «Spiritualistische Blätter» (№ 15-й 1883 года) въ статьѣ «Пресса и спиритуализмъ»: «Весьма интересно

[1]) См. конецъ моей статьи «Медіумическія явленія» («Русскій Вѣстникъ». 1875).

[2]) Въ смыслѣ — поборники медіумизма.

обращаться время отъ времени къ ежедневной прессѣ, а также къ научнымъ и беллетристическимъ журналамъ, и наблюдать, какъ медіумизмъ всюду пробивается впередъ. Онъ не даетъ покоя ни литераторамъ, ни ученымъ, и принуждаетъ ихъ, по меньшей мѣрѣ, не отвращаться отъ него и говорить о немъ такъ или сякъ, въ благопріятномъ или неблагопріятномъ смыслѣ». Далѣе журналъ замѣчаетъ, что самый тонъ говора о медіумизмѣ измѣнился.

То же самое замѣчается и у насъ. Но именно потому, что близится — и даже наступаетъ — несомнѣнный поворотъ въ отношеніи мыслящаго общества къ вопросу о медіумизмѣ, приходится намъ, довольно хорошо съ нимъ знакомымъ, говорить о немъ. Я далекъ отъ мысли убѣждать имѣющихъ очи и не видящихъ, имѣющихъ уши и не слышащихъ. Да будутъ они блаженны въ своемъ отрицаніи и закоснѣлой догматичности. Станемъ говорить для тѣхъ, кто умѣетъ ставить *факты* выше своего, такъ называемаго *здраваго* (?) *смысла* и кто, слѣдовательно, поступаетъ научно, хотя бы и не несъ на себѣ патентованнаго научнаго званія.

Предвижу упреки за это со стороны *жрецовъ* науки. Гласно они ихъ едва ли выскажутъ, — не удостоятъ вниманія такой, по ихъ «здравому смыслу», не имѣющій почвы предметъ. Сказать правду, и выступать имъ съ возраженіями несовсѣмъ ловко и нѣсколько рискованно: вѣдь факты о «здравомъ смыслѣ» и о научныхъ псевдодогматахъ не спрашиваютъ, позволяя себѣ существовать вопреки тому и другому. А упреки слышать намъ не въ первый разъ: — зачѣмъ обращаются къ публикѣ, а не къ спеціалистамъ? Какъ позволяютъ себѣ выносить на пространный и ясный свѣтъ божій эти толки о туманномъ дѣлѣ? — Отвѣтъ не труденъ: опытовъ пропед-

шаго, пережитаго вполнѣ достаточно для него. Съ вопросами о реальномъ хорошо обращаться къ изслѣдователямъ, но не къ судьямъ, постановляющимъ свои приговоры по внутреннему апріорному убѣжденію, игнорируя факты.

Опытъ давно и отрицательно отвѣтилъ на вопросъ о томъ, можно ли поручать ареопагу аллопатовъ судить о гомеопатіи, или отдавать медіумизмъ на разсмотрѣніе лицъ, непроницаемо замкнувшихся въ безъисходный кругъ механическаго міросозерцанія. Пусть подождутъ гг. спеціалисты: ихъ позовутъ тогда, когда вопросъ о *существованіи* медіумическихъ явленій не будетъ болѣе сомнительнымъ и спорнымъ для большинства. Тогда наступитъ пора изслѣдованія и уясненія вопроса о томъ, *какъ* они происходятъ; теперь же пока на вопросъ о существованіи самого объекта — о томъ, «есть или нѣтъ» [1]) предметъ для изслѣдованія — съумѣетъ отвѣтить утвердительно, не въ очень далекомъ будущемъ, и голосъ образованнаго общества. Нынѣ, большинство этого общества, на основаніи своего незнанія и численнаго перевѣса, еще готово считать «поврежденными» тѣхъ, которые говорятъ «есть»; но будетъ время, когда численный перевѣсъ перейдетъ на сторону этихъ послѣднихъ, и незнающимъ или игнорирующимъ самимъ придется вступить въ званіе «поврежденныхъ», или, по меньшей мѣрѣ, обвиненныхъ въ недомысліи. Тогда понадобится оружіе знанія, и гг. спеціалисты, не желая получить упомянутое званіе, примутся за изслѣдованіе, уже не мудрствуя лукаво о томъ «есть или нѣтъ».

Но это еще когда-то будетъ, а между тѣмъ о медіумизмѣ толкуютъ частно и печатно, нерѣдко—вкривь и

---

[1]) См. «Ребусъ» 1881 г. № 1-й.

вкось, пріобрѣтая ложныя понятія и представленія о немъ; производятъ неумѣло опыты, наблюденія и въ нихъ — а еще болѣе въ выводахъ — идутъ обыкновенно дальше того, чѣмъ позволяютъ осторожность, благоразуміе и строгая критика. Вотъ здѣсь-то, кажется, и не будетъ лишнимъ голосъ опытнаго человѣка. Попробуемъ отвѣтить на вопросъ о томъ, когда и какъ медіумическіе опыты должны бы быть допускаемы, и постараемся уяснить столь обычную у насъ путаницу понятій о спиритѣ и медіумѣ, о медіумизмѣ или спиритизмѣ, которому то не хотятъ придавать серьезнаго значенія, то приписываютъ гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Прежде всего — два слова о томъ, почему отдаю я предпочтеніе названію «медіумизмъ». У насъ вообще подъ именемъ медіумизма и спиритизма разумѣютъ одно и тоже; но это не совсѣмъ правильно. Кромѣ этихъ двухъ обозначеній существуетъ еще и третье — спиритуализмъ — употребительное въ Англіи и Америкѣ. Оба слова, спиритуализмъ и спиритизмъ, происходятъ отъ латинскаго spiritus *духъ* (англ. spirit, франц. ésprit) и слѣдовательно оба они, такъ сказать, уже предрѣшаютъ вопросъ объ ипотезѣ, на которую обыкновенно, хотя и не всегда, опираютъ объясненіе медіумическихъ явленій. Притомъ спиритуализмомъ, совершенно независимо отъ медіумическихъ или спиритуалистическихъ феноменовъ, называется философское ученіе, противоположное матеріализму, допускающее существованіе духа, какъ особаго самостоятельнаго начала. Поэтому-то нерѣдко, желая обозначить вмѣстѣ и спиритуалистическое ученіе, и упомянутые феномены, англичане и американцы говорятъ не просто о спиритуализмѣ, а о «новѣйшемъ спиритуализмѣ» (modern spiritualism).

Названіе «спиритизмъ» — французскаго происхожде-

нія; оно изобрѣтено извѣстнымъ Ривайлемъ (Rivail), писавшимъ подъ именемъ Алланъ Кардека, и обозначаетъ собственно ученіе, не только признающее медіумическіе феномены и духовный міръ, какъ причину ихъ производящую, но дѣлающее сверхъ того цѣлый рядъ догматическихъ допущеній, каково напр. ученіе о перевоплощеніи (reincarnation) и т. п. Такой догматизмъ во французскомъ спиритизмѣ дѣлаетъ его несомнѣнно гораздо менѣе научнымъ, чѣмъ американскій и англійскій «новѣйшій спиритуализмъ». Послѣдователи подобнаго *настоящаго* спиритизма, «*спириты*», пожалуй дѣйствительно могутъ быть названы сектантами. Но догматизмъ чуждъ трезвой положительной наукѣ; она идетъ отъ фактовъ, допуская ипотезы лишь на столько, на сколько онѣ необходимы для уясненія фактовъ, для ихъ связи въ систему и для дальнѣйшаго развитія знаній. Строго отличая фактъ отъ ипотезы, положительная наука старается не давать у себя мѣста ничему ипотетическому безъ крайней къ тому необходимости.

Съ этой-то научной точки зрѣнія и заслуживаетъ предпочтенія слово «медіумизмъ», какъ названіе, представляющее просто обозначеніе извѣстнаго рода фактовъ. Факты эти большею частью, хотя далеко *не всегда*, имѣютъ мѣсто въ присутствіи людей, организація которыхъ (въ особенности, вѣроятно, организація нервной системы) представляетъ нѣчто особенное; людей этихъ назвали «медіумами», *посредниками*. Хорошо или нѣтъ такое названіе, но оно усвоено всѣми, и отъ него производятся названія *медіумизмъ*, *медіумическія явленія*, — названія, обозначающія извѣстную категорію фактовъ — и только.

Изъ сказаннаго видно, какую грубую ошибку представляетъ нерѣдко-встрѣчаемое у насъ отожествленіе

понятій о *спиритѣ* и *медіумѣ*, и насколько въ сущности неправильно смѣшивать эти названія. Можно быть спиритуалистомъ, совсѣмъ не будучи спиритомъ въ томъ смыслѣ, какой усвоенъ этому слову послѣдователями Алланъ Кардека. Можно быть медіумистомъ, т. е. признавать существованіе медіумическихъ явленій, и не быть спиритуалистомъ, т. е. отвергать спиритуалистическую ипотезу. Примѣры указать не трудно. Медіумистомъ сдѣлается навѣрно всякій, кто *добросовѣстно* и обстоятельно посвятитъ достаточный промежутокъ времени знакомству съ медіумическими явленіями, но нѣтъ непремѣнной необходимости сдѣлаться при этомъ тотчасъ и спиритуалистомъ. Можно, наконецъ, быть медіумомъ по природѣ и не быть до поры и времени медіумистомъ, не зная о своихъ способностяхъ.

II.

Чтобы отвѣтить на вопросъ о томъ, когда и какъ медіумическіе опыты должны бы быть допускаемы, слѣдуетъ предварительно выяснить, къ чему ведутъ они. Если обратиться за этимъ къ многочисленнымъ противникамъ медіумизма, то посыплются изъ разныхъ лагерей самые разнообразные отвѣты: — къ мистицизму и суевѣрію, къ ереси, къ нервному разстройству, къ утратѣ того высокаго положенія, на которое поставила насъ современная наука и т. п. Нельзя отвергать, что въ нѣкоторыхъ подобныхъ отвѣтахъ можетъ заключаться нѣчто справедливое. Нѣтъ такой вещи на свѣтѣ, которую не съумѣли бы испортить, исковеркать людское неразуміе и невѣжество; но винить за это слѣдуетъ портящаго, а не тотъ предметъ, который имъ исковерканъ. Отовсюду, изъ самаго полезнаго и лучшаго, люди

умѣютъ извлекать злое: напр. успѣхи новѣйшей цивилизаціи и благосостоянія человѣчества тѣсно связаны съ развитіемъ реальнаго знанія, но то же самое знаніе познакомило человѣка съ нитроглицериномъ и динамитомъ, которые людьми не только употребляются, но и злоупотребляются. Химія ли въ этомъ виновата? Приходило ли когда-нибудь кому-нибудь въ голову изгнать ее изъ круга полезныхъ знаній и объявить ненужною и вредоносною?

По отношенію къ упреку въ мистицизмѣ можно смѣло отвѣтить вообще: расширьте область знанія, руководясь здравыми началами опыта и научной философіи, и куда бы не повелъ васъ фактъ съ необходимыми изъ него выводами, вы не попадете въ область мистическую. Безъ яснаго мышленія, безъ серьезной критики, давши просторъ возбужденному воображенію и блуждающей фантазіи, отовсюду можно зайти въ эту область и, такъ сказать, создать ее вокругъ себя изъ тѣхъ элементовъ, которые въ сущности лежатъ въ самихъ васъ; но тамъ, гдѣ впереди всего несомнѣнное и реальное, принимаемое и допускаемое только потому, что «съ фактами не спорятъ» [1]), гдѣ выводъ, продуманный критически твердо опирается на факты, тамъ нѣтъ мѣста мистицизму, — нѣтъ мѣста потому, что свѣтъ положительнаго знанія достаточно силенъ и разсѣетъ всякій мракъ, какъ бы густъ онъ ни былъ и откуда бы онъ ни исходилъ, изъ невѣжества ли массъ или изъ самоослѣпленія тѣхъ, которые присвоиваютъ себѣ право судить, помимо факта, и заранѣе рѣшать, чтó въ природѣ возможно и чтó невозможно.

Что касается вопроса о ереси, то можетъ ли, спро-

---

[1]) «Ребусъ» 1883 г. № 7, стр. 66.

симъ мы, ересь вытекать изъ знанія? Никто, конечно, не станетъ смѣшивать эти два разнородные предмета. Ересью называются заблужденія въ вѣроученіи, а вѣдь они могутъ начинаться лишь тамъ, гдѣ ужъ нѣтъ больше знанія, — за его предѣлами. Если знаніе, съ своей стороны, убѣждаетъ насъ въ справедливости того, что одинаково входитъ и въ область правильнаго ученія, и въ уклоненія отъ него, то развѣ оно виновато въ этихъ уклоненіяхъ? И здѣсь, какъ по отношенію къ мистицизму, вина всецѣло лежитъ на людяхъ, а не на самой вещи: люди берутъ изъ нея то, чего въ ней нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Самыя чистыя, истинныя и высоконравственныя основы развѣ не служили иногда изувѣрамъ поводомъ къ чудовищнымъ лжеученіямъ?

О томъ упрекѣ, что медіумизмъ сводитъ насъ съ высокаго научнаго положенія — собственно и говорить почти нечего. Открытіе новой области знанія, конечно, не можетъ понижать научнаго уровня. Очевидно, дѣло сводится здѣсь къ тому апріорному убѣжденію—слѣдовало бы сказать, къ тому заблужденію — что сама область эта не заключаетъ дѣйствительнаго реальнаго знанія; но вѣдь это опять то же самое произвольное рѣшеніе вопроса о границахъ возможнаго въ природѣ.

Не станемъ болѣе останавливаться на подобныхъ упрекахъ; оставимъ въ сторонѣ увлекающихся, идущихъ туда, куда ведетъ ихъ не знаніе, а собственныя склонности и фантазіи. Для насъ важенъ вопросъ только о томъ, чтó даетъ медіумизмъ людямъ, относящимся къ нему здравомысленно, хладнокровно и критически.

Но, быть можетъ, такихъ людей вовсе нѣтъ? Противники медіумизма пожалуй, и станутъ утверждать это; но постороннее лицо, объективно смотрящее на дѣло, едва-ли рѣшится допустить, чтобы Уаллэсъ, Круксъ и

многіе другіе, умѣвшіе глубоко изслѣдовать и строго мыслить до своего знакомства съ медіумизмомъ и вполнѣ сохранившіе до нынѣ это умѣнье, доказываемое какъ прежними, такъ и позднѣйшими научными работами,— утрачивали его каждый разъ, когда касались медіумизма. Если бы дѣло шло объ одномъ-двухъ лицахъ, еще можно было бы допустить, что они маніаки, но принять это по отношенію къ десяткамъ и даже сотнямъ личностей—способенъ будетъ только тотъ, кто самъ не чуждъ маніи, хотя бы это была манія научнаго фанатизма и самомнѣнія.

Не будемъ теперь пока разбирать, что и насколько представляется въ природѣ возможнымъ человѣку, знающему достаточно для того, чтобы сознавать собственное незнаніе; не станемъ оцѣнивать силу свидѣтельствъ въ пользу реальности медіумическихъ явленій; обратимся просто къ дѣлу въ томъ его видѣ, въ какомъ оно существуетъ. Всѣ добросовѣстные и серьезные изслѣдователи, изучавшіе вопросъ о медіумизмѣ, убѣждались въ реальности явленій; и не было почти ни одного изъ убѣдившихся, который бы потомъ разубѣдился, т. е. пришелъ бы къ сознанію ошибочности своихъ опытовъ и заключеній. Непредубѣжденному это уже должно съ достаточной ясностью указывать, гдѣ истина и гдѣ уклоненіе отъ нея. Далѣе, большинство тѣхъ, которые увѣрились въ реальности медіумическихъ явленій, нашли въ нихъ неотразимое доказательство существованія въ человѣкѣ самостоятельнаго духовнаго начала: изъ сомнѣвающихся или матеріалистовъ они сдѣлались спиритуалистами, людьми вѣрящими на основаніи фактовъ въ жизнь нематеріальнаго міра, а слѣдовательно — и въ продолженіе своей собственной жизни за предѣлами этого земнаго существованія. Но вѣра эта — быть мо-

жетъ, скажутъ намъ — дается и другимъ путемъ. Мы далеки отъ того, чтобы отрицать другой путь. Пусть тотъ, которому доступенъ этотъ послѣдній, идетъ по нему, не свертывая въ стороны и вполнѣ имъ довольствуясь. Но тѣ — имъ же имя легіонъ — которымъ, по складу ихъ ума и по состоянію ихъ міросозерцанія, этотъ другой путь недоступенъ, для которыхъ ясенъ и убѣдителенъ лишь голосъ однихъ фактовъ,—должны ли они быть оставлены въ ихъ незнаніи и отрицаніи? Должно ли сказать имъ: вы не можете питаться тѣмъ, что вамъ предлагается, а потому и оставайтесь умирать съ голоду? А вѣдь такъ именно поступаютъ или хотятъ поступать нѣкоторые. Къ счастью, стремленія эти напрасны: нѣтъ земной силы, которая могла бы наложить запретъ на расширеніе области человѣческаго знанія.

Насколько нуженъ тутъ путь знанія, насколько тяжело положеніе ищущихъ и не находящихъ выхода изъ своихъ сомнѣній — свидѣтельствуютъ факты. Сошлемся на вѣрно и еще недавно сказанное въ «Ребусѣ» объ И. С. Тургеневѣ [1]; укажемъ и на другаго знаменитаго художника нашего, графа Л. Н. Толстаго. Въ его новѣйшихъ произведеніяхъ ясно рисуется тяжкое положеніе человѣка, близкаго къ предѣлу жизни и мучимаго сомнѣніями. Тотъ же вопль безъисходно страдающей души слышится и въ слѣдующихъ словахъ извѣстнаго Ренана [2]: «По убѣжденію, которое принимаетъ Литтре, смерть—не больше какъ отправленіе организма, послѣднее и наиболѣе покойное изъ всѣхъ отправленій. Что касается меня (Ренана), то я нахожу ее ужасной, ненавистной и безсмысленной въ то время, когда она слѣпо

[1]) № 14-й 1883 г.; стр. 131-я.

[2]) «Discours de reception», Пастера и Ренана, стр. 51-я.

посягаетъ своей холодной рукой на добродѣтель и геній. Внутренній голосъ, доступный только душѣ великихъ и добрыхъ, постоянно твердитъ намъ: «Истина и добро составляютъ цѣль твоей жизни; этой цѣли жертвуй всѣмъ остальнымъ». Но когда мы, слѣдуя призыву этой внутренней сирены, обѣщающей намъ наилучшее въ жизни, подошли къ той границѣ, гдѣ должна бы явиться наша награда, тогда, увы, обманчивая утѣшительница оставляетъ насъ. Та философія, которая обѣщала намъ открыть тайну смерти, лепечетъ извиненія, а идеалъ, довлекшій насъ до высотъ, на которыхъ занимается дыханіе, исчезаетъ въ ту послѣднюю минуту, когда его ищетъ наше угасающее зрѣніе».

Тысячи другихъ выразятъ то же чувство — съ меньшимъ краснорѣчіемъ, конечно; но это не помѣшаетъ имъ чувствовать, и страдать въ своихъ сомнѣніяхъ, быть можетъ, еще съ большею силою.

И такъ, правы или неправы тѣ, которые путемъ знанія достигли выхода изъ тяжкаго положенія, но самый фактъ такого избавленія многихъ отъ ихъ сомнѣній тѣмъ не менѣе существуетъ. На основаніи многочисленныхъ примѣровъ, можно смѣло утверждать, что и тысячамъ другихъ томящихся можетъ открыться тотъ же путь. Но пусть ищутъ его лишь тѣ, которые серьезно нуждаются въ немъ; праздное любопытство и легкомысленное отношеніе къ дѣлу здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, могутъ привести къ заслуженному наказанію.

Прослѣдимъ вкратцѣ тотъ путь, который *обыкновенно* проходитъ серьезный наблюдатель медіумическихъ явленій. — Сначала онъ убѣждается въ существованіи особой силы, способной производить механическія дѣйствія, совершенно выходящія изъ круга обычныхъ явленій.

Ему приходится, признавая эту силу, съ ея своеобразной натурой, искать въ большинствѣ случаевъ ея источникъ въ человѣческомъ организмѣ; онъ убѣждается, что изъ организма могутъ истекать вліянія, обнаруживающія свое дѣйствіе и на разстояніи,—вліянія, существованіе которыхъ пока еще продолжаетъ отвергаться оффиціальной наукой. Потомъ, наблюдателю скоро приходится замѣтить, что дѣйствія и вліянія направляются нѣкоторой разумностью и сознательной волей, и онъ, конечно, принимается разыскивать въ присутствующихъ источникъ этой разумности,—наступаетъ періодъ подозрѣній, колебаній, внутренней борьбы. Волей-неволей приходится наконецъ, хотя и нескоро, убѣдиться, что участники опытовъ относятся къ дѣлу, согласно съ ихъ увѣреніемъ, серьезно и честно, — что, наконецъ, сознательнаго участія ихъ въ произведеніи явленій нельзя предположить и по самому существу происходящаго; остается прибѣгнуть тогда къ допущенію съ ихъ стороны вліяній несознаваемыхъ ими самими. Какъ ни странно подобное допущеніе самостоятельнаго разумнаго и самосознательнаго дѣйствія нашихъ собственныхъ ума и воли помимо нашего сознанія, но на этомъ нѣкоторые и останавливаются. Въ сущности, это уже есть шагъ къ признанію самостоятельнаго духовнаго начала; если же оно самостоятельно, то не должно разрушаться за одно съ нашей грубой тѣлесной оболочкой, а если оно можетъ дѣйствовать по собственному произволу, безсознательно для насъ, въ то время, когда связано съ тѣлесной организаціей, то едва ли уже правильно отрицать возможность его дѣйствія и тогда, когда, отрѣшившись отъ тѣла, оно явится существующимъ само по себѣ. Но какъ бы то ни было, признаніе самостоятельнаго духовнаго начала является въ большинствѣ слу-

чаевъ прямымъ выводомъ изъ медіумическихъ явленій—*выводомъ въ высшей степени вѣроятнымъ*, хотя и не имѣющимъ, конечно предъ лицомъ знанія, той степени непререкаемой достовѣрности, какая принадлежитъ самимъ фактамъ. Вопросъ о самой натурѣ духовнаго начала, дѣйствующаго въ томъ или другомъ случаѣ — рѣшается съ гораздо меньшей степенью вѣроятности; но, каково бы оно ни было, приходится по аналогіи допустить духовное начало и въ самихъ насъ. Какой бы уголокъ духовнаго міра намъ не открылся, но это положительно рѣшаетъ вопросъ о его существованіи, а въ этомъ и центръ тяжести всего дѣла.

И такъ, вотъ куда ведетъ насъ знаніе не отвращающееся, въ угоду ходячимъ современнымъ отрицаніямъ, и отъ медіумическихъ явленій.—А затѣмъ уже не труденъ и отвѣтъ на вопросъ о томъ, когда и какъ должны быть допускаемы медіумическіе опыты? — Отвѣтъ гласитъ: — тогда, когда они направлены къ разрѣшенію серьезныхъ, своихъ или чужихъ сомнѣній, касающихся основныхъ вопросовъ жизни; ни въ какомъ случаѣ не должны они становиться (какъ это, къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ) предметомъ легкомысленнаго и празднаго любопытства. На опытныхъ и знающихъ лежитъ здѣсь обязанность предупреждать тѣхъ, кто можетъ поступить неосторожно по незнанію или легкомыслію. При разумномъ надлежащемъ отношеніи къ нимъ, медіумическія явленія несомнѣнно могутъ быть источникомъ громадной нравственной пользы для образованнаго человѣчества; но неразуміе можетъ извлечь зло и вредъ изъ медіумизма, какъ и почти изо всего, чего оно касается.

Не слѣдуетъ забывать, что если духовный міръ существуетъ, то въ немъ можетъ быть и добро, и зло,

истина и ложь, а затрогивая его, мы не знаемъ, которая изъ этихъ его сторонъ приближается къ намъ. Собственный разумъ и нравственное чувство должны здѣсь постоянно и неусыпно оставаться на сторожѣ.—И физическій вредъ тоже возможенъ: упрекъ въ разстройствѣ нервовъ небезъосновateленъ, если относить его къ неумѣлымъ, неблагоразумнымъ и неумѣреннымъ медіумическимъ опытамъ.

Искать въ медіумическихъ явленіяхъ болѣе того, что указано выше — значитъ переходить отъ законныхъ, болѣе или менѣе основательныхъ ипотезъ, въ темную область гадательнаго, гдѣ уже нѣтъ мѣста серьезному знанію. Сюда принадлежатъ такъ называемыя медіумическія «сообщенія», къ содержанію которыхъ, когда оно по существу своему не можетъ подлежать критической провѣркѣ, всякій разумный человѣкъ долженъ относиться съ величайшимъ скептицизмомъ и осторожностью.

Медіумическія способности — не рѣдкость; даже и въ значительной силѣ встрѣчаются онѣ чаще, чѣмъ обыкновенно думаютъ; но различныя обстоятельства зачастую портятъ дѣло. Нельзя бросить камнемъ въ тѣхъ, которые ихъ скрываютъ въ виду непопулярности медіумизма въ глазахъ незнающаго большинства; но нельзя не упрекнуть тѣхъ, которые относятся къ нимъ легкомысленно и неосторожно во вредъ самимъ себѣ. Приведемъ здѣсь въ вольномъ переводѣ выдержку изъ того, что сказано въ «Спиритуалистическихъ Листкахъ» («Spir. Blätter») про Германію и что не рѣдко можетъ прилагаться и у насъ [1]).

«Развивающійся медіумъ при своихъ опытахъ дол-

---

[1]) № 13-й, 1883, въ статьѣ: «Die Lehre vom Geist».

женъ оставаться, въ теченіи 6 — 8 мѣсяцевъ, въ самомъ тѣсномъ кружкѣ друзей. Правило это часто не соблюдается: какъ только замѣчено какое нибудь явленіе, тотчасъ созываются всѣ знакомые, чтобы дивиться чуду. И вотъ начинаютъ сидѣть каждый вечеръ, а не то, пожалуй, и чаще: чѣмъ больше народа — тѣмъ пріятнѣе для медіума, — и въ результатѣ получается, вмѣсто развитія, ослабленіе или остановка явленій [1]), а нервы медіума оказываются сильно потрясенными».

Изъ всего сказаннаго здравомыслящій читатель, надѣемся, увидитъ, что не смотря на твердое убѣжденіе въ высоко-полезномъ значеніи медіумическихъ явленій и не смотря на желаніе видѣть ихъ признанными и подвергнутыми изученію, мы весьма далеки отъ того, чтобы звать къ занятію ими всѣхъ и каждаго. Серьезность, осторожность, благоразуміе и здравый скептицизмъ пусть будутъ руководителями всѣхъ, кто касается этой области!

III.

Во второй главѣ мы оставили въ сторонѣ вопросъ о томъ, «что и насколько представляется въ природѣ возможнымъ человѣку, знающему достаточно для того, чтобы сознавать собственное незнаніе». Тамъ просто констатированъ былъ фактъ, что почти всѣ добросовѣстные и серьезные изслѣдователи медіумизма убѣждались въ реальности медіумическихъ явленій, и ни одинъ изъ убѣдившихся не разубѣждался. Но для того, чтобы сдѣлаться, если не изслѣдователемъ, то, по край-

[1]) Относительно того, какъ должно быть поступаемо при серьезныхъ опытахъ, ссылаемся на разсказъ «Вечеръ въ замкѣ» (журналъ «Ребусъ» 1882 г. № 37—49).

ней мѣрѣ, серьезнымъ наблюдателемъ явленій натуры, и чтобы вообще правильнѣе отнестись къ дѣлу — весьма важно уяснить себѣ вопросъ о *возможномъ въ реальной природѣ.* Объ этомъ мы и поведемъ теперь рѣчь. Всякому толково мыслящему такое уясненіе покажетъ, какъ мало имѣемъ мы права говорить о границахъ возможнаго и какъ неосновательно ходячее возраженіе: «этого не могло быть, потому что это невозможно».

То, что относится къ отвлеченной области и оцѣнивается помимо фактовъ, можетъ являться для насъ невозможнымъ, когда противорѣчитъ основнымъ законамъ нашего мышленія. Такъ, извѣстныя понятія о величинахъ, математическія аксіомы даны намъ этими самыми законами, и то, что противорѣчитъ аксіомамъ, является для насъ, конечно, невозможнымъ. За то подобныя понятія и не подлежатъ спору: они и выводы изъ нихъ принимаются всюду и всѣми; въ математикѣ могутъ возникать несогласія только по вопросу о правильности пріемовъ сужденія, а если эта правильность признана, то принимается и выводъ. Не то въ изученіи природы физической: мы идемъ здѣсь не отъ основныхъ апріорическихъ безспорныхъ положеній, а отъ фактовъ, устанавливаемыхъ наблюденіемъ и опытомъ. Вопросъ можетъ тутъ касаться только вѣрности наблюденій, т. е. дѣйствительности факта, а если эта дѣйствительность доказана достаточнымъ числомъ свидѣтельствъ, но не сходится съ общепринятыми въ данное время мнѣніями и взглядами, то это будетъ лишь доказательствомъ невѣрности этихъ мнѣній и поводомъ къ ихъ измѣненію и расширенію. Путемъ открытія новыхъ фактовъ идетъ все развитіе положительнаго знанія, и чѣмъ неожиданнѣе фактъ, чѣмъ онъ менѣе согласуется съ твердо

установленнымъ извѣстнымъ, тѣмъ важнѣе и плодотворнѣе бываетъ его изученіе. Говорить о невозможности въ реальной природѣ чего-либо не противорѣчащаго основнымъ законамъ мышленія, но лишь несогласнаго съ распространенными воззрѣніями — значило бы считать изученіе природы законченнымъ и отрицать дальнѣйшіе успѣхи знанія. Здѣсь опять не лишнее припомнить, далеко не въ первый разъ, извѣстныя слова знаменитаго Франсуа Араго, гласящія приблизительно слѣдующее: «отрицающій что-либо внѣ области чисто-математической поступаетъ неразумно».

Мнѣ повторятъ, пожалуй, извѣстное возраженіе, что дѣло можетъ идти о вещахъ нелѣпыхъ по существу — такихъ, которыхъ дѣйствительность нельзя установить никакими свидѣтельствами, какъ бы велико ни было ихъ число. Вмѣстѣ съ Уаллэсомъ отвѣчу на это, что въ самомъ этомъ возраженіи заключается недопустимое, нелѣпое предположеніе, будто можетъ найтись болѣе или менѣе значительное число здравомыслящихъ свидѣтелей, утверждающихъ небылицу.

Какъ ни неправильно апріорическое отрицаніе возможности того или другаго факта въ природѣ, но оно еще понятно и извинительно въ человѣкѣ, самостоятельно выработавшемъ свое міровоззрѣніе долгими трудами и мышленіемъ. Ему пришлось продумать, пережить и перечувствовать многое, выдержать ломку воспринятаго въ раннемъ возрастѣ; какъ ни мало утѣшительно отрицаніе, но онъ успокоился на немъ и чувствуетъ себя, послѣ долгаго и труднаго плаванія, достигшимъ берега, хоть и безплоднаго. Не мудрено, что такому человѣку не легко рѣшиться выйти изъ гавани и пуститься снова въ дальній путь, когда выработанныя убѣжденія говорятъ ему, что обѣщаемая и мель-

кающая вдали лучшая пристань не болѣе какъ миражъ. Тутъ онъ чувствуетъ себя на твердой, хотя и негостепріимной почвѣ, а тамъ не ожидаетъ ничего найти. О такихъ людяхъ нельзя не сожалѣть, но образъ дѣйствія ихъ можно понимать и.. извинять. Если это ученые натуралисты, то они, правда, заслуживаютъ упрекъ въ томъ, что дѣйствуютъ не на основаніи принциповъ научныхъ, а на основаніи своего предразсудка: они отвращаются отъ фактовъ, вслѣдствіе слѣпаго довѣрія къ излюбленной теоріи; человѣкъ слабый въ своей склонности къ догматизму беретъ тутъ въ нихъ верхъ надъ изслѣдователемъ и философомъ.

Далеко менѣе извинительно, когда подобныя лица являются проводниками отрицательныхъ убѣжденій въ массу. Знакомые съ исторіей опытныхъ наукъ и съ ходомъ развитія человѣческой мысли, сами они не припишутъ своимъ убѣжденіямъ той степени достовѣрности, съ какой убѣжденія эти представляются читающей публикѣ, мнящей себя просвѣщенною. Немногіе изъ нея примутъ на себя трудъ подумать самостоятельно и переработать пріобрѣтаемое; большинство на вѣру возьметъ готовыя убѣжденія, — благо они несложны и такъ отвѣчаютъ кой-какимъ инстинктамъ; — а не мало найдется и такихъ, которые, не понимая даже хорошенько о чемъ идетъ рѣчь, станутъ повторять и защищать слышанное изъ желанія слыть просвѣщенными и передовыми, *или* — *лучше сказать* — изъ боязни показаться отсталыми, закорузлыми.

Вслѣдствіе такого отношенія читающей массы и можно утверждать, что популяризація естествознанія является дѣломъ большой трудности, требующимъ крайней осторожности. А вмѣстѣ съ неосмотрительностью популяризаторовъ, отношеніе это сдѣлало то, что многіе на са-

мую науку, на естествознаніе, неправильно возлагаютъ отвѣтственность за распространеніе матеріалистическихъ убѣжденій и того механическаго міросозерцанія, съ которымъ они связываются. Но не сама наука, а тѣ, которые видятъ въ ней болѣе, чѣмъ даетъ она на самомъ дѣлѣ, виноваты въ этихъ увлеченіяхъ; бѣда и здѣсь не въ здравомъ знаніи, а во вредномъ догматизмѣ, которому, казалось бы, не должно быть и мѣста въ наукѣ, но который тѣмъ не менѣе подчасъ крѣпко держится въ ней. Въ наукѣ безспорны факты, а выводы всегда подлежатъ обсужденію и критикѣ; между тѣмъ научный догматизмъ эти то выводы и дѣлаетъ предметомъ слѣпой вѣры. Несомнѣнно одно: — въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, положительное знаніе само залечитъ тѣ раны, которыя наносятся намъ иногда неразумнымъ употребленіемъ его орудій.

Научные догматики, *жрецы* науки, и слѣпо вѣрящая масса такъ называемой образованной публики играютъ и нынѣ ту же роль, какую во всѣ времена играли жрецы всякихъ вѣрованій и народъ; разница однакожъ въ томъ, что сама наука знаменуетъ не застой, а прогрессъ, и прогрессъ этотъ въ общемъ неминуемъ, какъ бы ни задерживала его въ частностяхъ человѣческая склонность къ слѣпой вѣрѣ. Прогрессъ естествознанія даетъ уже себя знать: въ матеріализмѣ наступаетъ начало конца; явился матеріалистическій такъ называемый монизмъ; замѣтенъ возвратъ къ признанію правъ и за отвлеченнымъ мышленіемъ. Но положительное знаніе и метафизика все еще расходятся далеко и не находятъ почвы для своего единенія. Почва эта — мы увѣрены—подготовляется въ новомъ необозримомъ полѣ знанія, открывающемся въ медіумизмѣ; рано или поздно наука его коснется — и радикально измѣнятся многія

понятія о веществѣ и силѣ, откроются новые, немыслимые нынѣ горизонты, а въ результатѣ, кромѣ величайшаго шага въ развитіи человѣчества, явится и полная гармонія: не будетъ приходиться почти всякому— переживать ломку убѣжденій, отбрасывая пріобрѣтенное прежде, замѣняя его новымъ, въ сущности далеко менѣе пригоднымъ для личнаго счастія; исчезнутъ противоположности между знаніемъ дѣтства и знаніемъ зрѣлаго возраста, между религіей и наукой.

Имѣя постоянно дѣло съ грубой матеріей, непосредственно подлежащей свидѣтельству нашихъ чувствъ, и кладя въ основу своихъ знаній явленія мертвой природы, натуралистъ, естественно, привыкаетъ сначала придавать наиболѣе значенія грубо-вещественному. Человѣческое стремленіе къ причинности удовлетворяется болѣе или менѣе, когда явленія въ веществѣ подлежатъ численному выраженію, вѣсу и мѣрѣ. Вѣсомъ мы опредѣляемъ *массу* вещества, мѣрою — *пространство* и *время*. Явленія въ веществѣ сводятся къ этимъ основнымъ понятіямъ: совершающееся во времени и пространствѣ есть движеніе; разсматриваніе его по отношенію къ величинѣ времени и пространства даетъ новое, такъ сказать, составное понятіе о *скорости*, а присовокупляя къ скорости и разсматриваніе массы, получается еще болѣе сложное понятіе о *силѣ*, причинѣ движенія, или лучше объ «энергіи». Разной величины массы, двигающіяся съ одинаковой скоростью, или, наоборотъ, одинаковыя массы, двигающіяся съ различными скоростями—произведутъ, очевидно, неодинаковый механическій эффектъ, неодинаковую «*работу*» (напр. поднятіе опредѣленной тяжести на опредѣленную высоту). Изъ этого видно, что при оцѣнкѣ величины силъ необходимы всѣ три упомянутыя основныя понятія: время, пространство и масса.

Каждая масса, каждая матеріальная частица, можетъ быть представлена или двигающеюся съ опредѣленной, въ каждый данный моментъ, скоростью, или находящеюся въ покоѣ, въ состояніи, въ которое она пришла вслѣдствіе извѣстнаго воздѣйствія на нее самое. Выходя изъ такого состоянія, она сама будетъ способна произвести опредѣленную работу: тяжесть, поднятая на извѣстную высоту, натянутая пружина и т. п. являются представителями такого состоянія, Въ обоихъ случаяхъ имѣется извѣстный запасъ «энергіи»,—возможности получить эффектъ, произвести «работу», величиною которой энергія и измѣряется. Въ первомъ случаѣ это *кинетическая* энергія, во второмъ—*потенціальная*. Тамъ, гдѣ приложимы эти понятія, тамъ должны быть отданы честь и мѣсто механикѣ, и если изученіе предмета достаточно полно, то можетъ явиться возможность все свести къ механическому объясненію и выразить формулами. Упомянутыя механическія понятія пріурочиваются одинаково какъ къ большому, такъ и къ малому, лишь бы оно по своему существу, по своей вещественности, ихъ допускало.

Абсолютное ничтожество для насъ не мыслимо, — нельзя представить себѣ, чтобы «нѣчто» могло сдѣлаться «ничѣмъ». Такимъ образомъ вовсе не опытнымъ, а чисто апріорнымъ путемъ неотразимо вытекаютъ для насъ такъ называемые *законъ вѣчности матеріи* и *законъ сохраненія силъ*. Отдѣленіе одного изъ нихъ отъ другаго основывается, понятно, на томъ, такъ сказать, механическомъ дуализмѣ, котораго реальность подлежитъ еще вопросу, но который намъ необходимъ для приложенія нашихъ привычныхъ пріемовъ сужденія и по которому *вещество* и *сила* разсматриваются нами какъ двѣ особыя, отдѣльныя сущности.

У вещества постояннымъ является величина массы, у энергіи — количество «работы», которая ею можетъ быть произведена.

Возможность приложенія этихъ понятій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность математическаго формулированія законовъ того или другаго явленія вещественной природы достигается лишь при высокой степени развитія знаній объ этихъ явленіяхъ. Дать явленію, происходящему въ веществѣ, объясненіе, основанное на принципахъ механики—высшая цѣль современной науки; но чѣмъ выше порядокъ явленій, — чѣмъ глубже, такъ сказать, оно захватываетъ нѣдра вещества, тѣмъ труднѣе дойти до такого объясненія. Въ наукѣ о движеніи огромныхъ массъ въ небесномъ пространствѣ, доступномъ нашему наблюденію,—въ небесной механикѣ,—почти все разсчитано, предугадано, взвѣшено и вымѣрено; съ полной достовѣрностью подвергаются также разсчету массовыя механическія явленія, имѣющія мѣсто предъ нашими глазами въ земной природѣ и нерѣдко вызываемыя нами самими; но гораздо труднѣе становится вопросъ, когда дѣло касается тѣхъ мельчайшихъ долей вещества, какія могутъ быть мысленно достигнуты механическимъ дѣленіемъ, доводящимъ насъ до «частицъ» или молекулъ: молекулярныя, физическія явленія не такъ легко поддаются разсмотрѣнію механики; а при дальнѣйшемъ шагѣ, до предполагаемыхъ послѣднихъ мысленныхъ предѣловъ дѣленія, до явленій въ тѣхъ крайнихъ единицахъ вещества, которыя захватываются процессами химическими, механика оказывается пока еще почти неприложимою. Атомистическая механика существуетъ лишь въ зародышѣ, хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что механическое объясненіе приложимо и въ химіи.

Далѣе мы встрѣчаемъ гармоническую совокупность фи-

зическихъ и химическихъ процессовъ. Она является тамъ, гдѣ развивается жизнь; рядомъ съ этими процессами мы видимъ тогда новыя, болѣе сложныя и болѣе тонкія явленія, доходящія постепенно, въ совершенствующемся рядѣ организмовъ, до явленій жизни духовной. Нѣтъ ничего естественнѣе, что человѣкъ, убѣдившійся въ силѣ и значеніи механическаго объясненія для процессовъ наиболѣе изученныхъ, наиболѣе доступныхъ нашему пониманію, хочетъ приложить его и къ явленіямъ высшаго порядка. Онъ придерживается въ этомъ лишь требованія и непремѣннаго правила здравой науки — не прибѣгать къ новымъ гипотезамъ и принципамъ до тѣхъ поръ, пока прежніе еще годятся. Но если, въ объясненіи явленій химическихъ, механиха еще крайне слаба, хотя въ возможности существованія атомистической механики и нельзя сомнѣваться, то тамъ, гдѣ дѣло касается жизненныхъ процессовъ, самая возможность приложенія механическихъ принциповъ часто становится весьма проблематичною.

IV.

Мы сказали въ предъидущей главѣ, что стремленіе довести механическое объясненіе явленій природы до крайней возможности, до послѣднихъ предѣловъ, весьма понятно и законно; но въ этомъ стремленіи, какъ и во всякомъ движеніи, люди хватаютъ черезъ край. Такова ужъ, видно, натура человѣка или, пожалуй, законъ природы: — какъ пружина или маятникъ, выведенные изъ своего положенія, не приходятъ прямо въ состояніе равновѣсія, но переходятъ за него, такъ и человѣчество, прогрессируя въ общемъ, подвергается постоянно, можно сказать, качаніямъ, уклоняясь то въ одну, то въ другую сторону отъ прямаго пути, ведущаго впередъ;

крайности суевѣрія смѣняются крайностями отрицанія, крайности свободолюбія—крайностями охранительнаго направленія. Задача тѣхъ, кто холоднѣе и яснѣе смотритъ на дѣло, всюду состоитъ въ исполненіи обязанности регуляторовъ, пекущихся о томъ, чтобы крайности эти были по возможности меньше,—предотвратить ихъ вполнѣ никому, обыкновенно, не удается. Въ научномъ прогрессѣ качанія эти дѣлаютъ то, что не только новыя отвлеченныя истины, но и новые факты не вдругъ прокладываютъ себѣ дорогу; дѣло обыкновенно не ограничивается законнымъ и понятнымъ сомнѣніемъ, — является еще отрицаніе, игнорированіе и осмѣяніе. Однимъ изъ блестящихъ примѣровъ этого рода можетъ служить исторія развитія знаній о метеоритахъ [1]). Постоянное повтореніе подобныхъ случаевъ и дало Уаллэсу право сказать, что ученые ошибались каждый разъ, когда позволяли себѣ отрицать не испытывая.

Съ одной стороны, удержаніе и приложеніе знакомыхъ принциповъ до послѣдней возможности, но безъ слѣпаго упорства, съ другой—сознаніе, что намъ знакома только дробная часть существующаго въ мірозданіи, а потому ежеминутно можетъ открыться новое, неожиданное, кажущееся намъ несовмѣстимымъ съ тѣмъ, что извѣстно,—вотъ то золотое правило, которымъ обязанъ руководиться благоразумный испытатель природы. Относясь къ новому съ осторожнымъ скептицизмомъ, онъ долженъ помнить, что даже при объясненіи стараго, изученнаго и признаннаго, усвоенные принципы иногда оказываются недостаточными, и въ сознаніи этой недостаточности—залогъ прогресса,—что, наконецъ, са-

---

[1]) См. статью мою «Эмпиризмъ и догматизмъ въ области медіумизма» («Русскій Вѣстникъ» 1879 года).

мыя понятія, положенныя въ основу этихъ принциповъ, кроются не столько въ абсолютной реальности, въ «вещи о себѣ», сколько въ нашей субъэктивной природѣ.

Разсуждая о явленіяхъ въ веществѣ, мы *принуждены*, при настоящемъ положеніи нашихъ знаній, говорить о мелкихъ и мельчайшихъ доляхъ вещества, о «частицахъ» и «атомахъ», представляя себѣ послѣдніе недѣлимыми; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы атомъ существовалъ на самомъ дѣлѣ и дѣленію вещества былъ положенъ предѣлъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ случачаяхъ, предполагаемая конечность вызывается потребностью нашего разума. Вѣрность нашихъ заключеній отъ этого можетъ и не страдать; вѣдь и математикъ допускаетъ сужденіе о кривой, какъ совокупности безконечно малыхъ прямыхъ. Говоря объ энергіи, измѣряя ее «работой», опираются о понятіе о массѣ» вещества; это послѣднее мыслятъ инертнымъ, неподвижнымъ до тѣхъ поръ, пока на него не подѣйствовала «сила». Но было уже замѣчено прежде, что необходимость такого признанія двухъ особыхъ сущностей *матеріи* и *силы* лежитъ—также какъ и допущеніе атомовъ — въ нашемъ субъэктивизмѣ, а не въ природѣ вещей.

Въ самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ вещества помимо энергіи, силы. Мы познаемъ его по вліянію извнѣ на самихъ насъ, а это вліяніе, какъ и всякое дѣйствіе, предполагаетъ силу; вещество безъ силы не подлежало бы нашему познаванію, потому что мы не воспринимали-бы отъ него впечатлѣній, говорящихъ намъ о его существованіи и свойствахъ. Такимъ образомъ вещество и сила сливаются воедино, въ одну сущность, или, лучше сказать, понятіе о веществѣ растворяется въ болѣе обширномъ понятіи о силѣ, — болѣе обширномъ потому,

что, не зная вещества безъ силы, мы съ значительной вѣроятностью, можемъ—и даже должны—допускать существованіе силы безъ вещества: гдѣ есть вещество, тамъ всегда есть сила, но гдѣ сила, такъ не всегда непремѣнно есть вещество. Съ этой точки зрѣнія, вещество становится только одной изъ формъ проявленія той единой сущности, образующей матеріальный міръ, которую мы называемъ силой или энергіей.

Сохраняя механическую точку зрѣнія, мы принуждены разсуждать, допуская отдѣльное «нѣчто» какъ являющееся носителемъ энергіи. Въ большинствѣ явленій это *нѣчто* видимъ мы вполнѣ одареннымъ обычными атрибутами вещества, и находимъ его обыкновенно тѣмъ, такъ сказать, вещественнѣе, чѣмъ явленіе грубѣе. Оно занимаетъ опредѣленное мѣсто въ пространствѣ, не допуская одновревеннаго нахожденія въ томъ же мѣстѣ чего-либо другаго (*«непроницаемость»*),—способно подвергаться перемѣщенію цѣлою своею массою, и въ этомъ можетъ обыкновенно подлежать нашему произволу, — оно одарено вѣсомостью («тяготѣніемъ») и проч. Однакожъ, и въ объясненіи однихъ повседневныхъ явленій мертвой природы, это *грубое* вещество оказывается для насъ недостаточнымъ. Движутся массы вещества и ударяются одна о другую, движутся частички, колеблясь, разнося звуковыя волны, — и мы хорошо видимъ и знаемъ то вещественное, которое тутъ является носителемъ энергіи и передаетъ ее, мы знаемъ и то, какъ совершается эта передача. Переносится электрическая энергія проводникомъ — и мы знаемъ *что̀* передаетъ ее, хотя не знаемъ еще хорошенько, какъ она передается. Во всѣхъ этихъ случаяхъ передатчикъ можетъ быть удаленъ—и передачи не будетъ: въ безвоздушномъ пространствѣ не распространится звукъ, безъ проводника

не передастся электричество, какъ таковое. Но идемъ дальше, и встрѣчаемъ явленіе, гдѣ передатчикъ начинаетъ, такъ сказать, ускользать отъ нашего прямаго наблюденія, а отъ нашего произвола — и подавно. Въ иныхъ случаяхъ мы можемъ еще сослаться на остатки вещества, какъ бы служащіе для передачи, но и тутъ уже большую странность представляетъ то обстоятельство, что передача энергіи совершается лишь на условіи, чтобы вещества оставалось безконечно мало; таковы извѣстныя явленія въ радіометрахъ и въ электрическихъ трубкахъ Крукса, — явленія начинающіяся только при крайнемъ разрѣженіи газа находящагося въ снарядѣ.

Въ другихъ случаяхъ мы тоже встрѣчаемъ непропорціональность, или, быть можетъ, правильнѣе — обратную пропорціональность, между веществомъ и силой. Большей частью измѣненія, такъ сказать, утончающія вещество требуютъ затраты энергіи, такъ что вещество въ этомъ болѣе тонкомъ видѣ является носителемъ большаго запаса силъ. Примѣромъ могутъ служить ледъ, вода, паръ и, наконецъ, составныя части воды — водородъ съ кислородомъ. Въ нѣкоторыхъ явленіяхъ — и притомъ въ наиболѣе распространенныхъ, играющихъ первостепенную роль въ природѣ — у насъ не остается для прибѣжища и остатковъ вещества; приходится допускать «нѣчто», говорить о «чемъ-то», существующемъ или нѣтъ — мы не знаемъ; но необходимомъ для насъ самихъ, для того чтобы намъ было за что ухватиться, — было къ чему пріурочить свои механическія воззрѣнія съ ихъ необходимымъ дуализмомъ, съ разсужденіями о движеніи и о томъ, что̀ двигается. Къ этой категоріи относятся притяженія на разстояніяхъ и явленія свѣтовыя или, лучше, лучевыя, — а явленіями этой категоріи держится, можно сказать, весь нашъ матеріальный міръ.

V.

Читатель найдетъ, пожалуй, что содержаніе послѣднихъ главъ не отвѣчаетъ заглавію статьи, такъ какъ въ нихъ нѣтъ рѣчи о медіумизмѣ. Не лишнее оговориться по этому поводу: я надѣюсь показать далѣе, что есть существенное отношеніе между тѣмъ и другимъ, что философія положительнаго знанія совсѣмъ не находится въ томъ противорѣчіи съ выводами медіумизма, какъ это нерѣдко принимаютъ. Съ другой стороны, я охотно сознаюсь, что не отдѣльно, не независимо, однимъ размышленіемъ, а именно вслѣдствіе знакомства съ медіумическими явленіями, я неотразимо приведенъ былъ къ тѣмъ идеямъ и воззрѣніямъ, которыя были мною развиты въ предъидущемъ и о которыхъ я стану продолжать рѣчь.

Мною сказано было когда-то, что съ фактами не спорятъ и что я ставлю ихъ впереди всего. Тоже самое я повторю и теперь. Будучи поклонникомъ реальнаго, быть можетъ, болѣе, чѣмъ многіе другіе натуралисты, я только за одними фактами признаю вполнѣ рѣшающій голосъ и всегда готовъ принести въ жертву этому рѣшенію такъ называемыя «установленныя научныя воззрѣнія». Раньше или позже, но во всякомъ случаѣ со временемъ увидятъ ясно, что именно строгое приложеніе этого принципа и привело меня въ лагерь медіумистовъ ранѣе, чѣмъ многихъ другихъ ученыхъ. Медіумическія явленія волей-неволей отклонили меня отъ приписыванія «веществу» слишкомъ абсолютнаго значенія.

Возвращаюсь къ своему предмету. Я указалъ на тяготѣніе и лучеиспусканіе какъ на такіе процессы матеріальнаго міра, которые, имѣя въ немъ первостепен-

ное значеніе, представляютъ случай передачи силы безъ пособія матеріи. Постараюсь это уяснить.— Невидимая связь удерживаетъ въ міровомъ пространствѣ небесныя тѣла въ опредѣленной зависимости одно отъ другаго. Сила эта, тяготѣніе, считается присущей грубо-матеріальной массѣ свѣтилъ; она дѣйствуетъ на разстояніи, въ извѣстной отъ него зависимости. Но что же, спрашивается, передаетъ эту силу чрезъ пространство? Если два тѣла раздѣлены разстояніемъ и взаимодѣйствуютъ, т. е. между ними совершается обмѣнъ силъ, и если въ то же время ничего вещественнаго въ пространствѣ, между ними, мы не находимъ, то, значитъ, или сила можетъ существовать безъ матеріи: — въ промежуткѣ между двумя тѣлами сила есть, а матеріи нѣтъ; — или, если передача силы безъ посредства матеріи происходить не можетъ, то въ этомъ промежуточномъ пространствѣ присутствуетъ нѣчто матеріальное, хотя и не одаренное обычными, знакомыми намъ свойствами вещества, а потому и неощутимое для насъ прямо. Послѣднее изъ этихъ двухъ предположеній подходящѣе для нашей субъективности; за него мы и ухватываемся, хотя вовсе нельзя сказать, чтобы оно было наиболѣе вѣроятнымъ.

Почти тоже самое можно сказать и о лучѣ, будетъ ли это лучъ свѣта или теплоты. Тотъ и другой представляютъ одинъ изъ видовъ распространенія силы, передачи энергіи въ пространствѣ, и это распространеніе является здѣсь даже въ формѣ, такъ сказать, болѣе осязательной, чѣмъ при тяготѣніи. Огромная часть той энергіи, которая движетъ окружающую насъ природу, и которую мы умѣемъ частію заставить служить намъ въ видѣ силы вѣтра, пара, паденія воды и проч. приходитъ къ намъ, какъ извѣстно, въ видѣ солнечныхъ

лучей Подъ ихъ вліяніемъ и съ поглощеніемъ приносимой ими энергіи, совершается въ растеніяхъ тотъ процессъ, который накопляетъ горючій матеріалъ, дающій намъ возможность получать теплоту нужную для образованія пара въ паровикахъ; тѣ же лучи, испаряя воду, поднимаютъ ее въ атмосферу и питаютъ теченіе рѣкъ и т. д. Словомъ, мы имѣемъ право сказать, что сила, присланная намъ солнцемъ, движетъ машины нашихъ фабрикъ и заводовъ, мчитъ наши поѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, двигаетъ пароходы, производитъ тысячи физическихъ и химическихъ измѣненій, требующихъ затраты энергіи. Сила эта, мы знаемъ, распространяется отъ солнца до земли постепенно, хотя и съ чрезвычайной быстротой. Намъ извѣстна довольно близко и скорость этого распространенія. Какъ бы огромна она ни была, но во всякомъ случаѣ приходится допустить, что каждая, такъ сказать, порція энергіи, посылаемой солнцемъ, находится въ теченіи нѣкотораго времени въ пространствѣ, въ пути, въ такомъ состояніи, что, уйдя отъ солнца, она не дошла еще до земли. Здѣсь, съ полною ясностью видимъ мы нахожденіе силы въ пространствѣ, и еще неотступнѣе является вопросъ о томъ, по матеріальной ли средѣ совершается этотъ переходъ силъ? Если — да, то что же именно является здѣсь носителемъ энергіи, — какая масса приходитъ въ движеніе и передаетъ его?

Не имѣя возможности — или, быть можетъ, вѣрнѣе — не умѣя еще пока отрѣшиться отъ нашего механическаго дуализма, мы говоримъ не просто о присутствіи и переходѣ въ пространствѣ силъ и о дѣйствіи на разстояніяхъ, а допускаемъ *нѣчто* крайне-тонкое, наполняющее пространство, находящееся всюду, одаренное совершенной упругостью и не одаренное тяготѣніемъ,

невѣсомое, недоступное нашимъ чувствамъ до тѣхъ поръ, пока оно не движется, и являющееся, при своихъ разныхъ движеніяхъ, носителемъ свѣта, лучистаго тепла, а можетъ быть и электричества. Это нѣчто названо у физиковъ *эфиромъ;* распространеніе въ немъ извѣстнаго волнообразнаго движенія является лучемъ. Пусть полезна въ настоящее время, если не необходима, ипотеза эфира для сужденія о тѣхъ или другихъ явленіяхъ природы, но никто изъ серьезныхъ научныхъ мыслителей не приписываетъ этому эфиру полной реальности; утверждается только, что огромное большинство свѣтовыхъ явленій таково, что ихъ *можно разсматривать* какъ волнообразныя движенія упругой среды. Но прежде не знали нѣкоторыхъ явленій и вполнѣ довольствовались другой теоріей свѣта, Ньютоновской «теоріей испусканія», а нынѣ узнали и такія явленія, для которыхъ ужъ и теорія волненія эфира является недостаточной. Недавно возникла, хотя еще не пріобрѣла полнаго гражданства, новая «электромагнитная теорія свѣта» Максуэлля.

Эфиръ является такимъ образомъ не чѣмъ-либо реальнымъ, наблюдаемымъ прямо, а скорѣе фикціей, нужной для нашего механическаго способа сужденія, сводящаго все къ движенію. Залогъ прогресса лежитъ, быть можетъ въ томъ, чтобы механика умѣла въ извѣстныхъ случаяхъ отрѣшаться отъ своего дуализма, и отбросивъ «массу», старалась строить свои формулы въ примѣненіи къ монистическому принципу, къ понятію о «силѣ». Да и въ самомъ дѣлѣ, что же это за «вещество» со свойствами эфира, или—лучше сказать—что же это за отсутствіе въ веществѣ (если бы эфиръ былъ веществомъ) тѣхъ свойствъ, которыми вещество вообще характеризуется для насъ? Изъ даннаго замкнутаго про-

странства мы умѣемъ удалить почти совершенно любой газъ, и, вмѣстѣ съ этимъ удаленіемъ, становятся невозможными въ такомъ пространствѣ извѣстныя явленія, пріурочивающіяся несомнѣнно къ веществу: въ немъ не распространяется звукъ, чрезъ него не проникаетъ электричество, какъ таковое. Но мы безсильны сдѣлать это пространство непроницаемымъ для притяженія и для лучей,—эфиръ неудалимъ. Въ веществѣ мы имѣемъ массу, измѣряемую тяготѣніемъ, вѣсомъ; а эфиръ невѣсомъ, что однако не мѣшаетъ ему являться носителемъ огромнаго количества кинетической энергіи, которой величину мы оцѣниваемъ, именно принимая въ разсчетъ массу. Такимъ образомъ, не представляя вѣсомой массы, эфиръ все-таки долженъ быть массой. Если эта масса безконечно мала, то, для полученія механическихъ эффектовъ, безконечно велика должна быть здѣсь скорость; но вѣдь допущеніе безконечности не въ отвлеченіи, а въ циклѣ дѣйствительныхъ, реальныхъ явленій, едва-ли можетъ что нибудь объяснить, — безконечность недоступна нашему представленію. Если же масса эфира реальна, хотя и чрезвычайно мала, то какимъ образомъ является она какъ бы не занимающей вовсе пространства, не имѣющей «непроницаемости»? Напримѣръ, стекло вполнѣ непроницаемо для малѣйшихъ, тончайшихъ остатковъ настоящаго вещества — для какого нибудь разрѣженнаго газа, а эфиръ не только помѣщается въ толщѣ стекла, но еще имѣетъ возможность и двигаться между его частицами, такъ какъ стекло прозрачно, т. е. позволяетъ волнамъ эфира распространяться въ себѣ. Если стекло состоитъ изъ частицъ, и если эти промежутки не проницаемы для тончайшихъ газовъ собственно въ силу того, что проникновенію противится эфиръ, то какимъ образомъ тѣ же газы свободно распространя-

ются тамъ, гдѣ есть эфиръ, но нѣтъ стекла и почему многія тѣла, пропускающія газы, непрозрачны, т. е. не пропускаютъ эфирныхъ волнъ?

VI.

Вся масса затрудненій, являющихся при допущеніи вещественности эфира, и недостаточность ипотезы эфира для объясненія *всѣхъ* наблюдаемыхъ явленій — ведутъ къ отрицанію его реальности. А если мы рѣшимся на это отрицаніе, то должны допустить возможность существованія *силы безъ вещества*. Если же сила мыслима безъ вещества и не-мыслимо вещество безъ силы, то законно и естественно принять то, что было уже нами сказáно: *вещество есть не болѣе, какъ только нѣкоторая форма проявленія силы*, представляющей единую и дѣйствительную сущность всей неодушевленной природы.

Такъ какъ превращеніе различныхъ признанныхъ наукою видовъ энергіи одного въ другой доказано, то, съ нашей точки зрѣнія, и возможность превращенія вещества, какъ особой формы энергіи, въ энергію невещественнаго вида, а равно и возможность обратнаго перехода также должны быть признаны. Само собою разумѣется, что здѣсь, какъ и вездѣ, по «закону сохраненія силъ» (правильнѣе—по *аксіомѣ сохраненія всякой сущности*, по немыслимости абсолютнаго ничтожества, по невозможности превращенія въ *ничто* того, что представляетъ *нѣчто*) должно имѣть мѣсто опредѣленное количественное отношеніе (*эквивалентность*). Съ этой точки зрѣнія, является возможнымъ то, что фактически дано намъ въ числѣ медіумическихъ явленій: «*матеріализація*» и «*дематеріализація*». Вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется конечно такъ называемый «законъ вѣчности *матеріи*» въ обычномъ его смыслѣ.

Съ точки зрѣнія, на которую мы теперь встали, слѣдуетъ допустить, что чувства наши воспринимаютъ *непосредственныя* впечатлѣнія не отъ одного вещества только: на нихъ дѣйствуетъ и сила, какъ таковая. Осязаніе, дающее намъ понятіе о сопротивленіи, о присутствіи большихъ или меньшихъ массъ, принимаетъ при этомъ впечатлѣнія лишь отъ грубаго, непосредственнаго дѣйствія матеріи; оно же говоритъ намъ однако и о вибраціяхъ теплотныхъ, которыя могутъ быть возбуждены дѣйствіемъ луча. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ о болѣе тонкомъ вліяніи. Слухъ представляетъ бо́льшую спеціализацію: имъ воспринимаются только опредѣленныя звуковыя вибраціи, по преимуществу — газовъ. Что-же касается зрѣнія, то̀ имъ *непосредственно* ощущаются вліянія, вещественная натура которыхъ, какъ мы видѣли, весьма и весьма подлежитъ сомнѣнію. Обоняніе представляетъ въ этомъ отношеніи нѣчто среднее: впечатлѣнія, имъ воспринимаемыя, приносятся веществомъ, но количества этого вещества могутъ быть ничтожными, почти исчезающими. Стоитъ указать, напр на специфическіе запахи металловъ, на способность нѣкоторыхъ запаховъ наполнять большія пространства, между тѣмъ какъ потеря при этомъ пахучаго вещества такъ мала, что вовсе не можетъ быть нами наблюдаема и т. п. Суммируя все сказанное, приходится принять, что мы познаемъ нашими чувствами энергію вообще, въ ея различныхъ проявленіяхъ вещественныхъ и *невещественныхъ*, т. е. другими словами — нервы наши подлежатъ непосредственному вліянію не только вещества, которое можетъ дѣйствовать на нихъ и тогда, когда находится въ безконечно маломъ количествѣ, но и вліянію силы, какъ таковой.

Если-бы мнѣ замѣтили, что тамъ, гдѣ, по моему мнѣ-

*

нію, *непосредственное* дѣйствіе на нервъ принадлежитъ не веществу, напр. при воспринятіи свѣтоваго впечатлѣнія, лучъ все-таки беретъ начало отъ вещества, т. е. на нервъ — хотя и не непосредственно, а на разстояніи,—дѣйствуетъ вещество, то я отвѣтилъ бы, что, принявши такое положеніе за истину, мы вращались бы въ безъисходномъ кругу, потому что оно-то мною и отвергается. Я стараюсь, во-первыхъ, доказать, что *непосредственное* дѣйствіе на наши чувства можетъ принадлежать, въ извѣстныхъ случаяхъ, и не вещественному дѣятелю, а во-вторыхъ, я утверждаю, что и самая причина дѣйствія можетъ заключаться не въ веществѣ. Хорошо извѣстные и всѣми признанные факты дѣлаютъ, говорю я, утвержденіе это весьма вѣроятнымъ; а факты столь же реальные, но еще игнорируемые и отвергаемые большинствомъ, возводятъ его на степень полной достовѣрности.

Прибавлю, что способность нашихъ нервовъ, воспринимать впечатлѣнія даже отъ невещественныхъ вліяній, обнаруживаетъ вполнѣ всю несостоятельность ходячаго возраженія, что малыя (напр. такъ называемыя—гомеопатическія) количества не могутъ дѣйствовать на организмъ по своей незначительности [1]). Наши *обычныя* механическія, физическія и химическія понятія нерѣдко должны быть откладываемы въ сторону тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нервной системѣ. Но пусть слова мои не подвергаются кривотолкованіямъ: я вовсе не хочу сказать, чтобы въ этихъ случаяхъ не было мѣста естествознанію, положительной наукѣ; въ будущемъ наука несомнѣнно захватитъ подобныя явленія, какъ и всякую дру-

[1]) См. *мою брошюру* «Антиматеріализмъ въ наукѣ. Іегеръ и гомеопатія».

гую область доступнаго нашимъ чувствамъ реальнаго бытія, вещественнаго или невещественнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо замѣтить, что если все доступное существующее должно подлежать изученію, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы все реально-существующее было намъ доступно. Напротивъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что мы, въ конечномъ тѣлесномъ существованіи нашемъ, стоимъ предъ безконечнымъ разнообразіемъ проявленій силы,—проявленій, изъ которыхъ лишь небольшая часть для насъ ощутима. Чувства не одинаковы и у разныхъ личностей: то, что видимо или обоняемо для одного, можетъ для другаго оставаться незамѣтнымъ, какъ-бы несуществующимъ; сравнивая обоняніе человѣка и обоняніе, напримѣръ, собаки—мы видимъ уже огромное различіе; столь-же огромное или еще большее различіе существуетъ между простымъ натуральнымъ чувствомъ человѣка и тѣмъ же чувствомъ вооруженнымъ. Телескопы и микроскопы, постоянно совершенствуясь, открываютъ намъ все новыя и новыя формы бытія какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ, — и кто же осмѣлится поставить границу познаванію? Она очевидно отодвигается въ безконечность. Притомъ быть можетъ — и даже вѣроятно — самыя чувства, нервная система человѣка, постепенно, хотя и тысячелѣтіями только, совершенствуется въ послѣдующихъ генераціяхъ, и то, что неощутимо прямо для насъ, можетъ сдѣлаться ощутительнымъ для нашихъ потомковъ. Да и теперь, развѣ мы не знаемъ звуковъ, которые намъ не слышны, — свѣта, который намъ не видѣнъ? Лучше сказать: существуютъ явленія, которыя были бы для насъ звукомъ и свѣтомъ, если бы были нами ощущаемы. Звукъ, свѣтъ и все прочее—понятія, обусловливаемыя нашей субъективностью; то, что для насъ звукъ, есть

въ сущности — когда оно разсматривается независимо отъ личности нашей—не болѣе, какъ извѣстное колебаніе. И мы знаемъ, что существуютъ подобныя колебанія неслышимыя нами; воспріимчивость нашего уха не идетъ далѣе извѣстныхъ границъ, и колебанія, по натурѣ одинаковыя съ звуковыми, но слишкомъ медленныя или слишкомъ быстрыя, перестаютъ быть доступными нашему слуху, хотя существованіе ихъ и можетъ быть легко констатировано извѣстными пріемами. Почти тоже самое относится и къ свѣту: радужный спектръ для нашего глаза оканчивается тамъ, гдѣ чувствительная къ свѣту бумага еще совершенно опредѣленно показываетъ его присутстіе; та часть спектра, которая обыкновенно не видима, можетъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, сдѣлаться и прямо видимою. И такъ, даже кинетическая энергія не всегда для насъ ощутима, а запасы потенціальной энергіи, какъ таковой, вообще не констатируются чувствами. Намъ безпрестанно приходится наблюдать, что силы ощутимыя превращаются въ это скрытое состояніе и обратно. Напримѣръ, энергія солнечнаго луча поглощается при разложенія углекислоты воздуха зелеными частями растеній, и въ продуктахъ накопляется запасъ энергіи въ химической формѣ; часть этой послѣдней сохранилась въ углѣ, полученномъ изъ растенія и употребляемомъ для приготовленія пороха; она участвуетъ, освобождаясь, въ развитіи той силы, которую обнаруживаетъ порохъ, сгарая. Взрывчатыя вещества, сжатые газы, заряженный электричествомъ кондукторъ и т. п. представляютъ такіе запасы силы («потенціальную энергію»), присутствіе которыхъ не констатируется чувствами; но которые ежеминутно могутъ сдѣлаться ощутимыми, переходя въ кинетическое состояніе. Такъ, считая вещество лишь особою формою про-

явленія силы, можно легко представить себѣ и переходъ этой вещественной формы въ невещественную, и обратно.

О существованіи извѣстныхъ намъ формъ бытія, неощутимыхъ прямо, мы дѣлаемъ заключенія по ихъ превращенію въ формы ощутимыя, или потому, что наблюдаемъ ихъ благодаря употребленію какихъ-либо особыхъ пріемовъ; и очевидно нельзя не допустить, что кромѣ этихъ не ощутимыхъ прямо формъ, которыя однако при тѣхъ или другихъ условіяхъ становятся доступными нашимъ чувствамъ—существуетъ множество другихъ, остающихся намъ вовсе неизвѣстными. Проникнувшись этой мыслью и видя громадное разнообразіе тѣхъ формъ, явленія которыхъ подлежатъ нашему наблюденію,—знающему и мыслящему нельзя не преклониться предъ безконечными возможностями природы, нельзя не сознаться въ ограниченности своихъ собственныхъ знаній, и онъ конечно не будетъ ни легкомысленъ, ни рѣшителенъ въ отрицаніи.

Если та пылинка въ міозданіи, которую мы зовемъ землею, и тотъ уголокъ безконечнаго пространства, подробности котораго мы изучаемъ, подавляетъ насъ величіемъ и разнообразіемъ существующаго, то каково же должно быть разнообразіе формъ, явленій и возможностей тамъ, въ другихъ мірахъ, гдѣ наше громадное становится сравнительно мелкимъ, чуть заслуживающимъ вниманія? Кто, напримѣръ, осмѣлится присвоить нашей землѣ привиллегію органической жизни и разума, отказывая въ нихъ другимъ небеснымъ тѣламъ? Не значило-ли бы это продолжать считать, въ нѣкоторомъ смыслѣ, землю по ея значенію средоточіемъ вселенной, какъ считали ее таковой когда-то по ея положенію?

Мудрость и задатки прогресса лежатъ несомнѣнно въ ясномъ сознаніи ограниченности нашихъ знаній.

IX.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ МЕДІУМИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

(Рѣчь, читанная въ Общемъ Собраніи VII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Одессѣ, 27-го августа 1883 г.) [1]).

Цѣль рѣчи. Обязанность людей науки. Нынѣшнее неправильное отношеніе науки къ вопросу о медіумизмѣ. Отношеніе къ нему самого докладчика. Рискованность отрицанія. Неосновательность упрека въ сверхъестественности и мистичности.

Милостивые Государи!

Вопросъ, на который я хочу призвать сегодня вниманіе ваше, является до сихъ поръ такимъ нелюбимымъ пасынкомъ естествознанія, что я не безъ колебанія рѣшился поднять о немъ сегодня голосъ. Такая квалификація, въ связи съ именемъ лица, предстоящаго предъ вами, безъ сомнѣнія даетъ уже возможность догадываться, что дѣло идетъ о такъ называемыхъ «медіумическихъ явленіяхъ». Я считаю этотъ предметъ на столько важнымъ и серьезнымъ, — и личный взглядъ мой на него установился такъ прочно, что я не исполнилъ бы, мнѣ кажется, нравственной

---

[1]) См. Отчетъ Общаго Собранія VII съѣзда, и «Ребусъ» 1883, стр. 309.

обязанности человѣка науки предъ истиной — предъ знаніемъ, которое есть стремленіе къ этой истинѣ — если-бы промолчалъ тамъ, гдѣ могу говорить съ пользою. Предъ какимъ-либо ученымъ обществомъ, составляющимъ собирательную единицу, тотчасъ принимающуюся если не за разработку, то за обсужденіе предмета, съ тѣмъ чтобы постановить о немъ приговоръ по большинству голосовъ—сознаюсь—я не счелъ бы полезнымъ выступить: такъ мало смѣю я еще разсчитывать на сочувствіе большинства. Но мы сошлись здѣсь временно и встрѣчаемся сегодня въ послѣднемъ засѣданіи; каково бы ни было среднее, такъ сказать, мнѣніе съѣзда, взятаго въ своей совокупности, найдутся конечно члены, для которыхъ вопросъ о «медіумическихъ явленіяхъ»,— остававшійся до сихъ поръ въ сторонѣ, темнымъ и какъ бы несуществующимъ, извѣстнымъ лишь по отрывочнымъ, газетнымъ, почти всегда извращеннымъ свѣдѣніямъ, — быть можетъ, будетъ поставленъ на очередь моей сегодняшней рѣчью о немъ. А въ этомъ и заключается моя цѣль; не на безотложное обсужденіе, изслѣдованіе и рѣшеніе, я выдвигаю этотъ вопросъ,— такія трудныя, сложныя и важныя отрасли знанія разрабатываются и выясняются лишь многими десятилѣтіями; но я считаю себя вправѣ сказать сегодня естествоиспытателямъ и врачамъ: Мм. гг.! ищите случая серьезно познакомиться съ этой областью явленій природы; удѣлите часть вашего времени и труда, чтобы составить себѣ о нихъ понятіе и убѣжденіе на основаніи собственныхъ терпѣливыхъ и безстрастныхъ наблюденій и вы... вы только исполните вашъ долгъ предъ знаніемъ, которому служите, предъ обществомъ, которому принадлежите, и которое нерѣдко блуждаетъ въ потьмахъ по окольнымъ путямъ, благодаря тому, что у него мало

хладнокровныхъ, подготовленныхъ и знающихъ путеводителей.

До сихъ поръ наука, въ лицѣ большинства своихъ представителей, или игнорируетъ вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, или отрицаетъ, не изслѣдуя, самое существованіе объекта изслѣдованія. Развѣ то или другое позволительно? Развѣ у знанія есть право имѣть предвзятыя рѣшенія, или руководиться своими симпатіями и антипатіями, принимаясь за одно, отвращаясь отъ другого, когда и то, и другое одинаково существуетъ или совершается въ природѣ? Повторяю, — говорю не про всѣхъ, а про большинство: есть и здѣсь, въ средѣ насъ, изслѣдователи, серьезно и научно подходящіе къ предмету; но да не будетъ съ ними того, что уже бывало съ другими; пусть не останавливаются они исключительно на тѣхъ элементарныхъ явленіяхъ, объясненіе которыхъ удается еще привести такъ или сякъ къ общеизвѣстнымъ принципамъ. Не въ этихъ явленіяхъ, не въ ихъ изслѣдованіи лежитъ на этомъ поприщѣ дѣйствительный залогъ громаднаго прогресса нашихъ знаній. Напримѣръ, движенія предметовъ, которыхъ касаются руки лицъ, производящихъ опытъ, поддаются объясненію посредствомъ безсознательной, непроизвольной игры мышцъ; но вѣдь кромѣ такихъ движеній въ область медіумическихъ явленій входятъ также движенія предметовъ *безъ всякаго къ нимъ прикосновенія.* А медіумическіе стуки съ ихъ осмысленностью и множество другихъ явленій — явленій, несомнѣнная реальность которыхъ засвидѣтельствована мною и другими серьезными наблюдателями на основаніи собственнаго опыта— вѣдь и они тоже должны подлежать изученію и объясненію.

Коснувшись моего личнаго отношенія къ предмету, я принужденъ просить позволенія сказать нѣсколько

словъ о себѣ самомъ — для того, чтобы свидѣтельство мое представилось въ его настоящемъ свѣтѣ. Мною пройденъ долгій путь отъ незнанія и сомнѣній къ нынѣшнему столь опредѣленно высказываемому мною убѣжденію; только многолѣтнія наблюденія и опыты, послѣ долгихъ колебаній, привели меня къ рѣшительному и положительному убѣжденію. Ссылаюсь на сказанное мною восемь лѣтъ тому назадъ: [1]) «Сначала стоишь совершенно пораженный предъ свидѣтельствомъ собственныхъ чувствъ, доказывающихъ реальность такихъ вещей, которыя привыкъ считать противорѣчащими здравому разсудку! Надо не мало времени и внутренней работы, чтобы помириться съ неоспоримой дѣйствительностью, и когда наконецъ дошелъ до необходимости признать эту дѣйствительность, то все еще тяжело считать невѣроятное существующимъ на дѣлѣ: время отъ времени поднимаются новыя сомнѣнія, прежнее направленіе мыслей опять возникаетъ, и сомнѣніе устраняется лишь полнѣйшей невозможностью счесть испытанное чѣмъ-либо другимъ, кромѣ фактической истины. Предъ нимъ стоишь въ полномъ сознаніи ограниченности человѣческихъ свѣдѣній, и уступаешь только потому, что *съ фактами не спорятъ*». Что же касается отрицаній, встрѣчаемыхъ этимъ вопросомъ и основанныхъ, будто бы, на произведенныхъ опытахъ, то я тогда же отвѣтилъ на нихъ слѣдующими словами: [2]) «Познакомившись собственнымъ и чужимъ опытомъ съ трудностями, которыми является обставленнымъ, для каждаго добросовѣстнаго наблюдателя, рѣшеніе во-

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1875 г., Ноябрь, стр. 307, въ статьѣ «Медіумическія явленія».

[2]) Тамъ же, стр. 345.

проса о дѣйствительномъ существованіи медіумическихъ явленій, я не могу придать большаго вѣса приговорамъ людей, слегка и свысока берущихся произносить свой судъ... Я помню при этомъ, что знаменитость, ученость и несомнѣнное остроуміе еще не могутъ служить гарантіей въ томъ, что человѣкъ, обладающій этими качествами, добросовѣстно отнесется къ извѣстному дѣлу».

Научныя предубѣжденія, излишнее довѣріе къ ходячимъ воззрѣніямъ, которыя нерѣдко слывутъ незаслуженно за настоящую истину, бываютъ такъ сильны, что я не буду нисколько удивленъ, если нѣкоторымъ изъ васъ, мм. гг., покажется странной и неумѣстной рѣшимость представителя точной науки говорить въ этомъ ученомъ собраніи о вопросѣ, который столько разъ считали похороненнымъ, несуществующимъ болѣе. Но я именно и пользуюсь здѣсь случаемъ заявить, что онъ живетъ, разрастается и все съ большей и большей назойливостью подступаетъ къ наукѣ. Заявленіе же мое — или, лучше сказать, объясненіе, почему я пришелъ къ этому заявленію — сводится къ двумъ главнымъ основаніямъ. Вотъ они: 1) въ качествѣ натуралиста я считалъ и считаю себя обязаннымъ ставить факты впереди всего, не жертвуя ими для какихъ бы то ни было теоретическихъ воззрѣній; вмѣстѣ съ тѣмъ я всегда далекъ былъ отъ того увлеченія, которое и внѣ области математическаго мышленія позволяетъ себѣ апріорическое отрицаніе; 2) я привыкъ (надѣюсь, вы признаете за мной право сказать это), привыкъ открыто, не справляясь съ симпатіями большинства, высказывать свои убѣжденія, когда считаю это полезнымъ и нужнымъ.

У насъ, представителей науки, нѣтъ не только права

игнорировать предметъ, о которомъ я говорю; но скоро не будетъ на то и возможности. Отъ этого убѣжденія не далекъ, я думаю, каждый знакомый съ нимъ хотя бы только по отрывочнымъ и большею частью невѣрнымъ или искаженнымъ газетнымъ извѣстіямъ, такъ какъ извѣстія эти редактируются, въ большинствѣ случаевъ, тенденціозно, примѣняясь еще къ господствующему нынѣ отрицанію самаго существованія вопроса. Между тѣмъ человѣкъ, взявшій на себя трудъ достаточно ознакомиться съ его литературою, принужденъ удивляться тому, что до сихъ поръ вопросу этому посвящено такъ мало вниманія. Если допустить, что лишь малая, дробная часть громаднаго литературнаго матеріала, какимъ обладаетъ медіумизмъ, заслуживаетъ нѣкотораго довѣрія и вниманія, то и тогда предмету этому должно быть дано очень видное мѣсто между важными современными вопросами знанія. Но пусть натуралистъ или врачъ остановится даже на полномъ недовѣріи къ справедливости описываемаго, каково-бы ни было имя автора, — вѣдь и тогда неотразимо встанетъ передъ нимъ вопросъ, стоющій разрѣшенія, — вопросъ о томъ, какъ и почему люди, несомнѣнно правдолюбивые и здравомыслящіе, могутъ столь легко впадать въ грубое заблужденіе? Съ прочной ученой репутаціей и съ величайшимъ сомнѣніемъ подходятъ они къ предмету, добросовѣстно рѣшившись выработать себѣ опредѣленное и основательное воззрѣніе на него, и каждый изъ нихъ доходитъ... до убѣжденія въ дѣйствительномъ существованіи медіумическихъ явленій. Если убѣжденіе это и ошибочно, то развѣ не стоитъ разрѣшенія вопросъ о томъ, какъ и почему оно возникаетъ, — какъ могли его пріобрѣсть Геръ, Де-Морганъ, Уаллэсъ, Круксъ, Фламмаріонъ, Веберъ, Цёлльнеръ, Фехнеръ, Перти, Фихте, Улврици,

Остроградскій и не мало другихъ заслуженныхъ представителей знанія?

Отношеніе къ нашему вопросу и тѣхъ ученыхъ, которые до извѣстной степени интересуются медіумизмомъ и не прочь ознакомиться съ нимъ, часто бываетъ совершенно неправильнымъ. Во всякомъ другомъ случаѣ лицо, принимающееся за какой-либо предметъ, считаетъ обыкновенно нужнымъ предварительно взяться за его литературу; здѣсь же литература большею частію оставляется безъ вниманія. Я разумѣю, конечно, не всю громадную, разноязычную литературу медіумизма; въ ней безъ сомнѣнія пропасть балласта, увлеченій и крайностей; но многіе ли дали себѣ трудъ добросовѣстно и терпѣливо прочесть, напримѣръ, хотя бы статьи Уаллэса, изслѣдованія Крукса, отчетъ Комитета Лондонскаго Діалектическаго Общества, книги Цёлльнера и Фехнера? А между тѣмъ этого чтенія вполнѣ достаточно для того, чтобы взглянуть на предметъ серьезно и здраво, безъ призмы предвзятыхъ мнѣній, порождаемыхъ научнымъ догматизмомъ. — Постоянно слышишь упрекъ въ томъ, что защитниками медіумизма недостаточно твердо констатировано существованіе того или другого факта, а между тѣмъ поводъ къ этому упреку лежитъ обыкновенно въ незнаніи самого упрекающаго; на дѣлѣ же вполнѣ справедливыми оказываются слова Уаллэса, сказавшаго [1]), что медіумическіе феномены «доказаны такъ же хорошо, какъ любые факты въ той или другой наукѣ...» «Факты эти — прибавляетъ онъ — подлинны и неоспоримы, и всегда были таковыми въ степени достаточной для того, чтобы убѣдить всякаго честнаго и упорнаго изслѣдователя».

---

[1]) См. тамъ же, стр. 347.

Благодаря сказанному положенію дѣла, наука, въ лицѣ большинства своихъ представителей, стоитъ въ вопросѣ о медіумическихъ явленіяхъ, такъ сказать, передъ началомъ начала изученія: приходится еще прежде всего рѣшать вопросъ о существованіи объекта изслѣдованія. Лишь по утвердительномъ рѣшеніи этого вопроса настанетъ очередь изслѣдованію подробностей, представляющему несомнѣнно большія трудности, но за то и обѣщающему громадные результаты. Изслѣдованіе это конечно потребуетъ соединенныхъ силъ множества работниковъ науки по разнымъ отраслямъ естествознанія. Одиночно и прямо браться за него я не считаю возможнымъ, и уже высказался относительно этого въ той моей статьѣ, на которую ссылался выше. Я говорю тамъ: «Нерѣдко приходилось мнѣ выслушивать упреки въ томъ, что, убѣдившись лично для себя въ дѣйствительномъ существованіи медіумическихъ явленій, я не принялся, вслѣдъ затѣмъ, за ихъ строгое и точное изслѣдованіе. Независимо отъ самой трудности предмета, изслѣдованіе котораго едва-ли можетъ поддаться силамъ одиночнаго спеціалиста по какой-либо отдѣльной части, мнѣ казалось всегда, и кажется теперь, что прежде всего нужно стремиться къ общему признанію дѣйствительнаго существованія того предмета, который подлежитъ изслѣдованію. Нельзя требовать, чтобы люди посвящали себя изученію явленій, существованіе которыхъ отвергается, и работали, слѣдовательно, будучи заранѣе увѣрены въ томъ, что результаты, ими добытые, останутся игнорируемыми или, что хуже, подвергнутся осмѣянію. При такихъ условіяхъ, изслѣдованія не могутъ быть плодотворны: отрасли человѣческаго знанія развиваются не изолированными трудами отдѣльныхъ лицъ, и время серьезнаго изученія медіумическихъ

явленій начнется тогда, когда здѣсь поступятъ такъ же, какъ поступаютъ при изслѣдованіи другихъ явленій, природы, т. е. перестанутъ замыкаться въ тѣсную рамку собственныхъ наблюденій и будутъ общими силами, при помощи трезвой, строгой критики и взаимной провѣрки, созидать новую обширную отрасль знанія».

Обращаясь къ прошлому, невольно удивляешься, какъ рѣшаются еще люди науки дозволять себѣ апріорическое отрицаніе: исторія знаній полна примѣровъ, дозволившихъ Уаллэсу утверждать, что въ подобныхъ своихъ отрицаніяхъ *ученые ошибались каждый разъ*. Отрицалась возможность устройства пароходовъ и паровозовъ; отрицалось паденіе метеоритовъ и считалось даже неприличнымъ говорить о такомъ вздорномъ предметѣ въ собраніи серьезныхъ ученыхъ, какова парижская академія наукъ; отрицался месмеризмъ, теперь допускаемый подъ именемъ гипнотизма и несомнѣнно захватывающій въ свою область извѣстныя наблюденія Шарко; отрицалось то вліяніе металловъ на организмъ, которое теперь, подъ именемъ металлоскопіи и металлотерапіи, находитъ себѣ почетъ и у серьезныхъ врачей, и проч. и проч.

Выражаютъ нерѣдко опасеніе, что медіумизмъ ведетъ насъ въ область сверхъестественнаго и мистическаго. Я горячо протестую противъ такого мнѣнія. Мистическое и сверхъестественное кончается тамъ, гдѣ воцаряется знаніе, а развѣ не къ изученію и познаванію должны мы идти и въ этой области? Теперь, пока, нѣкоторыя изъ медіумическихъ явленій, правда, сверхъестественны для насъ и мистичны; но вѣдь точно также для дикаря, не знающаго огнестрѣльнаго оружія, сверхъестественъ выстрѣлъ, несущій смерть издалека, — также точно мистичны громъ и молнія для того, кто объясняетъ ихъ колесницей Ильи пророка!

Милостивые государи! Отложимте и неоправдываемое ничѣмъ игнорированіе вопроса, о которомъ я веду рѣчь, и высокомѣрное, самонадѣянное, ненаучное отрицаніе безъ изслѣдованія. Пусть серьезные натуралистъ и врачъ подходятъ къ этому предмету съ величайшимъ скептицизмомъ, но безъ предвзятыхъ мнѣній; изучая его безстрастно и терпѣливо, каждый—я не сомнѣваюсь—вынесетъ тѣ же самыя убѣжденія, которыя я осмѣливаюсь выразить здѣсь предъ вами:—медіумическія явленія не только существуютъ и представляютъ предметъ для изслѣдованія, но предметъ этотъ полонъ живаго и величайшаго интереса,—вопросы, съ нимъ связанные, проникаютъ въ самую суть человѣческой жизни и дѣятельности; изученіе медіумическихъ явленій не только озаритъ новымъ свѣтомъ психофизіологію, которой оно ближе всего касается, но могущественно отразится и на самыхъ основахъ всего естествознанія, — оно внесетъ радикальныя измѣненія въ наши понятія о веществѣ, о силѣ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

X.

О „ВОЗМОЖНОМЪ“ И „НЕВОЗМОЖНОМЪ“ ВЪ НАУКѢ.

(„Новое Время“, 21 ноября 1883 г.).

Въ полемикѣ моего уважаемаго сотоварища Н. П. Вагнера съ г. Эльпе [1]) было названо мое имя и затронуты мои мнѣнія. Особенно относится это къ XI «Научному письму» г. Эльпе [2]). Считаю вслѣдствіе этого не лишнимъ вставить и свое слово, сожалѣя лишь о томъ, что мнѣ не удалось этого сдѣлать своевременнѣе.

Упомянутая полемика нѣсколько спуталась, а произошло это, смѣю думать, вслѣдствіе неосторожнаго употребленія словъ и смѣшенія нѣкоторыхъ понятій. Профессоръ Вагнеръ употребилъ рискованное выраженіе «неземная наука», а г. Эльпе поднялъ его и приписалъ ему болѣе вѣса, чѣмъ слѣдовало. Со своей стороны г. Эльпе допустилъ неправильное отожествленіе понятія о *констатированіи фактовъ* съ понятіемъ объ

---

[1]) Статья «Перегородочная философія и наука», помѣщенная въ №№ 42 и 43 «Ребуса» за 1883 годъ; замѣчанія на нее г. Эльпе («Нов. Вр.» № 2684); возраженіе профессора Вагнера, подъ заглавіемъ «Земная и неземная наука» («Нов. Вр.» № 2710), и отвѣтъ г. Эльпе на это возраженіе (см. ссылку ниже).

[2]) «Новое Время» № 2739.

ихъ *научномъ изслѣдованіи.* Въ этой путаницѣ мнѣ и хотѣлось бы нѣсколько разобраться на пользу непредупрежденныхъ читателей.

Я признаю возможнымъ только «земное» естествознаніе, т. е. прямое изслѣдованіе лишь того, что совершается въ нашихъ земныхъ условіяхъ пространства и времени, но при этомъ не забываю, что выводы изъ познаннаго изслѣдованіемъ могутъ — и должны идти — гораздо дальше нашего чувственнаго познаванія; я знаю также — и могу при этомъ незыблемо опереться на примѣры прошлаго — что границы чувственнаго познаванія подлежатъ постоянному расширенію, а границы выводовъ — я подавно. Опредѣлить эти границы для будущаго не съумѣемъ и не рѣшимся ни я, ни г. Эльпе. Правда, въ нашемъ чувственномъ познаваніи, мы всетаки останемся всегда ограниченными своими земными условіями существованія, а въ своихъ выводахъ — непреложными законами нашего мышленія, но вѣдь, надѣюсь, никто и не подумаетъ, чтобы профессоръ Вагнеръ, подъ своей «неземной» наукой, хотѣлъ подразумѣвать изслѣдованіе *не могущаго никогда подлежать изслѣдованію* и выводы, *построенные не на законахъ нашего мышленія.* Вѣдь это была бы игра словами, не имѣющая яснаго смысла.

Но въ томъ-то и дѣло, что не могшее быть изслѣдованнымъ вчера, по недостатку методовъ или случая къ изслѣдованію, или остававщееся неизслѣдованнымъ за отсутствіемъ вниманія со стороны наблюдателей — можетъ завтра сдѣлаться подлежащимъ изслѣдованію и изслѣдуемымъ. Думать, что за предѣлами человѣческаго познаванія, связаннаго нашею ограниченностью, ничего нѣтъ — было бы нелѣпо съ философской точки зрѣнія, и ни одинъ серьезный мыслитель этого не допуститъ;

а если это существующее, при обыкновенныхъ условіяхъ намъ недоступное, входитъ, благодаря измѣненію условій, въ предѣлы нашего бытія, то оно, по мѣрѣ этого вступленія, становится чувственно познаваемымъ, и такое познаваніе, при достаточномъ знакомствѣ съ обстоятельствами дѣла, можетъ именно убѣдить насъ въ наличности реальнаго существованія за предѣлами нашего обычнаго міра. Что же касается этого вывода или другихъ выводовъ изъ познаннаго, то они, идя вообще дальше условій чувственнаго познаванія, вовсе не должны измѣнять для этого — да и не имѣютъ возможности измѣнить, по самой природѣ нашей — законамъ нашего мышленія. Объяснюсь примѣромъ: существуя въ трехмѣрномъ пространствѣ, мы можемъ наблюдать только происходящее въ немъ, но это не мѣшаетъ намъ мыслить о пространствѣ высшихъ измѣреній и строить соотвѣтствующую ему геометрію. Вопросъ о реальномъ существованіи этого высшаго мыслимаго пространства, напр. пространства 4-хъ измѣреній, можетъ быть оставленъ такой геометріей въ сторонѣ; но если этотъ именно вопросъ будетъ заданъ къ разрѣшенію, то отвѣтъ на него мы найдемъ только въ наблюденіи и опытѣ, т. е. намъ придется рѣшать, есть-ли въ нашемъ трехмѣрномъ пространствѣ явленія, объяснимыя только при допущеніи существованія пространства четырехмѣрнаго, или, другими словами, существующее въ этомъ послѣднемъ (4-мѣрномъ) пространствѣ является ли иногда доступнымъ нашимъ чувствамъ по тому, что отражается въ нашихъ трехъ измѣреніяхъ, подобно тому, какъ на плоскости экрана, т. е. въ двухъ измѣреніяхъ, является проэкція изображенія предмета, существующаго въ пространствѣ трехъ измѣреній?

Я не ошибаюсь, мнѣ кажется, думая, что профессоръ

Вагнеръ назвалъ «неземной наукой» ту, которая (разумѣется, отнюдь не отступая отъ законовъ человѣческаго мышленія) станетъ заниматься существующимъ внѣ нашихъ условій бытія, но входящимъ, до извѣстной степени и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ эти условія, а потому и доступнымъ въ опредѣленной мѣрѣ нашему наблюденію. Г-нъ же Эльпе подъ именемъ «неземной науки» пожелалъ подразумѣвать занятіе тѣмъ, что намъ вовсе недоступно и даже, пожалуй, не согласно съ основами человѣческаго мышленія. Что недоступное недоступно, а невозможное невозможно—объ этомъ спорить нечего, за это ручается прямой смыслъ фразы, и въ сущности это опять не болѣе, какъ игра словъ.

Находясь въ условіяхъ нашего земнаго бытія, мы собственно имѣемъ право ручаться только за невозможность *для насъ* того, что немыслимо математически; внѣ же предѣловъ такого мышленія границы возможнаго въ реальной природѣ намъ неизвѣстны и подвержены огромнымъ колебаніямъ. Соотвѣтственно этимъ колебаніямъ измѣняется и наша «земная, категорическая точка зрѣнія». Поэтому, кажется мнѣ, г. Эльпе вовсе не правъ, считая *невозможнымъ* то, что не соотвѣтствуетъ этой именно точкѣ зрѣнія. Относясь такъ, мы замкнули бы познаніе въ безъисходный кругъ; въ угоду нашей точкѣ зрѣнія мы стали бы отвращаться отъ всего новаго, несогласнаго съ ней, какъ отъ «невозможнаго» и не заслуживающаго вниманія; отсутствіе же новаго оставило бы нашу точку зрѣнія неподвижной. Не значило-ли бы это жертвовать дѣйствительнымъ знаніемъ въ угоду излюбленной теоріи? Къ счастью, мыслящее человѣчество въ своей совокупности такъ не поступаетъ и не станетъ поступать; но такъ именно, къ сожалѣнію, относятся подчасъ къ дѣлу его отдѣльные

члены и тормозятъ развитіе знанія, воображая, что служатъ ему, когда защищаютъ свою черезчуръ прочно установившуюся точку зрѣнія.

Изъ всего сказаннаго, полагаю, ясно, что я никакъ не могу, подобно г. Эльпе, провести рѣзкую «демаркаціонную линію» между познаваемымъ и непознаваемымъ, тогда какъ между мыслимымъ и немыслимымъ для человѣка линія эта, конечно, существуетъ: непознаваемое прямо и непосредственно можетъ становиться, при измѣняющихся условіяхъ, доступнымъ познаванію и дѣлаться тогда предметомъ изученія, поддаваться приложенію нашихъ научныхъ методовъ. Къ нему-то, къ этому изученію, я и зову тѣхъ, которые не только ревнуютъ о распространеніи знаній, но и не утратили способности быть объективными.

Гораздо легче устранимо, мнѣ кажется, другое недоразумѣніе, упомянутое въ началѣ этой замѣтки и внесенное самимъ г. Эльпе, полагающимъ, что наука можетъ игнорировать то, что «научно не изслѣдовано». Онъ, повидимому, не замѣчаетъ того, что опять замыкаетъ науку in curculo vitioso. Изслѣдованію, т. е. точному ознакомленію наблюденіемъ и опытомъ, съ условіями, законами и причинами явленія, естественно и необходимо должно предшествовать констатированіе существованія этого явленія; убѣдиться въ существованіи объекта для изслѣдованія еще вовсе не значитъ изслѣдовать; тысячи явленій, тысячи фактовъ, ожидающихъ изслѣдованія и объясненія, тѣмъ не менѣе признавались и признаются наукой, какъ реально существующіе. Если для констатированія существованія объекта изслѣдованія надо изслѣдовать, а для изслѣдованія нужно предварительно констатировать это существованіе, то гдѣ же, спрашивается, выходъ? Что само упомянутое

констатированіе требуетъ извѣстныхъ подходящихъ пріемовъ, предписываемыхъ часто даже и не наукой, а простымъ здравомысліемъ, то это — безспорно. Но вѣдь пріемъ этотъ прежде всего заключается въ надлежащемъ употребленіи своихъ чувствъ и своего *освобожденнаго отъ предвзятыхъ мнѣній* разсудка. Послѣдній долженъ сказать, достаточно ли было свидѣтельство чувствъ; и если десятки, сотни лицъ, — нерѣдко, лицъ посвятившихъ себя наукѣ, привыкшихъ хорошо наблюдать и строго мыслить, — согласно свидѣтельствуютъ о явленіи, находя достаточно констатированнымъ его существованіе, то требованіе предварительнаго научнаго «изслѣдованія» для допущенія этого «существованія» является просто придиркой и способомъ уклониться отъ того, что грозитъ разрушеніемъ излюбленныхъ «установленныхъ воззрѣній». Такое требованіе похоже на то, какъ если бы, для признанія существованія горы, осязательно видѣнной нами вблизи, мы потребовали предварительно подробнаго изслѣдованія горныхъ породъ, ее составляющихъ. Не напомнило ли бы это того метафизика, который не хотѣлъ быть вытащеннымъ изъ ямы веревкой безъ предварительнаго обсужденія ея сущности, потому де, что «веревка — вервіе простое?»

Но г. Эльпе и прямо не правъ, утверждая, что въ области медіумическихъ явленій «ровно ничего еще научнымъ путемъ не было доказано». Я утверждаю противное, и слова г. Эльпе служатъ для меня только доказательствомъ того, что и онъ принадлежитъ къ многочисленной плеядѣ лицъ, готовыхъ произносить сужденіе о медіумизмѣ, безъ знакомства съ серьезной частью его литературы [1]). На этотъ весьма распространенный

---

[1]) Это подтверждается вполнѣ возраженіемъ г-на Эльпе, на-

но мало позволительный обычай я и указалъ въ своей одесской рѣчи. Если же г. Эльпе читалъ не мало и все-таки остался при твердомъ убѣжденіи, что «ничего еще не было сдѣлано» (для констатированія существованія медіумическихъ фактовъ, а не для ихъ изслѣдованія), то мнѣ остается — далеко не въ первый разъ — подивиться силѣ и упорству людскихъ предубѣжденій или, пожалуй, того, что я называю «научнымъ предразсудкомъ».

Сказать правду, въ чистокровномъ матеріалистѣ такой «научный предразсудокъ» мнѣ еще понятенъ; но въ анти-матеріалистѣ, какимъ заявилъ себя г. Эльпе, онъ представляется мнѣ страннымъ. Если «несостоятельность матеріалистической точки зрѣнія вовсе еще не оправдываетъ противоположнаго спиритуалистическаго толкованія», то она, по крайней мѣрѣ, должна бы облегчать допущеніе того, что говоритъ противъ матеріализма. Если бы изъ этого, положимъ, и вытекло «спиритуалистическое толкованіе», то я не вижу, почему для убѣжденнаго въ «несостоятельности матеріализма» такое толкованіе могло бы быть несимпатичнымъ. Неужели такъ удобно сидѣть безпочвенно между двумя стульями, отрицая оба противоположныя воззрѣнія и не умѣя ихъ ни примирить, ни замѣнить. И зачѣмъ тормозить знаніе постановкой искусственныхъ границъ тамъ, гдѣ въ сущности ихъ нѣтъ; зачѣмъ создавать ихъ собственнымъ измышленіемъ, добровольно отрицая свои силы и способности?

Что касается моего мнѣнія о будущемъ значеніи медіумическихъ явленій для развитія наукъ, то всякій

печатаннымъ въ № 2787 «Нов. Вр.», отъ 1 декабря, которое оспаривать я считаю безполезнымъ. *А. Б.*

воленъ принять или отринуть его; но я долженъ замѣтить, во-первыхъ, что основываю его вовсе не «на вѣрѣ во всемогущество» медіумическихъ явленій, а на положительныхъ, *несомнѣнныхъ для меня и для многихъ другихъ*, фактахъ. Во-вторыхъ, соглашаясь вполнѣ съ г. Эльпе, что въ наукѣ «каждый послѣдующій шагъ опредѣляется предъидущимъ и служитъ, такъ сказать, логическимъ его продолженіемъ» — я и вижу въ крайностяхъ матеріализма и въ безпочвенности *апріорнаго* анти-матеріализма, отрицающаго спиритуализмъ, тѣ предъидущіе шаги, логическимъ продолженіемъ которыхъ сдѣлается анти-матеріализмъ *опытный*, ведущій къ спиритуализму, основанному не на одной вѣрѣ только, но и на знаніи.

XI.

УМСТВОВАНІЕ И ОПЫТЪ.

(„Новое Время“, 7 февраля, 1884 г.).

> Хорошій опытъ стоитъ больше, чѣмъ умозрѣнія хотя бы и мозга, подобнаго мозгу Ньютона.
>
> *Гомфри Дэви.*

«Еще письмо о спиритизмѣ», помѣщенное на дняхъ Н. Н. Страховымъ въ «Новомъ Времени» (№ 2848, 1 февраля 1884 года), вызываетъ меня на нѣкоторыя замѣчанія. Не стану вдаваться въ сущность дѣла, потому что это значило бы повторяться, и буду краток.

Хотя г. Страховъ и заявляетъ, что я «открыто и прямо призналъ непреложность математическихъ положеній», но это, повидимому, не мѣшаетъ ему обращать и ко мнѣ свои возраженія и вопросы. Дѣйствительно, мы съ г. Страховымъ расходимся во многомъ: для него, напримѣръ, «законъ сохраненія вещества» принадлежитъ къ непреложнымъ истинамъ, «сводится на дважды два четыре, на законъ чиселъ», а для меня непреложно только сохраненіе того *нѣчто*, той сущности, которая можетъ быть веществомъ (въ обычномъ смыслѣ этого названія), а можетъ также и не быть имъ. При этомъ я не скрываю, что къ такому допущенію привели меня факты, а не апріорическія сужденія.

Но дѣло въ томъ, что все это мною уже высказано; только г. Страховъ, должно быть, не удостоиваетъ читать тотъ органъ («Ребусъ»), въ которомъ я напечаталъ свои замѣтки, а потому и незнакомъ достаточно съ моей точкой зрѣнія.

Странна судьба вопроса о медіумическихъ явленіяхъ! Ихъ оспариваютъ, отвергаютъ, судятъ о нихъ такъ и сякъ, не считая нужнымъ знакомиться съ литературой предмета; не наблюдая, безъ собственныхъ опытовъ, голымъ умствованіемъ силятся доказать несуществованіе того, что для насъ, приведенныхъ къ убѣжденію фактами, не болѣе какъ реальность вполнѣ констатированная, несомнѣнная. Эта странная судьба, впрочемъ, обычна для всего ломающаго старыя, окаменѣлыя убѣжденія, превратившіяся отъ привычки къ нимъ чуть не въ догматы: начинаютъ каждый разъ съ того, что противопоставляютъ фактамъ слова; но... вѣдь «нѣтъ ничего неумолимѣе факта»...

Г. Страховъ считаетъ насъ «очень хорошими образчиками нашего современнаго просвѣщенія», и я вполнѣ принимаю такую квалификацію, разумѣя ее въ томъ смыслѣ, который давно указанъ извѣстнымъ Де-Морганомъ. Та же квалификація относится, въ нѣкоторомъ смыслѣ, и къ самому г. Страхову: онъ — образчикъ того направленія, которое сейчасъ очерчено мною. Время покажетъ, на чьей сторонѣ научность и истина.

XII.

„ЧТЕНІЕ МЫСЛЕЙ“.

(„Ребусъ“, 25 ноября, 1884 г.)

Вечеромъ 6-го ноября, благодаря любезности редакціи «Ребуса», мнѣ пришлось присутствовать на сеансѣ «Читателя мыслей» г. Ирвинга Бишопъ. Сеансъ этотъ назначался собственно для представителей печати и небольшаго кружка публики. Присутствовавшіе на немъ были, такъ сказать, гостями г. Бишопа. Послѣ многочисленныхъ описаній этого сеанса, во всѣхъ газетахъ, нѣтъ надобности все пересказывать заново, и я позволю себѣ привести здѣсь для читателей «Ребуса» почти сполна то описаніе, которое помѣщено въ газетѣ «Новости»:

„Сеансъ, данный сегодня, 6-го *ноября*, г. В. Ирвингомъ Бишопомъ, въ „Hotel de France“, въ присутствіи представителей печати и другихъ лицъ, представлялъ рядъ, по истинѣ, поразительныхъ опытовъ, не поддающихся никакимъ объясненіямъ. Первый опытъ, уже описанный въ нашей газетѣ, заключался въ нахожденіи спрятанной булавки и исполненъ былъ съ чрезвычайной ловкостью, вызвавшей громъ рукоплесканій. Слѣдующими двумя опытами г. Бишопъ иллюстрировалъ свою способность открывать преступленія и съ точностью опредѣлить обстановку, при которой они были совершены. На столѣ, за которымъ г. Бишопъ излагалъ сущность своихъ экспериментовъ, лежали 12 кинжаловъ. Пригласивъ одного изъ присутствовавшихъ, г. Г., [1]) выбрать одинъ изъ кинжаловъ, г. Бишопъ предложилъ ему, въ его отсутствіи, произвести надъ

---

[1]) Нашего извѣстнаго писателя и знатока изящныхъ искусствъ Д. В. Григоровича.

однимъ изъ находящихся въ залѣ такое движеніе, которое означало-бы, что онъ его закололъ или зарѣзалъ, а затѣмъ самый кинжалъ спрятать, гдѣ ему угодно, въ залѣ. Когда все это было совершено, г. Бишопъ возвратился въ залу съ завязанными глазами изъ другой комнаты, гдѣ онъ оставался въ присутствіи двухъ представителей печати, и, взявъ г. Г. за руку, устремился съ нимъ въ залу, прямо къ тому господину, который предполагался убитымъ; повертѣвшись около него нѣсколько секундъ, онъ тѣмъ-же путемъ, устремился назадъ, прямо къ тому лицу, г. Х., у котораго былъ спрятанъ кинжалъ; но какъ оказалось, г. Х., безъ вѣдома г. Г., передалъ кинжалъ лицу, сидѣвшему четвертымъ отъ него. Обыскавъ г. Х. и не найдя кинжала, г. Бишопъ сталъ искать на скамьѣ и подъ нею, а потомъ въ портфелѣ сосѣда г. Х. Не найдя кинжала и здѣсь, онъ пріостановился, сосредоточился и внезапно бросился къ тому мѣсту, у котораго дѣйствительно находился кинжалъ, и, нервно крикнувъ: раскройте шапку, вынулъ изъ нея искомое оружіе. Вслѣдъ затѣмъ онъ направился къ мнимой жертвѣ преступленія и пунктуально повторилъ то-же движеніе, которое произвелъ г. Г. при нанесеніи удара. Удивленіе присутствовавшихъ было, конечно, всеобщее. Для третьяго опыта г. Бишопомъ предложено было одному изъ присутствовавшихъ, г. М., взять у кого-либо вещь и спрятать ее въ залѣ. Возвратившись изъ другой комнаты, г. Бишопъ не только нашелъ эту вещь, но и возвратилъ ее тому лицу, у котораго она была взята. Четвертый опытъ заключался къ отгадываніи нумера кредитнаго билета, запечатаннаго г. Г. въ конвертѣ. Проведя мѣломъ на доскѣ двѣ линіи и раздѣливъ ее на столько частей, сколько цифръ въ нумерѣ билета, г. Бишопъ предложилъ г. Г. сосредоточенно думать объ этомъ нумерѣ и въ это время цифра за цифрой, изобразилъ все число въ клѣткахъ, сдѣланныхъ на доскѣ. Послѣдній опытъ заключался въ написаніи на доскѣ задуманнаго слова, на какомъ угодно языкѣ. Слово это задумано было г-мъ Г., и г. Бишопъ, не зная русскаго языка, изобразилъ на доскѣ русскими буквами: „Кіевъ".

Факты, какъ видитъ читатель, дѣйствительно «поразительные», но «неподдающимися никакимъ объясненіямъ» они безсомнѣнія являются только въ настоящее время, какъ и все еще неизслѣдованное, полупризнанное. А серьезный шагъ къ изслѣдованію подобныхъ фактовъ уже сдѣланъ учрежденіемъ въ Лондонѣ «*Общества для психическихъ изслѣдованій*» [1]), считающаго

---

[1]) Замѣчу кстати, что многія изъ нашихъ газетъ, сообщая года 3 тому назадъ о возникновеніи этого общества, переимено-

въ числѣ своихъ членовъ не мало извѣстныхъ людей (Сиджвикъ, Барретъ, Бальфуръ-Стьюартъ и др.). Подобное же общество образовалось и въ Парижѣ; говорятъ также объ учрежденіи близкихъ къ этому предмету обществъ въ Германіи и, если не ошибаюсь, у насъ въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе многоразличныхъ «психическихъ» еще неизслѣдованныхъ проявленій человѣческой природы скоро не на шутку станетъ на очередь, и тогда феномены, подобные видѣннымъ нами 6-го ноября, перестанутъ казаться «чудесными». Привычка сдѣлаетъ свое дѣло, но самые факты станутъ тогда тѣмъ интереснѣе, и значеніе ихъ—тѣмъ важнѣе, что на нихъ будутъ опираться выводы, касающіеся такихъ сторонъ человѣческой природы, признаніе которыхъ нынѣ такъ часто считается несовмѣстимымъ съ «просвѣщеніемъ»(?)

Отъ ложной мысли объ этой несовмѣстимости не могли отдѣлаться,—быть можетъ даже безсознательно, въ силу одной привычки — и нѣкоторые гг. репортеры. Сюда, повидимому, относится и выраженіе «съ чрезвычайной ловкостью», стоящее въ приведенномъ выше описаніи, приличное только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о фокусѣ, о поддѣлкѣ, и сообщеніе одной газеты о томъ, что Кумберлэндъ «похитилъ» у Бишопа «секретъ этой силы».

вали его въ общество для *физическихъ* изслѣдованій. Общество это ставитъ своей цѣлью «изслѣдованіе нѣкоторыхъ загадочныхъ явленій, включая извѣстныя подъ именемъ *психическихъ*, *месмерическихъ* и *спиритическихъ*, и опубликованіе результатовъ этихъ изслѣдованій». Въ трудахъ (Proceedings) этого общества собрана масса строго установленныхъ фактовъ, относящихся къ «чтенію мыслей». Солидная и довольно подробная статья объ этомъ обществѣ и объ опытахъ, произведенныхъ его членами, помѣщена была, слишкомъ два года тому назадъ, въ «Нов. Времени» и перепечатана въ журналѣ «Ребусъ» 1882 г. стр. 355.

Между тѣмъ, по словамъ самого Бишопа, да и по существу явленій здѣсь, «при чтеніи мыслей», нѣтъ рѣчи ни о поддѣлкѣ, ни о секретѣ, а лишь о развитіи способности, которою одаренъ человѣкъ вообще, нѣкоторые же въ особенно значительной степени. Доказательствомъ этого служитъ самое возрастаніе такихъ «читателей». Пусть Бишопъ породилъ Кумберлэнда, но вмѣстѣ они уже вызвали не мало подражателей. Недавно извѣстный научно-энциклопедическій французскій журналикъ «Cosmos» («Les Mondes», т. IX, № 3) разсказалъ подробно, и даже съ приложеніемъ рисунка, объ удачныхъ опытахъ нѣкоего Альфреда Каппера, прибавивши, что тѣмъ же умѣньемъ оказался одареннымъ г. Гарнье, архитекторъ Оперы. Писали также о какой-то дѣвицѣ, экспериментировавшей въ Парижѣ, упоминаютъ какого-то Беллини, наслѣдующаго Кумберлэнду въ Берлинѣ («С.-Петерб. Вѣд.» 10 ноября 1884 г.), а на дняхъ въ «Новомъ Времени» (отъ 9 ноября) уже петербургскій житель, г. Грешнеръ, самъ заявляетъ, что опыты, подобные произведеннымъ Бишопомъ, дѣлаются въ кругу его семейства, причемъ его жена, 22-хъ-лѣтній сынъ, двѣ взрослыхъ дочери и восьмилѣтняя дочь «продѣлываютъ такія вещи, которыя на первый взглядъ кажутся какимъ-то чудомъ». Словомъ, за субъектами для изученія дѣло не станетъ, была бы только охота приняться за него у тѣхъ изслѣдователей, предмета занятій которыхъ это прямо касается.

Еще не такъ давно мы были свидѣтелями замѣчательнаго поворота въ мнѣніи ученаго міра по отношенію къ явленіямъ почти той-же категоріи. Я говорю о *гипнотизмѣ*. Подъ этимъ новымъ названіемъ и подъ эгидой знаменитаго Шарко, признана часть старыхъ, давно извѣстныхъ явленій *месмеризма*. А вѣдь сколько

времени месмеризмъ былъ въ загонѣ, какъ продуктъ шарлатанства и суевѣрія. Передача мыслей давно уже признана, какъ фактъ, въ области месмеризма; но ее, вмѣстѣ съ вліяніемъ воли и ясновидѣніемъ, тщательно оставляютъ въ сторонѣ гг. гипнотисты. И вотъ теперь вопросъ подступаетъ къ нимъ, освобожденный отъ гипнотической примѣси. Не трудно предсказать, что вскорѣ и здѣсь мало-по-малу наступитъ признаніе реальности факта, за которымъ уже близко пойдетъ и изслѣдованіе. Признаніе же это неизбѣжно, потому что — повторяю это еще разъ — «съ фактами не спорятъ».

Для меня, впрочемъ, и до сихъ поръ не совершенно ясно, зачѣмъ, признавъ факты такъ называемаго гипнотизма, отвергаютъ другую часть достаточно засвидѣтельствованныхъ месмерическихъ явленій. Боятся быть доведенными до устраненія излюбленныхъ матеріалистическихъ воззрѣній, — это несомнѣнно. Но вѣдь «чтеніе мыслей» и передача вліяній воли являются совершенно допустимыми, не выходя изъ цикла аналогій, доставляемыхъ изученіемъ чисто-вещественнаго міра. Позволю себѣ по этому поводу напомнить то, что было уже мною говорено: «мы никогда хорошенько не могли понять, почему затрудняются допустить напр. вліяніе волевыхъ импульсовъ одного организма на дѣйствія другаго, безъ прямой передачи ихъ словами или знаками. Самыя явленія воли, ихъ постоянное дѣйствіе на собственный организмъ—загадка, но загадка, существованіе которой никѣмъ не можетъ быть оспариваемо. Нельзя не признать, что дѣйствіе воли сопровождается нѣкоторыми измѣненіями въ состояніи вещественнаго организма, а вліяніе состоянія веществъ на разстояніяхъ — фактъ: желѣзо, намагничиваясь, начинаетъ дѣйствовать на разстояніи; проволоки, начавши проводить электрическіе токи, вза-

имнодѣйствуютъ на разстояніи; всѣ тѣла, нагрѣвшись, сдѣлавшись свѣтящимися, начинаютъ посылать видимые и невидимые намъ лучи на огромныя разстоянія и т. д. Почему же не дѣйствовать на разстояніи и волѣ? Измѣненіе въ состояніи одного организма, конечно, можетъ вызывать опредѣленныя измѣненія въ другомъ организмѣ».

Замѣчательно, однако, что та именно сторона явленій, отъ которой такъ тщательно еще старается отвращаться современная наука, въ особенности и представляется завлекательной для общества. Напрасно ссылаться здѣсь на нездоровое влеченіе къ мистическому, чудесному, сверхъестественному; масса, хотя быть можетъ и не всегда ясно сознаетъ, но за то живо чувствуетъ нервъ дѣла, — чувствуетъ, что здѣсь-то именно вопросъ и начинаетъ касаться самой сути человѣка, его внутренней природы, его судьбы. Все, что обѣщаетъ уяснить эти вопросы, возбуждаетъ крайній интересъ въ публикѣ, и вотъ причина почему гг. «читатели мыслей», Бишопъ, Кумберлэндъ и проч., эксплуатирующіе свои способности въ смыслѣ добыванія куска насущнаго хлѣба, считаютъ нужнымъ являться «антиспиритами», наравнѣ съ множествомъ престидижитаторовъ. Они хорошо знаютъ, что симпатіи «просвѣщеннаго» большинства — на сторонѣ отрицанія, и ихъ «антиспиритизмъ» — реклама и приманка для публики. Отсюда и соблазнъ — пошарлатанить. Интермеццо на сеансѣ Бишопа именно состояло изъ легкаго шарлатанства на почвѣ медіумизма: онъ производилъ стуки, долженствовавшіе изображать явленіе стуковъ медіумическихъ, а въ сущности вовсе этого не изображавшіе; онъ объяснялъ на дѣлѣ «фокусы Юма», которыхъ, однако, Юмъ никогда не дѣлалъ, — приписывалъ Цöлльнеру то, чего

тотъ не говорилъ, — показывалъ обманы слуха и осязанія, возможности которыхъ никто не станетъ отвергать, но которые не имѣютъ ровно никакого значенія тамъ, гдѣ ихъ вліяніе устранено самымъ расположеніемъ опытовъ, напримѣръ, контрольными аппаратами и т. п. Не будь мы гостями г. Бишопа, мы могли бы, по поводу его «антиспиритизма», сказать присутствовавшей публикѣ: «Все это хорошо для большинства изъ васъ, для не знающихъ, но представляется смѣшнымъ и жалкимъ тѣмъ, которые поближе знакомы съ медіумичекими явленіями. Бишопъ, волей-неволей принужденный пріукрашать свои сеансы нѣкоторымъ шарлатанствомъ, забрасываетъ приманку «просвѣщенія» гг. газетнымъ репортерамъ, и они, конечно, пойдутъ на нее съ полной готовностью». Говоря это, мы не ошиблись бы въ предсказаніи.

Интересно, однако, что, при всей готовности большинства утѣшаться воображаемымъ «разоблаченіемъ спиритовъ», фокусъ г. Бишопа (имъ необъясненный) съ писаніемъ въ закрытомъ конвертѣ, вложеннымъ туда обломочкомъ карандаша — не вызвалъ ни малѣйшихъ апплодисментовъ: было ясно, что наблюдателю остается тутъ только признать себя обманутымъ точно такъ, какъ бываетъ это на представленіяхъ любаго фокусника. Пусть-бы г. Бишопъ попробовалъ дѣйствительно повторить этотъ свой опытъ при тѣхъ условіяхъ, подъ которыми явленія наблюдались Цёлльнеромъ при медіумѣ Слэдѣ. Умѣй онъ сдѣлать это — ему легко было бы заработать сразу около 5000 руб.: въ № 201-мъ журнала «Light» (отъ 8-го ноября 1884 года) помѣщенъ вызовъ г. Эдшеда, гласящій, что «всякому кто произведетъ посредствомъ фокуса «непосредственное письмо» при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно совер-

шается у медіума Еглинтона, онъ, Эдшедъ, обязуется уплатить 500 гиней».

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о томъ объясненіи «чтенія мыслей», которое, по словамъ «Космоса», пытается дать архитекторъ Гарнье, упомянутый выше. «Трудно допустить, передаетъ «Космосъ», чтобы лицо, сильно думающее о предметѣ, не обнаружило легкаго содроганія въ тотъ моментъ, когда оно приближается къ этому предмету». Лицо это становится такимъ образомъ «невольнымъ участникомъ» отгадывателя мыслей и «все искусство послѣдняго сводится къ тому, чтобы быть *ведомымъ*, сохраняя видъ *ведущаго*». Такое объясненіе представлялось и мысли другихъ; но достаточно видѣть опыты Бишопа, чтобы признать его несостоятельнымъ. Бишопъ во всякомъ случаѣ не могъ быть ведомымъ, стремительно повторяя весь путь пройденный другимъ лицомъ. А повтореніе извѣстнаго движенія или угадываніе номера ассигнацій и задуманнаго русскаго слова уже конечно вовсе не подходятъ подъ гипотезу Гарнье.

Интересно будетъ посмотрѣть, оставитъ ли пребываніе у насъ Бишопа и Кумберлэнда какой-нибудь слѣдъ на тѣхъ, которые должны бы серьезно поинтересоваться подобными опытами.

---

*

XIII.

МЫСЛЕННОЕ ВНУШЕНІЕ И ТЕОРІЯ ВѢРОЯТНОСТЕЙ.

(„Ребусъ", январь, 1885 г.) [1]).

Подъ этимъ названіемъ *(La suggestion mentale et le calcul des probabilités)* появилась недавно статья сотрудника Шарко, извѣстнаго французскаго ученаго врача, Шарля Рише, автора книги «L'homme et l'intelligence». Она напечатана въ декабрьской книжкѣ парижскаго философскаго журнала «Revue philosophique». Въ нижеслѣдующемъ я постараюсь передать вкратцѣ содержаніе этого крайне интереснаго труда, наводящаго на нѣкоторыя размышленія.

Давно-ли еще предметы, подобные названному, способны были только возбуждать улыбку сожалѣнія въ тѣхъ, которые мнили себя *передовыми* носителями *послѣдняго слова* науки? Не прошло и двухъ десятковъ лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ оффиціальная наука волей-

[1]) Эта статья и слѣдующая были потомъ изданы редакціей «Ребуса» отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «А. М. Бутлеровъ. Спиритическій методъ въ области психофизіологіи. Рефератъ статьи Ш. Рише о мысленномъ внушеніи. С.-Петербургъ. 1885».

Примѣч. издателя.

неволей раскрыла свои двери «месмеризму», рѣшивъ считать его наконецъ, хотя и подъ новымъ названіемъ, своимъ законнымъ дѣтищемъ, и вотъ уже выступаютъ, прося у нея по праву своего мѣста, новыя примыкающія къ гипнотизму явленія,—явленія, отъ которыхъ еще совсѣмъ недавно, по поводу посѣщенія Петербурга Ганзеномъ, открещивались нѣкоторые спеціалисты, чуть не призывая полицію для поддержки *своей* правовѣрной науки.

Совершенно справедливо сказано кѣмъ-то, что привычка къ мнѣнію пораждаетъ убѣжденіе въ его непогрѣшимости. Вотъ эта-та привычка къ извѣстному мнѣнію—составляющая въ сущности ни что другое, какъ слѣпое вѣрованіе—и лежитъ нерѣдко въ основѣ иныхъ убѣжденій, слывущихъ за научныя. Побѣждать такія убѣжденія (въ сущности — предубѣжденія) трудно не только здравому умозрѣнію, но и фактамъ; глаза и уши открываются тутъ и для фактовъ лишь исподволь, понемногу. Неослѣпленному наблюдателю крайне-интересно тогда слѣдить за этимъ процессомъ невольнаго и многообѣщающаго прозрѣнія. Такой процессъ нынѣ въ полномъ ходу на глазахъ нашихъ.

Процессъ этого прозрѣнія совершается и въ отдѣльныхъ личностяхъ, но тутъ онъ далеко не такъ замѣтенъ, какъ въ поколѣніяхъ. Проживши на свѣтѣ порядочное число десятковъ лѣтъ, видишь его съ полной ясностью.

Каждой личности, независимо отъ степени ея способностей, приходится начинать сознательную жизнь съ массы мелкихъ ходячихъ понятій, составляющихъ необходимый багажъ каждаго. Но когда обычное, ежедневное и необходимое уже все усвоено,—когда является запросъ на болѣе возвышенное, отвлеченное, и критическая мысль начинаетъ вступать въ свои права, то

исходной точкой сужденія является, тѣмъ не менѣе, многое такое, что дано въ готовомъ видѣ поколѣніемъ предъидущимъ, уже совершившимъ циклъ своего умственнаго и нравственнаго развитія. То, что въ этомъ, предъидущемъ поколѣніи вырабатывалось упорнымъ трудомъ и уяснялось лишь шагъ за шагомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, то является теперь выработаннымъ, готовымъ, легко-воспринимаемымъ и, въ отдѣланной своей формѣ, быстро усвоивается личностями, проходящими извѣстную стадію своего умственнаго роста. У предшественниковъ понятія и воззрѣнія эти были результатомъ заключеніемъ, а для наслѣдниковъ это начало — посылка, изъ которой надо извлекать новые выводы. Все это ляжетъ потомъ на свое мѣсто въ зданіе общечеловѣческаго прогресса. Но вѣдь заключенія предъидущаго поколѣнія, являющіяся исходнымъ и опорнымъ пунктомъ для наслѣдниковъ, могутъ быть и невѣрными; а провѣрять отъ самаго начала каждое изъ нихъ, ничего не принимая на вѣру, самостоятельно и глубоко все продумывая — способны лишь избранныя личности. Имѣй претензію каждый, безъ исключенія, судить и рядить на свой образецъ, не принимая ничего готоваго — не хватило бы времени и силъ на движеніе впередъ, въ которомъ каждый шагъ требуетъ работы не однихъ только избранниковъ, но и рядовыхъ усердныхъ дѣятелей. И вотъ, пока избранные дадутъ тонъ и, понявъ заблужденія прошлаго, покажутъ настоящую дорогу, рабочіе прутъ туда, куда велитъ имъ всосанное, привычное убѣжденіе, — прутъ съ тѣмъ усердіемъ, которое кричитъ «не подвертывайся, раздавлю!» всякому, рѣшающемуся усомниться въ годности направленія и встать поперегъ дороги.

Хоть и недолга человѣческая жизнь, но въ теченіе

ея все-таки каждому удается увидѣть многихъ изъ тѣхъ, которые если и не открываютъ совершенно новыхъ путей, то по крайней мѣрѣ ставятъ вѣхи, исправляютъ погрѣшности старой дороги. Для работниковъ отживающаго или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ развившагося поколѣнія, эти личности — помѣха на пути, — тѣ, которыхъ не мѣшало бы, если не раздавить, то хоть отмести въ сторону; но для поколѣнія формирующагося это — регуляторы. Благодаря имъ, уменьшаются, исправляются зигзаги и отклоненія, которыхъ путь прогресса вполнѣ избѣжать не умѣетъ. Благодаря имъ, новыя, послѣдующія поколѣнія всасываютъ исправленный контингентъ идей и воспринимаютъ безъ труда, какъ естественное и законное, то, что еще не такъ давно, людямъ, начинающимъ теперь сходить со сцены, казалось ложью и чудовищнымъ заблужденіемъ.—Да! привычка, воспринятіе на вѣру — великіе факторы общечеловѣческаго развитія; безъ нихъ, правда, было бы меньше заблужденій, но былъ ли бы возможенъ самый прогрессъ? Скорѣе — нѣтъ, чѣмъ да!

Крупные, совсѣмъ выдающіеся пролагатели новыхъ неожиданныхъ путей, однако же, рѣдки. Да и по существу дѣла такой путь открывается не часто,—нужны не только исключительныя способности лица, но и опредѣленная, многими десятками лѣтъ назрѣвшая подготовка въ самомъ человѣческомъ обществѣ. Тогда только и способному удается сдѣлать свое дѣло. Возникнетъ онъ не вовремя, спозаранку, со своей истиной — и его удѣломъ является осмѣяніе, преслѣдованіе: и Галилею, и Гальвани, и Месмеру съ его ближайшими послѣдователями—выпала все одна и та же участь. Только истины, провозглашенныя одними, стали уже общимъ достояніемъ, освящены общей вѣрой въ нихъ, а факты, ука-

занные другими, еще проходятъ горнило отрицанія и сомнѣній, исподволь пробираясь на принадлежащее имъ мѣсто. Теперь на сценѣ фазисъ полупризнанія этихъ истинъ,—время сравнительно благодарное для тѣхъ, кто берется за ихъ провозглашеніе, и Рише конечно будетъ счастливѣе многихъ своихъ предшественниковъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что, идя впередъ, онъ соблюдаетъ величайшую осторожность, хотя уже и ступилъ, очевидно, на тотъ скользкій путь, гдѣ на каждомъ шагу будетъ его ждать реальность того, что́ въ глазахъ громаднаго большинства является еще пока суевѣріемъ и предразсудкомъ. Наблюдать движеніе науки по этому «скользкому пути» предстоитъ не очень далекому будущему; часть его увидимъ еще, быть можетъ, и мы; да если бы и не увидѣли, то необходимость направленія обозначилась съ такой опредѣленностью, что на будущее—совершится ли переворотъ воззрѣній уже безъ насъ или еще въ глазахъ нашихъ — можно взирать съ полнымъ довѣріемъ. Работа Рише, къ которой мы теперь переходимъ, представляетъ на этомъ пути немаловажный шагъ впередъ.

Съ первыхъ страницъ своей статьи Рише является, съ одной стороны, тонкимъ дипломатомъ, съ другой — осторожнымъ научнымъ мыслителемъ. Сознавая «странность предмета, о которомъ идетъ рѣчь», онъ, какъ дипломатъ, прибѣгаетъ къ оговоркамъ, подготовляетъ въ умѣ читателя почву для своего изложенія и даже признается, «что не безъ нѣкотораго колебанія рѣшился наконецъ публиковать свои опыты». Въ качествѣ строгаго ученаго, онъ вполнѣ видитъ «недостаточность и безсиліе существующей науки», и приглашаетъ читателя сознать ихъ, отбросивъ предубѣжденія. «Дѣйствительно, когда дѣло идетъ не о наблюденіи мелкихъ фактовъ,

а о томъ, чтобы проникнуть въ глубь вещей, установить общіе законы, дойти до причины явленій, то мы наталкиваемся на отрицательныя рѣшенія или приходимъ къ двумъ-тремъ ипотезамъ одинаково невѣроятнымъ». Рише указываетъ здѣсь сначала на непонятность ипотезы эфира [1]), а потомъ даетъ слѣдующій разительный примѣръ изъ области біологіи: въ организмъ внука переходитъ примѣрно *одна тристашестидесятитысячная триліонной части* того вещества, которое находилось въ организмѣ дѣда, а всѣмъ извѣстно, что этого бываетъ иногда достаточно для того, чтобы явилось поражающее сходство между тѣмъ и другимъ.

«Словомъ»—говоритъ Рише—«мы ознакомились, посредствомъ наблюденія, съ довольно большимъ числомъ явленій природы и кое-какъ объяснили нѣкоторыя изъ нихъ, *но не поняли ни одного*».... «А если мы столь безсильны и знаемъ такъ мало, то намъ очень слѣдуетъ остерегаться излишней надменности и должно сознаться, что наука наша подвинулась еще весьма мало»...

«Не станемъ назначать границъ природѣ, не будемъ говорить: «это возможно, а то — нѣтъ». Намъ остается лишь одно: наблюдать и дѣлать опыты, дѣлать опыты и набюдать».

II.

Обозначивъ свою точку зрѣнія, Рише указываетъ на различіе между *абсолютной неправдоподобностью и неправдоподобностью относительной*. «Абсолютно неправдоподобно напр. вѣчное движеніе, такъ какъ механика

---

[1]) Отсылаю читателя къ моей статьѣ «Кое-что о медіумизмѣ», гдѣ выражены тѣ же самыя мысли («Ребусъ» 1883 г. стр. 377, или въ брошюрѣ, изд. ред. «Ребуса», стр. 35).

строго доказала невозможность его существованія.» Такія неправдоподобности Рише обозначаетъ именемъ «противорѣчій» и считаетъ позволительнымъ оставлять ихъ въ сторонѣ безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Но бываютъ факты, кажущіеся неправдоподобными, не вслѣдствіе ихъ противорѣчія съ тѣмъ, что строго установлено наукой, а только вслѣдствіе того, что они оставались неизвѣстными. Примѣры неправдоподобій послѣдней категоріи крайне многочисленны, и авторъ тѣмъ болѣе счелъ нужнымъ остановиться на относящихся сюда примѣрахъ, что предметъ, о которомъ онъ ведетъ рѣчь, самъ принадлежитъ къ ихъ числу.

«Нервы дѣйствуютъ на мускулы Утверждать противное значило бы утверждать *неправдоподобное по противорѣчію*, незаслуживающее, стало быть, ни разсмотрѣнія, ни опроверженія. Но если бы кто сказалъ, что магнитъ дѣйствуетъ на мышцы и мѣдь тоже, то это было бы *неправдоподобно по незнанію*, такъ какъ ничто не даетъ намъ права отрицать дѣйствіе магнита на мышцу»... «Во всякомъ случаѣ не впадайте въ апріорное отрицаніе. Наука не достаточно развилась, чтобы дать вамъ на это право».

«Если бы сказали Паскалю; что дѣйствіемъ солнца можно фиксировать на пластинкѣ слѣдъ движенія продолжающагося только одну тысячную долю секунды— или что болѣе сотни человѣкъ, находящихся въ Клермонѣ, могутъ сразу слушать оперу разыгрываемую въ Парижѣ,... то Паскаль конечно счелъ бы эти факты неправдоподобными.»

«Все то, чего мы не знаемъ, кажется намъ невѣроятнымъ;но слѣдуетъ не довѣряться этому рутинному стремленію. Всегда легко увлечься и сказать: фактъ этотъ новъ, а слѣдовательно не существуетъ. Къ такому ре-

бяческому сужденію нерѣдко сводятся въ сущности тѣ умствованія, которыми стараются доказать невѣроятность того или другаго факта».

Камень падаетъ на землю вслѣдствіе тяготѣнія, но какъ, зачѣмъ и какимъ путемъ частицы вещества взаимно притягиваются — объ этомъ мы ровно ничего не знаемъ. «А слѣдовательно, фактъ паденія камня на землю потому только для насъ правдоподобенъ, что онъ совершается безпрестанно. Это — постоянно повторяющійся фактъ, и только вслѣдствіе *повторенія* онъ является для насъ *естественнымъ*. Со стороны пониманія основныхъ его причинъ онъ вполнѣ сверхъестественъ. *Сверхъестественны* для насъ факты, отвѣчающіе двумъ условіямъ: во первыхъ, мы не знаемъ ихъ причины, во вторыхъ они не часто встрѣчаются». Для своей цѣли Рише находитъ достаточнымъ установить, что «факты неправдоподобные становятся правдоподобными, какъ скоро причина ихъ понятна или дѣло устроено такъ, что они повторяются часто.»

Результаты своихъ опытовъ Рише признаетъ тоже «фактами неправдоподобными», но ихъ невѣроятность «вполнѣ относительна», такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не противорѣчитъ прямо тому, что окончательно установлено наукой.

Вотъ какъ можно опредѣлить «*мысленное внушеніе*», о которомъ идетъ дѣло.

«*Мысленное внушеніе — это есть то вліяніе въ опредѣленномъ направленіи, которое мысль одной личности можетъ оказывать на мысль другой, сосѣдней личности, безъ помощи какихъ либо знаковъ, доступныхъ нашимъ чувствамъ.*»

Внушеніе это ничуть не похоже на то, что имѣетъ мѣсто въ опытахъ Бишопа и Кумберлэнда, такъ какъ здѣсь

«нѣтъ ни малѣйшаго прикосновенія между внушающимъ и угадывающимъ.» Впрочемъ, фактъ этотъ не новость, — «на него было указываемо издавна,» но онъ «не нашелъ еще мѣста въ наукѣ»; — новы только доказательства, которые даетъ нашъ авторъ.

Доказательства эти основываются на приложеніи теоріи вѣроятностей. Она, понятно, не можетъ имѣть приложенія въ точныхъ физико-химическихъ наукахъ: тамъ, при данныхъ условіяхъ, явленіе происходитъ непремѣнно, и вмѣсто вѣроятности является достовѣрность. Но при мысленномъ внушеніи — дѣло инаго рода: оно, напр., быть можетъ обнаружится замѣтнымъ образомъ лишь одинъ разъ въ двацати опытахъ. Дѣло въ томъ, что вещество грубое, мертвое всегда одно и тоже, а вещество живое измѣнчиво по существу; проявленія въ немъ столь слабы и скоропреходящи, что лишь изрѣдка удается схватить ихъ на пути.

Вотъ что Рише желаетъ показать, утверждая впрочемъ не *достовѣрность*, а только *вѣроятность* высказываемаго:

1. Мысль одной личности можетъ передаваться безъ помощи внѣшнихъ знаковъ другой, находящейся возлѣ.

2. Эта мысленная передача совершается въ различной степени у различныхъ лицъ. Одни очень чувствительны къ ней, другіе мало, но совершенно нечувствительныхъ нѣтъ, быть можетъ, вовсе.

3. Вѣрнѣе, что эта передача мыслей вообще безсознательна.

Эти положенія Рише ищетъ подтвердить доказательствами трехъ родовъ,

1. Если кто нибудь на удачу станетъ обозначать карту или изображеніе, вынимаемыя изъ колоды картъ или изъ пачки изображеній, и повторитъ такой опытъ нѣкото-

рое число разъ, то результатъ болѣе или менѣе приближается къ предсказываемому теоріей вѣроятностей. Если же карту видитъ другое лицо, находящееся возлѣ, то результатъ измѣняется,—получаются цифры болѣе или менѣе, смотря по чувствительности субъекта, превосходящія тѣ, которыя предсказываются упомянутой теоріей.

2. Если отгадывающее лицо держитъ извѣстнымъ образомъ прутикъ, обнаруживающій безсознательныя движенія его мышцъ, то получаемыя числа еще болѣе превышаютъ тѣ, которыя вычисляются по теоріи вѣроятностей

3. Если, наконецъ, избрать условія «спиритическія», роль которыхъ заключается собственно въ обнаруженіи слабыхъ безсознательныхъ движеній сензитивной личности, то получаемыя цифры значительно превосходятъ указываемыя теоріей вѣроятностей.

«Факты эти» —замѣчаетъ Рише еще разъ — «неправдоподобны, но ихъ невѣроятность зависитъ лишь отъ нашего незнанія. Въ нихъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Они только обнаруживаютъ существованіе такой силы въ мысли человѣка, которой мы не подозрѣвали,—силы испусканія,—или вліяніе вибрацій мышленія одной личности на такія же вибраціи другой».

Замѣчу, съ своей стороны, что такой взглядъ Рише близко совпадаетъ съ тѣмъ, что было мной постоянно высказываемо [1]).

Далѣе, Рише напоминаетъ читателю опредѣленіе «вѣроятности». Это — отношеніе числа случаевъ благопріятныхъ къ общему числу возможныхъ случаевъ. На-

[1]) См. мою статью «Медіумическія явленія» въ «Русск. Вѣстникѣ» 1875 года, стр. 311, а также брошюру «Антиматеріализмъ въ наукѣ» (стр. 4) и статью «Чтеніе мыслей» въ «Ребусѣ» 1884, стр. 433.

примѣръ, вѣроятность вынуть карту опредѣленной масти изъ полной колоды картъ будетъ $\frac{13}{52}$ или $\frac{1}{4}$, такъ какъ всѣхъ картъ 52, а картъ каждой масти 13. Вѣроятность вынуть карту опредѣленнаго старшинства — туза, короля, десятку и пр. — будетъ $\frac{4}{52} = \frac{1}{13}$. Эта теоретическая вѣроятность согласуется съ результатами, получаемыми на дѣлѣ, тѣмъ ближе, чѣмъ большее число разъ былъ повторенъ опытъ. «Пусть повторятъ этотъ простой опытъ» — говоритъ Рише — «и будутъ удивлены тою точностью, съ которой результаты приближаются къ теоретической цифрѣ».

Обозначая заранѣе наугадъ масть карты, Рише вынималъ одну карту изъ полной колоды и повторилъ этотъ опытъ 208 разъ. Такъ какъ теоретическая вѣроятность составляетъ $\frac{1}{4}$, то можно было ожидать, что масть карты будетъ здѣсь угадана въ $\frac{208}{4}$ т. е. въ 52 случаяхъ. На дѣлѣ же она была угадана 50 разъ изъ 208. Особенно характерно при этомъ слѣдующее: нельзя утверждать съ *полной*, *математической* достовѣрностью, чтобы не случилось когда нибудь угадать масть карты 208 разъ сряду. Даже, напротивъ, математически достовѣрно, что такая случайность *возможна;* но она до такой степени невѣроятна, что можно быть *нравственно почти вполнѣ увѣреннымъ*, что этого не будетъ.

Если, при первомъ опытѣ, масть угадана, то вѣроятность угадать ее и при второмъ опытѣ, т. е. имѣть удачу 2 раза сряду, уменьшается вчетверо и будетъ $\frac{1}{4 \times 4} = \frac{1}{16}$, вѣроятность угадать масть три раза сряду будетъ $\frac{1}{4 \times 4 \times 4} = \frac{1}{64}$ и т. д.

Основываясь на подобныхъ соображеніяхъ, всегда можно вычислить теоретически вѣроятный результатъ и сравнить его съ полученнымъ на дѣлѣ.

Съ цѣлью судить о возможности или невозможности «мысленнаго внушенія», Рише дѣлалъ опыты надъ самимъ собой и надъ другими, пробуя угадывать масть карты, которую видитъ сосѣдняя личность. Онъ указываетъ на слѣдующія, необходимыя при этомъ предосторожности.

Надобно карты постоянно хорошо перемѣшивать, кладя каждый разъ обратно вынутую карту. «То лицо, которое смотритъ карту не должно показывать ее послѣ опыта, а только отмѣчать, угадана она или нѣтъ. Угадывающій долженъ стараться ни о чемъ не думать, и, въ то время, когда его сосѣдъ пристально смотритъ на карту, онъ долженъ представлять себѣ четыре масти, чтобы рѣшить не произведетъ ли на него одна изъ нихъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ остальныя. Что касается того лица, которое смотритъ вынимаемую карту, то оно, разумѣется, должно воздерживаться отъ всякаго слова, отъ всякаго знака, какъ бы мало замѣтенъ онъ ни былъ. Лицо это, стараясь забыть все остальное, должно сосредоточивать свое вниманіе на картѣ, которую видитъ, и стремиться передать свою мысль, безъ помощи всякаго внѣшняго знака, лицу угадывающему».

«Само собою разумѣется также, что, при опытахъ этого рода, не должно ни въ какомъ случаѣ откидывать и тѣхъ результатовъ, которые почему-либо представляются неудачными. *Надобно приводить ихъ всѣ до одного, безъ малѣйшаго исключенія*». Такъ именно и поступаетъ Рише.

Въ первой серіи опытовъ, съ 25 іюня по 6-е іюля, масть карты была угадана 260 разъ, тогда какъ теорія

вѣроятностей предсказывала удачу только въ 208 случаяхъ. Второй рядъ опытовъ, съ 7 по 13 іюля, далъ, напротивъ, неудачный результатъ: масть была угадана только 292 разъ, вмѣсто 312 предсказанныхъ теоріей. Всего въ обѣихъ серіяхъ сдѣлано было 2103 опыта, и въ общемъ результатѣ сумма удачныхъ случаевъ была, какъ видно, 552, тогда какъ теоретически надо было ожидать круглымъ числомъ 525 удачъ $\left(2103 \times \frac{1}{4} = 525{,}75\right)$.

Этотъ перевѣсъ въ пользу существованія «мысленнаго внушенія» такъ однако-же малъ, что ему трудно было бы приписать какое-нибудь значеніе, если бы тутъ не приходилось сдѣлать одной поправки, которую Рише считаетъ совершенно необходимой. А именно, въ числѣ упомянутыхъ опытовъ есть такіе ряды ихъ, гдѣ проба угадыванія была произведена очень много разъ сряду. Въ подобныхъ случаяхъ, у обоихъ участниковъ опыта «является въ умѣ полная смутность представленій. — образы смѣшиваются, переплетаются». И если откинуть тѣ ряды опытовъ, въ которыхъ число пробъ сдѣланныхъ сряду превосходило сто, то оказывается довольно значительный перевѣсъ на сторонѣ удачной догадки — 315 разъ вмѣсто 280, предсказываемыхъ теоріей вѣроятностей.

Далѣе произведены были еще опыты надъ 10 различными лицами; всего сдѣлано ихъ 824, и въ результатѣ получалось 237 удачныхъ обозначеній масти, тогда какъ по теоріи надо было имѣть $206 = \frac{824}{4}$. Суммируя всѣ результаты, приходится заключить, что въ сдѣланныхъ опытахъ на долю «мысленнаго внушенія» приходится $^1/_{10}$ удачъ, т. е. изъ 10 картъ, масть которыхъ удачно угадана, 9 угадены въ силу случайности, деся-

тая же — вслѣдствіе передачи мысли. Въ самомъ дѣлѣ, когда произведены были ряды опытовъ угадыванія масти на удачу, безъ «мысленнаго внушенія», при чемъ сдѣлано всего 1148 пробъ, то получился совсѣмъ другой результатъ, а именно, удачно названа была масть только въ 272 случаяхъ [1]).

Если масть карты называть на удачу, и каждый разъ смотрѣть, угадалъ или нѣтъ, то начинаетъ вліять уже не одна случайность: угадывающій невольно поддается предположенію, что вынимаемая карта будетъ отлична отъ предыдущей; въ концѣ концовъ выходитъ однако-же, что число удачъ при этомъ не только не увеличивается, но, напротивъ, уменьшается.

Чтобы яснѣе указать на это вліяніе, Рише предлагаетъ своимъ читателямъ особую игру, и проситъ даже сообщать ему о ея результатахъ, за что онъ былъ бы очень признателенъ. Пусть А вынимаетъ на удачу карту изъ многихъ смѣшанныхъ вмѣстѣ колодъ и внимательно смотритъ на нее, а Б, вслѣдъ затѣмъ, пусть называетъ масть этой карты. Если Б угадаетъ, то А платитъ ему 3 франка, если же Б не угадалъ, то А съ него получитъ 1 франкъ. Если бы не было «мысленнаго внушенія», то шансы обоихъ играющихъ были бы совершенно равны, такъ какъ, по теоріи вѣроятностей, Б долженъ угадать одинъ разъ изъ 4-хъ. При помощи

[1]) Тутъ Рише, повидимому, впалъ въ ариѳметическую ошибку: суммированіе сдѣлано у него вѣрно, но цифра теоретической вѣроятности дана неправильно — 262, тогда какъ $\frac{1148}{4} = 287$. У Рише выходитъ такимъ образомъ, что число удачныхъ пробъ все-таки и здѣсь на 10 *больше* числа предсказаннаго теоріей; на дѣлѣ же оказывается, что число удачъ вышло тутъ на 15 разъ *меньше* теоретическаго, и свидѣтельство опыта въ пользу «мысленнаго внушенія» становится тѣмъ благопріятнѣе.

же «внушенія» обыкновенно выигрываетъ тотъ, кто находится въ роли Б. Рише не разъ пробовалъ эту игру со своими друзьями, сомнѣвавшимися въ этомъ маленькомъ вліяніи «внушенія». Если же, при равныхъ остальныхъ условіяхъ, А не будетъ смотрѣть вынимаемой имъ карты прежде того, какъ Б назвалъ ея масть, то выигрышъ, хотя быть можетъ и очень незначительный, окажется на сторонѣ А.—Само собою разумѣется, что оба играющіе должны вести дѣло вполнѣ добросовѣстно: А обязанъ смотрѣть на карту, а Б не долженъ стараться основывать свою догадку на наружныхъ признакахъ, на выраженіи физіономіи А и т. п.

Вліяніе «внушенія» въ этой игрѣ можно сравнить съ тѣмъ, что произошло бы въ рулеткѣ, въ которой одно изъ гнѣздъ было бы крошечку шире остальныхъ. На первый взглядъ могло бы казаться, что въ ней выпадаютъ всѣ номера безразлично, но если бы, подводя общій итогъ по истеченіи каждой недѣли, было наконецъ замѣчено, что одинъ какой-нибудь номеръ выпадаетъ постоянно два-три раза лишнихъ сравнительно съ остальными, то изъ этого можно было бы заключить, что гнѣздо этого номера нѣсколько шире другихъ, хотя бы ни глазъ, ни циркуль этого не показывали.—Съ этимъ излишкомъ ширины можно сравнить «внушеніе»; какъ ни мало его вліяніе, но оно все-таки немножко возвышаетъ число удачъ сравнительно съ предсказаніемъ теоріи вѣроятности.

Основываясь на всѣхъ опытахъ своихъ съ картами, Рише считаетъ возможнымъ сдѣлать, съ полной строгостью, слѣдующее заключеніе:

«Мысленное внушеніе», быть можетъ, проявляется на взрослыхъ здоровыхъ людяхъ не загипнотизированныхъ и не склонныхъ къ гипнотизаціи. Существованіе

такого «мысленнаго внушенія» до извѣстной степени даже вѣроятно, но степень этой вѣроятности не превышаетъ $^1/_{16}$-й.

III.

Въ своемъ заключеніи, сдѣланномъ на основаніи описанныхъ опытовъ, Рише говоритъ о лицахъ «здоровыхъ, незагипнотизированныхъ и несклонныхъ къ гипнотизаціи». Такими считаетъ онъ себя и своихъ друзей, принимавшихъ участіе въ опытахъ. Интересно знать — замѣчаетъ онъ — каковы будутъ результаты, если подобные опыты дѣлать надъ субъектами сензитивными, нервными, истерическими, загипнотизированными или склонными къ гипнотизаціи, или, наконецъ, много упражнявшимися въ воспринятіи «мысленныхъ внушеній»?

«Къ сожалѣнію» — говоритъ Рише — «опытовъ этихъ мнѣ не приходилось дѣлать за недостаткомъ подходящаго субъекта. Поэтому, я долженъ заимствовать ихъ изъ отчетовъ *Общества для психическихъ изслѣдованій* (Society for psychical research).» — «Члены этого общества, основаннаго два года тому назадъ, положительно люди вполнѣ заслуживающіе уваженія. Тутъ находятся профессора изъ Кэмбриджа и Дублина, члены королевскаго общества, парламента, суда и проч. [1])». «Нельзя, слѣдовательно, усомниться въ добросовѣстности членовъ этого общества, а также, до извѣстной степени, и въ умѣньи ихъ отнестись къ дѣлу крити-

[1]) «Президентъ этого общества — Сиджвикъ изъ Кэмбриджа. Между членами находятся: Бальфуръ; проф. Барретъ изъ Дублина; лордъ Релей, президентъ британской ассоціаціи; архіепископъ карлейльскій; проф. Бальфуръ Стьюартъ; У. Круксъ; проф. Адамъ; А. Р. Уалласъ и пр. и пр.» *Примѣч. Рише.*

чески. Между тѣмъ опыты, сдѣланные ими (дѣло идетъ здѣсь только объ опытахъ съ картами) надъ сензитивными субъектами, дали весьма опредѣленный результатъ».

Въ 14 опытахъ карта была угадана въ 9 случаяхъ съ перваго разу. Въ другой серіи изъ 27 опытовъ карта была вѣрно опредѣлена въ 8 случаяхъ. Въ третьей серіи опытовъ случилось между прочимъ, что карта была угадана 8 разъ сряду; между тѣмъ вѣроятность такой удачи будетъ $\frac{1}{52^8}$. Невѣроятность подобной случайности громадна. По замѣчанію Рише, это все равно какъ если бы было положено въ урну нѣсколько билліоновъ шариковъ и между ними одинъ только чорный, и если бы, при выниманіи на удачу, именно этотъ чорный шарикъ попался первымъ [1]. Общій результатъ опытовъ лондонскаго общества, приводимыхъ Рише, таковъ, что карта была угадана 45 разъ тамъ, гдѣ по теоріи вѣроятностей, это должно было случиться не болѣе двухъ-трехъ разъ (2,2).

Сверхъ опытовъ съ картами, Рише дѣлалъ также опыты съ фотографическими изображеніями разныхъ предметовъ. Участниками были разныя лица. Результаты приводятся тоже *всѣ* безъ исключенія, и чтобы сдѣлать ихъ нагляднѣе Рише даетъ такое сравненіе.

Представимъ себѣ рядъ изъ 24-хъ урнъ, въ которыя положены послѣдовательно слѣдующія количества шариковъ 30, 8, 12, 14, 3, 4, 7, 2600, 5, 5, 2, 2, 2, 2, 40, 2, 2, 100, 4, 130, 5, 1, 1, 1. Только въ одной изъ

[1]) Слово «билліонъ» употребляется нерѣдко, но рѣдко кто представляетъ себѣ дѣйствительную громадность этой цифры..... Достаточно сказать, что въ этомъ случаѣ шариковъ въ урнѣ было бы больше того, чѣмъ сколько *секундъ* прошло (по обыкновенному лѣтосчисленію) отъ сотворенія міра.

урнѣ, заключающей 4 шарика, находятся 3 шарика бѣлыхъ и 1 чорный; во всѣхъ другихъ урнахъ есть по 1 бѣлому шарику, а всѣ остальные шарики чорные. Велика ли — спрашивается — вѣроятность, вынимая изъ каждой урны по одному шарику, вынуть изъ нихъ всѣхъ *бѣлые* шарики? А между тѣмъ полученъ былъ именно результатъ такого рода.

Опираясь на нѣкоторыя наблюденія, Рише считаетъ возможнымъ предположить, что «мысленное внушеніе» дѣйствуетъ въ особенности на безсознательныя способности. Тогда лицо, подвергающееся «внушенію», не будетъ этого сознавать, и «внушеніе» не станетъ вліять на его сознательныя произвольныя дѣйствія, но можетъ однакоже вызывать дѣйствія безсознательныя, напр. нѣкоторыя слабыя движенія мышцъ. Подобныя движенія могутъ сдѣлаться замѣтными при помощи особаго пріема.

Если взять гибкій, упругій прутикъ обѣими руками за оба конца, и держать предъ собою, то малѣйшее сближеніе рукъ вызоветъ сгибаніе прутика, и эти сгибанія могутъ сдѣлать замѣтными такія безсознательныя движенія, которыя сами по себѣ видимы бы не были.

«Какъ бы ни казались странны подобные опыты» — говоритъ Рише — «но они были мною дѣлаемы довольно часто и въ условіяхъ достаточно научныхъ для того, чтобы я считалъ нужнымъ сообщить полученные результаты». Напомнивъ затѣмъ, что подобные же опыты съ прутикомъ были когда то изучаемы Шеврёлемъ [1]), Рише замѣчаетъ, что, употребивъ волю, можно заставить прутикъ оставаться и неподвижнымъ, но должно, напро-

[1]) Старѣйшимъ изъ живущихъ нынѣ химиковъ: Шеврелю теперь 99-й годъ отъ роду. (См. его «Sur le pendule dit explorateur, la baguette divinatoire et les tables tournantes».)

тивъ, по возможности не думать о немъ, держать его безъ всякой предвзятой мысли о производящемся опытѣ, не дѣлая усилій и не сопротивляясь.

Первый опытъ съ прутикомъ сдѣланъ былъ Рише и его двумя друзьями въ одномъ саду, въ окрестностяхъ Парижа, и результатъ «изумилъ ихъ, быть можетъ болѣе, чѣмъ изумитъ онъ читателей этой статьи». Тамъ было два ряда померанцевыхъ деревьевъ въ ящикахъ, въ одномъ ряду 6, въ другомъ 7. Подъ однимъ изъ 6 ящиковъ перваго ряда были спрятаны часы, и одинъ изъ друзей Рише, разумѣется не знавшій подъ которымъ изъ 6 ящиковъ часы лежатъ, нашелъ ихъ очень скоро, подходя поочередно къ каждому ящику съ прутикомъ въ рукахъ. При повтореніи опытъ опять удался, но когда искать пришлось подъ всѣми 13 ящиками, то произошла неудача. Потомъ опыты эти были не разъ повторяемы, и въ общемъ результатѣ вышло слѣдующее: въ 25 опытахъ, по теоріи вѣроятностей, надо было ожидать 4 удачи, а на дѣлѣ ихъ вышло 12.

Дѣлались также другіе опыты съ прутикомъ, надъ угадываніемъ задуманныхъ изображеній различныхъ предметовъ. Замѣчательно, что при этомъ нерѣдко угадывающій указываетъ, если не на самое задуманное изображеніе, то на аналогичное съ нимъ, напр. не на ту именно *руку* или *саблю*, которая была задумана, но тоже на изображеніе *руки* или *сабли*. Подобный результатъ можно причислить къ удачамъ, и тогда оказывается, что было 10 успѣшныхъ угадываній тамъ, гдѣ теорія вѣроятностей предсказывала ихъ только около *двухъ*.

Далѣе пробовали отыскивать, при помощи прутика, предметъ, спрятанный на полкахъ въ библіотекѣ Рише; одно лицо прятало, другое угадывало. Такъ какъ би-

бліотека состоитъ изъ 8 шкафовъ, въ каждомъ по 6 полокъ, то вѣроятность представляла $\frac{1}{8}$, когда былъ извѣстенъ шкафъ, гдѣ вещь спрятана, или $\frac{1}{6}$, когда была извѣстна полка, или, наконецъ $\frac{1}{48}$, когда прятавшій пользовался безразлично всей библіотекой. Сдѣлано было 9 опытовъ для каждаго случая, и получено, при вѣроятности въ $\frac{1}{8}$: *шесть* удачъ; при вѣроятности въ $\frac{1}{6}$ — *двѣ* удачи и, при вѣроятности въ $\frac{1}{48}$ — *двѣ* же удачи. Очевидно и здѣсь ясный результатъ на сторонѣ «внушенія».

Пряча предметъ у лица, присутствовавшаго въ числѣ другихъ, получили, при пособіи прутика, 7 удачъ тамъ, гдѣ теоретическая цифра была около 2. Уменьшивъ *вѣроятность* вдвое, при подобныхъ же опытахъ, замѣтили относительное уменьшеніе числа удачъ, но и тутъ результатъ вышелъ въ пользу «внушенія»: было 14 удачъ вмѣсто 9, предсказываемыхъ теоріей.

При суммированіи всѣхъ опытовъ съ прутикомъ, выходитъ, что въ 98 опытахъ получено 44 удачи, тогда какъ теорія вѣроятностей предсказывала ихъ всего 18. Вычисленіе показываетъ, что вѣроятность полученія такого результата чрезвычайно мала; она выразилась бы дробью, гдѣ числитель единица, а знаменатель заключаетъ не менѣе *восемнадцати* цифръ. Очевидно, крайне трудно объяснить такой результатъ случайностью — тѣмъ болѣе, что во всѣхъ рядахъ опытовъ онъ былъ *постоянно* въ пользу «внушенія».

«Такимъ образомъ» — заключаетъ Рише — «мы приходимъ къ выводу, что вліяніе «мысленнаго внушенія» на безсознательныя мышечныя движенія, если и не достовѣрно, то довольно вѣроятно».

Впрочемъ, Рише находитъ необходимымъ сдѣлать двѣ оговорки: во первыхъ, не невозможно допущеніе, что все это — дѣло случая, такъ какъ примѣры необыкновенно-счастливыхъ случайностей несомнѣнно бываютъ; во вторыхъ, можно сказать, что все это результатъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ признаковъ, появляющихся и воспринимаемыхъ даже помимо сознанія лицъ, производящихъ опыты, но не имѣющихъ никакого сходства съ *мысленнымъ* внушеніемъ, и что, благодаря этимъ признакамъ, измѣняется дѣйствіе чистой случайности.

Сознавая вполнѣ значеніе такихъ возраженій, Рише тѣмъ не менѣе считаетъ правильнымъ остаться при томъ заключеніи, что вліяніе «мысленнаго внушенія», въ условіяхъ, указанныхъ выше, довольно вѣроятно. «Опыты, описываемые ниже и несомнѣнно болѣе удивительные, чѣмъ производимые съ прутикомъ, еще болѣе увеличиваютъ эту вѣроятность».

«Наиболѣе удивительными» Рише считаетъ опыты, обозначаемые имъ названіемъ «спиритическихъ». Это — опыты, производимые при посредствѣ «столоверченія». Тутъ Рише прежде всего оговаривается, что не вѣритъ въ существованіе *духовъ* и даже не принимаетъ особой неизвѣстной силы, отличной отъ тѣхъ физическихъ силъ, которыя нашли уже мѣсто въ наукѣ [1]). Напротивъ, вмѣстѣ съ Шеврёлемъ, Рише склоненъ думать, что движенія стола обусловливаются безсознательными движеніями мышцъ, и столъ, значитъ, играетъ тутъ въ сущности ту же роль, какъ прутикъ, при опытахъ описанныхъ выше.

По отношенію собственно къ тѣмъ опытамъ со сто-

[1]) Само собою разумѣется, что Рише *пока еще* также не допуститъ и возможности движенія предметовъ безъ прикосновенія, отвергнетъ медіумическіе стуки и проч. и проч. *А. Б.*

ликомъ, которые описываетъ Рише, можно дѣйствительно допустить такую роль стола.

«Предположимъ» — говоритъ Рише — «что у нѣкоторыхъ лицъ можетъ наступать полусомнамбулическое состоянiе, при которомъ извѣстная часть головнаго мозга работаетъ до нѣкоторой степени, принимая впечатлѣнiя, производя мысли, безъ того, чтобы «я» сознавало это; — а такое предположенiе вовсе не покажется невозможнымъ для тѣхъ, кто знакомъ съ положительными опытами, сдѣланными въ послѣднiя десять лѣтъ надъ магнетизмомъ. Сознанiе такого лица сохранено, повидимому, вполнѣ; но тѣмъ не менѣе весьма сложныя дѣйствiя совершаются у него внѣ сознанiя, такъ что хотящее и сознающее «я» какъ бы не претерпѣваетъ никакого измѣненiя. Точно будто бы тутъ дѣйствуетъ, думаетъ, желаетъ другое лицо, а сознанiе, т. е. размышляющее, сознающее «я», не замѣчаетъ этого вовсе».

Такiя-то лица и являются *медiумами*. Рише, впрочемъ, не думаетъ сдѣлать понятнымъ, при помощи такого объясненiя, все относящееся къ спиритизму.

«Въ концѣ концовъ» — замѣчаетъ онъ — «приходится выбирать между четырьмя гипотезами»

1. «Вездѣ дѣйствуютъ обманщики, и все относящееся къ столоверченiю и спиритизму не болѣе какъ фокусничество безъ научнаго значенiя».

2. «Существуютъ *духи*, флюидическiя существа, вмѣшивающiяся въ наши дѣла и поступки и способныя дѣйствовать на вещество».

3. «Въ природѣ существуетъ особенная, еще неизвѣстная сила, дѣйствующая независимо отъ законовъ тяготѣнiя и приводящая тѣла въ движенiе».

4. «Существуютъ безсознательныя, невольныя, но цѣлесообразныя движенiя медiума, который и производитъ

всѣ наблюдаемыя явленія помимо своего желанія и сознанія».

Рише выбираетъ эту послѣднюю гипотезу, присовокупляя въ видѣ примѣчанія слѣдующее:

«Предполагать повсюду постоянный обманъ и фокусничество — удобно, сознаюсь въ томъ, но это вполнѣ нелѣпо; столь же нелѣпо, какъ и гипотеза духовъ. Далѣе увидятъ, что расположеніе моихъ опытовъ—а также и весьма сильныя нравственныя причины—исключаютъ всякую поддѣлку. Но полное обсужденіе гипотезы обмана (безполезно повторяемой во всемъ свѣтѣ съ 1847 года до нашихъ дней) было бы отступленіемъ, въ которое я не буду входить. Не буду также опровергать гипотезу существованія *духовъ*».

Замѣтимъ отъ себя, что такое опроверженіе было бы и не легко. Называя гипотезу духовъ «нелѣпою», Рише очевидно только отдаетъ дань господствующимъ воззрѣніямъ, отъ которыхъ повелъ его въ сторону тотъ «скользкій путь», о которомъ мы упоминали выше. На этомъ пути Рише сдѣлалъ первый шагъ, и нельзя не быть ему благодарнымъ за прямоту и безболзненность, съ которыми онъ заявилъ объ этомъ; но шагъ этотъ увелъ его еще очень недалеко; старыя всосанныя идеи (именно *всосанныя*, а не выработанныя вполнѣ самостоятельнымъ мышленіемъ) въ немъ пока еще крѣпки, и онъ отдаетъ имъ дань, не замѣчая того, что впадаетъ въ противорѣчіе съ собственными только-что провозглашенными принципами.— Развѣ существованіе духовнаго міра и его воздѣйствіе на міръ матеріальный принадлежатъ къ тѣмъ «*неправдоподобностямъ по противорѣчію*», которыя не стоитъ обсуждать? А вѣдь только ихъ можно считать *нелѣпыми*. Если это — *такая* неправдоподобность, то отчего же всегда, въ те-

ченіе вѣковъ, существовали и существуютъ серьезные мыслители-спиритуалисты? Впалъ ли, напримѣръ, математикъ де-Морганъ въ «нелѣпость», когда сказалъ: «гипотеза духовъ достаточна» (для объясненія явленій), «но представляетъ громадныя трудности?» А если мы имѣемъ здѣсь «*неправдоподобное по незнанію*», то намъ остается сослаться на то опредѣленіе сверхъестественнаго, которое дано самимъ Рише, и на его собственныя слова, приведенныя выше: — «не будемъ говорить: это возможно, а то нѣтъ. Намъ остается лишь одно: наблюдать и дѣлать опыты, дѣлать опыты и наблюдать». Наблюденіе же и опыты говорятъ намъ только о томъ, что *есть*, но никогда не даютъ возможности отрицать что-либо, не находящееся въ прямомъ противорѣчіи съ нашею логикой.

IV.

Въ опытахъ «внушенія», которые Рише называетъ «спиритическими», принимали участіе пятеро его друзей, знакомыхъ ему съ дѣтства, людей образованныхъ научно, вовсе не склонныхъ къ мистицизму. Рише имѣетъ къ нимъ абсолютное довѣріе. Изъ нихъ только двое оказались медіумами, т. е. людьми, у которыхъ «иногда замѣчается та *неполная безсознательность*, при которой они, не замѣчая этого сами, производятъ цѣлесообразныя движенія». Остальные трое, какъ и самъ Рише, не обнаруживаютъ никакого вліянія на движеніе стола.

Нужно было, чтобы упомянутыя безсознательныя движенія оставались вполнѣ независимыми отъ сознательной умственной дѣятельности тѣхъ, которые ихъ производили. Съ этой цѣлью опыты расположены были такъ, какъ до сихъ поръ еще никто не производилъ

ихъ. Въ этомъ видѣ они могутъ служить «неотразимымъ доказательствомъ безсознательности «спиритическихъ» явленій».

За столикомъ сидятъ трое, всѣ съ одной стороны; одинъ изъ нихъ «медіумъ». Столикъ соединенъ съ электрическимъ колокольчикомъ, который звонитъ каждый разъ, когда столикъ дѣлаетъ наклонъ. За другимъ столикомъ, стоящимъ за спиной у троихъ упомянутыхъ лицъ, сидятъ двое. Одинъ изъ нихъ молча водитъ перомъ по азбукѣ, которая заслонена еще экраномъ со стороны перваго стола; другой записываетъ буквы, обозначаемыя наклонами стола, т. е. звономъ колокольчика. Такимъ образомъ, записывающему буквы нѣтъ надобности слѣдить за наклонами столика,—ему достаточно видѣть на какой буквѣ остановилось перо указывающаго, въ то время, какъ колокольчикъ прозвонилъ.

Трое сидящихъ за первымъ столомъ не только не знаютъ и не могутъ видѣть, что̀ происходитъ за вторымъ, но и не обращаютъ на это никакого вниманія: они ни о чемъ особенно не думаютъ, разговариваютъ, поютъ, говорятъ стихи и т. п.; сидящіе за вторымъ столомъ молча продолжаютъ свое дѣло до тѣхъ поръ, пока частыя повторенныя движенія перваго столика не покажутъ, что слово или фраза закончены. Къ величайшему удивленію троихъ сидѣвшихъ за первымъ столомъ, оказывается тогда, что сложенное слово или фраза имѣютъ нѣкоторый смыслъ. Эти трое, при описанномъ расположеніи опыта, очевидно не могутъ *произвольно* обозначить ту или другую букву. Рише со своими друзьями не разъ пробовалъ, при тѣхъ же условіяхъ, обозначать буквы по произволу, и, не смотря на самое напряженное вниманіе, результатъ всегда оставался неудачнымъ.

При опытахъ «мысленнаго внушенія», производившихся при помощи описаннаго пріема, внушителемъ было шестое лицо, вовсе не сидѣвшее ни за тѣмъ, ни за другимъ столомъ. Этотъ шестой задумывалъ опредѣленное слово, остававшееся извѣстнымъ только ему одному.

Рише замѣчаетъ при этомъ, что «разборъ этого опыта, съ точки зрѣнія безсознательности и автоматизма медіума, былъ бы очень интересенъ. Какъ можетъ медіумъ знать, что пробѣгающій азбуку остановился въ данный моментъ на той или другой буквѣ? Въ качествѣ *сознающаго «я»* онъ этого конечно не знаетъ; но безсознательно заключенная въ немъ личность — которая именно и характеризуетъ *медіума* — слѣдитъ мысленно со строгой точностью за движеніями лица показывающаго азбуку, тогда какъ сознательное «я» думаетъ совсѣмъ о другомъ».

«Впрочемъ, объясненіе этого опыта, крайне-трудное и притомъ весьма гипотетичное, повело-бы слишкомъ далеко», и Рише довольствуется установкой того факта, что напр. «имя, задуманное лицомъ, не сидящимъ ни за двигающимся столомъ, ни за азбукой, можетъ буква за буквой быть обозначено медіумомъ, каковъ бы ни былъ способъ, которымъ *медіумъ* этого достигаетъ».

Въ примѣчаніи Рише поясняетъ, что при описаніи этихъ опытовъ, онъ измѣняетъ правилу, соблюдавшемуся имъ по отношенію къ опытамъ другихъ категорій. А именно, здѣсь онъ сообщаетъ *не всѣ* результаты, а только тѣ, которые считаетъ наиболѣе ясными.

Позволительна, быть можетъ, догадка, что въ числѣ результатовъ «спиритическихъ» опытовъ, у Рише были и такіе результаты, которые оказывались совершенно непонятными съ точки зрѣнія гипотезы, избранной

Рише изъ четырехъ имъ перечисленныхъ. Для насъ важно то, что онъ уже рѣшительно констатируетъ факты еще отвергаемые или игнорируемые большинствомъ. Если не самъ Рише, то другіе, въ своихъ наблюденіяхъ, пойдутъ по этому пути дальше — и результатомъ будетъ признаніе новыхъ, болѣе сложныхъ и болѣе интересныхъ фактовъ. Констатировали ихъ Уаллэсъ, Круксъ, Цёлльнеръ и проч., констатируютъ и другіе, такъ какъ фактъ все побѣждаетъ. А гипотезы, объясненія пріурочиваются къ фактамъ, не факты — къ нимъ.

Для оцѣнки результатовъ своихъ «спиритическихъ» опытовъ, Рише прилагаетъ также теорію вѣроятностей. Дѣло идетъ объ опредѣленіи извѣстной буквы въ азбукѣ, которая, положимъ, состоитъ изъ 24 буквъ. Тогда вѣроятность попасть на опредѣленную букву будетъ $\frac{1}{24}$. Но Рише замѣтилъ, какъ и каждый видѣвшій подобные медіумическіе опыты, что, при описанномъ выше способѣ веденія дѣла, нерѣдко вмѣсто настоящей буквы указывается буква сосѣдняя съ нею, иногда предъидущая, чаще послѣдующая. Разсматривая и обозначеніе этихъ двухъ буквъ какъ удачу, будемъ имѣть вѣроятность $\frac{3}{24}$ или $\frac{1}{8}$.

Этотъ теоретическій разсчетъ былъ провѣренъ на дѣлѣ: Рише на удачу вынималъ извѣстное число буквъ, обозначивши напередъ слово, которому предположительно онѣ должны были отвѣчать. Оказалось, что при 128 опытахъ вынутая буква въ точности совпала съ требовавшеюся 3 раза, тогда какъ вѣроятность этого совпаденія была 2,7; а если брать въ разсчетъ и еще двѣ сосѣднія буквы, то совпаденіе случилось 7 разъ, вѣроятность же при этомъ условіи выражалась циф-

рою 8. Словомъ, дѣйствительность и вѣроятность сошлись очень близко. Совсѣмъ другой результатъ получилъ Рише, производя свои опыты «внушенія» при помощи спиритическаго» метода.

Первый рядъ такихъ опытовъ, сообщаемыхъ Рише, состоялъ въ томъ, что загадывалось извѣстное имя тѣмъ участникомъ, который не находился ни за тѣмъ, ни за другимъ столикомъ. Имя это должно было угадываться посредствомъ движеній стола. Рише приводитъ восемь опытовъ этого рода. Общій результатъ ихъ былъ слѣдующій: вѣроятность угадать точную букву была 2, а угадана она 14 разъ; принимая же въ разсчетъ и двѣ сосѣднія буквы, вѣроятность была 7, а удача произошла въ 24 случаяхъ. Разсматривая каждый опытъ порознь, еще болѣе удивляешься результату. Въ 7-мъ опытѣ, напр., загадано было имя *Chevalon*, а сложилось *cheval*. Вѣроятность угадать сряду шесть буквъ изъ 24-хъ выражается приблизительно дробью $\frac{1}{160000000}$. «Такое число равняется почти достовѣрности неудачи; на это такъ бы и можно было смотрѣть, если бы въ подобномъ, деликатномъ вопросѣ можно было удовольствоваться однимъ опытомъ».

Рише замѣтилъ, что во всѣхъ этихъ опытахъ первыя буквы задуманнаго имени угадывались удачнѣе послѣдующихъ; повидимому, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже дѣйствуетъ «внушеніе». Если же взять только три начальныя буквы въ каждомъ изъ 8 случаевъ, о которыхъ идетъ рѣчь, то опыты становятся еще поразительнѣе: общая вѣроятность получить тотъ именно результатъ, который оказался на дѣлѣ, выразится тогда дробью $\frac{1}{1000000000}$.

Если повторить складываніе задуманнаго имени нѣсколько разъ, то обыкновенно разъ отъ разу полу-

чаемыя буквы все болѣе приближаются къ истиннымъ. Такъ напр., задумано было *Doremond*, и сложилось сначала *Epjyeiod*, но при повтореніи получилось, при четвертомъ разѣ, *Doremiod*. Этотъ именно опытъ Рише считаетъ «очень важнымъ, такъ какъ *единственно* самъ онъ одинъ думалъ объ этомъ фантастическомъ имени, не находясь ни за столикомъ, ни за азбукой». Поэтому Рише *абсолютно* увѣренъ, что другіе присутствующіе его не знали и не могли знать, и что, слѣдовательно, это было несомнѣнное «мысленное внушеніе».

Въ одномъ случаѣ, Рише попробовалъ написать въ стихѣ одно слово, опустивши первую букву, а именно написано было «ombe» вмѣсто «tombe»—и на вопросъ о недостающей буквѣ столикомъ указано было «t». Въ другомъ случаѣ написанъ былъ тоже стихъ, и въ отвѣтъ на вопросъ, какія въ немъ буквы *первая*, *вторая* и *четвертая*, онѣ указаны вѣрно, тогда какъ сидѣвшіе за столикомъ не знали, какой стихъ написанъ и какія буквы сами они диктуютъ.

Случалось иногда, что складывалось не то имя, которое было задумано, а другое, промелькнувшее въ то же время въ умѣ задумывавшаго. Такъ, напр., Рише, отыскивая, по возможности, мало извѣстный стихъ, взялъ его изъ Легуве, но при этомъ отыскиваніи ему попалось на глаза имя Жозефа Шенье, и—на вопросъ объ имени автора—сложилось Josephchd.

«Что же, въ концѣ-концовъ, надо думать о внушеніи, что сказать о немъ»? спрашиваетъ Рише.

«Если бы руководиться апріорной вѣроятностью», отвѣчаетъ онъ — «то я склонился бы скорѣе къ отрицанію. Въ самомъ дѣлѣ, предположеніе, что мысль человѣка можетъ неизвѣстнымъ способомъ распространяться наружу и дѣйствовать на мозгъ сосѣдней лич-

ности — представляется довольно неправдоподобнымъ. Но эта невѣроятность относительная, не противорѣчащая ни чему установленному наукою, и разъ такая передача мысли будетъ доказана, она сдѣлается вполнѣ правдоподобной». «Вѣдь свѣча, горящая метровъ за 200 отъ насъ, даетъ весьма ясно видимый нами свѣтъ; отчего же нелѣпо допустить, что дѣятельность мозга можетъ влiять на разстоянiи трехъ—четырехъ метровъ»?

«Мы должны смѣло освободиться отъ этой боязни новаго, и считать «мысленное внушенiе» возможнымъ; а слѣдовательно обязаны и потрудиться серьезно разсмотрѣть доказательства за и противъ».

V.

Оцѣнивая съ полной строгостью значенiе всѣхъ своихъ опытовъ взятыхъ вмѣстѣ, Рише приходитъ къ заключенiю, что «объяснить случайностью факты, имъ наблюдавшiеся — трудно; другими словами: предположенiе, что случай произвелъ все это — довольно неправдоподобно».

Величина этой неправдоподобности можетъ до нѣкоторой степени быть опредѣлена; Рише считаетъ однако-жъ правильнымъ довольствоваться принятiемъ вѣроятности ниже той, которую даютъ вычисленiя, опирающiяся на его опыты, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ необходима осторожность.

Вотъ какой выводъ дѣлаетъ Рише: „*Если бы нужно было высказаться за существованiе или несуществованiе „мысленнаго внушенiя“, то я предоставилъ бы отвѣтъ случаю, но далъ бы два шанса предположенiю, что оно существуетъ, противному-же предположенiю — одинъ только шансъ*“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Рише замѣчаетъ, что если «мысленное внушеніе» и существуетъ, то изъ-за этого вовсе не предстоитъ надобности перевертывать науку и начинать новую эру въ психологіи, физіологіи или физикѣ. Какъ ни интересно и ни ново такое явленіе, но оно «ни въ чемъ не измѣняетъ нашихъ теперешнихъ знаній о веществѣ живомъ или веществѣ мертвомъ».

Заканчивая свою статью, Рише проситъ, также какъ сдѣлалъ онъ это вначалѣ, чтобы его «судили не ранѣе, какъ прочитавши, и осуждали не иначе, какъ произведя опыты въ тѣхъ-же условіяхъ, въ которыхъ экспериментировалъ онъ самъ».

«Долго я колебался» — говоритъ онъ — «прежде чѣмъ рѣшиться изложить эти факты; но мнѣ кажется, что было бы малодушіемъ отступать предъ тѣмъ, что считаешь правдой». «Мужество ученаго заключается не въ томъ только, чтобы производить надъ холерой, надъ бѣшенствомъ, надъ сгущеніемъ газовъ опыты, опасные для своей жизни, но также и въ томъ, чтобы идти противъ распространенныхъ мнѣній, когда это оказывается долгомъ, и говорить то, что считаешь истиной».

Мы, съ своей стороны, вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе Рише и полагаемъ, что слѣдовать прекрасному правилу, выраженному въ его послѣднихъ словахъ, ученому повелѣваетъ и просто долгъ честнаго человѣка. А необходимость исполненія этого долга становится еще настоятельнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда ей сопутствуетъ сознаніе, что дѣло идетъ не объ истинѣ отвлеченной, индифферентной для человѣчества, а о живой, затрогивающей самую насущную духовную потребность человѣка, снимающей съ него гнетъ отрицанія и тяжкихъ сомнѣній.

Читатель понялъ, конечно, что я веду рѣчь о внѣ-

тѣлесномъ, продолжающемся существованіи человѣка, — о человѣкѣ, какъ звенѣ духовнаго міра, вѣра въ существованіе котораго была почти потеряна интеллигентнымъ большинствомъ, а теперь начинаетъ возвращаться къ намъ снова, твердо опираясь на реальное знаніе [1]. Бездна, лежавшая, казалось, между знаніемъ и вѣрою, между веществомъ и духомъ, начинаетъ наполняться, и работы, подобныя сдѣланной Рише, являются знаменіями времени, обнаруживающими поворотъ науки, послѣ котораго она перестанетъ гнушаться — какъ дѣлала неправильно доселѣ — собираніемъ данныхъ, необходимыхъ для уничтоженія упомянутой бездны.

Съ этой именно точки зрѣнія, работа Рише представляется намъ имѣющей особое значеніе. Сама по себѣ она дѣйствительно столь-же хорошо уложится рядомъ съ матеріалистическими воззрѣніями, какъ укладывается съ ними, напр., фактъ передачи энергіи лучеиспусканіемъ, но появленіе ея — одинъ изъ признаковъ того движенія по новому пути, которое теперь начинается и пойдетъ несомнѣнно съ быстрымъ ускореніемъ. Замѣтные успѣхи на немъ легко отмѣтить. Сначала — полное отрицаніе всякихъ явленій гипноза (месмеризма); затѣмъ, мало-по-малу, признаніе тѣхъ фактовъ этой области, которые съ наибольшей легкостью подводятся подъ болѣе или менѣе привычныя для неврофизіолога воззрѣнія. То, что отвергалось до опытовъ Шарко, было потомъ принято; дебюты Ганзена дали толчекъ къ пополненію круга фактовъ новымъ матеріаломъ; но факты, твердо констатированные нынѣ

[1]) Какое глубоко-безотрадное положеніе, когда, при потерѣ достойнаго, любимаго человѣка, «остается въ утѣшеніе одно: *что онъ былъ!*» (См. «Новое Время» № 3168, отъ 31 декабря 1884 г., въ письмѣ С. П. Боткина по поводу кончины д-ра Бубнова).

въ связи съ «чтеніемъ мыслей», въ то время казались невѣроятными. У насъ, г. Сикорскій сводитъ еще все къ непосредственному ощущенію игры мышцъ; нѣсколько дальше идетъ г: Спиро, а во Франціи Рише, Льебо [1]), еще такъ недавно стоявшіе на той-же самой точкѣ зрѣнія, уже говорятъ о внушеніи, — допускаютъ вліяніе мысли, воли на разстояніи, въ то время, какъ въ Лондонѣ цѣлое ученое общество дѣлаетъ наблюденія, еще гораздо болѣе удивительныя. При этомъ почти каждый, стоящій на извѣстной ступени этой лѣстницы, тщится отрицать то, что уже признано на высшихъ ступеняхъ и, отрицая, воображаетъ, что сохраняетъ такимъ образомъ точку зрѣнія истиннаго просвѣщенія и прогресса. Напрасный трудъ! Факты возьмутъ свое, и начатый путь приведетъ туда-же, куда пришли Уаллэсъ, Цёлльнеръ, Вагнеръ, Гелленбахъ, Круксъ и проч.

Увѣренныя слова этихъ ученыхъ звучатъ еще дико для большинства ихъ коллегъ. Такое явленіе законно: къ новому убѣжденію, какъ и къ признанію новаго факта, большинство подходитъ лишь постепенно, исподоволь привыкая къ своему движенію и къ новому положенію на каждой ступени. То, что бросается въ глаза наблюдателю, достигшему верхнихъ ступеней, остается пока еще неправдоподобнымъ, страннымъ и непонятнымъ для недошедшихъ туда. Но путь начатъ, и достиженіе этихъ верхнихъ ступеней обезпечено, а вмѣстѣ съ нимъ — и переворотъ въ міровоззрѣніяхъ.

Стоитъ особенно отмѣтить, что необходимость такого достиженія и переворота, — величайшая потребность въ нихъ — опредѣленно отмѣчается и не со стороны адептовъ реальнаго знанія. Натуралистъ, констатируя явле-

[1]) См. Газету «Новости» отъ 31 декабря 1884 г.

ніе, изучая его на пользу чистой науки, можетъ и не задаваться вопросомъ о томъ, велика ли въ данное время нужда въ такомъ изученіи; но для мыслителя, касающагося субъективной природы человѣка, вопросъ этотъ существенъ, и въ отвѣтъ на него мы слышимъ слѣдующее: «Расшатанность убѣжденій, хаотическое состояніе умовъ, оскудѣніе нравственной стороны въ ежедневной жизни и безсиліе теоріи поставить ее твердо и прочно, указываютъ на потребность кореннаго переворота въ воззрѣніяхъ современныхъ людей» [1]). Это печальное состояніе вытекаетъ изъ того, что «въ наше время идеалы и надежда ихъ достигнуть исчезли, а съ ними и бодрость духа». «Современный человѣкъ извѣрился въ общіе и отвлеченные идеалы. Въ удѣлъ ему остались одни личные, индивидуальные; но ими онъ не можетъ удовлетвориться, и глубоко страдаетъ» [2]).

На вопросъ о томъ, какъ и почему прежде лучше жилось человѣку, находимъ справедливый отвѣтъ: «Религія давала ему точку опоры, руководство въ жизни, утѣшеніе въ скорби и страданіяхъ; мышленіе, знаніе отняло у него эту путеводную нить» [3]). Но тѣ же мышленіе и знаніе одарили человѣчество и множествомъ благъ; отречься отъ знанія и мышленія, человѣкъ не воленъ, — это значило бы перестать быть человѣкомъ. Къ счастью, развитіе самого знанія является единственнымъ и лучшимъ средствомъ леченія тѣхъ душевныхъ ранъ, которыя нанесены его одностороннимъ приложеніемъ. Съ глубокимъ убѣжденіемъ примыкаю я къ справедливымъ словамъ автора «Задачъ этики»: «Ре-

[1]) См. *К. Д. Кавелина*: «Задачи этики», стр. 42.

[2]) Тамъ же, стр. 100 и 101.

[3]) Тамъ же, стр. 104.

зультаты знаній подготовляютъ коренную перемѣну въ современномъ научномъ міровоззрѣніи, не дающемъ отвѣта на запросы личной индивидуальной жизни» [1]. Вмѣстѣ съ нимъ и я скажу съ полной увѣренностью:— «развитіе знаній приводитъ насъ снова къ религіи и научной этикѣ» [2]. Но мнѣ кажется, что способъ, которымъ долженъ произойти этотъ возвратъ,—путь, при которомъ объективное примкнетъ къ субъективному и факты облегчатъ человѣку самопознаніе — представляется яснымъ и опредѣленнымъ только съ моей точки зрѣнія, т. е. при условіи достаточнаго развитія объективнаго знанія въ новомъ пролагаемомъ нынѣ направленіи. Помимо этого развитія, помимо новыхъ фактовъ, возможность того сліянія, при которомъ знаніе можетъ и должно явиться опорой религіи — представляется довольно туманной; приходится вѣрить въ эту возможность, а не убѣждаться въ ней, и, конечно, многіе окажутся неспособными къ такой вѣрѣ.

Съ моей точки зрѣнія, очевидно, еще болѣе «людямъ вѣрующимъ и людямъ науки и знанія, горячо принимающимъ къ сердцу нравственное развитіе и совершенствованіе людей не на одныхъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ, нѣтъ причины и повода враждовать между собою» [3]. Но, къ сожалѣнію, «запросы, требованія, системы и теоріи перемѣшались и перепутались до того, что невозможно различить лагерей, и въ общей свалкѣ борющіеся за-частую бьютъ своихъ, принимая ихъ за враговъ» [4]. Дѣйствительно, мы часто видимъ, какъ оберегатели общественныхъ умственныхъ и нравствен-

[1]) Тамъ же, стр. 106.
[2]) Тамъ же, стр. 107.
[3]) Тамъ же. стр. 84.
[4]) Тамъ же, стр. 1.

ныхъ интересовъ оказываются неразпознавшими своего возникающаго пособника и, преслѣдуя его, сами наносятъ, къ сожалѣнію, удары тому дѣлу, которое мнятъ защищать. Вредъ подобной слѣпой борьбы, идущей на руку противникамъ, очевиденъ; но борьба эта и тщетна, потому что является въ сущности преслѣдованіемъ фактовъ. Она можетъ замедлить движеніе знанія и здоровой мысли, но остановить его не въ состояніи.

10 января 1885 года.

XIV.

СЕАНСЪ „МЫСЛЕННАГО ВНУШЕНІЯ“ ВЪ РЕДАКЦІИ „РЕБУСА“.

(„Ребусъ“ 10 февраля, 1885 г.).

Передавая въ печать послѣднюю часть моего реферата статьи Рише, я не ожидалъ, что мнѣ такъ скоро придется опять говорить о томъ же предметѣ. Еще менѣе ожидалъ я, что буду вести рѣчь о видѣнномъ, испытанномъ лично и, притомъ, о явленіяхъ несравненно болѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ чѣмъ тѣ, о которыхъ пишетъ Рише. Опредѣленность эта была такова, что устраняла всякую надобность въ приложеніи теоріи вѣроятностей, къ помощи которой Рише прибѣгалъ такъ успѣшно,—неудачныхъ опытовъ между видѣнными мною было очень немного.

Опыты, о которыхъ я говорю, интересны еще и въ томъ отношеніи, что они производились съ тѣми самыми лицами, которыя предоставили себя въ распоряженіе коммисіи недавно составившейся изъ ученыхъ врачей, той коммисіи, краткія извѣстія о которой недавно помѣщены были въ «Ребусѣ» (№№ 3 и 4-й). Считаю себя вправѣ назвать этихъ лицъ: это—М. П. Гедеоновъ и двѣ дѣвицы Грешнеръ. Всѣ они могутъ быть причислены къ лицамъ, упражнявшимся въ при-

нятіи «мысленныхъ внушеній», т. е. такими, надъ какими Рише опытовъ не дѣлалъ, но дѣлало Лондонское Общество для психическихъ изслѣдованій. Опредѣленность результатовъ конечно много зависитъ отъ упомянутаго упражненія.

Опыты происходили въ четвергъ, 31 января, въ редакціи «Ребуса». Они даютъ нѣкоторое понятіе о томъ, какія явленія приходится наблюдать нашимъ ученымъ врачамъ, составляющимъ коммисію. Не ошибусь, конечно, если буду теперь утверждать, что гг. члены коммисіи несомнѣнно должны быть въ высшей степени заинтересованы результатами своихъ наблюденій.

Приступая къ описанію видѣннаго, я прежде всего устраню то предположеніе, къ которому недавно еще обыкновенно прибѣгали, но которое теперь, кажется, все болѣе и болѣе теряетъ свой вѣсъ въ глазахъ всѣхъ благоразумныхъ людей. Предположеніе это заключается въ томъ, что все общество, въ средѣ котораго наблюдаются тѣ или другія необычныя явленія, дѣлится на двѣ противоположныхъ категоріи: *дурачимыхъ* и *дурачащихъ*. На нелѣпость этого ходячаго объясненія указываетъ и Рише. Въ данномъ случаѣ, я не вижу ни малѣйшаго повода придавать ему хоть тѣнь вѣроятности.

Для удобства изложенія буду называть «субъектомъ» лицо, подвергающееся внушенію, и «внушителемъ» — то лицо, мысли котораго «субъектъ» долженъ воспринять. Замѣчу еще, что, при постановкѣ задачи, которую субъектъ долженъ разрѣшить, этотъ послѣдній удаляемъ былъ въ другую комнату. Внушителю, разумѣется, каждый разъ было хорошо извѣстно, что́ предположено къ выполненію.

Опытъ первый. Субъектъ — М. П. Гедеоновъ. Вну-

шитель прямо прикасается къ рукѣ субъекта. Задача: снять стеклышко съ одной изъ свѣчей въ жирандолѣ и надѣть его на соотвѣтствующую свѣчу въ другомъ жирандолѣ, находящемся на другомъ столикѣ.

Субъектъ съ завязанными глазами прямо направляется къ назначенному жирандолю и послѣ нѣсколькихъ попытокъ и ощупываній то той, то другой свѣчи дѣйствительно снимаетъ назначенное стекло. Быстро и рѣшительно перейдя затѣмъ къ другому жирандолю, онъ также ощупываетъ назначенную свѣчу и наконецъ надѣваетъ на нее стеклышко, какъ было задумано.

Не отвергая возможности предположить, что въ *этомъ* случаѣ передача внушеній условливалась ощущеніемъ игры мышцъ, я нахожу однако же, что, въ виду сложности задачи, предположеніе это представляется довольно шаткимъ. Если же принять во вниманіе удачу опытовъ, произведенныхъ безъ непосредственнаго прикосновенія, то упомянутое предположеніе и для даннаго случая представляется излишнимъ.

Второй опытъ. Тотъ-же субъектъ. Глаза опять завязаны, какъ и во всѣхъ опытахъ съ нимъ. *Прямаго прикосновенія нѣтъ:* внушитель держитъ одинъ конецъ золотой цѣпочки отъ часовъ, длиною около $^3/_4$ аршина, а другой конецъ ея въ рукахъ у субъекта. Цѣпочка не только не натянута, но виситъ большимъ изгибомъ.

Вполнѣ согласно назначенію, субъэктъ подходитъ къ опредѣленному лицу, разстегиваетъ у него сюртукъ, вынимаетъ часы изъ жилетнаго кармана, отстегиваетъ цѣпочку отъ жилета, и затѣмъ быстро передаетъ часы другому лицу—тому, которому было предположено.

Третій опытъ. Тотъ же субъектъ. Для сообщенія его съ внушителемъ взята длинная желѣзная цѣпь, до того еще не служившая для этой цѣли. Опытъ не удался

Самая неудача здѣсь довольно поучительна. Еслибы все дѣло заключалось въ условленныхъ заранѣе знакахъ между внушителемъ и субъектомъ, т. е. въ стараніи ввести другихъ присутствующихъ въ заблужденіе, то почему бы, спрашивается, не удасться этому именно опыту, удача котораго, при значительной длинѣ цѣпочки, явилась-бы особенно поразительною? Если же отбросить нелѣпое предположеніе объ «умышленномъ введеніи въ заблужденіе», то является интереснымъ другое обстоятельство, — неудача при *новой* цѣпочкѣ, тогда какъ подобные опыты съ длинными проводниками бываютъ иногда и удачны. Въ опытахъ внушенія, какъ и въ медіумическихъ, явленія происходятъ менѣе легко, если предметъ, имѣющій въ нихъ какое либо значеніе, взятъ для этой цѣли еще въ первый разъ. Это хорошо извѣстно людямъ, знакомымъ съ явленіями.

Четвертый опытъ. Субъектъ — дѣвица Грешнеръ старшая. *Непосредственнаго прикосновенія нѣтъ*, а взята та же часовая цѣпочка. Четыре карты розданы, по одной, четверымъ изъ присутствующихъ; на столѣ положена часть другой колоды, въ томъ числѣ и 4 карты одинаковыя съ розданными. Возвратясь въ залу, субъектъ перебираетъ, по одной, карты, лежащія на столѣ; безъ колебанія останавливается на картѣ назначенной, какъ только ее встрѣтитъ, и передаетъ поочередно и безошибочно каждую изъ четырехъ картъ тому лицу, у котораго находится соотвѣтствующая карта другой колоды. Все это было выполнено замѣчательно легко и быстро.

Пятый опытъ. Тотъ же субъектъ. Цѣпочка отложена на этотъ разъ въ сторону. Внушитель держитъ свою руку на разстояніи 3 — 4 вершковъ отъ руки

субъекта, нисколько *не прикасаясь къ нему во все время опыта.*

Десятка два картъ разложены на столѣ. Двѣ карты другой колоды отданы двоимъ изъ присутствующихъ. Субъектъ касается разныхъ картъ, лежащихъ передъ нимъ, выбираетъ не колеблясь сначала одну назначенную, потомъ и другую, и передаетъ ихъ лицамъ, у которыхъ находятся соотвѣтствующія карты другой колоды.

Шестой опытъ. Субъектъ—дѣвица Грешнеръ младшая. Повторенъ приблизительно такой-же опытъ, но надъ одной картой и при помощи часовой цѣпочки, какъ проводника. Результатъ вполнѣ удаченъ.

Не описывая теперь по порядку дальнѣйшихъ опытовъ, въ которыхъ между многими удачными, было и 2—3 случая неудачи, я укажу лишь на болѣе выдающіеся опыты, называя ихъ, для бо́льшей видимости, 7-мъ, 8-мъ и т. д., хотя на дѣлѣ, въ ряду всѣхъ опытовъ, имъ и не принадлежала бы эта цифра.

Седьмой опытъ. Субъектъ—М. П. Гедеоновъ. Внушитель дѣйствуетъ на нѣкоторомъ разстояніи, *безъ помощи всякаго прикосновенія и безъ цѣпочки.*

Изъ 10 разложенныхъ на столѣ картъ, субъектъ выбираетъ одну, задуманную, и передаетъ ее, согласно назначенію, А. Н. Аксакову.

Восьмой опытъ. Тотъ-же субъектъ, и также *безъ прикосновенія и безъ цѣпочки.*

Пройдя по комнатѣ, куда слѣдовало, онъ беретъ военную фуражку, идетъ съ нею въ другую сторону и, послѣ довольно продолжительнаго колебанія близъ другихъ лицъ, рѣшительно надѣваетъ фуражку на голову А. Н. Аксакова,—все, какъ было предположено.

Девятый опытъ. Интересъ его заключался для меня

въ томъ, что самъ я служилъ посредствующимъ «звеномъ» внушенія. Субъектомъ была дѣвица Грешнеръ старшая. Я слегка держалъ ее за лѣвую руку повыше кисти, а внушитель точно также держалъ меня. Задача мнѣ оставалась неизвѣстною. Закрывши глаза, я добросовѣстно старался, во время опыта, не обнаруживать собственной воли и ни о чемъ особенно не думать, поддаваясь вмѣстѣ съ тѣмъ легко каждому движенію лицъ, находившихся со мной въ прикосновеніи. Ощущеніе мое было таково, что по большей части меня заставлялъ двигаться субъектъ, иногда-же, быть можетъ, и внушитель.

Долго ходили мы по комнатѣ туда и сюда, и это заставляло меня догадываться, что опытъ нашъ удается плохо. Къ моему удивленію, оказалось совсѣмъ обратное: задача заключалась въ томъ, что субъектъ долженъ былъ взять отдѣльно одинъ за другимъ, три куска хлѣба изъ стоявшей на столѣ корзины, отнести каждый изъ нихъ, поочередно, на особое назначенное мѣсто и положить тамъ. Все это было въ точности выполнено.

Десятый опытъ съ тѣмъ-же субъектомъ. Кромѣ меня, вторымъ «звеномъ» всталъ мой сотоварищъ, профессоръ Н. П. Вагнеръ. Внушитель держалъ за руку Вагнера, Вагнеръ меня, а я, по прежнему — субъекта. Задача выполнена успѣшно. Состояла она въ томъ, что былъ взятъ назначенный предметъ, находившійся въ залѣ, и перенесенъ на другое опредѣленное мѣсто въ той-же комнатѣ.

Наконецъ, я самъ попробовалъ выступить, сначала, въ роли внушителя, а потомъ—и въ роли субъекта.

Одиннадцатый опытъ. Субъектъ—М. П. Гедеоновъ. Я держу его за лѣвую руку. Задача, поставленная

мной и *остававшаяся извѣстной во время опыта только мнѣ одному*, заключалась въ томъ, чтобы подойти къ роялю и взять бѣлыя, свернутыя въ клубокъ, перчатки, лежавшія въ одной изъ шапокъ. Само собою разумѣется, что я старался по возможности не влiять на субъекта какими либо движеніями моей, державшей его, руки, и дѣйствовалъ, такъ сказать, только волею и яснымъ представленіемъ того, что должно быть сдѣлано, стараясь при этомъ расчленять послѣдовательно мои представленія. Такое расчлененіе—сказали мнѣ—весьма существенно для успѣха опыта.

Очень скоро субъектъ, не колеблясь, направился къ роялю, и здѣсь началъ ощупывать, трогать и мять руками разные предметы; онъ начиналъ не разъ немного протягивать руку и къ назначенной шапкѣ съ перчатками, которая лежала около средины инструмента, но задача моя осталась невыполненною.

Здѣсь стоитъ передать мои личныя впечатлѣнія, хотя, разумѣется, имъ нельзя придавать другаго значенія, какъ только значенія нѣкотораго намека и указанія на то, что внушитель, сознательно слѣдя за собой, можетъ, пожалуй, замѣтить кое-что не лишенное интереса.

Когда субъектъ, подойдя къ роялю, сталъ брать черную шапку, то я сосредоточилъ свое вниманіе и волю на бѣломъ цвѣтѣ предмета, который надлежало взять—и вслѣдъ за этимъ субъектъ взялся за бѣлый предметъ, за номеръ «Ребуса», лежавшій тутъ-же. Тогда вниманіе мое устремилось на то, что назначенный предметъ свернутъ—и субъектъ сталъ мять бумагу, находившуюся у него въ рукахъ.

Двѣнадцатый опытъ. Субъектомъ служу я самъ; глаза у меня завязаны. Внушитель держитъ меня за лѣвую руку, надъ кистью. Предположено было — какъ

я узналъ послѣ—чтобы я подошелъ къ роялю и ударилъ пальцемъ по клавишу, что и было мной довольно скоро исполнено.

Само собою разумѣется, что, во время опыта, я старался отрѣшиться отъ собственной воли и дѣйствовать, такъ сказать, автоматически.—Не могу ручаться, чтобы прямое воздѣйствіе мышцъ внушителя не играло роли въ совершеніи мною тѣхъ или другихъ движеній; но думаю, что это во всякомъ случаѣ трудно отнести ко *всѣмъ* моимъ движеніямъ, напр. къ движеніямъ правой руки. Ощущеніе мое опредѣлю я, кажется, всего ближе, если скажу, что дѣло происходило такъ, какъ будто-бы *мои* мышцы сокращались безъ участія *моей* воли.

Крайне интересно будетъ, если между врачами, производящими опыты въ коммисіи, найдутся лица, способныя подвергаться внушенію. А въ томъ, что они могутъ найтись — сомнѣваться трудно. «Субъектъ»-врачъ, какъ лицо способное психологически и физіологически анализировать свои ощущенія и дѣйствія, какъ произвольныя, такъ и не произвольныя, несомнѣнно будетъ въ состояніи сообщить не мало интереснѣйшихъ данныхъ къ вопросу о «мысленномъ внушеніи».

XV.

МЕДІУМИЗМЪ И УМОЗРѢНІЕ БЕЗЪ ОПЫТА.

ОТВѢТЪ Г. СТРАХОВУ.

(„Новое Время", 27 авг. 1885 г.).

Винюсь, я нѣсколько запоздалъ отвѣтомъ г. Страхову. Самъ онъ, однако же, болѣе года собиравшійся выступить противъ меня со своими возраженіями, не вправѣ ожидать поспѣшности съ моей стороны. Виноватъ я передъ тѣми немногими, которые не пропустили безъ вниманія нашего спора и относятся, значитъ, небезучастно къ его предмету. Для нихъ собственно я и пишу теперь, такъ какъ сильно сомнѣваюсь въ возможности сдвинуть сколько-нибудь самого г. Страхова съ его «умозрѣній», столь опредѣленно рѣшающихъ *для него* вопросы *физическаго* міра. Г. Страховъ, размышляя, считаетъ себя познавшимъ сущность вещества, а я, экспериментируя всю жизнь, очень далекъ отъ того, чтобы претендовать на такое знаніе; для него безъ опыта ясно то, что возможно и что невозможно въ мірѣ явленій, для меня же вопросъ этотъ выясняется только путемъ фактовъ; въ качествѣ бывшаго реалиста, не знающаго нынѣ «гдѣ запропастился» у

него магистерскій дипломъ—г. Страховъ считаетъ правильнымъ игнорировать явленія, несогласныя съ его умозрѣніемъ, а я, продолжая оставаться естествоиспытателемъ, нахожу такое отношеніе къ фактамъ «бунтомъ противъ науки» и квалификацію бунтовщиковъ этого рода принужденъ сложить съ больныхъ головъ «ученыхъ спиритовъ» на здоровую голову г. Страхова. Сойтись въ убѣжденіихъ намъ, очевидно, надежды мало; но я, подобно самому г. Страхову, радъ спорить изъ-за цѣли, для нѣкотораго уясненія дѣла. Не могу поэтому не быть ему благодарнымъ за то вниманіе, съ которымъ онъ отнеся къ моей брошюрѣ и за самое возбужденіе полемики.

Я желалъ бы только видѣть у г. Страхова немножко болѣе осторожности и снисходительности къ чужимъ убѣжденіямъ. Онъ былъ бы тогда нѣсколько разборчивѣе въ выраженіяхъ. По этому поводу позволю себѣ сообщить къ свѣдѣнію г. Страхова то, что сказалъ недавно своему противнику одинъ изъ моихъ сотоварищей по наукѣ:

«Неужели вась никогда не дѣлало недовѣрчивымъ къ себѣ то обстоятельство, что слова и мысли, которыя вы приписываете своимъ противникамъ, такъ глупы? Я еще хорошо помню изъ времени моего студенчества, что мнѣ случалось подчасъ, при горячихъ спорахъ, выходить изъ себя отъ неразумія возраженій моего противника и не понимать, какъ могла подобная мысль зародиться въ человѣческой головѣ. А потомъ всегда оказывалось, что я не понялъ возраженія. почти Позже я убѣдился изъ опыта, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нормальная личность кажется говорящей вопіющую нелѣпость, правильнѣе повременить съ подобнымъ заключеніемъ. Это придало мнѣ

болѣе осторожности, чѣмъ сколько я нахожу ея въ васъ» [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, интересно бы знать, изъ какихъ словъ *ученыхъ* медіумистовъ извлекъ г. Страховъ ту кучу нелѣпостей, которую онъ рѣшается взваливать на нихъ. Изъ чего слѣдуетъ, напр., что «малѣйшее движеніе стола, малѣйшій стукъ, который въ немъ раздается, представляетъ для спиритовъ уже нарушеніе закона энергіи, и только въ качествѣ такого нарушенія и признается за медіумическое явленіе»? Откуда взялъ г. Страховъ, что «нѣтъ физическихъ причинъ», производящихъ медіумическіе звуки, что «физическія явленія» медіумическаго характера «необъяснимы изъ законовъ физическаго міра» и происходятъ «вопреки этимъ законамъ» и проч. и проч.? Значитъ ли это обнаруживать къ своей и чужой рѣчи то уваженіе, въ недостаткѣ котораго г. Страховъ упрекаетъ своихъ противниковъ. А для того, чтобы познакомить г. Страхова съ тѣмъ, какъ поборники медіумизма дѣйствительно смотрятъ на эти явленія, мнѣ очень хотѣлось бы отослать его къ едва ли читаннымъ имъ статьямъ Цёлльнера. Заодно съ Цёлльнеромъ утверждаю и я, что «ученымъ спиритамъ» вовсе не приходится «отказываться» отъ *дѣйствительныхъ* «основъ науки», а предстоитъ только, сообразно съ новыми фактами, измѣнять и расширять эти основы. Или г. Страховъ не въ шутку признаетъ, что «основы» уже постигнуты до конца имъ, г. Страховымъ, и современной физикой? Несомнѣнная реальность фактовъ медіумизма всего лучше свидѣтельствуетъ о шаткости кое-какихъ современныхъ «основъ»

---

[1]) Оствальдъ — въ открытомъ письмѣ къ „Альбрехту Рау (брошюра «In Sachen der modernen Chemie»), стр. 7-я.

и о недостаточности извѣстныхъ «законовъ». Что же касается моего, изобрѣтаемаго г. Страховымъ, «впаденія» въ «странный обманъ» и «вовлеченія» въ него «другихъ», то мнѣ хорошо извѣстно, что не я впадаю въ обманъ, идя отъ факта къ заключенію, а обманываетъ себя г. Страховъ, отворачиваясь отъ фактовъ въ угоду своему «умозрѣнію». На этотъ несомнѣнно ложный и ненаучный путь хотѣлъ бы онъ, кажется, увлечь и другихъ; но это было бы дурной услугой знанію и плохо согласовалось бы съ тѣми «высокими цѣлями», о своемъ сочувствіи къ которымъ заявлялъ г. Страховъ. То, что говоритъ онъ относительно насъ, я готовъ повторить и въ приложеніи къ нему самому: «я желалъ бы принудительно, насильно привести противниковъ къ мысли, что они должны оставить дорогу, на которую вышли» (т. е. должны отказаться отъ *апріористическаго* отрицанія *фактовъ*) «и что имъ необходимо искать другаго выхода», т. е. добросовѣстно и терпѣливо познакомиться съ фактами, и только потомъ уже доказывать намъ — если они и тогда сочтутъ себя вправѣ это дѣлать — какъ, въ чемъ и почему впадаемъ мы въ заблужденіе. Это дѣйствительно бы значило «стать съ нами на одну почву»; теперь же г. Страховъ вовсе не имѣетъ права говорить, что это имъ сдѣлано: какая тутъ одна почва, когда одинъ толкуетъ о фактѣ, какъ основѣ умозрѣнія въ данномъ случаѣ, а другой умозрительно отвергаетъ фактъ?

Если бы желаніе мое исполнилось, и г. Страховъ, строго осуществивъ на дѣлѣ свое намѣреніе относительно «стаavанія на одну съ нами почву», взялся за факты, тогда и «Ребусъ», какъ органъ добросовѣстно и толково относящійся къ этимъ фактамъ, не вызывалъ бы въ немъ нынѣшняго высокомѣрнаго отноше-

нія, оправдаемаго только самодовольнымъ незнаніемъ читающаго.

Я могъ бы разбирать письмо г. Страхова съ самаго начала и доказывать, что, съ одной стороны, «для опыта» вовсе не «все возможно», а съ другой — здравое умозрѣніе невозможно безъ опыта, — что правиленъ только тотъ путь, гдѣ опытъ и умозрѣніе идутъ рука объ руку въ гармоническомъ сочетаніи. Но все это не затрогивало бы самой сути дѣла, которой посвящаетъ г. Страховъ послѣднюю четверть своего письма. Перейду поэтому прямо къ ней, предпославши лишь одно маленькое поясненіе.

Я дѣйствительно сдѣлалъ промахъ, не высказавшись съ самаго начала съ достаточной опредѣленностью въ томъ смыслѣ, что «законъ вѣчности матеріи», какъ нѣчто отдѣльное отъ закона сохраненія всякой сущности, «неотразимо вытекаетъ апріорнымъ путемъ» *только подъ условіемъ* обычнаго взгляда на вещество, какъ на особую, самостоятельную сущность — взгляда, котораго придерживается г. Страховъ, но котораго совсѣмъ не держусь я. Этимъ промахомъ я доставилъ г. Страхову напрасную «радость» и «ввелъ его въ заблужденіе». Г. Страхову показалось что я «очевидно, противорѣчу себѣ». Сознаюсь и каюсь — поводъ къ «радости» и «заблужденію» дѣйствительно данъ мной — хотя и неумышленно — на все то время, которое употребляетъ читатель на то, чтобы дойти до слѣдующей страницы. На ней г. Страховъ нашелъ мой собственный взглядъ, и его радость была, увы, непродолжительна.

Странно, однако же, что и прочтя эту страницу, г. Страховъ продолжаетъ, кажется, считать меня согласнымъ съ тѣмъ, что «*умозрѣніе* даетъ намъ *два* закона: законъ сохраненія вещества и законъ сохране-

нія энергіи». Приступая къ существенной части вопроса (IV глава письма), онъ на этомъ именно основаніи обвиняетъ меня въ томъ, что я будто бы «все перемѣшалъ», а потомъ приписываетъ мнѣ, въ четырехъ особыхъ пунктахъ, «ходъ мыслей» собственнаго изобрѣтенія и, въ концѣ концовъ, заявляетъ, что «такое разсужденіе» (выдуманное, замѣтьте, г. Страховымъ, но вовсе не предлагаемое мною) «ниже всякой критики». По неволѣ опять вспомнишь приведенныя выше слова моего коллеги!

О томъ, что говорю я въ своей брошюрѣ относительно шаткости нашихъ понятій о веществѣ, г. Страховъ — ни слова: *вещественный атомъ* для него данъ и несомнѣненъ отдѣльно отъ силы, тогда какъ я склоненъ отвергать его существованіе; г. Страховъ выходитъ изъ того, достовѣрность чего я отрицаю. Мудрено ли послѣ этого, что намъ трудно сойтись. При этомъ я несомнѣнно имѣю право упрекнуть г. Страхова въ томъ, въ чемъ обвиняетъ онъ меня: «онъ не хочетъ вникнуть въ мою постановку вопроса». Наполнивъ большую часть своего письма если не излишнимъ, то не существеннымъ, г. Страховъ почти не останавливается на основномъ; а между тѣмъ онъ самъ говоритъ, что ему *слѣдовало бы* «изожить въ истинномъ (?) смыслѣ оба главные физическіе закона» и что предметъ заслуживаетъ «не тѣхъ немногихъ строкъ, которыми мнѣ (г. Страхову) придется здѣсь ограничиться». Зачѣмъ же стало дѣло? Отчего бы не посвятить письмо именно этимъ основамъ, вмѣсто того, чтобы ограничиваться голословнымъ утвержденіемъ извѣстныхъ положеній, которыя святы и ненарушимы для него, г. Страхова, а совсѣмъ не для меня.

Г. Страховъ ссылается на то, чему учитъ физика, и

на то, какъ смотритъ на дѣло механика. Повидимому, г. Страховъ думаетъ, что науки эти познаютъ и объясняютъ явленія физическаго міра въ ихъ *дѣйствительной сущности*, что расчлененіе вещества на атомы, свободные отъ всякой силы, и отвлеченіе понятія о силѣ отъ инертнаго атома—лежатъ въ самой природѣ дѣла, а не представляютъ простой пріемъ нашего сужденія, обусловливаемый не «вещами по себѣ», а нашей субъективной природой. Въ этомъ-то и лежитъ корень его заблужденія и нашего несогласія.

Вещество, говоритъ г. Страховъ, «не терпитъ никакихъ превращеній». При этомъ онъ, очевидно, разумѣетъ атомы, принимаемые теоріей, а не тѣла, аггрегаты атомовъ, которые мы на самомъ дѣлѣ наблюдаемъ. Эти послѣдніе подвержены, напротивъ, явнымъ и постояннымъ превращеніямъ. Если же вопросъ касается *атомовъ*, то пусть г. Страховъ попробуетъ прежде всего доказать, что они не фикція, а существуютъ на дѣлѣ. Но если даже допустить реальное существованіе атомовъ, то мыслить эту реальность безъ силы невозможно: атомъ неспособный дѣйствовать эквивалентенъ атому несуществующему — онъ нуль въ физичесокй природѣ. И выходитъ, что отдѣленіе вещества отъ силы, причины отъ дѣйствія, и силы отъ вещества—есть не болѣе, какъ извѣстный пріемъ сужденія. Такимъ пріемомъ и пользуется механика; но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы онъ непререкаемо соотвѣтствовалъ дѣйствительной сущности явленій.

Первый изъ тѣхъ пунктовъ, на которые г. Страховъ самовольно разлагаетъ мой «ходъ мыслей», я дѣйствительно вполнѣ принимаю: *сущность сохраняется*—это для меня умозрительная истина, аксіома. На этомъ, однакоже, дѣло и оканчивается: допущеніе двухъ от-

дѣльныхъ сущностей, вещества и энергіи — я не считаю правильнымъ съ философской точки зрѣнія, а «приведеніе ихъ къ единству» основываю вовсе не на «требованіи умозрѣнія», а на томъ, что нѣтъ вещества безъ силы, количество же силы далеко не всегда пріурочивается къ количеству вещества. Послѣднее низводится иногда до минимума, а энергія остается и даже возрастаетъ; въ громадныхъ размѣрахъ находимъ мы ее и тамъ, гдѣ уже совсѣмъ отсутствуютъ обычные признаки вещественности. Лучеиспусканіе, тяготѣніе, представляютъ примѣры, указанные мной и благоразумно оставленные въ сторонѣ г. Страховымъ.

Говоря о сохраненіи энергіи, какъ о механической теоремѣ, г. Страховъ, повидимому. понимаетъ подъ именемъ «вещества» *массу*, которая, рядомъ со *скоростью*, нужна механику для выраженія количества энергіи. Пусть механикъ и пользуется этими понятіями,—онъ будетъ совершенно правъ въ своей области; но приписывать «массѣ» постоянную неизмѣнность на дѣлѣ и всегдашнюю реальность—я не считаю возможнымъ. Нельзя говорить серьезно о «массѣ» частицъ эфира, колеблющихся въ лучѣ, или о массахъ въ средѣ, передающей тяготѣніе, какъ о *реальныхъ объектахъ*, и не видѣть, что это лишь извѣстный пріемъ математическаго сужденія. «Масса», какъ количество *вѣсомаго* вещества, въ реальной природѣ для насъ доступна и понятна; «масса» частицъ невѣсомыхъ, всепроникающихъ — становится фикціей, отвлеченіемъ.

Было время, что подобные вопросы казались мнѣ простыми и ясными; но оно давно прошло для меня. Не отвергаю при этомъ, что знакомство съ фактами, столь упорно игнорируемыми нашими противниками, играло тутъ не маловажную роль; но и помимо этихъ

фактовъ достаточно, мнѣ кажется, взглянуть на дѣло поглубже, немножко отрѣшившись отъ школьныхъ понятій, чтобы познать свое незнаніе въ такихъ вопросахъ. А г. Страховъ, должно быть, еще продолжаетъ приписывать нашему теперешнему знанію больше того, чѣмъ оно заслуживаетъ.

Попробую пояснить примѣрами, какъ трудно иногда говорить о «массѣ» не въ математической механикѣ, а въ реальной природѣ. Опредѣлять «массу», т. е. мѣрить количество вещества умѣемъ мы только по объему или по вѣсу. Г. Страховъ знаетъ какъ шатокъ первый способъ: къ веществу прибавлена энергія въ теплотной формѣ, и объемъ его увеличился; электризація также можетъ иногда измѣнять объемъ. А вѣдь количество вещества осталось прежнее, — и выходитъ, пожалуй, что энергія тоже можетъ «занимать пространство». Измѣреніе количества вещества по вѣсу удобнѣе; оно предпочтительно и употребляется; но развѣ и оно представляетъ абсолютный характеръ? Пока мы употребляемъ вѣсы и гири, т. е. для измѣренія величины земнаго притяженія, которое падаетъ на долю извѣстнаго предмета, пользуемся тѣмъ же самымъ притяженіемъ, устраняя другія, то дѣло просто. Но возьмемъ для мѣры другую силу, силу молекулярную, напр. упругость, т. е. употребимъ динамометръ, пружинные вѣсы достаточной чувствительности. Вѣдь тогда показаніе инструмента для одной и той же массы вещества будетъ различно, смотря по широтѣ мѣста, въ которомъ производится опытъ. Или — еще лучше; помѣстивши вѣсы близь желѣзнаго предмета, мы взвѣшиваемъ кусокъ стали, а потомъ намагничиваемъ сталь. Показаніе вѣсовъ измѣняется; но развѣ количество вещества измѣнилось? Между тѣмъ, если бы мы не знали магнитизма,

то, наткнувшись при взвѣшиваніяхъ случайно на только-что указанныя условія, мы, на первый разъ, затруднились бы признать количество вещества неизмѣнившимся. Смотря по состоянію вещества, его отношеніе къ извѣстному роду притяженія — магнитному, электрическому—можетъ измѣняться; почему же—спрашивается—должны мы считать неизмѣннымъ его отношеніе къ тому роду притяженія, которое зовется тяготѣніемъ и котораго напряженіе составляетъ вѣсъ? Не наблюдались условія, при которыхъ это измѣненіе произошло бы на дѣлѣ? — Ну, а если эти условія еще неизвѣстны и когда либо намъ представятся, будутъ найдены, тогда что?

По отношенію къ вопросу о неизмѣнности вѣса, укажу г. Страхову на слова лица, которое онъ, конечно, не заподозритъ въ снисходительности къ медіумизму. Вотъ что высказалъ мой уважаемый сотоварищъ, профессоръ Менделѣевъ, въ своемъ знаменитомъ мемуарѣ «О періодическомъ законѣ»:

«Законъ сохраненія вѣса можно разсматривать какъ частный случай закона сохраненія силъ или движенія. Вѣсъ конечно обусловливается особеннымъ родомъ движенія вещества, и нѣтъ причины отрицать возможность превращенія этого движенія въ химическую энергію или въ какую либо другую форму движенія. Два свойства, представляемыя элементами въ настоящее время—постоянство атомнаго вѣса и неразлагаемость — находятся даже исторически въ тѣсномъ отношеніи между собою. Если бы, значитъ, какой нибудь изъ извѣстныхъ нынѣ элементовъ подвергся разложенію или образовался новый элементъ, то это могло бы, пожалуй, сопровождаться убылью или возрастаніемъ вѣса» [1]).

---

[1]) Liebig's Annal. Supplementband. VIII (1870), стр. 206; въ отдѣльномъ оттискѣ изъ «Moniteur scientifique» Кеневилля, стр. 36.

Итакъ, наши понятія о количествѣ вещества оказываются вовсе ни столь устойчивыми, какъ то думаетъ г. Страховъ; понятіе же о силѣ — всюду, гдѣ есть дѣйствіе; а вещества безъ дѣйствія мы не знаемъ, и внѣ дѣйствія явленія міра не подлежатъ чувственному познаванію. Надъ этимъ царитъ аксіома сохраненія сущности. Что же оказывается теперь болѣе реальнымъ, вещество ли съ своей «массой», или сила съ своимъ *дѣйствіемъ?*

Г. Страхову кажется, что мы хотимъ «найдти духовное въ мірѣ», пытаясь «отвергать физику, отрицать умозрѣніе и даже сочетать извѣстныя понятія вопреки ихъ прямому смыслу». Онъ утверждаетъ, «что такой горькой необходимости вовсе не существуетъ». Я тоже утверждаю это послѣднее за одно съ нимъ; но вполнѣ отрицаю все первое. Я утверждаю далѣе, что путь нашъ ведетъ не къ отрицанію физики и умозрѣнія, а къ расширенію науки и къ *здравому* умозрѣнію, чуждому узкой самодовольной увѣренности въ несуществованіи того, съ чѣмъ оно еще не знакомо.

Я желалъ бы, чтобы г. Страховъ не «можетъ быть», а дѣйствительно вернулся къ «темѣ: *какъ существуетъ въ мірѣ духовное*»? Мнѣ крайне интересно было бы узнать, считаетъ ли онъ духъ силой или признаетъ его существованіе внѣ всякой дѣятельности въ мірѣ явленій, сохраняя прерогативъ силы и дѣйствія для одного вещества? — «Густой туманъ», который мы, будто бы, «сами себѣ создаемъ», не облекаетъ г. Страхова; пусть же онъ выведетъ и насъ на свѣтъ, если только этотъ его свѣтъ освѣщаетъ не одинъ тотъ уголокъ, въ которомъ сидитъ г. Страховъ.

XVI.

СЕАНСЪ АВТОГРАФИЧЕСКАГО[1]) ПИСЬМА СЪ ЕГЛИНТОНОМЪ.

(„Ребусъ", 8 іюня 1886 г.)

Сеансъ происходилъ 14 мая 1886 года, въ квартирѣ академика Бутлерова, при полномъ свѣтѣ газовой аргантовой горѣлки, за раскрытымъ ломбернымъ столомъ, на которомъ лежали приготовленные акад. проф. Бутлеровымъ: одна двойная створчатая запечатанная доска грифельная, одна обыкновенная грифельная доска закрытая картонною крышкою и также запечатанная (въ этихъ доскахъ были положены: въ первой два кусочка,—а во второй кусочекъ грифеля и кусочекъ карандаша), три обыкновенныхъ и двѣ картонныхъ грифельныхъ доски и коробочка съ брусочками грифеля изъ грифельнаго карандаша. Еглинтонъ увидѣлъ означенные столъ, доски и грифеля только предъ самымъ началомъ сеанса, для котораго, съ одной стороны стола сѣлъ Еглинтонъ, справа отъ него — проф. Бутлеровъ, слѣва — проф. Доброславинъ, а насупротивъ — проф. Вагнеръ. Каждый изъ присутствующихъ, за исключе-

---

[1]) Предпочитаемъ это названіе, обозначающее «*само*-писаніе» и предложенное А. Н. Аксаковымъ, обычному, но неправильному обозначенію — «*психо*-графія».

ніемъ самого медіума, помѣтилъ каждую обыкновенную доску, написавши на рамкѣ какое-нибудь слово. Руками образовали цѣпь: Бутлеровъ взялъ въ лѣвую свою руку лѣвую руку Еглинтона, а въ правую — лѣвую руку Доброславина, на которую послѣдній положилъ и правую свою руку. Еглинтонъ взялъ потомъ свободной правой рукой одну изъ обыкновенныхъ досокъ, положилъ на нее помѣченный кусочекъ не потертаго грифеля и подвелъ ее вплотную подъ столешницу, придерживая сверхъ стола большимъ пальцемъ. Бутлеровъ предложилъ вопросъ по-англійски: «могутъ ли произойти сегодня явленія»? Присутствующіе долго ждали отвѣта и, не получая его, предложили другой вопросъ: — «не надобно ли перемѣниться мѣстами»? Вскорѣ послышалось шуршаніе грифеля по доскѣ, а потомъ раздались въ ней три слабыхъ удара, означавшивъ, что писаніе окончено. Тогда Еглинтонъ тихонько, совершенно горизонтально выдвинулъ доску изъ подъ столешницы. На сторонѣ доски обращенной къ столешницѣ, т. е. верхней, вдоль самаго дальнаго отъ медіума края доски (онъ держалъ ее за одну изъ короткихъ сторонъ) было написано четыре строки, почеркомъ обращеннымъ къ медіуму вверхъ ногами: «No. We do not think we shall be able to write upon the sealed slates to day, but we will try» [1]). Слово «No» было вѣроятно отвѣтомъ на вопросъ о перемѣнѣ мѣстъ, а остальное — отвѣтомъ на первый вопросъ. Кусочекъ грифеля, лежащій на доскѣ, былъ признанъ за тотъ самый и найденъ потертымъ съ одного уголка. Правая рука медіума или, точнѣе, большой палецъ правой руки, придерживавшій доску, оставался все время, до полученія письма, неподвиж-

[1]) «Нѣтъ. Мы не думаемъ чтобы мы могли писать сегодня на запечатанныхъ доскахъ, но мы попробуемъ».

нымъ. Цѣпь былъ теперь разомкнута и Еглинтонъ спросилъ Бутлерова, «нѣтъ ли у него какой-нибудь небольшой книги»? — «Англійской»? — «Все равно, какой-нибудь». Тогда Доброславинъ напомнилъ, что онъ принесъ запечатанный пятью печатями конвертъ, въ которомъ написано другими лицами слово ему самому неизвѣстное изъ находящейся у него въ карманѣ небольшой англійской книжки, которую онъ и вынулъ. Это оказалась «Химія» Бернайза изъ серіи краткихъ руководствъ («Chemistry». By Bernays) — брюшюра въ 128 страницъ, въ англійскомъ коленкоровомъ переплетѣ. Еглинтонъ, не прикасаясь до книги, предложилъ задумать въ цифрахъ страницу, строку и слово въ этой книжкѣ. Бутлеровъ взялъ одну изъ досокъ и написалъ на ней, незамѣтно для Еглинтона, 46 — цифру страницы; на той же доскѣ Вагнеръ написалъ 12 — цифру строки, а Доброславинъ — 5, — цифру слова, и затѣмъ доска съ цифрами была опрокинута на столъ, такъ что Еглинтонъ видѣть этихъ цифръ не могъ. Онъ взялъ другую чистую доску, съ грифелькомъ, пододвинулъ ее подъ столешницу и спросилъ: «можетъ ли удасться задуманный опытъ»? Чрезъ нѣсколько минутъ послышалось шуршаніе грифеля, раздались три стука и на доскѣ получился отвѣтъ: «Yes». Тогда Еглинтонъ положилъ на эту доску книжку проф. Доброславина и запечатанный конвертъ и пододвинулъ доску подъ столешницу, при чемъ большой палецъ правой руки его точно также оставался неподвижнымъ надъ столешницей, лѣвая же рука его вошла въ цѣпь, какъ при первомъ опытѣ; но послѣ довольно долгаго ожиданія отвѣта не получилось; Еглинтонъ два раза выдвигалъ доску изъ подъ стола, но на ней ничего написано не было. Тогда онъ положилъ ее вмѣстѣ съ книжкой и конвертомъ на столъ,

взялъ двѣ картонныя доски, положилъ между ними непотертый кусочекъ грифеля, и на двухъ углахъ по діагонали плотно свинтилъ доски двумя маленькими мѣдными зажимами, и положилъ свинченныя такимъ образомъ доски на лѣвое плечо Бутлерова, держа ихъ правой рукой, а лѣвой взялъ доску съ книгой, которую онъ ни разу не открывалъ, и подвелъ ее подъ столешницу, продолжая держать вплоть къ ней съ помощью лѣвой руки проф. Бутлерова. Остальныя руки были соединены въ цѣпь. Послѣ довольно продолжительнаго ожиданія проф. Вагнеръ предложилъ проф. Доброславину положить свою правую руку на плечо Еглинтону, оставивъ лѣвую руку свою соединенною съ его (Вагнера) правой рукой. Тотчасъ же послышалось ясное шуршаніе пишущаго грифеля между двумя свинченными картонными досками, лежавшими на плечѣ Бутлерова, и затѣмъ раздались въ нихъ три слабыхъ стука. Когда доски были розняты проф. Бутлеровымъ, то на одной изъ нихъ оказалось написаннымъ твердымъ разборчивымъ почеркомъ: «the word is compound — chimney-glass» [1]). По справкѣ въ книжкѣ было найдено на 46-й страницѣ, въ 12-й строкѣ, пятое слово «glass»; но такъ какъ оно сложное—«chimney-glass»—и «chimney» приходится четвертымъ словомъ въ строкѣ, то это обстоятельство очевидно и вызвало поясненіе: «the word is compound». У грифелька оказался одинъ уголокъ потертымъ, а внутренняя сторона другой доски обращенная къ грифелю осталась совершенно чистой. Что написанное слово находилось на указанномъ мѣстѣ въ книжкѣ — никому изъ присутствующихъ не было извѣстно. Послѣ того, на вопросъ: «можетъ ли вообще

---

[1]) «Слово сложно: chimney-glass (ламповое стекло).»

быть произведено писаніе въ запечатанныхъ доскахъ? было отвѣчено «Yes»; а вмѣсто отвѣта на какой-то другой вопросъ было написано на доскѣ крупнымъ размашистымъ почеркомъ: «Good bye» («прощайте»). Сеансъ начался въ 9 час. 20 мин. и окончился въ 10 час. вечера.

На основаніи всего описаннаго, мы приходимъ къ убѣжденію: 1) что медіумическое автографическое писаніе представляетъ вполнѣ реальный, неподдѣльный фактъ, не могущій быть отнесеннымъ къ области фокусничества и необъяснимый при помощи однихъ общепризнанныхъ механическихъ, физическихъ и химическихъ законовъ; 2) что въ немъ можетъ проявляться самостоятельная разумность, независящаяся до извѣстной степени отъ присутствующихъ на сеансѣ лицъ, и 3) что фактъ этотъ, по своей объективности, можетъ особенно удобно поддаваться наблюденію и заслуживаетъ полнаго вниманія и изученія со стороны компетентныхъ лицъ и учрежденій.

Акад. проф. **А. Бутлеровъ**. Заслуженный профессоръ, почетный членъ С.-Петербургскаго университета **Николай Вагнеръ**. Профессоръ **А. Доброславинъ**[1]).

---

[1]) Протоколъ этого сеанса помѣщается въ этомъ сборникѣ потому, что какъ самый протоколъ, такъ и заключеніе къ нему были редактированы А. М. Бутлеровымъ. Англійскій переводъ этого протокола былъ отосланъ отъ имени лицъ, подписавшихъ его, въ лондонское общество для психическихъ изслѣдованій, членами корреспондентами котораго они состояли.

Прим. издат.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Закончивъ отдѣлъ сборника всего напечатаннаго авторомъ, на русскомъ языкѣ, по вопросу о медіумизмѣ, я долженъ упомянуть, что въ «Ребусѣ» 1884 г., 16 декабря, была помѣщена краткая замѣтка А. М., подъ заглавіемъ «Не можетъ быть», вызванная сообщеніемъ, появившемся въ предшествующемъ номерѣ «Ребуса» о лекціяхъ проф. Шереметевскаго, въ Москвѣ, объ опытахъ Бишопа и столоверченіи; такъ какъ замѣтка эта непонятна безъ знакомства съ содержаніемъ помянутаго сообщенія и представляетъ только случайный, временной интересъ, то она здѣсь не перепечатана.

СТАТЬИ

НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ ЖУРНАЛѢ

„PSYCHISCHE STUDIEN“

издаваемомъ А. Н. Аксаковымъ, въ Лейпцигѣ.

I.

ПОДТВЕРЖДЕНІЕ РЕАЛЬНОСТИ МЕДІУМИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Письмо профессора Бутлерова къ издателю журнала «Psychische Studien» (1874 г. стр. 20).

Дорогой другъ! Вы прислали мнѣ изданный въ Лейпцигѣ трактатъ профессора Чермака «о гипнотизмѣ» и просили меня сдѣлать нѣсколько замѣчаній на его критику наблюденій профессора Крукса, въ которой онъ Крукса, Уаллеса, меня и другихъ старается исключить изъ списка естествоиспытателей. Охотно исполняю ваше желаніе — не потому чтобы я считалъ необходимымъ отражать горячіе нападки невѣжества, а потому что уже съ нѣкотораго времени я имѣлъ намѣреніе свободно высказаться о моихъ опытахъ, точнѣе обозначить мою точку зрѣнія. Весьма поучительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустно видѣть, какъ во имя «точной науки» и «истиннаго просвѣщенія» отказываются отъ расширенія области нашихъ знаній и вращаются въ ложномъ кругѣ. Такъ говорятъ: «достойны вѣры только отчеты трезвыхъ естествоиспытателей»; естествоиспытатель же, какъ бы онъ ни былъ даровитъ, тотчасъ перестаетъ быть трезвымъ, какъ скоро рѣшается проникнуть въ ту

*

область, которой коснулись опыты Крукса, и его отчеты теряютъ достовѣрность,—или: «Круксъ, Уаллесъ и другіе всегда наблюдаютъ не точно», какъ скоро пускаются въ эту область; между тѣмъ какъ до того и послѣ они были и остаются точными наблюдателями. Не приходится ли послѣ того воскликнуть вмѣстѣ съ Круксомъ: «тѣмъ хуже для фактовъ?» И эти люди, говорящіе отъ имени науки, совершенно забываютъ, что они перестаютъ говорить научно, когда дѣло идетъ объ этомъ предметѣ. Положительная наука переходитъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному; здѣсь ей хотятъ предписать обратный путь. Наука еще далеко не знаетъ, что̀ возможно и что̀ невозможно,—даже устами г. Чермака, она заявляетъ свое невѣдѣніе о многихъ предметахъ, а между тѣмъ говорятъ «о несуществованіи» фактовъ, потому что они «невозможны». «Невозможными» они кажутся тѣмъ, которые въ своемъ умничаньи воображаютъ, что они твердо установили понятіе о томъ, что̀ абсолютно невозможно. Уаллесъ, Круксъ и другіе могутъ быть совершенно спокойны въ сознаніи, что они ни на іоту не стали менѣе естествоиспытателями отъ того, что ихъ наблюденія подверглись ненаучнымъ критикамъ; они могутъ смѣло утверждать, что ихъ методъ строго научен: они наблюдали безъ предвзятаго мнѣнія и сообщили результаты своихъ наблюденій. При этомъ они не поступали такъ, какъ позволилъ себѣ поступить г. Чермакъ: они не считали себя вправѣ, какъ онъ, «оставить многое на долгое время не открытымъ, можетъ быть даже ко вреду человѣчества», и сообщили то, что имъ казалось фактически вѣрнымъ. Могли-ли эти наблюденія быть тотчасъ объяснены — объ этомъ Уаллесъ, Круксъ и другіе пока не заботились, хорошо сознавая ограниченность современныхъ

знаній; эти ученые не думаютъ, какъ Чермакъ и комп., что всегда легко отличить возможное отъ невозможнаго. Если кто-нибудь въ наукѣ ставитъ гипотезу, то мы вправѣ принять ее или отвергнуть; но отвергаютъ обыкновенно предлагаемую гипотезу лишь тогда, когда вмѣсто нея могутъ выставить другую, болѣе удачную. Если же сообщаются факты, то наблюдатель-противникъ обязанъ указать новыми наблюденіями, что эти факты не суть факты, т. е. что наблюденіе ошибочно; такъ обыкновенно и поступаютъ; но не тогда, когда фактъ принадлежитъ къ категоріи наблюденныхъ Круксомъ: тогда нѣкоторые люди науки, которыхъ конечная цѣль должна бы быть отысканіе истины, позволяютъ себѣ говорить, что они вовсе и не желаютъ наблюдать. Такъ поступили Шэрпи, Стоксъ и другіе (см. книгу «Спиритуализмъ и наука»). Съ этими фактами обошелся весьма своеобразно и г. Чермакъ передъ своей аудиторіей. Ему нельзя было отрицать реальность показаній динамометра, и потому онъ это принимаетъ какъ фактъ «на одномъ лишь свидѣтельствѣ Крукса», но не хочетъ ихъ приписать дѣйствію особенной силы, исходящей изъ медіума. Его слушатели должны были легко согласиться съ его мнѣніемъ, такъ какъ лекторъ представилъ имъ единичный, на первый взглядъ мало поразительный фактъ и не привелъ никакихъ подробностей, необходимыхъ для его обсужденія. Если-бы г. Чермакъ былъ послѣдователенъ, то онъ долженъ былъ бы принять и другіе наблюденные Круксомъ факты «на одномъ лишь его свидѣтельствѣ». Между ними достаточно такихъ, которые, даже безъ принятія во вниманіе мелкихъ подробностей, поразительны и исключаютъ возможность «неточнаго наблюденія». Даже профанъ въ наукѣ можетъ легко рѣшить, научный-ли это методъ—выбирать

и приводить только то, что легко можетъ быть оспорено и объяснено въ смыслѣ предвзятаго мнѣнія.

Такъ какъ явленія, описанныя Круксомъ, происходятъ только въ присутствіи извѣстныхъ лицъ и это согласно съ свидѣтельствомъ другихъ наблюдателей, то весьма вѣроятно, что присутствіе такихъ лицъ необходимо для вызова явленій. Далѣе, такъ какъ эти лица находились въ такомъ положеніи, что для нихъ было невозможно вызвать явленія какимъ-либо обыкновеннымъ физическимъ способомъ (и эта невозможность должна быть принята какъ фактъ на основаніи свидѣтельства Крукса), то по необходимости надо придти къ тому заключенію, къ которому пришелъ Круксъ. Я повторю вмѣстѣ съ нимъ: «идите и испытывайте, и если вы установите извѣстный фактъ, то говорите о немъ безбоязненно, по долгу чести!»

Съ сочиненіями по этому предмету Чермакъ обращается не лучше, чѣмъ съ фактами. Въ письмѣ Гёггинса онъ видитъ не болѣе какъ «выраженное въ деликатныхъ словахъ, но рѣшительное отрицаніе согласія своего мнѣнія съ Круксомъ». Но Круксъ не выражалъ никакихъ «мнѣній»; онъ только старался констатировать факты и Гёггинсъ [1]), на сколько онъ самъ могъ ихъ наблюдать, находитъ ихъ описаніе правильнымъ. Гёггинсъ и для Чермака—научный авторитетъ; но хотя Гёггинсъ находитъ, «что эти опыты указываютъ на крайнюю необходимость дальнѣйшаго изслѣдованія», тѣмъ не менѣе «строгая наука» («строгая» конечно только въ смыслѣ понимаемомъ г. Чермакомъ) вовсе не признаетъ даже существованія этихъ фактовъ. Часто я

[1]) Извѣстный англійскій астрономъ, одинъ изъ свидѣтелей опытовъ Крукса. *Прим. изд.*

слышалъ, какъ *такая* «строгая наука» желаетъ признать реальность явленій только тогда, когда они произойдутъ при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они *не* происходятъ. Такая «строгая наука» явно противорѣчитъ здравому смыслу! Я не буду болѣе останавливаться на этомъ; не разъ уже говорено о томъ, что такой методъ не наученъ и не логиченъ; но на это указаніе всегда очень мало обращали вниманія, — не обратятъ вниманія и на мои слова. Было бы даже безполезно далѣе распространяться объ этомъ: одни, число которыхъ дѣйствительно ограничено, ясно видять всю нелогичность такихъ дѣйствій; другіе, составляющіе большинство, непоколебимы въ своемъ упрямствѣ и самодовольствѣ, а профессора Чермака, лекціи котораго побудили меня написать свои мысли, нѣтъ уже въ живыхъ.

Было бы также безполезно, если бы я захотѣлъ описывать всѣ мои собственные опыты. Я прошелъ тотъ же путь, какъ и многіе другіе. То, что я теперь признаю какъ фактъ, казалось мнѣ прежде невозможнымъ. Но такъ какъ я не могъ по совѣсти утверждать, что все, что мнѣ *кажется* невозможнымъ, *въ дѣйствительности* невозможно, то я находилъ не только позволительнымъ, но даже необходимымъ воспользоваться представлявшимися мнѣ случаями наблюдать; здѣсь, какъ и вообще въ естественныхъ наукахъ, я считалъ для себя убѣдительными одни лишь факты, и эти факты были убѣдительны — по крайней мѣрѣ для меня.

Круксъ не только наблюдалъ, но и экспериментировалъ; онъ старался вызвать явленія такого рода и при такихъ условіяхъ, чтобы было возможно убѣдительно ихъ описать. Убѣдить удалось ему только немногихъ, — не потому, чтобы родъ явленій и условія были дурно выбраны, а потому лишь, что лица, о которыхъ я го-

ворилъ вначалѣ, *вращаются въ ложномъ кругѣ* и ни чѣмъ не могутъ быть убѣждены.

Разумѣется Круксъ со временемъ найдетъ лучшія и болѣе точныя условія, и придетъ время, когда истина пробьетъ себѣ путь; теперь же эти лучшія и болѣе точныя условія помогли бы ему также мало, какъ и выбранныя имъ въ настоящее время. Я, съ своей стороны, большею частью не экспериментировалъ, а только наблюдалъ (понимая послѣднее слово въ самомъ обширномъ смыслѣ); я старался убѣдиться прежде всего самъ. Убѣжденіе мое росло постепенно; мало по малу я долженъ былъ признать реальность цѣлаго ряда явленій. Излишне описывать эти факты. Я могу ограничиться замѣчаніемъ, что они аналогичны и не менѣе поразительны описанныхъ Уаллесомъ, Круксомъ, Варлеемъ [1]) и другими! Условія, при которыхъ я ихъ наблюдалъ, исключаютъ для меня лично всякую возможность заблужденія, и я считаю себя вправѣ съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что это факты дѣйствительные, а не продуктъ неточнаго наблюденія.

Единственные опыты, произведенные мною съ динамометромъ—достаточно и безошибочно описаны уже другими (см. «Спиритуализмъ и наука», стр. 25, 29), и я долженъ только прибавить, что выраженіе «измѣненіе вѣса» не вполнѣ точно и поэтому неудобно. Никто изъ насъ не подразумѣвалъ измѣненія тяготѣнія; выражаясь такъ, мы понимали «измѣненіе указаній инструмента», которое вызывалось силой, дѣйствующей на ряду съ силой тяжести. Эта сила дѣйствовала то въ одномъ на-

[1]) Членъ Лондонскаго Королевскаго Общества, недавно умершій англійскій физикъ, извѣстный въ особенности по работамъ своимъ надъ отношеніемъ электричества къ подводному телеграфному кабелю. *Прим. изд.*

правленіи съ тяжестью и слагалась съ ней, то въ направленіи противоположномъ, и тогда было уменьшеніе показаній инструмента. Что-же касается до источника этой силы, то я вмѣстѣ съ Круксомъ полагаю возможнымъ принять, что она исходитъ изъ вѣсомой матеріи тѣла медіума. Здѣсь, какъ и вездѣ, не слѣдуетъ думать о возникновеніи силы безъ расходованія энергіи—слѣдовательно, возникновенія чего-либо изъ ничего: здѣсь только перенесеніе силъ съ одного матеріальнаго тѣла на другое. Причина этого перенесенія должна быть еще найдена. Этимъ же самымъ перенесеніемъ силъ должно быть объяснено также свободное движеніе массъ, которое не разъ наблюдалось. И здѣсь, и тамъ не всегда необходимо непосредственное прикосновеніе медіума къ предмету. Я разскажу два поразительныхъ случая, которые я наблюдалъ въ присутствіи Юма.

Засѣданіе происходило въ моей квартирѣ, въ моемъ кабинетѣ; поэтому я могъ положительно знать, что не было сдѣлано никакихъ механическихъ или другихъ приготовленій; всѣ присутствовавшіе были мнѣ знакомы; общество сидѣло за 4-хъ-угольнымъ столомъ, покрытымъ короткою шерстяною скатертью; на немъ во время происшедшихъ явленій горѣли двѣ свѣчки (стеариновыя). Кромѣ сидящихъ за столомъ никого въ комнатѣ болѣе не было.

Послѣ разныхъ незначительныхъ явленій, которыхъ я описывать не стану, вдругъ двинулось большое, тяжелое кресло, снабженное катушками и стоявшее въ сторонѣ отъ насъ. Кресло это находилось передъ моимъ большимъ письменнымъ столомъ, на разстояніи около $1^1/_2$ до 2 метровъ отъ другаго меньшаго стола, за которымъ сидѣло наше общество. Двѣ переднія ножки кресла, къ которому никто не прикасался и не могъ

прикасаться, поднялись нѣсколько вверхъ и, въ такомъ наклонномъ положенiи, кресло толчками покатилось по прямой линiи къ нашему столу; придвинувшись вплотную къ столу, оно сдѣлало еще нѣсколько неправильныхъ движенiй и затѣмъ остановилось, занявъ свободное мѣсто между Юмомъ и другимъ господиномъ, почти на углу нашего стола.

Немного погодя, Юмъ взялъ со стола стоявшiй на немъ колокольчикъ и подержалъ его на нѣкоторомъ разстоянiи отъ края стола и немного ниже уровня столешницы. Колокольчикъ и рука Юма были освѣщены свѣтомъ свѣчекъ. Спустя нѣсколько секундъ, Юмъ отнялъ руку, и колокольчикъ остался свободно висящимъ въ воздухѣ, не прикасаясь ни къ столу, ни къ ковру, ни къ чему-либо другому. Господинъ, между которымъ и Юмомъ стояло кресло, могъ совершенно близко наблюдать за висящимъ въ воздухѣ колокольчикомъ. Замѣчу, что этотъ господинъ былъ хорошо извѣстный русской публикѣ пожилой ученый и литераторъ [1]); съ Юмомъ онъ не задолго до того познакомился у меня, желая воспользоваться случаемъ видѣть странныя явленiя. Я сидѣлъ на противуположной сторонѣ стола; въ то время, какъ колокольчикъ висѣлъ въ воздухѣ, я всталъ и черезъ столъ совершенно ясно видѣлъ верхнюю часть колокольчика. Вскорѣ послѣ того колокольчикъ упалъ на колѣни Юма, но вслѣдъ затѣмъ опять поднялся въ воздухъ безъ всякаго къ нему прикосновенiя, и послѣ того спустился на ручку кресла, гдѣ и остался. Во все это время колокольчикъ не выходилъ изъ ярко освѣ-

[1]) Нашъ извѣстный историкъ М. П. Погодинъ. Подробное описанiе этого сеанса помѣщено во второмъ изданiи его сочиненiя: «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ». См. также «Ребусъ» 1888 г.
А. А.

щеннаго пространства. Руки Юма и другихъ присутствовавшихъ, а также всѣ предметы находились на нѣкоторомъ разстояніи отъ висящаго въ воздухѣ колокольчика.

Эти явленія аналогичны описаннымъ Круксомъ: свободно висящій въ воздухѣ колокольчикъ соотвѣтствуетъ летающему по воздуху и играющему аккордеону, а движеніе стоящаго далеко отъ медіума кресла аналогично движенію висящей на динамометрѣ доски, безъ прикосновенія къ ней медіума.

На дѣлаемое часто замѣчаніе, что подобныя явленія происходятъ исключительно въ присутствіи Юма, и на вопросъ, по какой это причинѣ?—я долженъ отвѣтить, что имѣлъ случай наблюдать аналогичные, хотя менѣе рѣзкіе, но не менѣе поразительные факты и въ присутствіи другихъ лицъ, а именно въ присутствіи моихъ знакомыхъ, не профессіональныхъ медіумовъ.

Мнѣ конечно возразятъ, что все, что я видѣлъ и старался добросовѣстно описать—«невозможно». Я предоставляю каждому вѣрить мнѣ или нѣтъ; я даже удивился бы, если-бы моему отчету такъ тотчасъ и повѣрили; но я самъ совершенно убѣжденъ, что все мною описанное *фактически вѣрно и поэтому возможно*. Реальность этихъ явленій для меня точно также доказана, какъ каждая химическая реакція; главное различіе состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ мы въ состояніи произвольно вызывать явленія и болѣе или менѣе знаемъ необходимыя для того условія; большая же часть обстоятельствъ, обусловливающихъ возникновеніе медіумическихъ явленій, намъ до поры до времени неизвѣстна. Однако-жъ слѣдуетъ помнить, что естествоиспытателямъ не разъ приходилось наблюдать явленія природы, реальность которыхъ была внѣ всякаго сомнѣнія, но бли-

жайшія условія которыхъ вначалѣ не были извѣстны и только впослѣдствіи были хорошо узнаны. Отысканіе этихъ условій даетъ обыкновенно возможность произвольно вызывать явленія.

Въ подобныхъ случаяхъ — а въ особенности, когда имѣются согласныя между собою описанія нѣсколькихъ наблюдателей, извѣстныхъ за добросовѣстныхъ и дѣльныхъ—сомнѣній обыкновенно не высказывается вовсе и реальность явленій принимается молча; даже если подобное описаніе сдѣлано *однимъ* только такимъ лицомъ, то вообще считаютъ по меньшей мѣрѣ стоющимъ труда провѣрить и прослѣдить далѣе такое наблюденіе. Почему же въ данномъ случаѣ поступаютъ иначе? Почему, подобно тому какъ Чермакъ съ письмомъ Геггинса — стараются даже извращать смыслъ тѣхъ сообщеній, которыя должны бы вести къ новымъ наблюденіямъ?

Кстати замѣчу, что упреки, дѣлаемые ученымъ касательно изслѣдованія медіумическихъ явленій не совсѣмъ основательны. По отношенію къ этому изслѣдованію я раздѣлю естествоиспытателей на четыре главныя категоріи. Первая категорія, къ которой принадлежатъ Чермакъ, Гёксли, Тиндалль, Стоксъ, Шэрпи, докторъ Томсонъ и другіе — ничего не желаетъ о нихъ знать. Какъ я уже старался показать выше, эти господа поступаютъ не научно, а иногда едва-ли логично; но пока они bona fide (съ спокойной совѣстью) остаются въ неосновательномъ и, съ научной точки зрѣнія, ничѣмъ неоправдываемомъ убѣжденіи, что имъ дозволено отрицать à priori, до тѣхъ поръ нельзя отъ нихъ и требовать, чтобы они дѣлали наблюденія. Ко второй и, къ счастью, незначительной по числу категоріи принадлежатъ люди хорошо и достаточно видѣвшіе, чтобы не находить возможности болѣе отрицать реальность явленій, но не имѣющіе

мужества слѣдовать долгу чести и заявить о видѣнномъ. Для нихъ нѣтъ извиненія. Третья категорія, самая многочисленная, заключаетъ въ себѣ лицъ, твердо стоящихъ на почвѣ науки, но не дѣлающихъ наблюденій надъ медіумическими явленіями. Для нихъ до сихъ поръ только не представлялось случая для ознакомленія съ этими явленіями и не было побужденія ими заняться; различныя, мелькомъ слышанныя извѣстія и противорѣчивыя сужденія не могли ихъ къ этому подвигнуть: имъ время дорого, и они, работая на положительной твердой научной почвѣ, не могутъ имъ жертвовать для самостоятельныхъ поисковъ за случаями для наблюденія. Они не заслуживаютъ упрековъ, и если обстоятельства дозволяютъ имъ наблюдать, то они вступаютъ во 2-ю или 4-ю категорію. Эта четвертая и, къ сожалѣнію, числомъ весьма незначительная категорія состоитъ изъ людей, убѣдившихся въ реальности явленій и осмѣливающихся о томъ говорить публично. Отъ нихъ можно ожидать строго научныхъ доказательствъ и опытовъ. Они обязаны это сдѣлать — и сдѣлаютъ, когда обстоятельства дозволятъ; каждый компетентный въ этомъ дѣлѣ человѣкъ знаетъ, однако же, какъ рѣдко можно — и какъ трудно найти случай методически и научно изслѣдовать эти явленія. Здѣсь дѣло заключается не только въ пріобрѣтеніи собственнаго личнаго убѣжденія, но и въ подведеніи явленій подъ такія условія, которыя могутъ быть доказательны и для другихъ. Но если это и удается, то что ожидаетъ смѣльчака? Примѣры Крукса, Гера и другихъ для насъ достаточно поучительны. Тѣмъ болѣе должны мы быть благодарны первому изъ нихъ, этому заслуженному современному наблюдателю и съ довѣріемъ ожидать отъ него новыхъ опытовъ и отчетовъ. Большая часть естествоиспытателей

послѣдней категоріи могутъ сказать своимъ товарищамъ словами Уаллеса: «мы чувствуемъ себя на столько твердо сознающими истинность и объективность этихъ явленій, что спокойно можемъ ожидать вердикта каждаго ученаго, желающаго найдти истину»; мы знаемъ, что каждый изслѣдователь, который серьезно и добросовѣстно займется этимъ предметомъ, необходимо придетъ къ тому же убѣжденію, какъ мы.

Этимъ я заканчиваю письмо, и предоставляю вамъ, дорогой другъ, поступить съ нимъ такъ, какъ вы найдете полезнымъ въ интересахъ истины.

Преданный вамъ

А. Бутлеровъ.

$^{17}/_{29}$ Ноября, 1873 г.
С.-Петербургъ.

II.

РУССКІЙ МАТЕМАТИКЪ М. В. ОСТРОГРАДСКІЙ, КАКЪ СПИРИТУАЛИСТЪ.

(«Psychische Studien», 1874 г., стр. 300).

Люди непредубѣжденные, приступающіе къ изученію явленій природы, особенно цѣнятъ наблюденія ученыхъ. Конечно, наиболѣе довѣрія заслуживаютъ показанія тѣхъ, которые многолѣтнимъ трудомъ доказали свою способность наблюденія и вѣрность своего сужденія.

Стоитъ однако ученому засвидѣтельствовать реальность медіумическихъ явленій, чтобы показанія его пріобрѣли такое-же малое вліяніе на воззрѣнія большинства, какъ и свидѣтельство людей непричастныхъ наукѣ. Такое явленіе кажется намъ совершенно естественнымъ и причина его лежитъ въ данной стадіи развитія этого вопроса. Весь ученый міръ, не считая ученыхъ, относящихся, такъ сказать, нейтрально и не имѣвшихъ случая ознакомиться съ вышеупомянутыми явленіями, дѣлится на двѣ категоріи — первую, малочисленную, считающую эти явленія вполнѣ реальными и объективными, и вторую, болѣе значительную, упрямо утверждающую противное на чисто теоретическихъ осно-

ваніяхъ. Первые скромно сознаются въ своемъ недостаточномъ знаніи тайнъ природы, въ то время какъ вторые самодовольно объявляютъ, что знанія человѣческія на столько подвинулись, что дальнѣйшее развитіе въ извѣстномъ направленіи не нужно, дальнѣйшее познаваніе невозможно и кругъ знаній замкнутъ.

Мы считаемъ себя въ правѣ сказать это. Утверждать заранѣе, что за извѣстнымъ предѣломъ ничего больше нѣтъ — развѣ это не значитъ считать ходъ изученія завершеннымъ? Такое отрицаніе предполагаетъ знаніе. Только факты могутъ служить основой истиннаго знанія. Объ абсолютной невозможности можно говорить только въ чисто спекулятивной области; только здѣсь оправдывается апріорное отрицаніе. Принимать, что часть равна цѣлому, что нѣчто можетъ обратиться въ ничто, значило-бы идти въ разладъ съ нашей логикой, съ внутренней, неизбѣжной потребностью нашего я; но апріорное отрицаніе чего-либо кажется намъ — выражаясь мягко—мало соотвѣтствующимъ строго-научному методу и мы склонны думать, что привычка играетъ здѣсь бо̀льшую роль, чѣмъ это предполагаютъ. Хотятъ найти границу тамъ, гдѣ непредубѣжденный мыслитель найдетъ скорѣе противное. Усовершенствованія микроскопа показали намъ предметы, существованія которыхъ мы прежде и не подозрѣвали; телескопы открываютъ намъ все новые и новые отдаленнѣйшіе міры; мы изучаемъ матерію и движеніе въ разныхъ и разныхъ формахъ, начиная отъ грубаго, твердаго состоянія до тончайшаго эфирнаго. Граница нигдѣ не замѣчается и понятіе объ ограниченіи по меньшей мѣрѣ такъ-же недоступно нашему разуму, какъ понятіе о безконечности. Еслибъ даже найдена была граница, то все-же намъ пришлось-бы при этомъ спросить—что-же находится за

этой границей? Допущеніе абсолютнаго ничто въ мірозданіи не имѣетъ для насъ смысла. А все это встаетъ на пути какъ только хотятъ положить предѣлъ явленіямъ природы. Кто-же поэтому можетъ, не грѣша противъ разума, сказать: «Нечего искать въ природѣ за той или другой границей, ибо тамъ ничего нѣтъ»?!

Къ сожалѣнію однако человѣкъ, постоянно обращающійся въ тѣсномъ кругѣ грубоматеріальныхъ явленій, склоненъ, хотя бы онъ былъ и ученый, считать природу ограниченной потому только, что самъ онъ ограниченъ условіями своего существованія.

Громко говорящее самодовольство всегда производитъ впечатлѣніе и люди непричастные наукѣ едва-ли могутъ критически обсудить, на сколько возможно и научно теоретическое отрицаніе явленій, находящихся внѣ чисто-спекулятивной области и подлежащихъ, наравнѣ съ другими явленіями природы, изученію посредствомъ наблюденія и опытовъ. Отрицаніе имѣетъ свою роковую логику: сперва отрицаютъ потому, что наблюденія неудовлетворительны, а наблюдатели ненадежны; когда же выступаютъ болѣе надежные наблюдатели, то отрицаютъ раньше всѣми признанную надежность ихъ. Если такое отрицаніе становится труднымъ, то поступаютъ еще проще — игнорируютъ. Нынѣ такое отношеніе, къ сожалѣнію, возможно; но недалеко то время когда число мнимо-ненадежныхъ наблюдателей и ихъ наблюденій возрастетъ. Тогда по необходимости исчезнетъ нейтралитетъ тѣхъ, которые держались до сихъ поръ въ сторонѣ отъ даннаго вопроса; тогда игнорированіе сдѣлается невозможнымъ; тогда наблюденіе и изслѣдованіе сдѣлаются обязательными для многихъ и реально-существующее должно будетъ быть признаннымъ за таковое. На прежнія свидѣтельства людей на-

уки будетъ въ то время обращено вниманіе и за ними будетъ признано то значеніе, которое имъ подобаетъ. Въ ожиданіи этого мы должны старательно собирать такія свидѣтельства и сохранять ихъ для недалекаго будущаго. Кромѣ того, тѣ свидѣтельства, которыя высказывались безъ колебанія, но не успѣли появиться въ печати, должны быть также доведены до всеобщаго свѣденія, съ тою цѣлью чтобы сохранить за лицами, коимъ они принадлежатъ, честь признанія истины.

Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ русскій математикъ Михаилъ Васильевичъ Остроградскій, членъ С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ, умершій въ 1861 году. Здѣсь не мѣсто говорить о его научныхъ заслугахъ: его сотоварищамъ по спеціальности извѣстно имя Остроградскаго. Мы приведемъ лишь нѣсколько словъ изъ біографической замѣтки, напечатанной въ Запискахъ Академіи: Остроградскій родился въ 1801 году и умеръ 61 года отъ роду. Уже въ ранней молодости обнаружилъ онъ изъ ряда выходящую способность къ математикѣ. Въ 1822 году Остроградскій отправился въ Парижъ, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе знаменитыхъ въ то время французскихъ геометровъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ напр. Cauchy, Poisson, Fourrier и др., онъ былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Cauchy отзывался о немъ, какъ о молодомъ, богато-одаренномъ (doué de beaucoup de sagacité) и обладающемъ обильными знаніями математикѣ. Нѣкоторое время Остроградскій исправлялъ должность преподавателя математики въ Парижскомъ Collége Henri IV и блестяще оправдалъ тутъ возлагавшіяся на него надежды, какъ это видно изъ особаго выданнаго ему аттестата. Въ 1828 году онъ сдѣлался членомъ С.-Петербургской Академіи, а въ 1856 г. членомъ-кор-

респондентомъ французскаго института. Въ Петербургѣ онъ занималъ профессорскія каѳедры въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и лекціи его привлекали массу слушателей. Курсъ небесной механики, читанный имъ публично въ Петербургѣ, былъ представленъ въ Парижскій Институтъ въ 1830 году. Arago и Poisson, которымъ поручено было разсмотрѣть это сочиненіе, дали очень благопріятный о немъ отзывъ, называя автора «habile professeur» и высказывая мнѣніе, что трудъ этотъ заслуживаетъ одобренія и похвалы института.

Мы не имѣли удовольствія лично знать Остроградскаго и заимствуемъ нижеслѣдующее изъ замѣтки, писанной его знакомой (госпожей Прибытковой). Истинность этой замѣтки, въ которой мы со своей стороны не считаемъ возможнымъ сомнѣваться, подтверждается словами одного изъ коллегъ покойнаго.

Мы имѣемъ сверхъ того фактическое доказательство воззрѣній Остроградскаго, о которыхъ идетъ рѣчь, а именно — тетрадь in folio, часть которой заключаетъ математическую работу этого ученаго, а другая вся исписана планшеткою. Тетрадь эта нынѣ находится въ распоряженіи издателя этого журнала.

Всѣмъ болѣе или менѣе было извѣстно, какъ серьезно относился престарѣлый, знаменитый математикъ къ медіумическимъ явленіямъ, въ реальности которыхъ онъ ничуть не сомнѣвался. Правда, объ этомъ мало говорили и говорятъ, боясь, вѣроятно, затемнить славу покойнаго ученаго. Мы же, послѣ всего здѣсь нами сказаннаго, не можемъ раздѣлять такого опасенія, тѣмъ болѣе, что самъ Остроградскій, какъ это читатель сейчасъ увидитъ, питалъ совершенно другое желаніе.

Въ вышеупомянутой замѣткѣ авторъ говоритъ:

«Всякій, кто зналъ сколько нибудь нашего знаменитаго

математика, члена петербургской академіи наукъ, и многихъ другихъ ученыхъ обществъ, Михаила Васильевича Остроградскаго, говоритъ г-жа П., не можетъ не отдать справедливости не только его замѣчательнымъ умственнымъ способностямъ, но главное истинно математической точности и поразительной логичности его обширнаго ума, логичности, проявляющейся даже въ простыхъ обыденныхъ разговорахъ, въ которыхъ онъ требовалъ отъ собесѣдника самой точной послѣдовательности изложенія, тотчасъ же напоминая, когда говорившій сколько-нибудь уклонялся отъ главнаго предмета. Когда же самъ Михаихъ Васильевичъ что-нибудь разсказывалъ или объяснялъ, то мысли его такъ послѣдовательно вытекали одна за другой, что разъ имъ разсказанное навсегда запечатлѣвалось въ памяти полной, ясной картиной. Мнѣ, имѣвшей случай часто принимать его у себя въ зимы 1858 и 1859 годовъ (за два года до его кончины, послѣдовавшей 8 декабря 1861 года), и по долгу съ нимъ бесѣдовать о его любимомъ предметѣ—проявленіяхъ загробнаго міра, тѣмъ болѣе памятна эта поразительная черта его обширнаго, глубокаго ума, что въ то же время часто случалось слышать отъ другихъ не менѣе поражавшее меня мнѣніе, что будто онъ ослабѣлъ умственно, если не совсѣмъ помѣшался. И это потому только, что онъ добросовѣстно и безстрашно признавалъ во всеуслышаніе, что, убѣдившись многочисленными опытами въ столоверченіи въ проявленіи силъ иного міра, онъ беусловно ему вѣрилъ. Я говорю—признавалъ безстрашно,—такъ какъ это добросовѣстное признаніе чуть-ли не лишало его передъ многими современниками его заслуженной ученой репутаціи. Михаилъ Васильевичъ зналъ это, и добродушно смѣялся, разсказывая, что его считаютъ помѣшаннымъ.

Убѣжденіе его въ проявленіяхъ духовныхъ было на столько горячо и сильно, что, помню, разъ, среди нашей бесѣды, онъ выразилъ желаніе, что если бы когда нибудь вздумали писать его біографію, то помѣстили бы въ ней свѣденіе, какой глубокій переворотъ произвело столоверченіе во всемъ его міросозерцаніи.

«Вотъ его собственный разсказъ объ этомъ переворотѣ, на сколько могу припомнить его, слышанный мною при первой встрѣчѣ съ нимъ у одного изъ его товарищей по академіи, В. Я. Буняковскаго.

— «Я былъ полнымъ матеріалистомъ и атеистомъ, говорилъ Михаилъ Васильевичъ, признавалъ только то, что могъ осязать, вымѣрить и свѣсить, когда дошла къ намъ изъ Америки вѣсть, что столы вертятся. Увидавъ, что дѣйствительно вертятся, я заинтересовался фактомъ, какъ всякимъ новымъ открытіемъ, искалъ въ немъ вначалѣ механическаго закона, устранивъ при этомъ, конечно, всякую возможность подлога; дѣлалъ опыты надъ большими тяжелыми столами, которые никакъ не могли бы подвинуться отъ легкаго прикосновенія рукъ, составлявшихъ цѣпь, и никакого механическаго закона не открылъ. А тутъ стали говорить, что столы не только вертятся, но и отвѣчаютъ на вопросы посредствомъ стуковъ ножкой. Попробовалъ сдѣлать опытъ, и не одинъ, а десятки, сотни опытовъ, и убѣдился въ присутствіи неизвѣстной, но разумной силы, которая давала отвѣты на невысказанныя мысли, сообщала вещи, никому изъ присутствующихъ неизвѣстныя, и сообщала ихъ вѣрно. Тогда я повѣрилъ духовной силѣ, духовному міру, какъ называла сама себя эта сила, такъ какъ другаго объясненія факту не находилось. А повѣривъ духовному міру, т. е. безсмертію человѣка, я логически доведенъ былъ до вѣры въ су-

ществованіе Божества. Вотъ чѣмъ обязанъ я столоверченію.

«И дѣйствительно, сильна была вѣра Михаила Васильевича: онъ говорилъ о загробной жизни съ положительностью увѣренности въ ней, о своемъ переселеніи въ иной міръ безъ всякаго страха передъ неизвѣстностью, видимо сроднившись съ нимъ мыслью, но при этомъ не раздѣлялъ, по крайней мѣрѣ за два года до кончины, ни одного изъ спиритуалистическихъ или спиритическихъ ученій, признавая изъ нихъ только фактъ существованія духовнаго міра, возможность сообщеній съ нимъ въ этой жизни; а читалъ многое, выходившее въ то время по этому предмету въ Европѣ и въ Америкѣ.

«Михаилъ Васильевичъ любилъ говорить о своихъ опытахъ, разсказывалъ мнѣ о многихъ поражавшихъ его сообщеніяхъ изъ иного міра, и я приведу три факта изъ его разсказовъ, на которые, желая убѣдить другихъ, онъ ссылался всего чаще.

«Въ самомъ началѣ его занятій этимъ предметомъ, когда, впрочемъ, уже появились маленькіе пишущіе столики, въ которыхъ вдѣлывается карандашъ, онъ нашелъ медіума въ одномъ своемъ родственникѣ, мальчикѣ лѣтъ 15-ти. Всякій разъ, когда тотъ брался за столикъ безъ всякаго особенно предложеннаго кѣмъ-нибудь вопроса, столъ подъ его рукою рисовалъ то гробъ, то надгробный памятникъ, такъ что это стало, наконецъ, непріятно дѣйствовать на самого медіума, равно какъ и на присутствующихъ. Мальчикъ былъ здоровый, никто не ожидалъ его смерти, а черезъ три мѣсяца его не стало.

«Однажды, гораздо уже позднѣе, собираясь на лѣто въ деревню, Михаилъ Васильевичъ спросилъ духа, писавшаго черезъ столикъ, что̀ ожидаетъ его этимъ лѣтомъ, и получилъ въ отвѣтъ: помни 25 іюня, тебя ожидаетъ

въ этотъ день большое счастье. Михаилъ Васильевичъ записалъ и, конечно, хорошо помнилъ назначенное число; но въ этотъ день, однако, ничего особеннаго не случилось, а въ концѣ лѣта одна изъ дочерей его была помолвлена за очень хорошаго человѣка,—бракъ этотъ всю жизнь радовалъ отца. Послѣ помолвки выяснилось, что женихъ въ первый разъ увидалъ свою невѣсту 25 іюня въ церкви, гдѣ при большомъ стеченіи сосѣднихъ помѣщиковъ никто изъ семьи Остроградскихъ его и не замѣтилъ, но дѣвушка понравилась ему съ перваго взгляда и онъ сталъ вскорѣ искать ея знакомства.

«Главный и самый поразительный фактъ для меня, такъ какъ я имѣла возможность провѣрить его помимо разсказа Михаила Васильевича, случился слѣдующимъ образомъ. Въ эпоху его самаго горячаго увлеченія сдѣланнымъ имъ открытіемъ, однажды, выходя послѣ засѣданія изъ академіи, онъ разсказывалъ о немъ товарищамъ, приглашая ихъ провѣрить истину его разсказа. Желая сдѣлать ему удовольствіе, хотя въ то же время никакъ не допуская возможности подобныхъ проявленій, согласился идти къ нему на квартиру В. Я. Б...кій, сказавъ при этомъ шутя, что пускай столъ угадаетъ, о чемъ онъ въ настоящую минуту думаетъ. Въ это самое утро, передъ тѣмъ какъ г. Б...кій отправлялся на засѣданіе, пріѣзжалъ къ нему одинъ родственникъ сообщить, что наканунѣ, поздно вечеромъ, одинъ господинъ сдѣлалъ предложеніе его дочери. Никто, кромѣ жениха, дѣвушки и ея отца и матери объ этомъ еще не зналъ, даже г. Б...кій не успѣлъ передъ засѣданіемъ сообщить новость своимъ домашнимъ. Столъ, подъ рукой молоденькой племянницы Остроградскаго (самъ Михаилъ Васильевичъ не имѣлъ медіумической

способности) написалъ первую и послѣднюю букву фамиліи жениха его родственницы.

«Разсказъ этотъ въ томъ самомъ видѣ, какъ я его записываю, былъ вслѣдствіе моего вопроса переданъ мнѣ г-мъ Б...кимъ и свидѣтельство его тѣмъ драгоцѣннѣе, что самъ онъ и послѣ этого опыта не болѣе прежняго повѣрилъ въ духовъ, говорящихъ посредствомъ столовъ, приписывалъ удачный отвѣтъ на его мысль простой случайности, тѣмъ болѣе, что другіе предложенные имъ въ тотъ же день вопросы остались безъ отвѣта, но въ то же время заявилъ, что по его мнѣнію ни самъ Остроградскій, ни его племянница никакимъ путемъ не могли бы узнать сообщеннаго ему утромъ его родственникомъ».

Мы прибавимъ къ сказанному, что Остроградскій очевидно прошелъ тотъ-же постепенный и неизбѣжный путь, какъ и всѣ другіе пожелавшіе посвятить часть своего времени наблюденіямъ медіумическихъ явленій. Несмотря на глубоко-вкоренившееся невѣріе, съ которымъ къ нимъ приступаешь вначалѣ, въ концѣ концовъ видишь себя вынужденнымъ уступить фактамъ. Вначалѣ негодуешь на свидѣтельство собственныхъ чувствъ, доказывающихъ реальность того, что привыкъ считать противорѣчащимъ здравому человѣческому смыслу. Нужно не мало времени и внутренней ломки, чтобъ примириться съ реальностью этихъ явленій и разъ это совершилось, то все еще трудно спокойно принять невѣроятное за дѣйствительно существующее: подчасъ возникаютъ новыя сомнѣнія, всплываетъ прежній образъ мыслей и только полная невозможность взглянуть на испытанное иначе, какъ на фактическое и истинное, побѣждаетъ сомнѣнія. Вполнѣ сознаешь недостаточность человѣческихъ знаній и уступаешь только потому, что

съ фактами не спорятъ. То-же, вѣроятно, было и съ нашимъ Остроградскимъ. Изъ всего здѣсь разсказаннаго читатель конечно не можетъ себѣ представить, какъ постепенно слагались убѣжденія Остроградскаго; одни только вышеприведенные случаи сами по себѣ не былибы вѣроятно убѣдительны. Не нужно однако забывать. что годы прошли, прежде чѣмъ сложились его воззрѣнія; имъ, конечно, много способствовали — какъ это всегда бываетъ — тѣ различныя обстоятельства, намъ неизвѣстныя, которыя, будучи разсказаны, быть можетъ, тоже покажутся мало убѣдительными. Для тѣхъ, однако, которые ихъ лично неоднократно наблюдали, такія именно обстоятельства часто пріобрѣтаютъ рѣшающее значеніе.

С.-Петербургъ, 29-ое апрѣля (11-ое мая) 1874 г.

Примѣчаніе. Въ «Psychische Studien» за 1875 г., стр. 145, помѣщена еще статья: «Профессоръ Остроградскій какъ спиритуалистъ. Подтвердительное свидѣтельство о немъ Освальда Штекера, поручика 3-го московскаго гренадерскаго полка». — Выдержки изъ этой статьи, вмѣстѣ съ замѣткой г-жи Прибытковой, приводимой А. М., помѣщены въ «Ребусѣ» 1882 г., стр. 204 и 213, подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Издатель.

III.

МОИ НОВѢЙШІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ МЕДІУМИЗМА.

(Psychische Studien, 1875 г., стр. 385).

Послѣ того какъ другъ мой, профессоръ, д-ръ Николай П. Вагнеръ, напечаталъ въ «Psychische Studien» (мартовская книжка, 1875 г.) свое изслѣдованіе «О психодинамическихъ явленіяхъ,» въ одномъ изъ распространеннѣйшихъ крупныхъ русскихъ журналовъ появилось, какъ извѣстно, другое, его-же, болѣе подробное. Тутъ онъ описываетъ тѣ наблюденія, которыя ему удалось сдѣлать за послѣдніе мѣсяцы и которыя еще не были описаны въ «Psychishe Studien». Такъ какъ мы съ профессоромъ Вагнеромъ всегда вмѣстѣ производили наблюденія, то я и хочу пополнить пробѣлъ и здѣсь поговорить объ нихъ. Прежде однако я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ шумѣ и преніяхъ, которыя были вызваны русской статьей проф. Вагнера у насъ въ обществѣ и въ печати.

Съ 1-го апрѣля текущаго года только и говорятъ, что о стукахъ въ столахъ, о стологовореніи и тому подобныхъ вещахъ; объ этомъ спорятъ, одни хвалятъ, дру-

гіе бранятъ; устраиваются частные кружки, явленія получаются либо нѣтъ. Сообразно съ этимъ одни считаютъ своимъ долгомъ признавать реальность феноменовъ, другіе — отрицать ихъ существованіе. Почти всѣ однако — за немногими похвальными исключеніями — ничего объ этомъ не читали и вообще едва-ли имѣютъ хотя смутное понятіе о разумной спиритуалистической литературѣ. Самые рѣшительные, наконецъ, тѣ, которые считаютъ себя источникомъ мудрости и прогрессивнаго свободомыслія, не хотятъ даже ничего видѣть и тѣмъ не менѣе отрицаютъ на чисто теоретическихъ основаніяхъ.

Эти господа не замѣчаютъ, что, вступая въ борьбу съ мнимымъ суевѣріемъ, они сами впадаютъ въ суевѣріе, становясь поперекъ дороги честному изслѣдованію потому только, что это не согласно съ ихъ привычными взглядами и предвзятыми мнѣніями.

Всего интереснѣе отразилось это на нашей періодической печати. Большинство газетъ лишилось по этому случаю хладнокровія, послѣдовательности, подчасъ даже и здраваго разсудка. Какъ рѣдкость раздается здѣсь голосъ, признающій за фактами, сообщенными серьезными наблюдателями, право на существованіе и требующій дальнѣйшаго надъ ними изслѣдованія. Большей частью вертятся въ кругѣ невозможнѣйшихъ объясненій, столь же легкомысленно придуманныхъ, сколь легковѣрно принятыхъ. Всеобщая галлюцинація присутствующихъ, крайняя, невозможное творящая хитрость медіума, который долженъ умѣть превозмогать всѣ препятствія, разсѣкать всѣ узлы, предвидѣть и обходить всѣ мѣры предосторожности—все это пускается въ ходъ; хладнокровный зритель видитъ при этомъ, что принятіе объясненій требуетъ — какъ мѣтко выразился кто-то—гораздо бо̀льшаго легковѣрія, чѣмъ признаніе

реальности фактовъ вызвавшихъ ихъ. Но, какъ сказано, зачастую и послѣдовательность утрачивается. Такъ мы видимъ, что одна газета реальность фактовъ, de visu, признаетъ, при этомъ однако она полагаетъ, что проф. Вагнеръ лучше-бы сдѣлалъ, еслибъ вовсе не сообщалъ своихъ наблюденій. Во всякомъ другомъ случаѣ эта газета конечно не могла-бы считать нежелательнымъ оглашеніе новаго открытія. Нѣсколько дней спустя та-же газета сообщаетъ факты, полученные въ частномъ кружкѣ, и которые репортеръ считаетъ вполнѣ достовѣрными и реальными.—Другая газета объявляетъ ко всеобщему удивленію, будто въ Западной Европѣ строго запрещено говорить публично о спиритуализмѣ; это однако не мѣшаетъ ей дать по прошествіи нѣсколькихъ дней историческій очеркъ спиритуализма, въ которомъ говорится о его распространеніи, литературѣ, о числѣ уважаемыхъ людей, убѣжденныхъ въ реальности феноменовъ, и тутъ-же замѣтить, что къ сожалѣнію и у насъ есть люди, вѣрящіе въ это «ребячество». Третья газета поступаетъ еще лучше. Ея крайняя мудрость ужъ напередъ рѣшила вопросъ; она знаетъ что́ невозможно, и потому такіе ученые, какъ Вагнеръ и я, у которыхъ хватаетъ смѣлости объявить «невозможное» существующимъ, кажутся ей вредными для успѣховъ науки. Какъ видно, это воскресшее ученіе лейпцигскаго физіолога Чермака [1]). Нужно однако замѣтить, что на этотъ разъ оно идетъ изъ источника, не стоющаго вниманія и что оно такъ-же мало, какъ и тогда, мѣшаетъ успѣхамъ различныхъ моихъ химическихъ изслѣдованій.

[1]) См. «Gartenlaube», 1873 г., № 7—11, статьи: «Ueber Hypnotismus bei Thieren, nebst gelegentlichen Bemerkungen über Naturwissenschaft und Spiritismus, Geistermanifestationen u. dergl., von Prof. Joh. Czermak».

Нѣсколько позже та-же газета сообщаетъ о замѣчательныхъ научныхъ открытіяхъ Крукса и говоритъ, перескакивая отъ него къ спиритуализму, о сеансѣ въ Лондонѣ съ Уилльямомъ. При этомъ репортеръ ясно видѣлъ медіума и Джона Кинга, обоихъ заразъ. Все это однако не помогаетъ и видѣнное трактуется, какъ искусно продѣланный Уилльямомъ фокусъ. Изъ дальнѣйшихъ справокъ оказалось, что около трехъ лѣтъ тому назадъ издатель этой газеты публично призналъ реальность феноменовъ, видѣнныхъ имъ въ присутствіи Юма; къ нашему удивленію, онъ недавно опять выступилъ въ своей газетѣ съ подтвержденіемъ этихъ послѣднихъ, тутъ-же прибавляя, что они для него совершенно непонятны и все-же должны быть сочтены за фокусы. Онъ совѣтуетъ заплатить надлежащимъ образомъ какому-нибудь медіуму, чтобъ тутъ-же узнать отъ него всю тайну. Замѣчательно упорная вѣра въ почти безграничную силу фокусничества!...

Но довольно объ этомъ.—Подобный образъ мыслей и подобныя рѣчи встрѣчались уже сотни и сотни разъ; они и въ будущемъ найдутъ себѣ повтореніе. Тутъ ничего не остается, какъ только прислушиваться и молча проходить мимо.

Проф. Вагнеръ упоминаетъ въ «Psychische Studien» о сеансахъ, въ которыхъ принималъ участіе парижскій медіумъ Бредифъ [1]) и которые производились за столомъ; потомъ объ одномъ господинѣ, который еще прежде

---

[1]) За послѣднее время въ здѣшнихъ газетахъ появилось два-три извѣстія о томъ, какъ Бредифъ былъ пойманъ въ обманѣ. Такъ какъ мы знаемъ сколько ложнаго и злобнаго печаталось въ свое время о Юмѣ, то мы, конечно, не можемъ придавать большаго значенія вышеупомянутымъ извѣстіямъ. Я лично сообщаю только дѣйствительно видѣнное, фактическое.

имѣлъ случай устраивать съ Бредифомъ сеансы другаго рода, о чемъ онъ намъ и сообщилъ; впослѣдствіи и мы прибѣгли къ опытамъ этого рода. Нѣкоторые изъ сеансовъ — у насъ ихъ было довольно много — были очень замѣчательны; одинъ изъ нихъ, происходившій въ квартирѣ А. Н. Аксакова, я и опишу въ нижеслѣдующемъ.

Присутствовали, кромѣ меня и медіума, А. Н. Аксаковъ, С. А. Аксакова, проф. Вагнеръ, д-ръ Д. и В. И. Прибыткова. Сначала мы сидѣли вокругъ стола, при чемъ происходили только самыя обыкновенныя явленія. Послѣ этого небольшаго предварительнаго сеанса, мы перешли ко второй, болѣе интересной половинѣ опыта. Одну изъ дверей затворили и заперли на ключъ, а такъ какъ она находилась въ толстой капитальной стѣнѣ, то чрезъ это образовалось углубленіе на подобіе шкафа, которое мы завѣсили раздѣленною на двѣ части сѣрою суконною занавѣской. Въ разрѣзѣ, между двумя половинами занавѣски устроили отверстіе; позади занавѣски, между ею и запертою дверью, поставили столикъ, около котораго осталось ровно столько мѣста, сколько нужно было для сидящаго на стулѣ медіума, котораго крѣпко связалъ я самъ при наблюденіи присутствовавшихъ, для чего употребилъ бѣлую полотняную тесьму около $^1/_2$ дюйма ширины. Каждая рука была крѣпко обмотана въ сгибѣ кисти. При этомъ мы особой пробой убѣдились въ невозможности вытянуть руки изъ перевязки, и тѣмъ менѣе вложить ихъ обратно. На каждой перевязи сдѣлали отъ 4 до 5 узловъ и затѣмъ обрѣзали тесьму. Потомъ подъ этими перевязями мы снова у обѣихъ рукъ пропустили тесьму и такимъ образомъ связали руки приблизительно на разстояніи дюйма одну отъ другой. Завязавъ и тутъ тесьму нѣ-

сколькими узлами, мы пропустили одинъ конецъ ея между колѣнъ медіума подъ стулъ къ мѣдному колесику правой задней ножки стула. При этомъ тесьма, пропущенная въ оправу колесика, была такъ туго натянута и крѣпко завязана, что руки медіума имѣли очень мало простора для движенія. Отъ колесика тесьма была проведена къ правому локтю медіума, и крѣпко обмотана и завязана на суставѣ, затѣмъ, черезъ грудь наискось проведена къ другой рукѣ и тоже завязана узлами, потомъ пропущена черезъ колесо лѣвой задней ножки стула и тоже крѣпко завязана. Оттуда она была проведена къ ногамъ медіума, которыя тоже были ею перевязаны въ нижнемъ сгибѣ; отсюда тесьма была опять проведена къ рукамъ, гдѣ и укрѣплена многими узлами. Такимъ образомъ крѣпко связанный медіумъ былъ вдвинутъ со стуломъ на его мѣсто за занавѣсомъ. На стоявшемъ тамъ столикѣ лежалъ колокольчикъ, нѣсколько листовъ *чистой* почтовой бумаги и карандашъ. Передъ занавѣской, почти вплоть, былъ поставленъ маленькій четыреугольный столъ, и вокругъ него размѣстилось полукругомъ наше общество. Ближе всего къ занавѣсу, по обѣимъ сторонамъ стола, сидѣли я и Аксаковъ, около меня д-ръ Д., около Аксакова проф. Вагнеръ; обѣ дамы сидѣли посреди нашего полукруга, какъ разъ противъ занавѣса; немного позже, когда явленія уже были въ полномъ ходу, Аксаковъ и Вагнеръ помѣнялись мѣстами. Свѣча стояла въ углу комнаты на столѣ и была окружена листомъ картона такъ, что комната была слабо освѣщена, но все же было достаточно свѣтло для того, чтобы различать довольно ясно всѣ предметы. Вначалѣ мы разговаривали съ медіумомъ; вскорѣ однако же онъ сказалъ намъ, что чувствуетъ приближеніе транса. Нѣсколько

мгновеній спустя, мы услышали отчетливый стукъ въ дверь за занавѣской. Это не былъ тотъ особенный стукъ, который бываетъ слышенъ при обыкновенныхъ сеансахъ у стола: казалось, что кто-то просто стучитъ въ дверь согнутыми пальцами руки. Этими стуками было объяснено, что освѣщеніе хорошо, но что требуется музыка. Пустили въ ходъ музыкальный ящикъ; почти тотчасъ же занавѣсъ пришелъ въ сильное движеніе и между двумя его половинами, почти непосредственно надъ столомъ нашимъ, появилась на мгновеніе довольно маленькая бѣлая рука. Занавѣсъ колебался почти постоянно, и рука трогала руки присутствующихъ то черезъ сукно занавѣса, то непосредственно, когда кто просовывалъ руку между двумя половинами занавѣса. Потомъ пришелъ въ движеніе колокольчикъ; онъ аккомпанировалъ своимъ звономъ музыкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ двигался, на сколько можно было судить по слуху, взадъ и впередъ въ пространствѣ за занавѣской. Вскорѣ однако колокольчикъ упалъ на полъ, и мы услышали шелестъ бумаги и звукъ двигающагося карандаша, звукъ писанія. Отвѣты на вопросы, которые мы задавали во время этого писанія, давались отчетливыми сильными стуками въ крышку столика, то рукой, то карандашемъ. Немного спустя, въ отверстіе между половинами занавѣса были просунуты два листка бумаги. Я взялъ одинъ изъ нихъ, другой упалъ на полъ и былъ поднятъ. Тѣмъ временемъ за занавѣсомъ слышались стуки карандаша объ столъ. Это должно было служить знакомъ, что требовались новые листки бумаги. Таковые были поданы и быстро взяты; снова послышался шелестъ писанія. — Позже мы тщательно разсмотрѣли всѣ листки бумаги; на одномъ ничего не было написано, на второмъ видно было нѣсколько зигзаговъ, на

третьемъ въ одномъ углу стояло «je», а на четвертомъ вполнѣ ясно стояли буквы «jek», менѣе ясна была четвертая буква «e», послѣ которой было нѣсколько росчерковъ. Все вмѣстѣ должно было обозначать «jeke»,— имя, часто встрѣчающееся въ сеансахъ съ Бредифомъ.

Въ продолженіе всего сеанса появившаяся рука постоянно касалась нашихъ рукъ, какъ только мы приближали ихъ къ занавѣсу или просовывали въ отверстіе между двумя его половинами. Непосредственныя прикосновенія вообще были короче, нежели прикосновенія черезъ сукно занавѣса; но первыя на всѣхъ насъ вообще произвели одно и тоже впечатлѣніе: къ намъ прикасались маленькіе, какъ казалось, женскіе пальцы; они были довольно теплы, эластичны и нѣсколько влажны, однимъ словомъ вполнѣ походили на живые. Рука эта крѣпко схватила черезъ сукно руку проф. Вагнера и втянула ее въ углубленіе. Одинъ разъ пальцы дотронулись непосредственно до руки Вагнера и хотѣли стащить кольцо съ его пальца, причемъ пробовали задѣть кольцо ногтемъ.

Мизинецъ д-ра Д. былъ крѣпко схваченъ всей ладонью этой руки, причемъ ногтемъ поколотили по его ногтю. Мой мизинецъ черезъ сукно былъ крѣпко сжатъ двумя пальцами, потомъ всей рукой была схвачена моя рука, тоже черезъ сукно. При этомъ я черезъ ткань довольно ясно чувствовалъ жизненную теплоту и относительно маленькую величину трогавшей меня руки, въ которой постоянно замѣчалось легкое дрожаніе.

Не разъ также видѣли мы эту руку, показывающейся въ разрѣзѣ занавѣса. Она доказала намъ вполнѣ свою вещественность, неоднократно ударяя по краю стола, стоявшаго среди насъ внѣ углубленія двери. Это были удары, какіе могла бы произвести рука любаго живаго

человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы могли тоже убѣдиться, что руки медіума все еще были связаны и находились въ прежнемъ положеніи. Одинъ разъ я обвернулъ свою руку сукномъ и просунувши ее въ отдѣленное занавѣсомъ пространство, изслѣдовалъ руки медіума, сидѣвшаго вполнѣ неподвижно. Проф. Вагнеръ даже отдернулъ на мгновеніе половину занавѣса и могъ при этомъ видѣть связанныя руки Бредифа.

Опредѣленнѣе всего и наиболѣе убѣдительнымъ было слѣдующее явленіе, отстраняющее всякое сомнѣніе и подозрѣніе въ томъ, что руки медіума принимали *непосредственное* участіе въ этихъ явленіяхъ: съ моей стороны, къ которой ближе всего сидѣлъ медіумъ, занавѣсъ началъ колебаться и подниматься, собираясь въ складки и удаляясь отъ косяка двери. Это имѣло такой видъ, какъ будто бы кто нибудь извнутри рукой поднималъ его. Черезъ нѣсколько секундъ занавѣсъ былъ отодвинутъ на столько, что мы оба, я и д-ръ Д., вполнѣ ясно видѣли весь корпусъ Бредифа и его руки *до* кистей, не было видно только самихъ кистей рукъ. Медіумъ былъ вполнѣ неподвиженъ, голова склонилась на грудь; около локтя ясно была видна стягивающая бѣлая тесьма; руки его покоились на колѣняхъ, и въ тоже время, какъ разъ у края поднятаго занавѣса, около головы медіума, на мгновеніе показалась маленькая бѣлая рука. Вскорѣ это явленіе повторилось съ тою же опредѣленностью снова, согласно выраженному мною желанію: рука показалась на прежнемъ мѣстѣ, въ то время какъ поднятый занавѣсъ позволялъ намъ видѣть медіума.

Позднѣе посредствомъ стуковъ былъ потребованъ бубенъ и энергично взятъ. Слышно было, какъ онъ двигался въ пространствѣ взадъ и впередъ и въ то же

время въ него ударяли въ тактъ къ музыкѣ. Движенія, такъ же какъ и ударъ въ бубенъ, были очень энергичны; можно было предположить, что теперь дѣйствуетъ уже не одна, а двѣ руки. Маленькій, стоявшій за занавѣской столикъ тоже пришелъ въ движеніе и нагнулся въ нашу сторону.

Нѣсколько позже была потребована азбука, пятью ударами, какъ обыкновенно.

Г-жа Аксакова первая поняла начинавшіяся слова, «A bientot?» спросила она. Ей тотчасъ отвѣчали тремя утвердительными звуками. «Не пора-ли окончить сеансъ?» спросилъ г. Аксаковъ. Опять тотъ же отвѣтъ. Затѣмъ все смолкло. Я тотчасъ просунулъ руку за занавѣсъ и ощупалъ руки медіума и повязки на нихъ. Все было безъ перемѣны, совершенно какъ вначалѣ, медіумъ совершенно спокойно сидѣлъ въ прежней позѣ. Только черезъ нѣсколько секундъ онъ пришелъ въ себя и просилъ насъ освидѣтельствовать перевязки на его рукахъ. Я отвѣчалъ ему, что это уже сдѣлано. Затѣмъ занавѣсъ былъ поднятъ, принесена свѣча и подробно осмотрѣно положеніе медіума. Все было какъ прежде; всѣ перевязки были не тронуты; сомнѣнію не оставалось мѣста. Для того, чтобы освободить медіума, мы должны были разрѣзать тесьму.

Вотъ не прикрашенное описаніе того, что мы видѣли. Явленія здѣсь носили шутливый характеръ, который часто,—но далеко не всегда,—сопровождаетъ медіумическія явленія. Но каковъ бы ни былъ характеръ явленій, реальность ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Признаніе этой реальности въ недалекомъ будущемъ предстоитъ всякому непредубѣжденному наблюдателю, а стало быть и всему человѣчеству. Это признаніе измѣнитъ многія изъ ходячихъ міровоззрѣній; жизнь и наука должны

*

будутъ посчитаться съ нимъ. Передъ фактичностью этихъ явленій рушатся обычные наши взгляды на строеніе матеріи и всплываютъ новыя понятія о разнообразіи формъ и степеней существованія.

Послѣ описаннаго сеанса мы имѣли еще много другихъ сеансовъ съ Бредифомъ, при которыхъ медіумъ былъ связанъ то такъ, то иначе и привязанъ къ стулу. Иногда руки его бывали всунуты въ особенные маленькіе изъ тюля сшитые мѣшечки, пришитые сначала одинъ къ другому, и затѣмъ—къ рукавамъ сюртука. Къ этимъ мѣшечкамъ пришивалась полотняная тесьма, посредствомъ которой руки прикрѣплялись къ стулу почти такъ же, какъ уже было описано, причемъ тесьма между колѣнъ медіума проходила подъ стулъ и привязывалась къ ввинченному нарочно въ заднюю часть стула кольцу. Каждая рука, немного ниже плеча тоже обматывалась тесьмой и привязывалась къ особому кольцу; тоже дѣлалось съ головой, причемъ тесьма обвивалась вокругъ шеи и привязывалась также къ особому кольцу, а ноги медіума къ переднимъ ножкамъ стула; при такомъ положеніи медіума происходило множество явленій, подобныхъ вышеописаннымъ: стучали, звонили, писали и т. д. Однажды случилось, что въ то время, какъ я просовывалъ руку за занавѣсъ для передачи чего-то работавшей тамъ рукѣ, другая рука появилась изъ-за занавѣса подъ моею и крѣпко ударила меня. При этомъ тоже была видна значительная часть высунувшейся изъ-за занавѣса голой верхней части руки.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ могли порою видѣть между раздвинутыми частями занавѣса медіума и убѣдиться въ его неподвижности. При всѣхъ опытахъ тюлевые мѣшечки оставались неиспорченными, гладкими и свѣжими.

Впослѣдствіи мы придумали еще другой способъ связыванія медіума. Въ то время, какъ голова и ноги его были привязаны, какъ сказано выше для рукъ, по мысли А. Н. Аксакова, употреблялся слѣдующій пріемъ: у основанія среднихъ пальцевъ тесьма плоско и плотно обматывалась три раза и нѣсколько разъ завязывалась узломъ. Одинъ конецъ тесьмы шелъ отсюда вдоль тыльной стороны руки къ сгибу кисти, гдѣ тесьма снова обматывалась отъ трехъ до четырехъ разъ и завязывалась; кромѣ того по всѣмъ перевязкамъ мы проводили по тесьмѣ черты карандашемъ [1]). Потомъ обѣ руки стягивались тесьмой, подсунутой подъ вышеописанныя перевязки, и привязывались вышеописаннымъ способомъ къ стулу. Легко понять, что при такихъ условіяхъ временное освобожденіе рукъ изъ перевязокъ, а тѣмъ менѣе всовываніе ихъ вновь — немыслимы. Если-бы руки и пальцы были вынуты изъ перевязокъ, то послѣднія тотчасъ бы распустились и спутались.

При употребленіи этого способа связыванія медіума у насъ 8 апрѣля былъ сеансъ въ квартирѣ г. Аксакова, описать который въ главныхъ чертахъ я считаю нелишнимъ. Присутствовали А. Н. и С. А. Аксаковы, профессоръ Вагнеръ и его жена, г. В. О. Ковалевскій и его жена (докторъ математики), я и г. В. Р. Связанный вышеописаннымъ образомъ медіумъ былъ на этотъ разъ вдвинутъ въ дверную нишу такъ, что спинка стула не касалась одного изъ дверныхъ косяковъ, какъ прежде, а находилась приблизительно посреди пространства. Между спинкой стула и косякомъ двери оставалось такимъ образомъ достаточно мѣста, чтобы поста-

[1]) Совпаденіе ихъ на отдѣльныхъ оборотахъ тесьмы свидѣтельствовали о сохраненіи цѣлости завязки.

вить небольшой деревянный табуреть, на который положены были: колокольчикъ, нѣсколько листковъ бумаги и карандашъ. Какъ только занавѣсъ былъ опущенъ, тотчасъ колокольчикъ пришелъ въ движеніе; онъ звонилъ очень сильно, причемъ быстро двигался по пространству. На секунду онъ упалъ на полъ, но снова,— что вообще рѣдко случалось — былъ поднятъ. Тогда подали мы работающимъ за занавѣсомъ рукамъ другой большій колокольчикъ, который тоже былъ взятъ, и впродолженіе нѣкотораго времени они оба сильно звонили. Аксаковъ выразилъ разъ желаніе, чтобы дѣйствующая за занавѣсомъ рука взялась за колокольчикъ черезъ сукно и звонила, причемъ колокольчикъ оставался бы съ нашей стороны занавѣса. Все было сдѣлано согласно этому желанію и притомъ въ такомъ мѣстѣ, которое вполнѣ было недосягаемо ни для рукъ, ни для ногъ, ни для зубовъ привязаннаго къ стулу медіума, а именно—*позади* медіума, приблизительно на равномъ разстояніи отъ спинки стула и косяка двери, и въ то же время довольно высоко *надъ* медіумомъ, на разстояніи около $1^1/_2$ фут. надъ его головой. На лежащей позади медіума бумагѣ писалось, различныя вещи брались и возвращались, и многое изъ этого дѣлалось на значительной высотѣ надъ головой медіума. Замѣчательно было и то, что руки впродолженіе сеанса нерѣдко можно было видѣть надъ головой медіума, а равно и трогать ихъ. Одного изъ присутствующихъ, большаго скептика, г. К., коснулась рука, находившаяся около самаго косяка двери, слѣдовательно на разстояніи около двухъ футовъ отъ стула медіума. Скептикъ этотъ самъ освидѣтельствовалъ неизмѣнившееся состояніе перевязокъ послѣ сеанса и долженъ былъ сознаться, что временное и быстрое освобожденіе медіума было

немыслимо. Ему оставалось только предположить, что медіумъ предварительно устроилъ какія-нибудь махинаціи. Такое предположеніе заставило насъ впослѣдствіи, послѣ удачнаго сеанса съ Бредифомъ, раздѣть послѣдняго и осмотрѣть его платье и тѣло, причемъ не было найдено ничего подозрительнаго.

Еще одинъ вполнѣ удачный сеансъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній, на которомъ я присутствовалъ, былъ устроенъ при условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя Круксъ употреблялъ съ медіумомъ мистриссъ Фай.

На сеансѣ этомъ присутствовали Аксаковы, мужъ и жена, проф. Вагнеръ съ женой, В. И. Прибыткова, д-ръ Д., г. В. Р. и я. Съ обѣихъ сторонъ стула были прикрѣплены къ нему электроды отъ баттареи, состоявшей изъ 5-ти элементовъ Даніэля. Электроды состояли изъ металлическихъ пластинокъ, на которыя были наложены пропитанныя соленой водой полотняныя тряпочки, а на нихъ ладони медіума. Такъ какъ электроды были прикрѣплены неподвижно, то Бредифъ не могъ отнять отъ нихъ рукъ, не прервавъ тока. Всякая попытка съ его стороны ввести вмѣсто своего тѣла что либо другое въ цѣпь тока, измѣнила бы тотчасъ силу тока и произвела бы измѣненіе въ показаніи гальванометра. Употреблявшійся гальванометръ былъ снабженъ рефлекторомъ, и свѣтлое пятно отражавшагося луча лампы двигалось по кругу, раздѣленному на сантиметры. Когда медіумъ былъ посаженъ на мѣсто и занавѣсъ опущенъ, я прервалъ токъ, чтобы для начала избавить медіума отъ вліянія электричества. Отъ времени до времени я все-таки однакоже на мгновеніе возстановлялъ токъ, и каждый разъ опредѣленное отклоненіе свѣтлаго пятна указывало на то, что руки медіума лежатъ на электродахъ. Положить верхнюю часть рукъ на электроды,

и такимъ образомъ освободить кисти, такъ чтобъ электроды оставались соединенными хотя-бы съ локтями, было для медіума невозможно, потому что его рукава были въ сгибахъ рукъ крѣпко обмотаны и перевязаны тесьмой. Сверхъ того ноги и голова медіума были привязаны упомянутымъ выше способомъ. Какъ только медіумъ впалъ въ трансъ и явленія начались, токъ былъ тотчасъ возстановленъ. Начиная съ этихъ поръ уклоненіе было около 50 сант. (при удаленіи гальванометра отъ круга на 34 дюйма), а во время сильныхъ явленій, которыя вообще продолжались краткое время, отражавшійся лучъ оставался неподвижнымъ. Медіумъ и на этотъ разъ сидѣлъ такъ, что спинка стула находилась почти посреди отдѣленнаго занавѣсомъ пространства; сзади его къ дверному косяку на веревочкѣ былъ подвѣшенъ колокольчикъ; онъ былъ приблизительно на той-же высотѣ, какъ голова медіума и на разстояніи около 10 дюймовъ отъ его шеи. Этимъ колокольчикомъ сильно звонили, ударяли имъ въ косякъ; повѣшенный на гвоздь за занавѣсомъ бубенъ былъ выброшенъ, занавѣсъ довольно сильно колебался; оба сидѣвшіе ближе всего къ занавѣсу, — Аксаковъ и Вагнеръ — не разъ ощущали прикосновеніе руки, работавшей за занавѣсомъ. Во время колебанія занавѣса проф. Вагнеръ видѣлъ руку предъ лицомъ спокойно сидѣвшаго медіума; другіе видѣли эту руку, высовывавшуюся между половинками занавѣса. Послѣ этого сеанса, какъ уже было сказано, медіумъ былъ раздѣтъ до-нагà и не было найдено ничего такого, что бы могло послужить для соединенія тока въ случаѣ предполагаемаго удаленія рукъ съ электродовъ.

Упомяну еще объ одномъ сеансѣ, на которомъ присутствовали только коротко мнѣ извѣстныя лица, при-

чемъ не было ни профессіональнаго медіума, ни вообще лица уже извѣстнаго за медіума. Сеансъ этотъ происходилъ въ квартирѣ проф. Вагнера. Кромѣ него и меня, за столомъ сидѣли его жена, д-ръ Д. и еще двое нашихъ хорошихъ знакомыхъ,—извѣстный художникъ и молодой зоологъ. Мы не принимали, правда, никакихъ особыхъ мѣръ для контроля, но я вполнѣ увѣренъ въ добросовѣстности всѣхъ присутствовавшихъ и въ ихъ желаніи вполнѣ серьезно испробовать, будутъ-ли происходить явленія или нѣтъ. И они произошли; отъ легкихъ движеній и наклоновъ стола, они мало-по-малу дошли до сильнаго качанія и, наконецъ, по нашему желанію, до совершеннаго поднятія стола, что повторилось отъ 10 — 12 разъ. Иногда столъ поднимался почти горизонтально, на футъ, и нѣсколько времени висѣлъ въ воздухѣ.

Когда мы замѣтили подобное проявленіе силы, то пожелали, чтобы столъ двигался безъ нашего прикосновенія къ нему, а также, чтобы онъ остался свободно висѣть на воздухѣ въ то время, какъ мы снимемъ съ его поверхности руки. И то, и другое очень опредѣленно удалось нѣсколько разъ подрядъ. Употребленный за этимъ сеансомъ столъ былъ овальный, средней величины, около $2^3/_4$ футъ длины и 2 ф. ширины; въ комнатѣ не было свѣчи, но большая часть явленій происходила въ сумерки, когда было еще довольно ясно видно.

Конечно, этотъ сеансъ для лицъ незнакомыхъ съ участвовавшими и не имѣющихъ къ нимъ довѣрія не будетъ доказателенъ; и я привожу его собственно для того,—имѣя *самъ* это довѣріе—чтобы показать въ какой степени неосновательно думать, что всѣ медіумы только весьма искусные фокусники и вызываютъ явле-

нія искусственно. Трудно повѣрить, какъ мало здравой логики часто обнаруживаютъ такъ называемые образованные люди; не менѣе интересенъ бываетъ и образъ мыслей различныхъ лицъ, ознакомившихся нѣсколько съ явленіями собственнымъ наблюденіемъ или посредствомъ чтенія. Я встрѣчалъ, напр., такихъ, которые только до тѣхъ поръ вѣрили въ реальность явленій, пока они *слышали* о нихъ отъ свидѣтелей, пользовавшихся ихъ довѣріемъ, и безусловно начинали отрицать эти явленія, какъ только сами *видѣли* ихъ и притомъ именно въ присутствіи только тѣхъ лицъ, которыя считались ими прежде достойными довѣрія! Эти свидѣтели такимъ образомъ изъ заслуживающихъ довѣрія превращались во мнѣніи этихъ оригинальныхъ скептиковъ въ подозрительныхъ, обманывающихъ. Другіе, напр., видѣли поднятіе стола при обстоятельствахъ, не допускающихъ сомнѣнія. Это явленіе и признается ими, но всѣ болѣе сложныя явленія отрицаются. Пока Круксъ или я говоримъ о поднятіи и движеніи (хотя-бы и вполнѣ самопроизвольныхъ), мы люди въ здравомъ умѣ; заговоримъ-же мы о появленіи рукъ и т. д., которыя мы видѣли тоже при различныхъ мѣрахъ предосторожности, какъ и другія явленія, то мы тотчасъ считаемся этими своеобразными sui generis скептиками почти за сумасшедшихъ. Третьи готовы принять и явленія и спиритуалистическую гипотезу безъ дальнѣйшей критики, но въ то-же время говорятъ, что явленія эти вообще не представляютъ интереса и не имѣютъ значенія. А тѣ же самые люди и въ то-же время живо интересуются различными учеными и соціальными вопросами.

Интересны также люди, которые, видѣвъ раза два явленія и притомъ при заслуживающихъ довѣрія условіяхъ, составляютъ тотчасъ готовое мнѣніе. Они раз-

суждаютъ приблизительно въ такомъ родѣ: «Я видѣлъ руки за занавѣсомъ; тамъ не было другихъ рукъ, кромѣ рукъ медіума; слѣдовательно — это дѣйствовали руки медіума»; — «правда, что связанныя руки медіума не измѣняли положенія и не могли производить видѣнныхъ явленій, но почемъ я знаю, какъ онъ это тамъ дѣлаетъ?», или: «фокусы бываютъ весьма разнообразны, а я ихъ не понимаю».—При этомъ не замѣчаютъ, что, отказываясь отъ пониманія фокусовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ то, что слѣдовало-бы прежде хорошенько изслѣдовать.

Лучшими изо всѣхъ остаются хладнокровные здравомыслящіе люди, которые прежде всего констатируютъ фактъ и только изъ фактовъ позволяютъ себѣ дѣлать выводы. Они энергично отрицаютъ, но отступаютъ передъ фактами, какъ только они являются дѣйствительно достовѣрными. Подобные люди могутъ осторожно вести другихъ впередъ; къ сожалѣнію, число ихъ очень еще не велико, а то вліяніе, которое привычка и чувства, подавляя даже разсудокъ, имѣютъ на сужденіе большинства людей, напротивъ, весьма значительно,

С.-Петербургъ, 9 мая 1875 г.

Примѣчаніе. Могу теперь сообщить, что д-ръ А., о которомъ здѣсь упоминается — Александръ Яковлевичъ Данилевскій, нынѣ занимающій каѳедру патологической химіи въ харьковскомъ университетѣ. *Издатель.*

IV.

СЛУЧАЙ САМОПРОИЗВОЛЬНЫХЪ МЕДІУМИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ БЛИЗЪ С.-ПЕТЕРБУРГА.

(Psychische Studien, 1881 г., стр. 1.)

Извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ ученые противники медіумизма, считаютъ для себя позволительнымъ отказываться отъ предлагаемыхъ имъ наблюденій. Такое отношеніе едва-ли научно, но съ извѣстной точки зрѣнія оно можетъ быть въ нѣкоторой степени оправдано: естествоиспытатель противнаго лагеря допускаетъ, что онъ дѣйствительно увидитъ явленія таковыми, какими они описываются; при этомъ, однако, онъ считаетъ почти несомнѣннымъ, что эти послѣднія, вызванныя повидимому намѣренно данной личностью, являются результатомъ обмана, къ обнаруженію котораго у него нѣтъ ни времени, ни охоты. Взглядъ на всѣхъ медіумовъ, какъ на плутовъ и обманщиковъ и на всѣхъ наблюдателей подтверждающихъ явленія, какъ на глупцовъ — если и не высказывается вслухъ, то все-же молча принимается. Крайняя невѣроятность такого допущенія упускается при этомъ изъ виду. Существенный во-

просъ — почему тотъ или другой наблюдатель, обладающій во всѣхъ иныхъ случаяхъ здравымъ разсудкомъ, долженъ считаться невмѣняемымъ, коль скоро дѣло коснется медіумизма — остается открытымъ.

Но когда такъ называемыя сверхъестественные феномены появляются самопроизвольно, когда нельзя заподозрѣть обмана и когда быть можетъ таковаго и вовсе не было — тогда что? Какъ относятся господа натуралисты противнаго лагеря къ этимъ явленіямъ природы? а къ таковымъ они должны быть причислены, ибо они совершаются въ природѣ. Они игнорируютъ. Человѣческая наука въ лицѣ такихъ ученыхъ и знать ничего не хочетъ о томъ, что сама природа открываетъ намъ въ этой области. Я самъ не разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ обнаруживались подобныя самопроизвольныя явленія и описывались въ періодической печати, и какъ ни одинъ изъ нашихъ ученыхъ противниковъ и не подумалъ даже при этомъ узнать на мѣстѣ о настоящемъ положеніи дѣла. Къ счастью, въ подобныхъ случаяхъ находятся обыкновенно люди, если и не причастные патентованной наукѣ, то все-же достойные уваженія и довѣрія, которые и берутъ на себя этотъ небольшой трудъ.

За то время, какъ я интересуюсь медіумизмомъ, т. е. за послѣднія десять лѣтъ, самопроизвольныя медіумическія явленія обнаруживались уже нѣсколько разъ здѣсь, въ Петербургѣ, и въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества. Иногда случалось, что на мѣсто происшествія посылались письменные запросы, и факты констатировались письменными-же отвѣтами очевидцевъ. Въ трехъ случаяхъ, когда эти феномены происходили здѣсь въ самомъ городѣ или близь него и извѣстія о нихъ появлялись въ газетахъ, знакомые мои, люди серьезные и

заслуживающіе довѣрія, отправлялись на мѣсто, чтобъ получить ближайшія свѣдѣнія о происшедшемъ. Сообщенія подтверждались всегда, за исключеніемъ развѣ незначительныхъ подробностей. Изъ этихъ трехъ случаевъ я разскажу въ нижеслѣдующемъ о послѣднемъ. Онъ имѣлъ мѣсто въ ноябрѣ 1880 года. Вотъ что было сообщено газетами и подтверждено разслѣдованіями моихъ знакомыхъ.

19-го ноября стараго стиля, вдова колониста Маргарита Бичъ и колонистъ Адамъ Бауеръ (опекунъ дѣтей Бичъ), привезли семнадцатилѣтнюю дѣвушку, Пелагею Николаеву, питомицу здѣшняго воспитательнаго дома, къ окружному смотрителю этого послѣдняго, проживающему въ округѣ Лѣснаго Корпуса. При этомъ было заявлено, что въ домѣ названной вдовы, живущей въ сосѣдней деревнѣ Ручьи, происходятъ странныя явленія. Двѣ дѣвушки, вышеупомянутая Пелагея и Вѣра Яковлева (тоже проживающая въ домѣ Бичъ), сдѣлались съ $^{3}/_{15}$ ноября объектами странныхъ, неизвѣстно откуда и отъ кого идущихъ нападеній. Когда эти дѣвушки занимались въ погребѣ переборкой картофеля, то онъ былъ брошенъ въ лицо сначала Вѣрѣ, потомъ Пелагеѣ. Съ тѣхъ поръ бросаніе картофеля настойчиво продолжалось почти каждый день и сдѣлалось чуть-ли не обычнымъ для дѣвушекъ. При обыскѣ погреба никого не нашли. Къ этому присоединились потомъ и другія явленія; на дѣвушекъ бросались и разные другіе предметы и домашняя утварь, напр,, обрубки, скамейки, лопаты. Все это происходило только въ присутствіи Пелагеи; когда Вѣра была одна, ничего особеннаго не замѣчалось. Въ большинствѣ случаевъ брошенные предметы летѣли Пелагеѣ въ догонку; бросаніе обыкновенно было тогда, когда она сама находи-

лась въ движеніи; когда она сидѣла или спала, прекращалось и бросаніе.

$^{17}/_{29}$ ноября, вечеромъ, вдова Бичъ сидѣла за столомъ и читала. На столѣ горѣла лампа. Въ домѣ всѣ уже спали, и обѣ дѣвушки лежали на скамьяхъ. Вдругъ раздались стуки; они были слышны въ стѣнѣ, въ оконныхъ рамахъ, а подъ конецъ даже въ столѣ, за которомъ сидѣла сама Бичъ. Временами они напоминали нѣсколько барабанный бой. 19 ноября обѣ дѣвушки отправились въ коровникъ, чтобъ почистить его. Когда, по окончаніи работы, онѣ собирались уже уходить, имъ полетѣла вслѣдъ разная домашняя утварь; коровы при этомъ были такъ перепуганы, что забрались передними ногами въ ясли. Однажды метла черезъ весь дворъ полетѣла за Пелагеей, такъ что она едва успѣла скрыться за дверью и притворить ее за собой, при чемъ метла была прихлопнута дверью.

19 ноября бросаніе было особенно сильно съ самаго утра. Выбрасывались полѣнья изъ дровянаго ящика, хотя крышка его была опущена; потомъ упали двѣ стѣнныя полки со всей стоявшей на нихъ посудой; за ними послѣдовалъ чайникъ, брошенный къ ногамъ Пелагеи и разбившійся. Кастрюли, утюги и пр. полетѣли съ плиты; съ котла была сброшена крышка; изъ него вылетѣлъ ковшикъ съ водою и вылилъ ее Пелагеѣ на голову. Позже Пелагея была еще два раза облита водой безъ помощи ковша—вода сама собой поднималась изъ котла и бросалась на нее.

Въ этотъ день колонисты отправились въ Мурино за священникомъ и просили его отслужить молебенъ въ ихъ домѣ, что и было исполнено. Во время службы, все было покойно; полчаса спустя возобновилась таже исторія. Между прочимъ шапки любопытныхъ посѣ-

тителей, находившихся тогда въ домѣ въ числѣ пятнадцати человѣкъ приблизительно, слетѣли съ комода; видно было среди бѣла дня, какъ три сброшенныя шапки прыгали по полу, поднимаясь съ одного мѣста и падая на другое. Многіе видѣли также, какъ сидѣвшій у стола котъ былъ поднятъ на воздухъ и брошенъ въ спину Пелагеѣ; испуганный котъ закричалъ и ощетинился.

Рѣшено было наконецъ удалить Пелагею, что и было исполнено въ тотъ-же вечеръ. Съ ея удаленіемъ прекратились всѣ безпокойства.

Когда дали знать полиціи о всемъ случившемся, на значено было особенное разслѣдованіе, были спрошены свидѣтели и составленъ протоколъ. Свидѣтели показали при этомъ, что они дѣйствительно видѣли эти странныя явленія. 29-го ноября (11 декабря) въ одной изъ петербургскихъ газетъ было описано все происшедшее, и два или три дня спустя знакомые мои, В. И. П. съ супругой и господа М. П. Г. и К. Н. М. отправились на самое мѣсто. Они лично осмотрѣли театръ странныхъ явленій, говорили съ колонисткой Бичъ и колонистомъ Бауеромъ и все вышеописанное было подтверждено очевидцами; Бауеръ особенно напиралъ на то, что онъ видѣлъ, какъ шапки прыгали по полу. Бауеръ былъ радъ встрѣтить наконецъ людей, которые выслушивали его разсказы безъ саркастическихъ улыбокъ и не сочли его тронутымъ въ разсудкѣ, какъ это спѣшили сдѣлать нѣкоторые другіе. Бауеръ и Бичъ люди покойные и довольно образованные для своего общественнаго положенія. Они не видятъ въ явленіяхъ ничего враждебнаго, страшнаго или дьявольскаго; скорѣе они склонны видѣть въ нихъ шутливый элементъ, а въ виновникахъ ихъ извѣстную сознательность, разумность. Пелагеѣ ни разу не былъ причиненъ вредъ, хотя

многое съ силой бросалось въ нее. И Бичъ и Бауеръ были вполнѣ убѣждены, что Пелагея не принимала сознательнаго участія въ явленіяхъ.

Нѣсколько дней спустя я имѣлъ случай видѣть безвинную причину всѣхъ этихъ событій, дѣвушку Пелагею, и устроить съ ней сеансъ. Она оказалась рѣшительно медіумичной: вскорѣ послышались различные стуки и обнаружились нѣкоторыя другія элементарныя медіумическія явленія. Еслибъ дальнѣйшія обстоятельства этому благопріятствовали, дѣвушка могла бы развиться въ сильнаго медіума.

С.-Петербургъ, 10/22 дек. 1880 г.

V.

ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНІЯ ГОМЕОПАТІИ И МЕДІУМИЗМА.

Открытое письмо проф. А. М. Бутлерова къ профессору д-ру Густаву Іегеру.

(«Psychische Studien», 1882, стр. 5.)

Многоуважаемый сотоварищъ!

Нѣсколько дней тому назадъ, я имѣлъ удовольствіе изложить, въ видѣ реферата для одной изъ нашихъ распространеннѣйшихъ газетъ, сущность чрезвычайно интересной поучительной брошюры вашей «Die Neural Analyse».

Я предпослалъ этому реферату нѣсколько замѣтокъ, съ цѣлью показать, что дѣйствіе безконечно-малыхъ дозъ отнюдь не противорѣчитъ современной наукѣ, какъ это вообще полагаютъ. Опытъ доказываетъ, скорѣе, неосновательность такого мнѣнія. Прежде всего я приведу здѣсь нѣсколько извлеченій изъ упомянутаго моего реферата [1]).

[1]) Авторъ приводитъ тутъ тѣ мѣста своей вышеупомянутой статьи, гдѣ говорится о химическихъ и физическихъ явленіяхъ, указывающихъ, что въ болѣе тонкомъ состояніи матерія можетъ представлять болѣе значительный запасъ силы. Эти мѣста находятся здѣсь на стр. 245—249, отъ словъ: «Но есть явленія»... до «Вліяніе малыхъ» и т. д. *Издатель.*

Далѣе попрошу позволенія привести два-три примѣра, относящіеся къ запаху и вкусу гомеопатическихъ разжиженій, о чемъ говорите и сами вы, многоуважаемый сотоварищъ. Я надѣюсь, что они покажутся вамъ не лишенными интереса. Дѣло идетъ о наблюденіяхъ, произведенныхъ нашимъ извѣстнымъ докторомъ-гомеопатомъ Боянусомъ впродолженіе его многолѣтней практики. Примѣры эти опубликованы имъ самимъ, и достовѣрность этихъ фактовъ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Одна женщина, здоровая, но нѣжной комплекціи, не могла выносить іода, какъ въ высокихъ, такъ и въ низшихъ степеняхъ разжиженія. Ради опыта ей давали іодъ много разъ маленькими пріемами отъ 3-го до 30-го дѣленія, и каждый разъ, въ какомъ бы видѣ онъ данъ ни былъ, женщина узнавала его по вкусу. Г. *Боянусу* показалось однако все это недостаточно убѣдительнымъ и когда однажды случилось, что упомянутая особа заболѣла тифомъ и безъ чувствъ лежала на постели, то онъ снова далъ ей іодъ, въ 30-мъ дѣленіи, наливъ нѣсколько капель на кусочекъ сахару. Больная тотчасъ узнала непріятное ей вещество, выплюнула сахаръ и воскликнула: «Зачѣмъ вы даете мнѣ эту дрянь?! вы вѣдь знаете, что я не могу выносить ее!» Когда она выздоровѣла, ей разсказали объ этомъ случаѣ, но она ничего не помнила.

Другое наблюденіе г. *Боянуса* еще интереснѣе, потому что опытъ произведенъ былъ надъ простымъ русскимъ крестьяниномъ, не могшимъ, конечно, имѣть ни малѣйшаго понятія о дѣйствіи лекарствъ, которыхъ пріемы и свойства испытывались на немъ. Крестьянинъ этотъ заболѣлъ желудочнымъ катарромъ, и ему дана была Nux vomica въ 12-мъ дѣленіи. Лекарство дава-

*

лось въ формѣ порошка, сдѣланнаго изъ 5—6 растертыхъ гомеопатическихъ крупинокъ изъ молочнаго сахара. Порошокъ этотъ крестьянинъ долженъ былъ принимать ежедневно по два раза, впродолженіе недѣли, а чрезъ семь дней ему приказано было снова придти къ доктору. Въ назначенный срокъ крестьянинъ явился и сказалъ, что онъ чувствуетъ себя гораздо лучше. Чтобы не мѣшать дальнѣйшему дѣйствію лекарства и вмѣстѣ съ тѣмъ не огорчить паціента отказомъ въ леченіи, докторъ далъ ему на этотъ разъ порошки, подобные прежнимъ, но состоявшіе изъ одного чистаго молочнаго сахара. По прошествіи недѣли крестьянинъ снова пришелъ къ своему врачу и объявилъ, что лекарство, данное въ послѣдній разъ, дѣйствовало хуже, чѣмъ предыдущее: «Тѣ порошки были горькіе», прибавилъ онъ, «а эти сладкіе; дай мнѣ лучше опять горькихъ». Ради опыта, Боянусъ приготовилъ тогда въ особой комнатѣ два одинаковыхъ по наружному виду порошка: первый состоялъ изъ чистаго молочнаго сахару, а второй изъ пяти размельченныхъ крупинокъ двѣнадцатаго дѣленія Nux vomica. Когда онъ сперва высыпалъ на языкъ крестьянина чистый молочный сахаръ и спросилъ, этого ли лекарства желалъ тотъ, то крестьянинъ возразилъ, что порошокъ этотъ сладокъ, а онъ просилъ горькаго; когда же докторъ далъ ему пріемъ настоящаго лекарства, то крестьянинъ съ радостью объявилъ, что это то самое, котораго ему хотѣлось.

Круксъ, сообщая свои поразительные результаты, относящіеся къ проявленіямъ электрической энергіи въ чрезвычайно разрѣженныхъ газахъ, замѣчаетъ, что матерія здѣсь, такъ сказать, претворяется въ силу. Замѣчаніе это еще съ большимъ правомъ можетъ быть отнесено къ вашимъ крайне-интереснымъ наблюденіямъ

надъ случаями проявленія наибольшаго дѣйствія вещества при двухтысячномъ гомеопатическомъ разжиженіи. Послѣ этого естественно спросить: вправѣ ли мы считать *вещество* само по себѣ реальнымъ, если отдѣлить отъ него понятіе о *силѣ?* Такъ какъ мы воспринимаемъ только дѣйствіе силъ и только по этому дѣйствію судимъ о присутствіи и качествахъ того, что зовемъ веществомъ, то вещество, какъ отдѣльное понятіе, собственно говоря, устраняется и остается лишь сила, «энергія». Подобное понятіе о вещественной природѣ принадлежитъ, какъ извѣстно, философамъ *А. Шопенгауэру* и *Э. Гартману* и признается многими естествоиспытателями, какъ напримѣръ *А. Р. Уалласомъ*. Въ результатѣ является здѣсь точно также *монизмъ*, какъ и при чисто-матеріалистическомъ воззрѣніи на природу, но только на мѣсто матеріи становится сила, энергія.

По *Шопенгауэру* и *Гартману* источникомъ силы является «воля», и *Уалласъ* почти согласенъ съ этимъ; но воля, по мнѣнію Гартмана, безсознательна и неразумна, а по Уалласу, напротивъ, разумна и сознательна. Взирая на массу несчастія, которымъ преисполненъ земной міръ, *пессимистическая* философія, не знающая или не желающая знать иного міра, необходимо должна была придти къ «безсознательному». Но если существованіе наше не ограничивается земной жизнію, то «безсознательное» отпадаетъ, и сознательная разумная воля вступаетъ въ свои права.

Существуютъ ли формы бытія внѣ грубыхъ матеріальныхъ формъ? Разрѣшить этотъ вопросъ для насъ, естествоиспытателей, могутъ въ концѣ концовъ только факты. Я утверждаю, что такіе факты существуютъ; они громко говорятъ тѣмъ, которые не отказываются услышать ихъ голосъ. Чистосердечно сознаюсь, что самъ

я не былъ приведенъ къ этимъ фактамъ какими-либо предварительно усвоенными философскими воззрѣніями, а напротивъ, волей-неволей принужденъ былъ по немногу примириться съ дѣйствительнымъ существованіемъ такихъ фактовъ, и сообразно этому допустить вышеприведенный взглядъ Уалласа на природу.

Подобно тому, какъ я указалъ выше на отсутствіе противорѣчія между дѣйствіемъ гомеопатическихъ пріемовъ и положительнымъ знаніемъ, попытаюсь теперь отвѣтить на вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли, руководясь аналогіями, допустить существованіе такихъ формъ энергіи, которыя не подлежатъ нашему непосредственному наблюденію? По моему, отвѣтъ долженъ быть утвердительнымъ. Мы знаемъ, что могутъ существовать въ воздухѣ такія колебанія, которыя ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ звуковыхъ, но которыя мы не можемъ, однако, слышать, потому что они либо слишкомъ медленны для этого, либо слишкомъ скоры; мы знаемъ также, что существуютъ свѣтовыя волны, не производящія непосредственнаго впечатлѣнія на наше зрѣніе и становящіяся замѣтными только при посредствѣ поверхностей флуоресцирующихъ или вообще чувствительныхъ къ свѣту [1]. А послѣ этого развѣ мы имѣемъ какое-нибудь право отрицать, что существуютъ въ природѣ такія формы энергіи, которыя подобно упомянутымъ вполнѣ реальны, и не смотря на то остаются, при обыкновенныхъ условіяхъ, вовсе недоступными для

[1]) Здѣсь я позволяю себѣ обратить ваше вниманіе на остроумную брошюру доктора *Эд. Вегенера* «Zum Zusammenhang von Sein und Denken», въ случаѣ если она еще вамъ неизвѣстна. Впослѣдствіи я вернусь къ ней (См. также «Psych. Stud», апрѣльскій выпускъ 1879 г., стр. 189).

нашихъ чувствъ. Подобныя формы энергіи могутъ оставаться намъ неизвѣстными, какъ будто бы онѣ и не существовали вовсе, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока найдутся условія, при которыхъ онѣ подѣйствуютъ на наши чувства.

Кромѣ того мы знаемъ, что одна форма энергіи можетъ переходить въ другую (съ соблюденіемъ опредѣленной эквивалентности, согласно «закону сохраненія силы»). Изъ этихъ формъ иныя могутъ быть вовсе не замѣтными для насъ, и тогда превращеніе ихъ въ форму намъ доступную явится какъ бы возникновеніемъ изъ ничего. А если сама матерія ничто иное, какъ извѣстное проявленіе силы, то это именно и можетъ случиться съ нею: будетъ *казаться*, что матерія можетъ происходить изъ ничего, и можетъ превращаться въ ничто, тогда какъ въ сущности это будетъ переходъ въ нѣкоторый видъ силы, недоступный непосредственно нашимъ чувствамъ. Если *воля* есть источникъ каждой силы, то мы, исходя изъ этого положенія, должны допустить, что она можетъ производить то, что мы называемъ веществомъ или матеріей. Если воля сознательна и разумна, то она можетъ совершать это преднамѣренно. Существованіе «вещества» ею созданнаго, можетъ быть какъ постояннымъ, такъ и *преходящимъ*.

Теперь мы спросимъ себя однако же, не пришли ли мы къ заключенію нелѣпому,—не значитъ ли это утверждать, что изъ «ничего» можетъ произойти «нѣчто»—и наоборотъ? Нѣтъ, ничуть! Конечно, мы должны отбросить при этомъ ходячее понятіе о вѣчности матеріи, но не понятіе о вѣчности силы или, скорѣе, воли, а тѣмъ болѣе — воли сознательной, верховно-разумной, первоначальнаго источника всякой силы. Далѣе, количество энергіи въ природѣ должно ли быть неизмѣняе-

мымъ (какъ это вообще принято по отношенію къ матеріи и, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, вполнѣ справедливо), или же оно измѣняется? Мы не можемъ, конечно, представить себѣ, чтобы «нѣчто»—а слѣдовательно и энергія — обратилась въ «ничто»; но говорить о количествѣ энергіи во всей природѣ совершенно излишне, какъ ровно излишне говорить, вмѣстѣ съ естествоиспытателями-матеріалистами, объ общемъ количествѣ вещества въ природѣ. Въ томъ, какъ и въ другомъ случаѣ, отвѣтъ гласитъ: — «*безконечность*», т. е. то, что совершенно исключаетъ понятія о количествѣ, объ уменьшеніи и объ увеличеніи.

Мы не можемъ, разумѣется, представить себѣ, чтобы на совершеніе нѣкотораго количества «работы» не было употреблено соотвѣтственнаго количества энергіи; но это положеніе не будетъ ли столь же справедливымъ и тогда, когда дѣло идетъ о такъ называемой умственной работѣ? Утвердительный отвѣтъ на это даютъ д-ръ Эдуардъ Вегенеръ [1]), а также и профессоръ *Шлезингеръ* [2]). Справедливо или нѣтъ то увѣреніе, что энергіи, употребляемой на совершеніе умственнаго труда, вовсе не оказывается на лицо въ видѣ какой бы то ни было изъ извѣстныхъ формъ—объ этомъ я не позволю себѣ судить. Вы, многоуважаемый сотоварищъ, какъ физіологъ, можете быть болѣе компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, но во всякомъ случаѣ нельзя не счесть замѣчательнымъ то обстоятельство, что два

[1]) См. предыдущее примѣчаніе.

[2]) См. его сочиненіе «Die Entstehung der physischen und geistigen Welt aus dem Aether. Wien. 1882 г. Въ его теоріи эфира большая часть, мнѣ кажется, черезчуръ гипотетична и нерѣдко составляетъ только перифразъ того, что общепринято въ наукѣ.

ученые мыслителя, независимо одинъ отъ другаго, пришли къ одному и тому же выводу [1]).

Если принять аналогіи и факты мною указанные, и заключенія мною сдѣланныя, то безъ затрудненія можно допустить существованіе міра сверхчувственнаго, способнаго влiять на нашъ чувственный міръ. Тѣ явленія, которыя мой высокоуважаемый собратъ, профессоръ Цöлльнеръ, считаетъ соприкасающимися съ существованіемъ такъ называемыхъ имъ «разумныхъ четырехмѣрныхъ существъ» не представляются тогда болѣе невозможными по существу. Я принадлежу, какъ извѣстно, къ числу тѣхъ,—въ настоящее время уже *многочисленныхъ* — счастливцевъ или несчастливцевъ (личное мое чувство говоритъ въ пользу перваго названія), которые имѣли случай вполнѣ убѣдиться на дѣлѣ въ реальности такъ называемыхъ *медіумическихъ* явленій и въ важномъ значеніи ихъ по отношенію къ расширенію людскаго міросозерцанія. Съ нашимъ допущеніемъ медіумическихъ явленій дѣлается тоже, что и съ вашими наблюденіями, многоуважаемый сотоварищъ, — «шарлатанство», «нелѣпость» — вотъ обычное выраженіе оцѣнки даже со стороны тѣхъ, которые сами не производили никакихъ опытовъ, или не хотятъ добросовѣстно производить ихъ, и мы часто видимъ, какъ совершенно упускается изъ виду ваше прекрасное изрѣченіе: «Кто отрицаетъ, не испытывая, тотъ не только не заслуживаетъ названія ученаго, но даже и названія просто честнаго человѣка!» Мы подобно вамъ «ничуть

[1]) Подобныя же идеи выражены извѣстными англійскими физиками Бальфуръ-Стьюартомъ и Тэйтомъ въ ихъ замѣчательной книгѣ «*Невидимый міръ*». Крайне жаль, что сочиненіе это, переведенное на французскій языкъ съ *десятаго* англійскаго изданія, еще до сихъ поръ не переведено на русскій языкъ.

не претендуемъ на слѣпое довѣріе къ нашимъ сообщеніямъ, и думаемъ, подобно вамъ, что по самой важности предмета онъ не можетъ не подвергнуться изслѣдованію, если только міръ оффиціальныхъ ученыхъ не хочетъ провиниться въ неисполненіи своего долга». Подобно вамъ, насъ «замалчиваютъ по цѣлымъ годамъ»; тотъ же самый лейпцигскій профессоръ *Вундтъ*, который не хочетъ знать о вашихъ открытіяхъ, счелъ нужнымъ выступить противъ *Фихте*, *Ульрици*, *Цёлльнера* и др. Всѣ мы имѣемъ дѣло съ *научнымъ фанатизмомъ*. Эти два слова составляютъ, повидимому, вопіющее противорѣчіе, но тѣмъ не менѣе ихъ, къ сожалѣнію, часто приходится соединять, потому что нерѣдко встрѣчаются такіе ученые, которые въ сущности имѣютъ менѣе права на названіе истинныхъ ученыхъ, чѣмъ на званіе жрецовъ установленной ими научной религіи, въ догматы которой — то есть собственно въ непогрѣшимость своего любезнаго «*я*» — они вѣруютъ.

Позвольте мнѣ въ заключеніе, многоуважаемый сотоварищъ, выразить надежду, что если бы вамъ представился случай къ наблюденію медіумическихъ явленій, то вы не уклонитесь отъ таковаго. Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ почтеніи.

А. Бутлеровъ.

С.-Петербургъ, 9 дек. 1881 г.

Примѣчаніе къ этому отдѣлу. Къ числу нѣмецкихъ статей автора принадлежатъ еще три: первая, въ одну страницу, полемическаго характера: «Предразсудокъ противъ предразсудка» («Ps. St.» 1875 г.), здѣсь опущена; вторая, столь же краткая: «По поводу одного вопроса сдѣланнаго Прейеромъ» («Ps. St.» 1879 г.), приведена здѣсь самимъ авторомъ на стр. 168—169; и третія, пространная, подъ заглавіемъ: «Моя поѣздка въ Лондонъ» («Ps. St.» 1776 г.), существенная часть которой также передана здѣсь самимъ авторомъ въ статьѣ его: «Эмпиризмъ и догматизмъ». См. стр. 190—204.

Издатель.

НЕИЗДАННЫЯ СТАТЬИ

I.

СЕАНСЪ 4-ГО ФЕВРАЛЯ 1875 ГОДА [1].

Сеансъ, состоявшійся вчера, 4-го февраля, въ квартирѣ А. Н. Аксакова, былъ на столько разителенъ по явленіямъ, на столько убѣдителенъ по обстановкѣ, что я не могу ограничиться сухой формой протокола, и желалъ бы дать читателю болѣе живое описаніе. Въ настоящемъ, правда, оно предназначено для немногихъ, но—кто знаетъ—недалеко быть можетъ время, когда моему разсказу придется открыто увидѣть свѣтъ Божій—появиться въ печати, не рискуя навлечь на автора нареканія въ умопомѣшательствѣ. Воображаю, что было бы, если бы теперь же разсказать публично все ввѣряемое мною этимъ листкамъ. Сколько двусмысленныхъ улыбокъ, сколько аханій и покачиваній головами, сколько соболѣзнованія о состояніи моихъ мозговъ потратилось бы по напрасну! А между тѣмъ факты идутъ своимъ чередомъ, развиваясь такъ быстро, какъ не смѣли и ожидать. То, что самому мнѣ, уже видѣвшему многое, казалось невѣроятнымъ, почти невозможнымъ,

[1]) Этотъ сеансъ уже описывался, но не столь подробно, въ статьѣ: «Мои новѣйшія наблюденія въ области медіумизма», стр. 430—436. См. также примѣчаніе объ А. Я. Даниловскомъ на стр. 443. *А. А.*

два года тому назадъ,—совершается въ очію какъ будто бы нѣчто обыденное. Вѣроятно многимъ изъ тѣхъ, которые подсмѣиваются теперь, еще лично придется расплачиваться публичнымъ признаніемъ фактовъ за упорную неподвижность, съ какой нынѣ сидятъ они самодовольно въ своемъ невѣріи къ чужимъ наблюденіямъ. Факты не уступаютъ и не отступаютъ!

Въ началѣ 9-го часа вечеромъ, собрались мы по обыкновенію въ маленькомъ кабинетѣ хозяина. Общество состояло, считая и медіума, Камилла Бредифа, изъ семи лицъ: А. Н. Аксакова, С. А. Аксаковой, В. И. Прибытковой, Н. П. Вагнера, А. Я. Данилевскаго, медіума и меня. Сначала сѣли мы за большой круглый столъ, на которомъ горѣла одна свѣча, и вскорѣ получили, обычнымъ азбучнымъ путемъ, требованіе музыки, а потомъ, немного погодя — увѣдомленіе, что за столомъ надо еще оставаться 25 минутъ. Музыка заключалась въ игрѣ механическаго ящика, очень не дурно исполнявшаго 6 пьесокъ. Подъ звуки ея происходили колебанія стола, пристукиванія въ тактъ, стуки въ столѣ и даже — разъ или два — полное небольшое поднятіе стола на воздухъ, но ничего особенно рѣзкаго, такого, что не видали бы мы прежде — не случилось.

По истеченіи назначеннаго времени, перешли ко второй болѣе интересной части опытовъ. Въ амбразурѣ одной изъ дверей висѣла драпировка изъ двухъ половинокъ тяжелаго темно-сѣраго сукна. Среди драпировки устроено было небольшое отверстіе. За драпировкой, въ узкомъ пространствѣ между ней и затворенной запертой на ключъ дверью, стоялъ къ одной сторонѣ маленькій столикъ, другая сторона предназначалась для медіума, сидящаго на стулѣ. Я лично, подъ наблюденіемъ своихъ сотоварищей, принялся связывать медіума бѣлой

полотняной тесемкой въ $^1/_2$ дюйма ширины. Сначала около кисти каждая рука обвязана была тесемкой на столько туго, что скинуть эти завязки черезъ кисть руки не было никакой возможности. Въ этомъ убѣдились мы особой пробой. Обѣ завязки на рукахъ были закрѣплены 4 или 5-ю узлами, потомъ подъ эти завязки была пропущена тесьма и руки стянуты ею вмѣстѣ такъ, что между обвязками рукъ оставалось не болѣе полвершка разстоянія. Длинный конецъ отъ тесьмы, соединявшей руки, проведенъ былъ подъ стулъ, между колѣнъ сидящаго медіума, натянутъ къ правой задней ножкѣ стула, пропущенъ въ отверстіе ея мѣднаго каточка и завязанъ около него; далѣе тотъ же конецъ тесьмы проведенъ къ правому локтю медіума въ довольно натянутомъ состояніи и обвязанъ вокругъ руки, повыше локтя, особымъ узломъ. Отсюда тесьма пошла впереди тѣла поперегъ груди къ лѣвой рукѣ, которая также обвязана была вокругъ выше локтя, а отъ нея тесьму провели сквозь каточекъ лѣвой задней ножки стула и натянули къ ногамъ медіума. Ноги его были обвязаны этой тесьмой повыше щиколки, каждая отдѣльно и, наконецъ, отъ ногъ, тесьма прошла обратно къ завязкѣ рукъ, гдѣ ее и прикрѣпили окончательно многими узлами. Въ такомъ связанномъ состояніи помѣстили медіума со стуломъ на его мѣсто, за занавѣску. На маленькій столикъ за занавѣской положенъ былъ колокольчикъ, нѣсколько кусочковъ чистой бумаги и карандашъ.

Предъ опущенной занавѣской поставленъ былъ небольшой четырехугольный столъ, узкимъ бокомъ къ занавѣскѣ, и около него подковой, примыкавшей своими концами къ самой занавѣскѣ, расположилось на стульяхъ наше общество. У самой занавѣски сидѣли А. Н. Аксаковъ и я,

съ нимъ рядомъ Н. П. Вагнеръ, а со мной А. Я. Данилевскій; дамы помѣстились обѣ рядомъ противъ занавѣски и далѣе отъ нея, чѣмъ мы. Немного спустя, когда явленія были въ полномъ ходу, Аксаковъ и Вагнеръ перемѣнились мѣстами. Свѣча была поставлена въ углу комнаты на столикѣ и затѣнена листомъ картона, такъ что въ комнатѣ царствовалъ полусвѣтъ, въ которомъ однако мы свободно могли видѣть всѣ предметы.

Сначала мы переговаривались съ медіумомъ; на мой вопросъ—не чувствуетъ ли онъ что нибудь—онъ отвѣчалъ отрицательно; но потомъ, чрезъ нѣсколько мгновеній, почувствовавъ приступъ усыпленія, сказалъ: «Oh, ça vient». На дальнѣйшіе вопросы отвѣта не было. Прошло еще нѣсколько мгновеній—и за занавѣской раздался стукъ въ двери. Это не были стуки того трудноопредѣляемаго характера, какіе обыкновенно и большей частью слышатся во время сидѣнія за столомъ—теперь просто колотили въ дверь и звукъ былъ именно таковъ, какъ если бы удары производились суставами согнутыхъ пальцевъ. На вопросъ, хорошо ли освѣщеніе — отвѣтъ былъ утвердительный, тремя ударами; затѣмъ пятью ударами потребована азбука и сложено «mu».... Musique?—спросилъ А. Н. Аксаковъ.—Да! Ящикъ заигралъ и почти тотчасъ сильно заколыхалась занавѣска и между ея половинками, надъ самымъ столомъ, стоявшимъ среди насъ, явилась на мгновеніе небольшая бѣлая рука. Занавѣска колыхалась и рука трогала, сквозь нее, наши руки, трогала ихъ также и прямо въ отверстіи между половинками занавѣски, когда кто нибудь изъ насъ погружалъ туда свои пальцы. Колокольчикъ, бывшій на столикѣ за занавѣской, пришелъ въ движеніе и началъ побрякивать въ тактъ музыки, перемѣщаясь повидимому, сколько о томъ можно было судить по звуку въ про-

странствѣ. Вслѣдъ затѣмъ колокольчикъ упалъ на полъ, и началось шуршанье бумаги и карандаша; возня и стуки прекратились, за занавѣской слышно было писанье. Оно прерывалось только нашими вопросами, отвѣты на которые давались стуками о столикъ то рукой, то карандашемъ. Немного погодя, два листка бумаги появились между половинками занавѣсокъ; одинъ я взялъ, другой упалъ на полъ и былъ мною поднятъ. А. Н. Аксаковъ взглянулъ на листки, вставъ съ мѣста и поднеся ихъ къ свѣчи, и заявилъ, что ничего написаннаго нѣтъ, а есть одни каракульки. Между тѣмъ за занавѣской стучалъ карандашъ и когда догадались, что тамъ нѣтъ болѣе бумаги и спросили о томъ, то получили утвердительный отвѣтъ. Были поданы въ отверстіе и живо взяты новые листки бумаги; опять началось писаніе.

Послѣ мы внимательно разсмотрѣли всѣ четыре листка; на одномъ ничего не было, на другомъ было сдѣлано нѣсколько зигзаговъ карандашомъ, на третьемъ въ углу, написано не крупно «Je», на четвертомъ листкѣ написано явственно и бойко «Jek», менѣе явственно выведена четвертая буква «e» [1]), а потомъ сдѣлано нѣсколько завитковъ. Два изъ этихъ листковъ, съ отмѣткой о происхожденіи на нихъ писаннаго карандашемъ и съ удостовѣреніемъ собственноручными подписями нѣкоторыхъ присутствующихъ, — остались храниться у А. Н. Аксакова.

Прикосновенія продолжались почти во все время, какъ скоро подставляли мы наши руки. Ихъ испытали всѣ мы четверо — мужчины. Прямыя прикосновенія, вообще болѣе быстрыя и преходящія, чѣмъ прикосновенія сквозь сукно — давали однако всѣмъ совершенно опре-

[1]) Это было обычное на сеансахъ Бредифа имя «Jeke

дѣленныя ощущенія. Насъ трогали маленькіе, какъ бы женскіе пальцы, слегка влажные, тепловатые и упругіе, словомъ совсѣмъ живые, натуральные. Вагнеръ и Данилевскій оба могли ощупать при этихъ прикосновеніяхъ ноготь трогавшаго пальца. Рука Вагнера была сильно схвачена сквозь сукно и втянута въ дверную амбразуру, а одинъ разъ рука, непосредственно касаясь руки Вагнера, пыталась снять кольцо съ его пальца, зацѣпивъ его ногтемъ. Мизинецъ Данилевскаго былъ схваченъ полною ладонью этой руки и ногтемъ били по его ногтю. Мой мизинецъ былъ пожатъ сквозь сукно двумя пальцами съ значительною силой; далѣе—и опять сквозь сукно, рука моя была охвачена всей рукой, довольно ясно чувствовались сквозь сукно жизненная теплота этой руки и ея небольшая величина; въ ней замѣтно было какое-то легкое трепетаніе. Стоитъ въ особенности замѣтить ту опредѣленность, съ которой загадочная рука, сквозь занавѣску, попадаетъ именно въ то мѣсто, куда нужно; приложите вы руку съ этой стороны, и она тотчасъ, являясь по другую сторону, быстро и безошибочно прикасается къ вамъ.

Не разъ мы и видѣли руку, мимоходомъ выставлявшуюся между половинками занавѣсокъ. Опредѣленная матеріальность этой руки хорошо выразилась одинъ разъ въ ея сильномъ стуканьи по краю нашего стоявшаго снаружи стола. Это стуканіе было таково, какое произвела бы каждая живая рука, а между тѣмъ одинъ разъ я, закрывъ руку свою кускомъ сукна, погрузилъ ее за занавѣску и ощупалъ руки неподвижно сидящаго медіума: онѣ были въ прежнемъ положеніи, связанныя. Н. П. Вагнеръ раскрылъ однажды половинки занавѣсокъ и ясно видѣлъ связанныя руки Бредифа. Но всего опредѣленнѣе, убѣдительнѣе было слѣдующее явленіе,

устранившее возможность всякаго сомнѣнія и всякую мысль о прямомъ участіи рукъ медіума. Занавѣска съ моей стороны, къ которой сидѣлъ медіумъ, начала приподниматься отъ косяка, собираясь складками, какъ будто поднимали ее рукой извнутри, и въ нѣсколько мгновеній она открылась на столько, что мнѣ и Данилевскому совершенно ясно было видно все тѣло Бредифа и его руки до самыхъ кистей. Голова была склонена на грудь, ничто не двигалось; на рукѣ, повыше локтя, виднѣлась бѣлая тесьма на своемъ мѣстѣ и руки лежали на колѣняхъ, а въ то же самое время изъ-за поднятаго края занавѣски, на уровнѣ головы медіума, выставилась на мгновеніе вся бѣлая кисть маленькой, работавшей за занавѣской руки. Вслѣдъ за тѣмъ то же явленіе повторилось; оно произошло съ тою же опредѣленностію и опять, согласно выраженному мною желанію, показалась рука изъ за приподнятой занавѣски, открывавшей неподвижнаго медіума.

Спустя немного, послышалось пять ударовъ — требованіе азбуки. Сложилось «ta». — Tambourin? догадался кто-то. Три утвердительныхъ удара въ отвѣтъ. Я подалъ было бубенъ въ отверстіе, оставленное между половинками занавѣски, на срединѣ ихъ высоты. Къ нему прикоснулись, но взять не взяли. Я подалъ его тогда пониже, между половинками занавѣсокъ. Бубенъ съ силой былъ у меня выхваченъ и началась стукотня. Не помню, передъ этимъ или въ это время, музыкальный ящикъ мы спрятали было въ столъ, желая болѣе тихой музыки, но стуки вытребовали ящикъ снова на столъ и музыка ящика аккомпанировалась стукотней бубна. По звуку слышно было быстрое перемѣщеніе бубна по всему пространству за занавѣской, по немъ выстукивали подъ музыку пальцами, то принимались вмѣстѣ съ

этимъ стукомъ поколачивать еще бубномъ сквозь сукно по рукѣ моей, то бубенъ выставлялся чрезъ сукно. Тутъ дѣйствовали уже очевидно двѣ руки; движенія бубна были такъ быстры, что страшно было за медіума, который, повидимому, хоть и не слышалъ ничего, но при происходившемъ шумѣ принимался вздыхать во снѣ раза два; маленькій столикъ за занавѣской тоже начиналъ прыгать, выдаваясь своимъ краемъ къ намъ сквозь сукно.

Немного погодя потребована была азбука и сложилось «a, b.». С. А. Аксакова поняла первая фразу прощанія «A bientôt?» спросила она. За занавѣской постучали утвердительно. «Пора кончить сидѣніе?» — и на этотъ вопросъ А. Н. Аксакова послѣдовало то же утвержденіе. Все замолкло. Я немедленно опустилъ руку за занавѣску и ощупалъ завязки на рукахъ Бредифа, сохранившаго совершенно свое прежнее положеніе; завязки были цѣлы. Нѣсколько минутъ спустя, онъ проснулся, заговорилъ и пригласилъ удостовѣриться рукой въ цѣлости тесемокъ. Я отвѣтилъ, что это уже мной сдѣлано.

Занавѣсъ открыли, принесли свѣчу, осмотрѣли медіума. Все было по-прежнему — и его положеніе и всѣ завязки,—сомнѣнію опять не было мѣста. Чтобы снять тесемки пришлось перерѣзать ихъ во многихъ мѣстахъ.

Вотъ правдивый разсказъ безъ искаженій, уменьшеній и преувеличеній. Фактическую достовѣрность всего описаннаго не откажутся, конечно, засвидѣтельствовать и другіе участники. Пусть вѣрятъ намъ или нѣтъ, но найдутся, вѣроятно, и такіе читатели, которые не возвеличиваютъ самонадѣянно и ошибочно значенія человѣческихъ знаній до вѣрнаго опредѣленія того, что́ въ природѣ *возможно* и что́ нѣтъ.

Двѣ недѣли тому назадъ, у насъ былъ тутъ же и

такой же сеансъ, почти съ тѣми же участниками, [1]) и явленія были тѣ-же; рука сквозь занавѣску съ полною опредѣленностью ловила мою и клала ее на руку спящаго Бредифа, придавливая и прихлопывая мою руку къ его рукѣ, и въ то время, какъ я ощущалъ неподвижную руку медіума, происходили разныя явленія. Предъ этимъ сеансомъ мы связали руки Бредифа веревкой, за спиной, но эта завязка была развязана неизвѣстно какъ, лишь только онъ сѣлъ за занавѣску и прежде чѣмъ онъ заснулъ. Впрочемъ, вслѣдъ за тѣмъ руки Бредифа оказались опять связанными, спереди, такъ что онѣ лежали одна на другой. Всѣ эти завязки я увидѣлъ по окончаніи того сеанса, но не освидѣтельствовалъ ихъ достаточно, чтобъ быть вполнѣ убѣжденнымъ въ невозможности освобожденія рукъ: мнѣ все думалось, что ручаться вполнѣ я могу только за ту одну руку, которую держалъ во время явленій. Правда, ея неподвижность говорила въ пользу покойнаго состоянія другой руки, бывшей подъ ней, и мнѣ казалось очень вѣроятнымъ, что и происходившія тогда явленія были неподдѣльны; но полной увѣренности не доставало. Теперь увѣренность эта явилась вполнѣ; скептицизмъ Данилевскаго относительно прошлаго сеанса шелъ гораздо дальше моего: онъ прямо считалъ все обманомъ; но теперь факты осилили насъ, какъ осилятъ они всякаго желающаго узнать ихъ добросовѣстно, не подражая въ этомъ нѣкоторымъ изъ нашихъ собратій, ученыхъ.

Интересно замѣтить, какія странныя неожиданныя сближенія могутъ происходить, когда по поводу фак-

[1]) Тѣ-же, но съ Николаемъ Александровичемъ Львовымъ и Густавомъ Ѳедоровичемъ Фе и безъ В. И. Прибытковой.

товъ, подобныхъ описаннымъ, люди теряютъ способность строгаго сужденія. Одна молодая дѣвица, слушая разсказы о происходившемъ, чистосердечно и насмѣшливо увѣряла, что стоитъ посадить ее за занавѣску, и она все то-же самое сдѣлаетъ своими руками. Одинъ серьезный ученый, справедливо и высоко уважаемый въ своей наукѣ, видѣлъ въ сеансахъ Юма движенія, отклонявшія наружу висѣвшій со стола край салфетки, и увѣрялъ, что это легко дѣлается посредствомъ сжатаго воздуха. И дѣвица и ученый одинаково забывали, — первая, что неподвижность рукъ Бредифа, во время сеанса, не подлежала сомнѣнію, а второй, что для справедливости его объясненія не доставало только снаряда съ сжатымъ воздухомъ. Сходство поучительное!!...

Феномены, здѣсь описанные, носятъ шутливый характеръ, и таковы бываютъ часто—хотя далеко не всегда—явленія медіумическія. Но каковы бы они ни были, признаніе ихъ реальности, неизбѣжное для честнаго наблюдателя,—неизбѣжное въ близкомъ будущемъ для всѣхъ людей — ломаетъ ходячія міровоззрѣнія. И жизнь, и наука будутъ неизбѣжно считаться съ ними. Предъ нимъ рушатся застоявшіеся взгляды на свойства матеріи и возникаютъ новыя понятія о многоразличіи ступеней и формъ бытія.

С.-Петербургъ, 5 февраля 1875 г.

А. Бутлеровъ.

Дѣйствительность фактовъ здѣсь описанныхъ удостовѣряютъ:

А. Я. Данилевскій
Н. Вагнеръ [1]).

---

[1]) Подлинникъ хранится у А. Н. Аксакова.

Издатель.

II.

ПИСЬМО КЪ А. Н. Ю. [1])

С.-Петербургъ, 19 апрѣля 1886 г.

Милостивый Государь,

А—ръ Н—чъ!

Вамъ извѣстно, что я редактирую переводъ сочиненія Гартмана о спиритизмѣ, печатаемый въ журналѣ «Ребусъ», и являюсь такимъ образомъ отвѣтственнымъ предъ лицомъ науки за правильную передачу мыслей этого писателя. Я не могъ, поэтому, не отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ извѣстію о томъ, что не найдено возможнымъ пропустить послѣднюю главу этого сочиненія, написанную Гартманомъ въ видѣ «Послѣсловія» и долженствующую быть напечатанной въ переводѣ по желанію автора. Тщательно пересмотрѣвъ означенное «Послѣсловіе», я убѣдился, что, съ извѣстной точки зрѣнія, то мѣсто, въ которомъ Гартманъ позволяетъ себѣ считать невѣроятнымъ загробное существованіе, можетъ представляться неудобнымъ для печати. Я узналъ, однакоже, что и по исключеніи этого

[1]) Привожу здѣсь это письмо, какъ послѣднее выраженіе мыслей автора о настоящемъ значеніи медіумическихъ явленій.

А. А.

мѣста представляется затрудненіе къ печатанію самаго начала статьи, въ которомъ Гартманъ съ полной опредѣленностью указываетъ на то, что философская его система вполнѣ совмѣстима съ вѣрою въ безсмертіе. Съ своей же стороны я нахожу такое заявленіе Гартмана представляющимъ, напротивъ, драгоцѣнное признаніе этого автора въ томъ, что его философская система, пріурочиваемая обыкновенно къ матеріализму, въ сущности не имѣетъ съ нимъ необходимой солидарности. Такое признаніе можетъ служить только къ ослабленію матеріализма, а борьба съ этимъ ложнымъ и вреднымъ ученіемъ, составляющая мою цѣль, можетъ, я полагаю, разсчитывать на всякую поддержку.

Пользуясь случаемъ, я позволю себѣ высказать въ нижеслѣдующемъ нѣкоторыя общія соображенія по отношенію къ вопросу о медіумическихъ явленіяхъ. Вопросъ этотъ составляетъ достояніе чистаго, положительнаго знанія, такъ какъ весь центръ тяжести его лежитъ въ фактахъ, нынѣ считаемыхъ уже несомнѣнными весьма значительнымъ числомъ авторитетныхъ лицъ. Какъ отрасль фактическаго знанія, вопросъ о медіумизмѣ, подобно другимъ отраслямъ науки, конечно, не можетъ подлежать задержкѣ или устраненію путемъ какихъ либо внѣшнихъ пріемовъ. Совершенно напрасно у насъ привыкли почему-то соединять эту отрасль знанія съ мыслью объ опредѣленномъ религіозно-философскомъ ученіи, какимъ ее дѣйствительно—но совершенно произвольно—сопровождаетъ въ своихъ сочиненіяхъ извѣстный французскій писатель Алланъ Кардекъ. Упомянутое соединеніе основывается на предубѣжденіи и зависитъ всецѣло отъ недостаточнаго знакомства съ предметомъ въ томъ настоящемъ, научномъ его видѣ, въ какомъ онъ разработывается нынѣ не малымъ числомъ

весьма извѣстныхъ и уважаемыхъ англійскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ.

Какъ отрасль положительнаго знанія, медіумизмъ знакомитъ насъ съ новой областью малоизслѣдованныхъ крайне интересныхъ и важныхъ явленій. А затѣмъ, на основаніи этихъ несомнѣнныхъ фактовъ, могутъ быть сдѣланы болѣе или менѣе вѣроятныя заключенія и выводы, между которыми особенную важность представляетъ прямо противоположный матеріализму выводъ о существованіи духовнаго міра и переходѣ въ него человѣка по смерти тѣла. Такое воззрѣніе одинаково хорошо согласуется съ основами самыхъ различныхъ религіозныхъ воззрѣній, вовсе не пріурочиваясь исключительно къ какому либо одному изъ нихъ; всякіе же дальнѣйшіе выводы изъ реальности медіумическихъ явленій будутъ вполнѣ произвольны и могутъ быть сдѣланы лишь на почвѣ суевѣрія, т. е. при такихъ условіяхъ при которыхъ ложныя ученія и вѣрованія нерѣдко находятъ мнимую опору въ основѣ совершенно истинной. Встрѣчаясь съ матеріализмомъ, медіумизму всего легче съ успѣхомъ бороться съ нимъ, такъ какъ онъ противопоставляетъ ему реальные факты, т. е. то самое, на что матеріализмъ мнитъ себя опирающимся.

Такимъ образомъ, по крайнему убѣжденію моему, все препятствующее изученію медіумическихъ явленій и прогрессу серьезнаго знакомства съ ними является не только преградой развитію научнаго знанія, но еще и существенной поддержкой матеріалистическихъ убѣжденій, распространеніе и подкрѣпленіе которыхъ, безъ сомнѣнія, не могутъ быть желательными.

Примите увѣреніе и пр.

А. Бутлеровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Статьи на нѣмецкомъ языкѣ, помѣщенныя въ журналѣ «Psychische Studien».

Неизданныя статьи.

ИЗДАНІЯ А. Н. АКСАКОВА.

Шапари. Руководство къ магнетотерапіи. 1860.

А. Аксаковъ. Раціонализмъ Сведенборга. Критическое изслѣдованіе его ученія о Священномъ Писаніи. Лейпцигъ. 1870.

Круксъ. Опытныя изслѣдованія надъ психической силой. 1872.

А. Аксаковъ. Разоблаченія. Исторія медіумической коммисіи. 1883.

— — Памятникъ научнаго предубѣжденія. 1883.

Гелленбахъ. Индивидуализмъ въ свѣтѣ біологіи и современной философіи. 1884.

— Человѣкъ, его сущность и назначеніе съ точки зрѣнія индивидуализма. 1885.

А. Аксаковъ. Позитивизмъ въ области спиритуализма. По поводу книги Дассье «О посмертномъ человѣчествѣ». 1881.

Э. Гартманъ. Спиритизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Бутлерова. 1887.

Цѣна 2 рубля.

